

В советское время Катаев нигде не афишировал службу у белых, и только в 1942-м при заполнении личной карточки члена Союза писателей на вопрос: “Служил ли в армиях и отрядах, боровшихся против Советской власти?” коротко ответил: “Был мобилизован в 1920 году Деникиным, прослужил 4 дня в западной артиллерийской бригаде, дезертировал”. Эти “4 дня” и “дезертировал” были, конечно, неправдой. В архивах Буниных оказалось письмо от 15 октября 1919-го со станции Валнярка, которое сопровождает пометка Веры Николаевны: “Разбирала письма. Попалось письмо Катаева с белого фронта: “Дорогой учитель Иван Алексеевич, вот уже месяц, как я на фронте, на бронепоезде “Новороссия”. Каждый день мы в боях и под довольно сильным артиллерийским обстрелом. Но Бог пока нас хранит. Я на командной должности — оружейный начальник и команду башней. Я исполняю свой долг честно и довольно хладнокровно и счастлив, что Ваши слова о том, что я не гожусь для войны, — не оправдались. Работаю от всего сердца. Верьте мне. Пока мы захватили 5 станций. Это значительный успех”...

Читайте во второй половине 2015 года на страницах нашего журнала новую книгу Сергея Шаргунова, написанную на основе биографии Валентина Катаева.

НАШ СОВРЕМЕННОК

Журнал писателей России

№6 2015

К 200-летию со дня рождения П. А. Федотова

Появление на художественном небосклоне звезды Павла Андреевича ФЕДОТОВА далеко не случайно. Оно было вызвано насущной потребностью, “мыслями, чувствами, стремлениями”, которыми жило тогдашнее русское общество.

Все уже несказанно устали от античных героев, их подвигов, вообще от античной истории, заполонившей со времён классицизма академическую живопись. В значительной степени тому способствовали и события 1812 года. Патриотические чувства пробудили интерес к своим — национальным, культурным, народным корням. Хотелось говорить не о далёком, хоть и прекрасном, прошлом, но о своей русской, национальной повседневной жизни. Её приметы, ещё вчера считавшиеся “предметами низкими”, не достойными искусства, вдруг сразу оказались в центре художественного внимания.

Искусство Федотова не просто отвечало этим запросам. Он не был бытописателем в привычном смысле этого слова. Его интересовал даже не сам быт как таковой, а царящие в нём нравы, об исправлении которых он мечтал, признаваясь в своей “страсти к нравственно-критическим сценам из бытовой жизни”. В этом смысле он был очень близок к Гоголю, в произведениях которого в правдивых, жизненных образах воссоздавалась широкая панорама подлинной, не прикрашенной России.

Статью Марины Петровой “Народный нравописатель” о творчестве Павла Андреевича Федотова читайте на стр. 267.

Всероссийский конкурс «Самый читающий регион»

20 мая стартовал Всероссийский конкурс «Самый читающий регион» среди субъектов Федерации на звание «Литературный флагман России», призванный оценить и поощрить вклад регионов в развитие литературы в культурном пространстве страны, их усилия по повышению доступности чтения для наших граждан.

Проведение конкурса инициировано Российским книжным союзом, как организатором ключевых мероприятий в рамках Года литературы, при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям. Конкурс «Самый читающий регион» позволит оценить достижения регионов в области поддержки и развития книгочтения, а также составить картину литературной жизни в регионах.

В конкурсе примут участие субъекты Российской Федерации: республики, края, области, города федерального значения, автономные округа. Конкурс предполагает не только оценку статистических, количественных показателей читательской активности и инфраструктуры для чтения, но и учет таких важных аспектов, как богатство литературных традиций региона, активность его литературной жизни, наиболее значимые и интересные мероприятия в рамках Года литературы.

Оценивать заявки участников будет компетентное жюри. В него вошли представители книжного и библиотечного сообществ, общественных организаций, журналисты, литературные критики и писатели. Им предстоит сформировать короткий список претендентов на победу и выбрать трех лауреатов конкурса. Итоги будут подведены в ноябре 2015 года. На церемонии награждения, которая пройдет в Москве, регион, занявший первое место в конкурсе, получит статус «Литературного флагмана России».

Дополнительную информацию о конкурсе «Самый читающий регион» можно получить на сайте Российского книжного союза www.bookunion.ru (www.bookunion.ru/news/vserossiyskiy_konkurs_samyu_chitayushchiy_region) и по телефонам: (495) 775-44-31/32 (контактные лица – Марина Гусева и Наталия Митюшева), e-mail: litflagman@yandex.ru

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Союз писателей России
ООО "ИПО писателей"

Международный фонд
славянской письменности
и культуры

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

Ю. В. БОНДАРЕВ,
А. В. ВОРОНЦОВ,
В. Н. ГАНИЧЕВ,
Г. Я. ГОРЬОВСКИЙ,
Т. В. ДОРОНИНА,
С. Н. ЕСИН,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
М. П. ЛОБАНОВ,
Ю. М. ЛОЩИЦ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
Ю. М. ПАВЛОВ,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
В. Д. ПОПОВ,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
В. В. СОРОКИН,
С. А. СЫРНЕВА,
А. Ю. УВОГИЙ,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ

Проза

- Андрей УВОГИЙ
Сестра луны. Рассказ 3
- Юрий ЛОЩИЦ
Мои домашние святые.
Повесть о детских годах 20
- Сергей МИХЕЕНКОВ
Танец победителя.
Роман-биография 72
- Георгий МАРЧУК
Маргочка. Рассказы 155
- Светлана ЗАМЛЕЛОВА
Павлуша. Рассказ 164
- Николай РОДИН
Сенокос. Рассказ 180

Поэзия

- Александр БОБРОВ
Русский водораздел 16
- Сергей ХОМУТОВ
Не сломались и не отрелись... 67
- Евгений ЮШИН
Плавно река
устремляется к устью 152
- Анатолий ОБЪЕДКОВ
Мне дышится,
как в юности, легко... 162
- Василий МИШЕНЁВ
Ничего себе не требует... 169
- Дмитрий КОВАЛЁВ
Бор. Облака. Стога... 185

Память

- Татьяна ЛЕСТЕВА
У памятной доски 172
- Станислав КУНЯЕВ
Возвращение 176

Очерк и публицистика

- Махмут ГАРЕЕВ
Великая Отечественная война
и фальсификаторы истории 188

Редакция

Приемная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
зам. главного редактора —
(495) 625-01-81

Е. В. Шишкин —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47

С. С. Куняев —
зав. отделом критики,
отдел поэзии —
(495) 625-02-81

Отдел публицистики —
(495) 625-30-47

Е. Н. Евдокимова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71,
факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —
зав. техническим центром —
(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Виктор КОЖЕМЯКО
Жертвы нового нашествия 218

Виталий РАДЗИЕВСКИЙ
От вражды к единству 226

Иван ЧАРОТА
Реальное против идеального 244

Василий КОКОРЕВ
Россия не государство,
а Вселенная 258

Мозаика войны

Правда Борьбы и Победы 198

Критика

Виктория КУЗНЕЦОВА
Религиозные смыслы
А. Твардовского 261

Марина ПЕТРОВА
“Народный нравописатель” 267

Александр ЯРОВОЙ
Традиция Шевченко
в творчестве Бориса Олейника 280

В конце номера

Светлана ЗАЙЦЕВА
“Поэт русского
простоародья” 287

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией при условии, что объем рукописи по прозе — не менее 10 а. л., поэзии — 5 а. л., публицистике — 3 а. л. Срок хранения рукописей прозы 2 года, поэзии и публицистики — 1,5 года. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов

Операторы: Е. Я. Закирова, Н. С. Полякова

Корректоры: С. А. Артамонова, Н. А. Павлова

Журнал зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.

Подписано в печать 01.06.15. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 22,9. Заказ № 640-2015. Тираж 6000 экз.

Адрес редакции: Москва, 127994, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

Адрес электронной почты: n-sovrem@yandex.ru

(Рукописи по электронной почте не принимаются)

Адрес сайта в интернете: www.nash-sovremennik.ru

Отпечатано в АО “Красная Звезда”, 123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38.

Тел.: (495) 941-28-62, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62 www.redstarp.ru e-mail: kr_zvezda@mail.ru

АНДРЕЙ УБОГИЙ

СЕСТРА ЛУНЫ

РАССКАЗ

За окном расплывался и таял круг луны с лошадиной на нём головой. Мягкая, словно масляный ком, луна была всюду, куда бы Янов не переводил свой измученный взгляд: и в ночном небе, и в водянисто мерцавшем стекле, где диск луны вытягивался и двоился, и на потолке, по которому медленно двигались, а потом возвращались на место желтевшие лампы, и даже на кафельных стенах палаты, лоснящихся в масляных бликах луны. Луна проникала повсюду; даже если над Яновым наклонялась сестра, чтоб измерить давление или сделать укол, её голова озарялась опаловым нимбом луны, сестра и сама превращалась в луну — и лицо, и прохладные руки её были словно из лунного света.

Здесь, в отделении реанимации, Янов больше жил ночью, чем днём: ночью в нём обострялись и мысли, и чувства, именно ночью он начинал жить в напряжённо-горячем мире, так не похожем на скучные сумерки дня. То, что происходило днём, он воспринимал, словно тягостный сон, от которого очень хотелось, но нельзя было пробудиться. Днём его окружали десятки назойливых лиц — равнодушных, участливых, бодрых, скучающих, всяких, днём была то тошнотворная боль перевязок, то переезды в рентгенкабинет и обратно, днём бёдра и плечи саднили от множества разных уколов — день был наполнен той беспокойной морокой, которая называлась борьбой за жизнь. “Уж лучше бы, — думал он иногда, — мне быть не доктором, а бомжом из дорожной канавы: давно бы уж помер без лишних мучений...”

УБОГИЙ Андрей Юрьевич родился в 1963 году в Калуге. Хирург. Автор нескольких книг прозы. Пишет также критические статьи. Член Союза писателей России. Член Общественного совета журнала “Наш современник”. Лауреат премии имени В. В. Кожина за 2004 год. Живёт в Калуге.

А за его жизнь боролись, и Янов никак не мог объяснить тем, кто трудился над ним, до чего же ему опостылела эта вся суета и возня и как он хотел одного: тишины и покоя. Но он понимал, что эта морока нужна уже не столько ему самому, сколько тем людям, для которых борьба за чужую жизнь была значением и смыслом собственной жизни. Янов и сам был таким: он почти тридцать лет отработал хирургом, занимаясь тем, что кого-то спасал, не размышляя о том, зачем он это делает и что будут люди, спасённые им, делать с собственной, вновь им подаренной, жизнью?

Лишь к ночи, когда залы реанимации становились пустыми и гулкими, а за окном поднималась луна, существование Янова обретало смысл само по себе, и он уже не боролся за жизнь, а собственно жил. Луна волновала и успокаивала одновременно: лунный свет будоражил, томил, он преследовал Янова даже за тонкой преградой зажмуренных век, но он же снимал с души некий мучительный груз, помогал отказаться от тяжкого бремени существования и свободно поплыть, наконец, по течению жизни. Желанная и бесконечно чужая, ко всем благосклонная и равнодушная к каждому, луна наступала его, неустанно преследуя Янова каждую ночь, но ускользала от всяких попыток приблизиться к ней, растекалась обманно и неуловимо, как её собственный, зыбкий и призрачный свет.

Он жил теперь от луны до луны, от момента, когда в раме окна поднимался её багровеющий диск, до минут, когда её бледно-молочная клякса уже уплывала из глаз, оставляя лишь полосы лунного света на лаковой глади ночного стекла.

Или всё-таки Янов с таким нетерпением ждал не луну, а ту, которая всегда приходила с ней вместе? Появление Инны таинственно совпадало с восходом ночного светила: словно медсестра Инна была неотлучною спутницей или сестрой луны. Рассудком-то он понимал, что дежурить так часто она не могла; но ведь и луна появлялась не по расписанию — час восхода её постоянно менялся — и Янову, не вникавшему в эти загадки, было довольно того, что его встречи с Инной проходят под пристальным взором луны.

Инна была и сама круглолицая, полная и белокожая, словно луна. То, что она заступала на смену, Янов чувствовал, даже не видя её: по тому беспокойству, что вдруг охватывало его, и, как ни странно, по чувству покоя, которое ощущимо густело вокруг, в гулком воздухе реанимации. Эти два состояния — возбуждение и успокоение — Янов испытывал одновременно, несколько не удивляясь их сочетанию (он вообще ничему уже не удивлялся), но болезненно наслаждался тем обострением чувства собственного существования, что всегда приносила с собой медсестра с круглым белым лицом и живыми глазами. Ещё до того, как лицо Инны всплывало над ним, Янов слышал её, Инны, смех и её грудной голос: она обсуждала с подругами новости: “Да ну, тебя! Людка, врётся”. — “Вот ей-Богу, Инусик, чтоб я провалилась!” — и голос Инны был полон жизни, а голоса тех, кто сдавали ей смеху, казались уставшими, словно пустыми.

После смеха и голоса Янов слышал шаги — очень лёгкие, быстрые, несмотря на её полноту, — и по залу реанимации будто протягивал ласковый ветер. “Вот сейчас, — думал Янов, волнуясь, — она измеряет давление этому, который на аппарате, а сейчас подойдёт и ко мне...” Он угадывал с точностью до секунды: над ним появлялся её светлый лик, глаза, чуть сощурясь, смотрели с живым интересом, и Инна ему говорила:

— Как дела, доктор? Сегодня вы, кажется, повеселее...

Смысл её слов был неважен — Янову нужно было лишь слышать её грудной голос да видеть взгляд карих ласковых глаз. При появлении Инны Янов испытывал помутнение рассудка. Он забывал, где находится, что с ним и зачем наклонилась над ним эта юная женщина; он сознавал только то, что Инна здесь, рядом, и что он так хочет коснуться её — как никогда не хотел никого. Непроизвольно он тянул к ней худую, дрожащую руку, Инна ловко перехватывала её и укладывала обратно на койку, и ему казалось, что медсестра так же неуловима и вездесуща, как лунный свет, что колышется всюду: в окне, во флаконе с раствором, и в этих янтарных, насмешливых женских глазах...

Пока Инна переворачивала его с боку на бок, меняя пропотевшую, смятую простыню, молочные, лунные груди сестры колыхались над Яновым: тесный лифчик не только их не скрывал, но как будто нарочно выталкивал в вырез халата. Янов не знал, сколько времени Инна перестилала его постель и протирала резко пахнущим спиртом костлявую спину, на которой измятая простыня отпечатала сине-багровый рисунок; ему, для которого время текло теперь совершенно иначе, казалось, что Инна всегда, сколько он себя помнит, над ним колдовала и погружала его в состояние сна наяву. Порой даже казалось, что она вот-вот ляжет к нему, и он весь напрягался, опасаясь и в то же время желая, чтобы это случилось.

— Та-ак, с этим управились! — весело говорила сестра. — Теперь ставим катетер...

Так бесцеремонно и просто с мужским органом обращаются лишь медицинские сёстры. Из-за вздутого живота Янову не было видно, что именно делает Инна; но он чувствовал, как она крепко схватила его неотзывчивый уд, сжала и потянула — и у Янова перехватило дыхание от жгучей боли, бесцеремонно и туго входящей в него. Он зажмурился и застонал. Инна крикнула:

— Доктор, терпи!

То облегчение, что наступило потом — огромное, сладко-постыдное, напоминавшее раннее детство, когда он мочился в постель, — было наградой за пережитую боль. А Инна, как некогда мать, смотрела с насмешливой лаской.

— Четыреста граммов — неплохо! — смеясь, говорила она.

Теперь его всё сильнее клонило ко сну, как после близости с женщиной. Но даже во сне ему виделась Инна, точнее, те женщины, которых он некогда знал и любил, и которые — все до единой! — были сейчас, словно сёстры, похожи на лунную эту сестру. Инна не только не вытесняла из его потревоженной памяти всех остальных, но как будто бы их приводила с собой, оживляя всё то, что с ним было когда-то. Словно факел горел в душе Янова, озаряя тревожным, мечущимся светом всё то, что, казалось, давно погрузилось во тьму...

Прошлая жизнь, как она представлялась ему, становилась всё меньше и всё тяжелее. Даже не верилось, что он её всё-таки прожил, что он пятьдесят почти лет нёс её груз, потому что лишь только теперь он вполне ощутил её страшную тяжесть. Знай он раньше, какой она будет тяжёлой, сумеет в самом начале почувствовать то, что почувствовал в самом конце, он навряд ли прошёл бы свой путь.

О том, что жизнь есть борьба, он догадался давно, ещё в самом начале. Детские, а потом подростковые ссоры и драки составляли, как он сознавал, едва ли не главное содержание жизни, её откровенную, грубую суть. Доказать своё право на жизнь, одолеть остальных — вот что было важнее всего; и когда, уже в школе, Янов услышал слова “борьба за существование”, он принял их как бесспорную и давно известную истину.

Но всё было гораздо сложнее. Янов всегда смутно чувствовал, что его главный противник в борьбе, отнимающей все его силы, — он сам. И если одолеть соперника в драке или каком-нибудь состязании ещё было возможно, то как победить себя самого в борьбе, где победа неотличима от поражения? Он вполне сознавал всю трагедию этой великой борьбы лишь теперь, оказавшись так близко к смерти. Страдания так истончили и тело, и душу, что он стал видеть себя как будто со стороны, уже не участвуя в собственной жизни, но зато понимая её с такой простотой и силой, которая прежде была ему недоступна.

Например, та болезнь, что привела его в реанимацию, — разве это не результат той же самой трагической схватки с собой? Некроз поджелудочной железы, её аутолиз — то, что вызвало тяжелейший перитонит, — разве это, думал он, не пожирание себя самого, не победа себя над самим собою?

Всю жизнь он боролся с собой, изнывая под тяжестью этой борьбы, и догадываясь, что она завершится лишь только его, Янова, смертью. Всю жизнь он нёс груз себя самого, и этот мучительный груз был для него тяжелее, чем груз всего мира.

Вот только работа да ещё — в юности — спорт помогали хотя бы на время избавиться от ощущения этого гнёта. Изнурение беговых тренировок, а потом операций, дежурств, бесконечной больничной работы, как ни странно, смягчало то чувство вины и тревоги, с которыми Янов являлся на свет. Поэтому, особенно в молодости, когда сил было больше, Янов порой относился к себе, как к врагу, которого надо измучить как можно сильнее, чтоб, в награду за это сражение с собою самим получить перемирие и передышку. Даже тренер, случалось, ему говорил: “Ты бежишь всегда так, словно это последний забег в твоей жизни. Ты что, хочешь сам себя поскорее угробить? Полегче бы надо, дружище...”

Потом, уже став хирургом, он перенёс свои битвы с собой на иные поля, но они не стали от этого ни безмятежней, ни легче. Он работал так много, так часто дежурил, да ещё брал подработки в других больницах, что ему случалось по несколько суток подряд не бывать дома. Первая жена ушла от него очень быстро, вторая ещё как-то терпела, но сам себя Янов не ощущал человеком семейным. Дома он только ел или спал да ругался с женой, а по-настоящему жил лишь в больнице. Янов и не разводился-то со своею второю женой оттого, что чувствовал: он настолько внутри себя одинок, что ему всё равно, есть ли рядом жена, или нет никого. И вообще, ему нужна была не жена, не любовница, а нужны были все женщины сразу, нужна была сама женственность как таковая.

И вот только в больнице, среди медсестёр он подходил к этой женской стихии так близко, как только возможно. Сейчас, в полусне-полубреду, он представлял всех сестёр, которых он знал, в образе как бы единой, но принимающей множество разных обличей любовницы. Она была сразу и юной, и зрелой, смуглой и белобрысой, застенчивой и нагловатой, то броско-красивой, то скромно-невзрачной, и Янов и сам толком не понимал, кто же именно ему сейчас снился, но ощущал, как его окружает желанная и колдовская стихия, без которой он не мог жить. Именно в женщинах содержалась манящая тайна покоя и самодостаточной полноты, на которой, как чувствовал Янов, держался весь мир. Он-то сам в этом мире был лишь сомнительной и беспокойной прибавкой, поэтому ему и приходилось доказывать своё право на жизнь, в котором он сам был не очень уверен.

А вот женщины были настолько самодостаточны и полноценны, как будто они себе взяли весь покой мира, ничего не оставив мужчинам. И чем беспокойней, тревожнее Янов себя ощущал, тем сильнее его влекло к женщинам. И даже сейчас, когда он оказался меж жизнью и смертью, он чувствовал, что спасение — в сёстрах, в тех, кто за ним здесь ухаживал, перестилал и кормил, кто делал уколы и клизмы, и к кому он доселе испытывал тягу желания.

Но сильней, откровеннее всех он желал Инну. В её белом округлом лице и смеющихся карих глазах, в её теле, которое пахло полыньёю и мёдом, в её грудном голосе и прохладных руках заключалась как будто вся женственность, как таковая, было то, что он, Янов, искал во всех женщинах, а теперь нашёл в Инне.

...Какие-то очень знакомые звуки врывались в его забытё и мешали ему. “Что это? Сердце?” — думал он, даже не слыша, а чувствуя, как туго, ритмично толкается что-то в окружающей его тьме. Он ощущал содроганья и вздохи ночного пространства, и это его волновало; но эти ритмичные звуки были гораздо сильней толчков сердца или той мерной капли растворов, что круглые сутки вливали ему в подключичную вену. Казалось, что это, ритмичное и торопливое, происходит внутри самой ночи — в той её сердцеvine, где плавилась бледная клякса луны.

Сознание Янова не догнало того, что уже понимала душа: где-то здесь, рядом, — скорее всего, вот за этой перегородкой, что отделяла залу реанимации от сестринской комнаты, — происходила напористо-грубая близость мужчины и женщины; именно эти бесстыдно-ритмичные скрипы и вздохи так мучили Янова, не позволяя ему погрузиться в бездумную мглу забытья. Мерещилось, что он тоже участник того, что сейчас происходит в ночи.

Но потом он увидел, что рядом с ним нет никого. “Где же Инна?” — он даже привстал на локтях, чтоб окинуть глазами палату. Но её не было ни за столом, ни возле соседа, за которого мерно дышал аппарат, ни у окна, ни у шкафа с лекарствами — ни в одном из привычных для Янова мест. “Значит, там, за стеной, так вздыхает — она?” — наконец, угадал он источник тех звуков, что вдруг разбудили его. Чувство ревности с неожиданной силой сжало Янову сердце. И в тот же миг он почувствовал, сколько же в нём ещё жизни, раз он способен испытывать ревность и боль, и желать сейчас Инну с такою мучительной силой, что ему пришлось стиснуть зубы и застонать от тоски и обиды.

Ритмический шум за стеной тотчас стих. Послышался сдавленный смех, потом грохот упавшего стула и хрипящая ругань мужчины, а потом торопливо зацокали туфли. Инна, на ходу оправляя халат, вошла в залу реанимации и, как ни в чём не бывало, спросила:

— Что с вами, доктор?

Истома и возбуждение были сейчас перемешаны в ней. Инна словно плыла в мягком облаке: ватные ноги ещё чуть дрожали, но руки двигались сами собою, с привычной, решительной точностью. Шприцы, ампулы, стойки капельниц и флаконы растворов — всё возвращало рабочий настрой. Инна всегда жила лишь настоящим, тем, что делала здесь и теперь; даже недавнее прошлое вытеснялось конкретностью сиюминутного и становилось далёким, почти нереальным.

Вот и сейчас она вспоминала о том, что у них было с доктором Муровым, как о чём-то приятном, но уже отдалившемся в прошлое. “Да, кобель ещё тот...” — улыбалась она, вспоминая могучее, рыжей шерстью поросшее тело и громадные руки, в которых даже её, Инны, груди казались не очень большими. Ей Муров не то чтобы очень уж нравился — такие огромные, грубовато-напористые мужики скорее пугали её, — но она понимала: ему отказать невозможно. Когда он смотрел на неё откровенно и весело, нагло, то по коже бежали мурашки, жар поднимался в ней от колен до живота, и Инне хотелось самой, чтоб мохнатая, жадная эта рука поскорее сдавила ей грудь. Как настоящую женщину, её больше всего возбуждало мужское желание; близость с Муровым была как бы частью дежурства, тем ритуалом, без которого не проходила почти ни одна её ночь в реанимации.

Но спроси сейчас Инну: “Он что, твой любовник?” — она бы, скорее всего, рассмеялась. Он был просто мужчиной, она — просто женщиной, и, сойдясь вместе ночью, да ещё возбуждённые общей работой, они просто хотели друг друга. Даже мысли о том, чтобы встретиться где-нибудь вне больницы, не возникало ни у него, ни у Инны. Их отношения были так же просты, как проста смерть в отделении реанимации, где они оба работали, и никто не хотел усложнять неподдельной и грубой первичности их отношений.

Теперь, когда близость была позади, и о ней напоминала лишь слабость в коленях да приятная, тёплая тяжесть внизу живота, всё внимание Инны было занято доктором Яновым, который лежал перед ней обнажённый, весь в мокрых повязках и дренажах, и тихо постанывал, то сжимая, то разжимая худые свои кулаки.

— Сейчас-сейчас, — торопилась она набрать в шприц лекарство. — Сейчас, мой родной, полегчает...

Она редко кого так жалела, как этого доктора с умным, страдающим и измождённым лицом — хирурга, который третью неделю лежал у них с тяжёлым панкреатитом, уже перенёс операцию и до сих пор не мог ни умереть, ни пойти на поправку. “Хороший мужик, настоящий”, — подумала Инна о Янове, сама толком не понимая, что значит для неё это слово, но твёрдо зная, что мужчина и должен быть только таким — настоящим. “А Муров что же, не настоящий? — спросила она у себя, и сама же ответила: — Нет, и он настоящий, но только другой”.

Янов нравился ей даже больше, потому что его было жалче. Ей нравилось то, как он терпит боль: как он до хруста сжимает свои кулаки, и каким напряжённым и злым становится в эти минуты его лицо. А когда боль, наконец, отпускала — как сейчас, после укола, что сделала Инна, — Янов

смотрел на неё благодарно, печально — глазами, какими, пожалуй, ещё никогда и никто на неё не смотрел. “Гляди, девка, — усмехалась она сама над собой, — так и влюбитесь недолго...” Она безошибочным женским чутьём ощущала какую-то странную силу, что исходила от этого изнурённого и физически совершенно бессильного человека. В глазах Янова читалась какая-то важная мысль, понять которую Инна ещё не могла, но само присутствие этой мысли наполняло её благодарностью и уважением к Янову. Инна, красивая сильная тридцатилетняя женщина, порой ощущала себя рядом с ним девочкой, глупой и беззащитной, и Янов казался ей в эти минуты почти что отцом, способным её защитить и утешить. А порой Янов, напротив, казался ей маленьким мальчиком, которого надо было утешить и накормить, поменять под ним мокрую простыню, мальчиком, не способным никак обойтись без её попеченья, заботы и ласки.

Как эти разные отношения к Янову в ней сочетались, как она видела в нём одновременно мужчину, ребёнка и старика — Инна не думала и не видела в этом противоречия. Её женское сердце вмещало такое, чего ум, даже самый глубокий, никогда бы не смог объяснить. Так, она безошибочно знала — и опять не умом, а глубинным чутьём, — что она очень нравится Янову и что он её хочет: именно в самом прямом, грубом смысле, как бы это ни было странно для человека, который находится между жизнью и смертью. Но уж кто-кто, а Инна всегда ощущала желание мужчины, если мужчина был настоящим, как бы он ни старался его подавить или скрыть. Она ощущала мужское желание, словно некий призыв, на который нельзя не откликнуться, или, точнее, как волну, колыхнувшую мир вокруг Инны. Вопрос был только в силе желания, в высоте этой самой волны — поднимет ли и понесёт ли она Инну, как щепку, или только слегка покачнёт? — а то, от кого именно эта волна исходила, как выглядел, что собой представлял человек, возбуждавший её, Инне было не так уж и важно. Вот Янов, как он был ни слаб, поднимал волну редкой силы.

К тому же, опыт работы в реанимации ей говорил, что как раз те, кто приблизился к смерти, нередко исходят такою прощальной тоскою желания, что Инне, которая лучше других ощущала в мужчинах безмерную эту тоску, становилось мучительно жаль уходящих навеки мужчин. Само страдание в них — самых лучших и настоящих — порой переплавлялось в желание, в ту необъяснимую тягу к ней, Инне, которую она безошибочно распознавала. Но лучшие — вот такие, как Янов! — и уходили-то, что было обиднее и несправедливей всего, с такою жестокою неотвратимостью, словно смерть, как ревнивая жадная баба, отбирая себе самых лучших, снова и снова смеялась над Инной: ну, что, мол, подруга, опять я тебя оставляю ни с чем?

“Вот помрёт он, — вздыхала сестра, поправляя повязки на вздутом, тугом животе, — и настоящих-то мужиков совсем не останется...” Ну, кто, в основном, лежал у них в реанимации? Алкоголики да наркоманы или выжившие из ума старики, да и те задерживались здесь ненадолго. Побудут сутки-другие — и их, оклемавшихся, либо переводят на нижние этажи, либо, завернув в простыню и привязав к ноге бирку из жёлтой клеёнки, отвозят в одноэтажное здание morga. “А Муров? — спрашивала Инна саму же себя. — А что Муров? Он женат, и с ним мне не светит... да и какой из него, к чёрту, муж? Он только и думает, как бы кому засадить... Вот если бы Янов поправился — дело другое. Господи, как же мне надоело одноразовые мужики!” Пока её руки работали, поток мыслей уносил её далеко, но она всегда ощущала присутствие Янова и его умный, внимательный взгляд. Даже когда она вспоминала о дочке, о матери или о тех, с кем судьба ненадолго сводила её — на день, на неделю, от силы на месяц, — Янов был всегда рядом и словно бы одобрял или не одобрял то, о чём она думала. Вот такого бы ей, кто её понимал даже лучше, чем она понимала себя, — а себя-то саму она, честно сказать, вовсе и не понимала, а просто жила, как живётся, — вот такого бы ей, кто бы смог объяснить всё на свете, как озарил бы её женские сумерки своим ясным, мужским, беспокойно-страдальческим смыслом...

Но она уже знала, что чуда не будет, что судьба обрекла её лишь на проводы тех, кто ей был так нужен. Янов снова зажмурился и застонал, и ей

пришлось звать доктора Мурова, чтобы решать: что же делать с больным?

Муров пришёл, навис над больным всей громадной тушей, посмотрел язык, пульс, осторожно пощупал живот и, вздохнув, сочувственно пророкотал:

— Что, брат, херово?

Янов кивнул, продолжая натужно вздыхать. Муров могучей своей пятернёй почесал рыжую бороду, сказал Инне, что нужно добавить в капельницу, но оставался задумчивым и недовольным. Похоже, у Янова продолжался перитонит, и было не обойтись без повторной ревизии.

Наутро созвали консилиум. Приехал даже Абазов, главный хирург Управления. Несомненно, Янову стало хуже. Его лицо посерело, щёки запали так, что сквозь них проступали зубы, а отчуждённо-горячечный взгляд плавал по лицам врачей, что пришли на консилиум, никого из них уже не узнавая.

Как это бывает в случаях самых тяжёлых, говорили и спорили мало. Всем было ясно: если даже брать Янова на повторную операцию — шансов немного; но и оставить его помирать просто так, без попыток спасти, тоже было нельзя.

— Значит, ревизия, — вздохнул, протирая очки, старый толстый Абазов. — И не откладывая, прямо сегодня...

...Янов видел, как стены куда-то поплыли; видел, как по потолку скользят лампы, а потом слышал гудение лифта. Но он не был уверен, что это совершается с ним не во сне, а в реальности. Гораздо реальнее, ощутимей и ярче были видения прошлого, которые не отпускали его. Главное, боль стала много слабее и уже позволяла свободно отдаться воспоминаниям. То, что было в реальности, — эта сиявшая многоглазая лампа, этот стол, неудобный и узкий, на который зачем-то его перетасили, эти ремни, которыми прихватили руки и ноги, — это всё происходило как будто не с ним, а с другим человеком. Само же его существо было вовсе не здесь, а в той давней ночи из прошлого, которая вытесняла реальность с уверенной силой. Янов видел, как вокруг ступают сумерки, как восходит над дальним лесом луна, слышал скрипучий, надрывистый крик коростеля в туманной низине и пытался схватить то податливо-мягкое женское тело, которое всё ускользало от торопливых рук Янова, но не исчезало, а продолжало наполнять собой сумерки.

— Дурак, платье порвёшь, — слышал он в темноте её шёпот и смех и продолжал жадно мять то живое и тёплое, что окружало его так же зыбко и неуловимо, как лунный свет.

Волны хмеля качали его, молодого студента; к нему приближались то мелко-колючие звёзды, то колеи мягкой дороги, все в рубцах от колёс, то рядки ячменя на сухом, пыльном поле, краем которого он, спотыкаясь, куда-то брёл со случайной и тоже хмельною подружкой. Как её звали? Но это всё было неважно: ночь не имеет ни имени, ни границ — в ней есть только тайна, которая так же неуловима, как мягкое женское тело, как глупый и радостный смех, как призрачный свет дынно-жёлтой луны...

В этом свете всё было видно, как днём: их общая длинная тень, которая словно боролась сама же с собой на траве, седой от росы, и дорога в рубцах от колёс и от тракторных траков, и тени раки, серебрищихся в свете луны. Но чем отчётливей Янов видел всё это, тем менее он понимал: кто он таков, что он делает здесь и что с ним происходит? Зачем так смеётся и дышит горячая мягкая тьма, почему она льнёт к нему — и ускользает, то борется с ним, то поддаётся ему?

— Нет, я на землю не лягу, там твёрдо, — шелестел её голос и смех. — Ложись лучше ты...

И вот он лежал, опрокинутый навзничь, на жёсткой земле, и несколько лун расплывались, качались над ним. Он не понимал, какая из лун настоящая, а какая — лицо или полная женская грудь? Эти луны то плыли по кругу — точь-в-точь, огни лампы, что ярко сияла над ним, — то сливались в одну. Луна приближалась и отдалялась, то становилась огромной и вытесняющей всё остальное, то маленькое и едва различимой. Янов знал, что приблизиться к ней — для него вопрос жизни и смерти; и он изо всех своих сил, задыхаясь от спешки, старался настичь, наконец, свою цель. Руки и ноги его были чем-то прихвачены, сверху давила огромная тяжесть, и даже дышать

было трудно. Напрягаясь всем телом, он рвался, хрипел, выгибался дугой, но луны, что плыли над ним, были недостижимы. Волна за волной поднимала его обречённое тело — он бился о стол и о жёсткую землю, — пока темнота не взорвалась над ним, и луна не погасла...

Инна шла на дежурство с волнением, для себя непривычным, сама не понимая источника этой странной тревоги. Дома всё шло, как обычно: дочь росла, мать пила да ругалась, денег до зарплаты как будто хватало — Михаил, бывший муж, алименты выплачивал, — так что бытовых, очевидных причин для тревоги как будто и не было.

Разве что вот закат был сегодня особый. Багряное пламя его охватило треть неба, и стаи галок носились над крышами города, так тревожно мелькая на фоне заката, словно это были не птицы, а сажа пылавшего где-то за горизонтом пожара. Отчего-то вот именно нынешний день не хотел угасать так смиренно и тихо, как это было обычно, но боролся с густеющей тьмой, хоть и ему самому уже было ясно, что он обречён.

Инну не оставляло странное чувство, что она тоже участвует в этом сражении между ночью и днём, что сейчас развернулось на небе и чьи багровые отсветы отражаются в скатах крыш и витринах, в пылающих окнах и даже на лицах людей, что шагали навстречу. За те полчаса, что она шла до больницы, в небесном сражении наступил перелом: синева на востоке поблекла, как взгляд человека, который смертельно устал, и поэтому больше не может сражаться за жизнь. А закат из ярко-багряного стал венозным и тёмным, густым, оплывающим на землю, чтобы здесь, среди домов и теней, превратиться в тревожные сумерки.

Инна несла в себе часть этих сумерек, этой тревоги. Вообще всё последнее время с ней что-то происходило. Прежде спокойная и жизнерадостно-лёгкая, утешавшая всех окружающих ровным, отходчивым нравом, теперь Инна сама себя не узнавала. В ней появилось то чувство тревожного недовольства собой, что прежде ей было не свойственно. Можно было подумать, что в ней, в глубине её существа, поселился другой человек и что Инна теперь видит мир не своими, привычными, а совершенно иными глазами.

Вот и мысли, которые прежде её посещали нечасто, — не те бытовые и мелкие мысли, что пляшут в любой голове, а мысли глубокие, выразившие недоумение перед жизнью и перед самою собой, — эти мысли, словно незваные гости, являлись одна за другой, и Инна не знала, что с ними делать. Так, она думала: “А зачем я живу? И зачем живут все остальные?” — и никак не могла отвязаться от этих назойливых и безответных вопросов. Раньше, спроси её кто-то о чём-либо подобном, она лишь отмахнулась бы, как от досадливых мух, от таких глупостей, и жила бы такою же самодостаточной жизнью, как прежде, — жила тем полнее, уверенней и самозабвенней, чем меньше её занимали вопросы о смысле и цели собственной жизни.

Можно было подумать, что прежде она не жила, а дремала, была погружённой в глубокий и сонный покой непосредственной жизни — жизни самой по себе и самой для себя, — но вдруг неожиданный внешний толчок её разбудил. Она сама толком не помнила и не понимала, что именно это был за толчок, но с изумлением и почти что со страхом ощущала в своей душе как бы и новую, беспокойно-тревожную душу.

Даже пьяница-мать, уж на что была невнимательна — и то как-то заметила:

— Ты какая-то, Инка, другая. То ходила, как сонная клуша, а теперь, ишь, как глазки блестят! Мужика себе нового, что ли, нашла? Насквозь тебя вижу!

Инна ничего ей на это не отвечала — не ругаться же с пьяной старухой? — но щёки её покраснели, и сердце забилося сильнее. “Да что со мной, Господи? — недоумевала она. — Никакого нового мужика у меня не появилось — Муров не в счёт! Не влюбилась же я, в самом деле, в этого доктора, что лежит у нас в реанимации?” Но сердце, которое билось всё чаще, само подсказало ей: да, дело в докторе Янове. Именно он её разбудил, передал ей то чувство тоски и тревоги, и те новые, ей непривычные, мысли, от которых Инна уже не могла освободиться. Ей даже казалось: всё это было в

ней изначально, но только в каком-то дремотном, ещё не проявленном виде, и только тревожный, страдающий, умный взгляд доктора Янова смог пробудить в Инне её собственную душу.

Она теперь видела всю свою прежнюю жизнь как какую-то полу-жизнь, как глубокую дрему. Её иногда пробуждало от этого сна — и то ненадолго! — лишь появление очередного мужчины, которого Инна сторяча принимала за настоящего, но который оказывался, как и все остальные, подделкой.

— Потаскуха! — кричала ей пьяная мать. — Что ты их перебираешь, как тухлые помидоры на рынке? Мужик — он стодитя любой, лишь бы нёс в дом, а не из дома...

Но она не могла жить с любимым, хоть и слыла среди сплетниц-подруг податливой и безотказною бабой. Ей был нужен один — настоящий! — которого Инна ждала и искала всю жизнь. Поэтому, в глубине своего существа, она ощущала себя почти целомудренной, как бы ни хохотали подруги, если бы Инна призналась им в этом.

Вот и сейчас, пока шла на работу, она даже не могла ясно вспомнить никого из тех многих мужчин, кому ей случалось отдаться. Все они как-то сливались в памяти во что-то вялое, вечно похмельное или хмельное, то озлобленно-мелкое, то ревнивое или скупое — в нечто, словом, такое, о чём не хотелось и вспоминать. Отчётливо, ясно ей виделось только одно: лицо доктора Янова, то, как он смотрел на неё восхищённым, страдающим взглядом, под которым Инна казалась себе совсем маленькой девочкой, только ещё начинающей жить и уверенной в том, что всё в жизни будет прекрасно...

Первое, что ей сказали, когда она передевалась в сестринской комнате, было:

— А твой-то, Инусь, совсем стал плохой.

— Что так? — спросила она, чувствуя, как похолодели её кисти рук.

— Его же ещё раз брали на операцию, знаешь? Ну, вот, — рыжая Ольга, сдававшая смену, была возбуждённой от усталости и недосыпа. — А теперь он никого не узнаёт и плохо держит давление.

— Дышит хоть сам?

— Пока сам...

Инна вдруг ощутила странное чувство вины, прежде ей незнакомое, — вины не за какой-либо конкретный проступок или ошибку, а той изначально, глубинной вины, в которой лично она была вроде бы и не виновата, но всё равно ощущала её беспокойным, томящимся сердцем. И опять ей казалось, что это уже не её, а чужая душа оживает, волнуется в ней.

Стараясь не выдать волнения, она подошла к койке Янова, но посмотрела сначала не на него, а на дренажи, что свисали с кровати, на стойку капельницы и на манжету тонометра, что чернела поверх одеяла. Ей пришлось сделать усилие, чтоб посмотреть на изжелта-бледное, в серой щетине, лицо. Действительно, он стал значительно хуже. За те двое суток, что Инны здесь не было, Янов словно потух. И хотя сознание и возвращалось к нему время от времени, но в глазах уже не было жизни. Взгляд Янова так равномерно плавал по стенам, по потолку, по оконному переплёту и стойкам капельниц, словно его ничего уже не интересовало, и он ни на чём не хотел задержаться подольше. Инна, почти десять лет проработавшая в реанимации, хорошо знала, что означает такой безучастный, всегда уплывающий в сторону, взгляд: он означал, что больной уж отчалил от берега жизни и плыл теперь в том зоре меж смертью и жизнью, для которого пока не придумано даже названия. Она подошла к нему, положила ладонь на сухую, горячую руку больного и хотела сказать что-нибудь, но передумала. “Что говорить — всё и так ясно”, — вздохнула она, ощутив комок в горле, который никак не удавалось сглотнуть.

Янов, как это ни странно, почувствовал, что она рядом. Его веки дрогнули, зрачки стали уже, и взгляд поплыл чуть быстрее, как будто кого-то искал. Вот он проплыл по груди, шее Инны, вот пересёк её влажный сочувственный взгляд — и Инна, усилием собственной воли, остановила плывущий взгляд Янова на своих, напряжённо глядящих, глазах. Он сейчас словно всплывал к ней из глубины — зовущий и пристальный взгляд медсестры вы-

тягивал Янова из забвения, — и в глазах его, только что безучастно-пустых, проступало всё больше тоски и тревоги.

Он плыл между жизнью и смертью — как в реке между двух берегов. Сознание то совсем оставляло его — и тогда он сливался с густой, вязкой тьмой, — то к нему возвращалась способность что-либо видеть и слышать, как будто он всплывал из глубины, приближаясь к поверхности, но ещё не выныривал полностью, а различал все предметы и звуки рассеянно и приглушённо, словно сквозь зыбкую толщу воды. Так, он видел свет ламп, что горели над ним, видел их маслянистые пятна, но не мог отличить этот свет от такого же, масляно-жёлтого, света луны, что висела в проёме окна.

Удивительно: Янову было сейчас так хорошо, как не было никогда в жизни. Боль и тоска — неизбежные спутники прежнего существования, — наконец отпустили его, и его жизнь, приближаясь к границе, перестала стыдиться себя и стараться себя оправдать. Прежде меж Яновым, как он себя сознавал, и тем, что он называл словом “жизнь”, — словом, которое обозначало так много и одновременно так мало, — всегда находилась какая-то словно преграда, мешавшая Янову жить напрямую, без чувства тревоги, тоски и неясной вины перед этою самою “жизнью”. Но он, вместе с тем, ощущал: как ни тягостна эта преграда, как она ни мешает ему, но нести её бремя, сознавая всю её неодолимость, является, может быть его главной задачей. До тех пор, пока между жизнью и Яновым сохранялся вот этот трагический, тягостный, но совершенно необходимый зазор, он оставался не просто живым человеком, но он был мужчиной. Да, он желал бы приблизиться к жизни и даже с ней слиться, как он всегда желал слиться с женщиной или хотя бы приблизиться к ней, но он вместе с тем понимал, что такое слияние, в самой последней своей глубине, невозможно и даже преступно. И пусть, ощущая зазор меж собою и жизнью, он испытывал тягостно-смутное чувство вины, но даже и в этом несении груза вины, в этом бремени, что изначально лежало на нём, Янов слышал как будто веление высшего долга, приказ тех неведомых сил, что зачем-то послали его в эту жизнь и велели ему тосковать и страдать. Пока он был жизни чужим, пока был от неё отодвинут, он был нужен и ей, и себе самому; его роль и задача мужчины и заключалась-то, может быть, в том, чтоб стремиться к жизни, как к женщине, чтоб желать её всею силой души, но всегда оставаться собою самим, одиноким и очень несчастным.

Вот за то, что он был одинок и несчастен, его и любили. Ведь Янов, пока он был жив и здоров, не только сам постоянно испытывал тягу к женщинам, но и женщины всегда относились к нему с интересом, переходившим в сочувствие, а потом и в любовь. Янов нравился всем: медсёстрам и пациенткам — те его просто боготворили! — лаборанткам и женщинам-докторам или просто случайным знакомым, с которыми пересекались пути его жизни. Конечно, не все становились его любовницами, но Янов чувствовал, что мужского начала — этой вот самой, томящей его, беспричинной тоски и тревоги — в нём столько, что он мог бы, в принципе, сделать любовницей всякую женщину, и всякая, как он убеждался с годами, в таинственной глубине отношений меж ними уже как бы принадлежала ему.

Что в нём было такого, чем их так покорял этот нервный и измождённый, почти всегда утомлённо-печальный хирург? Разве что этой самой печалью, тоской одиночества, что неотступно горела в его очень добрых и умных глазах? Всем хотелось его пожалеть и утешить, как мать утешает ребёнка, и всем, в то же самое время, хотелось приникнуть к источнику внутренней силы, которая позволяет доктору Янову, несмотря на все их усилия, ласку, любовь, оставаться несчастным и одиноким.

Но так было раньше, когда он был жив и здоров. Теперь же, впервые за всю свою жизнь — кроме, может быть, раннего детства, которое Янов уже и не помнил, — он жил напрямую, приблизившись к жизни настолько, что уже и не мог отделить себя самого от предметов и звуков, его окружавших. Вдруг исчезла дистанция между ним и пространством, что смутно клубилось вокруг, образуя густевшие зыбкие формы, которые то обступали его, то опять растворялись, исчез тот зазор, напряженье которого прежде и со-

здавало в нём, Янове, болезненно-острое ощущение жизни. Теперь он видел все вещи простыми, бессмысленно-новыми и незнакомыми. Словно весь мир сотворён был вот только сейчас, в ту секунду, как Янов взглянул на него, и этого мира ещё не коснулось то искажение, тот перекокс, какие привносит осмысленный взгляд человека.

Переполненный счастьем простого, бездумного существования, Янов переводил взгляд со стены на окно, потом на потолок, на стеклянный мерцающий шкаф — и всё, что он видел, его оставляло совсем равнодушным. Названия предметов и их назначение, и запутанно-сложные связи меж ними — всё это осталось в другой, прошлой жизни, о которой он помнил и знал сейчас так же мало, как и о времени внутриутробного существования. Он видел и ощущал только тёмное, светлое, гладкое либо шероховатое, тёплое или прохладное: его безмятежно-счастливый, бессмысленный взгляд был таким, каким может быть только взгляд идиота. В сущности, это была совершенная жизнь — жизнь, обращённая лишь на саму же себя, — и она длилась для Янова вечно, ибо понятие и ощущение времени для него вдруг исчезло. Он находился вне времени, вне суеты и тоски, порождённой его лихорадочным бегом, и сам, изнутри себя самого совершенно не чувствовал бремени жизни. Он просто был, просто жил и дышал — наслаждаясь бездумным, таинственным благом самобытия. “Господи, как хорошо! — мог бы Янов подумать, если бы мысли могли зарождаться в его совершенно пустой голове. — Как хороша жизнь сама по себе, просто жизнь — без желаний, без мыслей, без чувств, — как хорошо просто плыть в её слитном потоке! Как хорош этот мир без меня, как он ясен и прост, как он счастлив и как безмятежен...” Он теперь был и сам частью этого мира, он сам растворился, растёкся среди его зыбких форм, наслаждаясь простым и бессмысленным счастьем существования. Он обрёл, наконец, тот покой, к которому так стремился всю жизнь и который пришёл к нему перед самою смертью. Янов чувствовал: этот покой ему кем-то подарен, и он был благодарен тому, кто его подарил. И эта его благодарность была сердцевиной того ощущения счастья, что совершенно размыло границы его существа, сделав Янова равным всему окружавшему миру. Между миром и ним больше не было противоречий и разницы, и теперь даже смерть вряд ли бы что изменила в этом всеобщем и благомном непротивлении сил...

Но внезапно словно волна прокатилась по водам, несущим его в своей ласковой тьме. Мир качнулся, напрягся — и Янов услышал, как туго стучит его сердце. Растерянным взглядом — уже не пустым и счастливым, а недоумённо-тревожным — он повёл вбок, потом вверх, как бы что-то ища над собой. Дышать становилось труднее, и сердце толкалось всё чаще: тугие, упорные эти удары выталкивали Янова из глубины, где ему было так хорошо, на поверхность, навстречу внимательным чьим-то глазам, что смотрели с тревогой и болью.

Он всё отчётливей видел лицо склонённой над ним медсестры. Янов не знал её имени, но всегда, сколько помнил себя, был с ней знаком. Он переводил вопрошающий взгляд то на мягкие губы, которые были подёрнуты плёнкой помады, то на один из двух тёмных зрачков, в которых — он чувствовал! — густо дрожала тревога. А в мерцании роговиц он узнавал отражение собственного лица и был рад, что ему, наконец, удалось погрузиться во взгляд этой женщины и запечатлеть себя в нём.

Чем ближе был миг узнавания взгляда, что так манил и тревожил его, тем Янов сильнее страдал. Его сердце с каждым ударом наполнялось знакомой и вместе с тем новой болью. Он не мог не стремиться к глазам, что тревожно светились над ним, он не мог не любить их всей силой любви, на какую был только способен, — и не мог, пока был живым, окончательно слиться с тем влажным светом, что лился из них. В этой паре сияющих глаз он угадывал всё, что ему было нужно, чтоб жить — или чтоб умереть; эти глаза были именно тем, что он так беспокойно и жадно искал всю свою жизнь, а нашёл только здесь и теперь, пред самою смертью.

Ему оставалось последнее: надо было войти в этот взгляд, в этот свет, что лучился над ним, и забыть навсегда о своей одинокой тревоге и боли. Он

входил в смерть, как в женщину: туго, напористо, мощно, с таким содроганием, с такой иступлённой силой, что под ним ходуном заходила кровать, зазвенели флаконы на стойке, и лопнул матерчатый жгут, что удерживал руку. Лицо женщины то приближалось к нему — её глаза были огромными, влажными, полными счастья и страха, — то отдалялось, и только луна колыхалась в сияющем, чёрном провале окна. Никогда ещё Янов не был настолько решителен, смел; никогда ещё сущность мужчины не проступала в нём с такой яростной силой. Перед этим напором ничто не могло устоять: ни луна, ни бездонная тьма за окном, ни ошеломлённая женщина, что уже упиралась руками в его обнажённую грудь и что-то кричала, и сама его жизнь отступала под натиском этой последней любви.

Янов видел себя и её уже как бы со стороны: видел, как она бьёт его по щекам и толкает в грудь, как что-то кричит — совсем как те женщины, которых он прежде умел доводить до последнего иступления страсти. Когда же она, наконец, наклонилась к нему и припала губами к его искажённому рту, чтоб вдохнуть в его грудь хоть немного своей, молодой и томящейся, жизни, то Янов, хоть был уже мёртв, но почувствовал этот её поцелуй. И ему стало жалко её, молодую, красивую, сильную, потому что она оставалась отныне одна, а мужчина, который был ей предназначен судьбой, навсегда ушёл в темноту...

Хоть голова его и моталась из стороны в сторону — Инна, вся покрасневшись, вспотев и уже задыхаясь, всё не хотела прекращать реанимацию, — но лицо Янова выражало покой, а тонкие серые губы слегка улыбались. Таким отрешённо-спокойным всегда напряжённое, нервное это лицо ещё никогда не бывало; оно было таким же спокойным, как и луна, чей неполный желтеющий диск расплывался в оконном стекле.

На крик Инны прибежали не сразу: в соседней палате как раз в это время интубировали молодую наркоманку, а второй из дежуривших нынешней ночью врачей — доктор Муров — давал наркоз в экстренной операционной. Когда же, минут через семь, у койки Янова уже суетились, и напарница Инны, бестолковая Зинка, неловко разматывала шнур дефибриллятора, то что-либо делать уже было поздно. Всем было ясно, что Янов покойник — таких безучастных и благодетных лиц у живых не бывает, — и все лишь удивлялись тому, что Инна, как заведённая, продолжает трудиться над ним.

— Да оставь ты его: видишь, он не жилец, — Зинка, наконец, разобралась с дефибриллятором. — Отойди, я шарахну разок, для порядка.

Электроразряд подбросил ещё тёплое тело, но экран кардиомонитора, тревожно пища, продолжал чертить ровную линию асистолии.

— Инка, да что с тобой? Ты рехнулась? Уймись, наконец, — с досадой воскликнула Зинка. — Подумаешь, экая невидаль: одним мёртвым больше, одним...

— Отвяжись! — грубо крикнула Инна, всё ещё трудно дыша и отирая лоб тылом дрожащей ладони.

Даже минут через двадцать, когда она чуть отдышалась, умылась, сменила промокший халат, ей всё-таки было нехорошо. Лицо продолжало гореть, вздохнуть полной грудью никак не удавалось, а низ живота наполняла тупая, тревожная боль. Редко кто из мужчин мог так измучить её, как это сделал тот, кто сейчас остывал у окна. Инна с жадностью выпила кружку воды, но губы её оставались сухими, и какая-то неутолимая жажда продолжала жечь её тело и душу.

Хорошо, что пришёл доктор Муров. Как всегда, он был весел и груб — даже ночная работа не могла его укатать! — и сразу, без слов, понял всё, что случилось.

— Отмучился, брат? — посмотрел он на Янова пристально и с уважением, как на человека, который справился, наконец, с самой трудной работой. — Ну, теперь отдыхай...

Муров испытывал в эту минуту ещё много всего: и сочувствие к Янову, и возбуждение после ночной операции, и чувство досады оттого, что дежурство ещё в самом начале, а у них уже двое покойников, и желание выпить, и голод, и сомнение, стоит ли продолжать отношения с Инной — к ним в

отделение поступила работать новая анестезистка, красотка с такими глазами и грудью, что все прочие женщины рядом с ней враз подурнели, — но, как человек редкой силы и цельности, он не стал погружаться в оттенки всех этих чувств. Вместо этого он приобнял Инну, отрешённо сидевшую с кружкой в руках у стола, и пророкотал ей на ухо:

— Как справишься — приходи в ординаторскую. Не пожалеешь...

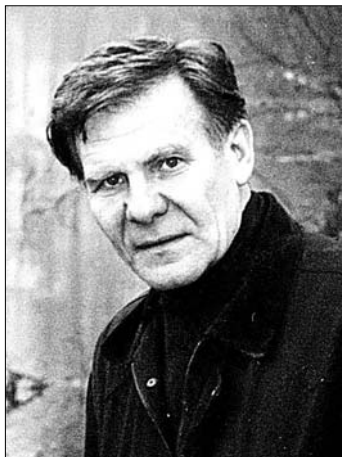
Инна вздрогнула и посмотрела растерянным, словно не понимающим, взглядом. Муров не любил таких взглядов у женщин. Чтоб не тратить слов попусту, он лишь хлопнул своею громадной ладонью её по тутому бедру и вразвалку пошёл по коридору.

Ни обижаться, ни злиться на Мурова она не могла. “Живое — к живому!” — вспомнила она его же любимую поговорку, и подумала, что он, в сущности, прав. Больше того: она понимала, что даже и Янов её бы не осудил, потому что та жажда, что теперь так томила её, и была в ней разбужена доктором Яновым.

Возбуждение не оставляло её. Казалось, что если она пойдёт к Мурову, то этим исполнит не просто желание тела — оно изнывало в тоске по мужчине, и тяжесть внизу живота становилась уже нестерпима, — но этим исполнит и свой изначальный, глубиннейший долг, сохранит свою женскую суть, которую смог разбудить и понять лишь один человек, но которая принадлежала уже не ему.

И когда, спустя час, она быстро шла по ночному, залитому светом луны коридору, тот белый свёрток, что лежал на каталке у лифта, уже не вызывал в ней особенных чувств. Она была слишком живою, чтоб долго думать о мёртвом, а тот, кто лежал на каталке в рассеянном свете луны, уже слишком остыл, чтоб испытывать ревность.

АЛЕКСАНДР БОБРОВ

РУССКИЙ ВОДОРАЗДЕЛ

* * *

Завидую всем коллегам
Из Киева,
 где светло:
Майдан засыпает снегом,
Летящим под Рождество.

С извечным восторгом русским
Я слушаю снежный хруст,
И стал горнолыжным спуском
Андреевский славный спуск.

Я, помню, ушёл, заплакав,
Увидев как страшный сон,
Что дом, где рождён Булгаков,
Был краскою осквернён.

Как много на свете дурней,
Не ведающих о том,
Что нет ничего культурней,
Чем Гоголь, Вернадский, Патон.
Пустите таких в Европу —
Они ей покажут, блин!

БОБРОВ Александр Александрович — поэт, публицист, автор 27 книг стихов, прозы, путевых очерков. В том числе уникальной книги “Лечебные грязи и целительные источники России”.

Чтоб сегодня заткнулась она,
Не кичилась пред Русью без меры,
А хлебала “победу” до дна,
Укрощая потомков Бандеры!

НА ПРОХОРОВСКОМ ПОЛЕ

Ветер знамёна колышет,
Разносит по полю гимн.
Хлеба поднялись повыше
Над рвами братских могил.

Теперь становится модно
Обрушить с экранов ложь.
Пространство войны — огромно,
С наскака и не возьмёшь.

Мы снова лгунам напомним:
Душа, как броня, крепка!
Над Прохоровским полем
В бессмертье плывут облака.

Мы эти просторы вспашем,
Но вновь тишину взорвёт
Знакомая тем и нашим
Команда: “Танки, вперёд!”

И двинется ночью армада.
“За Родину!” — на броне...
Не трогайте нас, не надо:
Мы злые, как на войне.

24 МАЯ

То утомительный, то броский —
Как хочешь строки понимай —
Заполонил Иосиф Бродский
Славянско-шолоховский май.

Любитель западных просодий
С картавинкою говорит:
“Какой Кирилл, какой Мефодий —
Один лишь Йося в нём царит!”

Пускай царит...
К родным осинам
Он путь горчащий позабыл.
Читал его, но не осилил,
Осилил, но не полюбил.

Он прикоснулся к русским язвам,
Но отшатнулся, как пиит,
Забывши, в честь кого был назван
И где родная мать лежит.

Сквозит по всем экранам бледным...
Но сколько фильмов ни снимай,
Вовек останется победным
Наш русско-шолоховский май!

ОТТЕНКИ

Садок вишневый коло хати...
Тарас Шевченко

Слова Тарасовы крылаты,
И я приму, как вещей знак:
“Садок вишневый коло хати” —
Не переводится никак.

Оттенки тонкие — богаты,
Уничтоженье их — претит.
“Садок вишнёвый возле хаты” —
Похоже.
Только не летит.

Стою под вечер на кургане,
Степной безбрежен окоём.
Быть может, только мы — славяне —
Сполна всю разницу поймём.

НА РЕКЕ КОРОПЕЦ

Знаю,
бумаги отца перерыв,
Всё о тернопольских ратных дорогах.
Здесь продолжался Луцкий прорыв,
Здесь начиналась слава Бобровых.

В Монастырийске река Коропец
Тихо считает свои перекаты.
Здесь наступал безусый отец,
Здесь опочили наши солдаты.

Общее кладбище русских могил —
Серые знаки с австрийскими вместе...
Старший мой брат тогда не ходил
По галицийским брамам и весям.

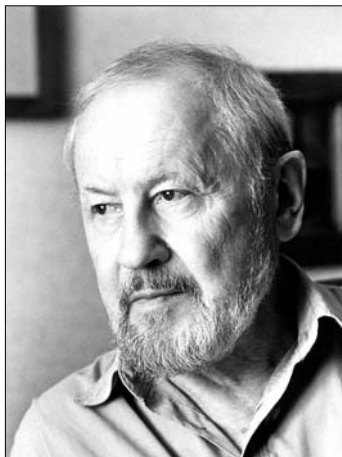
Некогда было — учился, служил,
В небо взлетая, как сталинский сокол.
Он по-геройски думал и жил,
Он по-советски верил высоко.

Вот потому-то средь русских равнин
Я проходил по траншеям оплывшим.
Кланяюсь бате: “Я не один!” —
Кланяюсь Коле...

Не отступившим
И не предавшим — слава вовек!
Солнце победы над ними лучилось.
Я пережил их. Падает снег.
Я их продолжил — как получилось...

В мае 2015 года Александру БОБРОВУ была вручена престижная литературная премия “Прохоровское поле”. Поздравляем!

ЮРИЙ ЛОЩИЦ

МОИ ДОМАШНИЕ СВЯТЫЕ

ПОВЕСТЬ О ДЕТСКИХ ГОДАХ

ТРИ ФОТОСНИМКА

Семейный альбом мои отец и мама завели, судя по простецкому и тощеватому облику книжки, ещё до войны. В нём сбереглись, несмотря на огнедышащее соседство этой самой войны, несколько фотографий моих дедов и бабушек, маминых сестёр в пору их юности, старшего отцова брата, его жены. Иногда ловлю себя на том, что гляжу на лица тех, кого уже давно нет в живых, с каким-то почти молитвенным чувством. И подступает догадка: тонкое это веяние исходит и передаётся не от меня, но от них самих. Это они смотрят на меня неотрывно, взыскующе, с поистине молитвенной собранностью, будто в силах огородить если не от всех подряд, то хотя бы от самых губительных в будущем нападений.

В такие минуты созерцания заветных душе образов ищущи и всё не находят самые окончательные для них слова. И вдруг, уверяясь вполне в праве на такой порыв, говорю себе: нет, не надо больше никаких определений для них искать, потому что они — *мои домашние святые*.

Скажите мне: не такой ли именно порыв, обращённый к ушедшим от нас родным, присущ тысячам тысяч совершенно неизвестных друг другу людей, не обязательно современников? И кто нас осудит за то? Кто запретит нам раз от раза полниться уверенностью, что святых людей на самом деле на све-

ЛОЩИЦ Юрий Михайлович родился в 1938 году в селе Долинском Одесской области. Окончил филологический факультет МГУ. Автор книг “Сковорода”, “Гончаров”, “Земля-именинница”, “Дмитрий Донской”, “Слушание земли”, “Унион. Проза последних лет”, романа “Полумир” и сборников стихов “Столица полей”, “Больше, чем всё”, “Величие забытых”. Член Союза писателей России. Живёт и работает в Москве.

те пребывает неизмеримо больше, чем записано поимённо в святцах различных вероисповеданий? Кто помешает нам однажды осознать: во глубинах своего смиренного мудрия эти не сосчитанные и не причисленные домашние наши святые оградили себя какого-то особого свойства согласием. Что, если эти тихие души, их круг и подлинное число нужны Сотворшему вся и всех для каких-то совершенно иных заданий и служений, не нуждающихся в снятии с них таинственного покрова?

Не с этим ли честнoсердечием во взоре и ты глядишь на нас, дед мой Фёдор, Феодор Константинович Лошиц, солдатский сын, старший писарь 61-го Владимирского полка, беспорочно отслуживший свой воинский призывной срок на польском западе Русского Царства, в граде Белостоке, при государе императоре Александре III? Это тебе как писарю старшего разряда, безупречно владевшему, при твоём белорусском крестьянском происхождении, письменной и устной русской речью, доверено было ведение всей служебной переписки родного полка, а значит, знание и соблюдение, наравне с командиром части, её военных тайн и архивных секретов. То есть ты, догадываюсь, никак был не чета известному по расхожим сюжетам ротному грамотею-писарчуку, что помогает безграмотным солдатикам составлять письмеца в родные деревни, но вряд ли отказывался при случае и от таких просьб своих однополчан.

И хотя ты перед фотографом уже в гражданском костюме, при светлом цивильном галстуке, но стоишь осанисто, навьютяжку, с бодро закрученными усами, как будто, оклики тебя с улицы воинский горн, ты тотчас прямо из павильона ступишь в строй.

Слева же от тебя не сидит, поистине восседает, — стройна яко свеча, пальцы рук волево собрала в кулачки, покоит их на коленях — супруга твоя верная Татьяна, родившая тебе четверых сыновей, которым и имена при крещении наречены — не осознанно ли? — из царского обихода: Александр (скончался в раннем детстве), Николай, второй Александр, наконец, Михаил, мой отец.

Отец-то мой и вспоминал много-много позже, что, в отличие от мужа своего, родительница в грамоте была не очень успешна. Чтобы хоть как-то управиться с этим изъяном, держала при себе дневничок, заноса в него краткие пометы такого, к примеру, свойства: “Наша Роза атилилас...” Но зато, удивительное дело, она при этом истово пела в сельском церковном хоре. А значит, знала на память десятки урочных тропарей, канонов, стихир, — так что я иногда, думая о её осмысленной певческой памяти, сокрушаюсь: да это как раз мы, в отличие от моей бабушки Тани, то и дело остаёмся, при наших средних и высших образованиях, законченными невеждами.

А справа от неё на том снимке — Максим Степанюк, родитель её сидит, механик фарфоровой фабрики из новоград-вольнской Городницы. Он — единственным из четырёх моих прадедов сохранился до XXI века в фотографическом запечатлении. Будто соответствуя такой выпавшей ему удаче, глядится молодцом: острый соколиный взгляд из-под картуза с блестящим козырьком, густая тёмная бородка, врзлёт, завитые, как и у зятя Фёдора, усы; опять же и галстук повязан поверх поднятого воротника белой рубахи. Большими натруженными дланями прижимает к себе внука Колю, тоже глядящего перед собой умно и неотрывно, несмотря на пятилетний возраст. Значит, к фотографу ходили, думаю, около 1910 года, поскольку дядя мой Коля родился ещё в 1905-м.

Какая же, однако, матёрая давность! Лишь через четыре года загремят фронты Первой мировой, для них же, кто на снимке, — а теперь снова и для нас! — Отечественной. И лишь через 12 лет после того фотографирования в семье народится последний их по счёту сын.

В начале 1917-го семья жила в Одессе. Почувствовав, что снова в положении, Татьяна Максимовна отправилась на обследование к знакомому врачу. Он напрямую, жёстко отсоветовал рожать, посчитав, что организм её уже не справится с чрезвычайным испытанием. Представляю, как она, чуть отпрянув станом, сжав на дрогнувших коленях пальцы в кулачки, выслушивала приговор себе и плоду своему. Набожная женщина пренебрегла мнением

доктора, решив положитьсь во всём на Господню волю. С врачом этим она снова увиделась лишь после того, как благополучно родила. Столкнувшись с ней в больничном коридоре и заметно смутившись, он развёл руками: “Ну, что же, и мы, врачи, нередко ошибаемся”.

Бабушка Тая запечатлена ещё на одной фотографии. Хотя автор снимка разместил здесь немало народу, узнать её мне не составляет труда. И в пожилом возрасте не изменяет ей статность, с которой она восседает в самой середине композиции. И с неизменным кулачком-щепотью покоится на её колене загорелая левая рука. А правой обнимает за плечико первого своего внука — Колю, Колюнчика, белобрысого и белобрового трёхлетнего мальчика, моего двоюродного брата. Татьяна Максимовна — в центре внимания фотомастера не только по годам своим, но и потому, что это к ней, к её хате на станции Мардаровка, что в ста пятидесяти километрах к северу от Одессы, сегодня отовсюду пришли и приехали родичи и гости.

Справа от неё сидит, важно перекрестив руки на груди, благодушно прищурившись, будто попыхивая в свои вислые усы, второй мой дед, крепко уже лысый Захар Иванович Грабовенко, колхозник из села Фёдоровка, что в четырнадцати километрах от станции. Рядом с ним — Дарья Яковлевна, его супруга, тоже моя бабушка, из того же Фёдоровского колхоза. За ними, во втором ряду, стоят мои родители — улыбающийся отец в белой рубашке, мама, сдержанно-сосредоточенная, в скромном пиджачке, — он и она положили по одной руке на плечи деду Захару, словно прося покровительства, как у самого старшего в родстве мужчины.

А вот деда Фёдора уже почти десять лет как нет в живых. Будь он здесь, родители мои, думаю, именно ему положили бы руки на плечи в старинном крестьянском жесте особого почитания.

Но ещё не всех я назвал. Вот и тётя Нина стоит за спиной у свекрови, молодая, красивая жена папиного старшего брата Николая, который сам по какой-то уважительной, значит, причине в этот час отсутствует. Слева от бабы Тани сидят мамина старшая сестра, тётя Лиза, моя будущая крёстная, и её муж дядя Ефим Куценко. У тётя Лизы на руках пристроилась маленькая бо-соножка Тamarочка, тоже моя двоюродная. И эти трое — из Фёдоровки.

Но где же я-то сам?

А я пока ещё подрёмываю у мамы в мягком и тёплом лоне. Оттого-то она и предпочла укрыться в тени от камеры, её механического глаза — за спиной у бабушки Даши.

Слегка рассеянный свет, благодатный день лета 1938 года. Все одеты празднично, хотя и скромно. У бабушек белые блузы с отложными воротниками поверх тёмных пиджаков, светлые льняные юбки. Лица и руки у взрослых смуглы от рабочего загара.

Похоже, лишь недавно поднялись из-за обеденного стола, вышли из хаты, белеющей у них за спинами, вынесли стулья, табуретки, расселись, доверясь вкусу композитора групповых съёмок.

И опять не всех назвал. Кроме ближней родни ещё вижу наверху и с краю двоих: он — в тёмной фуражке с красной звездой на околыше, в тёмной же гимнастёрке. Может, железнодорожник? Или сотрудник пристанционной почты? А она? О, эта красавица-хохлушка, кажется, напрямик с киноэкрана сюда приплыла — то ли от Довженко, то ли от Пырьева. А если не от них, то к кому-то из них вскоре уполывёт, не увернётся. До чего светлая, лишь не во все ещё зубы, улыбка! Потому что если бы во все, то, как сама догадывается, целое общество сиянием бы своим затмила.

Гляжу на них, и почти невозможно представить, что ещё несколько лет назад они пухли от голода, радовались, как манне небесной, похлёбке из лебеды, лакомством считали отломок жмыха размером в детскую ладонь...

Но сегодня для них — добрый, кружащий головы вдох-выдох самой жизни. И такой неколебимой представляется надежда, что “Жить стало лучше, товарищи, жить стало веселее...”

А что же, разве не так? Мама моя, закончив Балтский педтехникум, уже сама преподаёт в начальных классах большой сельской школы. Там же, в райцентре Валегоцулово, повстречались-полюбили друг друга она и мой

отец. Сам он, когда ещё доучивался в мардаровской семилетке, принят был телеграфистом на почтовое отделение при станции, быстро, на полуголодный живот, освоил азбуку Морзе, чтобы рассылать служебные телеграммы в ту же Одессу, в Раздельную, в Котовск, Тирасполь, по другим железнодорожным узлам и адресам. А теперь, как и юная жена, работает в Валегоцулове, утверждён секретарём редакции районной газеты “Ударник социализма”.

А незадолго до того, как им всем сфотографироваться, в Фёдоровский колхоз, где дед мой Захар Грабовенко трудится на свиноферме, поступило сверху, из областного центра, небывалое распоряжение. Правление “колхоза”* обязано, не мешкая, представить документы на этого своего стахановца производства, поскольку он систематически получает на круг по двадцать одному деловому поросёнку от каждой свиноматки, и, значит, дело подвигается к присвоению ему Героя Социалистического Труда!..

Но пора мне разглядеть, хотя бы бегло, ещё одну фотографию. В ноябре следующего, 1939 года моего отца в числе прочих допризывников вызвали в райвоенкомат села Валегоцулово. Мне на тот час было уже одиннадцать месяцев от роду, и повестка, принесённая на квартирку, которую снимала молодая семья, прилива особой радости у родителей, понимаю, не вызвала. Но отец и так до сих пор пользовался отсрочкой в связи с недомоганиями своей мамы. Послабление со стороны военной инстанции не могло однажды не прерваться. Всего по повесткам на сборпункт явилось двенадцать молодых людей. Видимо, после произнесения строгих инструкций и краткой информации о непростом международном положении им и было предложено сфотографироваться. Пусть останется у каждого память о почётном и ответственном событии в их жизни — предстоящей службе в рядах доблестной Красной армии. По снимку видно: к дощатой стене сборпункта наскоро прикреплено на двух гвоздиках кумачовое, пусть и без надписей, полотнище. На таком фоне парубков и молодых мужей рассадили и расставили в три неполных ряда.

Держатся все достойно, собранно. Ни усмешки, ни понурости в глазах. Ни показного бахвальства. Впрочем, у двоих в углах рта белеют нераскуренные папиросы. Это от волнения, или чтобы казаться старше иных? У меня ощущение, что все они выглядят несколько старше своих настоящих лет. Отчего это? Или, как и мой отец, стоящий почти безмятежно вверху крайним слева, большинство призывается позже своих обычных сроков? Или эта их взрослость сиюминутна, как тень, наплывшая без предупреждения из пучины будущего? Как предчувствие переживаний, которые ещё никем на свете не описаны, потому что и не было ни у кого случая подобное разглядеть... Ведь полтора года всего пройдёт, и рухнет на плечи всего их поколения такая напасть, что побледнеют в памяти рассказы старших о революциях, интервенциях, о лютой гражданской. И не таким уж чрезмерным покажется пережитое ими самими при коллективизации, раскулачивании, при испытаниях голодом в тридцатых.

Озадачивает, когда смотрю на них, и то, что ни у кого в глазах не различить даже хмельной искорки. И почему все пришли на сборпункт в каких-то самых ношенных, помятых, будто на выброс приготовленных пиджаках? Почему воротники рубашек у всех застёгнуты, как в армии положено, и на самые верхние, у горла, пуговицы. Как будто ожидают: вот сегодня, прямо отсюда их и повезут.

В последний день ноября 1939 года начались боевые операции на советско-финляндской границе. А на первой неделе декабря мой отец уже отбывал поездом на север, в сторону Ленинграда, в окрестностях которого ему предстояло в запасном артиллерийском полку обучаться навыкам наводчика 152-мм гаубичного орудия. Перед тем, как на станции Мардаровка сесть в свой поезд, он навестил маму и семью брата Николая. Не в тот ли самый день он привёз Татьяне Максимовне маленькую фотокарточку, на которой я был снят в характерной позе голыша, лежащего на животике, но уже умеющего держать голову, уверенно отрывая её от подушки? Бабушка моя Таня была

* Колгосп (коллективне господарство) — колхоз (укр.)

на ту пору настолько изнурена смертельной болезнью, что разговаривала и прощалась с младшим сыном, не пытаясь даже подняться с кровати. Уже уходя, ступив на порог комнаты, он вдруг услышал её слабый вскрик и, обернувшись, увидел: мать всё-таки вставала на ноги в порыве благословить его крестным знамением. Он кинулся к ней, боясь, чтоб не упала.

18 февраля следующего года старший брат отбил в воинскую часть на его имя телеграмму с сообщением, что мать скончалась. Отцу дали кратковременный отпуск. Он успел на скорый “Ленинград — Одесса”. Но в Мардаровке поезд не останавливался. Вспомнив, что за два километра до станции составы начинают затяжной подъём, и в этом месте будет большой откос, отец решил спрыгнуть в снег. Когда выбрался из сугроба у подножия откоса и оглянулся, его поразило, что расстояния между первыми шагами после прыжка были нечеловечески громадными.

Но проститься с телом матери он всё же не успел. Татьяну Максимовну накануне его прибытия схоронили на Перешорском сельском кладбище, рядом с могильными крестами её мужа, Фёдора Константиновича, и сына Александра-второго. Внизу, под кладбищенской горой, будто участвуя в проводах, багровела кирпичными стенами церковь, в которой она лет почти двадцать пела на клиросе и в которой час назад, перед погребением, её отпели.

НА ТЕЛЕГЕ

Но вернусь к декабрю предыдущего года, когда призывник Михаил Лошиц отбыл на воинскую службу. Мы с мамой оставались в Валегоцулове после его отъезда совсем недолго, всего неделю или чуть больше. Да, здесь она родила меня в местной больнице, в одну из самых долгих ночей минувшего 38-го. В той же больнице через несколько недель мне срочно перелили материнскую кровь, когда врач посчитала, что только так меня ещё и можно спасти.

Но жить и работать в общем-то чужом для неё райцентре, без мужа, вдали от многочисленной крестьянской родни маме показалось участью свыше её сил. Начальство из районного отдела народного образования милостиво разрешило ей перевестись учительницей в начальные классы Фёдоровской сельской школы. И вот за нами из своего колхоза невозможно прибыл на телеге дедушка Захар Иванович.

Сколько всем нам приходилось читать или слышать рассказов о самых первых впечатлениях младенческого существа, которые затем уцелевают на всю его жизнь! Где изначальный временной порог, служащий твёрдой опорой для действия детской памяти? В каком возрасте впервые обнаруживаются цепкость, схватливость, способность к долговременному хранению впечатлений, без чего память — звук пустой?

Наверное, всё это — область, в которой чисто научные, вычислительные подходы могут вполне обойтись за счёт собственных средств. Однако почему-то научные подходы не желают обходиться только цифрами, формулами и схемами, но то и дело с любопытством или даже некоторой завистью поглядывают в сторону самого простецкого людского самонаблюдения, которое я для себя называю навыком охранять собственные созерцания.

Поверят мне или нет, но самые первые впечатления из моего младенчества, удержанные памятью на всю жизнь, даже до сих вот минут, когда пишу об этом, приходятся как раз на тот декабрьский день, когда мой дедушка тихим тележным ходом повёз дочь и внука из Валегоцулова к себе домой.

Что-то светлое слабым, едва греющим прикосанием вроде бы зачинаясь в то утро при начале движения, но самочувствие моё при этом было невыразимо ужасным. Маленькое моё нутро почти непрерывно взрывали отвратительные приступы клёкота. И потому всё как-то зыбилось, кувыркалось в слабеньком сознании. Зыбилось и то мягкое, на чём я лежал. И то, что пыталось греть мне лицо откуда-то сверху, но не стояло на месте, а неприятно покачивалось. Да и светило оно совсем невнятно, будто ленясь распахнуть ресницы, свои или мои. Где-то сбоку отступая назад, скучно появлялись

и исчезали ряды строений, и задние глухие стены их почему-то были обмазаны в одинаковый коричневый цвет. (Позже я узнаю, что это была большая молдавская часть села, из которого мы выезжали). Я почти сразу устал смотреть на хаты и отвёл глаза вверх. Небо потряхивалось там, блекло, в каких-то белесых тщедушных комочках ваты, и, кажется, от них истекал неприятный приторный запах лекарства. Смотреть больше ни на что не хотелось.

То мягкое, на чём я лежал, было, понимаю теперь, соломой или сеном, а поверх подстилки ещё что-то мягкое, одеяло или перинка, и сам я был одет-обут во что-то мягкое и тёплое, и рядом, как всегда, сколько я себя знал, была мама, и она старалась, чтобы мне было удобно лежать. Это я чувствовал даже с закрытыми глазами. Но от её стараний, от мягкого, нетрясаемого, но вовсе не убаюкивающего передвижения откуда-то куда-то мне вовсе не делалось лучше, и я не хотел уже, чтобы что-то вокруг непонятно для чего откуда-то куда-то двигалось. Да и зачем нужно было мне на всё вокруг смотреть и что-то пытаться сообразить, если было так плохо? Что-то противное шевелилось у меня внутри, вспухало, мешало дышать. Я пытался удерживать его в себе, но оно от этого только злилось, начинало попискивать, поскуливать, противно ёрзать; оно всё прибывало, прибывало и вдруг — повалило меня набок, сотрясло отвратительным хрипом, кашлем, тошнотворным извержением.

— Плюй... плюй, — всхлипывала мама, накренив меня лицом вниз через край большого, на чём мы с нею лежали.

Мне и самому так хотелось выплюнуть, вывернуть из себя наружу то серое и отвратительное, что продолжало клокотать и надрываться во рту и ещё глубже, в самом нутре жалкого тельшка, но это грязно-серое упрямылось, отпужало с моих губ только липкие, горькие нитки слюны.

Они текли-текли вниз и исчезали между сухих травных кустиков с круглыми светлыми буторками обмерших соцветий. Я вдруг разглядел их с такой пронзительной отчётливостью, которая, кажется, до сей секунды никогда ещё, от самого моего появления на свет, не давалась моему зрению. В этих кустиках была какая-то особая чистота, какая-то беззащитная невинность, хотя стекала на них моя нехорошая слюна.

Неизвестно откуда меня навсозь охлестнуло ещё большим отвращением к своему нутру: за что, почему я плюю на эти кустки, на эту бурю, в мелких морщинах, кожу земли?

Почти тотчас из моего распыленного рта вывалился, наконец, комок боро-сизой слизи и шлёпнулся в пыль.

Я был весь в липкой испарине. Но мне с каждым мигом становилось легче дышать, вдыхая острые, чистые, будто сочувствующие дуновения, что поднимаются наверх из этих морщин и от этих стеблей с их матовыми пузырьками наверху.

— Кашель... коклюш, — чуть не с плачем произносила мама неприятные кашляющие слова, обращаясь к тому, кто сидел перед нами, но сидел спиной к нам. Я наконец-то разглядел его наклонённую вперёд спину. В наклоне его спины мне почудилась какая-то виноватость, будто это из-за него, из-за того, что мы с ним едем, мне стало плохо. Так я впервые в жизни мельком увидел существо, которое оказалось дедушкой Захаром. Правда, только спину его успел заметить, с её покатым наклоном вперёд.

Потом в изнеможении я закрыл глаза. Мягкая лежанка под нами снова стала покачиваться. Значит, мы опять двигались куда-то дальше. И это было лучше, чем оставаться на месте и снова клекотать всем телом.

— Неужели ты мог запомнить? — покачала мама головой, когда я, уже на исходе её лет, попробовал пересказать это своё старое-престарое впечатление жизни. — Тебе же было тогда сколько? Ну, года ещё не было... Папу только постригли в армию, а дедушка приехал за нами из Фёдоровки. — И, помолчав, добавила: — Да, у тебя как раз был тогда коклюш. Ты прямо надрывался, так сильно кашлял... Но приехали домой, и у бабушки Даши на её отварах ты быстро поправился.

Но как мы доехали, как выглядела хата, в которую меня внесли, как выглядела бабушка Дарья Яковлевна и как и чем она меня лечила — всего

этого я не запомнил. Того, что не запоминалось, как и всегда и у всех бывает, оказалось неизмеримо больше того, что осталось-отразилось насовсем.

Но не потому ли самым первым из моих созерцаний и уцелел тот день — с тележной ездой по степному просёлку, с припадками коклюша, с кустиками сухих трав, — что это были слишком уж чрезвычайные переживание и перемещение, чтобы им навсегда пропасть в непроглядности младенческого беспомыслия.

ЧЕТВЁРТЫЙ СНИМОК

Фотограф усадил учительницу, конечно же, посередине, разместив подопечных детишек кого по её правое, кого по левое плечо. А кого и внизу, на земле. Все они сосредоточенно, с внутренним волнением, как и на любом школьном снимке, смотрят прямо на камеру. Только я, упитанный карапуз на руках у мамы, в тёплой шерстяной шапочке по уши и в тёмном, из плотной ткани пальтишке, не умея ещё собирать внимание по чужой команде, гляжу как-то рассеянно.

За нами — окна и белые стены сельской одноэтажной школы.

Судя по тому, что все школяры одеты в пальтишки, как бы впопыхах накинутые, время года холодное, хотя снега на земле не видно... Поздняя осень?... Ранняя весна?..

Да что я вычисляю-то, это всё тот же самый декабрь, месяц нашего с мамой прибытия в Фёдоровку! Сколько раз по всяким семейным поводам открывал страницу с этим снимком, но только теперь вдруг приходит поздняя догадка. На глянцевой оборотной стороне нет никакой подсказывающей надписи, чисто. Но я готов безошибочно определить и год, и месяц, и даже день, когда нас с мамой и с этими ребятами снимали. Как можно было не учесть одну красноречивейшую подробность фотографии?! Впрочем, такое разве назовёшь подробностью?

Почти все дети старательно держат в руках распахнутые учебники. А там — большой, в целый книжный лист, портрет. В 1939 году 21 декабря было не просто очередным днём рождения Сталина, одним в ряду иных. В 1939-м вся советская держава торжественно отмечала 60-летний юбилей любимого вождя.

Потому-то, значит, приглашён, а скорей, сам, по распоряжению из районо прибыл и в эту сельскую школу фотограф. Потому же, кстати, и снимает он сейчас учительницу с её школярами не в классе, а на дворе, где свету в бессолнечный, один из самых коротких в году световых дней всё же побольше. Потому-то мама и принесла меня на руках сюда, в самую середку села, от нашей хаты, стоящей почти на западной окраине Фёдоровки. А как не принести? У меня ведь сегодня тоже день рождения. Первый в жизни. Мне ровно год!

Наверняка, она имела намерение вложить этот снимок в письмо мужу, как только фотография будет готова и как только дойдёт от него самого письмо с точным армейским адресом на конверте. Может быть, она уже и получила его и узнала номер полевой почты. И теперь надеялась, что фотограф не слишком задержится с распечаткой снимков для их школы.

К великому моему огорчению, фотография, о которой так подробно сейчас рассказываю, года четыре назад исчезла, потерялась из виду. То ли в какой-то из моих же книг или блокнотных тетрадей до поры затаивается, то ли кто из ближних забрал ненадолго, чтобы переснять, и позабыл вернуть, как забывают люди, случается, и книги возвращать их хозяевам. В приводимом здесь описании снимка я не нахожу больших огрехов, настолько он и сейчас отчётлив перед глазами. Жалко лишь, что не могу ничего более внятного сказать об облике мальчишек и девчонок из маминого класса. Вполне возможно, они даже и не из одного, а из разных классов, только занимались в одной комнате, — первоклашки вместе со второклассниками, со второгодниками или даже третьегодниками. Так ведь сплошь да рядом случалось, особенно в сельских школах. Хорошо ведь помню, что и одеты они были по-разному:

кто поопрятней, кто неряшливей, беднее. И портфели у одних — новенькие, так что хочется их держать на виду, у других — совсем обшарпанные, доставшиеся от кого-то из старших. Посмотри сам товарищ Сталин на такую фотографию или на десяток-другой ей подобных, наверное бы, принахмурился: да, не всем ещё, пожалуй, при Советах жить стало лучше и веселее. Ещё одну хотя бы пятилетку обязана страна осилить, чтобы приодеть да приобрести каждого из своих школяров.

Но я не заметил на этих детских лицах ни следа укоризны. Засидевшиеся за партами, ребятки повыскакивали на свой школьный двор со звонким визгом, в ожидании небывалого ещё события. Ведь большинству из них предстоит, может быть, самое первое фотографирование в жизни. И учительница только что сказала: каждый получит — не сей же час, конечно, а через малое время, — собственную карточку и отнесёт домой, чтобы поделиться радостью с родителями, и такой подарок надо будет сберечь на всю будущую жизнь. И вот дети, кое-как уняв свои восторги от предчувствия вознаграждения, скоренько извлекают из портфелей и сумок учебник, распахивают его на той самой заглавной странице, где портрет родного всем им дедушки.

Только я один ничего ещё толком не могу уразуметь в происходящем. Ни уразуметь, ни удержать в памяти.

ГОНЧАР

Однажды летним утром бабушка Даша сказала, что возьмёт меня в гости к Гончару. Я ещё не знал, кто такой этот Гончар, но раз мы отправляемся к нему в гости, значит, он угостит нас. Ведь бабушка уже выводила меня в гости, где нас угощали её соседки, то одна, то другая.

Утро было солнечное, но не жаркое, а свежее. Бабушка шла босая. И я тоже. Наши ноги окунались в тёплую дорожную пыль по щиколотки, и я видел, что когда моя нога прикасается к дороге, то в расщелинке между большим и вторым моим пальцем взбивается серый гребешок густой пыли. Какое-то время я развлекался этим наблюдением. Потом стал смотреть на бабушкины гребешки, и они были, конечно, гораздо больше моих. Потом — опять на свои. Они оставались такими же маленькими, как я ни старался растопыривать пальцы пошире или вдавливать ступни в пыль с большей силой. Потом я устал.

Получается, мы шли долго, потому что, когда впереди из-за соломенных крыш чужих хат и поверх садов показался на ясном небе высокий, как дерево, чёрный ствол дыма, и бабушка, кивнув на дым, сказала, что там и есть Гончар, то идти нам оставалось ещё далеко, будто до края неба. Может быть, бабушка даже и брала меня раз от разу на руки, я не запомнил.

Но вот мы всё-таки пришли. Бабушка постучала в окно, и через какое-то время на пустой двор вышел Гончар. Этот краснолицый дядька сощурился на нас так придиристо, будто никогда не видел живых людей. Он не повёл нас в хату, куда положено приглашать гостей, но велел идти за ним в какой-то большой погреб. Там было страшно жарко, и прямо перед нами полыхал и гудел огонь в громадной печи. По сравнению с ней печь в нашей хате, где бабушка печёт хлебы, калачи или пироги, варит борщи, томит всякие там каши или мамалыгу, показалась бы игрушечной.

В печи у Гончара в тугих струях пламени колыхались большие горшки, макитры, кувшины, — всего я разглядеть не смог, настолько жарко оттуда пыhalo.

“Чем же нас будут угощать у Гончара?” — недоумевал я про себя. Но он уже вёл нас в другую комнату, полутёмную и прохладную. Тут на деревянных полках, а то и прямо на полу стояли опять же макитры, горшки, кувшины. Все они были, как на подбор, коричнево-рыжего цвета. Гончар пощёлкивал по их стенкам крепким, будто камень, ногтем, и посуда издавала из своего пустого нутра звонкие сухие голоса: “Син-нь... Зин-нь... Глин-нь...” Тут бабушка вынула из-под мышки большую холщёвую торбу и принялась проворно выбирать и складывать в неё приглянувшуюся посуду — всё те же горшки, кувшины, макитры.

Потом, когда мешок наполнился и вышатылся во все стороны круглыми и острыми боками, бабушка отошла с Гончаром чуть в сторонку и стала протягивать ему бумажки, а он, не глядя, совал их в карман своих грязных штанов.

И тут до меня дошло, что мы, значит, уже уходим домой — без всякого угощения. И я опять так вдруг устал, что начал зевать. Мне стало так тоскливо глядеть на всю эту порожнюю посуду. Зачем её так много, если из неё ничем не угощают нас с бабушкой, хотя мы шли сюда так долго?

— Эгей, Дарья, а хто ж цей малый? — окликнул бабушку Гончар, когда мы уже вышли из его горячего подвала на двор.

— Та цэ ж мий внук Юрьчок, — сказала бабушка.

— Ты дывысь!.. Юрко! — радостно уставился на меня краснолицый дядька, как будто мы с ним давно знакомы, только он сегодня из-за жары не сразу меня признал. — А ну, почекайте трошки. Бо в мэнэ е щось и для тэбэ, Юрко. — Он потопал босыми ногами в какой-то другой тёмный закут подвала, тоже, должно быть, уставленный всякими посудинами, потому что оттуда в ответ на его побряхтывание и ёрзанье отозвались звяком и кряхтением потревоженные горшки.

— Ага, ось ты дэ заховався! А ну вылазь на свит! — сердито прикрикнул, наконец, дядька и сам почти тут же вылез к нам на солнце. — На, Юрко, трымай!

На его чёрном указательном пальце висел, подцепленный за круглую глиняную ручечку, тонкогорлый кувшинчик.

— Ты дывысь, який гарный глэчик, — улыбнулась бабушка. И по её улыбке я понял, что могу безбоязненно принять из рук Гончара эту почти игрушечную крутобокую посудинку.

— Тэпэр будэш пыты из цього глэчика водычку. Чи молоко... А, може, щэ й горилку, га, Юрко?

И Гончар моргнул мне одним глазом и засмеялся пересохшей своей глоткой.

Таким было его угощение.

ГЛЕЧИК

Он увесистый и холодный, этот глечик, и он взопрел на дневном жару. Но мне совсем не тяжело нести его по дедушкиному следу, уходящему в траву от нашей телеги. Ручка у глечика шершавая, как раз под мою ладонь.

“Глэ-чик, а глэчик?.. Ты — мий глэчик”, — думаю я про него. У бабушки на хозяйстве есть разные там кувшины — под молоко, под сметану или простоквашу. А глечик — один-единственный. И он — мой. Теперь, значит, у меня тоже появилось своё хозяйство. А к нему появилось и поручение, и вот — я его исполняю.

Всё, что сейчас вокруг меня, все травы, что шелестят или недвижно нежатся под солнцем, всё, что ползает, перелетает между ними или копошится на земле, нуждается в моей опасливой оценке: уколет оно меня, поцарапает, ущипнёт, ужалит? Или же ласково до меня дотронется, не причинив никакого вреда.

Вот и получается, что без чьих-то подсказок или почти без них я, даже не зная по именам этих окружающих меня существ, имею уже достаточно осмотрительности и разборчивости, чтобы не лезть напролом, а на каждом почти шагу приглядываться и прислушиваться, а если надо, то и молча пятиться.

Прежде всего, мне нужно прислушиваться к влажному, вкусному шмыгу, чавку и хрупанью дедушкиной косы. “Шмыг-шмыг... Хруп-хруп... Жавк-жавк...”. Ей, должно быть, вкусно, косе, и дедушка её всё кормит и кормит, как прожорливого конягу. Дедушке Захару некогда оглядываться и высматривать: поспеваю ли я за ним или сильно отстал, а то и вообще куда-то с его глаз сгинул.

Это уже сразу было понятно, что мне тут дозволяется расхаживать только вслед за дедушкой, ступая по следам его чобот. Окажись я перед ним или сбоку от него, мои ноги угодят как раз под косу.

Да и как это я туда сунусь, если трава там — выше моей головы? В такой траве как раз заблудишься. А не заблудишься, так помнёшь её, и тогда коса начнёт спотыкаться.

“Зык-зык... Ость-ость... Жесть-жесть”. Это он остановился, вынул длинный серый брус из кармана и принялся точить косе её жало, чтобы она проворней сгрызала траву, легко валила набок.

Когда он прячет взмокший брус в карман, я успеваю спросить:

— Диду, воды хочешь?

— Ну, давай, — оборачивается он, и я протягиваю ему важкий, по самое горлышко наполненный водой глечик.

Дедушка откупоривает деревянную пробочку, которую сам же и выстрогал для глечика утром, делает три крупных глотка, вытирает усы тылом ладони и крикает:

— Яка ж вкусна! Як из крыныци... А ты сам хочешь?

— Ни. Ще нэ хочу.

Мне, и правда, ещё не хочется пить. А у дедушки, вижу, белая его рубаха на спине и на груди побурела. И на лоб, и на лысину выкатываются большие спелые капли пота. Он, как сказала бы с усмешкой бабушка, *запалывся*. Это она, когда собирала нас на косьбу, налила из ведра полный глечик воды и наказала мне поить дедушку, “щоб вин не запалывся”. Вспоминая теперь тот наказ, я думаю про себя: как же приятно исполнять её поручение и как хорошо, что этот глечик, совсем недавно мне подаренный, сегодня пригодился.

КРАСУЛЯ

Перед тем, как садиться солнцу, пастухи пригоняют череду в село, и я всегда с удовольствием выхожу с бабушкой встречать нашу Красулю в проулок между хатой и коровником. Пастухи длинными кнутами и громкими криками подгоняют стадо, чтобы и самим поскорей поспеть к ужину. Коровы, а за ними овцы с баранами и без понуканий поторапливаются к прохладным ночным жилищам с намерением вволю попить колодезной воды и дорваться до ясельного угощения. Вот почему вся череда не идёт, а прямо валит к селу шумным, жарким и потным валом. Взмывают, взбивают пыль, отхлёстываются хвостами от слепней. Того и гляди наша корова впопыхах проскочит свой поворот с улицы. Значит, надо её встретить, позвать по имени, а то и слегка подстегнуть заранее припасённой хворостиной.

Наступают мягкие тёплые сумерки. Бабушка с порожним ведром в руке важным шагом проплывает мимо меня и вступает в открытую дверь коровника — доить Красулю. Я тихо семеню следом за ней. Мне любопытно смотреть и слушать, как она неспешно усаживается на свою низкую скамеечку, чуть не под живот коровы, ближе к вымени и задним ногам Красули. Я молча жду той минуты, когда первые струи молока начнут звенеть о дно ведра и его стенки. Эти короткие прерывистые звуки так приятно слышать всякий раз. Мне только велено не подходить слишком близко к корове. А то ещё лягнёт копытом или хлестанёт хвостом по глазам. Или рогом заденет. Хотя корова у нас смиренная, но мало ли что ей взбредёт в голову после целого большого дня хождения и лежания под солнцем. Пока бабушка доит её, Красуля то и дело окунает морду в ясли, где для неё дедом заготовлена здоровенная охалка свежей, сочной травы. Корова мягко хрустит сладкой жвачкой. Такой охалки должно хватить ей до утра, когда сельскую животину снова погонят в череду. Я ещё буду спать, но знаю, что бабушка и утром, как всегда, отдоит корову.

“Дзынь-дзынь... зынь-зынь”... Первые звонкие удары струй о дно скоро сменяются более мягкими, спокойными звуками: “жик-жик... шик-шик... пых-пых...”. Мне не видно, высоко ли поднялось в ведре молоко, но приток шуршащих, будто шшущающихся между собой звуков подсказывает: в ведре уже выросла целая шапка белой тёплой пены. Эти умиротворяющие шёпоты заполняют весь коровник, до самых тёмных углов, и мне начинает

казаться, что взбухающие в ведре шевеления, коровьи вздохи и шорохи трав-ных стеблей исходят именно оттуда, из слоистой мглы по углам, а не от ко-ровы, ясель, бабушкиной большой согбенной спины.

Однажды у меня даже появилось желание помочь бабушке и самому не-много подоить Красулю, подёргать её руками за длинные розово-белые тити. Но бабушка, услышав о моём пожелании, издала горлом насмешливо-обид-ный хмык и тут же отчитала меня: “Малэ тэля! Нэ лизь, куды не клычуть!”

Но на другое утро, усадив в хате на табурет, устроила между моими но-гами высокий и узкий деревянный то ли бочонок, то ли кувшин, накрепко заткнутый поверху круглой деревянной затычкой, из которой торчала палка.

— Ось, е и для тэбэ дило, — сказала она. — Трымай палку и пахтай. Там, у дэжци — сметана. Будешь добрэ пахтаты, — з той сметаны зробиць-ця масло.

И тут же показала, как нужно быстро и со всего маху толкать палку вверх-вниз, вверх-вниз.

— А корову доиты — то нэ твое, то дивчачье и жиночье дило.

Сметана — так сметана. А то я не знаю, что это такое. По вечерам, по-сле дойки, бабушка Даша угощает меня кружечкой тёплого, душистого, ещё шелестящего пеной молока. Но остальное она разливает из ведра по крын-кам и относит их в погреб. Когда молоко через время остынет в крынках, бабушка снимает с каждой посуды по несколько ложек загустевшего бело-го и чуть кисленького на вкус лакомства. Это и есть сметана. Но в крынке остаётся ещё и скисшее молоко, простокваша. Её можно есть и большими ложками. А если бабушка подогреет простоквашу из двух-трёх крынок в ка-стрюле и отцедит это горячее варево через сито, получится творог.

Я сразу же начинаю пахтать. Я собираюсь колотить невидимую глазам сметану изо всех своих сил. Кому же из нас не хочется масла? Иногда бабуш-ка добавляет его ложкой в кашу, иногда намазывает тонким слоем на кусок белого хлеба, недавно вынутого из печи. А иногда разогревает до пузырей на сковороде и потом переливает в кувшин. И это — уже топлёное масло, оно может храниться в подполе круглый год.

А ещё она относит свежее масло в колхоз.

Мне кажется, что я пахтаю уже целое утро, но почему-то совсем не по-хоже, чтобы масло в дёжке как-то дало о себе знать.

Если прислушиваться к скучным хлопаньям внутри посуды, то при-ходит на ум, что сметана так навсегда и останется сметаной.

— Щось вона ничего не хочэ, та сметана, — ворчу я вслух и зеваю. — Якась вона лэдэца.

— А можэ, цэ ты ничего нэ хочэш? — хмыкает бабушка — Може, то нэ сметана, а ты в нас такэ лэдэце?

Укор бабушки подхлэстывает меня. С новым раздражением принимаюсь я толкать палку вверх-вниз, то одной, то другой рукой. Но проходит ещё время, а эта противная сметана становится будто бы всё жиже и жиже...

— Бабушка, у мэнэ вжэ мозоляки на жменях, — начинаю я подхныки-вать. Она подходит ко мне, дует на красные водяные мозолики, вспухшие на ладонях.

— А ты подывьись на мои руки, — вдруг протягивает она передо мной свои полусогнутые ладони, все в глубоких чёрных морщинах и порезах. — Колысь и вонь булы таки ж билэньки, як в тэбэ.

В голосе бабушки Даши я различаю какой-то вздох, совсем слабый. Но этого звука оказывается достаточно, чтобы мне неожиданно захотелось притронуться своими губами к её жёстким шершавым ладоням.

— Ще чогу здумав, лызунчик! — отдёргивает она свои руки. И даже для чего-то прячет их под фартук.

Потом строго приказывает:

— Айда на двир! Сама допахтаю твою сметану.

Но на дворе мне почему-то сразу становится скучно, и я жалею, что по-жаловался на эти свои крошечные мозоли и не исполнил до конца поруче-ние. От нечего делать я прохожу в открытый настезь коровник, притраги-ваюсь к чистым, будто вылизанным Красулей яслям. Они пустые, ни одной

травинки не осталось, и через небольшое оконце на их светлые доски падает солнечный рассеянный луч. Недавно я тоже зашёл сюда один и вдруг обнаружил, что в порожних яслях, свернувшись калачиком, после обеда спит дедушка. Лысина его прикрыта кепкой, и он лежит, не разув своих старых чобот, в которых косит траву.

Я сказал об увиденном бабушке. Мы вдвоём заглянули в коровник, тихо подошли к яслям поближе. Бабушка негромко назвала его по имени. Но он не пошевелился и продолжал дышать себе в усы.

— Кумедия, — с улыбкой произнесла бабушка неизвестное мне слово. И добавила так же тихо: — Заморылся мий Захарий.

А теперь, не успеваю придумать для себя какое-то ещё занятие, как бабушка Даша уже кличет меня с порога в хату и кивком головы показывает на угол, где на полу в мисочке с холодной водой желтеет яркий круглячок масла.

Да когда же она всё успела!

Мне и стыдно, что не справился с пахтаньем сам, и радостно, что всё же и я постарался, как мог.

Но надо напоследок ещё постараться. Я мигом выскакиваю на улицу, потому что бабушке велит сорвать большой лист лопуха, а он растёт у нас в тени за хатой. Когда, запыхавшись от бега, я приношу ей самый зелёный, самый красивый лист, она промывает лопушину в воде и бережно заворачивает в неё масло, чтобы отнести в холодный подпол. И пока она его заворачивает и несёт, возле её рук всего на какой-то миг удерживается удивительный, тонкий, ни с каким иным запахом не сравнимый сладко-кисленький дух.

ДРАТВА

Утром я заглядываю в дедушкину мастерскую и вижу: посадив на нос круглые, при одной целой дужке, очки, он привязывает какую-то серую верёвочку на крючок, что торчит из саманной стены. Верёвочка не то чтобы толстая и длинная, но это и не какая-нибудь нитка. Я подкрадываюсь на цыпочках, чтобы не помешать ему, но понимаю по его хмыканью, что он уже заметил моё присутствие и даже доволен, что я здесь.

Всё, что бы ни делал дедушка, мне очень хочется лучше разглядеть, потому что он всегда делает что-то для меня новое и неизвестное. Потому что он у нас — *мастер*.

Так и бабушка про него мне недавно сказала:

— О, дид Захарий, вин такой! Вин у нас майстэр.

Я даже заметил, что бабушка и мама при нём вслух не называют коровник коровником. В этом — втором на нашем подворье строении — есть разные половины: в одной полует Красуля и в отдельных от неё закутах спят куры и утки, а на другой половине, с двумя большими окнами, — дедушкино хозяйство, его мастерская. Он так и говорит обычно: “Ну, пиду в майстерскую”.

— Диду, а що ты робышь? — заискивающе спрашиваю я у него, став сбоку.

— Хм-хм, — не спешит он отвечать. — Що роблю?.. Хиба ж цэ робота? Так, дратва.

— А для чога вона тоби... дратва?

— Для чога? Хм-хм... А щоб тэбэ... за вуха драты.

— А за що ж... драты?

— А щоб ты не був такой вэлький шкодник, — ухмыляется он. — Щоб не залазыв на стол з ногамы, колы люды снідають чи вечеряють.

Услышав про такое ожидающее меня наказание, я на всякий случай начинаю подхныкивать.

— Ну, нэ лякайся, — утешает меня дед. — Дратва — вона зовсим нэ для того.

— А для чога ж? — приободриваюсь я.

— Бачишь чобот? — он поднимает с пола старый мятый сапог. —

Дывись, яка дирка збоку. У таку дирку скільки болотяки и пылі залізэ? От для того и дратва, щоб цю дирку заштиты.

Он суёт мне в левую руку конец конопляной верёвки.

— Зараз будэш мэни робыты дратву. Бо цэ щэ нэ дратва.

Достаёт с одной из многочисленных деревянных полочек, приделанных к стене, тёмный кусок воска.

— На. Трымай воск у правой руци и вошці коноплю що сылы. И як навощишь добрэ, вона станэ дратвой.

Воск в моей ладони твёрд, как камень, необычное занятие забирает меня за живое. “Живк-живк... жик-жик...” Постепенно комок начинает размягчаться и пахнуть ульем, а верёвка делается всё темней и жирней.

Вижу, дедушка доволен моим вощением:

— До-обра выйшла дратва! Нэ згные.

Но всё же он забирает у меня воск и верёвку и сам ещё и ещё вощит её напоследок.

Не успеваю я отдышаться от нелёгкого для моих рук дела, как он, вижу, снимает с полки и просовывает в старый сапог какую-то светлую деревянную чурку.

— А цэ що, диду?

— Колодка, — объясняет он. — Щоб кожа на сапозы нэ зморщылась, а була ривна. Сапог без колодки не зробишь.

Я озираюсь на полку и вижу, что там стоят ещё несколько разного размера колодок.

И вот уже наша с ним дратва усилием дедовых напрягшихся пальцев то входит на железном поводке внутрь сапожного края, то высовывается наружу. Так раз за разом, раз за разом — и от дырки не остаётся следа.

— Ого! — люблюсь я дедовым изделием.

Но он переворачивает сапог наизнанку и хмурится.

— А тут, бачиш, що? Каблук покрывывсь. Трэба прыбываты новыи. А дэ ж там наши гвоздочки?

Я проворно подношу ему с полки тяжёлую баночку с гвоздями.

— Ни, — качает он головой и сам протягивает руку к полке. В коробке из-под спичек вижу горсть ровных, один к одному деревянных гвоздочков, похожих на спички, только коротких, с острыми кончиками.

— Жэлизни гвозди — то для подковок, а нам потрибни гвоздочки дэрэвинни. Да-да, — убеждает меня дед. — Ты нэ дывись, що воны з дэрэва. Дэрэво кожу крепче держэ. Я сам их з дуба наризав. А тэпэр нэсы мени вон той молоточок, малэнький. И шилко визьмы, — кивает он головой на другую полку.

Легко сказать ему. А там у него столько выставлено напоказ молотков, молоточков, что попробуй сразу выбрать нужный. Или то же шило, — какое нести, если у него, оказывается, и шил полным-полно?

Вся эта стенка, как только подхожу к ней, меня снова и снова озадачивает. А сколько тут висит разных пил! Длинные пилы с двумя ручками, короткие, при одной ручке. И эти вот, как он их называет, рамовые, — они, точно, похожи чем-то на оконные рамы... А всякие там длинные и толстые буравы, свёрла, рубанки, длинные фуганки, другие хитрые деревяшки и железяки, которых я пока и по именам не могу запомнить и не знаю, что он ими делает? И неловко мне спрашивать его то и дело, но и молчать не получается:

— А цэ що такэ?.. А цэ, диду?.. А цэ?..

Но вот нужные ему молоточек и шильце доставлены. В новой подмётке каблук он протыкает шильцем дырочки, а потом уже вбивает в тесные отверстия свои деревянные гвоздочки. Из чёрной подмётки они проступают красивой светлой россыпью.

Дед опускает очки ближе к ноздрям и смотрит на меня с лукавой усмешкой поверх круглых стёкол:

— А що, хочеш свои сапожки носыты?

При этих его словах в голове у меня проносится какой-то тёплый ветерок.

— Хб-очу, — шепчу я.

Он примолкает и шевелит губами из-под усов:

— Сколько ж мени було рокив, колы я заробыв перши свои чоботы? И ещё молчит.

— Ноги в мэнэ вжэ булы таки ж вэлыки, як и з'араз.

Я шепчу что-то про себя, чтобы прикинуть, когда же и мои ноги станут большими, как у дедушки. И почему-то кажется, что это будет ещё не скоро.

— Та нэ журысь. — Дед слегка похлопывает меня по спине. — Цього ж лита, як збэрэм пшеничку и жито, зроблю тобі малэньки чоботки.

Только исполнить это своё обещание он так и не соберётся.

ВАННОЧКА

Крестили меня не в церкви, а в обычной сельской хате, потому что началась война, и мы уже оказались в немецком и румынском тылу. А Фёдоровская церковь на ту пору ещё не была заново открыта.

От картины того дня, позже подкреплённой немногочисленными дополнениями мамы, уцелело в памяти несколько разрозненных подробностей. Тихое пасмурное небо над селом. Сырая тучность приусадебного вспаханного клина, на котором дедушка обычно высевает рожь или пшеницу... И мы с бабушкой Дарьей, спешащие по тропе вдоль этого клина к чьей-то хате, что стоит почти напротив нашей, но ниже по склону балки... Вот приметы, позволяющие мне считать: пора была осенняя.

Значит, ещё 1941-й? Фронт отошёл на восток, и на селе оккупационная власть немецкая вскоре сменилась властью румынской. Союзники Гитлера румыны рассчитывали на то, что земли, прежде называвшиеся Бессарабией, а это, кроме Молдавии, ещё и большая часть Одесской области, будут отданы Берлином под их управление.

Но всё ж румыны — православные. Не потому ли и священник объявился, ходит по домам, крестит. Скорей всего, в село он пришёл почти сразу после того, как грома войны откатились вглубь страны. Не в правилах воина Христова было бы медлить с исполнением самых насущных таинств, треб. Здешний крестьянский люд, ошеломлённый, как и повсюду, молниеносностью чрезвычайных перемен, особо нуждался теперь в духовном окормлении. Да и сам иерей до возобновления храмовых служб мог всё же рассчитывать на хлеб свой насущный, пусть пока и в виде скудных подаваний, от случая к случаю.

Бабушка, догадываюсь, с моим крещением тоже никак не хотела медлить. Село пребольшое, а все друг друга знают. Мало ли кто может проговориться властям: у Грабовенок сын — красноармеец, у старшей их дочери *чоловик* в Красной армии, средняя — учительница, и муж её, второй их зять, — тоже красноармеец. Да ещё и младшая дочь медестрой ушла с красными.

Пыгаюсь представить себе сильнейшие тревоги и внутренние борения, которые вселились в душу бабушки накануне стремительного отступления наших войск. Мама — уже в пожилые свои годы — рассказала мне однажды: за несколько дней до прихода немцев она, запыхавшаяся, прибежала из школы и с порога, со слезами отчаяния, выпалила родителям: школьное начальство даёт ей возможность срочно эвакуироваться вместе с сыном, то есть со мной, а значит, нужно сейчас же собираться... Дедушка что-то невнятное раз-другой хмыкнул, видимо, примеряя про себя, какой всё же дать наиболее благоразумный отцовский совет. Но бабушка Даша и минуты не промешкала. В её холодном кратком определении вдруг проступила древняя как мир суровость охранительницы очага: “Ты, Тамара, робы, як хочеш, а його, — и она пригребла меня к своему животу, — його я тобі не видам!”

И юная моя мама тотчас сникла. Потому что поняла: да, не отдаст. Может быть, только такой приговор своему отчаянному намерению она и желала теперь услышать? Потому что он означал для неё одно: значит, и сама она ни в какую-то такую эвакуацию не отправится. Что там, за этим жестяным, заманчиво-зловещим “эвакуация”?.. Бегство, пыль, нищенские узлы на телегах, эпидемии... Куда, в какие ещё спасительные кущи, на какой срок?

Что за смысл от одного лиха другого лиха искать? Да неужели же она сама — без сына — возьмёт и побежит?!

Но и бабушке, так властно распорядившейся судьбой дочери и внука, отступать было теперь некуда. Каждый день, каждую неделю, каждый длящийся медленным чередом месяц оккупационной оцепенелости ей нужно было снова и снова доказывать правоту своего решения. И когда она услышала однажды, что в округе объявился священник, ходит по хатам, крестит, исповедует, причащает, ей ничьи подсказки уже не потребовались. Когда ж, если не теперь, крестить внука? Не нагрянь война, разве эти родители-комсомольцы дали бы его окрестить? А, помоги Боже, погонят немцев и румын назад — что тогда? Тогда тем более не дадут! И вырастет дитя нехристом. Грех, великий грех падёт на неё, нерадивую рабу Божию Дарью.

Не проучившаяся, в отличие от мужа, и года в церковно-приходской школе, она, однако, знала наизусть, что именно понадобится от неё в день совершения таинства, чтобы не оплошать перед неизвестным священником. Нужно приготовить крестильную рубашку до пят. Нужен крестик, на цепочке или на гайтане.

Рубашку быстро из простынки скроила, сшила, выстирала, прогладила. Крестик, маленький, золотой, у неё уже был для меня припасен. И цепочка медная лежит горкой в узелке.

Односельчанки попросили её принести заранее ещё и ванночку, которая должна послужить вместо церковной купели. Ведь собираются крестить сразу нескольких детей, кто поближе к нашему краю села живёт, а таза или корытца подходящего ни у кого нет. Вот и вспомнили соседки: у Грабовенко почти новая ванночка — для внука куплена, как народился. Пусть её и принесёт тётя Даша.

Это всё приготовлено, но как быть с крёстным отцом, с крёстной матерью? Бабушка загодя поговорила со старшей дочерью. Лиза разве откажет? Крёстным же вызвался стать, а значит, прибыть к назначенному дню мой дядя Коля, старший брат отцов, хоть он и живёт на железнодорожной станции, в двенадцати километрах от Фёдоровки. Вот и хорошо. Восприемниками внука — его же дядя и тётя. Ну, а присутствие родной матери и по канону не обязательно. Объявись она, так священник, если окажется строг, ещё и отчитает юную учительницу: сама ты, значит, крёщёная, а почему же душу своего сына по сей день, покуда гром страшный не грянул, оставляла в пустыне безверия?

...Через несколько минут мы с бабушкой его увидим. Какой он из себя, этот человек, которого одни зовут попом, другие — священником, третьи — батюшкой? Что он скажет нам? И что это всё-таки такое — *окрестить*?

Я ведь иногда вижу, как бабушка крестится, стоя в углу нашей хаты перед иконами. Вижу этот сопровождаемый тихим шёпотом и поклонами крупный, мерный мах её правой руки ото лба к поясу, и затем от правого к левому плечу. Вижу изредка и дедушкины меленькие, как бы наспех, крестики. Крестится ли мама, я не знаю, не видел ни разу. А когда сам, подражая бабушке, пытаюсь правой рукой неловко елозить по лицу сверху вниз и от плеча к плечу, она косится укоризненно и говорит со вздохом:

— Почекай трохи.

Может, сейчас, сегодня и станет мне ясно, почему она велит мне подождать немного, не делать до срока так, как делает сама?

А пока мы идём с нею к хате, в которой я никогда ещё не был, но которая всегда так хорошо видна, когда стоишь на нашем домашнем пороге. Или когда смотришь на село из наших южных окон.

Она — внизу, в долине, при нижней дороге, и к нам обращена глухою своей, белой с синими углами стеной. Значит, в ней и произойдёт *это*, о чём бабушка меня предупредила самым, похоже, немногословным, при всегдашней её сдержанности, образом: “Почекай трохи”. Оттого я теперь сам не свой, поспевая рядом с ней по тропе вдоль чёрной пахоты.

Уже внутри хаты нальывает на нас со всех сторон множество лиц наших односельчан, — взрослые, дети... Одни, кажется, знакомые, но больше таких, кого никогда раньше не видел. И разве сообразишь, кто где? Голова

идёт кругом. Но посреди всех одного различаю отчётливо — в чём-то чёрном до пят. И сам он какой-то чёрный: чёрными глазами озирает всех сразу, черноусый, с чёрной, густой, не виденной никогда ни у кого из наших сельских бородой, с чёрным загривком за плечами... Он, если бы не бледные лицо и руки, совсем чёрный. Только на груди — большое что-то светится, беломатовое, на крупной светящейся цепи... Что это у него? Красивое такое, многоугольное, хочется потрогать рукой. Да разве посмею?..

И, вижу: он медленно снимает с себя это светящееся, не спеша, будто во сне, окунает в воду... Раз окунает и другой... И ещё раз...

Всплёскивает, разлетается искрами вода в нашей, — узнаю её и немного успокаиваюсь — ванночке. На её закрулённую спинку крепкими его пальцами прилеплены три восковых свечи. Как только они вспыхнули, все глаза, все лица вокруг, и его лицо и руки тоже, будто смягчились, потептели. Как и все, смотрю на него неотрывно. Никогда ещё в малой своей жизни не встречал ведь я человека, так спокойно подчиняющего присутствующих власти своих тихих слов и движений.

Никогда и не встречу его больше.

Зато, пусть не с ним, но с такими, как он, буду встречаться многократно. В разные десятилетия буду знакомиться со священниками, непохожими друг на друга по возрасту и облику, по духовному опыту, — в часы крестин, иногда в церквях, но чаще у кого-то на дому. Буду постепенно узнавать в подробностях, в мерном его последовании весь православный чин таинства крещения, удивительный в своей первобытной простоте и мудрости.

Но к облику того дня — к событию собственного крещения — мне здесь добавить, как ни жаль, уже и нечего. Потому что, сколько ни напрягаю память, не различить, не подобрать в горсть уже ни капли из той утекшей воды крещальной. И зачем же стану внушать, воображать здесь самому себе и тому, кто это читает, живописание таинства, взятое в долг из впечатлений уже взрослой своей жизни?

Наверное, в наступивший тогда час слишком переполнен был я переживаниями, чтобы они уцелели в памяти неприкосновенно и сполна. А с другой стороны, слишком сильно, спустя всего несколько лет, обрывочная эта память была запечатана доверительными просьбами материнскими: не говорить о своём крещении ничего никому. А насмешливые высказывания моих первых же школьных наставниц в адрес разных там попов и безграмотных тёмных старушек? Разве не впитывались они безоговорочно мной и моими сверстниками наравне с истинами азбучного строя, арифметических правил сложения, вычитания?..

И всё же остаётся при мне от того дня один свидетель искренний, свидетель непреложный — бабушкин золотой нательный крестик. Почти четверть века спустя после своих крестин освободил я его из заветного тряпичного узелка, вручённого по какому-то случаю мамой, и стал носить на груди, чтобы уже никогда не снимать.

И ещё свидетельница есть одна. По старинному церковному правилу суд, в котором крестят людей, в хозяйственных нуждах использовать запрещено. Как запрещено и воду освящённую выливать, куда ни попадя. Ну, под цветы комнатные можно, под деревья плодовые можно... Не знаю, напомнил ли священник, крестивший тогда нескольких сельских детишек, эти правила присутствующим взрослым. Может, и не стал напоминать, потому что каждый день видел вокруг себя скудость крестьянского житья, обложенного со всех сторон запретами то предвоенной, то военной поры.

Как бы то ни было, ванночка моя — в тот ли самый день или немного позже — вернулась в наше жильё. И в ней, наверняка, продолжали меня купать. А потом, уже после войны, купали в ней поочерёдно моего скончавшегося во младенчестве братца, затем и сестру. А стирки разных там пелёнок, распашонок, рубашек да и взрослого белья? Как и по этой неотложной надобности обойтись было без неё? И ванночка кочевала с нами по стране, — на телегах, в поездах, на машинах — и не порожней, конечно, а нагруженной — когда тем же бельём, когда съестными припасами. Терпеливо и выносливо продолжала службу незаменимой в быту вещи.

И по сей день висит где-то в родительской дачной подсобке, уже ни на что не пригодная, праздная от бесконечной череды забот и попечений.

СТРАННЫЙ НЕМЕЦ

Вот он поднимается не спеша от нижней сельской дороги в нашу сторону, а мы с дедушкой сидим на завалинке хаты и смотрим, как он вышагивает.

Я уже умею немца отличить по одежде от румына. Немцы ходят в зелёном, а у румын одёжка какого-то бурого цвета, точно пожухлая солома. Но этот, что шагает в нашу сторону, он — не просто в зелёном. Всё на нём — фуражка, китель и брюки — звонко-зелёное. Когда он обходит по краю дедушкин клин, на котором уже проступили входы озимой пшеницы, я замечаю, что одежда у этого немца зеленью своей похожа на травяные ростки.

Другие немцы, которых я уже видел, носят серо-зелёные рубашки и пилютки, будто полежавшие перед тем в болотной воде, какие-то грязные.

А когда я их, немцев, впервые разглядел? Давно или нет? Не могу уверенно сказать. Но точно, утром случилось. Потому что спал, как было для меня заведено в холодное время года, на печи. И вот пробудился, расслышав сквозь занавесочку непонятную речь внизу. Слова доносились непривычно громкие, дребезжащие, даже со скрежетом. И как будто сыпались они из разных углов комнаты.

Я зашевелился. Очень захотелось разглядеть, кто же там такие. В щель между трубой и занавеской я увидел, что у противоположной стены комнаты сидят — кто на стульях, кто на табуретках — несколько голых по поясе чужих дядек. Сидят, наклонив головы, и что-то упорно рассматривают, торопливо прощупывают в своих рубахах. Не знаю, что меня больше поразило, — дружное копошение пальцами в одеждах или то, что они в чужом доме сидят полуголыми, совершенно этого не стесняясь, громко разговаривая и пересмеиваясь. Ведь я никогда не видел ни дедушку, ни бабушку, ни маму мою без одежды.

Тут перед занавеской возникло откуда-то сбоку хмурое лицо бабушки Даши. Она сухо прошептала:

— То немци...

Оглянувшись, наклонилась снова к моему лицу и сердито добавила:

— Не лизь до них...бо в них воши.

Тут-то я сообразил, чем они занимались. Они выскивали в своих кителях и рубашках, расщёлкивали ногтями... вшей!

Бабушка задернула занавеску, а я отпятился вглубь лежанки и даже надвинул на голову одеяло. Что, если и ко мне приползёт снизу отвратительная пакость, гадкие жучки, от которых у взрослых и детей кожа на голове и на теле начинает чесаться? От них же, говорят, можно заразиться и умереть.

Снова заснуть я уже не смог. Так и пролежал неизвестно сколько, сжавшись в комок, пока не стало совсем тихо. Бабушка окликнула меня и сказала, что можно спускаться, потому что *немци* куда-то ушли.

Но в другой раз несколько таких же, в серо-зелёном, солдат вдруг среди утра ввалились в хату и, без всяких слов, принялись скатывать с пола, сгребать в охапки длинные полосатые рядна. Рядна выскользали прямо из-под наших ног, и мы с бабушкой от испуга чуть не попадали на пол.

— Тикай! — сердито крикнула она мне.

Я опрометью кинулся на двор. Но здесь оказалось куда страшней. Сразу за нашими грядками, вся в чёрно-зелёных пятнах, торчала невесть откуда сюда приползшая уродливая железяка — (потом я узнал, что она называется танкеткой). Из её щелей с треском валил чёрный зловонный дым. Спиной к железяке стоял ещё один немец. Он отмахивался от клубов гари и свирепо орал что-то трём солдатам, которые уже неслись из хаты со свёрнутыми ряднами на груди. Тут я обернулся на гневный вскрик бабушки Даши.

Она стояла на пороге и размахивала поднятыми вверх кулаками.

— А, тряся вашей матэри!

Я впервые услышал от неё такие грозные, как раскат грома, слова. В брани её было что-то ужасное.

Тем временем немцы, мешая друг другу, уже запихивали рядна в дымящееся нутро своей уродливой машины. Дым быстро сникал. Когда он совсем иссяк, солдаты принялись выдёргивать и кидать на землю почерневшие, чадащие комки смрадных ряден.

Только после тушения пожара они обернули свои чумазые лица в нашу сторону. Странно, они смеялись, будто довольные проказой дети.

...А вот этот, в ярко-зелёном, нарядном, с какими-то светлыми нашлёпками на воротнике и плечиках, всё идёт себе не спеша, будто на прогулку собрался. Может, вовсе и не к нам направляется? Остановился у крайнего в саду сливового дерева, что-то под ним разглядел.

— *Охви-цэ-эр*, — тихо, врасстяжку говорит дедушка и покашливает.

Когда он произносит новые, непонятные мне слова, я сразу верю, что он их не сам придумывает, как не берет же откуда-то из воздуха и названия для своих инструментов.

Мама мне недавно рассказывала, что у родителей дедушки Захара он был в большой их семье чуть не самым маленьким, — ну, немного постарше меня. Семья бедствовала, и потому смышлёного Захара отдали *внаймы* в немецкую колонию, на работы по хозяйству. То были совсем другие немцы, не похожие на этих военных, и он очень старался, запомнил у них названия самых разных инструментов и как ими пользоваться...

Конечно, мне бы хотелось и у самого дедушки расспросить про ту немецкую колонию, про то, когда и где это было, и где теперь те немцы, у которых он жил. Но не сейчас. Сейчас мне очень хочется услышать от него, куда всё же идёт этот немец, и не ждать ли от него беды.

Ведь совсем недавно великая беда чуть не случилась: к нам в хату вломился, и тоже без стука, как те, что своровали и испортили бабушкины рядна, ещё какой-то *серо-зелёный*, — толстенный, щёки трясутся на ходу, страшно чем-то недоволен.

Так его помню, будто и дня не прошло. Сопит, быстро обшаривает глазами большую комнату, лезет в малую, где как раз я стою у окна, только что подтолкнутый сюда бабушкой.

Взгляд его мгновенно упирается в стену над кроватью. И почти тут же он начинает верещать, как боров:

— Лееенин?!

Щека и толстая его шея наливаются кровью.

Бабушка, бледная, с немым вопросом в глазах, замерла у двери.

— Лееенин? — тычет он хлыстом, чуть не пробивая насквозь портрет в тёмной деревянной раме.

И уже не спрашивает, а будто наотмашь бьёт, нацеливая хлыст попеременно то на стену, то на бабушку:

— Ленин!.. Ленин!..

Наконец, она догадывается о причине его ярости.

— Господи! Та який же цэ Ленин? — всплёскивает она руками. —

Цэ ж Захарий, мий чоловік...

Суматошно озирается, окликает со слезами в голосе:

— Захарий?.. Та де ж вин?

Бабушкин взгляд падает на меня.

— А ну, бижи, покльйкай дида... Нэхай йдэ сюды... Швядче!

И опять пытается уговорить немца:

— О, Господи, щэ й таког нам нэ хватало... Та хйба ж то Ленин?.. Та нащо б вин тут высив?.. То ж мий чоловік, Захарий...

Не успеваю выбежать, как дедушка сам явился на крики, переводит взгляд с бабушки на немца, тихо спрашивает у жены:

— Що такэ потрапылось?

Крик просто душист толстяка:

— Леее-нин!?

— Та вин кажэ, — захлёбывается слезами бабушка, — вин кажэ, що то Ленин... на портрэти... А? Що тэпэр зробышь?

И тут дедушкины усы неожиданно распушаются в улыбке. Он делает шаг прямо на немца.

— Нихт Ленин, нихт... то я сам... Их бин!.. — дедушка тычет себя пальцем в грудь. — Майн портрэт... малер намалював... германьский малер ин германьский колония... Их бин арбайтер ин германишен колония... унд малер за марки, розумиетэ, арбайте майн портрет.

Мы с бабушкой не можем понять, что именно пытается он доказать немцу чужими для нас словами. Но, похоже, этих слов оказывается достаточно, чтобы тот вдруг перестал орать и вытаращился. Но уже не на портрет, а на лысого шутника, который говорит почти безостановочно.

— Герр офицер, — наступает дедушка, — ахтунг! — И показывает на свой подбородок. — Их бин нихт Ленин... Ленин хабе бо-ро-да... Их бин нихт бо-ро-да.

Даже мы с бабушкой теперь понимаем: да, у него нет бороды, и на портрете его тоже нет никакой бороды. А у этого, из-за которого немец так разорался, борода, значит, есть? И немец об этом разве не знает?

Толстяк в досаде бьёт хлыстом по голенищу сапога, свирепо машет пальцем перед носом у дедушки, будто хочет уличить его в великой хитрости. И вдруг молча, растолкав нас к стенам, бросается из комнаты. Мы слышим грохот удаляющихся шагов. Но ещё несколько минут стоим в оцепенении. Что, если этот страшный *герр офицер* захочет вернуться и снова примется орать на всех?

Тут бабушка дотягивается руками до рамки портрета и, не спрашивая согласия у своего *чоловика*, снимает со стены. И молча уносит куда-то...

Мне бы в тот час разглядеть напоследок портрет молодого своего дедушки. Ведь ни при немце, ни до его нежданного появления я сделать этого так и не успел. Потому что всегда пребывал он на стене и был для меня, как и сама эта стена, всегдашним. До того привычным, что и разузнавать что-то о нём повода не возникало. А теперь, когда она его унесла, разве теперь у неё или у деда допросишься, куда всё-таки подевали его? Ходят по хате и молчат, будто не узнают ни друг друга, ни меня.

...Но что же этот, в чистом зелёном мундирчике?.. Он всё-таки, похоже, идёт к нам. Хотя и посверкивает по сторонам круглыми очёчками, а нас как бы всё ещё нет для него. И лишь когда ему остаётся шага три-четыре до пристенка, где мы сидим, он замирает и чуть приоткрывает маленький рот, будто сказать что-то собрался. Но тут же и передумывает говорить. Или это он так зевнул?

Лицо у него под большой фуражкой тоже маленькое, молоденькое и, кажется, совсем не злое. Теперь он не смотрит по сторонам. То на дедушку глянет, то на меня. Дедушка уже пробует привстать и снять кепку, как принято у взрослых, и наклонить лысую голову в знак приветствия. Но немец прикасается тонким концом хлыстика к плечу его телогрейки, тем самым позволяет сидеть и дальше, как сидели до сих пор.

Он продолжает рассматривать нас, и мы, как ни хочется отвести взгляд от его светло-серых, бесцеремонных и каких-то дурашливых глаз, тоже вынуждены из опасения заглядывать в его размытые стёклышками очков, мутноватые, но неотрывные зрачки. И это взаимное разглядывание — для нас неловкое, изнуряющее, а для него, похоже, забавное, как игра посреди хмурого дня, длится так долго, что даже дедушка мой начинает похмыкивать.

Ещё совсем немного, ну, минуту, ну, две или три, и он уйдёт вниз по склону, к южной дороге, откуда и возник. Ни о чём не спросит, не попросит, не потребует ничего, не захочет войти в хату, где сейчас одна только бабушка, и она что-то делает по хозяйству, даже не догадываясь, возможно, о приходе очередного незваного гостя... Одного из незваных, которые мне навсегда запомнились.

Но те, остальные для чего-то очень им нужного появлялись: одни — чтобы давить своих насекомых, другие — чтобы испакоститить половые наши рябенькие дорожки, ещё один — чтобы разоблачить хозяев за хранение портрета советского вождя. А этот? Он же ничего от нас, похоже, не хотел.

И хотя он простоял перед дедом и мною, возможно, совсем не так долго, как мне показалось, но запомнился почему-то с особой отчётливостью, и потом, в разные десятилетия, я будто бы на фотоснимке снова и снова видел перед собою эту его тщедушную юношескую фигурку, серые размытые, но щупающие глазки, кругленькое личико, серебряные нашивки на отворотах мундирчика. Он остался загадочным и странным.

Те ведь тоже вели себя непривычно, даже отчасти смешно: со своими насекомыми, со своей клубящейся чёрным дымом бронемашинной, с померещившимся Лениным. Что в них было загадочного? Что было странного в том, что ещё какие-то из них однажды замусорили нам двор мятыми обёртками от масла и плавленого сыра? Помню, бабушка, заметив, что я уже потянулся рукой к сверкающей фольгой обёртке, цыкнула на меня: “а ну, не лизь... то гимно поросяче, смиття... тьфу!” Что было странного, загадочного в том, что они мусорят или гадят, где попало, не стесняясь взрослых и детей?

Не выглядели странными, а скорей — смешными, жалкими — и румыны, что в своих грязно-бурых шинелках с поднятыми воротниками ходили по трое-четверо вдоль улиц села и требовали, а то и выкликивали у хозяек кукурузную муку, чтобы сварить из неё свою плотную кашу — мамальгу. Он зернового хлеба у них, говорят, болели животы и опухали глотки и дёсна, вот они и шли за своим кукурузным сбором с приоткрытыми ртами...

Почему же и по сей день остаётся для меня загадочен этот, единственный из всех? Ведь для чего-то и он всё же появился? Может, хотел разведать, не здесь ли живёт молодая учительница и какая она из себя, и знает ли она, к примеру, немецкий язык?

Или о другом у неё хотел узнать: не она ли красуется на фотоснимке, который он приметил в жильё, где находится на постое: школьники сидят вокруг своей наставницы и по её команде учебники пораскрывали, и у всех там — Сталин!

Но маму в тот день он бы увидеть не мог — ни в хате, ни на подворье. Она вообще в те дни и недели, когда через Фёдоровку немцы прошли в 41-м на восток и когда в начале весны 44-го покатали на запад, в родном доме почти не появлялась.

Лишь после оккупации провела она меня к той отдалённой хатке на краю поросшей молодым лесом яруги, где *ховалась*, и не только одна. Мы пошли с ней сначала задворками села, мимо дедушкиного виноградничка, мимо кладбищенского холма. Когда миновали самые дряхлые деревянные кресты и один или два древних каменных, почти заросших кустами шиповника, трона изогнулась, зашпорила вниз, вдоль тёмной размоины-рыпы, цепляясь за корни деревьев. Тут, на крошечной полянке под старой лишайистой соломенной стрехой и обнаружилась хата-невеличка маминой бабушки Олены. Что-то мама ей принесла в узелке и выложила на стол. Почти тут же маленькая старушечка в светлом платочке залепетала, зашаркала ножками в сторону белой и тоже маленькой печки, обещая, что и у неё в *хатынке* найдётся гостинчик, чтобы угостить Тамариного сынка. И точно, в ручке своей она вынесла к столу ещё тёплое печёное яблоко, будто напитанное мёдом. И я подумал: как хорошо, наверное, было маме *ховаться*, — укрываться тут, на самой глухой из окраин села, от всякой беды. И как жалко, что ни от бабы Даши, ни от мамы я ничего про таинственную свою прабабушку до сих пор не знал...

А что, если этот любознательный, в зелёном мундирчике, от кого-то в селе выведал фамилию моего отца и потому захотел, поднявшись к нам, разрешить своё недоумение: что это за фамилия такая *Лощиц*? Вроде бы перекликается с немецкими и австрийскими типа *Лейбниц*, *Тирпиц*, *Клаузевиц*, *Зейдлиц*?. Или же отнести её надо к иудейским, поддельным под германские и австрийские, — вроде *Лифшиц*, *Липшиц* и прочие?

А может, потому он пришёл, что его рассмешил недавно услышанный от своих же анекдот про местного крестьянина, который с помощью всего нескольких немецких слов доказал солдафону из разведки, что в сельской хибаре висит не портрет Ленина, а его, крестьянина, портрет, да ещё написанный каким-то художником из старой немецкой колонии?

Или же интерес к дедушке возник у странного гостя по другой причине: от кого-то из наших односельчан он мог услышать, что, точно, этот самый Грабовенко в молодости работал у немцев-колонистов и выучился готовить всевозможных сортов колбасы, сальтисоны, ливеры, грудинки и окорока, а сверх того на сельских свадьбах он же может часами лихо играть на скрипке всякие краковяки и польки. Судя по всему, у офицерика не было в то утро гастрономических намерений. Ну, какой крестьянин станет к его приходу придерживать в своей кладовке хотя бы фунт шпига? Но вот что касается музыки... Что, если он сам был музыкант? И шёл к нам, насвистывая что-то весёлое из Гайдна или Моцарта, или модного Карла Орфа? Ведь все они, великие, не стыдились обрабатывать для своих оперных арий, концертов, сонат самые простенькие, но забавные мелодии, подслушанные именно у простолюдинов. И лишь подойдя к нам на два шага, решил, что его с этой легендой о пейзанском скрипаче кто-то из переводчиков ловко разыграл. Ну, не способен сидящий перед ним старик в ватнике, с грубыми венами рук, с короткими, корявыми, жёлтыми от никотина пальцами, с их узластыми от земляных работ суставами не только пиликать что-то, а даже притронуться к смычку и скрипичным струнам.

Как-то за беседы с Петром Васильевичем Палиевским, который в отрочестве даже подвергся насильственному выселению в Германию, я вспомнил о своих годах, проведённых в оккупации, в том числе и об этом странного поведения немце. Палиевский оживился и пообещал дать мне на время недавно выпешдший в США, но в русском переводе, сборник воспоминаний немецких офицеров и солдат, воевавших на территории СССР в составе гитлеровских войск. Уникальность этих мемуаров, в чём я убедился, прочитав книжку, заключалась в том, что авторы подобались, видимо, по принципу нестандартности своего отношения к народу, с которым они много лет назад столкнулись в советской России. Они писали не столько о своей личной храбрости, не о стратегической гениальности или, наоборот, тупости командующих фронтами, армиями, корпусами и дивизиями, сколько о странном славянском народе, живущем в варварской праотеческой простоте. Их убогие жилища с глиняными полами и соломенными крышами лишены электричества, водопровода, канализации. Большинство из них почти круглый год ступает по земле босыми ступнями. Они не ведают, что такое одеколон и зубная щётка, а вместо мыла натирают руки глиной. Но при всей их отталкивающей негигиеничности, это какой-то поистине галилейский народ, необыкновенно выносливый, смиренный в своём наивном, непоказном боголюбии, способный на неподобострастное и даже великодушное отношение к немецкому воину, которого они умеют искренне пожалеть и... перекрестить на дорогу, как и своих детей, воюющих на стороне безбожного коммунистического сиона. Эти мемуаристы, воевавшие на разных фронтах, не стовариваясь, свидетельствовали по сути об одном: в деревнях и сёлах России под коростой примитивного быта они разглядели не образины дикарей, как были приготовлены увидеть, но лица, осенённые Христовой истиной. Миссионеры цивилизованного Запада, они опешили, очутившись как бы в другом совсем времени, — там, где ещё живы слушатели Нагорной проповеди. А если не опешили, то, по крайней мере, глубоко задумались. И надолго — вплоть до своих поздних признаний.

Может быть, он из их числа, мой загадочный офицерик?

Впрочем, и всяких иных предположений о цели его прихода я для себя в разные годы придумал ещё немало. Не тщетное ли занятие? Но почему-то оно меня никак не отпускало. В конце концов, он же мог в то утро просто прогуливаться по Фёдоровке без всякой задней мысли. И ему просто нравились такие деньки ранней весны — с лёгким тёплым туманцем во всё небо (как в родной его “Германии туманной”). Нравилась эта ватность в воздухе, не пропускающая немирные звуки, и он, допустим, проснулся после крепкого молодого сна с таким чувством, будто ни единого дня не был ещё на войне. И быть на ней не собирается, а если придётся, то никого не ищет ни убить, ни обидеть.

Громы войны уже покатали в сторону его фатерланда. Ведь на дворе стояло начало марта — судя хотя бы по дружным всходам озими на нашей усадьбе.

РАССКАЗ ПРО СОБАКУ

Поздним вечером было или на рассвете, — разве вспомню сейчас? — но однажды в большую комнату нашей хаты, при слабом свете керосиновой лампы, ввалилось и застыло у порога неизвестное мне существо в какой-то мятой шапке-ушанке, в грязно-бурой, тяжёлой, коробящейся шинели до пят. И почти мгновенно бабушка и мама, всплеснув ладонями, кинулись к этому замершему без движения существу. Всклипывая, что-то невнятное причитая, они принялись освобождать человека — мужчину или женщину? — от нелепого балахона. Тот будто изо всех сил сопротивлялся их стараниям, но, наконец, грузным комом рухнул на пол. Дедушка, до той минуты стоявший чуть поодаль, тут же нагнулся, проворно собрал одежку в ком и на вытянутых руках, не прижимая к себе, быстро вынес куда-то вон.

Тут бабушка, заметив, что я не сплю, глянула на меня такими чужими глазами, будто никогда до этой минуты не видела и не знала.

— Ты чего? — спросила она тихим, сердитым голосом. — А ну, лизь на кровать, закройся з головой и спи!

Я надул губы, но исполнил повеление. Уже с макушкой, накрытой одеялом, я продолжал хлопать от обиды ресницами и шмыгать носом. Почему мне нельзя посмотреть на то, что происходит, и узнать, кто же это пришёл? Разве я сделал что-то нехорошее?

Теперь голоса стали хуже слышны, но один, принадлежащий неизвестному человеку, я сразу уловил, потому что прозвучало моё имя. Этот глухой, хриплый, как из погреба, голос выговаривал слова медленно и через силу:

— Кто там?.. Ю-юра?

— Ну, да, — ответила мама, давясь слезами.

— О, ос-поди... и вин... тут?

— А дэ ж йому буты? — спокойно возразила бабушка. — А ну, снимай з сэбэ всё! Зараз нагриться вода.

— Та мэни ж... так... со-ром-но... Такэ... ху-дю-ще... кожа й кости...

Я слышал, как закрывают занавески на окнах, как дедушка запирает на засов входную дверь в хату.

Если они делают так — закрывают от посторонних двери и окна и греют воду для мытья — и если пришедшее к нам существо знает меня по имени, значит, это не какой-то чужой человек, — соображал я.

Беспокойство, любопытство и обида недолго одолевали меня. Под тихие всплески воды в большом тазу я заснул, так ничего больше и не узнав об этом загадочном человеке.

Лишь спустя годы мне стало понятно, почему мои домашние в ту военную пору вообще старались, чтобы я как можно меньше задавал им вопросов обо всём необычном, происходящем вокруг.

Но всё же на следующий день я узнал, что имя странного существа, пришедшего к нам неожиданно-негаданно, — Галя, но что мне её надо называть тётёй, потому что она, оказывается, младшая сестра моей мамы.

Тётя Галя с утра спала, отвернувшись лицом к стене, на отдельной лежанке — в тёмном закуте малой комнаты. Когда меня позвали завтракать, мама своим строгим учительским шёпотом предупредила, чтобы я не беспокоил тётю Галю, не приставал к ней с расспросами, потому что она не очень здорова. Когда я сразу же — и тоже шёпотом — попытался узнать, почему тётя Галя не очень здорова, мама сердито цыкнула и даже стукнула меня костяшкой указательного пальца по лбу. Это была такая большая редкость в нашем общении с мамой, что я опять, как и накануне, надул губы и захлопал глазами. Но бабушка, сидевшая за столом напротив нас, покачала сверху вниз головой, одобряя мамин поступок.

Я решил, что раз так, то теперь совсем не стану даже близко подходить к тётё Гале, не то что расспрашивать её.

Но поскольку ни на улицу, ни в мастерскую к дедушке меня в те дни не выпускали, мне тоже не оставалось ничего другого, как отлёживаться на нашей с мамой кровати, отвернувшись, как и тётя Галя, лицом к стене. Иногда я всё же потихоньку поворачивался на шорох, доносившийся из её угла,

но она лежала почти так же неподвижно, в какой-то тёмной косынке поверх головы. И лишь изредка что-то невнятное бормотала глухим сиплым голо-сом, будто переговариваясь... Но с кем? Лежала она, свернувшись калачи-ком, и вовсе не выглядела такой громадной, как в час, когда вошла в хату. От неё будто исходило ко всем нам предупреждение: только не надо меня трогать, и я тоже не буду вам мешать.

Мне было и жалко, что тётя Галя хворает, и в то же время я немного обижался на неё из-за того, что с её появлением бабушка и мама как-то вдруг хуже стали ко мне относиться. Можно подумать, что и я не хворал до сих пор ни разу. То бабушка с мамой лечили меня от золотухи, то от стри-гущего лишая на шее, которым заразился на улице, погладив чужую кошку, а то раздевали догола и мазали, как ни стыдно было мне такое неприятное занятие, моей же мочой, противно тёплой и вонючей... Ну, разве же была моя вина в том, что тётя Галя, о которой я вообще ничего никогда не слы-шал и не знал, вдруг пришла к нам неизвестно откуда? Да ещё и больная.

Дни шли за днями, серые, знобкие, а тётя Галя всё никак не поправ-лялась. Если она иногда приподымалась, не покидая кровать, чтобы поесть что-то из тарелки, принесённой бабушкой или мамой, то в мою сторону не смотрела, будто и нет меня тут. Разве не обидно? Ведь тётя Лиза — тоже мамина сестра, но как она всегда со мной бывает ласкова.

Однажды я проснулся и увидел, что кровать, где лежала тётя Галя, пус-та и ровно застелена одеялом. В то утро не оказалось в хате и мамы, чтобы спросить у неё, где тётя Галя и поправилась ли она. Я уже собрался нару-шить запрет и спросить об этом у бабушки. Но она, заметив моё намерение, шумно вздохнула. И я понял, что и теперь не нужно ничего расспрашивать.

Нет, тётя Галя никуда не ушла от нас. Пусть её не было видно в днев-ное время, пусть и к ночи она редко появлялась, тихая, как тень, но я ино-гда всё же успевал краем глаза рассмотреть её бледное скуластое лицо, заос-трённый, с горбинкой, нос и всё ту же косынку на голове. Тихая, как тень... Но разве и бабушка, и мама не передвигались тогда по хате малозаметно, без лишнего шороха, не то что стука, — будто вот-вот готовы были исчез-нуть насовсем в тени сумерек?

Лишь через несколько послевоенных лет, когда мы с родителями жили уже в Москве, мама рассказа мне, откуда пришла к нам тётя Галя и почему я не видел, а вернее, не помнил её раньше. Рассказала о том, что до войны её младшая сестра, закончив Фёдоровскую семилетку, захотела учиться даль-ше и приехала в Валегоцулово, где я к тому времени родился. Мои папа с ма-мой поселили её в своей комнате, которую снимали у кого-то из местных жителей. У тётя Гали был весёлый безудержный нрав. Во время, свободное от курсов медсестёр, на которые поступила, она с удовольствием нянчилась со мной, давая моим родителям возможность то в кино сходить, то в гости к при-ятелям. Когда же началась война, её взяли медсестрой в Красную армию.

Случилось так, что их медсанчасть, — при этих словах своего рассказа мама начинала давиться слезами, — оказалась в окружении, и тётя Галя попала в плен к немцам. Вместе с нею в плену были ещё две сестры мило-сердия, её подружки. Мама не могла запомнить, когда эта беда случилась и в каком месте, и сколько длился тот плен. Но как-то медсестры почувст-вовали, что конвоиры проявляют к ним особое внимание. Они ютились тог-да в каком-то коровнике, спали вповалку на подгнившей соломе, не снимая своих провонявших шинелей, грязные, нечёсанные. И вот охранники заводят к ним учебную собаку, заставляют её обнюхать пленниц. Тётя Галя, расслы-шав, что немцы произносят слово “юде”, догадалась: собака способна опре-делить, кто из троих еврейка. Дело в том, что одна из девушек, точно, бы-ла из еврейской семьи, звали её Ида. Можно представить себе оцепенение пленниц. Они лежали, не шелохнувшись во время унижительных обнюжива-ний. Подруги не собирались выдавать Иду. Но они не знали, как поступит Ида, если собака покажет не на неё, а на кого-то из них. Промолчит или признается сама. И если промолчит, то как тогда поступить им? Наверное, из-за зловония, которое исходило от их тел и одежд, собака не сумела раз-личить запах, на который была натренирована. И тогда охранники, посове-

щавшись и посмеявшись между собой, сказали девушкам, что они могут убираться отсюда, куда угодно, и вытолкали на двор.

Так медсёстры оказались на воле, если можно назвать то нечаянное освобождение настоящей волей. Они остановились где-то на перекрёстке посреди пустого заснеженного поля и сказали: “А теперь, Ида, пойдём по своим дорогам, до своих домов, не обижайся”...

Вскоре после того, как Фёдоровку освободили красноармейцы, тётя Галя ушла за четырнадцать километров в Котовск, где участвовала в восстановлении госпиталя в военном городке. Там она и осталась работать медсестрой, там и вышла замуж за сибиряка дядю Лёню Акимова, который в сорок втором воевал под Сталинградом в дивизионе “катион”, а после войны, уже сверхсрочником, остался служить на Украине, в Котовском военгородке. Через два или три года к ним в Котовск перебрались из Фёдоровки и мои дедушка с бабушкой.

Однажды мы с мамой, приехав к ним из Москвы погостить, узнали, что тётя Галя только что благополучно разродилась мальчиком, своим первенцем. В утреннюю солнечную пору мама и я заспешили в роддом с букетом цветов и корзинкой домашней снеди. Соседки по палате подозвали тётю Галю к открытому окну, она крикнула своим звучным гортанным голосом, что сейчас спустится к нам. Пока шла двором, под тень большого каштана, мама попросила меня, чтобы я поцеловал тёте Гале руку.

— Зачем? — смутился я.

— Так надо. Она ж теперь мамой стала. Она мальчика родила.

Тётя Галя шла к нам лёгкой походкой, в светлом больничном халатике. Её короткой стрижки волосы золотились под солнцем соломенной копёнкой. Когда сёстры расцеловались, и очередь дошла до меня, я, после привычного троекратного целования, с неловким усердием поднёс напрягшуюся руку своей тёти к губам.

— Это зачем ещё? — отдёргнула она ладонь.

Тут же они занялись с мамой своими разговорами о новорождённом — о его весе и росте, о том, хватает ли ему материнского молока, и о том, что решили назвать его Володей, и о том, когда выйдут домой, и о чём-то ещё. А я стоял как вкопанный, и мне казалось, что краска стыда никак не отхлынет от моего лица после такого несуразного “целования”, отвергнутого тётей Галей.

Будто догадавшись о моей обиде, она вдруг обернулась, потормошила ладонью вихры у меня на голове.

— Ай да Юрасик, какой же ты у нас кавалер вырос!.. Когда я первый раз тебя в Валегоцулове увидела, то ты ещё и ползать не умел. А какой ты тогда мне подарочек замечательный преподнёс, помнишь?.. Ну, да откуда ж тебе помнить... Подняла это я тебя в воздух, одной рукой под попку держу, а другой — за спинку, так ты же мне — от страха или на радостях — целую жменю золота наложил.

При этих словах тётя Галя так заливисто засмеялась, такие вспыхнули искры в серых её глазах, что и мы с мамой заулыбались её неожиданному воспоминанию. И я с той самой минуты сполна уверился в маминых словах: да, у нашей тёти Гали удивительно весёлая, добрая, прямая, честная душа.

Как и тёти Лизы, как и мамы, их младшей сестрицы уже не в живых. Я часто её вспоминаю, и, пожалуй, хватило бы таких воспоминаний на целую книжечку, но чаще всего встаёт из прошлого тот день зимы сорок четвёртого года, когда она из последних сил добрела после плена в свою родительскую хату.

* * *

*Тётя Галя вернулась из плена.
Трёх медсестёр отпустили.
Их вытолкали из сарая,
где валялись в соломенной гнили.*

*Перед тем приводили ищейку,
чтобы вынюхать, кто из них юдэ.
Но пленницы так провоняли,
что собака — и та растерялась,
а подруги не выдали Иду,
и она о себе промолчала.
А когда медсестёр отпустили,
они вышли в пустынное поле,
будто в древнюю Палестину.
Две подруги сказали третьей:
“А теперь разойдёмся, Ида,
кто куда, по домам, по хатам”.
Так вернулась домой тётя Галя.
На участливые расспросы
неохотно она отвечает.
Но дойдёт до ищейки, и в горле
хрипнет голос её, застревает.*

ЗЕЛЁНЫЙ ГЛАЗОК

Под вечер хмурого сырого дня мне в который раз велено сидеть, а лучше лежать безвылазно в маленькой комнате. Потому что в большой — опять чужие. Вон они гремят табуретками, стульями, снимают тяжёлые шинели, что-то тяжёлое вносят, ставят на стол. Кажется, их там столько, что мне и ступить будет некуда. Да и как нарушу строгий бабушкин наказ? Разве лишь разгляжу что-нибудь в полуоткрытую дверь? Не я же её так оставил. Это кто-то из них, неразличимый в полутьме, распахнул, оглядел меня молча, хмыкнул и тут же ушёл к остальным.

Говорят на своём *гыр-гыр*, как бабушка называет их слова. Но почему-то негромко говорят. И смеха сегодня не слышно. Вдруг умолкли совсем, и в хату откуда-то издали начинают просачиваться едва различимые шипящие звуки. Там, откуда их наносит, тоже что-то гыргочут уставшими голосами. Мне кажется, они устали оттого, что исходят очень уж издали, из-за края света. Ослабевшие слова прерываются какими-то попискиваниями, щелчками, шуршаниями. Потом снова врываются голоса, но уже иные. Или даже звучит чьё-то пение, но оно тоже наполнено признаниями об усталости — будто сырой холодный ветер жалуется деревьям.

Странные звуки так меня почему-то беспокоят, что я забываю о бабушкином наказе. Вытянул шею в сторону двери, потихоньку подбираюсь к краю кровати. Очень уж хочется увидеть и услышать побольше. За столом, напротив меркнувшего света в окне, сидят два или три офицера: два — помоложе, а один — совсем старший, с седыми коротко стриженными волосами. О том, что они офицеры, я догадываюсь по погонам. Их витые светлые рёбра ещё проступают на плечах мундиров. На середине стола темнеет большой ящик, из которого и доносятся необычные голоса, щелчки, всхлипы, жалобное пение.

Но это вовсе не патефон, как у нас. Папин и мамин патефон, который я раньше так любил слушать, мама однажды упрятала под мою кровать. А попробовал было пожаловаться дедушке, но, по его объяснению, иступились все до единой иголки, которые помогали пластинкам звучать. И хотя он при мне пробовал заточить одну иголку рашпилем, пластинка от такой иглы только зашипела и тут же перестала крутиться. Теперь там же, под кроватью лежат в своих конвертах и пластинки.

Те трое, что за столом, сидят неподвижно, сгорбившись возле своего ящика. Кажется, больше всего их занимают не звуки, шевелящиеся в его тёмном нутре, а яркий зелёный глазок, который то вспыхивает, то прижмуривается и меркнет, то снова кладёт зелёный ответ на чей-то погон. В комнате и кроме этих троих угадывается присутствие других немцев, неотрывно

слушающих и глядящих в зелёную точку. Почему-то никто из них не просит бабушку зажечь керосиновую лампу. Да и где она сейчас, я не могу понять. Где все остальные — дедушка, мама, тётя Галя?

Я догадываюсь, в этот вечер накачивается для нас что-то новое, необычное. Не потому ли с середины дня начали дребезжать стёкла в доме, особенно жалобно вздрагивает то, что глядит в сторону дороги. И сама дорога, почти всегда пустынная, невесть откуда заполняется тёмными грузными тенями, насадным хрипом и рыком тяжёлого стада, будто подгоняемого каким-то громадным злобным пастухом.

Наконец, мне надоедает смотреть на моргание зелёного глазка, слушать дребезжание непонятных слов, скучать оттого, что родные оставили меня одного среди чужих людей и их непонятных звуков. Я прячу голову под одеяло, задрёмываю.

Но почти тут же и просыпаюсь. Во тьме не сразу удаётся разобрать, что на соседней кровати лежит головой вниз один из них. Он бормочет что-то, хрипит, а потом принимается стонать и выплёвывать из себя какие-то отвратительные зловонные комки. Они шлёпаются в таз, который принесла и пододвинула под него бабушка. Заметив, что не сплю, она сердито шепчет, чтобы я отвернулся. Да мне и самому противно слышать, как он рычит и плюется. У нас дома никто никогда так не делает. Но краем уха я всё же улавливаю, что в большой комнате все задвигались, загремели стульями. Неужели собираются уходить вместе со своим чёрным ящиком? Напоследок заглядывают и за этим, что валялся тут, в кителе и сапогах, в двух шагах от меня и гадил на пол. Со смехом грубо тормозят его, помогают встать и выйти следом за всеми на двор.

ИСХОД

Но на следующий день даже бабушкин самый строгий запрет не в состоянии был бы удержать меня взаперти.

Пусть и небо хмарное, и дождик, мелкий и колкий, — то утихнет, то опять припустит, — а я нахожу новые и новые поводы, чтобы выскальзывать из дому. Что-то необычайное, невиданное, приближение которого беспокоило меня ещё вчера, надвигается на нашу долину неудержимо.

Заглянув в мастерскую, замечаю, что здесь, как и в хате, стены и пол то и дело трясутся, отчего дедушка хмыкает в свои усы громче обычного. Он расхаживает взад-вперёд с руками, сцепленными за спиной, и вижу: ему не работается, не сидится под крышей. Когда он выходит на двор и сворачивает в проезд между хатой и мастерской, чтобы посмотреть на дорогу, я важным шагом, тоже с руками за спиной, следую за ним.

Но на месте дороги сегодня — чёрное чавкающее месиво. Расплёскивая его по бокам, откуда-то с пустых полей в село вползает бесконечное существо грязного, вихляющегося обоза. От неожиданности такого дикого зрелища мне хочется прищуриться. И тогда оно делается похоже на громадную сороконожку. Или на толстую пятнистую змею. Но если одолеть оторопь и не жмуриться, в этом существе можешь различать всё по отдельности: танкетку, наподобие той, что чуть не загорелась на нашем подворье, трактора, тянущие за собой пушки с длинными, как брёвна, стволами, телеги, ещё пушки, большие тупорылые машины-грузовики с солдатами наверху, а на обочинах — целые толпы пеших солдат, угрюмых, измызганных грязью, а за ними снова танкетки, грузовики, изредка легковые машины, и их сзади то и дело подталкивают по несколько человек, заляпанных жижей...

Эта жижа, похоже, хочет подобраться к самому рву, отделяющему просёлочек от нашего подворья.

— Утикають, — говорит дедушка. И помолчав, добавляет не очень мне пока понятное: — Ис-ход.

Сегодня немцам и румынам, что проходят и проезжают мимо, совсем некогда глядеть на нас, и нам поэтому не страшно, лишь тоскливо и угарно подолгу стоять у них на виду. От всхлипывающей, чавкающей, расквашенной

колёсами, ногами и копытами чёрной дороги наползают сизые зловонные клубы чада.

Не видно конца-края этому, как дедушка сейчас сказал о нём, исходу. Мы быстро изнемогаем от мрачного зрелища и уходим назад. Он — в мастерскую, а я задерживаюсь у двери коровника. Над яслями светлеют рога исхудалой Красули. Она отрывает башку от тощего навильника соломы и недовольно взмывает. Ей, наверное, скучно жевать старую сухую солому, но сено, что лежало для неё наверху, под крышей, закончилось, а молодая сладкая травка ещё не вышла на волю. По грустным глазам Красули вижу: ей тоже не нравятся тряская земля под копытами, противный запах, проникающий и сюда от дороги.

Мне кажется, всё сейчас томится и изнывает, устав от долгого ожидания: тёмные стволы акаций за хатой, куст сирени, вишни и сливы нашего сада, тучи над селом, все серые хаты, видные в долине, гора напротив нас, на гребень которой медленно вползает, шевелясь, топорщась дулами пушек, хребет нескончаемого обоза. Да и ползёт ли он? Может, застыл в изнеможении, не в силах вскарабкаться наверх? Может, сама земля, рассеяная от чуждой тяжести, не желает больше нести на себе груз гусениц и шин, замордованных тяжелозовов? И потому, сколько ни кидают в ямины соломы, хвороста, жердей, ящиков — всего твердого, что только попадаетея им на глаза, — она отказывается держать их на себе. И потому они бросают по обочинам заглушенные грузовики, обломки телег, скарб, сдохших тяжелозовов.

Уже в глазах у меня зарябило — от напряжения, от машинной гари. Уже шея устала то за хату глядеть, то снова на долину и на гору за ней, — а членистоногое чудище ползло и ползло на брюхе, оглашая село нутряным воем, выхаркивая смрад, подрагивая пятнистой, в сырых бородавках грязи, чешуей.

Как ни старались дедушка с бабушкой делать вид, что ничего необычного не случилось, что они заняты, чем и всегда, — по дому и возле дома, — но то и дело и они, как и я, поглядывали то на дорогу, что за хатой, то на дорогу, что карабкалась в гору. И я читал в их глазах тоскливое, из последних сил, ожидание: ну, когда же, сколько же ещё их тут пройдёт и проедет, когда же покажутся последние?

Уже, по всем приметам, и дневной немочный свет начинал иссякать, а они влеклись понурыми тенями, прибывали и прибывали. И не с того ли самого дня вошло в меня подспудное бессловесное знание, состоящее в том, что надсадно ждать никого и ничего не надо: чем сильнее ждёшь, тем ожидаемое сильнее сопротивляется. Нет, лучше оставь выглядывать и ждать, отвлекись на что-нибудь совсем иное, перестань ждать, перестань томиться — и разрешение придёт само.

Но что же вдруг за тишь такая, от которой в ушах звон? Надо же, пусто! На дороге за нашей хатой — пусто! Только жижа в колеях ещё кольшется, приходя ото всего в себя. А оглянувшись на долину, мы ещё застаём над горой, на низкой полосе убывающего света, самый хвост обоза, с какими-то царапающими небо горбами — то ли грузовиков, то ли самоходок, то ли походных кухонь. И подвижный, вихляющийся, как оглобля, чёрный ствол пушки.

ПАН

Разве не вчера ушли от нас немцы и румыны? Но какие перемены вокруг! Солнце будто пляшет над селом. Долина заполнилась мягким теплом, воздух ласково тормошит ветки садовых деревьев. Беззаботно купаются в лучах света жёлтые бабочки, и сиреневый куст набухает большими светлыми почками. На глазах высыхает исхлётанная колёсами дорога.

Но почему вдруг мама, налетев неизвестно откуда, больно дёргает меня за руку и, ни слова не говоря, тащит за собой в хату?

Двумя комками вкатываемся — из большой комнаты в малую. Ну, что я натворил такого?

Хочу спросить, а она затыкает мне ладонью рот, впихивает за угол платяного шкафа.

— Ну, що, старá?! — гремит из сеней, надвигаясь, чей-то мужской рык. — А тэпэр... нэсы мэни вэс исподне...

— Чие исподне? — чуть не плача, спрашивает бабушка.

— Та нэ твое ж, суко! Дэ ты заховала исподне... своего чоловіка, рас-таку його мать?..

— Нидэ я не заховала! Пидождіть, панэ, зараз прынэсу.

С этими словами бабушка кидается в нашу комнату, но, увидев маму и меня, торчащих в углу, в ужасе показывает нам ладонью, чтоб молчали. И сама тут же широко распахивает дверцу шкафа, чтобы прикрыть нас. И кричит:

— Зараз нэсу, панэ...

— Мэнэ, суко, нэ обманэш!.. Сам визьму.

Грохоча чоботами, он вваливается в комнату. Мы с мамой его не видим. А он нас?

Оттолкнув бабушку от шкафа, запускает руки на полку, где лежат чистые, отглаженные дедушкины рубашки. Мы слышим его сопение совсем рядом с собой. Он него нестерпимо разит — самогоном, табачищем, конским потом, вонючей овчиной полушубка. В щели между шкафом и дверцей промелькивает то бурая папаха, то багровая щека, заросшая серой щетиной, то громадные ручки с чёрными ногтями. Он комкает, рассовывает рубашки себе за пазуху. Одну, другую, ещё одну...

— А дэ ци... тыфу!.. як их... кальцоны? Куды заховала?.. Чи твій кол-госпнык кальционив не носыть?

— Та ось же воны, — услужливо подсказывает бабушка. И снова в голосе её — слёзная дрожь. — Бэрыть вэс, добрый панэ. Тильки чоловіка мо-го видпустыть... Нащо вин вам, старый?

И, уже топоча из комнаты на двор, “добрый пан” бросает в шутку:

— Нащо?.. А нэхай у лиси поживэ з намы, козакамы.

Мы с мамой стоим, не шевелясь. Боязно даже дверцей шкафа скрип-нуть. А вдруг вернётся?..

Но когда с улицы доносятся ржание и перестук лошадиных копыт, ма-ма решает: теперь и нам можно выглянуть из хаты.

Едва вынырнули на солнечный свет, становится ясно: зря она заторо-пилась. Крупный “пан”, потолстевший от белья, расованного за пазухи ко-жуха, до сей минуты никак не может вскарабкаться на коня. Бабушка моя бедная! Зыркнула в нашу сторону и, обхватив один его грязный чобот за по-дошву и голенище, с натужным стоном поднимает пьяного вояку наверх. Он, наконец, забрасывает вторую ножищу за лошажий круп.

Нам бы с мамой отпрянуть в сени. Но она уже не владеет собой. Снова рвёт меня за руку.

Проносимся мимо куста сирени. Выскочили на край дедушкиной пахоты, ещё невзборонованной, сырой. Споткнулись о первые же комья, застреваем в вязких бороздах. Хочу крикнуть: мамочка, что ты делаешь?.. ты же мне руку отрываешь!.. Но у неё самой так жалобно скулит в груди. И ей, и ей хо-чется закричать. Только этот, на лошади, он же сразу услышит, поскачет за на-ми... А не он, то какие-то ещё. Сколько же их? Кажется, все, ухмыляясь, смо-трят за нами!.. Откуда вдруг налетели? Забрали дедушку, хотят увести в лес... Мамочка, уже воздуха не хватает... Не одна рука, вся грудь болит. Ма-ма, ты же оторвёшь мне руку... Не могу больше бежать... Лучше упасть, лечь... Разве мы куда-то прибежим?.. И зачем, если дедушку забрали? Без них, без де-душки, без бабушки разве мы одни выживем?.. Мне уже воздуха не хватает, мама, бабушка... Воздух, да он же грудь мне распяливает... И ноги... уже не могу высовывать их из рыхлой земли... бабушка, помоги нам...

В ПОДВАЛЕ

Кто так мягко опускает меня под руки в тёмную прохладную ямину? Это она, тётя Лиза, крёстная моя. Только она всегда, сколько помню её, такая мягкая. Она и тут, во тьме, так ко мне добра и ласкова. Слышу, она груст-

ным своим мягким голосом просит кого-то, и нам с мамой зачёрпывают из ведра, приносят в ковше такой вкусной колодезной воды... По маленькой ручке, по голоску нежному догадываюсь: ну, конечно, это же она, сестричка моя любимая, Тамарка подаёт воду.

Пью жадными глотками, передаю маме.

— Та-мар-ка, — едва выговариваю дорогое мне имя.

— А?.. Що, мий Юрычок?.. Ты нэ злякався? — спрашивает она шёпотом.

— Ни.

Я совсем не испугался. Просто нам было так тяжело бежать. Мы почему-то кинулись поперёк поля, а легче было бы бежать к их хате тропую, по которой сама Тамарка обычно прибегала к нам.

Да, она всегда прибегала сама, и я, поджидая её на пороге, уже издали видел её подпрыгивающую из травы золотистую головку с развевающейся чёлкой. И сердце во мне при этом ёкало и подпрыгивало от радости. И нам всегда так славно было играть вместе. Она прибегала, не боясь даже немцев и румын. Прибегала даже по холоду, даже в темноте.

Однажды вечером вбегает, запыхавшись, а бабушка как раз огонь растопила в плите, чтобы больше тепла поскорей впустить в хату через духовку. Тут с плота и дедушка заходит. Садится поближе к плите, растирает руки, но никак не может согреться и просит, чтобы мы с Тамаркой, набирая из открытой духовки полные жмени горячего воздуха, подносили ему в карманы и под пиджак закладывали. Мы, чередуясь, так ловко согреваем дедушку в четыре руки, что он вскоре уже пыхтит в усы и побряхтывает от удовольствия. А бабушка, с мягкой улыбкой глянув на нас, произносит своё “Кумедия”.

— А тэнэр слухайтэ, диты, — откашливается дед Захар, пыхтит в усы и — начинает нараспев:

— Дедушка, голубчик, сделай мне свисток. Дедушка, найди мне беленький грибок... Ты хотел мне нынче сказку рассказать... Посудил ты белку, дедушка, поймать... Ладно, ладно, детки, дайте только срок. Будет вам и белка, будет и свисток.

Мы замираем в восхищении. Какая же необыкновенная сказка!.. Вот так дедушка! У него ведь сейчас получилось, будто это мы сами с Тамаркой просили не у кого-то, а у него разных себе лесных подарков. Каждое слово наших просьб было нам так понятно и дорого, что мы — и в этот вечер, и позже — при всяком удобном случае умоляли его рассказывать чудесную сказку снова и снова. И быстро запоминали — и про свисток, и про грибок, и про белку, которая, оказывается, как он объяснил, прыгает по лесу с дерева на дерево, размахивая пушистым хвостиком и собирая за щёки орешки. И, конечно, про само дедушкино обещание мы не забывали. Особенно же легко запомнила все слова Тамарка, так что научилась вскоре и вслух пересказывать.

Но теперь, в темноте, я собрался уже прошептать ей на ухо, что пьяный “пан”, от которого мы с мамой прибежали к ним, пригрозил увести нашего дедушку куда-то в лес. А что будет с бабушкой, тоже остаётся неизвестно...

Но не успел я и рта раскрыть, как вдруг откуда-то сверху, над подвалом раздался такой страшный треск, что мы все, кто тут сидел, в немом ужасе посыпались на землю. Почти тотчас с одного бока чёрная стена просела, и в темноту вонзился резкий, безразлично выщупывающий нас свет. Из щели зашуршала пыль и посыпались вниз сухие комья земли. Сразу запахло старой картошкой, плесенью. То самое солнце, что с утра так весело плясало в небе, сейчас сквозь завесу пыли будто пересчитывало без всякой жалости, кто тут прячется. Мы зашевелились, зачихали, закашляли. Кроме нас с мамой, тётки Лизы и Тамарки, в подземелье обнаружилось ещё многое множество народу — малых и старых. Кто лежал, свернувшись калачиком, кто сидел, скорчившись, бормоча что-то про себя. Но мы не успели опомниться. На дворе, под солнцем что-то ещё треснуло, сотрясло небо и землю громче любого грома — раз, другой, третий...

Лишь ближе к вечеру, когда неизвестно кем затеянная пальба вдруг прекратилась (кто считал, что стреляли минами, кто видел летящие сверху

самолётные бомбы), бабушка пришла за мамой и за мной. Она рассказала, что дедушка дома, но отсыпается в яслях, и будить его нам не нужно. Оказывается, эти бандиты, что вломились утром на наше подворье, потребовали от него вина. Хорошо ещё, у него с зимы оставался целым маленький дубовый бочонок, зарытый где-то в лесу. Ему скрутили руки за спину, кинули на телегу своего обоза, пригрозили, что, если обманет, — там же, в лесу, на кол посадят... А когда откопали и распилили бочонок, принялись переодеваться в бельё, награбленное по хатам. Всё своё исподнее на них уже вшами кишело или сгнило... Напоследок кинули дедушке порожний бочонок, велели, чтобы в следующий раз готовил для *вильных козакив* посудину в два раза больше.

СЕМЕЧКИ ПОДСОЛНУХА

Иногда мне кажется: почти все детские свои годы, пришедшиеся на оккупацию, я проспал. Чтобы меньше видеть, меньше скучать, меньше бояться и меньше задавать ненужных вопросов.

Да и в ту ночь спал себе, спал на печи, в её тёплой пазухе, где так приятно пахнет нагретыми кирпичами. Но вот звук какой-то непривычный мягко вынул меня из сна.

По заведённой привычке я чуть приоткрыл занавеску, потому что звук шёл снизу, из хаты. Посредине комнаты, кажется, прямо на полу, горел фитилёк керосиновой лампы. Вокруг него выступал из мглы круг каких-то тёмно-серых неуклюжих тёток. Их было непривычно много, и они молча, сосредоточенно... лузгали семечки. Они были все в платках, шерстяных или суконных, в зимних одежках, телогрейках или овчинных шубёнках. И сидели почти ровным кругом, глядя на слабый огонёк перед собой. Кто на табуретке сидел, кто на лавке, а кто, может, и прямо на ряднах, которые бабушка настелила вместо испорченных немцами.

Поначалу я почти оторопел от их незнакомого спросонья вида. Но когда пригляделся, то различил среди них и бабушку Дашу, и тётю Лизу. И успокоился. Щёлканье семечек *соняшника* — кто же этой забавы не знает? Разве я сам никогда не жевал гогушки — очищенные от шелухи ядрышка семечек? Странность была в том, что они собрались для этого занятия таким большим кругом, да ещё посреди ночи, чуть ли не всем *колгоспом*, и лузгали молча, лишь иногда кто-то вздыхал.

Наши сельские женщины, может, вспоминая свои детские привычки, когда щёлкают семечки, не сплевывают шелуху на пол, а всякий раз кончиком языка пододвигают порожнюю кожуру на край нижней губы, и там это *шелуминня*, смоченное слюной, собирается, нарастает целой бородой и потом само отваливается на подол или на пол. Меня очень забавлял вид такой раз от разу вырастающей чёрно-серой бороды, и я сам, жуя семечки, с недавних пор старался, чтобы и у меня выросла борода подлинней, но это не очень получалось.

Но почему всё же они собрались посреди ночной темени? И почему молчат, отчего вздыхают?

Наверное, сама бабушка, пока с вечера топилась печь, нажарила целую сковороду семечек, и пришла старшая из дочерей — тётя Лиза, пришли соседки. Не могу различить, здесь ли мама и вышла ли тётя Галя. Нет, не вижу их. Мама хотя и любит, как я знаю, семечки, но при посторонних в руки их не берёт. А тётя Галя у нас медсестра и жевание семечек, как я тоже заметил, презирает.

И дедушки между ними не вижу. Да и что бы ему тут делать? Не мужское это занятие — лузгать *соняшник*. Может, в мастерской спит?

Меня и самого опять клонит в сон, потому что глядеть долго, как они всё молчат и вздыхают, скучно.

Но через какой-то срок я снова пробуждаюсь и вижу: внизу у них ничего не переменялось.

— Бабушка, та що ж такэ? — не выдерживаю я.

Бабушка Даша, а за ней и все остальные оборачиваются на мой обиженный голос.

— Та ничего... Спи соби на здоровля, — строго говорит она. Отирает от лужи подбородок, но снова, как и все, принимается за семечки. Но теперь мне уже не спится. Я ворочаюсь, тоже начинаю вслух вздыхать. Не оттого, что и мне захотелось семечек. Просто очень хочется узнать, почему это они молчат. Могли бы и поговорить, как обычно среди женщин, ну, хотя бы о немцах, о том, как они целый день ползли через село бесконечным обозом, и только к сумеркам ушли самые последние... Или о тех пьяных грабителях и о той бомбёжке, что была совсем недавно. Или о вчерашней ночной страшной стрельбе, когда над долиной пролетали в тучах визжащие железяки. Мы сидели с дедушкой на нашей глиняной завалинке, потому что внутри, в комнатах или на печи было бы ещё страшней, а дедушка своими тихими объяснениями и покашливанием меня успокаивал.

— Чуешь? Як гром грымыть... От, железяка скажэна! — мотал он головой, будто восхищаясь дикими звуками. — А ось цэ? Мов свынья недоризана...

— А можэ, то якесь колесо скаче з горы у дольну? — старался я поддержать его шутку.

— Може, й так, — соглашался дедушка Захар. — З той стороны бьютэ наши, — кивал он на гору, что темнела у нас за хатой. — А з той — воны.

— Нимци?

— Ну да. Воны.

— А можэ, ци — паны?

Дедушка хмыкал насмешливо:

— Та яки ж воны паны? Так, бандюки.

— А що ж цэ такэ важкэ бье? — допытывался я.

— Ар-ти-ллерия, — произносил он красивое, но непонятное мне слово. —

Пушки у нимця бачив?

— Ну, бачив.

— То воно и е. Ар-ти-ллерия... А ти железяки — снаряды. Не дай Бог, стриху нам пидпалять.

— Та воны ж дэсь высоко, далэко, — храбрился я изо всех сил.

— Высоко та далэко, — соглашался он. — А комусь и близько.

Так мы разговаривали негромко, и я уже почти начал привыкать к этим визгам, свистам, воплям, тяжёлому уханью и скрежету, раздрающим небо. Потому что дедушкино присутствие, его тихий говор убеждали меня, что с нами никакой беды уже не может больше случиться.

Но тут враз стало тихо. Тишина заполнила всё беззвёздное небо, будто невидимая вата укутала долину. Тогда, подождав ещё немножко, громко зевнув, он сказал:

— Ну, ступай до хаты.

...Тихо за окнами и сейчас. Почему же они сидят молча, и только раз от разу вздыхают? Но вот кто-то из них оглядывается на тёмное окно, прислушивается. Отчётливей затикали в углу под иконой, будто расщёлкивая кожуры секунд, настенные ходики, подгоняемые тяжёлыми гирьками.

Тик-тик... Щёлк-щёлк...

Все в комнате как-то разом опомнились, стряхивают с подолов сор на пол, замирают. Только бабушка шелестит веником, чтобы собрать в совок горку мусора и высыпать в печное остывшее нутро. А потом снова садится рядом со всеми. И уже не луждает никто.

Прислушиваюсь и я. Нет, ничего за окнами не слышно. Совсем ничего.

Но кто-то из них шепчет, и мне кажется, это бабушкин голос:

— Ша, дивчата... нэна́че... наши йдуть.

Кто идёт? Никто там не идёт.

Но они почему-то сидят все вместе и молчат.

Я забираюсь с головой под тулупчик и быстро забываюсь в его мягкой, тёплой темени...

НАШИ ЙДУТЬ. СЕДОЙ

Но утром озадачивает меня присутствие в хате каких-то ещё людей. По привычке выглядываю в щёлку и вижу: они тоже в военной форме. Но не такой, как у немцев или у румын. И говорят вроде бы на понятном языке, какой я уже слышал от деда Захара, когда он рассказывал нам с Тamarкой про “белку и свисток”. Или на разных папиных и маминых пластинках слышал. Значит, эти и есть наши?

На всякий случай, я не спешу подавать голос. Мало ли, кто они? Тот, пьяный, в грязном вонючем тулупе, что запихивал себе за пазуху дедушкины рубахи и другое исподнее, тоже ведь был не немец, не румын. Но разве он был наш? То банда была. Для меня наши — это мой отец, которого я совсем не помню и не могу представить, какой он из себя, и ещё дядя Боря, мамин брат, и дядя Ефим Кущенко, муж тёти Лизы. Я уже слышал, что они — на фронте, но мне ведь запрещено было расспрашивать и рассказывать о том, что такое фронт. Да кому и как расскажешь, если я даже не умею себе представить, где он, фронт? Недавно я застал бабушку Дашу за разглядыванием необычной картинки с чёрно-белыми людскими фигурками на её блестящей стороне.

— Дядя Боря, — показала она, не прикасаясь, пальцем на красивого коренастого военного.

Дядя Боря стоял в тёмной гимнастерке. Широкий пояс был так туго затянут у него на животе, что, казалось, он только что сделал глубокий вдох, а выдыхать воздух совсем не собирается.

— А цэ кто? Мий батько? — спросил я, показывая на другого военного, стоящего рядом с дядей Борей. Он был повыше ростом и показался мне ещё более красивым.

— Ни, цэ хтось другой, — помотала головой бабушка.

— А дэ воны стоять?.. Там що?.. Фронт?

Бабушка оглянулась на окно, хотя в хате и за окном никого не было:

— Ша... Мовчи.

И отправилась в свою с дедушкой комнату, чтобы спрятать картинку.

Мне стало обидно: всё молчи и молчи. Я надул губы и вышел на двор. А когда через время снова заглянул в хату, бабушка Даша сидела перед устьем топящейся печи без платка, расчёсывала на одну сторону деревянным гребнем свои длинные полуседые волосы, и я увидел в свете печного огня, что из глаз у неё текут слёзы. А ведь она при мне никогда раньше не плакала. Разе лишь однажды, когда на патефоне ещё оставались иголки, и чей-то красивый женский голос запел печально — “Трачу лита в лютим гори, тай кинця нэ бачу. Тилики тоди и полэгша, як тышкóм поплачу”... И то слёз бабушкиных я не увидел. Она просто стояла лицом к окну и пошмыгивала носом.

Заметив, что я вернулся, бабушка утирает лицо тыльной стороной ладони, заматывает волосы на голове, забирает под платок и шепчет:

— И колы вжэ воны прыйдуть, Господи?

...И вот теперь вижу, какие-то военные пришли. Но откуда мне догадаться, что это и есть те наши, о которых ночью вздыхали и шептались женщины? Если бы это точно были наши, ко мне тут же и подошли бы, все вместе — мой отец, дядя Боря, дядя Ефим Кущенко.

Лучше мне ещё потерпеть, не спускаться вниз неизвестно к кому.

Тут шевеление моё замечает один из них, делает шаг к печи и распахивает занавеску. У него светлые, как ржаная солома, прямые и длинные волосы. Красивым махом шеи он отбрасывает волосы со лба назад и улыбается мне:

— Эгей!.. А ты что тут, на целый день залёг?.. Петушок пропел давно... Уж не заболел ли ты у нас?

— Ни, — набывчиваюсь я.

— Ни?.. Вот и молодец! Тогда действуй! — он протягивает руки к лужанке. — Прыгай прямо ко мне.

— Ни, — и я отползаю от края.

— Опять “ни”? Ну, почему же “ни”? — продолжает он улыбаться во все зубы.

Я хмурюсь ещё больше и вдруг сердито выпаливаю:

— Бо в тэбэ воши!

— Что?.. Что ты сказал?.. Это у меня?.. вши?!

От обиды он забывает отбросить назад свои светло-золотые рассыпчатые, будто совсем недавно высушенные после мытья волосы. Они закрывают ему лоб, брови, но всё равно я вижу, как он густо краснеет.

— Ага. Воши, — неуверенно шепчу я.

— Ах, вот оно что!

Он отшатывается от печи, решительно шагает к бабушке, которая как раз каталкой раскатывает на столе тесто.

— Тётя!.. А почему это ваш внучок считает, что у меня — вши?

— О, Господи! — всплескивает она ладонями, и щёки её тоже заливаются краской стыда. Она что-то негромко объясняет военному, и я вижу, как он раз и другой строго озирается на меня.

Затем бабушка подходит вместе с ним к печке и говорит мне сердито:

— А ну, давай, влезь и нэ дуркуй!.. Хиба ж не бачишь? То наши... Наши прыйшли, зрозумив?.. Руськи, Красна армия... Дай Бог, скоро и батько твий вэрнэться.

...После завтрака он выводит меня за руку на двор.

День стоит тёплый, но серый, а он всё равно щурится от света, набирает полную грудь воздуха, шумно выдыхает.

— А ну, показывай, выросло тут у вас что-нибудь или ещё не выросло?

Берёт мою руку в свою, и мы идём в сторону грядок. Как бы хорошо, думаю я про себя, чтобы вот таким был и мой отец. Таким же весёлым военным, с такими же светлыми длинными волосами, которые смешно норовят упасть ему на лоб, а он их так красиво, будто жеребец свою подстриженную гривку, закидывает назад.

Возле ближней грядки он, скрипя голенищами сапог, присаживается на корточки. Я вижу у него на плечах погоны, и на каждом — по три маленьких зелёных звёздочки.

Теперь лицо его почти вровень с моим. В светлых глазах его играют радостные искорки. Он озирает грядку и недовольно хмыкает, потому что на чёрной земле видны следы чьих-то чужих сапог. Я хочу пожаловаться ему, что это немцы натоптали, когда неслись, чтоб загасить свою танкетку. Но сочные зелёные стрелки, хотя бабушка ещё не успела выровнять землю, всё равно вытягиваются вверх.

— Ишь ты, какой лук! — восхищается он, будто впервые в жизни видит грядку.

— Ни, — поправляю я его. — Цыбуля.

— Да лук же это, лук!

— Ни, цыбуля! — упираюсь я.

Он хохочет, поднимается во весь рост, хватая меня подмышки, легко отрывает от земли.

— Может, тебя так и прозвать надо: хлопчик Ни?.. Ладно, будь по-твоему. Цыбуля так цыбуля!

Мне хорошо сидеть у него на груди, и я робко прикасаюсь щекой к его светлым шелковистым волосам. Жаль, ни Тамарка, ни кто другой из фёдоровской малышни не видят, как хорошо мне сидится на его руках.

И так жаль, что в этот же самый день он уйдёт с нашего двора навсегда.

Позже, через несколько лет, уже в московские свои годы, я буду — с тайным желанием узнать его — всматриваться в лица военных и гражданских молодых людей со светлыми длинными волосами. Но лишь один-единственный раз мне померещится: а что, если это он?

Отец взял меня на трибуну стадиона “Динамо”. Играла наша с ним любимая команда “ЦДКА”. Из семи безответных голов, забитых ею в этом матче, больше всех, кажется, четыре, было на счету у нападающего со светло-

золотистой копной длинных прямых волос, которые он то и дело небрежным движением головы откидывал назад. Имя забыл, а фамилия его была Коверзнев. После каждого мяча, вколотенного им в чужие ворота, она громко звучала из репродукторов. Бывалые болельщики с нашей трибуны, сплошь болевшей за армейскую команду, с любовью и восхищением называли его “Седой”.

И, напоследок — кое-что о щёлканье семечек... В начале девяностых годов ушедшего века я вдруг стал замечать, как много на московских улицах, в подземных переходах, в вагонах и тамбурах электричек валяется шелуха от подсолнуха, как много везде — у входа в метро, на любом людном пятачке — появилось тётко с юга России или с Украины, продающих жареные семечки врассып, маленькими стаканчиками или в бумажных кульках, и как много вдруг повсеместно нашлось охотников до этого немудрёного, самого простонародного, в иные времена презираемого лакомства. И невольно мне вспомнилась наша хата в Фёдоровке, на месте которой уже давно растёт бурьян. И, кстати, вспомнились многочисленные письменные рассказы, о том, как ошеломляюще были замусорены подсолнухом улицы двух российских столиц в годы революции и гражданской войны.

А вспомнив эти, вроде бы не так уж и связанные друг с другом времена и обстоятельства, я, совершенно неожиданно для самого себя, сделал вот какой вывод: выходит, что, по крайней мере, у нас, в России, лузганье семечек не раз и не два оказывалось чуть ли не главным средством народной самозащиты от навалившихся непереносимых бед и наваждений. Пусть называют это занятие плебейским, неприличным, а оно, выходит, — лучшее терапевтическое средство от вопиющего неприличия, которым обрастает, как коростой, сама действительность. Своего рода массовое юродство, самый простецкий социальный протест: ну, что, великие и всемогущие, кичащиеся богатством, властью, безмерной своей силой, — поплёвываете на нас?! Поплёвываете и думаете, что притерпелись и уже не замечаем? Так вот же, получите: и мы отплюёмся, отшвыряемся лузгой от всех вас! Жужём себе потихоньку, жуём, и светлое подсолнечное молочко исподволь исцеляет нас от вашего наглого, но временного всесилья. Успокаивающая монотонность жевания позволит нам дотерпеть, дождаться, когда вы, наконец, сгинете, сами превратитесь в шелуху, в прах и тлен.

Так что, тётка, приехавшая в Москву с мешком подсолнуха за плечом, “щоб заробыты якусь копийку” и тем самым уберечь свою семью от нового самостийного голодомора, насыпь-ка и мне, пожилому уже человеку, в карман стаканчик ещё тёплых после сковороды семечек.

СЖИГАНИЕ ЛОЗ

С каким рассеянным прищуром греет сегодня солнце дедову старую кепку и мою макушку!

Сколько невидимой доброты разлито в шевелении воздуха!

Что за ласковое, мягкое тепло с утра пораньше разлилось во всю ширь небесного купола, до самых его краёв! До тех краёв, за которыми, как я знаю про себя, больше уже ничего не бывает, потому что разве мало нам всем и этого света?

От колодца по межевой тропе мы поднимаемся с дедом в гору мимо соседских подворий и огородов. Он идёт первым и как-то особенно сосредоточенно похмыкивает про себя. Левый карман его потёртого пиджака топорщится. В мастерской ещё, перед дорогой увидел я, как он сунул в этот карман какие-то ножницы с короткими, загнутыми в одну сторону лезвиями, похожие на птичий клюв.

Для чего они, такие? Куда мы идём? Спросить бы? Да уж очень много по пути всего вокруг разного-преразного, что и спрашивать некогда.

Одних только бабочек в небе сколько! Вот уж кто умеет радоваться внешнему теплу! В их прихотливых перепархиваниях с места на место — такое беспечное веселье, такая кружащая голову свобода, что и я начинаю при-

прыгивать на ходу, взмахивать руками. А что, если бабочки даже умеют петь, перекликаются с птицами, с петухами и с выводком жёлтоклювых цыплят, что перебегают поперёк тропы вслед за сварливо шипящей квочкой?

Разомлевший воздух кишит ласточками, скворцами: где-то в подоблачном мареве висят невидимые жаворонки и безостановочно просыпают на нас свой свежий серебряный хохоток.

Но скворцы-то, скворцы, — как их только земля всех уместает! Сытые, довольные, с каким-то фыркающим, журчащим звуком проносятся тучами с огорода на огород, расхаживают вразвалочку по грядам, молча вертят глазками с боку на бок, выискивая в земле какое-то с осени сюда запавшее семечко. А то враз облепая ближайшую грушу. А то копошатся по старым скворешням, шипят по-кошачьи. Или вдруг примутся орешки, что ли, расщелкивать? Иногда, если прижмуришься, покажется: это не скворцы вовсе, а пригоревшие куски сала шкворчат на большой сковороде.

А свежие ростки трав вдоль тропы! И на эту братву готов я пялиться неотрывно. До чего все нарядны, каждая в свой цвет: ярко-зелёные, жёлтые, розовенькие, сочно-багряные, в масть свекольной мякоти... Ай да травки! То узкие как иглы, а то наподобие изогнутых птичьих коготков, клювиков, плотно сжатые или жадно разомкнутые, будто для хватания пищи. А то какие-то диковинно заломленные, будто петушиные гребешки... Да не от них ли самих исходят все эти звуки дня: трогательное попискивание, залихватские трели, шорохи, скрипы, треск, взвизги, шкворчание, пересмех, перепорх, блаженные вздохи, детское покряхтывание, потягивание в тёплых земляных кроватках?

От них, наверняка, от них! Только мне прислушаться некогда. И некогда подглядеть за каждым ростком, бережно наклоняя над ним, затаив дыхание, чтоб не спугнуть. Уж тогда бы я наверняка увидел, как они раззевают навстречу солнечному дыханию свои клювики, как наливаются алым соком их гребешки и хохолки, как протыкают зелёные шильца, жалыца, иглы и острые язычки всё, что мешает им на пути к свету: старые жухлые листья, какие-то усохшие стебельки, всякую травную рухлядь, прошлогодний сор и хлам, и как медвяный прыткий коготок, поднатужась, отваливает в сторону целый ком земли.

Вприпрыжку нагоняю деда, потому что он, вижу, остановился, крутит головой то ли с восхищением, то ли с укором:

— Ого! Яки ж воны повырастали!

— Кто, диду? — озираюсь и я на всякий случай.

— Лозы.

Он окунает левую руку в карман, достаёт оттуда ножницы-кривули (дедушка у нас, как говорят дома, *ливша*, значит, всякую работу делает левой рукой, а правой лишь помогает). Несколько раз щёлкнув в воздухе ножницами, проверив, не потеряла ли упругость пружина, которая их разжимает, он свободной правой подхватывает ближайшую к нему краснокожую ветку, что красивой полудугой отвисла от невысокого, похожего на необструганную деревяшку стволика.

Не успеваю и глазом моргнуть: лезвия звонко клацают у самого почти ствола, а гибкий прут летит к моим ногам.

Поднимаю его, разглядываю. Это и есть лоза? Обычная вроде бы ветка, но — ещё и лоза. От неё, особенно от срезанного места, исходит кисленький, удивительно жалостный дух. Так почему-то и хочется лизнуть срез прута. Да и на вид лоза мне очень-очень нравится. Это не то, что всякая другая ветка — яблоневая, сливовая, дубовая... У лозы прут чистый, без шипов и грубых наростов. Она гнучкая, эта лоза, с вишнёво-красной, младенческой какой-то кожицей, чуть растрескавшейся там и сям. А ножницы дедовы клацают почти непрерывно, да ещё со щегольским птичьим прищёлком.

Гляжу: утолщённая макушка стволика затопорщилась множеством отростков-коротышек. Жалкий обкорнанный уродец — вместо пышного, прыщущего лозами во все стороны куста. И для чего так?

Но дедушка пыхтит в усы довольно:

— О-о!.. К осэни будэ добрый виноград.

И отходит к следующему кусту. Снова заполняют воздух весёлые сочные щелчки. Но мне досадно. Вернуться домой, оставить его одного? Ишь, какие дела: он собрался обстричь все-все лозы, все-все кусты подряд? А тут их во-он сколько! В три или четыре линии выстроились, один стволлик за другим, от нас — и выше в гору. Беспокойство то проникает в меня глубоко, то отпускает. Разве мой дед может делать что-нибудь плохое? Я никогда не видел, никогда ни от кого не слышал о нём, чтобы он сделал что-то плохое.

Кляц-кляц!.. Цыть-цыть!..

Я, наконец, не выдерживаю, окликаю его дрожащим голосом:

— Ди-и-иду?

Он оборачивается, глядит с недоумением. Хмыкает, наклоняется до земли, сгребает целый пучок только что срезанных прутьев. Не спеша идёт в мою сторону.

А подойдя, чуть не раздражённо трясёт в воздухе пучком лозы.

— Щоб ты знав: цэ вэ старэ... Старэ, розумиеш? Воно не дасть бильшэ доброго плода.

Небрежно кидает пучок под ноги, подгребаёт к нему прутья от ближних обстриженных стволов. Потом распрямляется, снимает со своей взмокшей лысины кепку, отирает сырой лоб рукавом пиджака, крестится мелким крестом и говорит как-то не по-своему, торжественно.

— ...якоже розга изсохнет, то собирают ея и во огонь вметають... И сгорает!

Прислушивается, будто и сам хочет лучше разобраться смысл этих необычных в его речи слов.

Но, нахлобучил на лоб кепку и уже обычными своими всегдашними словами заговорил:

— А дэ ж вогонь? Трэба ж вогню запалыты.

Трешат в его ладонях ломкие стебли прошлогоднего бурьяна. Я тоже, на дедушку глядя, сгребаю на меже всякую травную ветошь, подпихиваю сухие эти комки под горку хвороста. Дед уже извлёк из внутреннего кармана серую тряпицу, в которой у него, знаю, хранятся кремь с огнивом и ветошь. С помощью их он искры огня высекает, когда нужно сигарку запалить.

Но кусок тёмно-рыжей ветошки ему теперь даже не понадобился.

Чирк-чирк!.. Сухие стебли, листья с едва слышным писком скруживаются в спиральки, седые, чёрные. Узкая змейка дыма, минуя прутья, проворно пробирается наверх. Первые оранжевые языки пламени исчезают вместе с дымом, но это не значит, что костер тут же и угас. Просто огонь стал настолько ярким, прозрачным, что его вообще не видно. Но только протяни туда руку — сразу укусит. Прекрасные мои лозы начинают в плавящихся струях жара потрескивать, пошипывать, изгибаться, лопаться.

А он снова ушёл вперёд, опять звякает проворными лезвиями.

— Давай — сбрай всю лозу до вогня! — кричит мне. — Щоб нэ згасло.

Моей досады как не бывало. Я улыбаюсь до треска в ушах: теперь и для меня есть дело!

Не торчать же всё время на месте, глаза на огонь! Я кидаюсь к обстриженным кустам, нагребая охапки прутьев побольше, тащу к костру. Нужно лишь постараться свою ношу подкидывать на самую середину, а то огонь уже, оказывается, проел малую дыру в груди лозы.

— Щёлк-щёлк! — хохочут кривули-ножницы в дедовой руке. Звуки лопаются в воздухе, будто поддразнивая друг друга. — Щёлк-щёлк?.. А що? А що?.. А ничего! А ничего!

Я сную взад-вперёд — ещё! ещё!

— Щёлк-щёлк! — трещат ветки в пламени. Выстреливают угли, вонзаются в рыхлый пепел.

— А що цэ такэ?.. Що цэ такэ? — подсмеивается над нами скворец, чёрно-блестящий, как головешка, выкинутая из печи.

Чем быстрее ношусь я от дедушки к огню, тем прожорливей становится костёр. Уже широкий круг седеет в его середине трубочками пепла. Значит, надо подгребать на порожнее место груды прутьев, что остались по краям кострища. Но я немного побаиваюсь. Жар так и пышет в лицо, щиплет руки.

А дед? О-го-го, как далеко он уже поднялся в гору! И удивительно, подстриженные им стволы-болванчики больше не кажутся мне уродцами. Они будто страхнули с себя то, что мешало им шевелиться, путалось в ногах. Для них, похоже, начинается теперь какая-то новая, бодрая, даже весёлая жизнь.

Игра огня всё более привораживает меня. Одурманивает голову вешний свет, горячий воздух, источаемый лозами дух с кислинкой...

И как-то забываю про всё, про всех. Таинственная власть прозрачного пламени, струи жара, плавящие небесное стекло, отделяют меня от всего мира. Сплю ли с открытыми глазами? Ожидаю ли чего-то необычного, чудесного? Или просто-напросто нежусь в объятиях всевластной лени? Не знаю, сколько времени длится это забытьё, пока ровно нарастающий шум, как дыхание большого ветра, не накрывает меня...

Это дедушка, оказывается, приволок огромную охапку веток, из-за которой сам едва виден, — чтобы накормить напоследок огонь досыта.

И уж потом вялого, переполненного вешними шумами, звонами, дуновениями, отводит меня домой.

ДОБРО

Сухой жар весеннего полдня. В такую пору, кажется, не только у меня, но у всего живого глаза слипаются, — у кур, у цветов, даже крылья у жёлтых бабочек не хотят распахиваться. Теперь бы в хату, в синюю её прохладу, да подремать властью на своей малой кровати.

Но бабушка не позволяет. Пока мама в школе, а дед куда-то по своим делам отлучился, она устраивает в хате такой грохот и переполох, будто на всех осерчала и собралась всё-всё повыкидывать насовсем. Одни, что ли, голые стены оставит? Ну, всё, не всё, а, вижу, уже гора нашего добра вывалена на дворнице в самых обидных для их внешности видах. Стулья, табуретки, лавки, кочерги, ухваты, полосатые рядна валяются кое-как: что вверх тормашками, что друг поперёк дружки, а что даже не на траве, а в самой пылюке. И моя кровать тут же, торчит на боку, не разберёшь, где одеяло, где подушка, где матрац и простыня.

За что им всем, и нам тоже, такая немилость?

А вот за что. Бабушка, оказывается, к празднику, к *вэлыкому святу**, задумала во всей хате обновить свежей промазкой наши глиняные, за зиму там и сям растрескавшиеся полы. Вот она и носится, запыхалась, раскраснелась, выкидывает наружу всё, что мешает ей дорваться до порожних полов.

Гляжу, уже и веником в коридоре машет, и совком подгребает. Тяжёлые, явно недовольные таким беспокойством серые комки всяческого мусора очумело вылетают за порог.

Я сижу в тени сирени, рядом с одеялами и искося поглядываю за бабушкой: что ещё она придумает? Тень от сиреневого куста ещё не густая, и мне скучно сидеть тут и ничего не делать. А она тем часом уже присела на корточки, принялась размешивать в старом тазу сырые комья глины, и раз от разу малыми струйками из кувшина ещё подливает в таз воду. И месит, месит, месит руками, будто муку для пирога или вареников.

Тут как раз из-за хаты доносится полусонное тарахтение чьей-то телеги на дороге. Бабушка выглядывает за угол и вдруг подманивает меня рукой, выпачканной в глине.

— Бачишь на дорози конячу кучу?

— Ну, бачу.

Зеленовато-рыжая куча, и точно, лежит поверх пыли свежим, ещё чуть дымящимся караваем.

— Визьмы ось цэ порожне вэдэрко и прынэсы мэни ту кучу.

— Ни, — отвожу я глаза в сторону. — Нэ хочу.

— Чому?

— Та то ж... гимно.

* Воскресение Христово.

— Э-э-э, — в досаде качает головой бабушка. — Сам ты... знаешь кто? Цэ — добро! Зрозумив? До-бро!.. А ну бижы швыдче!

Нахмурилась, замахивается лоснящейся от глины рукой, — вот-вот шлёпнет меня по штанцам.

Я нехотя беру ведро за дужку, плетусь в сторону дороги.

“Добро”? А то я не знаю, что такое добро? Вишни, сливы, яблони у нас в саду, хотя они только зацвели, вот оно добро! А эта пакость, которую мне велено собрать в ведро? Ладно бы ещё какой-то лопаткой сгрести, а то иди и дотрагивайся до вонючей кучи голыми чистыми руками.

Но как ослушаюсь бабушку? Не могу же я поверить, чтобы она для чего-то надумала посмеяться надо мной, осрамить перед соседями. Раз велела, надо выполнять. Я же сам сколько раз видел, как дедушка, что-то про себя похмыкивая, но без всякого недовольства на лице, выгребает вилами из коровника Красулины блины, втоптанные ею за ночь в солому. И относит тяжёлые навильники к ближнему углу поля, где снова накапливается у него тёмная горка перегноя. Потому что старую гору ещё после зимы все наши взрослые однажды за какой-то час разнесли вилами и разбросали по всему полю перед вспашкой. А ещё видел, как тот же неутомимый дедушка подтаскивает тяжкие сырые навильники за хату, где у него расставлены на ровной порожней земле деревянные рамки, и он их заполняет поровну этой ношей. По его объяснению, когда коровьяки высохнут, станут кирпичиками-кизяками, можно будет ими топить нашу уличную печку-кутуню.

Но то взрослые дела и заботы. А я вот приплёлся и стою чурбачком, будто мне велено сторожить её, эту кучу, целый день. Да что там, вблизи она нисколько не страшная. Только побольше и погуще, чем жидкие коровьи нашлёпки, в которые так противно бывает нечаянно вляпаться. Я озираюсь по сторонам: не подглядывает ли за мной кто-нибудь из соседских детей? Но дорога безлюдна. Только бабушка разогнула спину и глядит — то ли на меня, то ли куда-то мимо. Деваться некуда. Я окунаю пальцы в ещё тёплую, пахнущую конём и травами рыже-зелёную ковригу и за три или четыре раза переваливаю всю её в ведро.

Бабушка с чуть растопыренными, побелевшими от глины пальцами ждёт меня.

— А тэпэр дывысь сюды.

Она накрывает ведёрко над тазом и почти треть навозной кучи вываливает на глиняный замес. И снова принимается месить, месить, подливая по-немногу воду.

— Бэз такога добра, — объясняет, переводя дыхание, — глына, як пидсохнэ, зараз полопаецця, розтрискаецця... А навоз дэржэ глыну, мов найкрепшый клэй. Зрозумив?

Вымесив содержимое таза до нужной мягкости, она уносит своё изделие в глубину хаты. Я беззвучно слеую за ней и вижу: грузно опустившись на колени, она окунает в таз мокрую мешковинку и начинает — с самого дальнего угла большой комнаты — мягкими полукругами замащивать старый морщинистый пол свежим густым замесом. Мне неловко беспрерывно пялиться на бабушкино занятие, и я так же тихо выбираюсь на двор.

Но даже отсюда слышно, как воздух в хате заполняется бодрым духом быстро затвердевающей промазки. И — странное дело! — я уже не улавливаю в этом запахе совершенно ничего, что бы меня возмущало или корбило, но, наоборот, даже различаю ароматы каких-то полевых стеблей и цветков, пережёванных доброй колхозной конягой.

Полы быстро просыхают досветла. Не проходит и часа, а бабушка уже промазывает их поверху новым свежим слоем. И, напоследок, ещё одним. Я то выхожу на двор, чтобы послушать, не проехала ли по дороге какая-нибудь другая телега, то издали наблюдаю за бабушкиными трудами с порога. Когда, наконец, она выплывает из хаты с тазом, прижатым к бедру, вижу: в нём остался самый малый остаток замеса.

Даже я устал сегодня от таких её обильных хлопот и от своего в них, как выяснилось, неожиданно важного участия. Но вижу, бабушка так разгорячилась, что тут же принимается придирчиво озирать южную стену хаты,

выискивая на извести трещинки, даже самые малые. И уже окунула тряпицу в таз, одну за другой выводит на стене тёмные кривые загогулины.

— А цэ для чога? — расстраиваюсь я, потому что такая была белая и чистая стена...

— А як ты думав? Все люды добри биять свои хаты к *велькому святу*, а мы? До завтра посохнэ, и прымемось за дило.

...Ближе к вечеру, когда возвращается из школы мама, и раздаётся с дороги дедушкино благодушное похмыкивание, в комнаты одна за другой возвращаются на свои привычные места все до единой безмолвные участницы и помощницы нашей всегдашней жизни, — столы, стулья, кровати, всё-всё, наконец, и свежие рядна, просохшие на солнце, вытряхнутые от пыли. Старые рядна, которые испаковали немцы, когда пожар в танкетке гасили, куда-то бабушка сразу выбросила. И до чего приятно ступать босыми ступнями то по чистому полу, то по чистым, тёплым ряднам, приближаясь к своей свежезастеленной кровати.

ТАРАС

Есть, оказывается, в нашей хате такие углы и пространства, о существовании которых я, при всём своём любопытстве, узнаю лишь нечаянно. Сколько раз пробегал-проходил по короткому коридору, — то на улицу, то с улицы — мимо какой-то невзрачной двери и не догадывался, что за нею — кладовка, а под ней ещё и подпол.

И вот тёплым осенним вечером вижу: из тёмной этой кладовой выкатывает дедушка на двор неохватной толщины бочку, и слегка крикнув, ставит её на попа.

Кажется, два или три дня назад я уже видел её перед хатой. Но она стояла не одна, а в соседстве с другими бочками и не показала такой громадной, как сейчас, когда мне пришлось быстро от неё пятиться по коридору. Из её гулкой порожней глубины ворчало что-то басом: раз-дав-лю-у-у!

А тогда бабушка носила вёдрами воду, выливала её в бочки и смотрела, не польётся ли из щелей. Если польётся, объяснила она мне, значит, дубовые клёпки рассохлись, и нужно, чтобы вода в бочках постояла, и тогда дерево снова разбухнет, само закроет свои щели. Я смотрел на эти тёмные, сочащиеся трещинки между рёбрами, ожидая, что потёки вот-вот исчезнут, но быстро устал от такого ожидания и куда-то отлучился. Может быть, привлекло меня квохтанье курицы, которая на радостях громко докладывала всему куриному селу, что опять снеслась? Для меня ведь такое происшествие тоже было немаловажным. Я уже знал, что многие наши куры забираются нестись в норы, вырытые ими под горой сухих стволов подсолнуха, и наловчился, просовывая руку поглубже в тайники, извлекать то одно, то другое ещё тёплое яичко. Бабушка часто поощряла такую расторопность моей же находкой, в жареном или варёном виде.

Вот что!.. Все те бочки и бочки тоже были, значит, из кладовки и даже из подпола, но я не видел, как их выносили и вносили назад, потому что, наверное, на ту пору спал.

А сегодня, хотя свет вечерний уже неумолимо сменяется сиреневыми сумерками, разве уснёшь! Я же чувствую по какой-то особой размеренности, даже торжественности дедушкиных движений, по его похмыкиваниям в нос: предстоит что-то по-настоящему важное. Ну, как пропустить?

Приладив под бочку какие-то дощечки, чтоб она стояла ровно, не шатаясь, он спешит в ту же кладовку и, вижу, выносит, оперев на живот, обхватив снизу руками, какой-то тяжёлый деревянный короб с изогнутой металлической ручкой на боку.

— А ну, поможить... поставыты... прэсс! — прерывающимся голосом подзывает он бабушку и маму. Женщины мгновенно оказываются на подхвате, и вот уже короб, или, как он его только что назвал, “прэсс”, чуть не с грохотом нахлобучен сверху на бочку. Дед в задумчивости пятится, будто

хочет со стороны оценить всё целиком сооружение. Пячусь и я заодно, да как-то неловко и едва не усаживаюсь во что-то мягкое, тёплое.

Корзины! Я же видел, как днём на подворье привозили тачками с нашего виноградника эти заполненные с горбом корзины. Когда их за ручки опускали на землю, корзины поскрипывали и покряхтывали, будто сами испытывали удовольствие: смотрите, люди добрые, вон сколько в нас уместилось гроздьев, большущих, спелых!

И дед Захар сказал, стоя над корзинами:

— А шо?.. Добрый уродився тарас!

Знаю, есть в хате нашей Тарас. Он висит на стене, над календарём: лысый, усатый, в кожухе нараспашку. И я замечал: дедушка иногда поглядывает на усатого дядьку и негромко, будто с укором, ему говорит: “Эх, думы мои, думы мои...”

А это что за Тарас?

— Виноград такой: тарас, — подсказывает бабушка. — У молдаван купылы лозу. То такой сорт. А е лидия, е изабэла.

Какая ещё лидия, какая изабелла? Наш тарас лучше, — решаю я про себя. Это сколько же корзин! Выходит, мы будем его есть вместо хлеба, вместо всего остального, есть всю осень, и на всю зиму хватит... А что не съедим, то бабушка отнесёт на горище, и у нас будет много-много изюма.

Каждая круглая ягода покрыта сизой поволокой. Чуть её сотрёшь, а тарас-то вон какой — тёмно-синий, до черноты. Как ночь. И сладкий, почти горячий от солнца. Только умей отплёвывать косточки, чтоб не хрустели на зубах. Можешь съесть целую большую гроздь, разве кто попрекнёт? И ты уже сыт. И уже без жадности любишься всеми-всеми, а им и счёта нет. Прижмурься, и померещится: гроздь — это великое множество чьих-то очей, они тайно помаргивают про что-то своё, но не страшное. Или покажется: гроздья тараса — мужские кулаки, набрякшие упругой синей силой. Но есть в корзинах и маленькие кулачки, чуть больше моего...

Дед Захар светлеет рубахой в сумерках, закатывает рукава по локоть, окунает растопыренные пальцы в корзину, ту самую, в которую я чуть не угодил, вырывает из неё большой ком гроздьев, кидает в широко раскрытую и, как различаю теперь, зубастую пасть ящичка-пресса. Что-то бормочет про себя, мелко крестится.

И, чуть накренившись вперёд, медленно, натужно начинает вращать ручку... Из давилни вырываются всхлипы, хруст, чавк, треск лопающихся виноградных кистей. Затем что-то глухо ударяет о тёмное дно.

Из сумерек выплывают лица всех наших — бабушкино, мамино, тётки Лизы, а между ними и радостное Тамаркино. От разных корзин наперегонки подносят гроздья к зеву давилни. А дедушка, расставив для упора ноги, всё крутит и крутит рукоятку с той же натугой, и сок уже поёт в бочке беспрерывно, и шлёпаются вниз комья раздробленных ягод.

— Тарррас... тарррас! — трещат и хрустят кисти в челюстях пресса.

А я что же? И мне дайте!

Держу тяжёлую гроздь в вытянутой руке, привстаю на цыпочках, но до края ящичка никак мне не дотянуться. Кто-то подхватывает меня сзади подмышки — бабушка? мама?

— Тильки руки не сунь туды — видгрызэ!

В чавкающую пасть полетело и моё приношение, но руку тут же отдёргиваю от края раструба.

Опустошённые корзины катятся к кусту сирени, в темноту. Нечего им мешаться под ногами.

И мы с Тамаркой, чтоб не мешать взрослым, отходим к хате, прислоняемся к тёплой стене. Слышим, как воробьи или ласточки шевелятся в своих гнёздах под стрехой, уютно попискивают, приготавливаясь ко сну. Уже поздний вечер, в такую пору нас тоже всегда отправляют спать. Но сегодня слишком важное что-то происходит, и нам разрешено оставаться со всеми.

— Дид сам вси бочки зробыв, — негромко говорит Тамарка.

— Знаю...

— И обручи з железа сам склепав, — добавляет она.

— Знаю, — шепчу я и краснею, потому что совсем не знаю, что такое обручи. А потому спешу первым сказать и про другие умения дедовы. — Вин сам и косой косыть, и чоботы шьё, и гвоздочки дэрэвянни вбивае, и... и лозу ножнычками стрижэ, бо вин у нас... мастер.

И тут же спрашиваю:

— А що там будэ — у бочци?

— Нэ знаеш? — смеётся Тамарка. — Вино будэ. Выпьешь кружку и будэш пьяный-пьяный, дурный-дурный.

И она, с улыбкой закрыв глаза, что-то бормочет, покачивается и оседает на корточки, показывая, какой я буду дурной.

Мне такое кривляние не нравится, я про себя начинаю на неё сердиться. Но одумываюсь: сердиться — тоже дурасть.

Загустевает вечер, наливается горьковатым настоем дыма, что слюится вдоль села. Большие золотые листья в задумчивости опускаются с ветвей грецкого ореха. Земля вдыхает их терпкую свежесть. Фиолетовая темень подступает к нам. Но стена хаты всё так же белеет, будто отдаёт ночи впитанный за день свет.

Нас подзывают. Идём, взявшись за руки, наощупь, чтоб не споткнуться о какую-нибудь корзину.

Пресс уже снят. Бочка доверху заполнена вкрадчивым шорохом. Что-то там большое, тёмное дышит. И вся внешняя мгла полнится загадочным шевелением.

Дедушка запускает за край бочки черпак, осторожно отгребает гушину в сторону, — и вот посудина перед нами: тяжёлая, полная доверху.

Тамарка отказывается пить первой, хотя она старшая. Я тоже отказываюсь, но совсем неуверенно. Дедушка решает в мою пользу:

— Нэхай малый посье.

После трёх больших глотков я передаю липкую тёплую кружку Тамарке. Потом она мне возвращает, и снова я ей.

Но блаженство насыщения этим ещё невинным тёмным млеком земли так полно, так всевластно, что я, кажется, в тот же самый миг и засыпаю, прямо здесь, стоя на ногах.

ДЕНЬ БЕСКОНЕЧНЫЙ

Светлая гибкая лента дороги, что из нашей сельской долины легко и вольно взлетает на зелёную гору... Я теперь уже знаю: она не обрывается сразу за краем земли. Она так же светло хочет пролиться куда-то дальше. Раным-рано за гору ушла пешком мама.

Я уже и позабыл почти тот хмурый сырой день, когда отвратительной мохнатой гусеницей уползало за край земли чужое войско. В тот день и гора была какой-то бурой, тоскливой, без единой травинки. И дорога — чёрной, вязкой, в слякотных колёсных следах.

Нет же, дорога, которой я люблюсь сегодня, чиста и светла, будто никогда ничто мерзкое к ней не прикасалась. Эта дорога, сколько я себя помню, была всегда, и всегда мягко проплывало над нею солнце. И она всегда мне нравилась своим одиночеством. Но этим утром мне не просто нравится видеть её гибкий взлёт наверх, я неотрывно люблюсь её светлой, как льняная холстина, лентой. Мама ушла по ней раным-рано, когда я ещё спал. И теперь она вернётся с горы, но уже не одна.

Так бабушка сказала, когда я вышел из хаты и подбежал к уличной печке, у которой она варила что-то вкусное, пахучее в двух больших чугунах. Впрочем, я тут же и забыл расспросить, что такое она готовит, потому что она сказала про маму и про её путь до Чубовки, где она встретит моего отца.

— Сядь и дывысь на дорогу.

Краткого повеления мне было достаточно, чтобы усесться за столик и, кажется, целый час неотрывно смотреть на дорогу, ожидая, когда на самой верхней кромке светлой ленты появятся *они*. И тогда я тотчас окликну бабушку и побегу в мастерскую предупредить деда Захара.

Но дорога оставалась безлюдной.

Я начал недоумевать. Что это за Чубовка такая, до которой должна дойти пешком мама? Почему она ушла одна, не взяв с собой и меня? Разве я не заберусь вместе с нею на гору? И разве и дальше не буду идти, не отставая, сколько бы ни понадобилось. А сидеть и ждать так долго на одном месте — разве легче?

И я не выдержал. Отступил с бабушкиных глаз за куст жёлтой акации и побежал в мастерскую. Надо у деда спросить, где эта самая Чубовка, долго ли идти до неё и назад.

Но в мастерской неуютно и пусто. Даже инструменты издают скучный запах, будто сразу начинают ржаветь без своего хозяина. Наверное, дед Захар с утра работает в колхозе.

Высунув голову из открытой двери на двор, я тотчас же цепляюсь глазами за дорогу. Она всё такая же светлая. И такая чистая, что хочется огладить её взглядом. Но она по-прежнему пуста. Тогда я вскарабкиваюсь по нашей лестнице-драбыне на дощатый настил между чердаками хаты и коровника — моё привычное смотровое место, откуда дорога на гору видна как на ладони.

До чего же здорово мне бывало сидеть здесь, свесив ноги с дощатого настила, выматривая, не бежит ли в нашу сторону Тамарка. У меня сердце всегда начинает стучать звонче, когда на тропинке из-за зелёных всходов конопля взмелькивает её золотистая чёлка. Но сейчас и появление Тамарки меня бы не порадовало. Я жду иной, куда большей радости. Хорошо ей, Тамарке. Её отец, дядя Ефим Кущенко, уже вернулся в свою хату с фронта. Его отпустили домой из-за раны, и он недавно своим глухим басом, будто извиняясь, говорил нам с мамой, что если бы не эта его круглая, величиной с яйцо, вмятина на макушке головы, то он бы тоже, как и мой отец, ещё оставался на фронте.

Когда же он кончится, непонятный фронт, если войны, говорят, больше нет? Все вокруг так говорят: всё, её больше нет. Прошлой осенью, когда она ещё продолжалась, но уже где-то так далеко от нас, что ни единого грома снарядного уже не было слышно в Фёдоровке, бабушка водила меня на майдан, на площадь посреди села, и все мы, и я тоже, сушили там табак для фронта.

Майдан встретил нас самым крепким, какой бывает к середине лета, солнцепёком. Всё как будто плавилось и слоилось вокруг — крыша длинного колхозного правления, горячие лица женщин — молодых, пожилых, совсем девчонок. Столько вокруг было смеха, крика, гомона, пёстрых светлых сорочек, что невольно хотелось прижмурить глаза. Лишь через минуту, другую начал я соображать, что же тут, на широченной площади затеяно.

Посередине майдана торчит крепко вкопанная в землю жердина, и от неё во все стороны, ну, прямо как лучи от солнца, протянуты на высоте моей головы, а где и повыше, длинные-предлинные верёвки, но не толще той, из которой дедушка Захар мастерил когда-то дратву. И на каждую верёвку сушильщикам нужно длинными острыми шилами нанизывать один за одним большие табачные листья. Эти листья подносят в плетёных корзинах, только вынимай да протыкай шилом, да сдвигай к середине — к тому самому столбу, что торчит над всем этим хороводом.

Я быстро теряю из виду бабушку. Где теперь взмелькивает над пахучими табачными развесками её светлый в синюю крапинку платок? То различил было, а то снова не могу найти и нашу тётю Лизу с её золотыми серьгами в ушах. А Тамарка? И она должна быть где-то на площади.

— А цэ що за хлопчик такий ледащий? У всіх дило, а вин стоить и гавы ловыть? И нэ соромно тобі? — смеётся надо мной молодая женщина с корзиной листьев при бедре. — Чий же ты будэшь?

— Бабы Даши и дида Захара, — хмурюсь я. Что это она взялась меня срамить?

— А-а, так ты — сынок Тамары-учительки?.. Чуєте, дивчата, його батько на фронти, за нас за всіх нимця бє, а вин? Хиба ж ты нэ хочешь своему батькови послаты на фронт табачку?

— Да чога ты до нёго прыстала? — громко защищает меня другая молодая тётка, с крупно-белыми в улыбке зубами. — Станэ той Миша курыты якись тютюн. Вин, кажут, вже офицэр и “Биломор” курить.

— Дивчата, будэ вам шуткуваты! Дайте хлопчику шило, нехай и вин працое.

И мне уже откуда-то протягивают в правую руку шило, а левую без всякой подсказки достаю из ближайшей корзины большой чуть влажный лист табака. Что, разве и я не сумею? Тютюн — он и есть тютюн. Можно даже две лопушины разом проткнуть, и ещё, и ещё, по одному листу, по два. А дальше? Дальше уже кто-то из девчат помогает сдвигать целый пук моих листов ближе к жерди.

— Ой, Миша, валегоцуловский той Миша! Якого ж хлопця наша Тамара до сэбэ прыгорнула, э-эх! — громко вздыхает ещё одна молодича.

— А ты, разява, чога ж нэ прыгорнула?.. Чи рук в тэбе и титэк мало? — толкает её локтем в бок соседка.

— Да титэк в мэнэ повни пазухи... Але руки вид того табака дужэ чорни. И все снова смеются.

А я так увлекаюсь нанизыванием табачных листов, что не замечаю, как подходит бабушка Даша. Она, вижу, сердита на девчат из-за таких шуток. Но при этом явно довольна моей первой работой в колхозе.

— Ось куды вин заховався, — вдруг окликает она меня снизу. Я вздрагиваю от неожиданности. Она стоит под лестницей и держит в руке что-то белое.

— А ну, злазь да одинь чисту рубашку и новеньки штанцы.

Неужели она первая увидела, что идут? И потому мне нужно срочно переодеться? Я лихорадочно озираюсь на гору. Нет же! Гора до того безлюдна, что ни единого следочка не различить. Но всё-таки повеление бабушки меня как-то встряхивает. Я быстро спускаюсь по жердинкам вниз.

Пока она помогает мне переодеться в свежую прохладную одёжку, самое подходящее время, чтобы хоть что-то ещё расспросить про эту непонятную мне Чубовку. Долго ли нужно маме идти до неё?.. И почему не пойти было в Мардаровку? Ведь мы с ней недавно уже ходили туда пешком и шли долго-долго, чуть не полдня, чтобы маме немного прибраться в пустой хате, где жила покойная бабушка Таня.

Помню, в Мардаровке, в тот же самый день мама повела меня в хатку к какой-то почти слепой старухе. В комнате её было так темно, что среди бела дня мы должны были сидеть за столом при свече, и эта странная бабка что-то бормотала маме, а мама, как мне показалось, то и дело порывалась заплакать от страха. В трясущихся костлявых руках старухи мелькали картинки с чёрными крестиками и какими-то чёрными редьками, с красными кубиками и сердечками, с головами красивых бородатых стариков, молодых бравых усачей и необыкновенно красивых глазастых женщин. Иные из картинок она как-то из-под ладони выщёлкивала на стол — поверх тех, что уже лежали тут, — и что-то при этом шипела беззубым ртом. Под конец она собрала все картинки вместе и сказала маме: “Нэ бийсь... Возвернется твоя пропажа... Моя карта правду кажэ...” Мама глубоко вздохнула и, когда мы, наконец, встали, чтобы уходить, положила бабке что-то в руку. Когда же вышли на двор, тотчас сказала мне взволнованным шёпотом: “Тильки никому не кажи, дэ ты був и що бачив...Чуешь? Никому”. И я с тех пор, как вернулся в Фёдоровку, никому не сказал и не говорю ни слова — ни бабушке Даше, ни Тамарке...

— Мардаровка, — сообщаю я бабушке, — тоже станция. Там тоже поезда останавливаются. Так почему мама в Чубовку пошла?

Но бабушка Даша продолжает придирчиво оглядывать меня со всех сторон, будто проверяя, впору ли пришлись мне обновки — рубашка и штанцы. И при этом строго молчит. Лишь напоследок отвечает что-то невнятное. Сама она, оказывается, никогда в эту Чубовку не ходила. Она знает лишь, что в Чубовке остановится поезд, которым прибудет мой отец, а через Мардаровку он проедет без остановки. А когда прибудет в Чубовку тот поезд, — утром, днём или вечером, кто ж его знает.

Я вздыхаю. Значит, надо нам ещё ждать.

Но сидеть всё время на солнце возле кутуни или на моей смотровой площадке и смотреть неотрывно на спуск с горы мне уже невмочь. У меня начинает звенеть в ушах, я слоняюсь без толку по двору, захожу в хату, разглядываю мамин учительский столик. На нём теперь не видно стопки тетрадок, потому что летом дети не учатся. У нас уже июнь. Одна чернильница скучает.

Мама уже не раз показывала мне фотографии и конверты с письмами, пришедшие с фронта. Одна фотография, на которой прямо на нас смотрит мой отец, в кителе с погонами, а на погонах четыре звёздочки, а на груди две медали, — и маме, и мне сразу особенно понравилась. И она не раз уже читала мне слова, написанные на белой оборотной стороне:

*На память моим
Тамаре и Юрику.
Мих. Лоциц*

*Январь 1944 г.
Снимок декабря 1943 г.*

— Декабрь... Январь... — шептала мама имена месяцев и вздыхала. — Тоди у нас ще стоялы румуны и нимци. А батько твий пише: жди...

И читала ещё две строки, написанные на той же стороне, на самом верху:

*Жди меня, и я вернусь —
Только очень жди...*

Я так и решил про эти слова, что отец очень и очень просит нас ждать его. Хотя он, когда пишет своё письмо, ещё не знает о нас ничего, но обещает вернуться, лишь бы и мы крепко ждали.

Мама не оставила фотографию и письмо на своём столике, а куда-то спрятала, как и другие, которые пришли после того письма, самого изо всех первого.

Я опять вздыхаю. Надо ждать. Надо идти на наше подворье и глядеть без устали, пока глаза не начнут болеть, на светлую дорогу посреди зелёной горы.

Бабушка предлагает мне поесть там же, за столом возле кутуни, — ещё горячих румяных оладушек с кислым молоком, только из погреба. Но я отказываюсь. Ничего мне теперь не хочется в рот брать, — ни этих душистых оладушек, ни белого, присыпанного сахарным песком молочного киселя, разлитого по большим плоским тарелкам, которые тоже отлёживаются в погребе, ни пригоршни только что поспевшей золотисто-розовой черешни.

Даже дорога и гора выглядят совсем не так, как утром. Они тоже устали от ожидания. Вдоль горы, как раз напротив нашей хаты, проступили морщины от коровьих и овечьих троп, по которым череда, как и всегда, возвращается вечером в село. Коров пока не видно, но морщины уже напряглись, и тень от какого-то бугра ложится поперёк ленты безлюдного просёлка.

Тогда я пробую для себя только что придуманную игру. Над отвернуться от горы, сесть к ней спиной и смотреть на что угодно: на тёмную листву вишен, в тени которых наливаются красным соком ягоды; на слоистый прозрачный жар из печной трубы, на бурую копну прошлогодних стволов подсолнечника, которыми бабушка топит печь; на цветы жёлтой акации... Даже пчёлы и шмели устали копошиться в них... Но если я просижу так долго-долго, а потом резко оглянусь, то в тот же миг и увижу. И прокричу: иду-у-ут!

Так громко закричу, что даже Тамарка расслышит на своём дворе и тут же прибежит порадоваться вместе с нами.

И я враз оглядываюсь...

Ни-ко-го!

Сердце опускается во мне куда-то в пустоту.

Но нет, надо ещё раз отвернуться.

И ещё — пока не посетит догадка: те, кого ждёшь — не дождёшься, ни за что не придут, если ты такой нетерпеливый. Вот если бы ты отвернулся

и насовсем забылся и занялся чем-то совсем-совсем другим, тогда... Но что-то не получается у меня совсем перестать ждать, и я забрасываю неудавшуюся игру.

Вот, наконец, и дедушка воротился из села. Может, какие-то новости разузнал — про ту же Чубовку, про тот поезд? Ведь он когда-то в молодости, ещё до женитьбы, как сам об этом рассказывал, год или два служил на железной дороге, ходил по вагонам, проверял, у всех ли есть билеты. Но сейчас даже в его покашливании и пыхтении в усы мне слышатся какое-то огорчение, какая-то усталость.

— Попый водычки, — предлагает мне бабушка Даша. Она пришла от колодца с двумя полными вёдрами и рассказывает дедушке: — Цильый дэнь сыдыть на сонци... Запалывся.

Но оттого, что они жалеют меня, совсем не становится легче. Наоборот, мне так хочется разреветься. Мне чудится, что на гору, на всё село вместе с вечерними тенями опускается какая-то беда. Ну, зачем мама моя раным-рано ушла непонятно куда? Может, тот поезд не остановился? А если остановился, то никто из него не вышел, ни один человек не спустился по ступенькам... Они не придут... И она где-то там сидит за откосом железной дороги, и прикрывают в чёрном дыму и копоти чужие, как в Мардаровке я видел, поезда, на миг останавливаются или с грохотом проносятся мимо, и у неё нет больше сил ждать и нет сил идти к нам сюда одной.

Не хочу я никакой воды. Слезы душат меня. Мне хочется запрятаться куда-то со своим невыносимым горем. Я плетусь в хату, на ощупь добредаю в полутьме до кровати в маленькой комнате. У меня нет даже сил, чтобы снять с себя новые рубашку и штанцы. Разве мне самому они нужны?.. Мама, зачем ты ушла сегодня раным-рано? Зачем мы понапрасну ждали так долго?.. Бабушка, дедушка, зачем всё было?..

— Чуешь?.. Вставай... — Это бабушка Даша тормошит меня за плечо. — Воны йдуть... Чуешь?.. твои батько и маты йдуть...

Я вскакиваю, несусь на слабый свет сумерек — в раскрытую настежь дверь.

Кто-то совсем близко. Чьи-то тихие шаги по земле. Медленно, будто во сне, выплывают двое из тёплой мглы, поднимаются по тропе мимо куста сирени. Мама в светлом платье, и её поддерживает под локоть он — в военном, без фуражки. Лечу, ног не слыша, с разгону прыгаю ему на грудь. Прижимаюсь к щеке, скуле, уху, горячему рту. Почему-то я вмиг догадался: это он, только таким и может быть мой отец!

Его лучащиеся лаской глаза, тонко выбритые щёки, распахнутая для объятия грудь, твёрдые пуговицы кителя, светящиеся тёмным золотом погоны, чудесный запах, исходящий от их тончайших волокон, — всё это он, мой единственный на весь свет, мой родной, с крепко бьющимся сердцем, в прекрасной плоти воина.

Но почти тут же его оттесняют от меня, потому что отовсюду на свет лампы, вынесенной из хаты, уже сходится, сбегается из тьмы вся-вся наша родня, чуть не целое село... Смеются, плачут, накрепко стискивают в объятиях, поздравляют маму... И дядя Ефим тут с тётей Лизой, и Тамарка моя лучезарная, и дедушкин брат Виктор, его жена Поля, братья и сёстры Дзюбенки, соседи, соседки, куча мала детворы...

Лишь на какой-то миг отец прорывается ко мне, чтобы ещё погладить по голове, подержать за плечи, на руки поднять и тут же, будто спохватившись, вытащить из походного чемоданчика и вручить подарки: большую плоскую коробку конфет и губную гармошку в восхитительно ярком футлярчике.

Тотчас меня облепляет затаившая дыхание малышня. Кто-то зачарованно шепчет:

- Ты дывысь, конфеты...
- Ого, шоколат...
- А яка гармошка!..
- Трофейна?..

Мы разглядывает и общипываем коробку, принохиваемся к её небывалому запаху. Но долго разве можно удержаться? И вот, пока взрослые рас-саживаются за столы, гремят посудой, звенят стаканами, у нас всё затева-ется пиршество. Под общее восхищённое “ох-х!” распахнута коробка, и из внутренностей её посверкивающего в ночи ребрастого ложа на нас изливаются волны головокружительно сладостных ароматов. Обмерев от неожиданно-сти, мы робко замолкаем. Никто не решается первым притронуться к тёмным округлым подушечкам шоколадных див. Так проходит несколько томящих мгновений. Но раз уж все принимаются шёпотом подбадривать меня, протя-гивая руку первым. Каждому понятно: это моё право. Но незримая чья-то сила ведёт моими пальцами, и первую конфетину я поднимаю к полуоткры-тому рту Тamarки.

— Ни-ни, — улыбается она благодарно, отмахиваясь от меня чёлкой.

— Йишь! — настаиваю я твёрдо, как и положено, должно быть, сыну офицера. — И вси — йишьтэ!

Фёдоровская детвора не кидается к коробке, распахивая тех, кто нело-вок или слишком застенчив. Наша малышня самым бережным, самым сдер-жанным способом приступает к облизыванию, пробованию на зубок и не-спешному вкушению яства, принесенного приятнейшим ветерком то ли из какой-то загадочной Риги, то ли из какого-то Таллина, который и сам, ка-жется, не прочь бы растаять у нас на губах. И, удивительное дело, шокола-док в коробке почти не убьло.

Тут, напоминая разомлевшему обществу о втором отцовом подарке, я до-стаю из-за пазухи чудесный футлярчик. Гармошечка в руке на вес тяжёлень-кая, но при этом какая-то забавно-воздушная.

— А кто вмие?

Умелец находится мгновенно. Кажется, это один из хлопчиков, в сопро-вождении которых я весной бегал смотреть за край села порожнюю фашист-скую самоходку. Он прикладывает губы к узкой, слегка загнутой вовнутрь стороне инструмента и делает слабый выдох. Гармошечка прытко скользит в его руке вправо-влево, и рассыпает лёгенькие рулады, похожие на первые пробы спевок у петушков.

Вдруг из раскрытых окон хаты выкатывается дружный взрыв смеха. Мы догадываемся, что он явно вызван стараниями нашего гармониста, и тотчас отвечаем большому застолью самым звонким детским визгом.

— На, грай сам!

И вот уже я дую изо всех сил, и звуки то вниз тянут, то вспрыгивают на тоношенький верх, озадачивая, должно быть целый мириад наших невидимых сверчков, зачарованно и неустанно поющих свои скромные гимны звёздам.

Ночь отлетает так стремительно, будто и не было её, а длится над все-ми нами один бесконечный день, и мы с Тamarкой в его молодых лучах бла-женствуем в маленькой моей комнате у порожней, но всё равно чарующе ароматной конфетной коробки и всё ещё по очереди пробуем губами гармо-шечку. На ней успели подудеть все, кто хотел, и потому из её отсыревшего от слюны нутра вместо бойких звучаний с трудом вырываются теперь какие-то простуженные хрипы, побулькивания, а то гусиный шип или самый жа-лобный цыплячий вописк.

— От, добрэ гралы, — благодушно пыхает в усы дедушка Захар.

Нас зовут за стол, и он такой обильный, будто здесь ничего ещё с мину-ты возвращения отца не вкушали. Все готовы поднять стаканы, рюмки. Лишь отец, весёлый, в белой рубахе, вдруг скашивает глаза в мою сторону и неожиданно строгим голосом спрашивает:

— А это что такое?

Острым глазом он видит, что передо мной на столе краснеет маленькая стопочка, наполовину наполненная кисленьким терпким вином дедушкиного изготовления.

Бабушка, уловив смысл его удивления, улыбается:

— Та воно ж малэньке... Нэхай и воно трошечки высье... Батько ж вэр-нунся з вийны.

— Нет! — произносит отец решительно. — Ещё рано.

И все примолкают на миг. Никто не возражает. Не потому, что он их раздосадовал. А потому, что всем становится ясно: раз отец вернулся, теперь его власть, и потому пусть теперь для сынка его воля родительская будет путеводной.

Я не дююсь, не ропщу. Подумаешь, вино! Я ещё и не различаю его вкуса. По мне оно несколько не вкусней, чем глоток свекольного темно-красного кваса, который бабушка подносила нам с дедом из погреба, когда он отламывал от сухих высоких стволов початки спелой кукурузы, а я складывал их в корзину. И сладкий виноградный сок прямо из бочки, в которую он осенью отдавливал гроздьё “тараса”, куда, по мне, вкусней, чем это кисленькое, что так и останется мною не тронутым.

Лишь много лет позже я буду в шутку рассказывать друзьям, что первый раз в жизни бросил пить вино шести с половиной лет от роду. И на недоуменные вопросы отвечать: “Потому что такова была воля пришедшего с войны отца”.

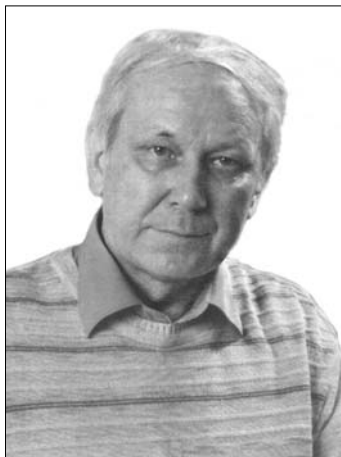
Но вот ещё одно событие того бесконечного дня, самое для меня и по сию пору столь необыкновенное, что иногда кажется: не привиделось ли?..

Через три или четыре часа после утреннего застолья...

Все мы вдруг, будто по воздуху перенесясь, оказываемся в нашей дубовой роще. Но не на её ближнем к селу краю, где я как-то под вечер помогал бабушке Даше собирать жёлуди в торбу. Нет, мы где-то в самой середине великого леса, на раздольной поляне, у белых холстов с едой и вином. Только никто не приляжет, никто не садится на траву у этих белоснежных холстин. Все стоят большим, но не тесным кругом. И все в белом, чистом, лёгком — мужчины, женщины, мы — дети. Мы как будто собрались на место, где всегда собираться любили и раньше. И потому разведён костёр из сухого дубового хвороста, он не чадит, а лишь чуть потрескивает, и дым его благоуханен, и пепел светел, хоть окунай в него руку. Или это благоухание исходит от высоких дубовых крон, пропускающих на поляну полупрозрачный свет? Мы будто все вернулись сюда, — после холода и голода, после страхов и грохота обезумевшего железа. Вернулись посмотреть друг на друга, произнести негромкие добрые слова, поднимая перед собой белые струящиеся, как дымы, рукава рубашек и сорочек...

От прилива радости я почти уже не различаю лиц: где отец с мамой, где дед Захар и бабушка Даша, где тётки мои Лиза и Галя, где ты, светлая Тамарка? Мне видится, что в этом же кругу рядом со всеми — и те, кто не дожил до этого дня, — бабушка Таня, тоже во всём светлом, и дед Фёдор в светлой армейской рубашке, и прадеды мои Константин Лощиц, и Максим Степанюк, и Иван Грабовенко, и Яков Лагуна, — тоже в белых рубашках. Просто мы все вернулись в день возвращения, — пусть не навсегда, пусть только на час — в этот святой лес...

СЕРГЕЙ ХОМУТОВ

НЕ СЛОМАЛИСЬ И НЕ ОТРЕКЛИСЬ...

* * *

Мы — осколки советской эпохи,
Нас не склеить уже, не сложить;
Хороши на излёте иль плохи —
Надо век без надрыва дожить.

Мы — осколки, а может быть, всё же
Хоть непрочно, да как-то срослись,
Потому что, свой выбор итожа,
Не сломались и не отреклись.

Не отбросили прошлое, с новым
Бесконечный ведём разговор
Тем же русским возвышенным словом,
Что несёт и согласие, и спор.

И, священную книгу читая,
Понимаю, что Вера сильна
И, вседневно её обретая,
Никогда не измерю до дна.

ХОМУТОВ Сергей Адольфович родился в 1950 году в г. Рыбинске Ярославской области в рабочей семье. Окончил Литературный институт им. М. Горького. В настоящее время — директор издательства “Рыбинское подворье”. Автор более пятнадцати книг стихотворений.

И надеюсь, что с этим стремленьем
Вновь единство судьба обретёт,
Что когда-то за Богоявленьем
Человекоявление придёт.

* * *

Трезвость полная скучна,
Водочка губительна,
Видно, всё испил до дна,
Что неудивительно.
Были хороши деньки,
Ночки гулеваные,
Были резвые дружки,
Женщины желанные.
Но как будто погрозил
Предводитель племени,
Поубавил плотских сил,
Может, и ко времени.
Не сирень уже цветёт,
А рябина рдяная,
Срок дожития идёт —
Мера, Богом данная.
В целом — плодотворный срок,
Так что гнуться нечего,
В том ещё один урок
Века человеческого.
Среди солнечной травы,
Далее стеариновых,
В звоне золотой листвы,
В небесах рябиновых.

ВЕСНА 2014

Усложнять, ну, а что усложнять,
Если даже простое понять
Невозможно и в целом представить.
Что уж вроде бы проще — война,
Что случилось во все времена...
Проклинать нам её или славить?

Есть победы, — мы знаем, что есть, —
И разгромы, которых не счесть,
И предатели есть, и герои.
Все мы варимся в общем котле...
Ну, и сколько ещё на земле
Будут грезить виденьями Трои?

Вот опять перед этим стоим,
И уже расплзается дым
По недельным славянским просторам.
Усложнять, упрощать ли?.. Когда
Горе близко и рядом беда,
Жизнь людская становится сором.

Коли вдруг полыхнуть суждено,
Всем по-разному, видно, дано
Это почувствовать кожей живую,

Жилкой, бьющеюся на виске,
Если пули свистят вдалеке
Иль над самой твоей головою...

* * *

На кладбище суетно как-то хожу,
Друзей всё труднее уже нахожу
В огромном печальном пространстве,
Хоть этот кладбищенский скорбный массив
Не страшен, пожалуй, скорее красив
В природном цветущем убранстве.

И даже зимою — воздушен и тих,
Как белый, прочитанный вечностью стих,
Как облако в солнечных блёстках.
Куда же спешу я, подольше бы тут
Побыть, побродить, где раздумья растут
Из мыслей — совсем уж не плоских.

Быть может, и главное что-то придёт,
Вот эта тропинка до друга ведёт,
А та — до родительской воли...
Особый, нездешний, таинственный мир,
Не скажешь, конечно, что близок и мил,
Но дорог мне — точно — до боли.

Однажды я всё-таки здесь задержусь
И от суеты оторвусь, отрешусь
В час — прочих часов сокровенней...
Над брэнностью нашей есть что-то ещё,
Недаром же вдруг упадёт на плечо
Листочек берёзки осенней.

* * *

Как будто вместо водки — политура,
А вместо храма — дровяной сарай;
Родимая ты моя литература,
Прошу тебя, молю:

“Не умирай!”

Какая омерзительная сводня
Подсунула нам этот яд и мрак?..
Мне без тебя мучительно сегодня
Среди бездушных ёрников-кривляк,
Что сделали тебя

сплошным приколом,

Провозглашая всяческую гнусь, —
Не обожгусь пылающим глаголом,
Над вымыслом слезой не обольюсь.
Где ты сокрылась,

вечность золотая,

Серебряная, где ты нынче, где?..
Как, столько лет к святому припадая,
Вдруг очутиться в этой пустоте?..

* * *

Опять меня склоняют к загранице,
Совсем не важно — к Риму или Ницце,
Куда угодно, — только поезжай;
Вкусы в Тайланде фруктов небывалых
И прочих разных наслаждений шалых,
Себя инстинктов сладких не лишай.

Но мне приятней волжская прохлада,
Полей осенних тихая отрада,
Рожающая столько светлых строк.
Не выношу макак и крокодилов,
Люблю котов, дворняг простых и милых
И не коплю на турпоездки впрок.

Я — русский, душу изменить непросто,
Напоминает это свойство остро
И ныне, как напоминало встарь.
Я не люблю бананы, авокадо,
Разваристой картошке сердце радо
С огурчиком, грибком да под стопарь.

Своя судьба у каждого поэта,
По-своему согрета и воспета,
И, очевидно, искренне вполне.
Со мной берёзы, ручейки, овраги...
Простите, крокодилы и макаки,
Я не поеду к вам, а вы ко мне.

* * *

Мир наш нынешний таков,
Что никто его не славит, —
Но дорог для дураков
Нам Европа не поставит.

Вдоволь бреда своего
В Риме, Лондоне и Вене...
Не решили ничего
И на собственной арене.

Топит здесь, а там горит,
Где стреляют, где бунтуют,
И Мадрид уже мудрит,
И Норвегия лютует.

Значит, надо жить самим
Безо всяческих идиллий,
Но другим не отдадим,
Что уже нагородили.

Хоть дорог и нет у нас,
Дураков же свору божью
Не получают, нам сейчас
Как без них — по бездорожью?

* * *

Излишняя роскошь сегодня в России — тоска;
Для многих, по сути, она — гробовая доска,
Удавка, петля, что зацепит — не сбросить никак,
Утянет в бутылку, отчуждение, холод и мрак.
Излишняя роскошь...

Но как мы роскошно живём —
Себя загоняем в бездонную пропасть живём.
Я тоже, наверное, не исключение в том,
Вдыхаю большую отраву распахнутым ртом
И сердцем усталым — среди потрясений и драм,
А надо бы к храму,

но где он, спасительный храм?
Копил, наживал бы уж лучше добро про запас —
Деньжонки, вещички, что греют и радуют нас;
Но только и те, кто безмерным богатством оброс,
Внезапно мрачнеют и с горки летят под откос.
Мыслитель-философ гадает,

не может понять, —
Откуда такое, как тёмную ношу поднять,
Напасти заразной суметь избежать на веку?..
И не понимает... И тоже впадает в тоску.

Лишь мальчик и девочка скачут вдвоём на песке,
Смеются и знать не желают об этой тоске.
Посмотришь — и свет зарождается в мыслях твоих
От робкой надежды, что истина кроется в них.

СЕРГЕЙ МИХЕЕНКОВ

ТАНЕЦ ПОБЕДИТЕЛЯ*

РОМАН-БИОГРАФИЯ

Глава двадцать восьмая

ВТОРОЕ ОКРУЖЕНИЕ ПОД ВЯЗЬМОЙ

“Шапка была набекрень у всех тогда...”

Контрнаступление под Москвой развивалось успешно. Тогда многим в Ставке и Генштабе казалось, что теперь сорванные с позиций немецкие дивизии и корпуса, танковые армии, потерявшие большое количество бронетехники, будут отступать до границы и дальше, что война с Германией может быть победоносно завершена, возможно, уже к лету.

Эти настроения порой охватывали и штаб Жукова. Но то, что реально происходило перед наступающими армиями Западного фронта, заставляло осторожнее оценивать свои возможности перед лицом по-прежнему сильного противника.

Враг пребывал в замешательстве недолго. Немецкие генералы убедили Гитлера: отвод войск на новый оборонительный рубеж неизбежен на любой войне. Гитлер определил рубеж, дальше которого отступать запретил, а пока — “удерживать фронт до последнего солдата”.

Когда читаешь боевые донесения армий Западного фронта периода московского контрнаступления, приходишь к выводу, что немецкие войска приказ Гитлера выполнили в точности. Отходили медленно, в основном выводя из зоны боёв тяжёлую технику и транспорт. На дорогах оставляли заслоны, которые, контролируя основные направления, эффективно сдерживали продвижение наших наступающих колонн. Так было на фронте 50-й армии, 49-й, 43-й, 33-й, 5-й и других. Попытки окружить противника путём узких глубоких прорывов конно-механизированных соединений с последующим охватом сколько-нибудь существенного успеха не имели. Противник контратаковал, расчищал от снега свои колонные пути и уходил на запад, эвакуируя и живую силу, и ценные грузы. Так было и южнее Тулы, и в районе Калуги, и в Верее, и под Мятлевым и Юхновом. Как заметил маршал Рокоссовский, наши войска в тот период, наступая по всему фронту, выталкивали противника. На большее не хватало ни сил, ни умения, ни опыта.

* Журнальный вариант. Главы из книги о Маршале Георгии Константиновиче Жукове. Полный текст готовится издательством “Молодая гвардия” в серии “Жизнь замечательных людей”. Первые главы романа-биографии были опубликованы в №6 за 2014 год и в №5 за 2015 год.

Пятого января 1942 года Жуков прибыл в Кремль на заседание Ставки. С фронта ехал на поезде, от станции Обнинская. В Ставке обсуждался план дальнейших военных действий.

Жуков предложил все усилия сконцентрировать на Западном направлении и, пока противник не успел закрепиться на новых рубежах основательно, пополнить войска личным составом, оружием, боевой техникой, в первую очередь, танками и реактивными установками залпового огня. Создать сильные резервы. Особое внимание уделить артиллерии. “Без наличия мощных артиллерийских средств, — подытожил он, — наши войска не смогут прорвать оборону, сами измотаются и понесут большие, ничем не оправданные потери”.

Когда Жуков сказал о бесперспективности наступательных действий на других направлениях, ему тут же резко возразили Ворошилов и Маленков. Началась дискуссия. Жукова неожиданно поддержал заместитель председателя СНК СССР Вознесенский. Как член ГКО он отвечал за производство вооружения и боеприпасов. Вознесенский сказал, что “в настоящее время мы ещё не располагаем материальными возможностями, достаточными для того, чтобы обеспечить одновременное наступление всех фронтов”.

Впрочем, как вскоре узнал Жуков, его столкновение с Ворошиловым и Маленковым было более чем бессмысленным: директива на начало наступления уже распечатывалась и готовилась к отправке в штабы почти всех фронтов.

Свой пакет Жуков получил 7 января поздно вечером. Задача фронта: совместно с войсками Калининского фронта окружить и уничтожить ржевско-вяземскую группировку противника. Конев должен был ударить на Ржев и Вязьму. Ему же предстояло атаковать на Юхнов и Вязьму.

Десятого января 1942 года пошли вперёд. А 19 января поступил приказ: вывести из боя 1-ю ударную армию и передать в управление Северо-Западного фронта.

Жуков, возмущённый, позвонил Верховному, хотя ответ знал наперёд: Сталин никогда не отменял своих решений.

В эти же дни новый командующий группы армий “Центр” фон Клюге опасно контратаковал силами жиздринской группировки на Сухиничи. Группировка прикрывала Брянск и состояла из моторизованного корпуса, усиленного пехотными дивизиями, только что прибывшими из Франции и Бельгии. Противник ударил во фланг 10-й армии и потеснил её. Ставка приказала срочно перебросить в район Сухиничей 16-ю армию Рокоссовского.

На правом крыле и в центре вначале всё шло хоть и напряжённо, но так, как задумано. 33-я армия генерала Ефремова освободила Верею. 5-я армия ворвалась в Можайск. 43-я армия взяла Медынь. 49-я овладела Кондровом и продвигалась к Юхнову.

В самый разгар боёв разведка доложила: на стыке 43-й и 33-й армий в результате пешного отступления противника образовалась брешь шириной около 40 километров. В неё и погнался Жуков группировку, спешно сформированную из самых боеспособных дивизий 33-й армии. Второпях наделали много ошибок. “Расчёт с просчётом на войне по соседним тропинкам ходят...” Три дивизии во главе с командармом Ефремовым ушли в разрыв между немецкими группировками с задачей захватить важнейший коммуникационный узел группы армий “Центр” Вязьму.

Одновременно к Вязьме таким же узким прорывом с севера шёл 11-й кавкорпус Калининского фронта. В полосе действия 50-й армии через Варшавское шоссе в том же направлении и с той же задачей — на Вязьму! — прорвался 1-й гвардейский кавкорпус генерала Белова. В районе Знаменки и Желанья были десантированы части 8-й воздушно-десантной бригады. Жуков усиливал группировку всем, чем мог.

В случае успеха группа армий “Центр” оказалась бы расколотой на две изолированных части, потеряла бы управление и устойчивость. Казалось, вот оно, желанное окружение, достигнутое в результате глубокого прорыва с последующим широким охватом целой группировки противника.

Вначале всё шло хорошо. И Ефремов с востока, и Белов с юго-востока продвигались к Вязьме по глубоким снегам, уничтожая по пути мелкие

немецкие гарнизоны, и вскоре подошли к Вязьме. С севера давили части Калининского фронта. Конники 11-го кавкорпуса перехватили Минское шоссе. Авангарды Западной группировки 33-й армии оседлали шоссе Вязьма-Юхнов и железнодорожные перегоны.

Но дальнейшие действия войск, прорвавшихся к Вязьме, развития не получили. Причин было несколько.

Операция по штурму Вязьмы не имела общего плана и единого командования. И Западная группировка 33-й армии, и 1-й гвардейский кавкорпус, и конники Калининского фронта, и десантники действовали разрозненно, каждый на своём участке. Повторялась схема действий Западного фронта в предыдущие дни, когда каждая армия наступала на своём участке, когда силы и средства не массировались на отдельных направлениях с целью глубоких прорывов и последующих охватов.

В Вязьме в это время оказались полевые управления и 4-й, и 9-й армий группы армий “Центр”. 4-й армией командовал генерал Хейнрици. 9-й — Модель. В вермахте именно эти два генерала считались лучшими оборонительными тактиками Восточного фронта. К тому же на вяземский участок обороны к этому времени вышли из окружения несколько довольно крупных группировок, сумевших вывезти даже тяжёлую артиллерию и бронетехнику. В их числе верейская и мятевская. Это неожиданное пополнение значительно уплотнило оборону Вязьмы, насытило её огневыми средствами. Прибывали также свежие части из Германии, Франции и даже Африки.

Вначале немцы отбили 11-й кавкорпус Калининского фронта и начали теснить 39-ю армию. Впоследствии 39-я, части 29-й армий и 11-го кавалерийского корпуса будут сдавлены в “котле”.

В таком же положении вскоре оказались войска Западного фронта, прорвавшиеся к Вязьме. В начале февраля коридор в районе Износок, по которому осуществлялся подвоз и связь с Восточной группировкой 33-й армии, был перехвачен танками и мотопехотой боевой группы “Тома”, действовавшей в этом районе.

Командир диверсионной группы особого назначения майор Жабо в те дни сообщал Жукову: “Доношу, что 29.01.1942 получил от Вас лично задачу. Батальон в составе 294 человека 2 февраля 1942 года выступил из штаба 33-й армии к линии фронта на выполнение поставленной задачи. В 2.00 3 февраля 1942 года батальон достиг деревни Пинашино, где было сообщено, что противник (в каком составе — неизвестно) занял деревни Воскресенское и Савино, перерезав коммуникацию 33-й армии к наступающим её соединениям. Учитывая важность данной дороги, отсутствие войск от деревни Износки до деревни Пинашино, я решил отклониться от поставленной задачи и в 3.00 3 февраля 1942 года вступил в бой с противником, имея целью:

1. Очистить дорогу от противника и дать возможность движения по ней транспорта 33 А;

2. Не дать возможности противнику напасть на штаб 33 армии;

3. Уничтожение противника, т. к. имел сведения, что в данном районе он немногочислен.

Бой длился в течение 17 часов, т. е. до 20.00 3 февраля 1942 года. Общее руководство я принял на себя, т. к. в Пинашино, кроме моего батальона, находился батальон 1134 сп 338 сд, состоящий из 60 человек, и миномётного взвода 120-мм миномётов. В 12.00 на мой КП прибыл генерал-майор В. А. Ревякин, который возглавил ведение данной операции до конца боя. К исходу дня пришлось по приказу генерал-майора Ревякина отойти из деревни Пинашино в деревню Белый Камень.

Как я впоследствии выяснил в разведотделе 33 армии, против нас действовал 4-й полк СС, усиленный пятью танками и мощной авиацией, т. е. в один полёт действовало до 17 самолётов штурмовой и бомбардировочной авиации, действовавшей в течение целого дня. Кроме того, против нас действовали отдельные группы финнов силою 20–30 человек каждая. Результаты боя: противник на рубеже Воскресенское, Савино был остановлен на 17 часов. Подбит один танк”.

Владимир Владиславович Жабо — личность легендарная. Ему было в то время 32 года. В РККА с 1929 года. С октября 1941 по февраль 1942 года командовал отрядом особого назначения, который действовал на оккупированной территории. В ноябре 1941 года он со сводным отрядом красноармейцев и партизан совершил налёт на штаб 12-го армейского корпуса 4-й полевой армии немцев в Угодском Заводе на родине Жукова. Отряд в тот период напрямую подчинялся Жукову и выполнял лично его приказы. В феврале 1942 года отряд особого назначения был развернут в полк. Впоследствии Жабо командовал 4-й воздушно-десантной бригадой, затем 3-й гвардейской мотострелковой дивизией, 49-й механизированной бригадой. Погибнет он 8 августа 1943 года в бою за деревню Дуброво Хотынецкого района Орловской области в ходе Курской битвы.

Немцы начали сжимать кольцо окружения.

Начальник штаба 33-й армии (Восточная группировка) генерал Кондратьев, к сожалению, со своими обязанностями не справлялся, к тому же, постоянно пил и в пьяном состоянии зачастую отдавал нелепые приказы, которые солдаты оплачивали своей кровью.

Снова, как и под Спас-Деменском в 1941 году во время немецкого прорыва, не смог управлять ситуацией комбриг Онуприенко, в то время заместитель командующего 33-й армией. Ефремов их оставил в Износах: Кондратьева — чтобы командовал Восточной группировкой армии; Онуприенко — чтобы обеспечивал коридор.

Летом 1942 года, когда шло разбирательство по поводу причин гибели Западной группировки 33-й армии, комбриг Онуприенко в личном письме генералу Жукову признавался: “По прибытии в штаб 33 армии бывший член Военного совета М. Д. Шляхтин мне передал: “Командарм приказал Вам лично заняться ликвидацией Северной группировки противника”. Эта задача мною была выполнена силами 222-й и 110-й стрелковых дивизий. Считаю своей ошибкой, что по прибытии в штаб я лично не проверил, как надёжно прикрыт стык и коммуникации со стороны 43-й армии, а поверил докладу и сводкам, что 43-я армия в двух местах перерезала дорогу Гжатск—Юхнов.

Правда, к этому времени основную опасность составляла северная группировка противника, т. к. там он был на удалении 3-х и даже 2,5 км от коммуникации. В дальнейшем, когда противник захватил Захарово и Пинашино, необходимы были мои самые решительные и немедленные меры по его ликвидации.

Перед Вами и страной я в большом долгу за 33-ю армию; я этого никогда не забываю...”

В марте 1942 года положение окружённых стало невыносимым. Съели почти всех лошадей, варили ремни и гужи. Раненым и больным заваривали сосновую хвою. Катастрофически не хватало боеприпасов, медикаментов, перевязочных материалов. Когда закончилось горючее, были приведены в негодность и брошены все грузовики, танки вкопаны в землю. “Котёл” постоянно сжимался, и вскоре танки пришлось тоже бросить. Вдобавок ко всему в деревнях, где удерживала круговую оборону Западная группировка армии Ефремова, начался тиф.

Тем временем Жуков, всё ещё не теряя надежды выполнить приказ Ставки и взять Вязьму, буквально толкал в спину своих командармов вперёд. Потом, когда стало очевидным, что немцы укрепились основательно, задачу Болдину, Захаркину и Голубеву сузил до прорыва к окружённой Западной группировке 33-й армии и выводу её на восток. Но время было уже упущено.

Маршал впоследствии говорил, что напрасно Ефремов настоял на выходе к Юхнову по кратчайшему пути, что надо было выходить на юго-запад, к Кирову, на позиции 10-й армии, что соответствующую директиву он направил Ефремову, но тот через голову штаба Западного фронта напрямую обратился к Сталину... Ефремов, чувствуя, что Жуков не владеет реальной обстановкой, сложившейся в окружённой группировке, и, возможно, не верит его докладам, действительно обратился напрямую в Ставку с просьбой разрешить выход. Но вот директиву Жукова на выход через Киров исследо-

вателям истории гибели 33-й армии обнаружить в архивах не удалось. Существовала ли она вообще? Или её для маршала сочинил в бессонные ночи солдат Крапилин?..

Бывший шифровальщик штаба Западной группировки 33-й армии лейтенант И. В. Якимов, переживший немецкий плен, вспоминал, как однажды после очередного нервного разговора с Жуковым генерал Ефремов в сердцах обронил: “Тебя бы сюда хотя бы на недельку...”

По свидетельству Александра Бучина, Жуков в те дни ходил мрачнее тучи, его всё раздражало, и иногда он срывался на тех, кто оказывался рядом. Такое с ним случалось редко. Гибель генерала Ефремова и Западной группировки 33-й армии останется для Жукова незаживающей раной. Хотя он всячески пытался гримировать её...

В какой-то момент в штабе фронта почувствовали, что соседи 33-й просту не хотят лезть под Вязьму, имитируют атаки и сразу же откатываются на исходные.

К концу марта положение в “котле” стало катастрофическим. Участились случаи самоубийств и перехода на сторону противника. Жуков начал предпринимать более энергичные меры для оказания помощи окружённому. В ночь на 2 апреля фронтовая авиация доставила на полевого аэродром 33-й армии довольно много грузов. Назад “дугласы” вывозили тяжелораненых. В те же дни Жуков телеграфировал генералу Голубеву: “Приказ тов. Сталина об очистке тылов Ефремова к 27.03.1942 года Вами не выполнен в срок, установленный к 30.03.1942 года. Сегодня 02.04, а у Вас абсолютно нет никаких успехов. Видимо, вместо энергичного и добросовестного выполнения приказа в армии крепко укоренилась система лживых заверений и невыполнений поставленных задач. Военный совет армии и командиры всех степеней в армии обязаны точно и беспрекословно выполнять поставленные задачи в назначенные сроки. Если это у Вас не делается, то это только свидетельствует об отсутствии элементарных основ дисциплины и полной потере чувства ответственности. Более какой-либо другой армии, фронт Вам оказывает помощь пополнением и боеприпасами, но Вы вместо разумного и бережного отношения к людям, боеприпасам подходите к этому исключительно легкомысленно и расточительно: для 5 гв. сд было дано 3500 человек пополнения. Вы умудрились за шесть дней боя потерять 2370 человек, не добившись никакого результата.

За невыполнение поставленной приказом тов. Сталина задачи объявляю Вам выговор и предупреждаю, что, если в течение ближайших трёх дней задача не будет выполнена, я поставлю перед тов. Сталиным вопрос об отстранении Вас от командования армией”.

Третьего апреля 1942 года в окружённую группировку немцы сбросили ультиматум о капитуляции.

“Главнокомандующему 33 армией генерал-лейтенанту Ефремову и командирам 113, 160 и 338 стрелковых дивизий.

Германский солдат и германское руководство питают уважение к мужеству окруженной 33-й Красной армии и подчинённым ей 113, 160 и 338 стрелковым дивизиям.

Эта армия храбро сражается. Она была окружена с начала февраля благодаря тому, что Советское правительство не сумело оценить значение германской военной мощи. Все попытки вашей армии прорвать образовавшееся вокруг неё кольцо оказались безрезультатными. Они только вызвали огромные жертвы. Также и в будущем этим трём храбрым дивизиям не удастся прорвать германские линии. Эта армия ждёт своего избавления от 43-й армии и остатков 33-й армии, которые, придя с востока, должны прорвать немецкие линии у реки Угры и Вори.

Германский солдат считает недостойным солдата делом бороться с безоружным противником.

Генерал Ефремов!

Командиры!

Подумайте о своей судьбе. Опасная заразная болезнь свирепствует в армии. Голод опустошает ряды солдат изнутри. Эта ваша армия идёт навстречу

своему уничтожению. Ничто, никакие ваши усилия не смогут предотвратить вас от неизбежной гибели.

В благодарность за вашу храбрость вам будет устроен Военный трибунал. Германское Верховное командование армии, которая держит вас в окружении, предлагает вам сдаться.

Жизнь всех командиров и красноармейцев будет гарантирована.

Германский солдат не убивает пленных. Это ложь.

Раненые и больные получают немедленную помощь.

До 18-ти часов 3-го апреля 1942 года мы будем ждать ваших посредников для переговоров.

Они должны идти по дороге от Горбы к Красной Татарке или к Лосьмино. Идти только днем, махая белым флагом”.

Командарм немедленно шифром переслал его в штаб Западного фронта.

“1. Германское командование сбросило к нам письмо на моё имя с предложением о капитуляции войск со сроком переговоров 3.04.42 г.

2. Прошу покрепче продолбить район с врагом: Лосьмино, Кр. Татарка, Стар. Греково, Кошелево, Ломовка, Ежевицы, Бесово, Мелихово”.

В архиве сохранился этот документ с резолюцией Жукова:

“Тов. Худяков, 3.04.42 года.

3.04.42 года всю авиацию бросить на указанные пункты.

3.04.42 года на Болдина не работать”.

49-я армия генерала Захаркина тем временем наступала вдоль Вяземского шоссе на Климов Завод и Слободку — расчищался коридор к группировке генерала Ефремова. Жукова раздражала медлительность Захаркина.

Из переговоров Жукова и Захаркина по прямому проводу 7 марта 1941 года:

“Жуков: Здравствуйте, доложите, как вы выполняете приказ Военного совета?

Захаркин: Здравствуйте. Докладываю. В течение вчерашней ночи и дня сегодня на всём фронте армии вёлся напряженный бой. Противник, упорно обороняясь на реках Угра и Ресса, на отдельных участках переходил в контратаки. Особенно упорно обороняется противником и применяются контратаки на реке Ресса; на Вяземском большаке в течение дня против 133-й и 238-й дивизий предпринимал четыре контратаки. К данному времени части армии занимают следующее положение.

Жуков: Где у вас танки? Почему медленно продвигаетесь с армией, не выполняете приказ, кто за это наказан?

Захаркин: Танки ещё не прибыли.

Жуков: Где шесть танков, которые я вам послал? А у вас что, нет огня? Вам дано включительно до тяжелой артиллерии.

Захаркин: Артиллерия применяется очень широко, включительно до тяжёлой, и противнику наносятся большие потери, но всё же у противника силы огневые большие, что задерживает и замедляет наше наступление. Кроме того, дивизии имеют весьма малочисленный состав. Вчера прибыло пополнение, которое сегодня вводится уже в строй.

Жуков: Напрасно вы думаете, что успехи достигаются человеческим мясом, успехи достигаются искусством ведения боя, воюют умением, а не жизнями людей. Вы даёте противнику всё время возможности останавливаться и готовиться к бою, а затем, когда противник организуется, вы начинаете наступать, а отсюда все качества ваших действий. Приказ Военного совета о немедленном выдвигении за реку Угра и занятии в течение 7 марта Климова Завода вы не выполнили. Я вынужден вас строжайше предупредить о том, что мы не можем терпеть таких дел, которые творятся, тем более не выполняются приказы. У меня создаётся впечатление, что до вас не дошло моё требование, если вы не уяснили до сих пор того, что нужно разбить противника во что бы то ни стало; неплохо было бы в этом случае вам лично доложить Военному совету. К сожалению, мы не можем оторваться, может быть, вы сможете приехать поговорить подробно или обойдемся без разговоров, как ваше мнение?

Захаркин: Я просил бы сроку ещё два дня. Я полагаю и надеюсь, что удар двумя правофланговыми дивизиями даст мне возможность разбить сопротивляющуюся группу противника в районе Марьино. Кроме того, и на правом фланге есть надежда овладеть Русиново и Павлово, что позволит мне выйти на Вяземский большак. Докладываю, что дивизии ведут весьма напряжённый бой и действуют весьма энергично, но противник ещё крепко держится, главным образом, применяя большое минирование и огонь миномётных батарей, и на этом рубеже дивизиям приходится наступать целиной, по глубокому снегу, лесистой местности и тащить на руках артиллерию. Большие потери несём от минированных полей. На дорогах и вне дорог разбросаны сотни мин. Так, например, от Пречистого до Емельяновки, то есть на расстоянии двух километров, на этой дороге изъято 360 мин. Вот это замедляет темп нашего наступления. Хотелось бы тоже прибыть к вам и доложить лично, но сейчас прошу отсрочки, чтобы провести намеченные мной мероприятия на левом фланге, а также на правофланговой группе. Вопросов у меня много, чтобы доложить вам и получить ваши указания.

Жуков: Нажимайте быстрее вперёд, завтра во что бы то ни стало выйти на дорогу Юхнов—Вязьма”.

А вот запись переговоров Жукова с командармом-49 от 13 марта 1942 года.

Жуков: Здравствуйте! Что же вы свои слова плохо держите. Обещали за два дня ликвидировать противника, а прошло четыре дня, вы ничего не делаете. Чем всё-таки это объясняется?

Захаркин: Здравствуйте! Докладываю: основное — уже не удастся применить танки, которые я имею к данному времени, — 9 штук. Чрезвычайно трудно устроить переправу для танков незаметно для противника. На 11—12.3 всё как будто было подготовлено, однако противник обнаружил строительство переправы и в течение ночи начал обстрел, задерживая работу сапёров. А сегодня днём артиллерией противника переправа была разрушена. <...> Считаю необходимым продолжать наступление на участке Бельдягино, перехватить Вяземское шоссе и с получением пополнения, пополнив 5-ю гвардейскую дивизию, продолжать развивать наступление с целью ликвидации противника в районе Крутое, Рыляки, Марьино. Всё.

Жуков: Я вас понял так, что вы настолько малочисленны, что можете развивать наступление, только пополнившись, а сейчас, до переправы танков и укомплектования частей, вы на наступление не способны и успеха не ожидаете. Так ли я вас понял?

Захаркин: Сейчас я имею более полнокровной 238-ю дивизию (до 700 штыков) и 34-ю бригаду (до 200 штыков), которыми я сумею овладеть...

Жуков: Как вы считаете штыки: по моему приказу или как вам нравится?

Захаркин: Отдельно от боевого состава”.

Бедный Захаркин, стараясь предупредить гнев командующего войсками фронта, начал доклад с основного — с танков. Но Жуков на этот раз вцепился в штыки. Причина, конечно, была в медленном продвижении 49-й армии к Климову Заводу. Не могли уже измотанные дивизии и бригады, от которых остались одни только названия да по нескольку взводов бойцов, успешно атаковать вперёд. А Жуков, видимо, всё-таки надеялся проломиться своими армиями к Вязьме. В дело уже ввязались по уши, отступить и выводить части из боя было слишком поздно.

Среди военных историков идёт спор о роли Жукова в гибели Ефремова. Одни считают, что Жуков недолюбливал Ефремова и, когда выпал случай, попросту погубил его в окружении. Другие историки эту ересь смягчают до упрека: Жуков недостаточно сделал для того, чтобы выручить Западную группировку 33-й армии и спасти её командующего. Вышеприведённые документы и факты свидетельствуют об обратном.

Другое дело, что Жуков в ходе боёв зимой-весной 1942 года почувствовал, что исполнительская дисциплина в штабах, особенно армейских, упала.

Летний приказ 1941 года за временем потерял остроту, и воздействовать им на подчинённых было уже трудно. По всей вероятности, об этом он докладывал в те дни Верховному, пытаясь объяснить отсутствие успехов в том числе и общим падением исполнительской дисциплины штабов. Жестокие приказы уже не действовали.

В окружённой группировке 33-й армии в это время ждали разрешения на выход.

Немцы же почувствовали, что Ефремов с остатками своих войск у них в кулаке, и усилили нажим.

Существует версия: командование группы армий “Центр” под влиянием сторонников “нового порядка” из числа русских, в том числе и вернувшихся на родину эмигрантов, решило пополнять свои поредевшие дивизии и полки за счёт “наших иванов” — русских, украинцев, белорусов, эстонцев, латышей и прочих, кто соглашался служить германской армии в её походе против большевиков; для этого нужен был генерал, желательно, выходец из низов, из той же социальной среды, к которой принадлежала основная масса солдат. Идеальный вариант — генерал вместе с полевым управлением. Исследователи утверждают, что абвер засылал своих агентов к генералу Белову и что с ним якобы даже велись переговоры, но Белов ответил резким отказом и приказал своей контрразведке тщательно зачислить расположение на предмет выявления шпионов. Возможно, подобные предложения получал и генерал Ефремов. Не случайно последние часы жизни и сама смерть командарма-33 до сих пор покрыты тайной.

Почти за месяц до этого Ефремов, видя бесперспективность усилий 43-й армии по деблокаде его группировки, обратился в Москву к начальнику Главного политуправления Л. З. Мехлису. Вскоре получил от члена Военного совета Западного фронта Хохлова шифрограмму следующего содержания: “Вы жалуетесь в Москву на Голубева, на то, что он якобы плохо дерётся и до сих пор не открыл Вам коммуникации, просите Мехлиса воздействовать на Голубева. Первое: оценку Голубеву и 43-й армии может дать только Военный совет фронта, главком и Ставка, а не сосед. Второе: 43-я армия действовала и действует лучше 33-й армии, что касается Голубева, мы также его ценим очень высоко. Следствие показывает: не Голубев виноват в том, что противник вышел на тылы 33-й армии, а Военный совет и штаб 33-й армии, оставивший только 90 человек без артиллерии и миномётов на прикрытие своих тыловых путей, которые при появлении противника разбежались...”

К сожалению, Вяземская группа 33-й армии до сих пор ни на один шаг не сдвинулась и это осложняет обстановку для Голубева на правом фланге.

Голубеву направлена категорическая задача в ближайшие 1-2 дня с Вами соединиться. Это, видимо, 43-й будет сделано, если только Вы не будете врагу сдавать своих тыловых путей. Боеприпасов по мере возможности Вам будем подбрасывать. Пошлите своих людей к Жабо и согласуйте с ним свои действия”.

Ефремов ответил штабу Западного фронта примерно в том же духе: “Ни на кого я не жалуюсь, а по-большевистски сказал, что есть, и не кому-нибудь, а тов. Мехлису, что очень хочу скорейшей очистки коммуникаций 33-й армии.”

Находясь под Вязьмой по Вашему приказу, я тыл никак не мог прикрыть, что Вы прекрасно понимаете, поскольку состав дивизий Вам был до выхода под Вязьму известен, как и растяжка коммуникаций 33-й армии.

Поймите, мы каждые сутки ведём бой вот уже полтора месяца почти без боеприпасов и уничтожили несколько тысяч немцев. Сами имеем три тысячи раненых. Воюем.

Не могу понять одного: как можно месяцами стоять перед какой-либо деревней, и терпеть не могу, когда свою вину сваливают на других. Эта система приносит огромнейший вред...

В последний раз Вам, как Военному совету, докладываю: положение дивизий армии тяжёлое, я сделал и делаю всё, чтобы врага бить и не допустить разгрома нас врагом.

Спешите дать боеприпасы, нет у нас боеприпасов”.

Жуков на это отреагировал немедленно: “Вам не дано право вступать в полемику с Военным советом фронта и наводить критику на командарма-43”. Ответ выдаёт крайнюю степень раздражения. В нём ни слова по существу: ни о боеприпасах, ни о помощи раненым. Такую шифrogramму в окружённую группировку целесообразнее было бы не посылать вовсе.

Наступала весна. Вскрывались реки. Это тоже сильно затрудняло запоздалый выход окружённой группировки. Стали непригодными для посадки самолётов полевые аэродромы. Какое-то время транспорты ещё могли садиться и взлетать в ночное время, когда морозы подтягивали почву. Но потом и это стало невозможным. Когда прилетел последний борт, лётчик передал генералу Ефремову записку от Жукова. Некоторые исследователи говорят, что записка была от Сталина. В ней был приказ Ефремову вылететь последним бортом на Большую землю. Приказ этот генерал не выполнил. Сказал: “С солдатами сюда пришёл, с солдатами и уйду”.

В начале апреля Ефремов повёл свою группировку на прорыв. Немцы встретили колонны 33-й армии огнём и танковыми ударами. Колонны сразу же распались. Ефремов утратил связь с командирами дивизий и полков. Начался хаос. Из 11 500 человек на позиции 49-й, 43-й и Восточной группировки 33-й армии вышло всего 889 человек. Некоторые группы и одиночки ушли в леса и воевали потом в составе партизанских отрядов. Некоторые растворились в деревнях. Большинство погибли или попали в плен. Когда генерал Ефремов, к тому времени уже дважды раненный и потерявший способность передвигаться, понял, что может попасть в плен, он застрелился.

Просчёт штаба Западного фронта, возможно, был в том, что к Вязьме, а затем и к блуждающему “котлу” Западной группировки генерала Ефремова армиям Болдина, Захаркина и Голубева ставились индивидуальные, автономные задачи, что не было сформировано единой ударной группы, которая могла бы более мощно и эффективно действовать на одном направлении, пробить коридор к 33-й армии и вывести её личный состав и обозы с тысячами раненых.

Да и Вязьму, как мы уже знаем, пытались взять “растопыренными пальцами”.

Из “Воспоминаний и размышлений”: “Развивая наступление из района Наро-Фоминска в общем направлении на Вязьму, 33-я армия в последний день января быстро вышла в район Шанского Завода и Доманова, где оказалась широкая, ничем не заполненная брешь в обороне противника. Отсутствие сплошного фронта дало нам основание считать, что у немцев нет на этом направлении достаточных сил, чтобы надёжно оборонять город. Поэтому и было принято решение: пока противник не подтянул сюда резервы, захватить с ходу Вязьму, с падением которой вся вяземская группировка противника окажется в исключительно тяжёлом положении.

Генерал-лейтенант М. Г. Ефремов решил сам встать во главе ударной группы армии и начал стремительно продвигаться на Вязьму.

3-4 февраля, когда главные силы этой группировки в составе трёх дивизий вышли на подступы к Вязьме, противник, ударив под основание прорыва, отсек группу и восстановил свою оборону по реке Угре. Второй эшелон армии в это время задержался в районе Шанского Завода, а левый её сосед — 43-я армия — в районе Медыни. Задачу, полученную от командования фронта об оказании помощи группе генерала М. Г. Ефремова, 43-я армия своевременно выполнить не смогла.

Введённый в сражение на вяземском направлении кавалерийский корпус П. А. Белова, выйдя в район Вязьмы и соединившись там с войсками М. Г. Ефремова, сам лишился тыловых путей.

К тому времени немецкое командование перебросило из Франции и с других фронтов в район Вязьмы крупные резервы и сумело стабилизировать там свою оборону, прорвать которую мы так и не смогли.

В результате пришлось всю эту группировку наших войск оставить в тылу противника в лесном районе к юго-западу от Вязьмы, где базировались многочисленные отряды партизан.

Находясь в тылу противника, корпус П. А. Белова, группа М. Г. Ефремова и воздушно-десантные части вместе с партизанами в течение двух месяцев наносили врагу чувствительные удары, истребляя его живую силу и технику.

10 февраля 8-я воздушно-десантная бригада и отряды партизан заняли район Моршаново—Дягилево, где разгромили штаб 5-й немецкой танковой дивизии, захватив при этом многочисленные трофеи. В тот же день мы поставили об этом в известность генералов П. А. Белова и М. Г. Ефремова. Им было приказано увязать свои действия с командиром этой бригады, штаб которой находился в Дягилеве.

Командование фронта, установив с П. А. Беловым и М. Г. Ефремовым радиосвязь, в пределах возможного наладило снабжение их войск по воздуху боеприпасами, медикаментами и продовольствием. Воздушным путём было вывезено большое количество раненых. В группу неоднократно вылетал начальник оперативного отдела штаба фронта генерал-майор В. С. Голушкевич, а также офицеры связи.

В начале апреля обстановка в районе Вязьмы серьёзно осложнилась. Противник, сосредоточив крупные силы, начал теснить группу, стремясь к весне ликвидировать эту опасную для него “занозу”. Наступившая в конце апреля оттепель до крайности сократила возможность манёвра и связь группы с партизанскими районами, откуда она также получала продовольствие и фураж.

По просьбе генералов П. А. Белова и М. Г. Ефремова командование фронта разрешило им выводить войска на соединение с нашими главными силами. При этом было строго указано выходить из района Вязьмы через партизанские районы, лесами, в общем направлении на Киров, где 10-й армией будет подготовлен прорыв обороны противника, так как там она была слабее.

Кавалерийский корпус генерала П. А. Белова и воздушно-десантные части в точности выполнили приказ и, совершив большой подковообразный путь, вышли на участок 10-й армии 18 июля 1942 года. Умело обходя крупные группировки противника и уничтожая на своём пути мелкие, большинство частей вышло через прорыв, образованный 10-й армией, в расположение фронта. За время действия в тылу врага была утрачена значительная часть тяжёлых орудий и боевой техники. Большинство частей всё же вышло к своим войскам. Какой радостной была встреча для тех, кто вырвался из тыла врага, и тех, кто с фронта обеспечивал их выход! Бойцы и командиры не стыдились своих слёз: это были слёзы радости и самой крепкой в жизни солдатской дружбы.

Однако выйти удалось, к сожалению, не всем. Генерал-лейтенант М. Г. Ефремов, считая, что путь на Киров слишком длинен для его утомлённой группы, обратился по радио непосредственно в Генштаб с просьбой разрешить ему прорваться по кратчайшему пути — через реку Угру.

Мне тут же позвонил И. В. Сталин и спросил, согласен ли я с предложением Ефремова. Я ответил категорическим отказом. Но Верховный сказал, что Ефремов опытный командарм и что надо согласиться с ним. И. В. Сталин приказал организовать встречный удар силами фронта. Такой удар был подготовлен и осуществлен 43-й армией, однако действий со стороны группы генерала М. Г. Ефремова не последовало.

Как выяснилось позже, немцы обнаружили отряд при движении к реке Угре и разбили его. Командарм М. Г. Ефремов, дравшийся, как настоящий герой, был тяжело ранен и, не желая попасть в руки врага, застрелился. Так закончилась жизнь талантливого и храбрейшего военачальника, вместе с которым погибла и значительная часть героических воинов его группы.

Генерал-лейтенант М. Г. Ефремов вступил в командование 33-й армией 25 октября 1941 года, когда немцы рвались к Москве. В битве за Москву войска армии под его командованием дрались мужественно и не пропустили через свои оборонительные рубежи противника. За боевую доблесть в битве под Москвой генерал М. Г. Ефремов был награждён орденом Красного Знамени.

Вместе с М. Г. Ефремовым погиб командующий артиллерией армии генерал-майор П. Н. Афросимов, способнейший артиллерист, большой душой человек, и ряд других командиров и политработников, отличившихся в боях за Москву.

Критически оценивая сейчас эти события 1942 года, считаю, что нами в то время была допущена ошибка в оценке обстановки в районе Вязьмы. Мы переоценили возможности своих войск и недооценили противника. “Орешек” там оказался более крепким, чем мы предполагали”.

В этом отрывке воспоминаний маршала много неточностей. К примеру, недавно опубликован приказ Жукова, о том, чтобы Ефремов сам возглавил Западную группировку, атаковую на Вязьму. Этот приказ последовал вслед за донесением командарма 33 о том, что он занимается обеспечением коридора, чтобы обезопасить тылы группировки, втянувшейся глубоко на запад по узкому разрыву.

М. П. Сафир, в то время полковник, командующий бронетанковыми войсками 33-й армии, писал, что отношение Жукова к Ефремову “было негативным”, что воспоминания Жукова, “касающиеся М. Г. Ефремова и прорыва 33-й армии к Вязьме, носят предвзятый и необъективный характер, порой просто искажают действительность”.

После войны маршала частенько беспокоили вопросами о трагедии 33-й армии.

Журнал “Коммунист” (№ 14) в 1988 году опубликовал ранее состоявшуюся беседу членов редколлегии “Военно-исторического журнала” и военных историков, авторов этого журнала, с маршалом. Кто-то попросил: “Расскажите о затухающих операциях Ефремова и Белова”. И вот что ответил Жуков: “Там, собственно говоря, и операции никакой не было. Прорвались, Ефремова отсекли, Белова отсекли. Они остались в тылу... у Белова и Ефремова не было как такового затухания, потому что не было операции. Она началась против Вязьмы и прекратилась, Белов сам по себе вышел без тяжёлых средств артиллерийских, без танков; Ефремов — у него немного больше было — тоже потерял много боеприпасов. Они перешли, собственно говоря, на положение партизанских отрядов. Так что о затухании операции здесь не может быть и речи, они просто не имели возможности вести такую-то”.

Полоса действий войск фронта зимой 1942 года простиралась на 600 км и, конечно, очень трудно было уследить за вопросами тактического порядка... Ефремов с частью сил армии прошёл в свободную “дырку”. Сзади у него остались главные силы армии. Я не мог уследить, что он для обеспечения флангов на Угре оставил, а он, к вашему сведению, оставил отряд в составе 90 человек — без танков, без пушек, с легкими средствами. Разделяю ли я ответственность за Ефремова? Ну, конечно, я за все войска отвечаю, но не за такие действия, которые я не организую. Вопрос обеспечения — это вопрос не командующего фронтом, и я не считал нужным смотреть, что справа и слева. Что должен был сделать Ефремов? Он должен был за счёт главных сил армии, которые задержались у Шанского Завода, пару дивизий посадить, как распорки, для того, чтобы у него тыл был бы обеспечен. Он этого не сделал. Ну, шапка была набекрень у всех тогда — и я недооценил состояние вяземской группировки противника. Я, по-моему, там пишу о наших ошибках, что орешек оказался более твёрдым. Ну, а большую часть себя ответственность для того, чтобы показать здесь себя самокритичным, я думаю, надобности нет...”

Не в характере Жукова было посыпать голову пеплом...

Глава двадцать девятая

1942-й

“Почему вы не учитесь и не учитесь командиров искусства тактики у врага?..”

В начале весны 1942 года на стол Верховного лёг очередной доклад Главного разведывательного управления: “Центр тяжести весеннего наступления будет перенесён на южный сектор фронта с вспомогательным ударом на севере при одновременной демонстрации на центральном фронте против Москвы...”

Для весеннего наступления Германия вместе с союзниками выставит до 65 новых дивизий...

Наиболее вероятный срок наступления — середина апреля или начало мая”.

На Западном фронте продолжались активные действия, однако ничего существенного армии добиться не смогли. Лишь в начале марта 49-я выбила противника из Юхнова. Но юхновская группировка отошла западнее, за реки Рессу и Угру и закрепилась там. В полосе 50-й армии противник оседал Варшавское шоссе. При этом занял ряд артиллерийских высот в районе Зайцевой горы и держал под своим контролем обширный район вокруг.

Жуков приказал генералу Болдину взять эти высоты — “внезапным ударом прорвать оборону противника на фронте Фомино 1-е, Каменка, овладеть Варшавским шоссе на участке Фомино 2-е, Кузёмки и, прочно обеспечивая фланги ударной группы, не позднее 27.3 ударом через Милятино соединиться с группой Белова, нанести главными силами удар в северо-восточном направлении вдоль Варшавского шоссе в тыл юхновской группировке противника. После её разгрома иметь в виду развивать стремительное наступление на фронт Дорогобуж, Ельня. Наступление армии с 24.3 будет поддержано ударной авиагруппой № 4. Для развития операции армия по ходу действий будет усилена четырьмя-пятью стрелковыми дивизиями и двумя танкбригадами из резерва Ставки”.

Наступление провалилось.

Из переговоров Жукова и Болдина по прямому проводу 15 апреля 1942 года, когда судьба генерала Ефремова и его группировки была ещё неясна, а ударная группировка 50-й армии, взяв ключевую высоту, снова уступила её:

Жуков: Сколько противника наступало на высоту 269,8 и сколько обороняло её? Где были ваши танки в это время, что делали артиллерия и миномёты?

Болдин: На высоте 269,8 вёл бой полк 298-й стрелковой дивизии. Противник, по докладу товарища Захарова, из Фомино 2-е на высоту 269,8 наступал силой до 2-х батальонов пехоты и 7-8 танков. Наши танки в это время находились на северной окраине Фомино 1-е. Наши артиллерия и миномёты вели огонь мало ввиду ограниченного количества боеприпасов.

Жуков: Где же были 298-я и 290-я стрелковые дивизии, когда ваш полк сталкивали с высоты, или так же, как и танковая бригада, стояли, поджавши руки, и безучастно наблюдали? Непонятная тактика и больше чем странная. Отвечайте.

Болдин: 290-я стрелковая дивизия в это время вела бой в лесу юго-западнее отметки 223,3; 298-я стрелковая дивизия — один полк вёл бой на юго-востоке высоты 269,8, и второй полк вёл бой в районе отметки 223,3, то есть на юго-западных скатах высоты 269,8, и третий полк выдвигался во втором эшелоне в направлении высоты 269,8. По докладу командира 298-й стрелковой дивизии, полк, который занимал эту высоту, решением командира полка под сильным воздействием артиллерийско-миномётного огня был отведён на юго-западные скаты высоты 269,8.

Жуков: А вы? Вы где были?

Болдин: Я потребовал, когда узнал об этом, от командира дивизии и от товарища Захарова решительными действиями 198-й и 146-й стрелковых дивизий, 108-й и 11-й танковых бригад восстановить положение и продолжать выполнять задачу.

Жуков: Почему же у вас безнаказанно творятся такие преступления, и вы не привлекаете виновных к ответственности?

Болдин: Я приказал виновника оставления высоты 269,8 расстрелять.

Жуков: Когда приказали?

Болдин: Приказал тогда, когда мне стало известно о том факте. Приказ отдал товарищу Захарову.

Жуков: Пусть Захаров донесёт исполнение лично мне. А вас я лично очень внимательно инструктировал о тактике действий, о руководстве частями, о требовательности и быстроте расправы с паникёрами и не выполняю-

щими боевых приказов. Видимо, не всё вами понято, так как я не вижу точного выполнения, в частности, из 15 соединений, которые вы имеете, у вас на сегодняшний день и вчерашний день активно дрались только три дивизии, а 10 действовали пассивно, оборонялись. Из 13 стрелковых дерутся только пять, остальные стоят на месте. Танковые бригады сегодня бездействовали. Что же это за тактика, не понимаю.

Противник вас гонит с семью танками. Вы имеете сто танков, то есть в четырнадцать раз больше. Что же это за тактика такая? Вы, видимо, читали доклад командира 10-й мотодивизии, как он одним полком всё время отбивал наступление ваших семи дивизий. Такое поведение только дискредитирует Красную армию. Как же вы можете мириться с подобными фактами, дискредитирующими Красную армию? Вы всё время жаловались на отсутствие танков. Сейчас у вас в десятки раз их больше, чем у противника, но результаты всё те же: дискредитация Красной армии. Непонятно, почему вы узнаете об отходах тогда, когда это уже совершилось. Значит, вы не руководите боем. Не организовано у вас управление, нет у вас своих глаз на передовых позициях, а это значит, армия действует без руля и ветрил. Я требую под вашу главную ответственность занятия: Зайцева Гора, Фомино 2-е, Тычк, Екатеринбург, Бельская, Липовая Роща. Я требую заставить 116-ю и 385-ю стрелковые дивизии немедленно занять Малиновский и выйти в назначенные районы. Я требую для усиления удара завтра же ввести 58-ю стрелковую дивизию. Танковые бригады — 11-ю и 108-ю — держать с пехотой на шоссе, 112-ю бросить на помощь левому флангу; к левому флангу подтягивать 69-ю. Устройство тыла немедленно перекантовать на Бяратинскую, откуда и производить подачу войскам. В неподготовленности дорог виноваты только вы. Провлаживали, а сейчас пожинаете свои плоды. Шесть тракторов, что мы могли найти и оторвать временно от других частей, вам послано, больше у меня помочь вам нечем. Устраивайте тыл на Бяратинскую. Прикажете 69-й, её правому крылу, приступить к энергичным, активным действиям, чтобы не дать противнику маневрировать своими резервами. Противник имеет четыре дивизии и ими маневрирует против ваших 15 соединений так, как ему хочется. Он играет с вами, как кошка с мышкой. Почему вы не учитесь и не учите командиров искусству тактики у врага? Имейте в виду, что это не заочно, наши предки всегда учились у врагов, а затем били их, своих учителей. А вы, видимо, не хотите перенимать у врага хорошие и полезные примеры. Вы обязаны впитывать в себя все новинки и учить своих подчинённых. Поэтому у вас ничего не получается. Короче говоря, вы должны строго помнить наш последний уговор, я о нём докладывал, считаю, что я мягковато поступил, но я уверил, что если ещё случится, то будет выдано в квадрате. Сейчас же передайте мои требования всем, кому следует, и организуйте выполнение указаний...”

Своей волей отстранить командующего армией от должности и назначить на его место другого Жуков не мог. Это было не в его власти. Тем более что Болдин был не простой генерал, а генерал, попавший в приказ Ставки № 270 от 16 августа 1941 года в качестве положительного примера стойкости и лучших командирских качеств, проявленных в критической ситуации. Приказ подписал Сталин. Верховный медленно избавлялся от собственных иллюзий, и Болдин был у него на хорошем счету. Счёт этот вскоре иссякнет. Но пока Жукову приходилось терпеливо читать командарму-50 лекции по тактике, учить, как прорвать оборону четырёх дивизий противника пятнадцатью своими. Как член Ставки, Жуков тоже подписал тот приказ. Но прекрасно знал, что в его преамбуле, где говорилось о подвиге заместителя командующего войсками Западного фронта, не всё правда. Болдина и его группу вывел из окружения Конев, в тот период командующий 19-й армией. Прорубил коридор и по нему вывел, буквально вынес всех, кто ждал помощи по ту сторону фронта.

Тот разговор по телефону стенографисты зафиксировали не полностью. Но офицеры штаба запомнили, что, когда командующий положил трубку, в сердцах пальнул одним привычным словом, но значительно огрублённым, более соответствующим случаю.

Племянник Георгия Константиновича Виктор Фокин рассказывал: “Мудачок” — любимое словцо Жукова. Но в этом словце не было жуковского гнева, скорее, редкие для Жукова снисхождение и ирония...

Зимой 1945-го командующего 2-го Белорусского фронта маршала Рокоссовского, человека, как известно, интеллигентного и выдержанного, приведёт в ярость бездеятельность командующего 50-й армией, и он отстранит генерала Болдина от командования и потребует, чтобы духу его не было в расположении фронта. К тому времени приказ № 270 подзабудется, превратится в этакий анахронизм первого периода войны, командиры станут инициативней, самостоятельней. Точно так же с маршалом бронетанковых войск Ротмистровым поступит генерал армии Черняховский. Не возьмут его к себе ни командующий 1-го Белорусского маршал Жуков, ни командующий 1-го Украинского маршал Конев. Судьба же генерала Болдина сложится более благополучно: “герой” Зайцевой горы встретит Победу на 3-м Украинском в должности заместителя командующего.

Так что с теми, кто воевал спустя рукава, у Жукова отношения не складывались.

Двадцатого апреля 1941 года после очередной провальной атаки 50-й армии Жуков вновь позвонил Болдину.

“*Жуков*: 112-я бригада у вас дерётся на левом фланге, и есть сведения, что она ворвалась в Гореловский, а 108-я и 11-я второй день бой не ведут. Почему они не помогают ни 112-й бригаде, ни пехоте?”

Болдин ответил подробным докладом, суть которого заключалась в том, что “большая часть танков 108-й и 11-й танковых бригад бездействуют по технической неисправности”, что атаки танков и пехоты на опорные пункты Гореловский и Малиновский закончились неудачей из-за сильного артиллерийского огня и налётов штурмовой авиации, “дело с дорогами очень плохо и с каждым днём ухудшается...”

“*Жуков*: Во-первых, первый раз слышу, что 11-я, 108-я танковые бригады растрепаны. Это, кажется, будет по счёту пять или шесть растрепанных бригад. Вы были обязаны, согласно приказу, производить тщательное расследование о каждом погибшем танке или выбывшем из строя и немедленно доносить факт, достойный сожаления, невыполнения приказа. Вынужден буду назначить следствие. Вы всё время доносили о том, что высота 268,8 находится в ваших руках, а сейчас докладываете — северо-восточные скаты в руках противника. Не пойму я вас, почему вам понадобилось вести танки на артиллерийский огонь. Непонятно, можно было танки подвести по юго-западным скатам. Но дело, видимо, не в том, где их вести, а, главное, вести нечего вам, всё растрепали. Если так легкомысленно будут бросаться танки, как до сих пор вы бросаете на нерасстроенную систему огня, ничего у вас не выйдет. Непонятно мне, для чего у вас врываются танки наподобие: ворвались в Гореловский, ворвались в Малиновский, а пехота, оказывается, отбита организованной системой огня. Азбучная истина обязывает: прежде, чем бросить танки, нужно подавить систему огня, а тогда только бросать танки. А у вас делается наоборот. Вам об этом неоднократно давалось указание, но, видимо, до сих пор эти элементарные истины не поняты, и танки продолжают гибнуть без всякой пользы. Бросание танков без подавления системы огня противника я считаю авантюрой. Виновников гибели танков, танкистов, безусловно, надо судить. В отношении паники от авиации противника могу только предложить одно: пресекать эту панику в корне. Никакой массовой гибели от бомбометания на протяжении всей войны не было и нет сейчас. Всё это выдумывается для оправдания невыполнения приказа, для оправдания потерь, которые получились при панике в Фомине 1-м, о чём нас информировал Быстров, и массовых потерь от плохой организации боя, массовых потерь от той вакханалии и беспорядка, который существует и творится в армии. Ваша авиация сейчас бездействует, об этом вы пишете в донесениях, но не отчитываетесь в невыполнении приказа о подготовке аэродрома. А ведь был приказ, обязывающий Военный совет подготовить армейский аэродром, но вы этого приказа не выполнили, авиация ваша не летает сейчас. Могу только предложить вам выполнить приказ о быстрейшем введении в строй аэродрома. Истреби-

тельной авиации фронтовой я больше 20–25 самолётов вылетов вам дать не могу, и то они над полем боя, как показал опыт, могут быть не более 20–25 минут. Значит, прежде всего, я обязываю вас организовать настоящую зенитную оборону средствами самих войск, твёрдой рукой бороться с паникёрами и распространителями панических слухов, по существу агитирующих за немецкую авиацию, и навести в этой части полный порядок, чтобы войска стойко встречали авиацию и не разбежались бы, как об этом свидетельствует в донесении Быстров и о чём вы, к сожалению, до сих пор не донесли.

Вы сейчас докладываете, что противник подбрасывает резервы. Что же, об этом я вас предупреждал неоднократно и лично, и в документах. А вы как считали, противник будет мух ловить? Нет, ловить мух он не будет. Каждую вашу проволочку во времени он использует для манёвра и постарается вас обыграть, а обыграть вас ему труда не составит потому, что ваши войска стоят на месте, не маневрируют огнём сами, стоят на месте не двигаются, а такого противника бить не трудно. Если вы в течение двух ближайших дней не разобьёте противника в районе действия ударной группы, противник вам подготовит большую неприятность, я бы сказал даже — крупную неприятность, от которой и вам, и нам придётся краснеть, и отсюда делаете свои выводы и расчёты. Где сейчас находится Захаров, как он показывает свои способности?

Болдин: Тов. Захаров находится на наблюдательном пункте в районе Зимницы. С моего НП, где находится тов. Захаров, организовано непосредственное управление войсками и боем правого крыла ударной группировки армии. Вместе с т. Захаровым находится начальник артиллерии армии и т. Мартынов. Они все втроём мне помогают управлять войсками и боем правого крыла ударной группировки армии. Тов. Захаров держит себя хорошо.

Жуков: Армией командовать может?

Болдин: На вопрос, может ли командовать армией, в данное время ответ пока дать затрудняюсь, так как мало ещё его изучил”.

Зато Жуков за эти месяцы изучил командарма-50 хорошо. Создал нечто вроде боевых участков, куда входили две-три дивизии и танковая бригада, перепоручил командирам этих участков всю работу и сидел в своём штабе, собирал донесения...

Жукову хотелось отстранить Болдина от командования армией и назначить Захарова. Но из Ставки не дали на эту замену добро.

Весной в 50-й армии начались перебои не только с боеприпасами, но и с продовольствием. Суточная норма на артиллерийский и миномётный ствол — один-два выстрела. Бойцы бродили по деревням в поисках пищи. Случалось, солдаты первого эшелона умирали от голода. Личный состав обносился. Зима кончилась, но солдатам не выдавали летнего обмундирования. По воде ходили в валенках...

Но хуже всего было то, что атаки на цепь артиллерийских высот, которые тянулись вдоль Варшавского шоссе, не давали результата. И высоты, и дорогу контролировали немцы.

До сих пор в тех местах бойцы поисковых отрядов поднимают останки убитых советских солдат. Некоторые лежат в болотах прямо на поверхности. Каждый год хоронят в братской могиле на Зайцевой горе сотнями.

Из воспоминаний бывшего разведчика 290-й стрелковой дивизии Олега Александровича Набатова: “Всюду убитые, убитые, убитые, куда ни кинешь взгляд. Тут же в грязи ворочаются раненые. Особенно мне запомнился один из них, мимо которого я пробежал, когда нас подняли в очередную атаку. Это был солдат лет пятидесяти, превратившийся в ком сплошной грязи, только покрасневшие глаза блестели да зубы белели на чёрном фоне...”

В 1973 году земляки из Угодского Завода приехали в гости к маршалу, привезли гостинцев из родной деревни — картошку, ягоды, а ещё альбом с фотографиями, местную газету. Сели за стол, разговорились. Жуков рассматривал снимки через лупу — раздел фотографий, свидетельствующих о том, как на калужской земле чтут память героев Великой Отечественной войны. И вдруг нахмурился и спросил:

— Болдин тоже Почётный гражданин города Калуги? — И не дожидаясь ответа, сказал: — Он же самый плохой командующий за всю войну!

Он командовал ударной группой, бравшей Калугу. Она понесла большие потери и с опозданием на два дня взяла город. Напишу в ЦК партии о несправедливости.

— Георгий Константинович, — сказал кто-то из гостей, — в Калуге есть школа, которая носит имя Болдина...

— Да? — смягчился маршал. — Ну, раз школа носит имя... тогда писать не буду.

То ли маршал запямятовал, то ли не хотел вспоминать грязь и ужас Зайцевой горы, но в укор генералу Болдину он поставил не его вину. Калугу брала действительно 50-я армия, которой в то время уже командовал Болдин. Однако ударной группой, которая на узком участке прорвалась в Калугу и начала очищать улицу за улицей, квартал за кварталом, командовал заместитель командующего армией генерал Попов. И действовала эта группа решительно, храбро и умело.

В середине мая немцы нанесли сильнейший удар по правому крылу Южного фронта и вышли во фланг Юго-западного фронта, угрожая его тылам. Наступление под Харьковом, на которое Ставка и Верховный Главнокомандующий возлагали большие надежды весенне-летней кампании, обернулось новой катастрофой. Оказались в окружении войска 6-й и 57-й армий. Красная армия потеряла около 277 тысяч человек, большое количество вооружения и боеприпасов. Основные поставки бронетехники, артиллерии, в том числе реактивных систем, производимых промышленностью, шли на Южный и Юго-Западный фронты. Сталин был взбешён. Полетели генеральские головы. На этот раз пострадал и непотопляемый комиссар по особым поручениям Мехлис: он был смещён с поста заместителя наркома обороны и начальника Главного политического управления Красной армии, понижен в звании до корпусного комиссара. Как представитель Ставки, он развернул в Крыму такую деятельность, так подмял под себя штаб Крымфронта и его командующего, что даже мелкие вопросы решались только с его ведома.

Сталин, ошеломлённый новым поражением, 28 июля, уже как нарком обороны, подписал приказ № 227. Это был приказ, который во многом обеспечил победу под Сталинградом.

“<...> Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв.

Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности.

Наша Родина переживает тяжёлые дни. Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило. Немцы не так сильны, как это кажется паникёрам. Они напрягают последние силы. Выдержать их удар сейчас — это значит обеспечить за нами победу.

Можем ли мы выдержать удар, а потом отбросить врага на запад? Да, можем, ибо наши фабрики и заводы в тылу работают теперь прекрасно, и наш фронт получает всё больше и больше самолётов, танков, артиллерии, миномётов.

Чего же у нас не хватает?

Не хватает порядка и дисциплины в ротах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять свою Родину.

Нельзя дальше терпеть командиров, комиссаров, политработников, части и соединения которых самовольно оставляют боевые позиции. Нельзя терпеть дальше, когда командиры, комиссары, политработники допускают, чтобы несколько паникёров определяли положение на поле боя, чтобы они увлекали в отступление других бойцов и открывали фронт врагу.

Паникёры и трусы должны истребляться на месте.

Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно явиться требование: ни шагу назад без приказа высшего командования.

Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше,

являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо, как с предателями Родины.

Таков призыв нашей Родины.

Выполнить этот приказ — значит отстоять нашу землю, спасти Родину, истребить и победить ненавистного врага.

После своего зимнего отступления под напором Красной Армии, когда в немецких войсках распалась дисциплина, немцы для восстановления дисциплины приняли некоторые суровые меры, приведшие к неплохим результатам. Они сформировали 100 штрафных рот из бойцов, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, поставили их на опасные участки фронта и приказали им искупить кровью свои грехи. Они сформировали, далее, около десятка штрафных батальонов из командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, лишили их орденов, поставили их на ещё более опасные участки фронта и приказали им искупить свои грехи. Они сформировали, наконец, специальные отряды заграждения, поставили их позади неустойчивых дивизий и велели им расстреливать на месте паникёров в случае попытки самовольного оставления позиций и в случае попытки сдаться в плен. Как известно, эти меры возымели своё действие, и теперь немецкие войска дерутся лучше, чем они дрались зимой. И вот получается, что немецкие войска имеют хорошую дисциплину, хотя у них нет возвышенной цели защиты своей родины, а есть лишь одна грабительская цель — покорить чужую страну, а наши войска, имеющие цель защиты своей поруганной Родины, не имеют такой дисциплины и терпят ввиду этого поражение.

Не следует ли нам поучиться в этом деле у наших врагов, как учились в прошлом наши предки у врагов и одерживали потом над ними победу?

Я думаю, что следует.

ВЕРХОВНОЕ ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ ПРИКАЗЫВАЕТ:

1. Военным советам фронтов и, прежде всего, командующим фронтами:
а) безусловно ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступать и дальше на восток, что от такого отступления не будет якобы вреда;

б) безусловно снимать с поста и направлять в Ставку для привлечения к военному суду командующих армиями, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций, без приказа командования фронта;

в) сформировать в пределах фронта от 1 до 3 (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины.

2. Военным советам армий и, прежде всего, командующим армиями:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров корпусов и дивизий, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования армии, и направлять их в военный совет фронта для предания военному суду;

б) сформировать в пределах армии 3—5 хорошо вооружённых заградительных отрядов (по 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникёров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной;

в) сформировать в пределах армии от 5 до 10 (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной.

3. Командирам и комиссарам корпусов и дивизий:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров полков и батальонов, допустивших самовольный отход частей без приказа командира корпуса или дивизии, отбирать у них ордена и медали и направлять в военные советы фронта для предания военному суду:

б) оказывать всяческую помощь и поддержку заградительным отрядам армии в деле укрепления порядка и дисциплины в частях.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах, штабах.

Народный комиссар обороны
И. СТАЛИН”.

Через два дня после подписания приказа, который в войсках сразу же окрестили “Ни шагу назад!”, началась Ржевско-Сычѳвская наступательная операция. Замысел её был таков: согласованными ударами левого крыла Калининского и правого крыла Западного фронтов по сходящимся направлениям — на Сычѳвку — подсесть Ржевский выступ, окружить основные силы 9-й немецкой армии и уничтожить их. Основная нагрузка ложилась на армии Западного фронта.

Тридцатого июля пошла вперѳд ударная группировка Конева, а 4 августа после полуторачасовой артиллерийской подготовки атаковали армии Жукова. Они форсировали реку Держа, смяли немецкие порядки и начали свѳртывать фланги. К исходу второго дня наступления ширина прорыва составляла 30, глубина — 25 километров.

Гальдер в тот же день записал: “Противнику удалось добиться глубокого прорыва на фронте 9-й армии (кажется, наступают семь дивизий и одна танковая бригада при усиленной поддержке артиллерии) в направлении Зубцова. Против них брошены соединения 39-го корпуса в составе 5, 2, 1-й танковых и 102-й дивизий. На фронте 9-й армии у Ржева отбито несколько крупных атак”.

А вот какая запись в тот день появилась в дневнике Гальдера по поводу обстановки под Сталинградом: “Группа армий “Б”. Гот, используя свои успехи, быстро продвигается вперѳд, преодолевая сопротивление на отдельных участках. На фронте западнее Дона незначительная боевая деятельность. Противник усиливается на участках 8-го и 14-го армейских корпусов. Интенсивное передвижение походных колонн и железнодорожных эшелонов северо-западнее Сталинграда. Под Воронежем затишье”.

Не утихают споры по поводу того, что это было — долгая и кровавая Ржевская битва — попытка устроить немцам второй Сталинград или всё же “затратный манѳвр” на отвлечение немецких дивизий от южного участка фронта? Немцы вынуждены были держать здесь 42 дивизии.

Пятого августа войска Калининского фронта, атаковавшие Ржев, были подчинены штабу Западного фронта.

Седьмого августа в районе Погорелого Городища на плацдарме, захваченном немцами на левом берегу Волги, разгорелось встречное танковое сражение. Исследователи Погорело-Городищенской операции утверждают, что с немецкой стороны в битве участвовало до 700 танков, с нашей — до 800 боевых машин.

Восьмого августа, наращивая удар, Жуков ввѳл в бой 5-ю армию.

Из воспоминаний Александра Бучина: “Бои шли в лесистой, местами заболоченной местности, а лето в 1942 году выдалось на диво дождливое. На всю жизнь мне врезались в память названия речек Держа, Вазуза, Гжать. Сумрачные кармановские леса (по названию села Карманово). Георгий Константинович выдвинул свой командный пункт чуть ли не в боевые порядки войск. Он был везде — с пехотинцами и саперами, артиллеристами и особенно танкистами. Лазил везде, возвращался, шатаясь от усталости, в сапогах, грязных до верха голенища. До сих пор жуть берѳт, когда вспомнишь бешеную тряску на гатях, проложенных через топи, сумрак лесов, пропахших порохом и трупным смрадом, зловонную жижу, бившую фонтанами

из-под колёс. Нередко вода в речках чернела от крови. Нам пришлось форсировать Держу, топкие берега которой были настигиваны минами. Многие ли знают, что произошло на небольшом участке на рубеже речек Вазузы и Гжати 9–10 августа 1942 года? В эти два дня тут гремело, ревело и лязгало встречное танковое сражение, до 1500 танков с обеих сторон. У Прохоровки бились в открытом поле, здесь в лесу с густым подлеском вязли в болотах, проридались через кустарник. Под Прохоровкой гибли на виду, а на миру, как известно, и смерть красна, в этом сражении убивали безымянными. На моих глазах на страшный грохот битвы шли наши танки, колонна за колонной. Бледные, измученные лица моложе меня, 25-летнего. Для многих кармановские леса — последнее, что им удалось повидать в кuceй жизни”.

К 23 августа наши войска взяли Зубцово, Карманово и вплотную подошли к Ржеву. Но овладеть городом не смогли.

Генерал Типпельскирх, а впоследствии военный историк, исследуя сражение у погорелого Городища, писал: “Прорыв удалось предотвратить только тем, что три танковые и несколько пехотных дивизий, которые уже готовились на южный фронт, были задержаны и введены сначала для локализации прорыва, а затем и для контрудара”.

Всего генерал Модель вынужден был перебросить сюда 12 дивизий.

Войскам Западного и Калининского фронтов удалось продвинуться вперёд на 35–40 километров. Был ликвидирован опасный плацдарм на левом берегу Волги в районе Ржева. Но конечной задачи проводимой операции выполнить не удалось. Немцы держались за Ржев с яростным упорством. И это настораживало. Тем более что некоторые разведанные свидетельствовали в пользу того, что группа армий “Центр” готовит новый удар на Москву. Удобнее и выгоднее плацдарма, чем Ржевский выступ, трудно было представить.

К концу августа в районе Ржева наступило затишье. Но Ржевская битва не закончилась. Она лишь сделала вынужденную паузу, чтобы пополнить дивизии противостоящих сторон, подвезти огнеприпасы, отремонтировать танки, которые ещё можно было послать в бой. Живые хоронили убитых. Над полем боя на десятки километров стоял чудовищный смрад.

По некоторым данным, только 20-я армия Западного фронта потеряла около 60 тысяч человек. Командовал армией генерал Рейтер.

Пережившие ту страшную битву рассказывали, что командиры зачастую гнали роты и батальоны на неподавленную оборону противника, что приказ № 227 освобождал от пули только мёртвых. Расстреливали не только трусов и паникёров, но попавших под горячую командирскую руку. Расстреливали для устрашения. Тогда это не считалось жестокостью. Строили полк. Копали яму. Выводили “трусов” и “паникёров”. Зачитывали приговор. Командантский взвод, не мешкая, делал своё дело. И полк шёл в бой.

Буквально накануне наступления в газете “Красная звезда”, которая в годы войны стала главной газетой сражающегося народа, было опубликовано стихотворение Константина Симонова “Если дорог тебе твой дом...”:

.....
*Так убей фашиста, чтоб он,
А не ты на земле лежал,
Не в твоём доме чтобы стон,
А в его по мёртвым стоял.
Так хотел он, его вина, —
Пусть горит его дом, а не твой,
И пускай не твоя жена,
А его пусть будет вдовой...*

.....
*Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!*

А на следующий день политинформаторы взводов и рот, парторги батальонов и батарей разнесли по окопам свежий номер “Красной звезды” со

статьёй Ильи Эренбурга, которая значительно усиливала главную тему дня и определяла её, как оказалось, на годы. Статья называлась “Убей!”: “Мы поняли: немцы не люди. Отныне слово “немец” для нас самое страшное проклятье. Отныне слово “немец” разряжает ружьё. Не будем говорить. Не будем возмущаться. Будем убивать. Если ты не убил за день хотя бы одного немца, твой день пропал. Если ты думаешь, что за тебя немца убьёт твой сосед, ты не понял угрозы. Если ты не убьёшь немца, немец убьёт тебя. Он возьмёт твоих [близких] и будет мучить их в своей окаянной Германии. Если ты не можешь убить немца пулей, убей немца штыком. Если на твоём участке затишье, если ты ждёшь боя, убей немца до боя. Если ты оставишь немца жить, немец повесит русского человека и опозорит русскую женщину. Если ты убил одного немца, убей другого — нет для нас ничего веселее немецких трупов. Не считай дней. Не считай вёрст. Считай одно: убитых тобою немцев. Убей немца! — это просит старуха-мать. Убей немца! — это молит тебя дитя. Убей немца! — это кричит родная земля. Не промахнись. Не пропусти. Убей!”

И стихотворение Константина Симонова, и заметка Ильи Эренбурга, по жанру относящаяся, скорее, к листовке политрука, были своеобразным эмоциональным приложением к приказу “Ни шагу назад!”

Они западали глубоко в душу солдат и не выводились из крови на протяжении всей войны. Более того, чем ближе становилась Германия, тем сильнее в солдатской крови закипала ненависть.

Британский писатель Энтони Бивор в своей книге “Падение Берлина. 1945” упрекнёт и авторов этих строк, и победителей в том, что “подобные лозунги спровоцировали на насилие, совершавшееся военнослужащими Красной армии в отношении гражданского населения на территории Германии в 1944–1945 годах”.

Глава тридцатая

СТАЛИНГРАД

“Хорошо помню разговор 29 сентября в землянке, в балке севернее Сталинграда...”

Сталин позвонил 27 августа 1942 года и приказал Жукову: обязанности командующего войсками возложить на начальника штаба, а самому немедленно выехать в Москву.

Днём раньше Совет Народных Комиссаров СССР назначил генерала армии Г. К. Жукова первым заместителем наркома обороны, освободив от этой должности маршала С. М. Будённого.

Верховный встретил его словами:

— Плохо получилось у нас на юге. Может случиться так, что немцы захватят Сталинград. Не лучше дела обстоят и на Северном Кавказе. Очень плохо показал себя Тимошенко. Мне рассказал Хрущёв, что в самые тяжёлые моменты обстановки во время нахождения в Калаче Тимошенко бросал штаб и уезжал с адъютантом на Дон купаться. Мы его сняли. Вместо его поставили Ерёменко. Правда, это тоже не находка...

Сталин сделал паузу. Жуков молчал.

— Мы решили назначить вас заместителем Верховного Главнокомандующего и послать в район Сталинграда для руководства войсками на месте. У вас накопился хороший опыт, и я думаю, что вам удастся взять в руки войска. Сейчас там Василевский и Маленков. Маленков пусть останется с вами, а Василевский сейчас же вылетает в Москву. Когда вы можете вылететь?

— Вылетать надо немедленно, — ответил Жуков.

— Ну, вот и хорошо. — И вдруг Сталин спохватился: — А вы не голодны?

— Подкрепиться не мешало бы.

Сталин позвонил в приёмную, и вскоре Поскрёбышев принёс горячий чай и тарелку с горкой бутербродов. Перекусив, Жуков сразу же отбыл на

аэродром. И через четыре часа самолёт приземлился в Камышине. На Сталинградский фронт Жуков прибыл не с пустыми руками. Сталин за чаем напутствовал: “В связи с прорывом немцев к Сталинграду мы приказали срочно перебросить 1-ю гвардейскую армию генерала Москаленко в район Лозное. Необходимо с утра 2 сентября нанести ей удар по прорвавшейся к Волге группировке противника и соединиться 62-й армией. Туда же перебрасываются 66-я армия генерала Малиновского и 24-я армия генерала Козлова. Вам следует принять необходимые меры, чтобы Москаленко 2 сентября нанёс контрудар, а под его прикрытием вывести в исходные районы 24-ю и 66-ю армии. Эти две армии вводите в бой незамедлительно, иначе мы потеряем Сталинград”.

Штаб Сталинградского фронта размещался в Малой Ивановке близ Камышина. В штабе фронта Жукову доложили обстановку. Докладывали начальник штаба и старый знакомый по Халхин-Голу генерал Никишев и начальник оперативного отдела полковник Рухле. Как вспоминал потом маршал, их путанный доклад производил впечатление, что они “не совсем уверены в том, что в районе Сталинграда противника можно остановить”.

Через несколько дней и штабом Сталинградского фронта, и оперативным отделом будут руководить другие люди.

Это был обычный стиль Жукова. Каждую операцию, любое ответственное дело, за которое и сам отвечал головой и честью, он начинал с подбора надёжных людей.

Доклад комфронта генерала Гордова, напротив, ему понравился своей правдой и полнотой. Правда была тревожной. Но не безнадёжной. Переговорил с Москаленко. Его дивизии должны были первыми вступить в дело. Однако они опаздывали, находясь в пути.

Из донесения Жукова Сталину: “1-я гвардейская армия 2 сентября перейти в наступление не смогла, так как её части не сумели выйти в исходное положение, подвезти боеприпасы, горючее и организовать бой. Чтобы не допустить неорганизованного ввода войск в бой и не понести от этого напрасных потерь, после личной проверки на месте перенёс наступление на 5 часов 3 сентября. Наступление 24-й и 66-й армий назначаю на 5–6 сентября. Сейчас идёт детальная отработка задач всем командным составом, а также принимаем меры материального обеспечения операции...”

Очень характерное донесение. Жуков смело всю ответственность, в том числе и за перенесение операции на более поздние сроки, берёт на себя и приводит железные аргументы. Ни грамма намёка на то, что, мол, замешкался Москаленко и прочее.

Армия Москаленко атаковала в направлении Сталинграда в назначенное время после артиллерийской подготовки. Но продвинулась недалеко. Противник тут же контратаковал с танками при поддержке штурмовой авиации.

Сталин телеграфировал: “Положение под Сталинградом ухудшается. Противник находится в трёх верстах от Сталинграда. Сталинград могут взять сегодня или завтра, если северная группа войск не окажет немедленную помощь. Потребуйте от командующих войсками, стоящих к северу и северо-западу от Сталинграда, немедленно ударить по противнику и прийти на помощь сталинградцам.

Недопустимо никакое промедление. Промедление равносильно преступлению. Всю авиацию бросьте на помощь Сталинграду. В самом Сталинграде авиации осталось очень мало”.

Жуков не дрогнул. Он видел, что положение почти безнадёжное, что с каждым часом оно ухудшается. Но бросать прибывающие дивизии по частям... Он отдал приказ начальнику авиации бросить на врага все силы. И запросил разрешение Сталина на общую атаку 5 сентября. Сталин согласился.

На рассвете 5 сентября фронт на участке 1-й гвардейской, 24-й и 66-й армий рыкнул сотнями орудийных стволов. Артиллеристы выпустили ограниченное количество огнеприпасов и замолчали. Вперёд пошли танки и пехота. Продвижение оказалось незначительным. И Жуков понял: тех сил, которыми располагает фронт, немецкую оборону не сокрушить. 12 сентября он срочно вылетел в Москву.

В этот раз у Сталина он застал начальника Генштаба генерала Василевского. Жуков доложил, прокомментировал неудачу проведённой операции и подытожил:

— Если ударную группировку срочно не усилить, имеющимися силами Сталинградский фронт прорвать оборону противника не сможет.

Сталин спросил:

— Что нужно Сталинградскому фронту, чтобы, наконец, ликвидировать коридор противника и соединиться с Юго-Восточным фронтом?

— Для успешных действий фронту нужны, как минимум, ещё одна полнокровная общевойсковая армия, танковый корпус, три танковых бригады и не менее четырёхсот гаубиц, — ответил Жуков. — Необходимо также не менее одной воздушной армии.

Сталин вытащил из стола свою карту с пометками и стал её рассматривать.

Тем временем Жуков и Василевский, стоя у другой карты, обсуждали конфигурацию фронта. Потом, чтобы не мешать Верховному, занятому изучением карты, отошли к окну. Разговаривали вполголоса. Жуков был недоволен и последними событиями на Сталинградском фронте, и только что состоявшимся разговором. Сказал Василевскому, что всё это полумеры и они вопроса Сталинграда не решат, что нужна сильная, сокрушительная группировка и, самое главное, вводить в дело её надо иначе.

— Да, — согласился Василевский, — всё это — полумеры. Нужно искать иное решение.

— Какое “иное” решение? — Верховный оторвался от карты и внимательно на них посмотрел.

Жуков и Василевский молча вернулись к столу.

— Вот что, — сказал Сталин, — поезжайте в Генштаб и подумайте хорошенько, что необходимо предпринять в районе Сталинграда. А заодно подумайте и о Кавказском фронте. Завтра вечером жду ваши предложения.

6-я полевая и 4-я танковая армии противника всё больше втягивались в изнурительные бои. В районах Волги и Дона у немцев и их союзников могло быть не более пяти-шести резервных дивизий. Бои шли и на юге, и на севере. Гитлер уже не мог высвободить для усиления нажима на Сталинград ни одной дивизии. Конфигурация фронта склоняла к мысли, что немцы, сосредоточившись на прорыве к Сталинграду, опасно растянули свои фланги, и образовавшийся выступ можно подсесть. Тем более что на флангах у 6-й армии стояли венгерские, румынские и итальянские дивизии.

Вот о чём вполголоса беседовали Жуков и Василевский в кабинете Сталина, когда тот внезапно их прервал.

Обсудив в Генштабе основной замысел операции, они перенесли его на чистую карту.

Докладывал Василевский. Верховный некоторое время молча рассматривал карту, потом спросил:

— А это что за группировка войск в районе Серафимовича?

— Новый фронт, — ответил Василевский. — Его надо создать, чтобы нанести мощный удар по оперативному тылу группировки противника, действующей в районе Сталинграда.

— Хватит ли сейчас сил для такой большой операции? — усомнился Сталин.

— Сейчас, конечно, не хватит, — сказал Жуков. — Но, по нашим расчётам, через полтора месяца операцию можно будет обеспечить необходимыми силами и средствами и хорошо её подготовить.

Сталин усмехнулся и постучал трубкой по карте:

— Далеко замахнулись. А не лучше ли ограничиться ударом с севера на юг и с юга на север вдоль Дона? Подумайте.

— Это полумера, — Жуков предполагал такую реакцию Верховного и заранее собрался с мыслями. — Мелкие контрудары не приведут к решительному изменению обстановки. В этом случае... — И Жуков сделал жест, повторяя направления предполагаемых сталинских контрударов. — Паулюс в этом случае может быстро развернуть из-под Сталинграда свои

подвижные части и парирует наши удары. Удар же западнее Дона позволит нам глубоко охватить врага, не даст ему возможности из-за речной преграды быстро сманеврировать своими резервами и выйти навстречу нашим группировкам.

Операция делилась на два этапа: 1) прорыв обороны, окружение сталинградской группировки противника и создание прочного внешнего фронта с целью полной изоляции окружённых от воздействия внешних сил; 2) уничтожение “котла” и недопущения деблокады извне.

Верховному плану операции понравился, но он не спешил давать на него согласие:

— Над планом надо ещё подумать и подсчитать наши ресурсы. А сейчас главная задача — удержать Сталинград и не допустить продвижения противника в сторону Камышина.

В это время позвонил новый командующий Сталинградского фронта генерал Ерёмченко. Сталин взял трубку. После разговора с Ерёмченко сказал:

— Ерёмченко докладывает, что противник подтягивает к городу танковые части. Завтра надо ждать нового удара. — И, повернувшись к Василевскому: — Дайте сейчас же указание о немедленной переброске через Волгу 13-й гвардейской дивизии Родимцева из резерва Ставки. И посмотрите, что ещё можно направить туда завтра.

Уже через час Жуков был на аэродроме. Приказ Верховного: вылететь в расположение Сталинградского фронта, ввести в бой всю авиацию и изучить обстановку в районе Клетской и Серафимовича. Прощаясь, Сталин сказал, что к начатому разговору необходимо вернуться, и добавил: “О том, что мы здесь обсуждали, кроме нас троих, пока никто не должен знать”.

Контрудары, которые Жуков вместе со штабом Сталинградского фронта в те дни организовывал на различных участках, дали положительные результаты. Они изматывали противника.

Из дневника немецкого офицера, который в те дни пытался со своими солдатами оттеснить противостоящие им подразделения Сталинградского фронта: “...части нашего корпуса понесли огромные потери, отражая в сентябре яростные атаки противника, который пытался прорвать наши отсечённые позиции с севера. Дивизии, находившиеся на этом участке, были обескровлены; в ротах оставалось, как правило, по 30–40 солдат”.

В конце ноября Сталин вновь вызвал к себе Жукова и Василевского.

Василевский только что вернулся из-под Сталинграда — изучал условия для контрнаступления армий левого крыла Юго-Восточного фронта.

Прежде чем идти к Верховному, они несколько часов совещались в Генштабе. Обменивались впечатлениями. Вносили поправки в первоначальный план.

Во время встречи в Кремле Сталин неожиданно предложил произвести реорганизацию фронтов и в связи с предстоящими планами масштабного наступления командующим войсками вновь образованного Донского фронта (бывшего Сталинградского) назначить Рокоссовского. А командующим создаваемого вновь Юго-Западного фронта — Ватутина. Такие назначения всех вполне устраивали.

В конце совещания Сталин сказал:

— Вылетайте обратно на фронт. Принимайте все меры, чтобы ещё больше измотать и обессилить противника. Посмотрите ещё раз намеченные планом районы сосредоточения резервов и исходные районы для Юго-Западного фронта и правого крыла Сталинградского фронта, особенно в районе Серафимовича и Клетской. Товарищу Василевскому с этой же целью следует выехать ещё раз на левое крыло Юго-Восточного фронта и там изучить все вопросы, намеченные планом.

“После тщательного изучения на месте всех условий для подготовки контрнаступления, — пишет Жуков в “Воспоминаниях и размышлениях”, — мы с А. М. Василевским вернулись в Ставку, где ещё раз был обсуждён план контрнаступления и после этого утверждён”. И далее: “Мне было приказано лично проинструктировать Военный совет Донского фронта о характере действий войск с целью всемерной помощи Сталинграду. Хорошо

помню разговор 29 сентября в землянке, в балке севернее Сталинграда, где размещался командный пункт командарма К. С. Москаленко.

На мои указания активных действий не прекращать, чтобы противник не перебрасывал с участка Донского фронта силы и средства для штурма Сталинграда, К. К. Рокоссовский сказал, что сил и средств у фронта очень мало и что ничего серьёзного мы здесь не добьёмся. Конечно, он был прав. Я тоже был такого мнения, но без активной помощи Юго-Восточному фронту (теперь Сталинградскому) удержать город было невозможно.

Первого октября я вернулся в Москву для дальнейшей работы над планом контрнаступления. От Сталинграда до Москвы летел в самолёте генерал-лейтенанта А. Е. Голованова, которым он управлял лично. Я с удовольствием сел в кабину к такому опытному лётчику.

Не долетая до Москвы, почувствовал, что самолёт неожиданно делает разворот и снижается. Я решил, что мы, видимо, уклонились от курса. Однако спустя несколько минут А. Е. Голованов повёл машину на посадку на незнакомой мне местности. Приземлились благополучно.

— Почему посадили машину здесь? — спросил я Голованова.

— Скажите спасибо, что были рядом с аэродромом, а то могли бы свалиться.

— А в чём дело?

— Обледенение.

Во время разговора подрулил мой самолёт, который летел вслед за нами, и на нём уже я добрался до Центрального московского аэродрома. Естественно, что полёты в сложных условиях, спешка с вылетами не могли быть всегда удачными.

Хорошо помню ещё одну “самолётную” историю, едва не стоившую нам жизни. Это было также во время полёта из Сталинграда в Москву. Погода в тот день стояла нелётная, шёл дождь. Москва сообщала, что над городом туман, видимость ограничена. А лететь надо: вызывал Верховный.

До Москвы летели неплохо, но на подходе к Москве видимость не превышала ста метров. По радио лётчику была дана команда из отдела перелётов ВВС идти на запасной аэродром. В этом случае мы наверняка опаздывали в Кремль, где нас ждал Верховный.

Приняв всю ответственность на себя, я приказал лётчику Е. Смирнову садиться на Центральный аэродром и остался в его кабине. Пролетая над Москвой, мы неожиданно увидели в 10–15 метрах от левого крыла горловину фабричной трубы. Я взглянул на Смирнова, он, что называется, не моргнув глазом, поднял самолёт чуть выше и через 2–3 минуты повёл его на посадку...”

Тринадцатого ноября Жуков и Василевский снова были у Сталина. Как вспоминал маршал, Верховный пребывал в хорошем расположении духа “и подробно расспрашивал о положении дел под Сталинградом в ходе подготовки контрнаступления”.

На этот раз обсуждали уже конкретные проблемы: соотношение сил и их боеспособность на флангах, показания пленных, опасность того, что немцы могут заподозрить неладное и в самый последний момент перебросят на фланги свои резервы. Разведка у них работала хорошо. Но пока всё шло так, как было задумано. 6-я полевая армия Паулюса и основные силы 4-й танковой втянулись в затяжные бои с нашими Сталинградским и Донским фронтами. Рокоссовский и Ватутин медленно их изматывали, морозили в донской степи. Наши резервные части, предназначенные для удара, сосредоточились в исходных районах, и, похоже, немецкая разведка их манёвр пока не обнаружила.

Василевский докладывал:

— Задачи фронтов, армий и войсковых соединений отработаны. Взаимодействие всех родов оружия увязано непосредственно на местности. Предусмотренная планом встреча войск ударных группировок Юго-Западного и Сталинградского фронтов отработана с командующими, штабами фронтов армий и тех войск, которые будут выходить в район Калач — хутор Советский.

В авиационных армиях подготовка, видимо, будет закончена не раньше 15 ноября. Варианты создания внутреннего фронта окружения сталинградской группировки противника и внешнего фронта для обеспечения ликвидации окружаемого врага можно считать отработанными. Подвоз боеприпасов, горючего и зимнего обмундирования несколько задерживается, но есть все основания рассчитывать, что к исходу 16–17 ноября материальные средства будут доставлены войскам. Контрнаступательную операцию можно начать войсками Юго-Западного и Донского фронтов 19 ноября, а Сталинградского фронта — на сутки позже.

Разница в сроках объясняется тем, что перед Юго-Западным фронтом были более сложные задачи. Он находился на большем удалении от района Калач — хутор Советский, и ему предстояло форсировать Дон.

Из “Воспоминаний и размышлений” Жукова: “Верховный слушал нас внимательно. По тому, как он не спеша раскуривал свою трубку, разглаживал усы и ни разу не перебил наш доклад, было видно, что он доволен. Само проведение такой крупной контрнаступательной операции означало, что инициатива переходит к советским войскам. Все мы верили в успех предстоящего контрнаступления, плоды которого могли быть значительными для освобождения нашей Родины от немецко-фашистских захватчиков.

Пока мы докладывали, в кабинете Верховного собрались члены Государственного Комитета Обороны и некоторые члены Политбюро. Нам пришлось повторить основные вопросы, которые были доложены в их отсутствие.

После краткого обсуждения плана контрнаступления он был полностью утверждён.

Мы с А. М. Василевским обратили внимание Верховного на то, что немецкое главное командование, как только наступит тяжёлое положение в районе Сталинграда и Северного Кавказа, вынуждено будет перебросить часть своих войск из других районов, в частности из района Вязьмы, на помощь южной группировке.

Чтобы этого не случилось, необходимо срочно подготовить и провести наступательную операцию в районе севернее Вязьмы и, в первую очередь, разгромить немцев в районе Ржевского выступа. Для этой операции мы предложили привлечь войска Калининского и Западного фронтов.

— Это было бы хорошо, — сказал И. В. Сталин. — Но кто из вас возьмётся за это дело?

Мы с Александром Михайловичем предварительно согласовали свои предложения на этот счёт, поэтому я сказал:

— Сталинградская операция во всех отношениях уже подготовлена. Василевский может взять на себя координацию действий войск в районе Сталинграда, я могу взять на себя подготовку наступления Калининского и Западного фронтов.

Согласившись с нашим предложением, Верховный сказал:

— Вылетайте завтра утром в Сталинград. Проверьте ещё раз готовность войск и командования к началу операции.

Лично для меня оборона Сталинграда, подготовка контрнаступления и участие в решении вопросов операций на юге страны имели особо важное значение. Здесь я получил гораздо большую практику в организации контрнаступления, чем в 1941 году в районе Москвы, где ограниченные силы не позволили осуществить контрнаступление с целью окружения вражеской группировки.

За успешное общее руководство контрнаступлением в районе Сталинграда и достигнутые при этом результаты крупного масштаба в числе других я был награждён орденом Суворова I степени.

Получить орден Суворова I степени № 1 означало для меня не только большую честь, но и требование Родины работать ещё лучше, чтобы быстрее приблизить час полного разгрома врага, час полной победы. Орденом Суворова I степени были награждены А. М. Василевский, Н. Н. Воронов, Н. Ф. Ватулин, А. И. Ерёмченко, К. К. Рокоссовский. Большая группа генералов, офицеров, сержантов и солдат также была удостоена правительственных наград”.

Характерно, что в мемуарах маршал в свой список награждённых орденом Суворова I-й степени последним ввёл Рокоссовского. А ведь заслуга Константина Константиновича в планировании и проведении сталинградских операций весьма и весьма высокая. Ревность.

Как вспоминал Александр Бучин, 15–16 ноября водителям был отдан приказ: заправить под завязку “хорьх” и обе машины сопровождения. Из Москвы выехали по Ленинградскому шоссе.

Жуков коротко сказал:

— К Пуркаеву.

Бучин водил машину лихо. Бывший спортсмен-автогонщик, он знал и чувствовал машину, как бывалый кавалерист коня. Жуков ему доверял. Он сам любил быструю езду и порой, когда ему казалось, что водитель недооценивает качество дороги, перекидывал через рычаг переключения скоростей ногу и давил на педаль газа или на ногу Бучина до предела. Бучин вспоминал, что часто, особенно когда опаздывали, они носились со скоростью 140–150 километров в час. Охрана в “эмках” на “хвосте” безнадежно отставала. Начальник охраны Бедов потом нервно выговаривал Бучину. А парень отворачивался и ухмылялся. Машина у него была куда сильнее, чем у эскорта.

Когда надо было снизить скорость, притормозить, Жуков подавал кавалерийскую команду: “Короче!”

В этот раз на Калининский фронт вместе с Жуковым поехал и командующий авиацией дальнего действия генерал Голованов. Бучин, поймав хороший участок шоссе, разогнал машину так, что Голованов, который вроде бы привык к высоким скоростям, сказал:

— Потише.

— Не лезь, — отмахнулся Жуков, — он знает, как ехать.

Но вскоре на обледенелом участке дороги — снова проклятый лёд! — их понесло. Бучин с трудом удержал “хорьх”. Когда машина снова зацепила твёрдое покрытие и уверенно помчалась дальше, Голованов вздохнул. Жуков даже не шевельнулся.

Примерно в двадцатых числах декабря, как вспоминал Бучин, “в стражайшей тайне” Жуков выехал на Юго-Западный фронт к Ватутину.

Странное дело, об этой поездке маршал в своих довольно подробных мемуарах даже не упомянул. А Бучин запомнил ту поездку потому, что впервые им, водителям, пришлось грузить свои машины на платформы.

Специально оборудованный поезд, на котором с некоторых пор Жуков как член Ставки выезжал к фронту, на этот раз остановился в тушике на станции Анна. Машины скатили по помостам. Состав замаскировали.

Несколько дней колесили они на своём “хорьхе” по степным дорогам. Бучин всё время с опаской оглядывал незнакомую открытую местность, следил, чтобы не отстала машина охраны.

Из воспоминаний Александра Бучина: “Вот опять плутаем. Не знаю, куда ехать. Стали. Метёт. В салоне позади высказывает свои соображения генерал-майор Л. Ф. Минюк, значившийся у нас под пышным титулом старший генерал-адъютант первого заместителя Верховного Главнокомандующего. Титул, кажется, придумал Жуков. Минюк, видимо, подбодрённый тишиной на переднем сиденье, увлёкся и пошёл объяснять, как нам выбраться на верный путь. Я уже собирался тронуть машину, как Георгий Константинович потребовал карту. Разложил на коленях, я подвечивал фонариком. Жуков довольно быстро разобрался в паутине степных дорог, отчеркнул нужное место ногтем и сказал, как ехать. Не поворачиваясь, он протянул карту через плечо назад в салон, Минюку, и от чистого сердца сказал:

— На, мудачок. Тебя в полковую школу отправить надо.

Генерал Минюк и сидевший рядом с ним Бедов притихли как мыши.

Какая-то мутная была поездка. По опустевшим дорогам. Фронт ушёл вперёд. Подолгу разыскивали нужные штабы и части. Снег милосердно покрыл шрамы войны, но не везде. Стояли сильные морозы, и трупы убитых и замёрзших красноармейцев и вражеских солдат иногда представляли в жутких застывших позах. Иные даже стояли в сугробах. Я старался не смотреть

по сторонам. Однажды вижу: мы едем навстречу чёрной массе — идёт колонна. Через снежную пелену старюсь разглядеть, кто, и похолодел — шинели и головные уборы не наши. Деваться некуда, подъехали. Оказалось, по дороге, как стадо, движется громадная толпа пленных итальянцев. Сыны солнечной Италии явились убивать нас и угодили в зиму. Именно в этом районе только что была наголову разбита итальянская армия. Вид у итальянцев был самый жалкий. Они понуро брели между сугробами.

Бедов, наша охрана, тут же завертелся, забеспокоился, запричитал: где конвой? Георгий Константинович не проронил ни слова и безучастно смотрел вперёд. Неожиданно он сказал: “Стой!” — и вышел из машины. В хвосте колонны десяток пленных, взявшись за оглобли, тащили сани, в них сидел конвоир — раненый красноармеец с ППШ на коленях. Из-под бинта видны были только глаза и часть лица. Узнав по папахе генерала, он неловко отдал честь и попытался слезть с саней. Жуков жестом остановил его и подчеркнута чётко отдал приветствие. “Вот и конвой”, — сказал Жуков, ни к кому особенно не обращаясь. Несколько минут мы постояли на дороге, пока стадо итальянцев под присмотром раненого конвоира не скрылось в снежной мгле”.

Конец 1942 года. Район Среднего Дона. Разгром 8-й итальянской армии. Размашистый бросок корпуса генерала Баданова на уничтожение немецкой авиабазы и аэродрома вместе с самолётами в районе станицы Тацинской, после чего сталинградская группировка немцев — 6-я армия — осталась без подвоза. На всём этом лежала тяжёлая печать жуковского стиля — стремительного, мощного, всегда неожиданного удара.

В ту же ночь, как вспоминал Бучин, они погрузили “хорьх” и машину охраны на платформу и уехали в Москву.

Жуков увидел результаты боёв, видел плоды трудов штабов и мужества дивизий и полков. Увидел и главного творца этой победы, отдал ему честь и со спокойным сердцем уехал на доклад к Верховному.

Глава тридцать первая

И СНОВА — РЖЕВ И ЛЕНИНГРАД

“Это была воистину выстраданная радость!”

На юге в районе Сталинграда бушевала операция “Зимняя гроза” — командующий группы армий “Дон” фельдмаршал Манштейн пытался танковым ударом деблокировать 6-ю армию Паулюса, окружённую в волжской степи. А на севере, в районе действий Калининского фронта, готовилась операция “Марс”. По своим масштабам и количеству войск, вовлечённых с обеих сторон, новая операция по ликвидации Ржевско-Вяземского выступа не уступала сталинградским “Урану” и “Малому Урану” вместе взятым.

Все действия армий Западного и Калининского фронтов должны были способствовать начавшемуся наступлению под Сталинградом.

Жуков в эти дни метался между Доном и Западной Двиной.

Район Нелидова.

Немцы ждали атаки именно здесь, и потому держали сильную группировку, опасаясь ослаблять её хотя бы дивизией для возможного латания дыр на юге. Вот почему бои в рамках операции “Марс” с самого начала носили упорный и кровопролитный характер. Ни одна из сторон не уступала. Жуков бросал в бой армии и танковые корпуса, Модель короткими и сокрушительными контратаками парировала эти удары.

Для Моделя Ржев стал местом, где он нашёл свою славу полководца. Именно за Ржев Гитлер вручил ему вначале Дубовые листья к Рыцарскому кресту, полученному в первые дни кампании на Востоке за удачный прорыв в районе Бреста, а потом Мечи. За Ржев он удостоился и очередного воинского звания — генерал-полковник.

Противник вынужден был держать здесь, на сравнительно небольшом участке фронта, 30 дивизий, в том числе несколько танковых.

Наступил момент, когда атаки на ржевско-сýchёвский плацдарм уже не имели смысла — дело под Сталинградом было сделано. Рокоссовский блестяще провёл операцию “Кольцо”, заблокировал в “котле” 6-ю армию фельдмаршала Паулюса и методично её дожимал. И Жуков скомандовал отбой.

Цена “отвлекающих” ударов под Ржевом была велика.

В начале января Жуков был уже в районе Ленинграда.

В Москве удалось побыть всего несколько часов. Встретился и переговорил с Верховным и — в путь. Домой захватить не успел. Александре Диевне нарочным передал письмо:

“8 января 1943 года.

Милый Шурик!

Какая неудача! Хотел я к тебе заскочить на 30–40 минут, но, увы, ты оказалась в театре. Ты, конечно, скажешь, что виноват я — не предупредил тебя о своём намерении. Так получилось, что задержался с передачей поезда с одной дороги на другую. Но что делать? Разделим вину пополам.

Как твоё самочувствие? Я пока ничего. Здоров. Кроме проклятого сустава. Он всё-таки меня угнетает. По возможности стараюсь лечить соляными ваннами и тепловыми лучами.

Ну, вот пока и всё...

Твой Жорж”.

Письмо весьма сдержанное. Никаких проявлений чувств.

“Проклятый сустав” Жукову в это время лечила младший лейтенант медицинской службы Лидия Захарова. А вот что за “тепловые лучи”, непонятно. Солнце в январе холодное...

Верховный на этот раз послал Жукова под Ленинград — проводить операцию “Искра”, целью которой было соединение войск Ленинградского и Волховского фронтов и создание сухопутного коридора между осаждённым Ленинградом и Большой землёй.

Спецпоезд, на котором Жуков отбыл на север, состоял из бронированного салон-вагона, нескольких вагонов охраны, связи и вагона, который занимала обслуга и водители. Кроме того, был вагон-гараж на две машины. Всего пять вагонов. Спереди и сзади были прицеплены платформы с бронеплощадками — 37-миллиметровыми зенитными орудиями и счетверёнными пулемётными установками. Весь состав был замаскирован под “зиму”.

Прибыв к месту назначения, Жуков выслушал доклад штаба Волховского фронта. Остаток ночи просидел над картами и донесениями разведки. Утром 11 января позвонил Сталину и доложил: в дивизиях, которым предстоит наступать, слишком мало танков и артиллерии, кроме того, слабо отработано взаимодействие не только на стыках армий, но и дивизий, полков.

Наступление отменить было уже нельзя. Пошли вперёд так. Артиллерия не смогла как следует подавить огневые точки, не разрушила оборону противника. Танки действовали в отрыве от пехоты. В итоге — провал.

Из донесения Жукова Сталину: “Основной недостаток в организации прорыва 2-й ударной армии — неправильно спланированная методика артиллерийской подготовки. Больше времени отводилось на всякого рода огневые налёты и меньше времени на методическую прицельную стрельбу по огневым точкам”.

Вскоре атаку повторили. Готовили её уже по методике Жукова.

Из “Воспоминаний и размышлений”: “Не скрою, в то утро мы волновались. Но вот началась операция. И словно гора свалилась с плеч! Нам стало ясно, что враг не знает, какими силами мы располагаем, и что время нанесения нашего мощного удара оказалось для него неожиданным”.

Главный маршал авиации Голованов подметил одну характерную черту полководческого дара Жукова: “Есть люди, которые по ходу развивающихся событий на поле боя почти безошибочно могут сказать, будет успех или не будет. К таким людям, по моим личным наблюдениям, относился и Жуков”.

Восемнадцатого января 1943 года войска двух фронтов сомкнулись. “Я увидел, с какой радостью бросились навстречу друг другу бойцы фронтов,

прорвавших блокаду, — писал маршал. — Не обращая внимания на артиллерийский обстрел противника со стороны Синявинских высот, солдаты по-братски, крепко обнимали друг друга. Это была воистину выстраданная радость!”

В тот же день последовал Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Г. К. Жукову воинского звания Маршал Советского Союза.

Примерно через месяц маршальское звание было присвоено начальнику Генерального штаба Василевскому.

Однажды Сталин, заведя разговор о том, кто из великих русских полководцев, Суворов и Кутузов, искуснее, а стало быть, более велик и значим для истории, вдруг сказал: “Если бы можно было распоряжаться личными качествами людей, я бы сложил качества Василевского и Жукова вместе и поделил бы между ними пополам”.

Глава тридцать вторая

НА ОГНЕННОЙ ДУГЕ

“Никто никогда не называл его добрым...”

Немцы были сильно угнетены столь масштабной и почти непоправимой неудачей под Сталинградом. Им хотелось скорого реванша. И Манштейн добыл для фюрера пусть ограниченную, но всё же победу, которая на какое-то время скрасила мрачную атмосферу, царившую на Восточном фронте после кошмарной сталинградской зимы. Группа армий “Юг” провела успешный контрудар и отбила у Красной армии Харьков. Потом Белгород. Но, как оказалось, ненадолго.

В оперативном приказе войскам Гитлер сгруппировал задачи и мероприятия по обеспечению новой операции: “...я решил: как только позволят погодные условия, провести в качестве наступательного удара этого года операцию “Цитадель”.

...данному наступлению придаётся особое значение. Необходимо осуществить его быстро и с большой пробивной силой. Оно должно передать инициативу на эту весну и лето в наши руки.

...Цель наступления посредством массированного, беспощадно и быстро проведённого каждой из атакующих армий наступательного удара из района Белгорода и южнее Орла окружить находящиеся в районе Курска силы противника и концентрированным наступлением уничтожить их”.

Советская разведка в годы войны работала хорошо. Уже 12 апреля Сталин читал переведённый с немецкого текст директивы № 6 “О плане операции “Цитадель” немецкого Верховного командования”. Документ ещё не имел подписи Гитлера. Он в эти дни тоже внимательно изучал план своих генералов. Подпишет его через три дня.

Жуков отбыл в район Курска ещё 18 марта.

Генерал-адъютант Минюк о той поездке вспоминал: “для него (спецевода. — С. М.) не зажигался запретный красный свет даже перед крупными станциями городов — всё зелёный и зелёный. Мы чем-то напоминали пожарных, спешащих отвлечь случившуюся беду. И это было именно так...”

На одной из станций поезд замедлил ход и повернул на запасной путь. Кругом руины станционных построек после недавнего авианалёта. Машины быстро выгрузили. Состав начали маскировать.

Офицер, прибывший из штаба Воронежского фронта, передал Жукову карту с нанесёнными на неё позициями своих войск и войск противника:

— На последний час, товарищ Маршал Советского Союза.

Жуков сориентировался по карте, уточнил место расположения штаба фронта и сказал:

— В штаб — потом. А сейчас — к фронту. — И, натягивая фуражку на глаза, кивнул офицеру связи:

— А почему руки дрожат?

— Штаб фронта в другой стороне, — ответил офицер. — А там... куда вы хотите ехать... Оттуда, по сведениям разведки, наступает танковый корпус СС.

— И что — страшно? — Жуков посмотрел в глаза офицеру.

Тот ничего не ответил.

Жуков сел на переднее сидение “хорьха” и повторил:

— К фронту.

Дорога была разбитой. Машину швыряло по раскисшим колеям. Жуков торопил водителя.

Из воспоминаний Александра Бучина: “...ожилла полузабытая картина ближнего тыла отступающей армии. Жуков с окаменевшим лицом смотрел на мчавшиеся навстречу грузовики, набитые солдатами, ездовых, беспощадно нахлестывавших лошадей, и тянувшиеся по обочинам группы солдат в грязи с головы до ног. Правда, почти все с оружием. Георгий Константинович бросил по поводу этого одобрительную реплику. И замолчал, следя за маршрутом по карте.

Нас не остановили даже попадавшие время от времени немецкие самолёты, обстреливавшие дорогу. Конец путешествия пришёл внезапно — раздалась гулкие выстрелы танковых пушек. Просвистели болванки. Задний ход, разворот — и назад, в Обоянь. Несколько снарядов подняли фонтаны грязи. Немецких танков мы так и не увидели, но они были близко — на расстоянии прямого выстрела. Если бы мы ехали по-прежнему, то через минуту-другую вкатились бы в боевые порядки авангарда танкового корпуса СС. Потом выяснилось, что на карте, вручённой маршалу, был неверно нанесён передний край — указан рубеж, с которого наши войска уже отступили.

В деревне под Обоянью Жуков прошёл в здание, где находился штаб Воронежского фронта. Мы, оставшиеся на улице, стали свидетелями того, как готовились драпать штабные. Для меня, прошедшего более полутора лет рядом с Жуковым, картина совершенно нереальная. Офицеры-штабисты поспешно кидали на машины какие-то ящики, связисты сматывали провода. Крики, шум, ругань”.

Увидев суету сборов, сильно смахивавшую на начало паники, Жуков нагнул фуражку “на половину носа” и приготовился к разносу, но заметил среди штабных Василевского, поморщился и потребовал командующего войсками Воронежского фронта доложить обстановку. Голикова он знал и по предвоенной работе, и по московской кампании, когда тот неудачно командовал левофланговой 10-й армией Западного фронта, самой мощной. Тогда, под Москвой во время наступления Голиков всё время опаздывал и пропускал контрудары отступающего врага. Ничего хорошего он не ждал от него и сейчас. Выслушал доклад и обратился к члену Военного совета Хрущёву. Тот и вовсе в конкретной обстановке “плавал”.

— Эх вы! — бросил Жуков и отвернулся.

“Докладчики” ему этого не простят. В 1957-м, когда маршала будут распинать на Президиуме ЦК, а потом и на Пленуме ЦК КПСС за “подготовку захвата власти и попытку установления личной диктатуры”, Первый секретарь ЦК Никита Сергеевич Хрущёв и начальник Главного Политического управления Советской армии Военно-Морского флота генерал армии Филипп Иванович Голиков будут стараться особенно. Припомнят всё.

Ночью через Обоянь пошли танки, противотанковая и гаубичная артиллерия на механической тяге. Мощные трёхосные “студебеккеры”, поставляемые американцами в рамках “ленд-лиза”, с тяжёлыми пушками на прицепе. Шла пехота. Навстречу танковому корпусу СС Жуков выдвигал срочно переброшенную из-под Сталинграда 21-ю армию генерала Чистякова.

Утром Жуков поехал посмотреть на работу противотанковых батарей. Всё поле у дороги было заставлено сгоревшими танками и бронетранспортёрами. Привели пленных немецких танкистов. Он допросил их. Двоих приказал отпустить:

— Пусть идут в своё расположение и расскажут... Остальных — на сборный пункт.

И вернулся в штаб фронта. К тому времени штаб работал в спокойном режиме. Но время было всё же упущено. Танково-гренадерские дивизии 2-го танкового корпуса СС при поддержке армейского корпуса "Раус" захватила Белгород.

Можно полагать, что замена командующего войсками Воронежского фронта генерала Голикова генералом Ватутиным произошла не без участия Жукова как представителя Ставки. Тем более, что Ватутина Жуков ценил очень высоко, и когда на очередном трудном участке требовался умный и ответственный командир, он называл Сталину имя Ватутина.

Воевал Николай Фёдорович Ватутин на родине. Его деревня Чепухино под Валуйками была уже освобождена.

Начальник охраны Бедов вспоминал: "В эти дни в разговоре по телефону со Ставкой Г. К. Жуков потребовал заменить командующего фронтом. Он сказал, что генерал Голиков не способен справиться в создавшейся обстановке. Помню, как маршал, по-видимому, на возражение твёрдо заявил по телефону, что Голиков повторяет старые ошибки. Под Сухиничами он плохо показал себя, командуя 10-й армией. А теперь допустил более серьёзный просчёт. Не можем мы губить войска. Ставка по настоянию Г. К. Жукова освободила Ф. И. Голикова от командования фронтом".

Ватутин прибыл в штаб Воронежского фронта 22 марта. В тот же день они вдвоём с Жуковым поехали в войска. В 21-й армии допросили свежих "языков", захваченных на разных участках. На следующий день поехали в расположение 4-й армии.

Двадцать четвёртого марта он был уже в штабе Центрального фронта у Рокоссовского. За несколько дней вместе с комфронта побывал в 13-й, 70-й, 65-й и 48-й армиях.

По воспоминаниям водителя Бучина, Жуков и Рокоссовский, когда покидали расположения частей, порой "вели беседы на ничего не значащие или отвлечённые темы". Их связывало прошлое, командирская юность, когда оба стремительно и трудолюбиво делали карьеру.

Информацию, полученную во время поездок, после консультации с Василевским по приезде в Курск Жуков обобщил в краткий, но обстоятельный доклад и направил Верховному.

"Товарищу Васильеву*.

5 ч. 30 мин. 8 апреля 1943 г.

Докладываю своё мнение о возможных действиях противника весной и летом 1943 года и соображения о наших оборонительных боях на ближайший период.

1. Противник, понеся большие потери в зимней кампании 42/43 года, видимо, не сумеет создать к весне большие резервы для того, чтобы вновь предпринять наступление для захвата Кавказа и выхода на Волгу с целью глубокого обхода Москвы.

Ввиду ограниченности крупных резервов противник вынужден будет весной и в первой половине лета 1943 года развернуть свои наступательные действия на более узком фронте и решать задачу строго по этапам, имея основной целью кампании захват Москвы.

Исходя из наличия в данный момент группировок против наших Центрального, Воронежского и Юго-Западного фронтов, я считаю, что главные наступательные операции противник развернёт против этих трёх фронтов, с тем чтобы, разгромив наши войска на этом направлении, получить свободу манёвра для обхода Москвы по кратчайшему направлению.

2. Видимо, на первом этапе противник, собрав максимум своих сил, в том числе до 13—15 танковых дивизий, при поддержке большого количества авиации нанесёт удар своей орловско-кромской группировкой в обход Курска с северо-востока и белгородско-харьковской группировкой в обход Курска с юго-востока.

Вспомогательный удар с целью разрезания нашего фронта надо ожидать с запада из района Ворожбы, что между реками Сейм и Псел, на Курск

* Один из псевдонимов И. В. Сталина во время Великой Отечественной войны.

с юго-запада. Этим наступлением противник будет стремиться разгромить и окружить наши 13, 70, 65, 38, 40-ю и 21-ю армии. Конечной целью этого этапа может быть выход противника на рубеж река Короча—Коро́ча—Тим—река Тим—Дросково.

В настоящее время перед Центральным и Воронежским фронтами противник имеет до 12 танковых дивизий и, подтянув с других участков 3—4 танковые дивизии, может бросить против нашей курской группировки до 15—16 танковых дивизий общей численностью до 2500 танков.

6. Для того чтобы противник разбился о нашу оборону, кроме мер по усилению ПТО* Центрального и Воронежского фронтов, нам необходимо как можно быстрее собрать с пассивных участков и перебросить в резерв Ставки на угрожаемые направления 30 полков ИШТАП**; все полки самоходной артиллерии сосредоточить на участке Ливны—Касторное—Ст. Оскол. Часть полков желательно сейчас же дать на усиление Рокоссовскому и Ватутину и сосредоточить как можно больше авиации в резерве Ставки, чтобы массированными ударами авиации во взаимодействии с танками и стрелковыми соединениями разбить ударные группировки и сорвать план наступления противника.

Переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника считаю целесообразным. Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выйдем его танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьём основную группировку противника.

Константинов***”.

Как покажут дальнейшие события, Жуков не ошибся.

Дар предвидения, о котором говорят многие биографы полководца и журналисты, — это, конечно же, не некие экстрасенсорные способности, которые порой открываются в человеке. Жуков свои прогнозы выстраивал на основе тщательного и всестороннего изучения обстановки, данных армейской, агентурной и авиационной разведок, разговоров с бойцами на передовой, с командирами рот и батальонов, с командующими армиями и фронтов. Не раз ползал под пулями, чтобы посмотреть через нейтральную полосу, как ведёт себя противник. И делал это не ради рисовки перед своими подчинёнными и не “на камеру”, как говорят сейчас. Ему, как опытному зверю, необходимо было понюхать ветер с той стороны, чтобы почувствовать силу другого зверя, с которым предстояло схватиться...

Сталин долго колебался перед тем, как принять решение: преднамеренная оборона, на которой настаивал Жуков, или наступление, упреждающий удар, о чём, словно сговорившись, твердили все командующие фронтами...

Из “Воспоминаний и размышлений”: “В середине апреля Ставкой было принято предварительное решение о преднамеренной обороне. Правда, к этому вопросу мы возвращались неоднократно, а окончательное решение о преднамеренной обороне было принято Ставкой в начале июня 1943 года. В то время фактически уже стало известно о намерении противника нанести по Воронежскому и Центральному фронтам мощный удар с привлечением для этого крупнейших танковых группировок и использованием новых танков “тигр” и “пантера” и самоходных орудий “фердинанд”.

Главными действующими фронтами на первом этапе летней кампании Ставка считала Воронежский, Центральный, Юго-Западный и Брянский. Здесь, по нашим расчётам, должны были разыграться главные события. Мы хотели встретить ожидаемое наступление немецких войск мощными средствами обороны, нанести им поражение и, в первую очередь, разбить танковые группировки противника, а затем, перейдя в контрнаступление, окончательно его разгромить. Одновременно с планом преднамеренной обороны и контрнаступления решено было разработать также и план наступательных

* Противотанковая оборона.

** Истребительно-противотанковый артиллерийский полк.

*** Один из псевдонимов Г. К. Жукова во время войны.

действий, не ожидая наступления противника, если оно будет затягиваться на длительный срок.

Таким образом, оборона наших войск была, безусловно, не вынужденной, а сугубо преднамеренной, и выбор момента для перехода в наступление Ставка поставила в зависимость от обстановки. Имелось в виду не торопиться с ним, но и не затягивать его”.

Армии и фронты начали зарываться в землю. Как рассказывали фронтовики — участники битвы на Орловско-Курской дуге, перед дракой им пришлось основательно, до кровавых мозолей, поработать: отрывали окопы, траншеи, строили блиндажи, пилили лес, укрепляли ходы сообщения и землянки, накатывали свежие настилы, меняли сваи на мостах, усиливали их, создавали ложные аэродромы, артиллерийские позиции, строили макеты танков.

Судя по документам, опубликованным в разное время исследователями Курской битвы, о предстоящей широкомасштабной операции знали обе стороны. И всё же и работы по строительству обороны, и передвижение, и концентрацию войск, боевой техники сохраняли в строжайшем секрете.

В эти дни произошёл такой эпизод. Жуков отправился в штаб Степного фронта, к Коневу. Александр Бучин вспоминал: “Когда мы подъехали на двух “виллисах” к шлагбауму, одуревший от жары и езды Минюк неожиданно гаркнул часовому: “Подымай! Маршал Жуков едет!” Красноармеец у шлагбаума, однако, потребовал предъявить удостоверение. На глазах группы встречающих Жуков молча протянул документ. Солдат не только прочитал его, но и отвернул ворот кожаной куртки Жукова. Увидев маршальский погон, пропустил. Жуков громко поблагодарил за службу и, сняв с руки часы, подарил часовому”.

Чтобы обеспечить успех нового грандиозного наступления, немцы сосредоточили против Курского выступа группировку, насчитывавшую до 50 дивизий, из них 18 танковых и моторизованных, две танковые бригады, три отдельных танковых батальона и восемь дивизионов штурмовых орудий, общей численностью, согласно советским источникам, около девятисот тысяч человек. Руководство войсками осуществляли командующий группой армий “Центр” фельдмаршал Клюге и командующий группой армий “Юг” фельдмаршал Манштейн.

Соотношение сил сторон, по подсчётам отечественных и западных историков, выглядит так: против 900 тысяч германских солдат и офицеров Красная армия выставила 1 337 000 человек; против 2700 танков и САУ вермахта и СС наши выставили 3306; против десяти тысяч орудий и миномётов наши войска имели 20 220 стволов; против 2500 самолётов люфтваффе наших 2650.

Таким образом, даже на стадии подготовки к решающему летнему сражению 1943 года Сталин дал понять и Гитлеру, и всему миру, в том числе и союзникам, которые продолжали затягивать сроки открытия “второго фронта” в Европе, что позиционную войну Советский Союз в сущности выиграл. Победа же на поле боя — всего лишь вопрос времени.

Начало битвы Жуков, как известно, встретил в штабе Центрального фронта у Рокоссовского. И пробыл там до 9 июля. Впоследствии маршал Рокоссовский зачем-то исказит правду истории, написав в своих мемуарах, что Жуков отбыл из его штаба через несколько часов после артподготовки.

Именно здесь Жукова застал звонок Верховного: срочно ехать в штаб Брянского фронта и вводить в дело ударные силы на северном участке Курской дуги.

В апреле 1965 года Жуков прочитает мемуары своего боевого товарища и бывшего командующего войсками Центрального фронта Рокоссовского, обнаружит там неточности. Он сразу же поймёт природу этой забывчивости и напишет в письме Рокоссовскому: “Описывая подготовку войск Центрального фронта к Курской битве, Вы написали о выдающейся роли Хрущёва Н. С. в этой величайшей операции. Вы написали, что он приезжал к Вам на фронт и якобы давал мудрые советы, “далеко выходящие за рамки фронтов”. Вы представили в печати его персону в таком виде, что Хрущёв

вроде играл какую-то особо выдающуюся роль в войне. А этого-то, как известно, не было, и Вы это знали.

Как Вам известно, с Хрущёвым приезжал и я. Напомню, что было на самом деле: был хороший обед, за которым Хрущёв и Булганин крепко подвыпили. Было рассказано Хрущёвым и Булганиным много шуток, анекдотов, а затем Хрущёв уехал в штаб Воронежского фронта, а я остался во вверенном Вам фронте, где отрабатывались вопросы предстоящей операции с выездом в войска. Надеюсь, этого Вы ещё не забыли”.

Да, партийцы выпили и закусили, побалагурили и — спать. А солдатам надо было воевать. Жуков напомнил своему сослуживцу, что в июле 1943-го приезжал в его штаб не на стерлядь, как партийцы, а работать.

Рокоссовский писал свои мемуары, конечно же, с оглядкой на те обстоятельства и те нравы, которые царили тогда. А главным обстоятельством был Никита Сергеевич Хрущёв. Чтобы мемуары увидели свет, надобно было считаться с этим обстоятельством. И свет они, конечно же, увидели. Книга “Солдатский долг” вышла в Воениздате в 1968 году. Правда, в урезанном виде. Военная цензура работала, как муравей. Книга, в восстановленной редакции, считается одной из лучших в ряду маршальских мемуаров.

Следует заметить, что и Жуков сходит по воду с тем же ведром: он будет писать “Воспоминания и размышления” уже в эпоху Брежнева и, по примеру Рокоссовского, тоже будет нуждаться в “мудрых советах” партийного товарища. Правда, тот товарищ рангом оказался куда ниже, и поэтому эпизод будет выглядеть совсем нелепым. Так что, как говаривали в Стрелковке: что в людях ведётся, то и нас не минует...

Американский историк Майкл Кайдин написал о Курской битве и роли Жукова в этом грандиозном событии: “Философия человека, который будет командовать советскими силами в Курской битве, была совершенно ясна ещё до того, как немцы начали атаку. Присутствие Жукова кардинально повлияло на ход сражения. Именно поэтому Манштейн был твёрдо уверен в том, что операция “Цитадель” не должна была проводиться. Манштейн знал, что в присутствии Жукова, и особенно с учётом двухмесячной отсрочки операции, оборона Красной армии будет настолько сильной, что сокрушить её будет невозможно. Но было уже слишком поздно, и Манштейн пошёл на роковой штурм.

...Никто никогда не называл его добрым. Он едва ли делал что-либо такое, что бы отдалённо напоминало это представление. Действительно, он казался даже больше машиной, чем человеком, полностью посвящавшей себя тому, что должно было, по его мнению, быть сделано. Он относился совершенно равнодушно к смерти, независимо от количества погибших и от того, умирали ли враги или его собственные люди. Только одно имело значение для маршала Георгия Жукова — цель.

Он признавал только одного бога — полную преданность своему долгу. Хуже его неудовольствия мог быть только расстрел. Он не принимал никаких извинений, и сам не приносил их никому. Он был выше всего, за исключением тщательности и дотошности в своих действиях. Он не оставлял ничего на волю случая и наказывал, иногда с ужасными результатами, своих подчинённых, которые его подводили.

Тем не менее, никто в той же степени, что и он, не был ответственен за неудачи Германии. Он побеждал немцев везде, где сталкивался с ними. Он никогда не требовал от своих подчинённых низкопоклонства, но он заслужил их непоколебимое уважение. Он был жёстким, талантливый, блистательным.

...В каждом бою Жуков командовал более чем миллионом людей, обычно двадцатью или более армиями каждый раз. Число танков под командованием Жукова было огромным. С начала Курской битвы у него в распоряжении имелись первые русские самоходные установки. Он не просто использовал массовые артиллерийские обстрелы, он верил в эффективность плотных, непрекращающихся обстрелов. Он широко использовал тактику дальнего боя везде, начиная от миномётных обстрелов и заканчивая массированными ракетными обстрелами.

В концентрацию огневой мощи он верил больше, чем каким-либо цифрам. Он собрал все самолёты, способные подняться в воздух и сражаться. На некоторых направлениях он использовал мины десятками тысяч. С людьми дело обстояло так же, как и с орудиями, которыми они сражались; просто они были другим оружием. Они должны были быть приготовлены к бою настолько хорошо, насколько можно, им было выдано лучшее снаряжение, и они отправлялись в самое сердце сражения. Для него они были всего лишь цифрами. Он не сожалел о погибших, если цель достигалась, враг был разбит, бой был выигран.

...Сложно спорить с таким рассуждением. Если бы Жуков не был бы тем, кем он был, если бы он не поступал так, как поступил, возможно, что решающие сражения в России не были бы выиграны, а тогда потери в России были бы сравнимы с потерями во всей Европе*.

Потери немцев в операции “Цитадель”, которую они даже не смогли довести до конца, были огромными. Потери наших фронтов оказались ещё больше. Но — удивительно дело! — после Курской битвы Красная армия окрепла, возрос её дух, солдаты получили новое оружие и технику и готовы были преследовать отступающего врага. Нечувствительность к потерям свидетельствовала о силе организма Красной армии и её тылов.

Гитлер уже не мог восстановить зияющие пустоты в своих шеренгах и пытался к тыловым позициям, к Днепру, к спасительным его водам и кручам западного берега, по которому пролегал спасительная “Линия Пантера—Вотан”.

Глава тридцать третья

ДНЕПР

*“Больше тянет в поле, к войскам,
там я как рыба в воде...”*

В начале августа 1943 года в разгар наступательной операции “Полководец Румянцев” Жуков въехал на “хорьхе” в Белгород в сопровождении машины охраны. Они пробирались по улицам, ещё заполненным дымом и чадом недавнего боя, среди полуразрушенных домов, вслед за танками 1-го механизированного корпуса генерала Соломатина.

Тем временем севернее авангарды Брянского фронта захватили город Орёл.

В Москве по приказу Сталина был произведён первый салют в честь освобождения двух русских городов доблестными войсками наступающей Красной армии. Салюты в честь победителей теперь станут постоянными. Начинаясь другая война.

Шестого августа Жуков и командующий войсками Степного фронта Конов, сгруппировав свои соображения по дальнейшему развитию операции “Полководец Румянцев”, телеграфировали Верховному. Их план предусматривал дальнейшее наступление с целью окружения харьковской группировки противника и освобождения Харькова. Буквально через несколько часов они получили ответную директиву: “Представленный тов. Юрьевым* план операции “Румянцев” Ставка Верховного Главнокомандования утверждает и одновременно указывает:

1. 57-ю армию Гагена с 24.00 8 августа передать из состава Юго-Западного фронта в состав войск Степного фронта с задачей ударом в обход Харькова с юга содействовать главной группировке Степного фронта в овладении Харьковом. Разгранлинией между Степным и Юго-Западным фронтами установить левую границу 57-й армии.

2. Основная задача Юго-Западного фронта — нанести главный удар на юг в общем направлении Голая Долина, Красноармейское и во взаимодействии с Южным фронтом разгромить Донбасскую группировку противника и овладеть районом Горловка, Сталино.

* Псевдоним Г. К. Жукова.

3. Основная задача Южного фронта — нанести главный удар в общем направлении Куйбышево, Сталино, где сомкнуться с ударной группой Юго-Западного фронта.

Готовность к наступлению Юго-Западного и Южного фронтов 13–14.8.1943 г. Тов. Александрову* план действий ЮЗФ и ЮФ представить 10.8 на утверждение Ставки.

4. Координацию действий возложить: между Воронежским и Степным фронтами на тов. Юрьева, между Юго-Западным и Южным фронтами на тов. Александрова.

Ставка Верховного Главнокомандования И. Сталин А. Антонов”.

Наступление продолжало развиваться. К исходу 11 августа 1943 года авангарды Степного и Воронежского фронтов с боями прошли до 100 километров, овладели важнейшими узлами обороны противника Богодухов и Гайворон. Танки и десант 1-й танковой армии генерала Катукова охватили харьковскую группировку противника. Одновременно с подвижными частями Воронежского фронта войска Конева заперли немецкую группировку с северо-востока.

Двадцать третьего августа 1943 года войска Конева окончательно дожали харьковскую группировку противника и вошли в Харьков.

Конев доложил об этом Верховному, и тот, радостный, ответил:

— Поздравляю! Салютовать будем по первому разряду.

Это было второе и окончательное освобождение Харькова. Крупнейший после Москвы и Ленинграда индустриальный, научный и транспортный центр, бывшая столица Советской Украины, принимал освободителей. Состоялся торжественный митинг.

На митинге выступали генерал Конев, маршал Жуков и генерал Хрущёв. Но произошёл казус. Коневу после его выступления жители Харькова аплодировали с радостной благодарностью, дружно и громко. Когда выступил Хрущёв, ему тоже аплодировали, но сдержанно, как аплодируют из вежливости. После слов Жукова площадь снова взорвалась восторгом и криками “Ура!” Хрущёву стало обидно. Он долгие годы работал здесь, поднимал народное хозяйство, строил новую жизнь, с 1938 года руководил партией большевиков Украины, всегда покровительствовал Харькову, и — так встретили... Возможно, Никите Сергеевичу не прощали репрессий, когда он в предвоенные годы твёрдой партийной рукой выкорчёвывал здесь “врагов народа”. Потом, когда Хрущёв войдёт в силу уже в Москве, он припомнит маршалам это унижение.

С взятием Харькова наступательная операция “Полководец Румянцев” была завершена. Закончилась и Курская битва.

Жуков был награждён вторым орденом Суворова 1-й степени. Эта награда ему льстила. Награды он любил. Полководцы, так же, впрочем, как и простые солдаты, должны любить и чтить награды Родины.

Генерал фон Меллентин впоследствии напишет: “Русское Верховное Главнокомандование руководило боевыми действиями в ходе Курской битвы с большим искусством, умело отводя свои войска и сводя на нет силу удара наших армий при помощи сложной системы минных полей и противотанковых заграждений. Не довольствуясь контрударами внутри Курского выступа, русские нанесли мощные удары на участке между Орлом и Брянском и добились значительного вклинения. В связи с решением Гитлера о переходе к оборонительным действиям положение на Восточном фронте стало критическим. 4-я танковая армия получила сообщение о немедленном отводе танкового корпуса СС для переброски его в Италию, а 48-му танковому корпусу было приказано направить дивизию “Великая Германия” для оказания поддержки группе армий “Центр” фельдмаршала фон Клюге. При таких обстоятельствах было невозможно удержать занятые рубежи внутри Курского выступа, и к 23 июля 4-я танковая армия была отброшена на свои исходные позиции.

После провала этого наступления, потребовавшего от немецких войск высшего напряжения, стратегическая инициатива перешла к русским”.

* Псевдоним А. М. Василевского.

Жуков видел усталость своих войск. Солдаты только вышли из боя, почти непрерывного, который длился два месяца. Люди нуждались в отдыхе, полки и дивизии — в пополнении, войска — в перегруппировке.

Двадцать пятого августа 1943 года, на следующий день после взятия Харькова, Жуков срочно прибыл в Кремль. Верховный потребовал его присутствия на заседании Ставки по поводу дальнейших действий фронтов в ходе продолжающегося наступления.

Уловив общий тон выступающих, в том числе и Верховного, Жуков, тем не менее, высказал своё мнение: германские войска на востоке уже не в состоянии вести большое наступление, но обороняться способны жёстко, применяя мощные контратаки; целесообразно именно сейчас продолжить общее наступление силами всех фронтов Западного и Юго-Западного направлений с целью выхода в восточные районы Белоруссии и на линию Днепра; при этом необходимо исключить фронтовые лобовые удары, проводить операции по отсечению и охвату группировок противника; ближайшим районом проведения такой операции может стать Донбасс...

Сталин выслушал предложения Жукова, затем его сторонников и подытожил: для реализации идеи товарища Жукова понадобится слишком много времени, немцы успеют отойти к Днепру и организовать там сильную оборону, а поэтому, не теряя ни минуты, нужно продолжать фронтальное наступление, чтобы как можно скорее отбросить противника за пределы своей территории.

В конце августа 1943 года Гитлер прибыл в Винницу в свою ставку “Werwolf”. Говорят, здесь он проводил свои оккультные мистерии, пытаясь вовлечь в “свою победу” вземные и иные силы. Известно, что именно с командного пункта в Виннице он отдавал приказы на штурм Сталинграда, а затем на проведение операции “Цитадель”.

В Виннице немцам нравилось. Красивый ландшафт, мягкий климат, прекрасная природа, чем-то напоминавшая районы северной Германии. В свободные минуты Гитлер любил прокатиться на катере по Южному Бугу. Его восхищали живописные берега и бесконечные просторы. Их он планировал заселить арийцами. Герман Геринг любил посещать Винницкий музыкально-драматический театр. После оперы “Кармен” зашёл за кулисы, расцеловал ручки всех театральных красавиц и пожелал увидеть на винницкой сцене почитаемого немцами Вагнера. Внешний вид балерин, однако, не вполне устроил рейхсмаршала. Он заметил, что за год оккупации они “непозволительно похудели”, и распорядился выписать артистам дополнительный паёк. Балерины теперь сверх пайка исправно получали жиры, масло, изюм, шоколад и мыло. После этого труппа начала репетировать одну из опер Рихарда Вагнера. Но постановка не состоялась. В марте 1944 года войска 1-го Украинского фронта под командованием Жукова ворвутся в Винницу. Немцы, уходя из города, взорвут всё, что можно, в том числе и командный пункт Гитлера, и здание театра.

Восьмого сентября Гитлер выехал из “Werwolf” в Запорожье в штаб группы армий “Юг” и провёл срочное совещание со своими генералами. В то время вермахт ещё контролировал обширные районы и ключевые плацдармы на левом берегу Днепра. Во время обмена мнениями высказался Манштейн. Именно на его группировку все эти недели русские оказывали самое мощное давление. Вспоминая о своём докладе на запорожском совещании, он писал в книге “Утерянные победы”: “Хотим мы или не хотим, но мы будем вынуждены отойти за Днепр, особенно принимая во внимание возможные последствия чрезвычайно напряжённой обстановки на северном фланге нашей группы. Чтобы получить необходимые силы для подкрепления этого фланга, я предложил немедленно отвести группу “Центр” на рубеж Днепра. В результате этого её фронт сократился бы на одну треть, и мы сэкономили бы силы, которые позволили бы нам сосредоточить, наконец, достаточно крупные соединения войск на решающем участке Восточного фронта. Теперь Гитлер в принципе соглашался с необходимостью отхода северного фланга на рубеж Мелитополь—Днепр, хотя он всё ещё надеялся избежать этого путём подтягивания сюда новых дивизионов штурмовых орудий (САУ). Как всегда, он думал, что использование технических средств будет достаточным для ста-

билизации обстановки, которая могла быть достигнута на самом деле только введением в бой большого числа новых дивизий. Относительно высвобождения сил из района группы “Центр” путём отхода на верхний Днепр он заявил, однако, что быстрый отход на такое большое расстояние неосуществим. Такое большое передвижение частей затянется якобы вплоть до наступления распутицы. Кроме того, он считал, что будет потеряно много техники (как это произошло при отходе с Орловской дуги). Вообще отход на промежуточный рубеж дальше на восток был, по его мнению, возможен, но не дал бы нам необходимой компенсации в виде экономии сил”.

Гитлер приказал оставить кубанский плацдарм и выделил из состава группы армий “Центр” один корпус: две танковых и две пехотных дивизии.

В это время главной заботой Гитлера и его фельдмаршалов были поиски резервов — откуда бы выкроить лишнюю дивизию. Манштейн, конечно же, смотрел в корень: “Стабилизация обстановки” “могла быть достигнута... только введением в бой большого числа новых дивизий”.

К концу сентября 1943 года войска Центрального, Воронежского, Степного, Юго-Западного и Южного фронтов, выполняя директиву Ставки, вышли к Днепру на 750-километровом участке от Лоева на севере до Запорожья на юге и с ходу приступили к форсированию реки.

На подступах к Днепру и Десне в те дни стояла довольно мощная наша группировка: пять фронтов — 2 633 000 человек, более 51 200 орудий и миномётов, 2400 танков и самоходных установок, 2850 самолётов разных типов. Против двух групп армий: “Центр” и “Юг” — 1 240 000 человек, 12 000 орудий и миномётов, 2100 танков и штурмовых орудий, 2100 самолётов.

Более успешно в этом марше на запад действовали войска под командованием Центрального и Воронежского фронтов. Рокоссовский и Ватутин буквально гнали свои армии и корпуса вперёд, используя выгодные обстоятельства. Наши авангарды рассекали немецкую оборону на отдельные участки и группы. Изолированные, лишённые подвоза и возможности манёвра, они отходили к киевским переправам, чтобы не оказаться под ударом вторых эшелонов. Создались благоприятные условия для полного окружения этих групп восточнее Киева.

Рокоссовский в своих воспоминаниях сетовал на то, что Жуков, координировавший действия двух фронтов, не дал согласия на проведение этой операции. В итоге время было упущено, и противник смог выйти к днепровским переправам раньше, чем там появились передовые части армий первого эшелона. Избежавшие окружения на левом берегу благополучно перебрались на правый и уплотнили боевые порядки Восточного вала, изготовившегося к обороне.

Двадцать четвёртого сентября 1943 года на правом берегу на участке наступления Воронежского фронта в районе Великого и Малого Букрина был выброшен воздушный десант с целью “захватить плацдарм, перерезать основные пути сообщения, ведущие к Днепру, и не допустить подхода к западному берегу Днепра резервов противника. Тем самым обеспечить успешное ведение боя за расширение плацдармов на Днепре в районе Великого Букрина”.

Однако операцию подготовили и проводили второпях, без предварительной разведки, десантирование производили в неблагоприятную погоду, при сильном ветре. Лётчики путались в маршрутах. Несколько бортов выгрузили парашютистов прямо на позиции немецких войск, где их встретили зенитными автоматами и стрелковым оружием. Несколько самолётов произвели десантирование на левом берегу. Один — над Днепром; все парашютисты утонули. Другие — на высоких скоростях и на огромной высоте, так что десантники потом долго искали друг друга, чтобы собраться в подразделения. Не все после приземления смогли отыскать разбросанные на большие расстояния контейнеры с грузами, где находилось оружие, боеприпасы, продукты, медикаменты и необходимое снаряжение. Из десяти тысяч бойцов на правый берег было перебродило всего 4575 человек. Без артиллерии и миномётов. Десантники сразу же попали под огонь противника. И только третья часть из них смогла объединиться и выстроить оборону, а впоследствии даже захватить плацдарм и обеспечить переправу нашим войскам.

Операцию готовил и координировал штаб Воронежского фронта. Утверждал план представитель Ставки Жуков.

Третьего октября 1943 года из Москвы пришла директива командующему войсками Воронежского фронта и представителям Ставки “О причинах неудачи воздушного десанта на Воронежском фронте и об изъятии воздушно-десантных бригад из подчинения командования фронта”.

“3 октября 1943 г. 01 ч. 40 мин.

Констатирую, что первый воздушный десант, проведённый Воронежским фронтом 24 сентября, провалился, вызвав массовые ненужные жертвы. Произошло это не только по вине тов. Скрипко, но и по вине тов. Юрьева* и тов. Ватутина, которые должны были контролировать подготовку и организацию выброски десанта.

Выброска массового десанта в ночное время свидетельствует о неграмотности организаторов этого дела, ибо, как показывает опыт, выброска массового ночного десанта даже на своей территории сопряжена с большими опасностями.

Приказываю оставшиеся полторы воздушно-десантные бригады изъять из подчинения Воронежского фронта и считать их резервом Ставки.

И. СТАЛИН”.

Жуков получил от Верховного щелчок по носу.

Двадцать восьмого сентября 1943 года Ставка возложила на Жукова координирование действий войск Центрального и Воронежского фронтов с целью овладения Киевом.

Двадцатого октября 1943 года фронты получили новые наименования: Центральный стал 1-м Белорусским и нацеливался на белорусское направление, а Воронежский — 1-м Украинским и сразу же получил приказ взять Киев.

Первые недели боёв показали, что Манштейн сдавать Киев не намерен. Войска Ватутина вели атаки с двух направлений: основное наступление шло с юга, с Букринского плацдарма, одновременно с севера, с Лютежского плацдарма проводились вспомогательные удары.

“Здравствуй, Шурик, — писал Жуков в эти дни жене, выкроив свободную минуту. — Шлю тебе привет и крепко целую. Обними и крепко поцелуй Элочку и Эллочку... Посылаю семечек. Делать вам всё равно нечего, хоть будете их грызть. Посылаю обратно тёплую кофточку, она очень кусачая и её носить совершенно невозможно, она колет, как колочая проволока. Пусть лучше получат мягкий свитер. Дела у нас по-прежнему неплохие. Сидим на Днепре. Немцы хотят во что бы то ни стало удержаться на Днепре. Но, видимо, им это не удастся. Я по-прежнему езжу по армиям, в вагоне не могу — характер, видимо, такой, больше тянет в поле, к войскам, там я как рыба в воде. Здоровье неплохое. Плохо слышу. Надо бы опять полечить ухо, да вот пока не могу организовать. Иногда немного побаливает голова и нога. Ну вот, пока всё, что хотел тебе написать. Желаю тебе и ребятам здоровья. Крепко, крепко всех вас целую”.

Двадцать пятого октября 1943 года Жуков приказал перебросить войска с Букринского плацдарма на Лютежский. Операция была проведена в кратчайшие сроки, скрытно. Войска сосредотачивались в новых районах и готовились к атаке, соблюдая при этом строжайшую секретность. Таким образом, к северу от Киева была сконцентрирована мощнейшая группировка в составе общевойсковой, танковой армий и двух отдельных корпусов — танкового и артиллерийского корпуса прорыва.

Верховный торопил со сроками — взять Киев к 7 ноября, к двадцать шестой годовщине Великого Октября. И дело было не только в дате. “Решая эту задачу, — предписывала директива на наступление, — пойти на жертвы, имея в виду, что эти жертвы будут во много раз меньше тех, которые придётся затратить, если эта операция затянется...”

Жуков в эти дни метался между двумя плацдармами.

Из воспоминаний Александра Бучина: “Осень 1943 года запомнилась как непрерывное сражение — фронты пробивались к Днепру. Сражение не

* То есть Жукова.

стихало ни днём, ни ночью. Георгий Константинович по большей части в войсках Воронежского фронта много времени работал с Ватутиным. Мне кажется, что он как-то любовно опекал славного генерала. Фронт Ватутина и вышел к великой реке в том районе, где на другом, высоком берегу стоит красавец Киев. Тогда Воронежский фронт был переименован в 1-й Украинский, а Степной во 2-й Украинский. Не буду говорить о форсировании Днепра, как раз об этом, по-моему, написано много. Это был какой-то ужас. Георгий Константинович на катерах и паромах много раз переправлялся на тот берег и обратно. Сначала на Букринском — южной, затем Лютежском — севернее города плацдармах. Мне пришлось много поездить с ним вдоль восточного берега Днепра. Саперы соорудили там дорогу в двести с лишним километров, которая, понятно, была сделана наспех и постоянно разрушалась танками и тяжелой техникой. По этой дороге прошла историческая перегруппировка с Букринского на Лютежский плацдарм, которую немцы прозевали. Не могли не прозевать, ибо Г. К. Жуков распорядился установить драконовские меры обеспечения скрытности передвижения транспорта.

Насколько я помню, операция по овладению Киевом готовилась так, что враг оказался в неведении, откуда последует решительный удар. Даже мы, находившиеся на расстоянии протянутой руки от маршала, поняли, кому брать Киев, только тогда, когда войска, выступившие с Лютежского плацдарма, завязали бои на окраинах города. Приказы Г. К. Жукова о строжайшем соблюдении военной тайны выполнялись до точки”.

Жуков переиграл Манштейна и в боях за Киев. Демонстрируя наступление с Букринского плацдарма, основной удар наши части нанесли с севера, от Лютежа.

Жуков въехал в Киев вслед за танками, как сказал поэт, — “по дымному следу отступающего врага”. “Хорьх” пробрался сквозь завалы только что сдвинутой с дороги разбитой и брошенной техники, немецкой и своей, проехал через Дарницю по только что наведённому понтонному мосту. Жуков не узнавал тот прекрасный город, где служил до войны и где война его застала. Черты его поблёкли, постарели, тронутые тленом разрушений...

Хрущёв въезжал в Киев на другой машине. Видимо, учёл опыт Харькова.

Как вспоминал Александр Бучин, остановились на Крещатике. Жуков вышел из машины. И народ сразу же стал собираться вокруг маршала. Его узнавали по фотографиям в газетах, вполголоса передавали из уст в уста в густеющей толпе: “Жуков! Жуков!” К маршалу обращались с вопросами, благодарили за освобождение, жаловались на пережитое во время немецкой оккупации. Начался разговор, который вскоре перерос в митинг.

Политработники и охрана метались, как подстреленные. Одни боялись покушения на представителя Ставки, за жизнь которого они отвечали головой. Другие — что всё произошло не по рангу. Митинг — дело партийное. Замечу, что после Киева митингами в освобождённых городах будут распоряжаться исключительно политорганы — где, когда, кто выступит и т. д.

1943 год заканчивался так же напряжённо, как и начинался. Противник пытался контратаковать. Зверь был по-прежнему силён и при каждой попытке подойти к нему показывал мощные клыки и длинные когти, но нападать он уже не решался.

Глава тридцать четвёртая

1944-й

“...здесь завязалось ожесточённейшее сражение, такое, какого мы не видели со времени Курской дуги”.

В начале 1944 года была проведена весьма удачная Корсунь-Шевченковская операция. Она принесла славу Коневу. Было захвачено 18 тысяч пленных, 41 самолёт, 167 танков и штурмовых орудий, 618 полевых орудий,

267 миномётов, 789 пулемётов, десять тысяч автомашин, семь паровозов, 415 вагонов и цистерн, 127 тягачей и другие трофеи. Во время попытки прорыва был убит командующий корсунь-шевченковской группировкой генерал Штеммерман. Над немецкой армией снова нависла зловеющая тень Сталинграда. Разгромом крупнейшей корсунь-шевченковской группировки наши войска открывали для себя Заднепровье.

Успех 2-го Украинского фронта был сокрушительным. Сразу же вышел указ о присвоении Коневу звания Маршала Советского Союза.

Звание Коневу присвоили, а маршальские погоны — работа штучная, и выполняли её золотошвейки в Москве, по индивидуальному заказу. Так что погон для нового маршала не оказалось. А у Жукова была запасная пара. И он её привёз в подарок Коневу. Вручил и поздравил от имени Ставки Верховного Главнокомандования.

Правда, говорят, что это всего лишь легенда. Но Конев вспоминал, что Жуков к нему в те дни действительно приезжал. “Мы встретились с ним на командном пункте 27-й армии в Джурженцах”, — писал впоследствии в “Записках командующего фронтом” маршал Конев.

Действиями командования 1-го Украинского фронта и представителя Ставки, в период проведения Корсунь-Шевченковской операции находившегося при штабе фронта, Верховный остался недоволен. Он винил Ватутина и Жукова в том, что по их допущению часть немецкой группировки всё же смогла вырваться из окружения.

Именно поэтому в указ о награждении генералов и офицеров по итогам проведённой операции ни один, ни другой не попали.

В 1946 году, когда арестовали Главкома ВВС, Главного маршала авиации Новикова, в протоколах допросов среди прочего появилось вот какое признание: “После окончания Корсунь-Шевченковской операции командующий... 2-м Украинским фронтом Конев получил звание Маршала. Этим решением правительства Жуков был очень недоволен и в беседе со мной говорил, что эта операция была разработана лично им — Жуковым, а награды и звания за неё даются другим людям... Жуков высказывал мне обиды, что он, являясь представителем Ставки, провёл большинство операций, а награды и похвалы получают командующие фронтами”.

К теме послевоенных арестов людей из окружения маршала мы ещё подойдём. Но здесь стоит заметить, что показания из Новикова выбивали резиновыми палками и другими изощрёнными методами.

В самый разгар подготовки Уманско-Ботошанской операции 2-го Украинского фронта во время одной из поездок был тяжело ранен Ватутин. Кортёж комфронта обстреляла боёвка* бандеровцев на дороге между населёнными пунктами Сиянцы и Милятын. Ватутин получил пулевое ранение в бедро со смещением кости. Вскоре в госпитале он скончался.

Первого марта Ставка назначила Жукова командующим войсками 1-го Украинского фронта. И он снова оказался в родной стихии.

Через три дня началась Проскурово-Черновицкая операция.

Из-за распутицы Жуков от штаба к штабу, от дивизии к дивизии обычно перебирался на танке.

Темпы наступления обоих фронтов оказались низкими. Но тем не менее Манштейн снова оказывался в сложнейшем положении. Чтобы не выпустить из рук важнейшую коммуникацию — железнодорожный перегон Львов—Одесса, — Манштейн решил контратаковать. На рубеж Тернополь—Проскуров были спешно перегруппированы четырнадцать дивизий, из них девять танковых. 7 марта 1944 года немцы контратаковали. Навстречу немецким танкам ринулись танковые и механизированные части наших армий, прикрывавших это направление. Маршал вспоминал, что в те дни “здесь завязалось ожесточённейшее сражение, такое, какого мы не видели со времени Курской дуги. Восемь суток враг пытался отбросить наши войска в исходное положение. Измотав и обескровив контрударные части противника,

* Боёвка — структурное подразделение Организации Украинских Националистов (ОУН), равное взводу — 15–20 человек.

наши войска на участке главного удара, усиленные резервами фронта, в том числе 1-й танковой армией, 21 марта, сломив сопротивление врага, начали быстро продвигаться на юг. Особенно стремительно шли соединения 1-й танковой армии генерала М. Е. Катукова. Одновременно успешно продвигались и остальные армии фронта, наступавшие с востока, северо-востока и севера. 1-я танковая армия, сбивая части противника, 24 марта захватила город Чертков, а 8-й гвардейский корпус армии под командованием генерала И. Ф. Дрёмова утром того же дня вышел к Днестру. В район Залещиков и к Днестру подошли 1-я гвардейская танковая бригада полковника В. М. Горелова и 20-я мотострелковая бригада полковника А. Х. Бабаджаняна. К Днестру же вышли части 11-го гвардейского танкового корпуса генерала А. Л. Гетмана”.

Это была точно рассчитанная и блестяще проведённая операция на окружение. Вначале глубокий рассекающий прорыв танковой армии Катукова, с ходу форсировавшей Днестр, а затем Прут. Потом охватывающие удары двух других танковых армий, которыми командовали генералы Лелюшенко и Рыбалко, и общевойсковой 1-й гвардейской армии генерала Гречко. В результате 1-я танковая армия немцев оказалась в окружении.

Это было то самое соединение, бывшая 1-я танковая группа, которую чаще называли армейской группой “Клейст” по имени её командующего и с которой Жуков столкнулся под Киевом летом 1941-го. Тогда она кромсала механизированные корпуса, его детище, а теперь он загнал своего заклятого врага в капкан.

Однако удержать зверя в западне Жуков не смог.

Было ясно, что противник вот-вот начнёт прорыв. К сожалению, разведка, оставшаяся почти всю войну нашим слабым местом, неверно определила направление главного прорыва. 1-я танковая армия Катукова ушла на юг. А немцы пошли на прорыв в западном направлении через Богучар. На пути колонн, идущих на прорыв, оказались части 4-й танковой армии генерала Лелюшенко. Произошла жесточайшая схватка. Одни вырывались из смертельного кольца и шли по телам своих товарищей, выполняя приказ Гитлера. Другие не хотели уступать и тоже стояли насмерть. На некоторых участках стороны сблизилась настолько, что только рукопашные схватки разрешали дело.

Лелюшенко постоянно информировал Жукова об обстановке. Однажды во время переговоров офицер штаба сообщил, что противник атаковал расположение штаба. Лелюшенко сказал Жукову, что вынужден прервать доклад и взяться за автомат. “Иди, руководи отражением атаки, — ответил ему Жуков, — надеюсь, что в плен не попадёшь. Как только появится возможность, доложишь”.

Манштейн в своих мемуарах утверждает, что к 9 апреля 1-я танковая армия вышла из окружения. При этом ни словом не обмолвился о том, какие потери понесла она в людях и технике во время своего марша на прорыв.

Жуков же в “Воспоминаниях и размышлениях” пишет: “Сколько гитлеровцев прорвалось из окружения, ни я, ни штаб фронта точно установить так и не смогли. Назывались разные цифры. Видимо, всё же вышли из окружения не десятки танков с десантом, как тогда доносили войска, а значительно больше”.

Удар войск Жукова разрезал немецкую группировку, прижал её к Карпатам. Брешь зияла от Тернополя до Черновиц.

Десятого апреля вышел указ о награждении маршала Жукова высшим полководческим орденом “Победа”. Орден ему вручили в Москве 31 мая 1944 года, в Кремле. В тот же день орденом “Победа” был награждён и маршал Василевский. Жукову вручили “Победу” за № 1. Василевскому — за № 2.

Награждение прошло без каких бы то ни было торжеств, совершенно обыденно. Когда Жуков пришёл к Сталину на совещание, тот спросил, был ли он у Шверника. Жуков ответил, что не был. Сталин сказал: “Надо зайти и получить награду”. Жуков вытянулся и поблагодарил Верховного. Сталин на это ничего не ответил, а сразу перешёл к делу: “Ну, с чего начнём?”

За две недели до этого, пятнадцатого мая, Верховный сделал кадровую перестановку: на 1-й Украинский назначил Конева, на 2-й Украинский — Малиновского, на 3-й Украинский — Толбухина. Жуков снова нужен был ему как представитель Ставки сразу на нескольких фронтах. Назревала крупномасштабная операция.

Кадровой перестановке предшествовала встреча Жукова и Сталина на совещании в Кремле, где обсуждалась летне-осенняя кампания 1944 года. Жуков прибыл в Москву 22 апреля и до конца месяца работал в Генеральном штабе и в Ставке. “В самолёте на пути в Москву, — вспоминал он, — изучая последние данные с фронтов, я ещё раз пришёл к убеждению в правильности решения Ставки от 12 апреля 1944 года, в котором одной из первоочередных задач на лето этого года ставился разгром группировки немецких войск в Белоруссии. Предварительно нужно было провести ряд крупных ударов на других направлениях, с тем чтобы оттянуть из района Белоруссии максимум стратегических резервов немецких войск”.

По прибытии в Москву Жуков зашёл в Генеральный штаб. Обязанности начальника Генштаба в ту пору исполнял генерал А. И. Антонов. По мнению многих его сослуживцев, это был исключительный человек и офицер. “Его отличительными чертами являлись, прежде всего, высокая эрудиция, общая и особенно военная культура, которые проявлялись в широте и глубине подхода ко всем вопросам работы, в речи, поведении, отношении к людям”.

Вместе с Антоновым Жуков работал над планом предстоящего масштабного наступления в Белоруссии. Этому предшествовал коллективный мозговой штурм, организованный Сталиным. Верховный, как вспоминал маршал, обычно готовился к совещаниям такого рода основательно, изучал все данные и держал их в уме. Но всё же давал возможность выступить командующим родами войск. Вот и в тот раз после доклада Антонова он обратился вначале к командующему ВВС маршалу Новикову, а потом к командующему бронетанковыми войсками маршалу Федоренко. Те доложили о готовности авиации и танковых войск.

Затем Сталин взял из коробки две папиросы “Герцеговины флор”, разорвал их и не спеша набил табаком трубку. Раскурил её. И сказал, указав чубуком на карту Генштаба, по которой докладывал Антонов:

— Ну, а теперь послушаем Жукова.

Из “Воспоминаний и размышлений”: “Я, тоже не спеша, развернул свою карту, которая по размерам была, правда, несколько меньше карты Генштаба, но отработана не хуже. Верховный подошёл к моей карте и стал внимательно её рассматривать.

Свой доклад я начал с того, что согласился с основными соображениями А. И. Антонова о предполагаемых действиях немецких войск и о тех трудностях, которые они будут испытывать в 1944 году на советско-германском фронте.

Тут И. В. Сталин остановил меня и сказал:

— И не только это. В июне союзники собираются всё же осуществить высадку крупных сил во Франции. Спешат наши союзники! — усмехнулся И. В. Сталин. — Опасаются, как бы мы сами без их участия не завершили разгром фашистской Германии. Конечно, мы заинтересованы, чтобы немцы начали, наконец, воевать на два фронта. Это ещё больше ухудшит их положение, с которым они не в состоянии будут справиться.

Излагая свои соображения о плане летней кампании 1944 года, я обратил особое внимание Верховного на группировку противника в Белоруссии, с разгромом которой рухнет устойчивость обороны противника на всём его Западном стратегическом направлении.

— А как думает Генштаб? — обратился И. В. Сталин к А. И. Антонову.

— Согласен, — ответил тот”.

Сталину план понравился. Но ему хотелось, чтобы его внимательно посмотрел Василевский. И он дал Жукову и Антонову три дня на доработку.

Через три дня Жуков и Антонов снова были у Верховного. “После обсуждения плана, — вспоминал маршал, — было решено: первую наступательную операцию ввести в июне на Карельском перешейке и петрозаводском направлении, а затем на белорусском стратегическом направлении”.

Целью операции в Белоруссии являлся “охват двумя фланговыми ударами и уничтожение минской группировки противника группы армий “Центр”. Наступление продолжалось два месяца, с 24 июня по 29 августа, и закончилось полным разгромом группы армий “Центр”.

Жуков в период подготовки и проведения операции, получившей название “Багратион”, координировал действия войск 1-го и 2-го Белорусских фронтов. Василевский тем временем постоянно находился в штабах и частях 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов. Решением Ставки полномочия её представителей были расширены: им было дано право не только давать советы и рекомендовать, но и непосредственно управлять боевыми действиями, то есть командовать частями и соединениями.

Атака последовала 23 июня на рассвете. Более чем двухчасовую артподготовку завершили залпы “катюш”. Потом в дело пошли штурмовики Ил-2. Пехота поднялась, когда огненный вал ещё не опал, батальоны шли вслед за этим валом, преодолев передовой участок в полтора-два километра, практически полностью разрушенный тяжёлой артиллерией и миномётами. Там, где немецкие командиры успели отвести свои войска в глубину за пределы зоны поражения, начались отчаянные схватки. На оршанском направлении прорвать немецкие линии и вовсе не удалось.

Жуков в то утро находился на КП командующего 3-й армии генерала Горбатова. 3-я армия 1-го Белорусского фронта наступала на рогачёвско-бобруйском направлении. Артиллерия не смогла в достаточной степени подавить немецкую оборону. В результате войска первого эшелона продвигались вперёд трудно. Захватили вначале первую траншею, потом вторую. Маршал артиллерии Яковлев вспоминал атмосферу, царившую в те часы на КП генерала Горбатова: “...командарм А. В. Горбатов, человек, прошедший уже немалый армейский путь и хорошо понимавший всю сложность ратного труда, вёл себя сдержанно, пожалуй, даже спокойно. И в этом спокойствии чувствовалась его твёрдая уверенность в том, что командиры корпусов, дивизий и полков его армии, несмотря ни на что, достойно выполнят свой воинский долг. Поэтому старался не особенно-то тревожить их телефонными звонками, а терпеливо ждал дальнейшего развития событий. Г. К. Жуков тоже ничем не выдавал своего волнения. Он даже не беспокоил командарма, а прогуливаясь по рощице, в которой располагался НП армии, лишь изредка интересовался сообщениями о боевой обстановке в целом на фронте и у соседа — в войсках 2-го Белорусского фронта. Так же выдержанно вёл себя весь день, вечер и ночь, а потом даже и следующий день. Такому хладнокровию можно было только позавидовать”.

Из воспоминаний Александра Бучина: “Я издали наблюдал за Жуковым. Видимо, маршал надеялся на быстрый прорыв и распорядился держать свой “виллис” под рукой, ехать вперёд буквально в боевые порядки пехоты. Не получилось. Георгий Константинович первый и часть второго дня провёл в лесочке у командного пункта армии. Набывчившись, неторопливо прогуливался, изредка подзывая генералов и офицеров, которые ему что-то докладывали. Громадный контраст с его поведением на других фронтах, когда он непосредственно вмешивался в руководство операциями. Он полностью доверял Горбатову и Рокоссовскому и не хотел мешать им. Ненужные споры были бы неизбежны. Тот и другой генералы говорили с Жуковым на равных, не заискивали и не смущались...”

К генералу Горбатову Жуков относился с особым уважением не только потому, что они были сослуживцами. Жуков видел, как умело, спокойно и сосредоточенно командарм-3 управляет своими дивизиями и корпусами. Он был уверен, что Горбатов сделал для обеспечения успеха всё. И успех будет. Впоследствии в мемуарах маршал будет часто упоминать имя своего надёжного боевого товарища. Но товарищи из Главпура почти везде вычеркнут имя опального генерала из рукописи. Только в посмертных изданиях имя Горбатова будет восстановлено.

Вскоре на левом фланге, где наступала 65-я армия генерала Батова, намечился успех. Один из стрелковых корпусов прорвал немецкие линии и начал энергично расширять прорыв. В эту брешь сразу же хлынули танки.

Батов сообщил Жукову, что танкисты с десантом на броне углубились на 12 километров и продолжают наступление. “Этого не может быть. У Романа и Горбатова пройдено всего два километра”, — ответил Жуков. Батов доложил более конкретно: стрелковые дивизии вышли на рубеж такой-то; танковый корпус ведёт бой впереди в районе таком-то...

Как вспоминал Батов, аппарат какое-то время молчал. Потом отстукал на ленте короткую фразу: “Приеду смотреть сам”.

Через несколько часов на командный пункт Батова примчался кортеж. Недалеко от КП на открытом пространстве его, видимо, засекла немецкая артиллерийская разведка. Только машины успели скрыться в лесу, как участок дороги накрыла серия снарядов.

Жуков приказал доложить обстановку.

Вскоре пришли хорошие вести с других участков: прорыв, вводится конно-механизированная группа, танки прорвались в направлении Минска...

Фронт группы армий “Центр”, наконец, стал распадаться и рушиться.

Александр Бучин вспоминал: “К Минску! Танковые армии проходили по 50, общевойсковые — по 20 километров в сутки. Между ними время от времени образовывался разрыв, но всё равно колонны со снабжением для танков шли, шли бесстрашно, не обращая внимания на разрозненные толпы бежавших немцев. Шло, как говорят военные, параллельное преследование. В до предела запутанной обстановке Жуков чувствовал себя как рыба в воде, мы немало поездили, объезжая различные штабы, командные пункты, а то просто двигаясь с войсками. Иногда за нами следовала машина сопровождения, в другой раз натужно пыхтел бронетранспортер, а порой даже порывки танк, но нередко наш “виллис” оказывался в одиночестве. Немцы были настолько деморализованы, что не решались применить оружие. Они разбегались или прятались, а иные отчаявшиеся не прятались и провожали нашу машину тоскливыми взглядами. Таких встреч было немало”.

Жуков помнил эти тоскливые взгляды солдат, потерявших веру в оружие и своих командиров. В 1941-м такие же глаза смотрели из-под красноармейских пилоток. Теперь — из-под потных кепи немецких военнопленных.

В ходе операции “Багратион” наши армии достигли результатов, которые значительно превышали первоначальный замысел. Немецким войскам было нанесено максимальное поражение. Группа армий “Центр” так и не смогла восстановиться до конца войны. По подсчётам некоторых историков, германские войска потеряли убитыми 381 тысячу человек, пленными — 158 480 человек. 57 600 пленных колонной прогнали по Москве. Москвичи посмотрели в лица тем, кто смертельно угрожал им осенью и зимой 1941-го и убивал их сыновей, мужей и отцов. Сердца людей каменели и зывали к мщению.

Двадцать девятого июля 1944 года Жукову позвонил Сталин и поздравил с награждением второй медалью “Золотая Звезда” — за умелое руководство войсками в Белорусской операции.

Операция “Багратион” стала настоящим триумфом полководческого дара Рокоссовского. На армии его фронта легла основная тяжесть наступления. Именно штаб 1-го Белорусского фронта разработал, а войска затем блестяще осуществили идею удара по двум направлениям одновременно. Такого варианта развития событий противник не ожидал.

Личная жизнь Жукова в этот период почти не выходила за пределы фронта. Жене и детям писал письма. Порой у него не было времени повидаться с ними даже в те дни, когда приезжал в Москву. Некоторые письма к Александру Диевне написаны из Москвы в Москву.

Александра Диевна догадывалась, что у Георгия Константиновича *кто-то есть*. Но раньше жены об этом узнал вездесущий Мехлис. И не преминул доложить об этом Хозяину.

Сталин выслушал и спросил:

— Эта женщина, лейтенант медицинской службы, мешает ему в работе? Или не мешает?

— Мешать не мешает, но авторитет его подрывает, — ответил Мехлис.

— Не надо, товарищ Мехлис, лезть в отношения Жукова с военфельдшером. Эта женщина помогает Жукову, лечит его. Она помогает ему быть здоровым, а значит, и оставаться в строю. Жуков нам очень нужен здоровым.

На этом тема военно-полевой жены маршала Жукова для Верховного была закрыта.

Глава тридцать пятая

1-й БЕЛОРУССКИЙ ФРОНТ

“Противник деморализован и не способен сейчас оказать серьёзное сопротивление...”

Приказ о назначении его командующим войсками 1-го Белорусского фронта Жуков получил в Люблине 15 ноября 1944 года.

Сталин провёл очередную рокировку.

Осень для Жукова началась в Болгарии. 5 сентября Советский Союз объявил войну этой ненадёжной союзнице Гитлера. На следующий день войска 3-го Украинского фронта согласно приказу Ставки должны были атаковать.

Жуков, прибывший накануне наступления на передовую НП, долго смотрел в бинокль и не увидел на той стороне привычной картины войны — изготавившихся для отражения атаки войск противника на подготовленных позициях. Поэтому артподготовка была отменена. Наши авангарды вошли в пределы Болгарии без единого выстрела. Болгарские пограничники и приграничные гарнизоны попросту не вышли из казарм.

Жуков позвонил Верховному. Доложил: вошли по мирному варианту. Сталин отдал распоряжение:

— Всё оружие болгарских войск оставьте при них, пусть занимаются своими обычными делами и ждут приказа своего правительства.

“Война” в Болгарии закончилась быстро, без потерь и с той, и с другой стороны. Жуков вернулся в Москву.

А в конце сентября он был уже в Польше. Сразу по приезде к месту назначения встретился и переговорил с командующими 1-го и 2-го Белорусских фронтов. Позвонил Сталину и попросил разрешения прекратить наступление по причине “большой усталости войск и значительных потерь”.

Сталин выслушал его и неожиданно сказал:

— Вылетайте завтра с Рокоссовским в Ставку, поговорим на месте. До свидания.

Чем ближе к Берлину продвигалась Красная армия, тем больше Жуков стал замечать за Верховным проявления недовольства действиями военных. Их предложения, которые раньше выслушивал как необходимую и важную информацию, Сталин теперь всё чаще рассматривал через лупу недоверия и сомнения, а порой и вовсе воспринимал в штыки, с раздражением.

Существует распространённое заблуждение о том, что Сталин всю войну возвышал, порой даже незаслуженно, своего главного маршала. И венцом этих почестей и наград стало назначение Жукова на 1-й Белорусский фронт, назначение, сделавшее его Маршалом Победы. На самом деле всё было не так.

Маршалы прибыли к Сталину во второй половине следующего дня. В его кабинете находились Антонов, Молотов и Маленков.

Сталин сразу спросил о деле:

— Ну, докладывайте!

“Я развернул карту и начал докладывать, — вспоминал Жуков. — Вижу, И. В. Сталин нервничает: то к карте подойдёт, то отойдёт, то опять подойдёт, пристально поглядывая то на меня, то на карту, то на К. К. Рокоссовского. Даже трубку отложил в сторону, что было всегда, когда он начинал терять хладнокровие и был чем-нибудь недоволен.

— Товарищ Жуков, — перебил меня В. М. Молотов, — вы предлагаете остановить наступление тогда, когда разбитый противник не в состоянии сдержат напор наших войск. Разумно ли ваше предложение?

— Противник уже успел создать оборону и подтянуть необходимые резервы, — возразил я. — Он сейчас успешно отбивает атаки наших войск. А мы несём ничем не оправданные потери.

— Вы поддерживаете мнение Жукова? — спросил Сталин, обращаясь к К. К. Рокоссовскому.

— Да, я считаю, надо дать войскам передышку и привести их после длительного напряжения в порядок.

— Думаю, что передышку противник не хуже вас использует, — сказал Верховный. — Ну, а если поддержать 47-ю армию авиацией и усилить её танками и артиллерией, сумеет ли она выйти на Вислу между Модлином и Варшавой?

— Трудно сказать, товарищ Сталин, — ответил К. К. Рокоссовский. — Противник также может усилить это направление.

— А вы как думаете? — обращаясь ко мне, спросил Верховный.

— Считаю, что это наступление нам не даст ничего, кроме жертв, — снова повторил я. — А с оперативной точки зрения нам не особенно нужен район северо-западнее Варшавы. Город надо брать обходом с юго-запада, одновременно нанося мощный рассекающий удар в общем направлении на Лодзь-Познань. Сил для этого сейчас на фронте нет, но их следует сосредоточить. Одновременно нужно основательно подготовить к совместным действиям и соседние фронты на берлинском направлении”.

Жуков, конечно же, понимал, что успехи на фронте многое изменили и здесь, в кабинете Верховного. Другим стал и хозяин кабинета. Он снова приблизил к себе товарищей по партии и потихоньку стал отдалять военных. О положении на фронтах ежедневно, а иногда и два раза в день докладывал ему сдержанный и тактичный Антонов. Исполняющий обязанности начальника Генштаба был немногословен и предсказуем, вежлив и в любых обстоятельствах знал своё место. Время катастроф, когда распадались фронты и гибли армии, прошло. Сил и средств для недопущения новых хватало. Постепенно утрачивала свою остроту и сама необходимость в специалистах, способных действовать в критических ситуациях.

Но и Жуков тоже менялся. Теперь он был тем, кто умел точно рассчитывать, а потом также расчетливо проводить операции по уничтожению крупных группировок противника.

По ходу обсуждения явно назревал конфликт.

— Идите и ещё раз обдумайте ваши предложения, — сказал Сталин, прервав доклад Жукова.

Теперь ситуация декабря 1941 года, когда Жуков в момент конфликта мог послать Верховного, чтобы не стеснённо заниматься делами, невозможно было даже представить. И жутковато вспоминать. Оставалось надеяться на то, что Верховный, опьянённый последними победами, всё это давно забыл.

Из “Воспоминаний и размышлений”: “Мы с К. К. Рокоссовским вышли в библиотечную комнату и опять разложили карту. Но не успели мы как следует расположиться, как нас снова вызвали в кабинет Верховного:

— Мы тут посоветовались и решили согласиться на переход к обороне наших войск, — сказал Верховный. — Что касается дальнейших планов, мы их обсудим позже. Можете идти.

С К. К. Рокоссовским мы расстались молча, каждый занятый своими мыслями. Я отправился в Наркомат обороны, а К. К. Рокоссовский — готовиться к отлёту в войска фронта.

На другой день Верховный позвонил мне:

— Как вы смотрите на то, чтобы руководство всеми фронтами в дальнейшем передать в руки Ставки?

Я понял, что он имеет в виду упразднить представителей Ставки для координирования фронтами.

— Да, количество фронтов уменьшилось, — ответил я. — Протяжённость общего фронта также сократилась, руководство фронтами упростилось,

и имеется полная возможность управлять фронтами непосредственно из Ставки.

— Вы это без обиды говорите?

— А на что же обижаться? Думаю, что мы с Василевским не останемся безработными, — пошутил я.

В тот же день вечером Верховный вызвал меня к себе и сказал:

— Первый Белорусский фронт находится на берлинском направлении. Мы думаем поставить вас на это направление.

Я ответил, что готов командовать любым фронтом.

— Вы и впредь останетесь моим заместителем, — сказал И. В. Сталин. — Я сейчас переговорю с Рокоссовским”.

Почему Сталин спросил, не обижен ли маршал? Ведь в запасе у него было предложение — возглавить фронт, нацеленный на Берлин. Предложение, которое, казалось бы, должно было погасить все возможные обиды. Дело в том, что Жуков мечтал о большем — войти победителем не только в поверженный Берлин, а в поверженную Германию. Но триумфатор у победы должен быть один — он, Сталин. А лучшего своего маршала он поставил на один из фронтов. Пусть на главный. Но этим неожиданным назначением он уравнивал его со всеми остальными командующими фронтами. Тогда, в конце 1944-го, ситуация выглядела именно такой. Всё, что произошло потом, сделал народ — своей любовью, уважением, памятью. Маршал Победы. Народный Маршал. Георгий Победоносец.

Рокоссовский, как известно, этой перестановкой перед решающими событиями был чрезвычайно уязвлён. Возможно, считал это интригой Жукова. Во всяком случае, после этих назначений дружба их разладилась. Потом, в середине 1950-х, когда к десятилетию Победы газеты и журналы начнут публиковать интервью и воспоминания, вспыхнет их полемика. Об одних и тех же событиях маршалы будут рассказывать по-разному. И кое-что из этих споров переключает в мемуары.

Жуков разлад с Рокоссовским тоже переживал непросто. В мемуарах потом напишет, что после той истории “между Константином Константиновичем и мною не стало тех товарищеских тёплых отношений, которые были между нами долгие годы”.

Водитель Александр Бучин вспоминал, что Жуков впервые за всю войну напилсь допьяну именно по поводу размолвки с Рокоссовским. “Всё началось, проявилось и закончилось в один день — 19 ноября 1944 года в только что введённый праздник — День артиллерии. Когда в середине ноября пришёл приказ о назначении Жукова комфронта, он не поторопился в штаб, а отправился в армию Чуйкова. Рокоссовский, в свою очередь, не дожидаясь преемника, немедленно выехал к месту назначения в штаб 2-го Белорусского. Через несколько дней маршалы остыли и, видимо, поняли, что для пресечения нежелательных толков им нужно встретиться хотя бы для формальной передачи дел. Тут и подвернулся День артиллерии.

Утром Георгий Константинович закончил дела у Чуйкова...

В штабе фронта уже ждали Рокоссовский, много генералов. Рассказывали, что на вечер выступали они оба, делились воспоминаниями о службе в кавалерии в молодости. Вышли оживлённые, обнялись, простились. А когда мы тронулись, Георгий Константинович, вопреки привычке усевшийся сзади, затих, помрачнел. Был туман, слабый гололёд. Регулировщица с карабином сделала жест, останавливая машину. Бедов, сидевший рядом, говорит: “Давай, жми!” Вдруг с заднего сиденья голос Жукова: “Стой! Сейчас ударит по колёсам”. Остановились. Бедов рысью помчался объясняться с бдительной девчонкой. Вернулся запыхавшись. Поехали. Тут Жуков сказал совершенно трезвым голосом: “Бучин, теперь ты в ответе за всё”, — и заснул мёртвым сном. Проспал до самого Седльце”.

В конце 1944 года боевые действия шли уже на германской территории. Два фронта, 1-й Белорусский и 1-й Украинский, свои мощнейшие группировки располагали в предместьях Варшавы, Праги, Ясло и на завислинских плацдармах.

Конец 1944 года для Жукова прошёл в работе над завершающими операциями. Работал, как всегда, то на передовой, объезжая командные пункты армий, корпусов и дивизий, то в Москве в Генеральном штабе. В конце ноября план Варшавско-Познанской операции был утверждён Ставкой с ориентировочными сроками готовности к 15—20 января 1945 года. Эта фронтовая операция должна была перерасти в Висло-Одерскую стратегическую наступательную операцию, к которой готовились также войска 1-го Украинского, 2-го Белорусского и правобланговые армии 4-го Украинского фронтов.

Общий замысел Ставки: атакой 1-го Белорусского фронта в направлении на Познань, 1-го Украинского — на Бреслау прорвать оборону группы армий «А» на всю её глубину, расцезь на части и уничтожить.

Впереди лежал Померанский вал и так называемый Одерский четырёхугольник — оперативно-тактические узлы с городами-крепостями — центрами этих узлов.

На участке прорыва Жуков сосредоточил больше половины живой силы и артиллерии, а также почти все танки и самоходные орудия. Риск такого массирования сил в зоне прорыва за счёт ослабления других участков, конечно же, существовал. Его обещал с лихвой оправдать сокрушительный удар с последующим глубоким прорывом и выходом на коммуникации немецких войск.

Ранним утром 14 января Жуков прибыл на наблюдательный пункт 5-й ударной армии генерала Берзарина. В 7.30 началась артподготовка. Немецкие позиции потонули в море огня. Прошло 25 минут. Жуков ещё раз посмотрел в стереотрубу и приказал прекратить огонь. Через несколько минут вперёд пошли штурмовые батальоны. Наступление развивалось успешно.

На второй день, когда 33-я армия расширила прорыв, в образовавшуюся брешь Жуков ввёл 9-й танковый корпус, а на участке 8-й гвардейской армии генерала Чуйкова — 1-ю гвардейскую танковую армию Катюкова.

К исходу дня Катюков сообщил, что продвинулся в глубину до пятидесяти километров и овладел переправами через реку Пилицу в районе Сокул, что в девяти километрах восточнее Нове Место.

Шестнадцатого января севернее Варшавы атаковала 47-я армия генерала Перхоровича, с ходу форсировала Вислу и начала развивать наступление в глубину. В прорыв, сделанный 5-й ударной армией, вошли танки генерала Богданова и конники 2-го гвардейского кавалерийского корпуса генерала Крюкова.

В эти дни в составе 2-го гвардейского кавкорпуса на запад продвигалась и концертная бригада со своей блистательной солисткой исполнительницей русских народных песен Лидией Руслановой. Русланова к тому времени уже стала женой генерала Крюкова. Жуков был рад за друга: наконец-то обрёл подругу и, похоже, по-настоящему счастлив.

Под мощнейшим нажимом наших войск немецкая оборона начала распадаться.

Семнадцатого января войска 1-го Белорусского фронта вошли в Варшаву.

Девятнадцатого января танки передовых соединений ворвались в Лодзь. Были захвачены Кутно, Томашув. К 22 января авангарды подошли к познанскому оборонительному рубежу, с ходу атаковали его и глубоко вклинились в немецкие линии.

Двадцать пятого января, когда задачи Варшавско-Познанской операции в основном были уже выполнены, в очередной раз позвонил Верховный:

— Как идут дела?

— Противник деморализован, — доложил Жуков, — и не способен сейчас оказать серьёзное сопротивление. Мы решили продолжать наступление для выхода войск фронта на Одер. Основное направление наступления — на Кюстрин, где попытаемся захватить плацдарм.

Верховный предостерег:

— С выходом на Одер вы оторвётесь от Рокоссовского больше чем на сто пятьдесят километров. Этого сейчас делать нельзя.

— Мы предусмотрели и этот вариант. Правое крыло фронта уже разворачивается в Северном и Северо-Западном направлении против восточно-

померанской группировки, которая пока не представляет непосредственной угрозы.

— Мы полагаем, — сказал Сталин, — надо всё же подождать, пока 2-й Белорусский фронт закончит операцию в Восточной Пруссии и перегруппирует свои силы на Вислу.

Рокоссовский в это время столкнулся с мощной обороной в Восточной Пруссии и немного застрял, опаздывая с выходом на намеченные рубежи. Тем временем 1-й Белорусский продолжал успешно ломить вперёд, и, чтобы не оказаться под фланговым ударом, начал загибать своё правое крыло, прикрывая коммуникации и тылы ушедших вперёд ударных групп. Отставание и топтание на месте 2-го Белорусского фронта, конечно же, раздражало Жукова. Впоследствии эта задержка тоже станет предметом полемики и взаимных упреков маршалов.

— Сколько времени это займёт? — спросил Жуков.

— Примерно дней десять, — сказал Верховный. — Учтите, Конев сейчас не сможет продвигаться дальше и прикрывать ваш левый фланг, пока не ликвидировал врага в районе Оппельн-Катовице.

Час от часу не легче! Значит, и левый фланг придётся прикрывать самим...

— Я прошу не останавливать наступление войск фронта, так как потом нам будет труднее преодолеть Мезерицкий укрепленный рубеж. По нашим данным, он пока не занят войсками противника. — Жуков просчитал уже все варианты и сказал: — Для обеспечения нашего правого фланга достаточно передать нам ещё одну армию.

— Хорошо, мы подумаем.

К исходу дня 22 января 1945 года танкисты действовали в ста двадцати километрах впереди главных сил. Жуков постоянно торопил своих танковых генералов Катюкова и Богданова: вперёд, вперёд, не дать противнику возможности занять укрепленный район по северному берегу реки Нетце и западному берегу реки Одер. “Упреждение противника в занятии этих позиций обеспечит успешное и быстрое проведение Берлинской операции. Если резервы противника успеют занять указанные мною позиции, Берлинская операция может затянуться”.

Вскоре пришло донесение: 2-я гвардейская армия вынуждена остановиться из-за нехватки горючего. Жуков приказал передать все остатки топлива одному из корпусов и тем же темпом двигаться вперёд!

Танкисты потом вспоминали: выскакиваем на всём ходу к железобетонным огромным, как дома, ДОТам, ждём, что вот-вот из них польхнёт огнём, но ДОТы молчат — там никого, что означает — мы успели...

Когда вышли к реке Нетце, Жуков телеграфировал: ни в коем случае не останавливаться, где угодно форсировать реку и прорваться через укрепленный район.

Авиаразведка сообщила: противник на некоторых участках занял укрепленный район, ведёт огонь. Но танки уже переправлялись на немецкий берег. Вскоре из танкового корпуса пришло донесение: “Померанский вал преодолен! Мы в Германии!”

Из донесения Жукова и Телегина Сталину 29 января 1945 года: “Ваш приказ — мощным ударом разгромить противостоящую войскам группировку противника и стремительно выйти к линии польско-германской границы — выполнен.

За 17 дней наступательных боев войсками фронта пройдено до 400 км. Вся западная часть Польши в полосе 1-го Белорусского фронта очищена от противника, а польское население, пять с половиной лет угнетавшееся фашистами, — освобождено.

Стремительное продвижение войск воспрепятствовало гитлеровцам разрушить города и промышленные предприятия, железные и шоссе-ные дороги, не дало им возможности ужать и истребить польское население... В сельском хозяйстве сохранен конский состав, инвентарь, посевной материал и запасы продовольствия. На железных и шоссе-ных дорогах повреждения незначительные. Захвачен большой паровозо-вагонный парк, обеспечивающий обслуживание военных и народнохозяйственных нужд польского государства...”

Что бы сейчас на Западе наши заклятые друзья о Красной армии ни говорили, каких бы “документов” и “фактов” о злодеяниях наших войск ни сочиняли задним числом, а поход в Европу 1944–1945 годов был действительно освободительным. При том, что почти вся Европа тотально работала на германский вермахт и СС, что в атаку на наши армии шли не только танки и штурмовые орудия, изготовленные в Чехии и отремонтированные в Польше и Франции, но и солдаты, уроженцы всех, без исключения, европейских стран. Они шли завоёвывать восточные земли и покорять народы, населяющие просторы СССР. Испанцы, итальянцы, поляки, чехи, румыны, болгары, словаки, шведы, норвежцы, французы... *Все промелькнули перед нами, все бывали тут...*

С заодерских плацдармов до Берлина оставалось 60–80 километров — всего лишь один танковый переход, один хороший бросок.

В войсках царило приподнятое настроение. Повсюду играли солдатские гармонии и трофейные аккордеоны, бойцы плясали, пели частушки, в которых уже прорывалась берлинская тема:

*Скоро Гитлеру могила!
Скоро фюреру капут!
Танки жуковского фронта
По Берлину побегут!*

Глава тридцать шестая

ЗЕЕЛОВСКИЕ ВЫСОТЫ

“Эти маршалы и генералы в среднем исключительно молоды...”

В начале 1945 года Геббельс записал в своём дневнике: “Генштаб представляет мне книгу с биографическими данными и портретами советских генералов и маршалов. Из этой книги нетрудно почерпнуть различные сведения о том, какие ошибки мы совершили в прошедшие годы. Эти маршалы и генералы в среднем исключительно молоды, почти никто из них не старше 50 лет. Они имеют богатый опыт революционно-политической деятельности, являются убеждёнными большевиками, чрезвычайно энергичными людьми, а на их лицах можно прочесть, что они имеют хорошую народную закваску.

Я сообщаю фюреру о представленной мне для просмотра книге генштаба о советских маршалах и генералах, добавляя, что у меня сложилось впечатление, будто мы вообще не в состоянии конкурировать с такими руководителями. Фюрер полностью разделяет моё мнение. Наш генералитет слишком стар, изжил себя”.

Сталин же в этот период был уже больше обеспокоен послевоенным устройством страны. Военным в том скором будущем отводилась весьма скромная роль.

Двадцать девятого марта Жукова вызвали в Ставку. Полетел самолётом. Но погода была такой, что пилот дальше Минска лететь не осмелился. Из Минска в Москву Жуков ехал поездом.

Вечером ему позвонил Сталин и попросил зайти.

В кабинете Верховный оказался один. Усталый после только что закончившегося совещания ГКО, он молча подал руку и сказал:

— Немецкий фронт на западе окончательно рухнул, и, видимо, гитлеровцы не хотят принимать мер, чтобы остановить продвижение союзных войск. Между тем на всех важнейших направлениях против нас они усиливают свои группировки. Вот карта, смотрите, последние данные о немецких войсках.

Жуков понял, что Сталин снова разговаривает с ним не как с комфронта. Он хочет знать его виденье общей картины, всего поля боя, в том числе и на фронтах союзников.

Сталин слушал внимательно, не перебивал, не переспрашивал. Казалось, доклад маршала подтверждал некие его собственные размышления и планы. Он разорвал две папиросы “Герцеговины флор”, набил трубку и раскурил. Когда Жуков закончил доклад, сказал:

— Думаю, что драка предстоит серьёзная...

Жуков молчал.

— А как вы расцениваете своего противника? — И Верховный, сужая тему и уточняя задачу своего собеседника, ткнул чубуком трубки в сектор Берлина. — Того, который находится на берлинском направлении?

Жуков разложил свою фронтовую карту с нанесёнными последними разведанными, с построением порядков оперативно-стратегической группировки немецких войск перед линиями 1-го Белорусского фронта и соседями справа и слева. Пояснил, что, по данным разведки, противник здесь, непосредственно в районе Берлина, имеет четыре армии в составе около девяноста дивизий, 14 из которых — танковые и моторизованные, а также 37 отдельных полков и 98 отдельных батальонов.

— Когда наши войска могут начать наступление? — спросил Сталин, выслушав доклад Жукова.

— Первый Белорусский фронт может начать наступление не позже, чем через две недели. 1-й Украинский фронт, видимо, также будет готов к этому сроку. 2-й Белорусский фронт, по всем данным, задержится с окончательной ликвидацией противника в районе Данцига и Гдыни до середины апреля и не сможет начать наступление с Одера одновременно с 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами.

— Ну, что ж, — сказал Сталин, — придётся начать операцию не дожидаясь действий фронта Рокоссовского. Если он запоздает на несколько дней — не беда.

Сталин подошёл к письменному столу и из стопки бумаг достал письмо:

— Вот, прочтите.

Из “Воспоминаний и размышлений”: “Письмо было от одного из иностранных доброжелателей. В нём сообщалось о закулисных переговорах гитлеровских агентов с официальными представителями союзников, из которых становилось ясно, что немцы предлагали союзникам прекратить борьбу против них, если они согласятся на сепаратный мир на любых условиях. В этом сообщении говорилось также, что союзники якобы отклонили домогательства немцев. Но всё же не исключалась возможность открытия немцами путей союзным войскам на Берлин.

— Ну, что вы об этом скажете? — спросил И. В. Сталин. И, не дожидаясь ответа, тут же заметил: — Думаю, Рузвельт не нарушит ялтинской договоренности, но вот Черчилль, этот может пойти на всё”.

После Ялтинской конференции в феврале 1945 года, где Сталин, Черчилль и Рузвельт обсуждали проблемы завершающего этапа войны и послевоенного раздела мира и Германии, усилились сепаратные переговоры между Германией и Англией. Известно, что Гиммлер действовал через руководителя шведского Красного Креста графа Бернадота. А тот переправлял послания через пролив. Черчилль до последнего не оставлял мысли ударить по Красной армии объединёнными силами союзников.

В эти дни британский фельдмаршал Монтгомери, командующий 21-й группой армий союзников, телеграфировал командующему союзническими войсками американскому генералу Эйзенхауэру, прося выделить ему десять дивизий для рывка на Берлин. Осторожный американец написал письмо Сталину. Делясь впечатлениями о ходе успешных действий его войск в Рурском бассейне, Эйзенхауэр сообщал: “Я рассчитываю, что эта фаза операции завершится в конце апреля, а может быть, и раньше, и моя следующая задача будет состоять в рассеении войск противника посредством соединения с Вашими армиями”. Сталин тотчас же ответил американцу: “Ваш план рассеения немецких сил путём соединения советских войск с вашими войсками вполне совпадает с планом Советского Главнокомандования”. В письме Сталина была и такая фраза: “Берлин потерял своё прежнее стратегическое значение. Поэтому Советское Главнокомандование думает выделить в сторону Берлина второстепенные силы”.

Как бы не так! Именно на берлинском направлении Ставка сконцентрировала свою ударную группировку в виде трёх фронтов. И этими фронтами командовали самые лучшие маршалы Сталина.

Тридцатого марта был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР: за умелое выполнение заданий Верховного Главнокомандования по руководству боевыми операциями большого масштаба командующий войсками 1-го Белорусского фронта маршал Г. К. Жуков награждается вторым орденом «Победа». Орден Жукову вручат почти через два месяца, уже после Победы, 25 мая 1945 года в Кремле.

Первого апреля 1945 года в Ставке обсуждали план Берлинской операции.

На заседание был вызван и Конев. Рокоссовского, чей фронт основательно увяз в упорных боях в Восточной и Западной Пруссии у Данцига, Сталин решил не беспокоить.

У Конева появился шанс тоже ударить по Берлину. После февральских боёв на дрезденском направлении правый фланг 1-го Украинского фронта близко придвинулся к Берлину и был развёрнут на северо-запад. Правда, для рывка к южным пригородам Берлина Коневу необходимо было перегруппировать свои ударные силы — две танковые армии — с силезского направления на берлинское. Предстоял большой изнурительный марш. Но Конев знал возможности своих танковых командиров и, как покажут дальнейшие события, в ходе битвы довольно успешно воспользуется ими.

Во время заседания Конев, докладывавший первым, неожиданно заявил:

— Товарищ Сталин, наши войска тоже хотят участвовать в штурме Берлина, а разграничительная линия между нами и фронтом Жукова не позволяет сделать этого.

Сталин, выдержав паузу, отреагировал тоже совершенно неожиданно:

— Хорошо. В случае упорного сопротивления противника на восточных подступах к Берлину, что наверняка произойдёт, и возможной задержки наступления 1-го Белорусского фронта 1-му Украинскому фронту быть готовым нанести удар танковыми армиями с юга на Берлин.

Вторым докладывал Жуков. В Москву он прибыл с двумя вариантами плана удара по Берлину.

В марте 1945 года совместными ударами в Верхней и Нижней Силезии фронты Жукова и Конева нанесли поражение главным силам группы армий «Висла». Группой армий командовал давний соперник Жукова генерал Хейдрихи. Это он, в ту пору командующий 4-й полевой армией группы армий «Центр», искусно притормаживал наступление армий Западного фронта зимой 1942 года под Медынью, Юхновом и на Варшавском шоссе. Из его рук Жуков так и не смог выхватить Западную группировку 33-й армии и части десантных бригад. Весной 1945 года левое крыло фронта маршала Жукова и правое крыло фронта маршала Конева нанесли серьёзное поражение 3-й и 2-й танковым армиям группы армий «Висла». Восточная Померания была очищена от противника.

Тем временем армии, стоявшие на Одере, энергично распирали захваченные плацдармы. Главным из них был Кюстринский. Его ширина позволяла сосредоточить на западном берегу крупную группировку. Именно с него в середине апреля на Берлин хлынут четыре полевых армии и 11-й танковый корпус — ударные силы первого эшелона фронта.

На юге в районе Франкфурга-на-Одере части 33-й и 69-й армий захватили небольшие плацдармы и надёжно удерживали их. На 3 апреля Жуков планировал проведение частной операции по объединению и расширению плацдармов, и ликвидации франкфуртской группировки противника. Именно там, на южном плацдарме, он планировал разместить основную ударную группировку: 8-ю гвардейскую, 33-ю и 69-ю общевойсковые армии, а за ними, во втором эшелоне, — 1-ю и 2-ю гвардейские танковые армии. Таким образом, главный удар намечался с юга на северо-запад и запад, в обход Зееловских высот и каналов, которые закрывали путь на Берлин группировке, расположенной на Кюстринском плацдарме. Этот вариант удара значился как план «Б».

Но на совещании, когда определилась угроза опережающей атаки союзников, была поставлена задача покончить с берлинской группировкой и за-

хватить Берлин как можно скорей, план “Б” не годился. Оставался план “А”. Жуков знал, что его реализация потребует огромных усилий и жертв.

О плане “Б” Жуков во время встречи с Верховным и на заседании Ставки попросту промолчал.

Второго апреля 1945 года план наступления 1-го Белорусского фронта был окончательно одобрен с доработками и корректировками.

На Кюстринском плацдарме сразу закипела работа.

Шестнадцатого апреля 1945 года к 5.25 артиллерийская подготовка на участке прорыва достигла наивысшей мощи. Огонь вёлся по заранее разведанным целям. “Внакладку” на огонь ствольной артиллерии работали дивизионы “катыш”. Они били по опорным пунктам и узлам сопротивления первой и второй линий немецкой обороны. Артподготовка длилась около получаса. Затем огненный вал стал медленно перемещаться в глубину немецкой обороны. Пленные немцы потом говорили, что артподготовка длилась несколько часов.

Самым трудным препятствием в начале боя ещё до подхода к Зееловским высотам стали многочисленные каналы. Их пришлось преодолевать 5-й ударной армии генерала Берзарина.

Этой была мощная армия — четыре корпуса: два стрелковых, один гвардейский стрелковый и один танковый. Корпуса полные, трёхсоставные.

Военный историк Алексей Исаев в книге “Битва за Берлин” приводит данные о потерях 5-й ударной армии за первый день атаки Зееловских высот: “Только на одном мосту через канал Гаупт Грабен (1 км западнее Лечина) при восстановлении переправы было потеряно убитыми и ранеными 80 человек”; потери бронетехники — “4 Т-34, 1 ИС-2, 1 СУ-76 сгоревшими, 8 Т-34 и 16 ИС-2 подбитыми”.

Уже в первый день наступления Жуков почувствовал, что артподготовка и налёты бомбардировочной авиации лишь повредили немецкую оборону, существенно не нарушив её. Небольшие вклинения не обещали необходимого прорыва. На плацдарме сосредоточились для рывка вперёд обе танковые армии. Но прорыва пока не намечалось, армии прогрызали оборону противника, насыщенную огневыми средствами, в том числе противотанковыми орудиями. И тогда Жуков, не дожидаясь прорыва, бросил в бой танковые армии. Халхин-Гол! Танковые лавины с ходу прорвали немецкие порядки, начали кромсать и свёртывать фланги. Дух Халхин-Гола витал и здесь, на подступах к Берлину. Мощь и стремительность. Расчёт и риск.

Вечером 16 апреля Жуков докладывал Верховному: сказал о затруднениях, возникших в ходе наступления, и о том, что рубеж Зееловских высот раньше завтрашнего дня взять не удастся. Сталин ответил раздражённо:

— Вы напрасно ввели в дело 1-ю гвардейскую танковую армию на участке 8-й гвардейской армии, а не там, где требовала Ставка. — И, выдержав тяжёлую паузу, спросил: — Есть ли у вас уверенность, что завтра возьмёте зееловский рубеж?

— Завтра, 17 апреля, к исходу дня оборона на зееловском рубеже будет прорвана, — ответил Жуков. — Считаю, что чем больше противник будет бросать своих войск навстречу нашим войскам здесь, тем легче и быстрее мы возьмём затем Берлин, так как войска противника легче разбить в открытом поле, чем в укреплённом городе.

Будто не слыша Жукова, Верховный сказал:

— Мы думаем приказать Коневу двинуть танковые армии Рыбалко и Лелюшенко на Берлин с юга, а Рокоссовскому ускорить форсирование и тоже ударить в обход Берлина с севера.

Возможно, именно в те минуты Жуков особенно пожалел, что не представил Ставке план “Б”. На Зееловских высотах немцы выстроили мощнейшую оборону. Теперь приходится прогрызать её массивным огнём артиллерии большой мощности и танками. И всё это оплачивать кровью пехотинцев, танкистов и самоходчиков.

— До свидания, — сухо ответил Сталин, никак не отреагировав на слова Жукова.

Семнадцатого апреля над Зееловскими высотами поднялся смерч огня и железа и не опадал целые сутки. Это было грандиозное и яростное сраже-

ние. Одни одолевали, но никак не могли прикончить врага. А другим уже нечего было терять, и они мужественно умирали в своих последних окопах.

Восемнадцатого утром рубеж кровавых Зееловских высот был, наконец, преодолен.

На военно-научной конференции в Группе советских войск в Германии, где подробно разбирались успехи и просчёты битвы за Берлин, командующий 1-й гвардейской танковой армией генерал Катукоев сказал: “У меня под Зееловом обход обозначился на правом фланге, и я принял на себя тяжёлую ответственность: снял 11-й гвардейский танковый корпус и 8-й гвардейский механизированный корпус, прикрылся истребительной артиллерией, оставил две бригады у тов. Чуйкова, а ему сказал: “Я пошёл, если удачно — за мной”.

За 17 апреля танковые корпуса Катукоева потеряли 19 единиц бронетехники сгоревшими и 27 подбитыми. В основном это были танки Т-34.

В одном из поздних интервью Катукоев признавался: “Все, кто высунулся вперёд, моментально сгорели, потому что на высотах стоял целый артиллерийский корпус противника, а оборона немцев на Зееловских высотах сломлена не была”.

Семнадцатого апреля Конев получил разрешение Ставки повернуть танки своих армий на север и атаковать южный обвод обороны Берлина.

Так началась гонка авангардов двух фронтов. “Кто первый ворвётся, тот пусть и берёт Берлин...” Эта фраза теперь набатом гудела в ушах и Жукова, и Конева.

Тем временем 61-я армия 1-го Белорусского фронта форсировала Одер. Армией с 1942 года командовал генерал Белов. Тот самый кавалерист Павел Алексеевич Белов, который постоянно выручал Западный фронт под Москвой, а потом завяз в окружении под Вязьмой, но успешно вышел оттуда, прорвав немецкие линии на Варшавском шоссе. Теперь дивизии генерала Белова энергично расширяли плацдарм на западном берегу Одера. Какой мучительно-долгой оказалась дорога этой армии к Победе!

Двадцатого апреля Жуков телеграфировал командующему 2-й гвардейской танковой армией генералу Богданову: “2-й гвардейской танковой армии поручается историческая задача: первой ворваться в Берлин и водрузить Знамя Победы. Лично Вам поручаю исполнение.

Пошлите от каждого корпуса по одной лучшей бригаде в Берлин и поставьте им задачу: не позднее 4 часов утра 21 апреля 1945 г. любой ценой прорваться на окраину Берлина и немедленно донести для доклада т. Сталину и объявления в прессе”.

Командармы зачастую значительно корректировали приказы комфронта. Им на месте было виднее, что и как делать. Откорректировал приказ Жукова и генерал Богданов. 20 апреля его танки при поддержке пехоты 3-й ударной и 47-й армий двигались к пригородам Берлина. Армейская артиллерия уже начала деморализующий обстрел городских кварталов. Но бросать бригады вперёд без предварительной разведки и зачистки от противотанковых засад и фаустников Богданов не решился. “Ворваться” и “водрузить” — это было пока нереально и чревато лишними и неоправданными потерями. Он с этими экипажами воевал с сентября 1943-го, с Днепра, и бросать под огонь своих гвардейцев за день до окончания войны не хотел.

Жукову часто ставят в вину лобовой штурм Зееловских высот. К сожалению, в историографии это стало общим местом, которое почти не оспаривается даже приверженцами Маршала Победы.

Исследователь битвы за Берлин военный историк Алексей Исаев пишет, что под удар во время штурма высот попала в основном 8-я гвардейская армия Чуйкова. “С учётом корпусных частей и средств усиления потери 8-й гв. армии в прорыве одерского рубежа можно оценить в 12–13 тыс. человек. Некоторые дивизии “просели” до численности немногим более 3 тыс. человек”. По подсчётам того же исследователя, 8-я гвардейская армия на высотах и обводных каналах потеряла сгоревшими и подбитыми 153 танка и самоходных артиллерийских установки. Общие потери бронетехники в войсках маршала Жукова с 16 по 22 апреля выглядят так: 531 танк и САУ — сго-

рело; столько же — 531 танк и САУ — было подбито; 94 танка и САУ вышло из строя по техническим причинам.

Именно на этом направлении немцы бросали навстречу огненному валу 1-го Белорусского фронта новые и новые резервные подразделения в надежде сбить темп атаки, погасить надвигающийся вал русских. В бой последовательно были введены танковая гренадёрская дивизия “Курмарк”, танковая дивизия “Мюнхеберг”, 18-я и 25-я танковые гренадёрские дивизии и дивизии СС “Нордланд” и “Недерланд”. Всё это попало под русский смерч и было частично перемолото во время столкновения, а частично отхлынуло и растеклось по городским кварталам.

Глава тридцать седьмая

БЕРЛИН

“Уравнение со многими неизвестными...”

Спустя годы маршал, размышляя о Берлинской операции, твёрдо стоял на своём: “Ошибка не было. Однако следует признать, что нами была допущена оплошность, которая затянула сражение при прорыве тактической зоны на один-два дня.

При подготовке операции мы несколько недооценивали сложность характера местности в районе Зееловских высот, где противник имел возможность организовать труднопреодолимую оборону. Находясь в 10–12 километрах от наших исходных рубежей, глубоко врывшись в землю, особенно за обратными скатами высот, противник смог уберечь свои силы и технику от огня нашей артиллерии и бомбардировок авиации. Правда, на подготовку Берлинской операции мы имели крайне ограниченное время, но и это не может служить оправданием.

Вину за недоработку вопроса, прежде всего, я должен взять на себя.

Думаю, что если не публично, то в размышлениях наедине с самим собой ответственность за недостаточную готовность к взятию Зееловских высот в армейском масштабе возьмут на себя и соответствующие командующие армиями. При планировании артиллерийского наступления следовало бы предусмотреть трудности уничтожения обороны противника в этом районе.

Сейчас, спустя много времени, размышляя о плане Берлинской операции, я пришёл к выводу, что разгром берлинской группировки противника и взятие самого Берлина были сделаны правильно, но можно было бы эту операцию осуществить и несколько иначе.

Слов нет, теперь, когда с исчерпывающей полнотой всё ясно, куда легче мысленно строить наступательный план, чем тогда, когда надо было практически решать уравнение со многими неизвестными. И всё же хочу поделиться своими соображениями по этому поводу.

Взятие Берлина следовало бы сразу, и в обязательном порядке, поручить двум фронтам: 1-му Белорусскому и 1-му Украинскому, а разграничительную линию между ними провести так: Франкфурт-на-Одере — Фюрстенвальде — центр Берлина. При этом варианте главная группировка 1-го Белорусского фронта могла нанести удар на более узком участке в обход Берлина с северо-востока, севера и северо-запада. 1-й Украинский фронт нанёс бы удар своей главной группировкой по Берлину на кратчайшем направлении, охватывая его с юга, юго-запада и запада.

Мог быть, конечно, и иной вариант: взятие Берлина поручить одному 1-му Белорусскому фронту, усилив его левое крыло не менее чем двумя общевойсковыми и двумя танковыми армиями, одной авиационной армией и соответствующими артиллерийскими и авиационными частями.

При этом варианте несколько усложнилась бы подготовка операции и управление ею, но значительно упростилось бы общее взаимодействие сил и средств по разгрому берлинской группировки противника, особенно при взятии самого города. Меньше было бы всяких трений и неясностей”.

Солдат Крапилин и тут стоял перед ним, в воспоминаниях и размышлениях, в бессильной и бесплотной попытке ещё раз перевоевать Берлинскую операцию уже более правильно, рациональнее, с наименьшими затратами и потерями. Маршал смотрел своему солдату в глаза, но нам, читателям и потомкам, так и не признался в своих сомнениях, сразу отрезав: “Ошибок не было”. Но достаточно пространные рассуждения о вариантах проведённой операции, вылившейся в пять дней и пять ночей непрерывного кровопролития, и есть признание ошибки. Большого от такого характера, как Жуков, требовать невозможно. Это место в его книге написано чернилами бессонных ночей и мучительных раздумий. Маршал надеялся, что “соответствующие командующие армиями” тоже “возьмут на себя” “ответственность за недостаточную готовность к взятию Зееловских высот”. Но — уввы. Никто из генералов не пожелал этого сделать ради правды истории, видимо, опасаясь бросить тень на свои ордена.

Конеv, получив добро Верховного на поворот своих танковых армий в северном направлении, вовсю гнал Рыбалко и Лелюшенко к Берлину. И вскоре, почти одновременно с войсками 1-го Белорусского фронта, его авангарды прорвали немецкие порядки на внешнем обводе и стали занимать квартал за кварталом. Началась гонка фронтов — кто первый доберётся до центра Берлина.

После смерти маршала Коневa вышли его “Записки командующего фронтом”, с главами, ранее никогда не публиковавшимися. В них он, рассказывая о Берлинской операции, затрагивает тему непростых отношений с Жуковым: “Известно, что Жуков не хотел и слышать, чтобы кто-либо, кроме войск 1-го Белорусского фронта, участвовал во взятии Берлина. К сожалению, надо прямо сказать, что даже тогда, когда войска 1-го Украинского фронта — 3-я и 4-я танковые армии и 28-я армия — вели бои в Берлине, — это вызвало ярость и негодование Жукова. Жуков был крайне раздражён, что воины 1-го Украинского фронта 22 апреля появились в Берлине. Он приказал генералу Чуйкову следить, куда продвигаются наши войска. По ВЧ Жуков связался с командармом 3-й танковой армии Рыбалко и ругал его за появление со своими войсками в Берлине, рассматривая это как незаконную форму действий, проявленную со стороны 1-го Украинского фронта.

Когда войска 3-й танковой армии и корпус Батицкого 27-й армии подошли на расстояние трёхсот метров к рейхстагу, Жуков кричал на Рыбалко: “Зачем вы тут появились?”

Вспоминая это время, должен сказать, что наши отношения с Георгием Константиновичем Жуковым в то время из-за Берлина были крайне обострены. Обострены до предела, и Сталину не раз приходилось нас мирить. Об этом свидетельствует и то, что Ставка неоднократно изменяла разграничительную линию между нашими фронтами в битве за Берлин с тем, чтобы большая часть Берлина вошла в зону действия 1-го Белорусского фронта”.

Пилихинская натура — не мог Жуков допустить, чтобы победу, наполовину уже урезанную Верховным, отнял сосед слева, который всю войну был его подчинённым.

И всё же первое донесение о прорыве в Берлин ушло в Москву из штаба 1-го Украинского фронта: “Москва, тов. Сталину, лично.

1. 3 гв. ТА Рыбалко передовыми бригадами ворвалась в южную часть Берлина и к 17.30 ведёт бой за Тельтов и в центре Ланквиц.

2. 4 гв. ТА Лелюшенко — 10 тк ведёт бой в районе Зармут (10 км юго-вост. Потсдам).

22.00 22.4.45.

Конеv”.

Но неожиданный удар Коневa на самом деле выручил войска 1-го Белорусского фронта, во многом облегчил их последующие действия и при прорыве внешнего оборонительного обвода Берлина, и во время боёв непосредственно в городе. 12-я армия генерала Венка, предназначавшаяся для контрудара по нашим частям, прорвавшим зееловский укрепрайон, была брошена против войск Коневa, наступавших с южного фланга и угрожавших полным окружением берлинской группировки.

Несмотря на полную обречённость, немцы продолжали ожесточённо сопротивляться. 23 апреля Геббельс выступил по берлинскому радио с заявлением: обороной Берлина с этой минуты руководит сам фюрер, “и это придаёт битве за столицу европейское значение”. Геббельс сказал, что на защиту города встало всё население, “и члены партии, вооружённые панцерфаустами, автоматами и карабинами, заняли посты на перекрёстках улиц”.

А наступающие, чувствуя жестокий азарт, проламывались сквозь очередные линии пошатнувшейся обороны.

Двадцать пятого апреля передовые части 1-го Украинского фронта вышли к Эльбе и встретились с подошедшими с западной стороны войсками 1-й американской армии.

Танкисты Рыбалко с ходу форсировали Шпрее и продвигались к центру Берлина. Вскоре выяснилось, что они идут по тылам 1-й гвардейской танковой армии Катюкова и 8-й гвардейской армии Чуйкова, которые, вопреки разграничительной линии, продвигались к центру города по “чужим” кварталам.

Чтобы избежать неразберихи и удара по своим, Конев 28 апреля обратился к Жукову: “Прошу распоряжения изменить направление наступления армий т. Чуйкова и т. Катюкова”. Жуков эту просьбу оставил без ответа, а спустя несколько часов телеграфировал Сталину:

“Докладываю:

1. Войска 1-го Белорусского фронта, продолжая уличные бои в центре г. Берлина, к 19.00 28 апреля 1945 г. ведут бой на линии <...>

2. Я решил встречным ударом 2 гв. ТА и правого фланга 3 уд. А в юго-восточном направлении, всеми силами 5 уд. А, 1 гв. ТА и 8 гв. ТА в северо-западном направлении расколоть окружённую группировку в Берлине на две части, после чего оставшиеся очаги обороны уничтожить по частям.

По состоянию на 19.00 28 апреля 1945 г. эти наступающие навстречу друг другу группы войск фронта находятся на удалении полтора километра одна от другой и в ближайшее время соединятся.

3. Две стрелковые дивизии 28-й армии и одна мсбр 3 гв. ТА 1-го Украинского фронта, имея от Конева задачу наступать из района ст. Палештрассе (полтора километра западнее аэропорта Темпельхоф) на север вдоль железной дороги, 28 апреля 1945 г. вышли в тыл боевых порядков 8 гв. А и 1 гв. ТА.

Наступление частей Конева по тылам 8 гв. А и 1 гв. ТА создало путаницу и перемешивание частей, что крайне осложнило управление боем. Дальнейшее их продвижение в этом направлении может привести к ещё большему перемешиванию и к затруднению в управлении.

Докладывая изложенное, прошу установить разграничительную линию между войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов или разрешить мне сменить части 1-го Украинского фронта в г. Берлине”.

Да, непрост был Жуков. Непрост.

Сталин приказал Коневу отвести свои войска за новую линию разграничения.

Жуков всё же настоял на своём.

Тридцатого апреля подразделения 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта ворвались в рейхстаг.

Ранним утром 1 мая Жукову сообщили с командного пункта 8-й гвардейской армии: на КП прибыла группа парламентариев во главе с начальником штаба сухопутных сил генералом Кребсом. Жуков попросил Чуйкова доложить подробно. Выслушал и приказал:

— Никакого перемирия. Никаких переговоров. Только полная и безоговорочная капитуляция. Что ещё говорит Кребс?

— Говорит, что Гитлер покончил с собой.

Жуков послал в штаб Чуйкова генерала Соколовского, а сам позвонил в Москву. Ему сообщили, что Сталин только что лёг спать и просил не будить.

— Разбудите, — потребовал он. — Очень важно.

Вскоре Верховный взял трубку. Жуков доложил.

— Доигрался, подлец! — сказал Сталин. — Жаль, что не удалось взять его живым.

Так завершилась схватка двух диктаторов, двух систем, двух народов. Но сокрушением немецкой группировки в Берлине и окрестностях военные действия не окончились. Конев повернул свои танковые армии на Прагу. Ему ещё предстояло уничтожить крупную группировку генерала Шёрнера в Чехословакии. Ленинградский фронт маршала Говорова сдавливал окружённую и прижатую к морю Курляндскую группировку. Рокоссовский дожимал остатки 3-й танковой армии и добивал последние немецкие гарнизоны на изолированных плацдармах у Балтийского моря и на островах Борнхольм, Воллин, Рюген. Но Берлин, дымясь развалинами и смердя непогребёнными, уже лежал у ног победителей.

Второго мая Верховный подписал приказ: “Войска 1-го Белорусского фронта под командованием Маршала Советского Союза Жукова при содействии войск 1-го Украинского фронта под командованием Маршала Советского Союза Конева после упорных уличных боёв завершили разгром берлинской группы немецких войск и сегодня, 2 мая полностью овладели столицей Германии городом Берлин — центром немецкого империализма и очагом немецкой агрессии.

Берлинский гарнизон, оборонявший город, во главе с начальником обороны Берлина генералом от артиллерии Вейдлингом и его штабом сегодня в 15 часов прекратил сопротивление, сложил оружие и сдался в плен.

2 мая к 21 часу нашими войсками взято в плен в городе Берлин более 70 000 немецких солдат и офицеров.

...В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях за овладение Берлином, представить к присвоению наименования “Берлинских” и к награждению орденами.

Сегодня, 2 мая, в 23 часа 30 минут в честь исторического события — взятия Берлина советскими войсками — столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует своим доблестным войскам 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из трёхсот двадцати четырёх орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность войскам 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, участвовавшим в боях за овладение Берлином.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины! Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий

Маршал Советского Союза

И. Сталин.

2 мая 1945 года”.

Жуков за эти бои был в третий раз удостоен звания Героя Советского Союза.

Седьмого мая в штаб фронта из Москвы поступила телеграмма:

“Заместителю Верховного Главнокомандующего Маршалу Советского Союза Жукову Г. К.

Ставка Верховного Главнокомандования уполномочивает Вас ратифицировать протокол о безоговорочной капитуляции германских вооружённых сил”.

На следующий день, 8 мая в Карлсхорсте, в восточном секторе Берлина состоялась церемония подписания акта о безоговорочной капитуляции германских войск перед союзными войсками. Но у этой истории была предыстория, довольно неприятная для советской стороны. И теперь Жукову, как не раз это случалось, предстояло исправить ошибку.

Дело в том, что 5 мая в штаб Эйзенхауэра прибыл полномочный представитель нового президента Германии и верховного главнокомандующего гросс-адмирала Дёница для переговоров о капитуляции германских войск. Эйзенхауэр связался с Москвой и проконсультировался по поводу того, приемлема ли предложения Дёница для советской стороны. Сталин через генерала Антонова дал согласие на подписание капитуляции немецких войск на Западном и Восточном фронтах. В Реймсе, в ставке Эйзенхауэра капитуляцию подписали Эйзенхауэр, генерал Йодль и начальник советской военной

миссии в Реймсе генерал Суслопаров. Однако Сталин вдруг спохватился, усомнившись в верности своего первоначального решения, и потребовал второго подписания акта в Берлине. Генерал Суслопаров показался ему фигурой слишком легковесной. Да и Красная армия заплатила несопоставимо большую цену, чтобы документ подписывали во французском городе, оккупированном американскими войсками.

Во время телефонных переговоров Сталин сказал Жукову:

— Мы договорились с союзниками считать подписание акта в Реймсе предварительным протоколом капитуляции. Завтра в Берлин придут представители немецкого главнокомандования и представители Верховного командования союзников. Представителем Верховного главнокомандования советских войск назначается вы. К вам вылетел Вышинский. После подписания акта он останется в Берлине в качестве помощника главноначальствующего по политической части. Главнокомандующим по Германии назначаетесь вы, одновременно будете главнокомандующим советских оккупационных войск в Германии.

Кем становился для Сталина Жуков, когда война была закончена Победой, когда верный маршал сделал своё главное дело, можно понять только по одному факту — какого человека “по политической части” “в качестве помощника главноначальствующего” он прислал в Берлин. Правда, бывший прокурор зловещих 1930-х в то время занимал более мирный пост — заместителя наркома иностранных дел СССР.

О том дне в Карлсхорсте маршал рассказал довольно подробно в “Воспоминаниях и размышлениях”: “Как мы условились заранее, в 23 часа 45 минут Теддер, Спаате и Латр де Тассиньи, представители от союзного командования, А. Я. Вышинский, К. Ф. Телегин, В. Д. Соколовский и другие собрались у меня в кабинете, находившемся рядом с залом, где должно было состояться подписание немцами акта безоговорочной капитуляции.

Ровно в 24 часа мы вошли в зал.

Начиналось 9 мая 1945 года...

Все сели за стол. Он стоял у стены, на которой были прикреплены государственные флаги Советского Союза, США, Англии, Франции.

В зале за длинными столами, покрытыми зелёным сукном, расположились генералы Красной армии, войска которых в самый короткий срок разгромили оборону Берлина и вынудили противника сложить оружие. Здесь же присутствовали многочисленные советские и иностранные журналисты, фоторепортёры.

— Мы, представители Верховного Главнокомандования Советских Вооруженных Сил и Верховного командования союзных войск, — заявил я, открывая заседание, — уполномочены правительствами стран антигитлеровской коалиции принять безоговорочную капитуляцию Германии от немецкого военного командования. Пригласите в зал представителей немецкого главного командования.

Все присутствовавшие повернули головы к двери, откуда сейчас должны были появиться те, кто хвастливо заявлял на весь мир о своей способности молниеносно разгромить Францию, Англию и не позже как в полтора-два месяца раздавить Советский Союз.

Первым, не спеша и стараясь сохранить видимое спокойствие, переступил порог генерал-фельдмаршал Кейтель, ближайший сподвижник Гитлера. Выше среднего роста, в парадной форме, подтянут. Он поднял руку со своим фельдмаршальским жезлом вверх, приветствуя представителей Верховного командования советских и союзных войск.

За Кейтелем появился генерал-полковник Штумпф. Невысокий, глаза полны злобы и бессилия. Одновременно вошёл адмирал флота фон Фридебург, казавшийся преждевременно состарившимся.

Немцам было предложено сесть за отдельный стол, который специально для них был поставлен недалеко от входа.

Генерал-фельдмаршал не спеша сел и поднял голову, обратив свой взгляд на нас, сидевших за столом президиума. Рядом с Кейтелем сели Штумпф и Фридебург. Сопровождавшие их офицеры встали за ними.

Я обратился к немецкой делегации:

— Имеете ли вы на руках акт безоговорочной капитуляции Германии, изучили ли его и имеете ли полномочия подписать этот акт?

Вопрос мой на английском языке повторил главный маршал авиации Теддер.

— Да, изучили и готовы подписать его, — приглушённым голосом ответил генерал-фельдмаршал Кейтель, передавая нам документ, подписанный гросс-адмиралом Дёницем. В документе значилось, что Кейтель, фон Фридебург и Штумпф уполномочены подписать акт безоговорочной капитуляции.

Это был далеко не тот надменный Кейтель, который принимал капитуляцию от побеждённой Франции. Теперь он выглядел побитым, хотя и пытался сохранить какую-то позу.

Встав, я сказал:

— Предлагаю немецкой делегации подойти сюда, к столу. Здесь вы подпишете акт безоговорочной капитуляции Германии.

Кейтель быстро поднялся, устремив на нас недобрый взгляд, а затем опустил глаза и, медленно взяв со столика фельдмаршальский жезл, неуверенным шагом направился к нашему столу. Монокль его упал и повис на шнурке. Лицо покрылось красными пятнами. Вместе с ним подошли к столу генерал-полковник Штумпф, адмирал флота фон Фридебург и немецкие офицеры, сопровождавшие их. Поправив монокль, Кейтель сел на край стула и слегка дрожащей рукой подписал пять экземпляров акта. Тут же поставили подписи Штумпф и Фридебург.

После подписания акта Кейтель встал из-за стола, надел правую перчатку и вновь попытался блеснуть военной выправкой, но это у него не получилось, и он тихо отошёл за свой стол.

В 0 часов 43 минуты 9 мая 1945 года подписание акта безоговорочной капитуляции Германии было закончено. Я предложил немецкой делегации покинуть зал.

Кейтель, Фридебург, Штумпф, поднявшись со стульев, поклонились и, склонив головы, вышли из зала. За ними вышли их штабные офицеры.

От имени советского Верховного Главнокомандования я сердечно поздравил всех присутствовавших с долгожданной победой. В зале поднялся невообразимый шум. Все друг друга поздравляли, жали руки. У многих на глазах были слёзы радости. Меня окружили боевые друзья — В. Д. Соколовский, М. С. Калинин, К. Ф. Телегин, Н. А. Антипенко, В. Я. Колсакчи, В. И. Кузнецов, С. И. Богданов, Н. Э. Берзарин, Ф. Е. Боков, П. А. Белов, А. В. Горбатов и другие.

— Дорогие друзья, — сказал я товарищам по оружию, — нам с вами выпала великая честь. В заключительном сражении нам было оказано доверие народа, партии и правительства вести доблестные советские войска на штурм Берлина. Это доверие советские войска, в том числе и вы, возглавлявшие войска в сражениях за Берлин, с честью оправдали. Жаль, что многих нет среди нас. Как бы они порадовались долгожданной победе, за которую, не дрогнув, отдали свою жизнь.

Вспомнив близких друзей и боевых товарищей, которым не довелось дожить до этого радостного дня, эти люди, привыкшие без малейшего страха смотреть смерти в лицо, как ни крепились, не смогли сдержать слёз.

В 0 часов 50 минут 9 мая 1945 года заседание, на котором была принята безоговорочная капитуляция немецких вооружённых сил, закрылось.

Потом состоялся приём, который прошёл с большим подъёмом. Обед удался на славу! Наши хозяйственники во главе с начальником тыла генерал-лейтенантом Н. А. Антипенко и шеф-поваром В. М. Петровым приготовили отличный стол, который имел большой успех у наших гостей. Открыв банкет, я предложил тост за победу стран антигитлеровской коалиции над фашистской Германией. Затем выступил маршал А. Теддер, за ним Ж. Латр де Тассиньи и генерал К. Спаате. После них выступали советские генералы. Каждый говорил о том, что наболело на душе за все эти тяжёлые годы. Помню, говорилось много, душевно и выражалось большое желание укрепить навсегда дружеские отношения между странами антифашистской коалиции.

Говорили об этом советские генералы, говорили американцы, французы, англичане, и всем нам хотелось верить, что так оно и будет.

Праздничный ужин закончился утром песнями и плясками. Вне конкуренции плясали советские генералы. Я тоже не удержался и, вспомнив свою юность, сплясал “русскую”. Расходились и разъезжались под звуки канонады, которая производилась из всех видов оружия по случаю победы. Стрельба шла во всех районах Берлина и его пригородах. Стреляли вверх, но осколки мин, снарядов и пуль падали на землю, и ходить утром 9 мая было не совсем безопасно. Но как отличалась эта опасность от той, с которой все мы сжились за долгие годы войны!

Подписанный акт безоговорочной капитуляции утром того же дня был доставлен в Ставку Верховного Главнокомандования.

Первый пункт акта гласил:

“1. Мы, нижеподписавшиеся, действуя от имени германского верховного командования, соглашаемся на безоговорочную капитуляцию всех наших вооружённых сил на суше, на море и в воздухе, а также всех сил, находящихся в настоящее время под немецким командованием, Верховному Главнокомандованию Красной армии и одновременно Верховному Командованию союзных экспедиционных сил”.

Днём 9 мая мне позвонили из Москвы и сообщили, что вся документация о капитуляции немецко-фашистской Германии получена и вручена Верховному Главнокомандующему.

Итак, закончилась кровопролитная война. Фашистская Германия и её союзники были окончательно разгромлены”.

Кейтель тоже оставил свидетельства о Карлсхорсте. Изложил он их на бумаге в юнрибергской тюрьме, когда ему уже ладили петлю для казни: “Незадолго до 24 часов — часа вступления капитуляции в силу — я был вместе с сопровождающими меня лицами препровождён в офицерскую столовую (казино) казармы. В тот самый момент, когда часы пробили полночь, мы вошли в большой зал через широкую боковую дверь. Нас сразу же провели к стоявшему поперёк длинному столу с тремя стульями... Зал был заполнен до самого последнего уголка и ярко освещён многочисленными “юпитерами”. Поперечный и три продольных ряда стульев были плотно заняты сидящими. На председательском месте за торцовым столом сидел генерал Жуков, справа и слева от него — уполномоченные Англии и Америки. Когда начальник штаба Жукова положил передо мною Акт на трёх языках, я потребовал разъяснения, почему в его текст не внесено требуемое мною ограничение репрессивных. Он вернулся к Жукову, а потом, после краткого совещания с ним, которое я мог наблюдать, снова подошёл ко мне и сказал: “Жуков категорически обещает мне неприменение этих мер с продлением срока на 12 часов”.

Торжественный церемониал начался несколькими вступительными словами. Затем Жуков спросил меня, прочел ли я Акт о капитуляции. Я ответил: “Да”. Второй вопрос гласил: готов ли я признать его, поставив свою подпись? Я снова ответил громким “да”. Сразу же началась процедура подписания... По завершении её я вместе с сопровождавшими меня лицами покинул зал через заднюю дверь.

Нас опять привели в нашу небольшую виллу; здесь... стол устали закусками и различными винами, а в остальных комнатах устроили спальни — для каждого отдельная постель с чистым бельем. Офицер-переводчик сообщил о предстоящем приходе русского генерала, стол снова сервировали. Через полчаса явился обер-квартирмейстер Жукова и пригласил нас к столу, но сам просил извинить его, так как он должен удалиться. Блюда были гораздо скромнее, чем те, к которым мы привыкли, но пришлось довольствоваться этим. Тем не менее, я не преминул заметить, что мы к такой роскоши и к такому богатому столу непривычны. Он явно почувствовал себя польщённым этой репликой. Мы полагали, что заставленный закусками стол означает конец этого пиршества в гостях у палачей. Но когда мы уже достаточно насытились, вдруг подали горячие блюда, жаркое и т. п. А на десерт — свежзамороженную клубнику, которую я ел первый раз в жизни.

Этот десерт явно был из берлинского ресторана Шлеммера, да и вина были того же происхождения”.

Лидия Захарова, которая, как и другие девушки-военнослужащие, на праздничном ужине выполняла роль официантки, после войны рассказывала писателю Андрею Жарикову, что “когда на банкете было уже шумно, слышались радостные голоса и звучала музыка”, Жуков её “поманил к себе” и сказал: “Возьми бутылку водки и хорошей закуски, отнеси Кейтелю...”

— Я знала, — рассказывала Лидия Владимировна, — Жуков не допускал подобных шуток, но сначала подумала, что он пошутил. Но когда ответила “Есть!” и он не остановил меня, я поняла: это приказ. Охраняли немцев англичане и наши пограничники, ребята пропустили меня с подносом. Кейтель был в комнате вместе со своим адъютантом. Он сидел за столом, подперев ладонью лоб. Мне показалось, что он плакал...”

Но поразил всех на том банкете танец маршала.

Уже все главные и обязательные тосты были произнесены, уже хорошенько выпили, и пошли вольные разговоры, когда заиграл вдруг баян. И не просто заиграл, а с ходу рванул “русского”. В середине зала стали расступаться. Русские все затихли в ожидании, кто же выйдет в круг? Иностранцы замерли, вообще не понимая, что происходит.

И вдруг в образовавшийся круг к баянисту выскочил маршал Жуков! Он жваво*, легко “прошёлся”, и, как это ярко и точно выразил Твардовский в “Василии Тёркине”, “пошёл, пошёл работать, наступая и грозя...” Всё тут в нём всколыхнулось — и трудная война, и горечь потерь, и родная калужская Стрелковщина, научившая его этим лихим коленцам и движениям, и торжество жизни, преодолевшее весь смрад и ужас только что отгремевшей войны. И всем, наблюдавшим этот танец, выплеснувшийся из самой глубины русской души маршала, вдруг с ослепительной очевидностью открылось: это и есть венец их торжества — воин из воинов, лучший из них, танцует свой ликующий танец победителя.

Глава тридцать восьмая

НА БЕЛОМ КОНЕ

*“Вот он, долгожданный
и незабываемый день!..”*

Двадцать четвёртого июня 1945 года в Москве на Красной площади состоялся Парад Победы.

Жуков вспоминал: “...каждый из нас считал, что Парад Победы будет принимать Верховный Главнокомандующий”. Интрига, однако, закрутилась и вокруг этой истории.

Впоследствии, когда многие из окружения Сталина, в том числе и охранники, начали давать интервью и рассказывать о некоторых подробностях жизни Хозяина, была опровергнута версия о том, что он якобы сам собирался принимать Парад Победы, да лошадь попалась с норовом и во время тренировки сбросила его. Сталин с гражданской войны не садился на коня, да и в молодости не был хорошим наездником. К тому же к концу Великой Отечественной войны у него развилась гипертония, и профессор Бакулев, регулярно осматривавший вождя, предостерегал его от каких бы то ни было перегрузок. Левая рука не позволяла Сталину управлять поводьями.

Людмила Лактионова, долгие годы общавшаяся с семьёй Жукова, рассказывала: “За 20 дней до начала парада Победы Сталин уведомил Жукова,

* Буквально — живо, энергично, весело. Как и в русском боевом искусстве, в русском народном танце танцоры делятся на две категории: 1) жвавые, живчики-рубаки; 2) “для добра нарождённые”, терпеливые, долго “нагревающиеся” и так же нескоро “остывающие”. Г. К. Жуков по своему темпераменту и характеру явно относился к первым.

что именно он будет принимать парад. Вначале Жукову дали цирковую лошадь Ладу. Жуков не знал цирковых команд. Выехал из Спасских ворот на репетицию. Лада у Лобного места встала на дыбы — свечой. Жуков её пришпорил. Лада упала на передние колени, как вкопанная. Жуков с неё соскочил. Репетиция оказалась законченной. Потом Жукову дали коня Вихря. На нём он репетировал и принимал парад”.

В “Воспоминаниях и размышлениях” Жуков писал: “Точно не помню, кажется, 18–19 июня меня вызвал к себе на дачу Верховный.

Он спросил, не разучился ли я ездить на коне.

— Нет, не разучился, да и сейчас продолжаю упражняться в езде.

— Вот что, — сказал И. В. Сталин, — вам придётся принимать Парад Победы. Командовать парадом будет Рокоссовский.

Я ответил:

— Спасибо за такую честь, но не лучше ли парад принимать Вам? Вы Верховный Главнокомандующий, по праву и обязанности парад следует принимать Вам.

И. В. Сталин сказал:

— Я уже стар принимать парады. Принимайте Вы, Вы помоложе.

Прощаясь, он заметил, как мне показалось, не без намека:

— Советую принимать парад на белом коне, которого вам покажет Будённый...”

По всей вероятности, Будённый и порекомендовал Жукову Ладу. Она была красива, статна, но слишком норовиста, и Жуков её заменил на более спокойного и надёжного Вихря.

Около 9:00 24 июня 1945 года Жуков на белом коне стоял у Спасских ворот. Одетый в новый парадный мундир, при всех орденах, с саблей на боку, он сидел в кавалерийском седле как влитой.

Пошёл дождь. От волнения у маршала вспотел лоб. Он снял фуражку и платком вытер лоб, а потом тщательно протёр кожаный подтулейник*. Позже этот его жест, попавший в кадр кинооператора, многие комментировали как молитву украдкой. Действительно, маршал снял фуражку и потом надел её с таким выразительным жестом, что это было похоже на то, как кавалеристы крестятся перед сабельной атакой.

“Вот он, долгожданный и незабываемый день! — напишет Жуков спустя годы. — Советский народ твёрдо верил, что он настанет”.

Полки на площади замерли в ожидании.

Ровно в 10:00 на Мавзолей поднялись руководители партии и правительства.

Жуков пустил Вихря рысью. Конь шёл ровно, как в манеже. Следом на таком же ослепительно-белом коне скакал генерал-адъютант Зелинский. От Исторического музея навстречу на гнедых конях мчались маршал Рокоссовский с адъютантом. Оркестр исполнял торжественное “Славься” Михаила Глинки.

Дождь усилился, и через несколько минут мундир Жукова промок насквозь.

После объезда и приветствия войск маршал спешил к Мавзолею, поднялся на гранитную трибуну и обратился с речью к присутствующим.

В тот момент его слушали все, собравшиеся на Красной площади. Все. Живые и мёртвые. Это был последний день, когда погибшие стояли в колоннах рядом с живыми. Вместе с живыми они ликовали Победе и швыряли штандарты поверженных дивизий и полков на московскую брусчатку. Среди них и пилот сбитого под Ельней И-16, и отважная разведчица Зоя Космодемьянская, и генерал Ефремов, и танкисты, сгоревшие в боевых машинах на Зееловских высотах. Здесь были все. Живые это чувствовали.

Тёплый летний дождь струйками стекал по глянцевым козырькам офицерских и солдатских фуражек, каплями дрожал на орденах и медалях, на сияющей меди оркестра. Шли сводные полки. Знаменосцы проносили знамена и штандарты победивших фронтов и соединений.

* Внутренняя часть тульи офицерской фуражки.

После Парада Победы состоялся торжественный правительственный приём. Сталин произнёс тост, смысл которого потряс многих: “Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа и, прежде всего, русского народа.

Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне всеобщее признание как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение”.

Тогда это никого не оскорбило. Ни один народ. Потому что все знали, что именно русские выполнили основную и самую тяжкую работу войны.

Через несколько дней Сталину было присвоено звание генералиссимуса. Вождь отнёсся к этому сдержанно. Он хорошо понимал, что наступило иное время, которое будет мерить успехи и определять победы далеко не золотым шитьём на погонах отдельных личностей, не количеством орденов и даже не качеством их. В глазах вождя всё это было мишурой.

Война закончилась Победой. Но Победа не положила конец нечеловеческому напряжению. В состоянии постоянного перенапряжения народ вынужден был жить несколько лет подряд, а теперь, когда война кончилась, народу предстояло терпеть тяготы и дальше. Кое-что *для народа* всё же попытались сделать. Одиннадцатичасовой рабочий день отменили, вернули восьмичасовой. Но при этом снизилась зарплата. Военные заводы простаивали из-за того, что не стало заказов. Хуже всего, как всегда, было в деревне. По-прежнему действовал указ 1942 года “о повышении обязательной выработки трудодней” и уголовном наказании за невыполнение трудодней. Женщины, оставшиеся без мужей, не вернувшихся с войны, тянули колхозное подневолье из последних сил. Зачастую, чтобы выработать трудодни, приходилось заставлять работать в поле детей, стариков. После короткой радости Победы колхозная деревня снова погружалась в беспросветный мрак нужды и непосильного труда.

Демографические потери были вообще невосстановимы.

Сталин всё это понимал, как никто другой. Вот почему мундир генералиссимуса он так и не надел. А вскоре появилось раздражение по поводу непомерно раздутого прессой и народной молвой, как ему казалось, величия его маршалов. В особенности одного.

Жуков в те дни командовал Группой советский оккупационных войск в Германии, одновременно исполнял обязанности представителя Верховного главнокомандования в Контрольном совете по оккупации Германии. Парад отвлёк от берлинских забот, и несколько дней Жуков провёл в Москве в кругу семьи, родственников, друзей и боевых товарищей.

Вскоре после Парада и торжественного приёма в Кремле Жуков устроил семейную вечеринку у себя на даче в Сосновке. Было много друзей. Повеселились на славу. Произносили тосты, пели, танцевали. Среди гостей были генерал Крюков с женой Лидией Руслановой.

Жуков был рад за друга: Крюков наконец-то обрёл семейное счастье и не сводил глаз со своей избранницы. Русланова с нескрываемым удовольствием наслаждалась положением генеральши. Это был её четвёртый брак и, как оказалось, по-настоящему счастливый. Поздняя любовь, которая бывает самой крепкой и верной.

Русланову попросили спеть. Она спела, а потом сказала, что устала, что без аккомпанемента тяжело. И тут Жуков взял баян и лихо растянул меха. Певица восторгалась. Запела. Он ей стал подпевать. Так, дуэтом, и довели песню до конца. Русланова дружески похлопала его по плечу и сказала:

— Для маршала очень даже неплохо.

“Запомнилась мне эта вечеринка ещё и потому, — вспоминала Элла Георгиевна Жукова, — что на ней произошёл эпизод, который потом злославно-

ренно использовали недруги отца. Во время застолья, после того как были произнесены главные тосты за Победу, за отца и его боевых соратников, встала Русланова. Я очень любила эту совершенно уникальную женщину с её широкой натурой, весёлую, остроумную, по-особому величественную. Она как бы над всеми возвышалась. Я слушала её с особым вниманием. Лидия Андреевна сказала, что государство по заслугам оценило полководцев, защитивших нашу родину и разгромивших врага, но очень жаль, продолжала она, что никто не додумался учредить орден, которым бы награждали жён полководцев за их терпение и мужество, с которым они ещё с молодых лет делили с мужьями тяготы походной жизни, за страдания, которые они испытывали, переживая за мужей, подвергавшихся ежеминутной опасности на полях сражений. Но я считаю, сказала в заключение Лидия Андреевна, что имею право наградить жену первого полководца — Александру Диевну, с честью вышедшую из всех испытаний. С этими словами она извлекла не то из кармана, не то из маленькой сумочки брошь в форме звезды и приколола её маме на грудь. Потом объяснила, что брошь эта имеет не столько материальную, сколько историческую ценность: в своё время она принадлежала Наталье Николаевне Пушкиной. Лидии Андреевне удалось уговорить владельцев, передававших звезду из поколения в поколение, расстаться с нею, назвав, кому она предназначается её в подарок. Помню, как засмушалась мама, принимая бесценный дар, как бережно хранила его, хотя и давала мне в руки всякий раз, когда я просила полюбоваться.

Но реликвия недолго хранилась в нашей семье. Когда начались унижительные гонения на отца, в ходе одного из обысков она была конфискована как “незаконно приобретённая”. После этого следы броши теряются. Насколько мне известно, она не значилась в описи конфискованного имущества, которую отцу показали, когда он уже был министром обороны. Ему тогда советовали поднять вопрос о возвращении незаконно изъятого, но он отказался. “Не хочу ворошить прошлое”, — сказал он тогда дома.

Теперь, когда опубликованы многие архивные материалы о незаконных репрессиях, стало известно, что факт дарения броши жене Жукова инкриминировали арестованному генералу В. В. Крюкову с искажением мотивов и обстоятельств поступка. <...> Между тем интересно было бы узнать, где же всё-таки звезда Натальи Николаевны Пушкиной? В чьём кармане она оказалась и кто носит её без зазрения совести?”

Глава тридцать девятая

ВОЙНА ОКОНЧЕНА — ГОТОВЬСЯ К ВОЙНЕ

“Железный занавес опускается над их фронтом...”

Главным партнёром и соперником по работе в Контрольном совете по оккупации Германии у Жукова был Эйзенхауэр. Первое заседание Контрольный совет провёл 5 июня 1945 года. Перед началом заседания Эйзенхауэр вручил Жукову высшую воинскую правительственную награду США — орден “Легиона Почёта”.

Эйзенхауэр высоко ценил полководческий дар Жукова и ставил его первым среди военачальников Второй мировой войны. По его мнению, именно Жуков “имел самый большой опыт руководителя величайшими сражениями, чем кто-либо другой в наше время”. “Совершенно очевидно, — впоследствии написал Эйзенхауэр о Жукове, — что он был величайшим полководцем”.

У этой явно дипломатической дружбы, конечно же, не лишённой уважения солдата к солдату, была и подоплёка. Уже тогда среди близких ему людей будущий президент США говорил: “...мой друг Жуков будет преемником Сталина, и это откроет эру добрых отношений”.

В “Воспоминаниях и размышлениях” маршал писал: “Вначале беседа шла вокруг минувших событий. Д. Эйзенхауэр рассказал о больших трудно-

стях при проведении десантной операции через Ла-Манш в Нормандию, сложностях по устройству коммуникаций, в управлении войсками и особенно при неожиданном контрнаступлении немецких войск в Арденнах.

Переходя к делу, он сказал:

— Нам придётся договориться по целому ряду вопросов, связанных с организацией Контрольного совета и обеспечением наземных коммуникаций через советскую зону в Берлин для персонала США, Англии и Франции.

— Видимо, нужно будет договориться не только о наземных коммуникациях, — ответил я Д. Эйзенхауэру, — придётся решить вопросы о порядке полётов в Берлин американской и английской авиации через советскую зону.

На это генерал Спаатс, откинувшись на спинку стула, небрежно бросил:

— Американская авиация всюду летала и летает без всяких ограничений.

— Через советскую зону ваша авиация летать без ограничений не будет, — ответил я Спаатсу. — Будете летать только в установленных воздушных коридорах.

Тут быстро вмешался Д. Эйзенхауэр и сказал Спаатсу:

— Я не поручал вам так ставить вопрос о полётах авиации.

А затем, обратившись ко мне, заметил:

— Сейчас я приехал к вам, господин маршал, только с тем, чтобы лично познакомиться, а деловые вопросы решим тогда, когда организуем Контрольный совет.

— Думаю, что мы с вами, как старые солдаты, найдём общий язык и будем дружно работать, — ответил я. — А сейчас я хотел бы просить вас только об одном: быстрее вывести американские войска из Тюрингии, которая, согласно договоренности на Крымской конференции между главами правительств союзников, должна оккупироваться только советскими войсками”.

Солдатская дипломатия проста и конкретна. Она чем-то напоминает перегруппировку сил перед предстоящей битвой, управлять которой предстоит уже не военным. Военные в какой-то момент запоздало осознают это, и дипломатическая работа начинает тяготить их своей бесперспективностью.

Именно в те дни штабы союзников разработали окончательный вариант плана “Немыслимое”: удар по советским войскам, сосредоточенным в Европе. Атаку должны были осуществить 47 американских и английских дивизий, а также десять германских. Выводы, сделанные Комитетом по стратегическим вопросам при Объединённом комитете начальников штабов Великобритании и США, были для “атакующей” стороны весьма неутешительными: преимущество Красной армии в Европе настолько мощно, что возможная атака союзников, в лучшем случае, приведёт к тотальной войне с Россией с непредсказуемыми последствиями...

К тому же американцам предстояло покончить с Японией. Война на островах и в океане ещё продолжалась. И лучшим союзником в этой войне мог быть только Советский Союз.

Семнадцатого июля 1945 года в Потсдаме состоялась конференция глав стран победительниц. Это была третья и, как показала история, заключительная встреча руководителей “большой тройки”: Тегеран (1943), Ялта (1945) и, наконец, пригород Берлина.

С ними уже не было Рузвельта. А через девять дней Черчилля сменит новый премьер Англии Эттли. Только Сталин оставался завидным долгожителем на этом олимпе, предгорья которого были завалены искорёженным металлом Второй мировой войны. Войну ещё предстояло завершить, а завалы разобрать. В Европе это уже произошло, и настало время делить трофеи.

“Большая тройка” приняла решение о полной демилитаризации Германии. Упразднились все сухопутные, морские и воздушные вооружённые силы, войска СС, СА, СД, службы гестапо, учебные заведения и команды, а также все военные и полувосенные организации. Оружие, амуниция и прочее воинское снаряжение подлежали уничтожению или передаче союзникам. Отменялись все нацистские законы, запрещалась пропаганда. Виновные в преступлениях, совершённых в годы войны, подлежали аресту и суду. Подлежала ликвидации вся военная промышленность, вводился запрет на производство любых видов вооружения и воинского снаряжения.

Однако по поводу некоторых пунктов соглашений сразу же возникли разногласия, и они чаще всего заканчивались не в пользу советской стороны. Так, СССР было отказано в осуществлении совместного контроля над Рурским промышленным районом.

В Потсдаме было подписано специальное соглашение о репарациях и праве народов, пострадавших от германской оккупации, на компенсацию уничтоженного и утраченного. Решили, что все стороны, включая Францию, «получат репарации из своих зон оккупации и за счёт германских вложений за границей». СССР как страна, наиболее сильно пострадавшая от германской агрессии, получала дополнительно четвертую часть промышленного оборудования, изымаемого в западной промышленной зоне. Сталин — кавказец во всём! — умел и драться, и торговаться.

Торговаться в те дни Сталину было тяжело. За день до начала переговоров американцы взорвали атомную бомбу. Её взрывная волна в одно мгновение смела представления о будущих войнах, их тактике и стратегии, нарушила баланс сил и, как следствие, увеличила амбиции Запада. Сталин был потрясён, когда Трумэн как бы между прочим, в разговоре вне конференц-зала сообщил ему о том, что США владеют бомбой «исключительной силы». Это означало, что, вместо восстановления народного хозяйства и послаблений, ожидаемых советскими людьми, необходимо — другого варианта нет! — снова запрягать свой народ в тяжёлые оглобли... «Иначе нас сомнут». Пока же он по-прежнему располагал главным козырем — двадцатимиллионной армией. И этим козырем бил и американские бомбы «исключительной силы», и претензии Англии, граничащие с наглостью.

Во время переговоров произошёл диалог, который характеризует и напряжение, не покидавшее стороны, и твёрдость Сталина, и его гибкий ум.

«СТАЛИН: Из печати, например, известно, что господин Иден, выступая в английском парламенте, заявил, что Италия потеряла навсегда свои колонии. Кто это решил? Если Италия потеряла, то кто их нашёл? (Смех). Это очень интересный вопрос.

ЧЕРЧИЛЛЬ: Я могу на это ответить. Постоянными усилиями, большими потерями и исключительными победами британская армия одна завоевала эти колонии.

ТРУМЭН: Все?

СТАЛИН: А Берлин взяла Красная армия. (Смех)».

Смех, как говорят, самый изысканный способ показать зубы противнику.

Бомбы у Сталина к тому времени не было. Но были его молодые маршалы во главе огромных группировок в самом центре Европы. И это позволяло генералиссимусу чувствовать себя более раскованно, чем, к примеру, Черчиллю, чьи дни в большой политике истекали.

Но Сталин чувствовал, как его оттирают от трофеев, которые принесла Победа: от выхода к южным морям, от «бесхозного» золота, среди которого находились сокровища рухнувших монархий Европы, а также «нацистское» и русское «царское золото»; от иранской нефти, от датских островов, где в это время ещё стояли советские войска; от Триполитании*, которую Сталин хотел иметь в качестве колонии в Северной Африке.

Диктатор, обладавший сверхрациональным мышлением, прекрасно понимал, что в новой войне его молодые и талантливые полководцы победы не принесут. В новой войне, — а она, возможно, уже у дверей — победу принесёт бомба. Или несколько бомб. И средства их доставки — хорошие самолёты, способные преодолевать большие расстояния на большой высоте.

То, что война возможна в самое ближайшее время, Сталин почувствовал в дни победы над Японией.

Шестого и девятого августа 1945 года американские бомбардировщики сбросили на японские города Хиросиму и Нагасаки две атомных бомбы. 8 августа Советский Союз объявил войну Японии и атаковал позиции Квантунской армии на материке. Когда Молотов сказал американскому послу Гарриману, что у союзников в этой войне должны быть два командующих

* Нынешняя Ливия.

и предложил генерала Макарута и маршала Василевского, Гарриман ответил твёрдо, как о давно решённом: США воюет с Японией четыре года, а СССР всего два дня, а потому верховным главнокомандующим союзнических войск будет только американец и никто другой. Затем был отменён десант советских войск на остров Хоккайдо. Стало очевидным, что союзники попросту не желают пускать Красную армию на Японские острова.

Игра получила неожиданный поворот 11 августа. На этот день планировалась очередная встреча Молотова и Гарримана. До капитуляции Японии оставалось трое суток. Американцы спешили занять ключевые объекты и территории. Трумэн отдал распоряжение Макаруту “сразу же после капитуляции Японии занять порт Дальний”. Приказ должно было выполнить специальное подразделение морской пехоты.

Когда американские морские пехотинцы подошли к Дальнему, все подступы к порту уже контролировались советскими войсками.

Тогда Трумэн “в категорической форме потребовал” уступить США часть Курильских островов для развёртывания там базы и строительства аэродрома для своих ВВС, на что Сталин ответил, что “так разговаривают с побеждённой страной, но Советский Союз не побеждён”, и требование американского президента отверг в том же решительном тоне.

В Москву Сталину регулярно доставляли западную прессу. Газеты и журналы пестрели фотографиями Маршала Победы. Жуков охотно раздавал интервью. Судя по публикациям, маршал наслаждался триумфом, и эта его игра затягивалась и явно выходила из берегов.

Глава сороковая

ТРОФЕЙНОЕ ДЕЛО

“Он человек был, человек во всём...”

...Из “дела авиаторов” вытекло “трофейное дело”. Уже 23 августа 1946 года за подписью первого заместителя министра Вооружённых Сил СССР генерала армии Булганина на стол диктатору легло донесение.

“Товарищу СТАЛИНУ

В Ягодинской таможне (вблизи г. Ковеля) задержано 7 вагонов, в которых находилось 85 ящиков с мебелью.

При проверке документации выяснилось, что мебель принадлежит Маршалу Жукову.

Установлено, что И. О. начальника Тыла Группы Советских Оккупационных Войск в Германии для провоза мебели была выдана такая справка: “Выдана Маршалу Советского Союза тов. ЖУКОВУ Г. К. в том, что нижепоименованная мебель, им лично заказанная на мебельной фабрике в Германии “Альбин Май”, приобретена за личный расчёт и Военным Советом Группы СОВ в Германии разрешён вывоз в Советский Союз. Указанная мебель направлена в Одесский Военный округ с сопровождающим капитаном тов. ЯГЕЛЬСКИМ. Транспорт № 152/8431”.

Вагоны с мебелью 19 августа из Ягодино отправлены в Одессу.

Одесской таможне дано указание этой мебели не выдавать до получения специального указания.

Опись мебели, находящейся в осмотренных вагонах, прилагается”.

Это было не то, чего ждал Сталин от верного Абакумова. Но более существенного компромата на Жукова пока собрать не удавалось.

В январе 1948 года на стол Сталину лёг новый документ:

“Совершенно секретно

Совет Министров СССР

Товарищу Сталину И. В.

В соответствии с Вашим указанием 5 января с. г. на квартиру Жукова

в Москве был произведён негласный обыск. Задача заключалась в том, чтобы разыскать и изъять на квартире Жукова чемодан и шкатулку с золотом, бриллиантами и другими ценностями.

В процессе обыска чемодан обнаружен не был, а шкатулка находилась в сейфе, стоящем в спальне комнаты.

В шкатулке находилось:

часов — 24 штуки, в том числе золотых — 17 и с камнями — 3;

золотых кулонов и колец — 15 штук, из них 8 с драгоценными камнями;

золотой брелок с большим количеством драгоценных камней;

другие золотые изделия (портсигар, цепочки и браслеты, серьги с драгоценными камнями пр.).

В связи с тем, что чемодана в квартире не оказалось, было решено все ценности, находящиеся в сейфе, сфотографировать, уложить обратно так, как было раньше, и произведённому обыску на квартире не придавать гласности.

По заключению работников, проводивших обыск, квартира Жукова производит впечатление, что оттуда изъято всё то, что может его скомпрометировать. Нет не только чемодана с ценностями, но отсутствуют даже какие бы то ни было письма, записи и т. д. По-видимому, квартира приведена в такой порядок, чтобы ничего лишнего в ней не было.

В ночь с 8 на 9 января с. г. был произведён негласный обыск на даче Жукова, находящейся в посёлке Рублево под Москвой.

В результате обыска обнаружено, что две комнаты дачи превращены в склад, где хранится огромное количество различного рода товаров и ценностей.

Например:

шерстяных тканей, шёлка, парчи, панбархата и других материалов — всего свыше 4000 метров;

мехов — собольих, обезьяньих, лисьих, котиковых, каракульчёвых, каракулевых — всего 323 шкуры;

шевро высшего качества — 35 кож;

дорогостоящих ковров и гобеленов больших размеров, вывезенных из Потсдамского и других дворцов и домов Германии, — всего 44 штуки, часть из которых разложена и развешана по комнатам, а остальные лежат на складе; особенно обращает на себя внимание больших размеров ковёр, разложенный в одной из комнат дачи;

ценных картин классической живописи больших размеров в художественных рамках — всего 55 штук, развешанных по комнатам дачи и частично хранящихся на складе;

дорогостоящих сервизов столовой и чайной посуды (фарфор с художественной отделкой, хрусталь) — 7 больших ящиков;

серебряных гарнитуров столовых и чайных приборов — 2 ящика;

аккордеонов с богатой художественной отделкой — 8 штук;

уникальных охотничьих ружей фирмы “Голанд-Голанд” и других — всего 20 штук.

Это имущество хранится в 51 сундуке и чемодане, а также лежит навалом.

Кроме того, во всех комнатах дачи, на окнах, этажерках, столиках и тумбочках расставлены в большом количестве бронзовые и фарфоровые вазы и статуэтки художественной работы, а также всякого рода безделушки иностранного происхождения.

Заслуживает внимания заявление работников, проводивших обыск, о том, что дача Жукова представляет собой, по существу, антикварный магазин или музей, обвешанный внутри различными дорогостоящими художественными картинами, причём их так много, что четыре картины висят даже на кухне. Дело дошло до того, что в спальне Жукова над кроватью висит огромная картина с изображением двух обнажённых женщин.

Есть настолько ценные картины, которые никак не подходят к квартире, а должны быть переданы в государственный фонд и находиться в музее.

Свыше двух десятков больших ковров покрывают полы почти всех комнат.

Вся обстановка, начиная с мебели, ковров, посуды, украшений и кончая занавесками на окнах, — заграничная, главным образом, немецкая. На даче буквально нет ни одной вещи советского происхождения, за исключением дорожек, лежащих при входе на дачу.

На даче нет ни одной советской книги, но зато в книжных шкафах стоит большое количество книг в прекрасных переплётах с золотым тиснением, исключительно на немецком языке.

Зайдя в дом, трудно себе представить, что находишься под Москвой, а не в Германии.

По окончании обыска обнаруженные меха, ткани, ковры, гобелены, кожи и остальные вещи сложены в одной комнате, закрыты на ключ и у двери выставлена стража.

В Одессу направлена группа оперативных работников МГБ СССР для производства негласного обыска в квартире Жукова. О результатах этой операции доложу Вам дополнительно.

Что касается необнаруженного на московской квартире Жукова чемодана с драгоценностями, о чём показал арестованный Семочкин, то проверкой выяснилось, что этот чемодан всё время держит при себе жена Жукова и при поездках берёт его с собой.

Сегодня, когда Жуков вместе с женой прибыл из Одессы в Москву, указанный чемодан вновь появился у него в квартире, где и находится в настоящее время.

Видимо, следует напрямик потребовать у Жукова сдачи этого чемодана с драгоценностями.

Абакумов. 10 января 1948 года”.

Не бог весть что, у других маршалов и генералов рангом куда ниже по дачам и квартирам трофеев запрятано было побольше всякого добра, вывезенного из Германии, Австрии и Восточной Пруссии.

“Чемодан с драгоценностями” Жукова не давал в те дни покоя многим. Теперь-то можно смело предположить, что его и вовсе не существовало. Ну, вы представьте себе Александру Диевну, таскающую некий чемодан... Точно такой же чемодан искали у певицы Лидии Руслановой и её мужа генерала Крюкова. Драгоценности у Руслановой имелись. Целая шкатулка. Хранила ту шкатулку домработница. И когда Русланову арестовали и начали спрашивать о бриллиантах, шантажируя оставшейся на свободе дочерью генерала Крюкова, которую она полюбила, как родную, певица написала записку домработнице, чтобы та отдала следователям шкатулку.

Начались допросы по каждому “вещдоку”. Ожидания подчинённых генерала Абакумова не оправдались: по каждому камушку певица дала исчерпывающие показания — они сразу же проверялись, иногда на очных ставках, — и ни одна из историй не привела к Жукову или его семье.

Когда Жуков попал в опалу, Сталин начал возвышать Булганина, почти всю войну бывшего при Жукове членом Военного совета фронтов, человека в военном отношении совершенно ничтожного. Однако этот бывший член Военного совета обладал одним качеством, весьма ценным в тот период для диктатора, который одновременно продолжал возглавлять Министерство вооружённых сил СССР, — он был послушен. Послушен необыкновенно, почти карикатурно. Весной 1947 года ему присвоили звание маршала и делают Министром Вооружённых сил СССР. Говорят, когда Жуков узнал о том, что поступает в непосредственное подчинение Булганину, без обиняков сказал тому: занимался бы ты, Николай Александрович, московской канализацией и мусорными ящиками, а военное дело оставил тем, кто командовал фронтами и армиями. В прошлом Булганин был председателем Моссовета. Там он с его партийностью и хозяйственной деловитостью действительно приносил пользу.

Александр Бучин вспоминал: “На Георгия Константиновича и смотреть было страшно. Но держался. Спокойно, уверенно дал чёткие указания о сборах. Провели по-фронтовому. Как будто вернулись золотые военные дни.

Из тупика подали дорогой спецпоезд. Тот самый, боевой. Погрузили в наскоро протёртый вагон-гараж машины — бронированный “мерседес” и “бьюик”. В салон-вагон поднялся маршал, охрана в своей. В сумерках с каких-то опасных путей тронулись. Без провожающих. В прозрачном сумраке летней ночи поблизости маячили знакомые фигуры — топтуны из “наружки”. Что-то высматривали, вынюхивали”.

Должно быть, ждали, не принесут ли Жукову в последний момент чемодан с бриллиантами...

Одесским военным округом командовал генерал-полковник Юшкевич. Бывший командующий 31-й армией подо Ржевом и 3-й ударной в Прибалтике. Боевой генерал, фронтовик, он приказал повесить в своём рабочем кабинете портрет маршала Жукова. Юшкевича перевели в Приволжский военный округ, и он уехал в Куйбышев, не дождавшись маршала. После его отъезда кабинет основательно подчистили политработники. Первым делом убрали фотографию Жукова, висевшую в небольшой рамке над рабочим столом командующего, и вместо неё водрузили огромный, в полстены, портрет Сталина.

Во время войны Одесса и окрестности три года были оккупированы румынскими войсками. Почти всё ценное оккупанты вывезли в Румынию. Вдобавок ко всему Одесса, с давних времён известная своим вольным нравом, буквально кишела бандитами и ворами. Случались нападения на военнослужащих и семьи офицеров, грабежи, налёты на военные склады, поэтому Жуков разрешил офицерам постоянно носить личное оружие. Но когда на офицеров стали нападать с целью завладения оружием, Жуков отдал приказ стрелять в нападающих на поражение. Город был разбит на секторы и в секторах проведена тщательная зачистка с проверкой документов и ликвидацией притонов и воровских “малин”. Во время операции среди задержанных, переданных в отделы милиции, оказались и граждане, не причастные к преступному миру или имеющие твёрдое алиби. Пошли жалобы в органы власти. Обком партии почувствовал себя неуютно: в мирное время по приказу командующего войсками округа в Одессе введено по существу военное положение и власть, таким образом, перешла к военным... У Жукова начался затяжной конфликт с первым секретарём Одесского обкома ВКП(б) А. И. Кириченко.

Но Жуков оставался самим собой. Сразу же занялся делами округа. Побывал во всех воинских частях. Солдаты, и в особенности офицеры, сразу почувствовали его командный стиль: дисциплина, ответственность, полная самоотдача, жёсткий контроль за исполнением приказов и поручений.

Офицеры охраны отмечали, что темп его работы в Одессе всегда был высоким. Ни минуты свободного времени. Лишь изредка выбирался на охоту.

По мнению Александра Бучина, Георгий Константинович старался избегать разговоров о политике. “Он сумел не войти в бюро обкома партии, что полагалось по положению командующего округом. Маршал уклонился от контактов с первым секретарём Одесского обкома партии, вельможным, разжиревшим партийным бонзой А. И. Кириченко. К политике, в обыденном понимании, маршал, по всей видимости, не хотел иметь никакого касательства”. Но Жуков был слишком крупной и заметной фигурой, чтобы оставаться незаметным в политике.

Время от времени из Москвы в Одессу приезжал человек, иногда не просто человек, а генерал из Главного политуправления. Наводил справки. Расспрашивал. Интересовался. Писал отчёт и уезжал в Москву. Так пополнялось досье на Жукова.

В феврале 1947 года Жукова вызвали в Москву на пленум ЦК ВКП(б). На этом пленуме, во время вечернего заседания решался вопрос о выводе маршала из состава ЦК. Выступил секретарь ЦК по идеологии Андрей Жданов: “Я вношу предложение вывести из состава кандидатов в члены Центрального комитета Жукова. Он, по моему мнению, рано попал в Центральный комитет партии, мало подготовлен в партийном отношении. Я считаю, что в кандидатах ЦК Жукову не место. Ряд данных показывает, что Жуков

проявлял антипартийное отношение. Об этом известно членам ЦК, и я думаю, что будет целесообразно его не иметь в числе кандидатов в члены ЦК.

МОЛОТОВ: Кто желает высказаться по данному поводу? Нет желающих. Голосую. Кто за принятие предложения товарища Жданова об исключении из состава кандидатов в члены ЦК Жукова прошу поднять руки. Прошу опустить. Кто против? Таковых нет. Кто воздержался? Таковых тоже нет. Предложение об исключении Жукова из состава кандидатов в члены ЦК утверждено единогласно*.

Из “Воспоминаний и размышлений” Жукова: “Семь человек, выведенных из состава ЦК, один за другим покинули зал заседаний. И тут я услышал свою фамилию. Каких-то новых фактов, доказывающих мою вину, не было приведено. Поэтому, когда мне было предложено выступить, я отказался от слова. Оправдываться мне было не в чем. Как только руки голосовавших опустились, я поднялся со своего места и строевым шагом вышел из зала...”

Надо было каяться перед диктатором. Иначе — в лучшем случае, лагерь, в худшем — стенка.

“Исключение меня из кандидатов ЦК ВКП(б) убило меня, — в тот же день, 27 февраля, написал он Сталину. — Я не карьерист и мне было легче перенести снятие меня с должности главкома сухопутных войск. Я 9 месяцев упорно работал в должности командующего войсками округа, хотя заявление, послужившее основанием для снятия меня с должности, было клеветническим*.

Я Вам лично дал слово в том, что все допущенные ошибки будут устранены.

За 9 месяцев я не получил ни одного замечания, мне говорили, что округ стоит на хорошем счету.

Я считал, что я сейчас работаю хорошо, но, видимо, начатая клеветническая работа против меня продолжается до сих пор.

Прошу Вас, т. Сталин, выслушать меня лично, и я уверен, что Вас обманывают недобросовестные люди, чтобы очернить меня.

ЖУКОВ”.

Двадцать седьмым февраля 1947 года датировано и ещё одно письмо Жукова Сталину. Его он передал через Булганина. Копия ушла Жданову.

“Товарищ Сталин, я ещё раз со всей чистосердечностью докладываю Вам о своих ошибках.

1. Во-первых...” И так далее.

Никакого ответа на эти письма не последовало. Должно быть, Жуков и не ждал от них улучшения своего положения. Его обращения к Сталину носили ритуальный характер. Да и Сталин, по всей вероятности, относился к ним так же. При том, что окружение энергично науськивало его на маршала Победы, он понимал: Жуков, при всей сложности его характера, нужен ему, и именно такой: порой своевольный до дерзости, порой трудно управляемый, рубака и хват, но надёжный и в общем-то послушный, по-солдатски дисциплинированный. Бомба бомбой, но, если проводить крупные войсковые операции, то не Булганину же фронтами командовать. Но строитивца, почувствовавшего волю и наслушавшегося лестных речей Эйзенхауэра, надо держать в узде и на расстоянии. Одесса для этого пока вполне подходила.

В июне того же 1947 года появилось постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О незаконном награждении тт. Жуковым и Телегиным артистки Руслановой и других орденами и медалями Советского Союза”.

“ЦК ВКП(б) установил, — говорилось в постановлении, — что тт. Жуков и Телегин, будучи первым Главнокомандующим группы советских оккупационных войск в Германии, а второй — членом Военного совета этой же группы войск, своим приказом от 24 августа 1945 года № 109/н наградили орденом Отечественной войны первой степени артистку Русланову и приказом от 10 сентября 1945 г. № 94/н разными орденами и медалями группу артистов в количестве 27 чел. Как Русланова, так и другие награждённые

* Имеется в виду заявление маршала Новикова.

артисты не имеют никакого отношения к армии. Тем самым тт. Жуков и Телегин допустили преступное нарушение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 мая 1943 г. “Об ответственности за незаконное награждение орденами и медалями СССР”, караемое, согласно Указу, тюремным заключением сроком от 6 месяцев до 2 лет.

Для того чтобы скрыть противозаконное награждение Руслановой, в приказе от 24 августа, были придуманы мотивы награждения Руслановой якобы “за активную личную помощь в деле вооружения Красной армии новейшими техническими средствами”, что представляет из себя явную фальсификацию, свидетельствует о низком моральном уровне Жукова и Телегина и наносит ущерб авторитету командования”.

Никто из фронтовиков так не думал. Фронтовики были благодарны Руслановой за то, что все четыре с лишним года войны она, великая русская певица, была рядом с ними — и в окопах, и в землянках, и в госпиталях, и в ближнем тылу. А орден Отечественной войны 1-й степени был ей вручен по заслугам. На свои средства Русланова построила четыре, а по некоторым сведениям, шесть пусковых реактивных установок БМ-13 на базе ЗиС-6 и один тяжёлый танк КВ-1. В статуте ордена определено, кто может быть им награждён. Среди прочего есть и такой пункт: “Кто лично организовал материально-техническое обеспечение операции наших войск, способствовавшее разгрому противника”.

За годы Великой Отечественной войны Лидия Русланова дала на фронте 1120 концертов. Больше, чем кто-либо из артистов. С 1942 года, когда она вышла замуж за генерала Крюкова, часто бывала во 2-м гвардейском кавалерийском корпусе. Именно гвардейцам-миномётчикам 2-го кавкорпуса она передала свои “катушки”. Дивизион, вооружённый её установками, дошёл до Берлина. И сама певица шла к своему победному концерту на ступеньках рейхстага вместе с конниками генерала Крюкова. Как вспоминал один из баянистов, 2 мая 1945 года их концертная группа пробиралась к рейхстагу под огнём. В одном из переулков на них неожиданно вышла группа немцев, прорывавшихся на западную окраину Берлина, чтобы уйти к союзникам. Музыканты и казаки положили инструменты и взялись на оружие, чтобы отбить противника. Русланова первую песню спела в самом рейхстаге после только что отгремевшего боя. Потом ей предложили выйти на улицу. Концерт продолжился на ступеньках рейхстага. Баянисты всех фронтов и армий аккомпанировали ей. И это был воистину грандиозный ансамбль, который возвестил миру об окончании войны, о Победе. Затем был второй концерт — у Бранденбургских ворот. На нём-то и вручил Жуков орден “гвардии певице” Руслановой. Так повествует одна из легенд. Никто её не опроверг.

“ЦК ВКП(б) считает, — говорилось далее в постановлении, — что т. Телегин как член Военного Совета группы войск несёт особую ответственность за это дело, и та политическая беспринципность, которую он при этом проявил, характеризует его как плохого члена партии”.

Всё, что говорилось здесь о Телегине, относилось и к нему — Жукову. Причём, к нему — вдвойне.

“Учитывая вышеизложенное и выслушав личные объяснения тт. Жукова и Телегина, ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Тов. Жукову Г. К. объявить выговор”.

Этим постановлением Жукова в буквальном смысле слова подвесили на партийный крючок. Подвесили прочно, так что не сорвёшься. Старые коммунисты помнят, что такое выговор по партийной линии. Его могли снять спустя год в райкоме партии. Вначале провинившегося заслушивала партийная комиссия, состоявшая из старых большевиков. Она решала, достоин тот снятия выговора или нет, а уже потом *вопрос* рассматривался на заседании бюро райкома. Процесс этот был долгий и унизительный.

“2. Тов. Телегина К. Ф. перевести из членов ВКП(б) в кандидаты.

3. Принять предложение т. Булганина об освобождении т. Телегина от политической работы в армии и увольнении из Вооружённых Сил.

4. Войти в Президиум Верховного Совета СССР с предложением об отмене награждения артистки Руслановой...”

“Вошли” и “отменили”. А потом ещё и арестовали по “трофейному” делу. И четыре года продержали во Владимирском центре — самой жестокой тюрьме, где в то время сидели военные преступники, немецкие генералы, воєвавшие на Восточном фронте, повинные в гибели сотен тысяч советских людей и расстрелах пленных красноармейцев. В лагере Русланову держать боялись. Она и там покоряла сердца своим пением, да и остра была на язык.

Ведомство генерала Абакумова всю раскручивало маховик “трофейного” дела.

В 1945-м, когда закончилась война, трофеи везли из поверженной Германии, Восточной Пруссии, Венгрии и Австрии все — от солдата до маршала. Солдаты — в своих фронтовых “сидорах” и в чемоданах. Немного могли увезти на родину и младшие офицеры-окошники — лейтенанты, старшие лейтенанты и капитаны, кому пришлось командовать взводами, ротами и батальонами. Старшие офицеры, пользуясь своим положением и связями с тыловыми службами, собирали багаж посольственной. Некоторые обзаводились бричками и даже трофейными грузовиками, которые двигались в обозах. Генералитет, конечно же, имел более широкие возможности.

Жалованье, которое получали генералы оккупационных войск, позволяло совершенно законно купить большое количество самого разнообразного добра и забирать им вагоны. Вскоре эти вагоны и поехали в Советский Союз.

Что касается списка вещей, составленного сотрудниками МГБ после осмотра московской квартиры и дачи Жукова, то это, разумеется, не похоже на перечень наград и трофеев, взятых “на копьё”, как говорили в старину. Трудно представить на месте победителей 1945-го Суворова или Кутузова и его генералов. Маршал и сам это прекрасно понимал.

Слаб человек.

В 1948 году начались аресты по “трофейному” делу, его чаще называют “делом Жукова”, и это исторически более точно. Потому что кому суждено было дожить до суда, пошли в лагерь и тюрьмы не как мародёры, а как враги народа. Порой случались и совершенно курьёзные приговоры. К примеру, генерал Крюков, арестованный в том же 1948 году вместе со своей женой Руслановой, пошёл в лагерь по статье 58-10 УК РСФСР — “пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений...” Крюков долго упорствовал, не давал нужных показаний. Его терзали допросами три года. Суд состоялся только в ноябре 1951 года. Генералу Крюкову, как особо близкому другу Жукова, дали по полной: 25 лет лагерей. Обычно “трофейщики” и прочие, попавшиеся на присвоении и мародёрстве, квалифицировались по статье 193-17 УК РСФСР. Но в случае с Крюковым ни у следователей, ни у суда концы с концами не сходились. И тогда применили Закон от 7 августа 1932 года, известный в народе как указ “О трёх колосках”. По этому указу любое хищение приравнивалось к контрреволюционному преступлению.

“Трофейное” дело у следователей МГБ не заладилось с самого начала. Абакумов нервничал. Хозяин требовал результата, а результата не получалось. Арестовали около ста человек — всех, кто в последние месяцы находился рядом с Жуковым. В том числе генералов — Телегина, Терентьева, Крюкова, Филатова, Минюка, Бажанова, Сиднева... Допросы вели самые лучшие и надёжные следователи, опытные “колуны”.

Маршал Новиков рассказывал, как следователь Лихачёв проводил обычный допрос: “Какой ты маршал — подлец, мерзавец! Никогда отсюда больше не выйдешь. Расстреляем к такой-то матери... Всю семью переарестуем... Рассказывай, как маршалу Жукову в жилетку плакался, он такая же сволочь, как ты...”

Генерала Телегина били так, что он забывал имена своих детей и жены.

Генерал Крюков в 1953 году из лагеря написал Жукову письмо. Это была не только просьба друга выручить его из беды, но и покаяние, рассказ о том, как из него выбивали нужные показания. Письмо большое, на одиннадцати страницах. Вот некоторые его фрагменты: “Я не отказываюсь да-

вать показания, но я не знаю, что показывать, я ничего не знаю о заговоре и сам никакого участия в нём не принимал, давать же ложные показания я категорически отказываюсь”. “Следователь задаёт вопрос: “Бывал на банкетах у Жукова и Будённого?” — “Да, бывал”. — “Какие вопросы решались там?” — “О каких вопросах вы говорите? Были банкеты, как и каждый банкет: пили, ели, веселились, вот и всё”. — “Врёшь, перестань упорствовать, нам всё известно”. — “Если вам всё известно, что же вы от меня хотите? Уличайте меня тогда фактами”. — “Я буду тебя уличать не фактами, а резиновой палкой. Восхвалял Жукова? Какие тосты говорил за него?” — “В чём же заключается моё восхваление Жукова? Я не знаю, где бы воспрещалось участие на банкетах, причём официальных”. — “Все ваши банкеты — это только фикция одна, это не что иное, как собрание заговорщиков. Будешь говорить или нет? Даю 10 минут на размышление, после чего эта резиновая палка “походит” по тебе”.

Я сидел у столика и ждал своей участи, следователь разгуливал по кабинету с резиновой палкой в руке. “Ну, — говорит следователь, — будешь давать показания?” — “Никаких ложных показаний я давать не буду”. Следователь позвонил по телефону, на его звонок пришёл какой-то майор, как видно, тоже следователь. Капитан Самарин схватил меня за плечи, ударил по ногам и повалил на пол. И началось зверское избивание резиновой палкой, причём били по очереди, один отдыхает, другой бьёт, при этом сыпались различные оскорбления и сплошной мат. Я не знаю, сколько времени они избивали меня. В полусознательном состоянии меня унесли в “бокс”. На следующий день часов в 11–12 меня снова повели к следователю. Когда ввели в кабинет, меня снова капитан Самарин и тот же самый майор начали избивать резиновой палкой. И так меня избивали в течение четырёх дней и днём, и ночью. На пятый день меня вызвал зам. н-ка следственной части полковник Лихачёв в присутствии следователя кап. Самарина. Первый вопрос, который задал мне Лихачёв, был: “Ну и после этого ты будешь упорствовать?” Я заявил: “Я ложных показаний давать не буду”. “Ну, что же, начнём опять избивать. Почему ты боишься давать показания? Всем известно, что Жуков предатель, ты должен давать показания и этим самым ты облегчишь свою участь, ведь ты только *пешка* во всей этой игре. Подумай о своей участи и начинай давать показания”.

“Избитый, голодный, принижённый, — писал в своём покаянном письме зек Крюков своему боевому товарищу, — бессонные ночи тоже давали себя знать. Я не выдержал и подписал. До сих пор я себе простить не могу. Но у меня теплилась надежда, что придёт время, и я смогу сказать правду, почему я подписал”.

Крюков решил сказать правду о пытках и вынужденных “признаниях” на суде. Но следователи почувствовали незладное — столько времени упорствовал, и вдруг подписал “признания”. Следователь капитан Самарин предупредил Крюкова: “...если откажетесь от ранее данных показаний и скажете об избиваниях — сгноим в тюрьме. А у вас перспектива поехать в лагерь, а там жить можно. Помните одно: ваша участь решена безвозвратно, и ничего вам не поможет. Всем вашим заявлениям никто не поверит. И ещё советую вам, когда попадёте в лагерь, не подумайте писать жалобы. Помните одно: куда бы вы ни писали, всё попадёт ко мне и дальше моего стола никуда не попадёт, а вас мы за это запрячем в такой лагерь, откуда никакой связи с миром нет, где вы закончите своё существование”.

Жуков не забыл боевого товарища и друга командирской юности. После смерти Сталина он вернулся в Москву и был назначен на пост министра обороны СССР. Получив письмо из ГУЛАГа, он в тот же день показал его Хрущёву. Тот посоветовал обратиться к нему письменно, пустить запрос по официальному каналу.

“ЦК КПСС товарищу ХРУЩЁВУ Н. С.

Ко мне поступило заявление бывшего командира кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Крюкова В. В., арестованного в 1948 году, с просьбой передать его в ЦК КПСС.

Крюкова В. В. знаю с 1931 года как одного из добросовестнейших командиров, храброго в боях против гитлеровских захватчиков.

Прошу Вас, Никита Сергеевич, по заявлению Крюкова дать указание.

Г. Жуков

2 июня 1953 года № 83-н”.

В тот год он вытащил из лагерей и тюрем многих невинно осуждённых на страдания и гибель.

Итак, генералы и офицеры, арестованные по “трофейному” делу, давали показания. Кто молчал, к тому применяли спецсредства.

Абакумову во что бы то ни стало необходимо было найти чемодан с драгоценностями. Все эти пыльные гобелены и обезьяньи шкуры не стоили ровным счётом ничего. Хорошего дела, достойного первого маршала страны, из них не скроишь. Тем более, что на всё это барахло у Жукова имелись чеки, накладные, дарственные расписки и другие документы, свидетельствовавшие о добросовестности приобретённого. А вот драгоценности, чемодан с золотом и камушками решил бы всё одним махом.

Вскоре на допросах всплыло имя генерала Серова, в 1945-м работавшего в штабе Жукова его заместителем по делам гражданской администрации, а в ту пору — первого заместителя министра внутренних дел СССР. “Колуны” Абакумова умело развязали язык генералу Сидневу: “Наряду с тем, что основная часть изъятого золота, бриллиантов и других ценностей сдавалась в государственный банк, Серов приказал мне все лучшие золотые вещи передавать ему непосредственно... Серов мне говорил, что все эти ценности он отправляет в Москву, однако я знаю, что свыше десяти наиболее дорогостоящих золотых изделий Серов взял себе... Много времени проводил в компании маршала Жукова, с которым он был тесно связан. Оба они были одинаково нечистоплотны и покрывали друг друга... Серов очень хорошо видел все недостатки в работе и поведении Жукова, но из-за установившихся близких отношений всё покрывал. Бывая в кабинете Серова, я видел у него на столе портрет Жукова с надписью на обороте: “Лучшему боевому другу и товарищу на память”. Другой портрет Жукова висел в том же кабинете Серова на стене. Серов и Жуков часто бывали друг у друга, ездили на охоту и оказывали взаимные услуги. В частности, мне пришлось по поручению Серова [отдать] в подчинённые мне авторемонтные мастерские присланные мне Жуковым для переделки три кинжала, принадлежавшие в прошлом какому-то немецким баронам. Несколько позже ко мне была прислана от Жукова корона, принадлежавшая по всем признакам супруге немецкого кайзера. С этой короны было снято золото для отделки стека, который Жуков хотел преподнести своей дочери в день её рождения”.

Серова ознакомили с откровениями генерала Сиднева. Опытный чекист мгновенно оценил ситуацию: конкретного нет ничего, никаких улик и доказательств, но общий фон неблагоприятный. И Серов, понимая всю шаткость своего положения и считая, что дни Жукова сочтены, пишет 8 февраля 1948 года Сталину письмо: “Сейчас для того, чтобы очернить меня, Абакумов всеми силами старается приплести меня к Жукову. Я этих стараний не боюсь, так как кроме Абакумова есть ЦК, который может объективно разобраться. Однако Абакумов о себе молчит, как он расхваливал Жукова и выслуживался перед ним, как мальчик... Когда немцы подошли к Ленинграду и там создалось тяжёлое положение, то ведь не кто иной, как всезнающий Абакумов распространял слухи, что “Жданов в Ленинграде растерялся, боится там остаться, что Ворошилов не сумел организовать оборону, а вот приехал Жуков и всё дело повернул, теперь Ленинград не сдадут”.

Далее в письме Серов, имевший полное досье на своего недоброжелателя, доносит Сталину и о трофеях Абакумова, о чартерных рейсах его самолёта СИ-47 в Крым, только что освобождённый от немцев и румын, о “девушках лёгкого поведения”, которых “фокстротчик” возил в гостиницу “Москва”, о других его крупных и мелких грехах.

О чемодане с драгоценностями заговорил адъютант Жукова подполковник Сёмочкин, арестованный вместе с генералами. По этому поводу Абакумов докладывал Хозяину: “В Одессу направлена группа оперативных работ-

ников МГБ СССР для производства негласного обыска в квартире Жукова. О результатах этой операции доложу Вам дополнительно.

Что касается не обнаруженного на московской квартире Жукова чемодана с драгоценностями, о чём показал арестованный Семочкин, то проверкой выяснилось, что этот чемодан всё время держит при себе жена Жукова и при поездках берёт его с собой. Сегодня, когда Жуков вместе с женой прибыл из Одессы в Москву, указанный чемодан вновь появился у него в квартире, где и находится в настоящее время. Видимо, следует напрямую потребовать у Жукова сдачи этого чемодана с драгоценностями”.

Судя по всему, никаких драгоценностей у Жукова в таком количестве — чемоданом! — не было. Хотя некий чемоданчик он действительно возил с собой всегда. Ещё со времён службы в Белорусском военном округе. В нём лежала пара белья и всё самое необходимое на случай ареста.

Судьба генералов, арестованных по делу Жукова, складывалась по-разному. Некоторые годами сидели в тюремных камерах, их водили на бесконечные изнурительные допросы, применяли спецсредства. Другие вскоре пошли в лагерь, получив от 10 до 25 лет. Гордова, Кулика и Рыбальченко расстреляли в августе 1950 года, когда Жуков уже служил в Уральском военном округе. Через год, получив от Военной коллегии Верховного Суда СССР свои “десятки” и “четвертаки”, по этапу пошли Милюк, Терентьев, Крюков, Телегин.

Но Жукова не трогали.

Когда арестовали Абакумова, и следователь, интересуясь делом Жукова, спросил, почему многие дела в МГБ так затягивались, тот ответил: “...есть такие дела, групповые и одиночные, которые затягивались. Делалось это по специальному указанию... или же диктовалось оперативными соображениями... Имеется дело генерала Телегина и других — 8 человек. Дело это весьма важное, и его впредь тоже следует держать и не заканчивать. Оно связано с маршалом Жуковым, который является очень опасным человеком...”

Он это чувствовал. Александр Бучин рассказывал, что осенью 1947 года он, наконец, получил отпуск и поехал из Одессы домой, в Москву. Там участвовал в соревнованиях — в первенстве Вооружённых Сил по мотогонкам. Мотоциклист он был великолепный — победил. И вскоре ему позвонил Василий Сталин, в ту пору генерал-лейтенант, помощник командующего ВВС Московского военного округа. Заехал к нему на квартиру, привёз на дачу, где совсем недавно жил командующий ВВС страны главный маршал авиации Новиков с семьёй. Кинул по этому поводу небрежно:

— Теперь сидит.

Усадил Бучина за стол, выставил хорошие закуски, налил водки. Выпили. Бучин думал, что сын вояды, страстно увлечённый спортом, заинтересован в нём как в талантливом спортсмене и готов предложить что-то, связанное с мотогонками. Но Василий вдруг заговорил о чёрном “паккарде”, стоявшем в кремлёвском гараже особого назначения. В Одессу Жуков “паккард” не взял. А Василию, освоившемуся на даче арестованного по его навету командующего ВВС страны, машина маршала Жукова давно не давала покоя.

“Убедившись, что Василий говорил всерьёз, — вспоминал Александр Бучин, — я сначала даже растерялся, потом оправился и пообещал поговорить о “паккарде” с Г. К. Жуковым. Про себя твёрдо решил — ни слова маршалу, хватит у него и без этого огорчений. Удовлетворённый Василий, порядочно набравшийся, приказал какому-то грузину отвезти меня домой на Старопанский. Тот отвёз на “мерседесе”.

В Одессу вернулся из отпуска, стараясь не подать и виду маршалу, что буквально давило меня. Василий никогда бы не осмелился нагличать, если бы Георгия Константиновича не прижимали со всех сторон. Вполголоса среди нас, близких к маршалу, пошли разговоры о том, что Жукова, наверное, арестуют, ибо по непонятным и необъяснимым причинам бросили в тюрьму десятки генералов и офицеров, непосредственно работавших с ним. Перечислять их и называть опасались даже в разговорах без посторонних. Атмосфера была гнетущая, тяжёлая... В последние месяцы моего пребыва-

ния в Одессе в машине царило погребальное настроение. Маршал во время поездок почти не разговаривал. Я также не открывал рта, боясь, что не выдержу и расскажу Георгию Константиновичу о домогательствах Василия”.

Наступил 1948 год. Год был високосный. После Нового года маршал пригласил Бучина однажды в гости и сказал:

— Убирают тебя от меня, Александр Николаевич. Пришёл приказ: отзываешься в распоряжение Управления кадров МГБ СССР. Выезжать надо немедленно. Я приготовил письмо Власику, передай ему. В письме просьба — оставить тебя у меня. Письмо постарайся передать лично Власику.

В Москве на Лубянке генерал Власик встретил Бучина матюгами и оскорблениями. Тут же на руки выдали трудовую книжку: уволен из МГБ СССР с 19 января 1948 года “за невозможностью дальнейшего использования”. В МГБ, оказывается, были и такие формулировки. Письмо маршала Власик даже не стал читать.

В конце января Жуков неожиданно разыскал Бучина в Москве. В то время он уже получил направление в другой, глухой и отдалённый от центра Уральский военный округ. Хотел забрать с собой “паккард”, но машину почему-то не подавали.

Из воспоминаний Александра Бучина: “Осведомившись о моём здоровье, Георгий Константинович попросил меня об одолжении — выяснить, почему ему не подают... “паккард”. Пропуск в Кремль у меня отобрали, и с большим трудом мне удалось связаться по телефону с Удаловым*. Тот сухо ответил, что есть распоряжение Косыгина. Что это означает, непонятно. Когда Георгий Константинович позвонил и справился о моих “успехах”, я честно пересказал слова Удалова. Последовала тягостная пауза, потом Георгий Константинович поблагодарил за труды и повесил трубку. Довольно скоро я узнал — “паккард” забрал В. И. Сталин”.

Бучина арестовали весной 1950 года. Во время ареста сотрудники МГБ тщательно обыскивали комнату. При обыске нашли комсомольский билет. В билет была вложена фронтовая фотокарточка Жукова. Старший группы швырнул карточку на пол, заорал:

— Что ты эту дрянь держишь! Что он тебе, отец?!

Через несколько часов Бучина уже допрашивали во внутренней тюрьме на Лубянке.

Из воспоминаний Александра Бучина: “Первые месяцы во внутренней тюрьме — кошмар. Прежде всего, психологически. Хотя я, работая у Г. К. Жукова, наглядился на чекистов и не был восторге от них, всё же, как у каждого советского человека, у меня было представление о них как о борцах с “врагами”, людях, занятых опасным делом, идеалистах. Впервые мне пришлось столкнуться с ними в их логовище — на Лубянке, и я пришёл в неопиcуемый ужас. Вместо романтиков я увидел обыкновенных тупых мерзавцев.

Я проходил по следственной части по особо важным делам МГБ СССР. Следователи полковник Герасимов, затем подполковник Мотавкин взяли за меня всерьёз и, конечно, поставили на “конвейер”. Практически мне очень долго не давали спать. На допрос вызывали вскоре после 22:30, то есть после отбоя. Только лёг, как надзиратели, или лучше именовать их уместным словечком вертухаи, поднимали и вели на допрос. Нередко по дороге запирали в бокс на несколько часов, глубокой ночью вводили в кабинет зевающего следователя, который, чтобы разогнать сон, орал, грозился и вёл безумные речи. Иной раз казалось, что ты в доме умалишённых. В камеру отводили около 6 утра, а в 6 подъём, и уж спать днём не дадут...

Довольно быстро с пугающей отчётливостью вырисовывалось — шпионаж и прочее**, предъявленное мне, по всей вероятности, разминка, разгон следствия перед выполнением основной задачи, поставленной перед этими

* Начальник гаража особого назначения.

** А. Н. Бучина допрашивали о разговорах с сыном Эйзенхауэра, а также бывшим военным атташе США в СССР Файнмонвилем, которых приходилось возить лично ему водителю Г. К. Жукова.

негодяями, — заставить меня очернить Георгия Константиновича Жукова. Соразмерно величине задачи постепенно претерпели изменение методы следствия. Подполковник Мотавкин популярно объяснил, что режим внутренней тюрьмы, уже доведший меня до умопомрачения, — санаторий. Упорствующим, закоренелым преступникам, к которым отношусь я, отправляют в тюрьму в Лефортово, и там с ними “говорят как следует”. Хочешь жить, признавайся, пока в “санатории”, в противном случае...

Мотавкин заключил: незачем защищать Жукова, у МГБ о нём своё нелицезнующее мнение. “Твой Жуков, — распаясь, внушал мне подполковник, — моська, а Сталин — слон”. Поможешь следствию изболтать Жукова, тебе будет хорошо, испортишь с нами отношения, пеняй на себя. Все эти светлые мысли, конечно, оформлялись в иных выражениях. Шла сплошная матерщина, висел густой, отвратительный мат. Как последний аргумент — если будешь упорствовать, раздавят как “козявку”.

Стоит обратить внимание на реплику подполковника Мотавкина по поводу моськи и слона. Значит, в напряжённой атмосфере тех лет существовали мысли-опасения о противостоянии на уровне Сталин—Жуков. Хотя, конечно же, фигуры несопоставимые. Однако что-то же напугало Сталина, что он открыл охоту на маршала. И затягивали это дело не случайно — из “оперативных соображений”, по “специальному указанию”, “держать и не заканчивать”. Чтобы человек постоянно висел на крючке и чувствовал это каждый час, каждый миг, затылком, кожей спины...

ЕВГЕНИЙ ЮШИН

ПЛАВНО РЕКА УСТРЕМЛЯЕТСЯ К УСТЬЮ

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕТЕР

Родной деревни нет уже на свете.
Заборов перекошенных горбы.
В пустых сенях гуляет сиплый ветер
И выметает время из избы.

В морщинах брёвен — пыль иного века.
Какие здесь гремели облака!
С войны вернувшись, гармонист-калека
Одной рукой растягивал меха.

И пел ведь, пел. И радости-печали
Любой избе хватало на судьбу:
И люльки, словно лодочки, качали,
И провожали ближнего в гробу.

И бабушка, и мама — молодые.
И песни — не удержит соловей.
Какие здесь черёмухи льняные!
Какие искры на глазах коней!

ЮШИН Евгений Юрьевич родился в 1955 году в г. Озёры Московской области. Окончил пединститут в Улан-Удэ. С 1986 года работает в журнале “Молодая гвардия”. Автор десяти поэтических книг, лауреат ряда литературных премий, в том числе премии имени Александра Невского и Большой литературной премии России. Его стихи переведены на болгарский, немецкий, французский языки.

Мы жили не богато, не убого.
И та, что улыбнулась мне тогда,
Так пристально смотрела на дорогу,
Которой уходил я навсегда.

И все ушли... Кто в города, кто в землю.
Нашли себе загаданный приют.
Всё понимаю, но не всё приемлю,
И страшно, что меня не узнают

Лужок гусиный около обрыва,
От тишины присевшие сады,
Калина и горячая крапива
У проходящей медленно воды.

Прости-прощай!
Мне страшно в новом мире,
Где по-иному смотрят и поют.
И ветер всё железнее и шире,
И всё прохладней избранный приют.

* * *

Вздвогнет берёзы осенняя люстра
И полетят медяки на траву.
Белые грузди, чёрные грузди
Неторопливо под елями рву.

Белые грузди. Чёрные грузди.
Что ж это грусти — через края?
Где-то высоко небесною Русью
Мамочка, мама проходит моя.

То пожурит меня дождиком синим,
То приголубит певучей волной,
Выйдет лучами над полем озимым,
Светом незримым взойдёт надо мной.

Плавно река устремляется к устью,
И уплывают в дрёму веков
Белые грузди, чёрные грузди
Грустных, осенних, сырых облаков.

НОЧЛЕГ

Владимиру Крупину

Дом средь леса, бревно, поляна.
И луна, словно пень, торчит.
Лай собаки истошный, рваный.
Вышел дед на крыльцо, молчит.

— Приюти. —
— Заходи покуда. —
А в руке у него ружьё.
— Опасаешься? —
— Много люда.
Реже добрые, чем гнильё. —
Покурили, попили чая.
Образа в заревом углу.

Ходит кот по избе, скучая.
Точит звонкий сверчок пилу.

Огляделся. Берёт зевота.
— Где положишь-то? —
— У икон. —
На повыцветших жёлтых фото
Над кроватью — она и он.

Улеглись. Из-под пола — сырость.
— Мне-то скоро, наверно, в гроб.
Но, скажи, что с землёй случилось?
То пожарища, то потоп.

Что ответить? Молчу нескладно.
Точат ходики: тик да так.
— Не хотишь говорить — и ладно.
И твои дела не табак. —

Светит полно луна в окошке,
Даже видно: на сундуке
Дремлет щупленькая гармошка,
Позабывшая о руке.

— А сумеешь сыграть? —
— Пожалуй. —
Поднимается и берёт.
Эти звуки сквозь сердце жалят,
Словно он свою душу трёт.

Отыграл. В темноте пошарил
И опять — на сундук её.
— То потопы, а то пожары.
Что же деется, ё-моё!

Наступи — тишину раздавишь.
За диваном скребётся мышь.
— Вот и ты ничего не знаешь.
Утоптался. Поди-ко, спишь?

В белой майке сидит на лавке,
В мироздание погружён.
Тени скользкие, как пивявки,
В листьях плавают у окон.

— А ведь что-то неладно в мире:
У земли развернулся крен...

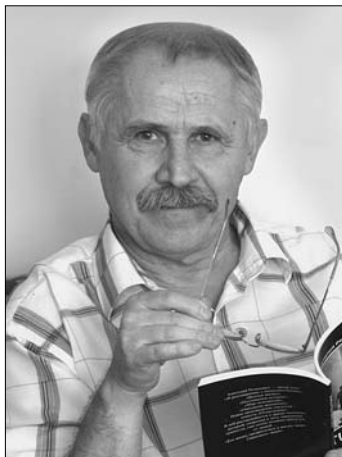
Расплывается жёлтым жиром
Лунный свет от сосновых стен.

Тонконогий, как белый аист,
Он поднялся: — Пойду я спать.
Ничего-то и ты не знаешь,
Потому что не хочешь знать.

Вот и думаю о погоде.
За печуркой прилёт старик.
— Что в народе, то и в природе...
Только ходики: тик да тик.

*Поздравляем Евгения Юшина с 60-летием!
Желаем вдохновения, здоровья, верности своему призванию!*

ГЕОРГИЙ МАРЧУК

МАРТОЧКА

РАССКАЗЫ

Сегодня день независимости Украины. Уже, пожалуй, года четыре как меня не приглашают на этот национальный праздник в посольство Украины. И мечтать нечего, забыли. Каждый новый посол — исхожу из собственных наблюдений — по приезде в нашу страну собирает вокруг себя свой бомонд. Кое-какая мизерная информация о жизни страны-соседки, безусловно, доходит. Но это в основном экономико-политические вести. О культуре, литературе, искусстве — гробовое молчание на всех телеканалах. Это минус и белорусского телевидения. Восхищаясь и популяризируя где только можно, как только можно творчество великих художников эпохи Возрождения в Европе и не менее великих художников-передвижников XIX века в России, ...я не знаю творчество великого украинского художника, моего современника, академика Ивана Марчука. Ведь мы, выходит, дети одного родового древа. стыдно, спросите вы? Да, стыдно. Охватить житие и творчество всех талантливых художников, равно как и талантливых писателей, композиторов невозможно. Понимаю с некоторой долей огорчения, как мало успевает человек напитать себя красотой за жизнь, но ведь украинский художник особая забота... Из Марчуков, может, ровенских, как мой украинский дед Илья. Впрочем, этот стыд ещё подлежит исправлению, смягчению. Он ещё не приближен к греху. А вот что делать с глубинным стыдом, который временами будоражит память и возвращает к не всегда радужным воспоминаниям? Не-

МАРЧУК Георгий Васильевич родился в 1947 г. в Давид-Городке Брестской области. Окончил Белорусский театрально-художественный институт и Высшие курсы сценаристов и режиссеров в Москве. Прозаик и драматург. Автор многих книг прозы и пьес. Лауреат Государственной премии Республики Беларусь. Секретарь правления Союза писателей Беларуси. Живет в Минске.

даром ещё Зевс говорил, что стыд и совесть — основополагающие начала духовного саморазвития... об этом греки пишут в своих мифах.

Итак, возвращаемся в юность. Давид-Городок, моё провинциальное местечко, 1962 год. Ах ты, опьяняющая, очаровывающая свободой, удовлетворением простых житейских желаний — рыбалка, кино, танцы, игра в карты, футбол, теннис, снова рыбалка — летняя пора! Ах ты, ожидание сладкого предчувствия первых поцелуев, радость от аплодисментов на концерте в клубе! Ах ты, счастье молодости — пора каникул! Кажется, это насыщение души радостями жизни и самой жизнью как таковой будет безоблачно всегда и неизменно длиться долго, долго. Никто ещё из нас, подростков, не понимает и не пытается осмыслить слова “тяжёлая болезнь”, “старость”, “одиночество”. Но они идут рядом, просто мы их не замечаем до поры.

У моего деда была такого же небольшого росточка, подвижная, с каким-то треугольным носом на широком скуластом лице сестра Марта. Из-за этого малого роста её иначе, как Марточка, в городке и не звали. Мне было пятнадцать лет, ей семьдесят. Жила она с сыном, золотых дел мастером, который самостоятельно выучился прекрасно играть на мандолине. Он с двоюродным братом моего деда, местным художником Борисом, который тоже самостоятельно освоил гитару, часто удивляли по праздникам всю нашу улицу и прилегающие к ней переулки праздником русских, итальянских и польских мелодий. Имея дело с золотом, сын Марточки подвергался искушению... То ли вёл незаконную торговлю, то ли проворачивал иные махинации с золотишком да серебром. При социализме со спекулянтами обходились круто. Побыл он в тюрьме недолго. Вернулся совсем больным, сильно запыл и с трудом возвращался к своей редкой профессии.

Пенсию по старости Марточка не получала, не было тогда ещё такого закона. Нищенствовали, годами Марточка не покупала обновки. Занималась мелкой торговлей, как, впрочем, и все люди её века, продавала семена цветов да лук с чесноком. Часто брала небольшие суммы на хлеб, сахар, соль, макароны в долг, затем снова одалживала у родни и возвращала долги соседям. От голодной смерти её с сыном спасали козы, которые были почему-то очень назойливы — до агрессивности... и, случалось, преследовали меня по переулку метров тридцать-пятьдесят. Они паслись на лужайке перед хатой Марточки и были привязаны к кольям на длинных-предлинных веревках. В отличие от своей хозяйки, козы были злые. Марточка имела общительный характер, останавливалась с каждым и могла подолгу судачить обо всех. Не предмет разговора был для неё важен, а субъект, человек, с которым она с видимым удовольствием беседовала.

На свое несчастье, Марточка как-то внезапно ослепла. Вернее будет сказать — почти ослепла. С постоянной палкой в руке, в замусоленной, возможно, довоенной ещё серой юбке, в зелёном жакете не по росту с заплатками на локтях, она по привычке продолжала выходить в город, на базар, к церкви. Наша центральная улица одна из немногих была несколько опасна для пешеходов. Марточке, чтобы попасть в церковь, необходимо было перейти центральную в районе кинотеатра “Заря” и Доски почёта — это центр города, любимое место тусовки для нас, подростков. За Доской почёта — парк с вековыми тополями, за кинотеатром — базар, чайная, рядом — пожарная вышка с пятиэтажный дом.

Завидев приближающуюся Марточку, мы отходили в сторону от перехода, потому как никому не хотелось, тем более под руку, переводить бабушку на противоположную сторону улицы. Стеснялись. Марточка, случалось, пускалась на хитрость. “Хлопчык, хлопчык, ходзі сюды! Нещо скажу тебе”. Как только кто-то из нас подходил к ней близко, она тотчас хватала его за локоть и уже не отпускала. Руки у неё были сильные. “Перавядз мяне, хлопце, на той бок, до царквы”, — просила она. И “жертве” ничего не оставалось делать, как исполнить её просьбу. Один раз на её уловку попался и я. Она ухватила меня за руку. Я почему-то очень покраснел. Хлопцы подтрунивали.

— Чый ты? — спросила она неожиданно.

— Осколка Змитра унук.

— Жорык! — обрадовалась она. — Які ты ужэ вялікі вырос. Слава Богу. Мамочку успомінаеш? Молодой пошла. Я плачу, плачу по ёй. У царкве памалюся. Золотэ сэрцэ было. Скажы деду, що я тры рублі у суботу прынясу.

— Добрэ, скажу, — мне не терпелось поскорее вырвать свой локоть из её руки.

К церкви её не стал провожать, решил не возвращаться и к своей компании. Поднимут на смех.

“Ну, як твоя дзеўка Марточка? Добрэ погуляў?” Такой издёвкой мы всегда встречали провожатых. Через несколько дней опять возле чайной появилась Марточка и, постукивая перед собой палочкой, направилась в нашу сторону. Все мы, и я в том числе, быстро ретировались и перешли к Доске почёта. Минут десять она стояла одна у кинотеатра, не решаясь самостоятельно перейти улицу, пока её одна сердобольная женщина не перевела на другую сторону. Я даже не задумывался над вопросом, почему я, её кровный родственник, не помог почти слепой тёте Марточке? Почему? Через год я заболел туберкулёзом, и началось моё почти двухлетнее скитание по диспансерам и санаториям. Может, меня за мою чёрствость Господь наказал. Ведь к туберкулёзникам с опаской надо подходить, их обычно обходят стороной, стараясь держаться подальше от палочки Коха. Я избегал старой Марточки, брезговал... Так вот получи сам: и тебя будут обходить стороной...

Ещё через год я навсегда покинул Давид-Городок. Умер сын Марточки. Тюрьма, болезнь, алкоголь до времени свели в могилу талантливого самоучку. Марточка совсем ослепла. Вскоре из Польши воротилась в родную старенькую, с одной большой комнатой, с дырявой крышей хатку родная дочь Марточки Софья, такая же худенькая и подвижная, улыбочивая и открытая, как и мать. “У Польшчы лепш як у нас. Чого ты ехала?” — недоумевали соседи.

— Маму шкода... Сляпы ж человек. Доглядац трэба, — спокойно отвечала Соня.

Я хоть и очень редко, но по случаю навещался в родной городок, но не у кого было просить прощения. Марточка умерла. И вот я подхожу к её годам. Медленно, но неотвратимо и у меня слепнут глаза, по капельке нетнет, да горьким комом сдавит горло, укрупняя морщины, воспоминание стыд. Укоряю сам себя. До слёз бередит душу этот стыд. словно какой-то знак из космоса.

Прости, Марта Михайловна.

ПЕЧАЛЬ

Расскажу, что случилось однажды в нашем местечке. Здесь живёт то ли шесть, то ли семь тысяч человек. Многие работают на молочном заводе, кто-то выбился в учителя, кто-то стал врачом, а некоторые нашли тёплое место при харчах, в чайной. В местечке есть церковь, библиотека, четыре продуктовых магазина и универмаг, выкрашенный почему-то в ярко-синий цвет. Ездят люди по брусчатке ещё с польских времён на велосипедах и на машинах, но больше любят ходить пешком. Ставят в огородах теплицы да возят по миру огурцы, свёклу, помидоры, вяленую рыбу, бобы и картошку. С этого и живут. Вдали от революций, природных катаклизмов и финансовых пирамид.

В этих местах селиться, кроме разве что цыган, особо никто не торопится. Нет работы. Если же учитель не устроился в большом городе, то уж здесь наверняка найдёт и кров, и неплохой по местным меркам заработок. Лет тридцать или сорок тому назад в местечке был даже свой духовой оркестр. Да вот только руководитель, всех научивший играть на разных инструментах, начал изрядно пить. Нельзя сказать, чтобы в местечке было уж очень много любителей этой заразы, — здесь женщины вышивох терпеть не могут. Однако вслед за дирижёром втянулись и другие, да вскоре и поумирали.

Остался только Иван Иосифович, у которого были две статные, красивые дочери и которыми он очень уж гордился.

Иосифович в праздники — так было у него заведено — шёл в церковь. Многие мужчины посещают церковь, чтобы просто в воскресенье пройтись по городу. В Бога верят обычно женщины — истово молятся. Иван Иосифович ходил ещё и для того, чтобы послушать в церкви певчих. Тянуло его к музыке. Да разве его одного! Когда расходились люди по домам, неся в бутылках и банках святую воду, частенько можно было услышать: “Ой, как хорошо спевают наши певчьи! Нигде в раёне таких няма. От ужо Вера малайчына так малайчына, що ужо тут казать”.

Вера Мозоль служила регентом маленького хора певчих, которых она ещё лет пятьдесят назад искала, а потом агитировала и уговаривала, и учила. Вере Федосовне Мозоль пошёл девяносто первый год. Женщины в местечке живут, слава Богу, долго. Пятьдесят из этих девяноста она и служила регентом. Все остальные участники были помоложе. Но особую дружбу она водила с шестидесятилетней Надей Лагун. Очень давно, когда ещё в Доме культуры была самодеятельность, они — пятидесятилетняя Вера и двадцатилетняя Надя — пели дуэтом народные песни, больше русские да белорусские. С той поры и подружились. Даже не то чтобы подружились, а просто сблизилась: Вера крестила единственную дочь Нади, а Надя шила для Веры и её детей верхнюю одежду: юбки да рубахи. После службы, когда все расходились, они обычно ещё долго стояли у церкви, о чём-то говорили, потом шли по берегу реки — Надя провожала Веру домой. Собственно говоря, провожать не было нужды: Вера — подвижная, энергичная — неслась вперёд, а Надя — на голову выше, долговязая, угловатая — едва поспевала за шустрой Верой. Да все спрашивала: “Щчо ты робишь? Щчо ты, Вера, еси, шчо не старэш? Я нешто и сивая вся, и нос пашырэв, и нейкия плямы на кожи, да лапики под очами — баюся в зэркало глядзеть”, — обеспокоенно так спрашивала.

“Щчо вжэ Бог дае. Радуюся кожнаму дню. Людям зла не раблю и не завидую никому”, — с улыбкой отвечала Вера. Вот здесь она попадала в самую точку: нет-нет, да и кольнет Надю зависть к старшей подруге. Случается, идут они по улице, а от встречных только и слышно: “Здравствуйте, Вера Федосовна”. А ещё Вера никогда не хвалила Надю. Другим доброе слово скажет: “Хорашэ спявали”. А Нади будто и нет. А сама Надя тоже была с гонором, ни о чём не спрашивала. Сблизило их горе общее. Внезапно умер муж Нади — собирался на рыбалку, встал рано, в груди горело и ныло, однако пошёл... В лодке и умер. А через неделю угас и муж Веры. И на кладбище их могилы были рядом. Вера — та на людях не убивалась: “Так Богу вгодно, мне адмерил больш”. А Надя — он был у неё вторым, первый подался когда-то на целину и пропал — затосковала. Искала предлоги, толклась на базаре, чтобы по позже возвращаться домой... а лучше только на ночь. Сама себе говорила: “От добрэ, шчо помер улетку, прыдзе довжэзная зима, трохи забудзецца всэ”. Она начала внимательнее присматриваться к тому, как Вера руководит хором певчих. Ей вдруг захотелось и самой стать регентом. А то вдруг Вера передаст Соне или Любе Цубер своё место... Тогда, может статься, она и покінет хор... Да чтобы она, моложе лет на десять-двадцать, и вдруг верховодили?... И начала она внимательно перечитывать Евангелие, больше прислушиваться к Вериним советам, которые та охотно давала, беседуя с людьми возле магазинов или церкви.

Одна хвалится: “Моя раскошница оденет новую сукенку и круцицца перад зэркалом повдня, и есьц и п’е перад зэркалом”.

— От гэто не трэба робиць, — говорит в ответ Вера Федосовна.

— Почему? — интересуется болтунья.

— Бо чорт, яки сядзиць за зэркалом, украдзе красоту и здорв’е! Няхай не робиць так.

— От добрэ, шчо попярэдзила, — соглашается женщина.

А то еще, случалось, спрашивали:

— А як проверыць ці такога, як трэба было, Бог паслав мне чловека?

— Просто. Коли в другой жыцці згодна з ім знов пражыць жыццё, то значыцца твай...

Надя в думала-гадала: і откуда у неё всё берётся? Ведь работала до пенсии простым бухгалтером... А разум Бог дал.

— А без Бога можна, Вера Федосовна, жыць? — ещё кто-нибудь спросит.

— Можна, і нашых багата жыве. Але з Богам спакойней і надзежды больша.

— Тоска нападае, — сказала Надя.

— Весаляцца як дурень не будзеш кожны дзень. Радавацца жыццю можна кожны дзень. Прыглядзіся да всяго жывога... да курана, да кошачки. Я вчора мо повгазіны глядзіла саломінай па галовке маленькую жабку. Нейкі цуд. Куды не кінеш оком — всюды чудо і радасць жыцця.

Вот отчего Надя и взялась читать Евангелие. Вера позвонила вечером: “Прыходзь”. Голос был тихий, странный. Опротметью бросилась Надя к хате над рекой. Вера лежала на кровати у окна.

— Сябровачка мая, Гасподзь прызвае. Вчора яшчэ калі святковалі Макавей... раптам зямля вакол мяне закружылася, не я вакол яе, а яна вакол мяне. Памираць буду.

— Гасподзь з тобой, не пугай так, — Надя перекрестилась.

— Слухай... калі не сёння в начы... дзень, два... чловека прыснiвiся. Кажа, Вера, што ты там заседзелася. Не магу я тут адзiн. Прыходзь.

— А мой мне ніколі не сніцца.

— Дык вось. Коб ховалі як всіх нашых. Ты станеш на мае месца. Ля маёй галавы. Сачы за бацюшкам. Ён калі што знак падасць. Коб спявалі без слёз. У певчых доля такая — не плакаць.

— То вжэ ж ведаем. Шчо загадаеш, все зраблю, — соглашалась Надя.

— Шалик мне на шыю... што нявестка колісь падарыла, павязашь. Люба любіць вырывацца... сачы, коб усе в гармоніі, ровна. Камертон вазьмі. Навука не хитрая. Схопіш. Цоловацца не будзем... а то яшчэ дзень-два бог дасць пожыць... дык будзем адно шчодня цоловацца, — по губам пробежала лёгкая усмешка. — Дай руку.

Надя протянула подруге руку и почувствовала необычно-неприятный холод — как зимой. Попрошались. Вера угадала. Умерла не ночью, а на рассвете... когда солнышко заглянуло в её окно. Хоронил Веру Федосовну весь городок. Надя распоряжалась, как и велела покойная. Началась панихида. Певчие, поскольку Надя встала на место Веры, ждали её знака: взмаха руки. Она так и сделала. Запели. Все, кроме Нади. Какая-то невидимая сила сдавила горло, и она будто онемела. Пропал голос. Пропели и на кладбище, но то же самое с голосом у Нади повторилось. Певчие, хоть и заметили Надино молчание, однако же простили: такая тяжёлая минута, что даже священник, у которого никто никогда не видел слёз, всплакнул. Почти всю ночь Надя не спала, ворочалась, молилась перед иконой Божьей матери, опять ложилась, а сон всё не шёл. С нетерпением, как никогда, прямо сама себе удивлялась, ждала, когда опять будет покойник. Через три дня умер старый Бегла. Не пла, а бегом бежала в церковь. И опять всё повторилось. Голоса не было. Не смогла петь. Изо дня в день она укоряла себя. На девятый день пошла к Вере, поплакала: “Даруй, прости... мо то я надштурхнула да цябе смерць”. Ссылаясь на хворь горла, больше в хор певчих не ходила.

Дочь уговорила мать переехать в город Петриков. Внучка уже подросла. Надо было отдавать в первый класс. Продали хату. И Надя покинула местечко. Теперь у неё была одна забота — забирать после уроков внучку из школы. Она выходила из хаты утром. Садилась на берегу реки, возле школы, в которой детский хор дружно и бодро пел свои детские песни. Надя смотрела в бездонное небо и, тяжело вздыхая, просила-молила: “Вера, чаго ты памэрла, чаго, Вера... Дай хоць яки знак”. Но молчало небо, на котором наливались свинцовой тяжестью осенние облака.

ЗИМНИЕ КАРТИНКИ МОЕЙ РАННЕЙ ЮНОСТИ

Любимая моя пора года — время мокрого снега. Зимние воспоминания даже крепко связаны с ранней юностью, периодом неспешного взросления. Зима наступает в моём полесском городке неожиданно, как и в других местах моей родины. Серые, серые облака, серые дома, серые улицы, серые деревья, и вдруг утром всё оделось в снежную белизну.

Ах, зима... Это огонь в печи, из которой стреляют искорками и пламенными угольками горящие поленья, это голодные, со своей голодной песней сидящие на вилочке сарая птицы, это коньки-снегурки, которые то и дело слетают с подошвы сапог, это дремлющая бабушка, сидящая у грубки, это лыжи, сделанные из липы собственными руками, это ужасающий холод, который исходил от миниатюрного железного молоточка, выточенного на станке в школьной мастерской, которым я прибывал киноафиши по дороге в школу на столбах, заборах и на двух кинотумбах, что позволяло мне бесплатно посещать любой киносеанс в местном кинотеатре “Заря”. Это и новогодний бал-маскарад в родной школе. Беда ведь только — утренники для детей до седьмого класса. Пришлось, чтобы не узнали и чтобы попасть на бал старшекласников, смастерить с другом костюм медведя с огромной головой из картона, обшитого бархатом, в которой дышать было свободно минут пять. Рисуем. Пропускают. Прячусь каждые пять минут в домик под ёлку, снимаю маску и глотаю, глотаю воздух. Веселья нет конца. Кто же под маскою? Сюрприз! Снимаю маску. Ба... из младшего класса! Простили.

Ах, зима... Это полная, белая-белая луна над костёлом. Я с дядями и крестным идём на другой конец местечка. Для меня путь длинный. Скрипит снег под ногами. Скрип, кажется, долетает до неба. Ведём дядю Ваню к невесте. Забирать постель. Таков обычай. О чём-то громко судачат дядья. Я слышу только скрип сапог да не могу отвести глаз от огромного диска луны. Ведь я впервые в жизни выхожу в ночь.

Ох, зима... Первая зима без мамы... Метель завывает, стучат ставни, ветер надувает через щель между дверью и порогом мелкие снежинки, дед укрывает щель старым кожухом, который к утру слегка примерзает к полу и двери. К обледенелому колодцу опасно подходить — неровен час, вытаскивая тяжёлое, окантованное железом ведро, можно и куврыкнуться в колодец. Не дай, Господи! Крёстный упорно долбит ледяной нарост. Делает это один. Соседи не помогают. Все, что на улице, — вроде не твоё, чужое. Бабушка ругает деда. Зачем взял хлебную лопату. Разве же ею очищают двор от снега? Грех. На ней же хлеб в бляхах она садит в печку. Дед ищет кусок фанеры и мастерит лопату для снега. Сосед Борис Иванович грустит. Он рисует великолепные зимние пейзажи. Холодно. Да и другая работа кормит, кому нужны его пейзажи. Рисует на фанерных дощечках масляными красками цветы, делает этикетки, которые у него охотно покупают местечковцы — они возят весной семена этих самых цветов. Великолепная реклама. Чистишь порошком зубы в хате, над ведром. Бабушка сердает: “Покалил все обои!” Не будешь же на морозе чистить зубы холодной водой!

Ох, зима... Берегись болезней. Пришла неожиданно-негаданно вода, Горынь-река разлилась в конце февраля, а уходящий мороз на прощание сковал её тонким льдом. Каток прямо за воротами. Провалился я по пояс. Пока забежал в хату, околел основательно. К маю вызрела болезнь; может, холод, худоба, слабость помогли, сделали своё дело. Обиды на зиму не было. Друзья зачерпнут ладонью чистый снежок — и в рот, а самые смелые даже откусывают от снежка приличный кусок и жуют, как хлеб. И не болеют — везёт же! По дороге в школу жду одноклассницу, долго жду, замёрз совсем, а она не выходит — грипп. Пропускаю первый урок, но мне всё нипочём.

Ох, зима... Притихли куры, не несутся. Во сне бормочет иногда индюк в соседском сарае, словно напоминает, что он жив.

Ух, зима... На лыжах с горы, да ещё со взлётами с трамплинчика. Открывай рот, лови снежинки... без вкуса, тают на языке. И с языком фокус. Постарше сосед советует попробовать на язык холодный металл клямки. Коварный розыгрыш. Пробуем, не спрашивая, чего ради, и обалдеваем от боли.

Приклеился язык к холодному металлу. Шершавым кусочком кожи с языка и со слезами проклинали того, кто разыграл.

Одиноко стоит засыпанная по крышу кузня Герасима. Зимой он не поддерживает огонь в горне. Рождественский вечер в ожидании “Звезды” на 12 рожков, а утро начинается с рожка под окном и детских песенок в честь Рождества Христова. Сосед собирается на саних за сеном. Подвозит к школе. Конь его то и дело фыркает, отряхивает иней с ноздрей. Сам сосед с покрасневшего кончика носа утирает рукавицей каплю жидкости из носа.

Мой двоюродный брат майор присылает неожиданно из Челябинска коньки, как у чемпиона Косичкина. Таких нет ни у кого в районе. На речке надо опробовать. Одноклассники наблюдают с моста. Разгоняюсь... скольжу... и падаю. Они прямые, длинные. Цепляюсь за ледяные наросты. На мосту смех. А мне... так хотелось щегольнуть, особенно перед одной девочкой из класса, которая нравится больше остальных. Не получилось. Обиды нет... Зима всё спит.

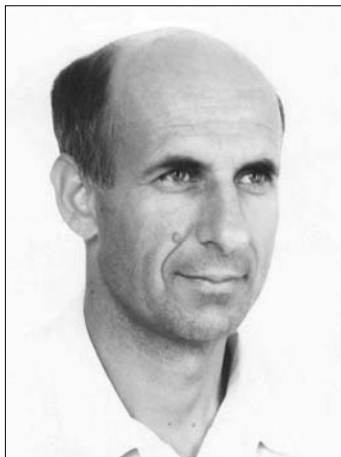
Дымы из каминов видны больше под вечер. Топят все одновременно. К деду приходят его одногодки, и они говорят обо всём на свете, сравнивая эту зиму с зимами своей молодости. Засыпаешь в ожидании чуда. Завтра большой праздник — встреча Нового года по старому стилю. Ряженые “конями”, мы, утопая по колено в снегу, обходим хаты с поздравлениями, не ради свята, а больше ради первого заработка. Будут деньги. Пусть мелочь, но по два, три рубля каждому перепадёт. А это двадцать буханок ржаного хлеба.

Ух, зима... Спроси, хотелось бы воротиться туда, в далёкое детство, на пятьдесят лет назад... Отвечу — нет. Как говаривал Гёте. Почему прекрасное быстротечно? Потому что быстротечно прекрасно. Нынче астрологи, да и учёные физики утверждают, что существуют параллельные миры, что в далёком космосе может существовать близнец Земли. И там вроде всё повторяется. Пусть будет так. Поверим. Хочется, чтобы хорошее, доброе, человеческое, родное не исчезало вместе с нашим временем. Воспоминания укрепляют нежность в нашем сердце, как мечты противостоят пессимизму. Милое сердцу прошлое побуждает к творчеству. С первым снегом всегда идут чередой и воспоминания о зимах детства и юности, когда каждый день — открытие; обидно только, что не совсем ещё чувствуешь свою жизнь и связь с природой и родиной. Мало удивления и восторга, но зреет любознательность и жажда познавать окружающий мир. Важно пока только яблоко, и не интересуется жизнь как таковая самой яблони. Ещё не благодаришь родителей, Бога, природу за дарованную тебе жизнь — этот большой дар, а требуешь внимания и благодарности себе. И это первое высокомерие пройдёт, как проходит и долгая, долгая, такая особенная зима. Не исключено, что кого-то сладко будоражат воспоминания детства, когда цветёт сирень и ландыши, рыбалка, таинство грозы, а может, пора дождей и грибов, багряных клёнов и запахи бульбы из костра, а может, буйное цветение яблонь, вишен, черемухи, груш, слив, возможно... Я утешаю себя зимними воспоминаниями — в них больше одиночества, но больше и теплоты от домашнего очага и школьных друзей. Не говорю зиме прощай... Она в моём сердце всегда, а с ней и люди, местечко, время, мир, космос детства, из которого мы все и вырастаем.

Ах, зима... чудо мокрого снега, ядрёный воздух и яркая Луна в вечной тайне неба.

*Перевод с белорусского
Ирины Кочетковой*

АНАТОЛИЙ ОБЪЕДКОВ

МНЕ ДЫШИТСЯ,
КАК В ЮНОСТИ, ЛЕГКО...

* * *

Не я в разведке крался средь болот,
Не мною захлебнулся пулемёт,
Не я был в рукопашном под Москвой,
Не я, Россия, слышал голос твой,
Не я поднял победный красный флаг,
Не видел я весь в надписях рейхстаг,
Но мой отец на этой был войне,
И потому она живёт во мне...

* * *

Ах, что ты, ветер, иву клонишь?
Внизу бежит река Воронеж,
В ней струи, солнцем налитые.
Там, за холмом, был стан Батыя,
Он слал орду на гребень кручи,
Где частокол подпёрли тучи.
Мечи звенели, день рождался,
И холм от сечи содрогался...

ОБЪЕДКОВ Анатолий Романович родился в 1949 году на Тамбовщине. Автор семи поэтических сборников. Стихи публиковались в еженедельнике "Литературная Россия", в газете "День литературы", журналах "Север", "Невский альманах", "Наш современник", в альманахах "День поэзии", "День русской поэзии". Член Союза писателей России. С 1974 года живет в Великом Новгороде.

* * *

Беспечное время средь прожитых вех
На миг лишь вернулось. Кружит первый снег.
И яблоком красным средь белых берёз
Снегирь замирает под говор колёс,
Негромко свистит он, сзывая подруг.
Вдали, над путями, застыл виадук.
Он слушает чутко, как звучно летит
По рельсам блестящим московский транзит.

Почудится: брат мой в вагоне мелькнёт
И, что-то мне крикнув, рукою махнёт,
А я не успею ответить ему,
Но смысл его слов я, конечно, пойму.
Я с ним не прощаюсь, как раньше весной,
Он в дымке прозрачной повсюду со мной.

* * *

Твоей ли бронницкой верстой
Я ослеплён за быстрой Мстой,
Деревней близкой — Кунино́,
Где я бывал не столь давно
И видел Сиверсов канал,
Который воды расплескал
По заливным своим лугам,
Стремясь к бездонным облакам,
Где я на ветреной тропе
Так много думал о тебе.

* * *

Пусть меркнет закат,
Ночь с тобою близка.
Пройдут, прошумят
Не мгновенья — века.

Светло мне, легко,
И летят мотыльки
Сквозь тень облаков
К устью нашей реки.

* * *

Я на изломе солнечных путей
Стою один, влюбившись тихо в осень,
Вдыхая синь изменчивых полей
И запах трав и скошенных колосьев.

Мне дышится, как в юности, легко,
Как будто нет могил и потрясений,
А есть простор и глушь родных селений,
И тень плывущих в небе облаков.

СВЕТЛАНА ЗАМЛЕЛОВА

ПАВЛУША

РАССКАЗ

I

Питерский студент Павлуша Чапиков приехал на зимние каникулы к родителям. Гостил Павлуша с удовольствием.

Дом у родителей большой, тёплый и помещается на высоком холме, так что из окна в кухне открывается вид на монастырь и пруды.

Павлуша устраивался на кухне у печки и, подперев ладонью подбородок, с каким-то тихим, точно притаившимся, блаженством разглядывал замёрзшие и заснеженные пруды с разбегающимися дорожками следов, деревья, прячущиеся под голубым игольчатым инеем, монастырское золото на храмах и башнях. Вечернее солнце расплёскивалось на куполах, запускало лучи в каждую складку колокольни, отчего казалось Павлуше, что колокольня, светящаяся изнутри, висит, плавно покачиваясь, в воздухе.

Когда Павлуше надоедало смотреть в окно, он отправлялся в свою комнату читать или во двор расчищать от снега дорожки. Как-то они с отцом лазали на крышу сбрасывать слежавшийся, нависающий снег, похожий на свечной нагар. И когда Павлуша, обвязанный верёвкой, сбивал палкой сгнётки снега, он думал, что сам ни за что бы не догадался проделать эту работу. Но здесь, в доме родителей, всюду чувствовался порядок, заведённый мамой. И подчиняться этому порядку было приятно. Когда они с отцом спустились с крыши, мама позвала их обедать. И после мороза, после опасной и трудной работы они с наслаждением обжигались щами...

Павлуша давно уже понял, что отцу необыкновенно повезло встретить маму. Сколько раз женился Павлуша — только официально за десять лет было заключено три брака — и никто не любит Павлушу так бескорыстно,

ЗАМЛЕЛОВА Светлана (Макеева Светлана Георгиевна) родилась в г. Алма-Ате. Окончила Российский государственный гуманитарный университет. Автор книг "Гностики и фарисеи", "Приблизился предающий..." и других. Член Союза писателей России. Живет в Москве.

как это умеет мама. Всё чего-то ждали и требовали. Первая жена Павлуши, Леночка, требовала близости, как червь ненасытимый. Этим она наипаче и пленила Павлушу, который не уставал повторять тогда, что более всего ценит в женщине темперамент. Вместе с Леночкой Павлуша учился в одном классе. После школы они поженились, и Павлуша не стал поступать в институт, а пристроился следом за Леночкой на работы в коммерческий магазин. Ночами Леночка сгорала от страсти и так самозабвенно отдавалась ласкам, что наутро Павлуша с трудом продирает глаза. Ничего другого Леночка не предлагала и предложить не могла. И однажды Павлуша, к удивлению своему, обнаружил, что неутомимая жена его, снедаемая сладострастием, страшно ему надоела.

Павлуше и представить себе не мог, чтобы мама надоела отцу! Отец, маленький, скукоженный человечек с застывшим в глазах возмущением, точно вопрошающий у каждого встречного: “Что вам всем от меня надо?”, считал свой брак большой удачей. Что ни затевала жена, он со всем соглашался, потому что неразумного она никогда не затевала.

Павлуша и сам невысокого роста, но зато красиво сложен, с ясными синими глазами и белоснежной улыбкой. Поэтому женщин вокруг Павлуши всегда было много. Павлуша знает в них толк, как некоторые люди знают толк в лошадях или собаках. Но Павлуша не стал бы добиваться любви неприступных женщин. Пусть лучше его избранница будет не слишком хороша и блестяща, лишь бы любила его и ничего не требовала. А уж как Павлуша сумел бы ответить! Как он умеет любить! Разве вторая его жена, Аннушка, могла пожаловаться? Ей ли быть недовольной? Её ли не любил Павлуша?

Они познакомились в кулуарах питерской Академии художеств, куда Павлуша явился, чтобы поступить в мастерскую монументальной живописи. В тот день Павлуша завалил композицию и, отвергнутый монументалистами, слонялся уныло по этажам. С Аннушкой они столкнулись случайно. Аннушка выронила какие-то тетрадки, и Павлуша бросился помочь, а в ответ услышал тихое:

— Спаси Господи...

Длинные русые волосы Аннушка носила на прямой пробор и забирала их сзади в косу. Маленькая и худенькая, с бледным узким личиком и огромными бледно-голубыми глазами, Аннушка имела вид кроткий и незлобивый. И Павлуше показалось, что это та самая кротость, которая не ищет своего.

Они разговорились. Оказалось, что Аннушка на пять лет моложе Павлуши, а между тем уже год отучилась в мастерской церковно-исторической живописи. Павлуша рассказал Аннушке о своих неудачах, и она посоветовала ему молиться блаженной Ксеньюшке — “ведь она такая скоропослушница”.

— Вы бы к нам поступали... на церковно-историческую... — тихо и с нежной улыбкой сказала Аннушка.

На другой год Павлушу зачислили в богомазы.

Когда решалась судьба с Павлушиным зачислением, Аннушка три часа кряду молилась коленопреклоненно в соседнем с Академией храме Апостола Андрея Первозванного.

Скоро они расписались, обвенчались и поселились вместе в комнате, которую сняли здесь же, на Васильевском острове, у злоющей старухи.

Уж как они хорошо с Аннушкой жили! Всё-то вместе! Утром на учёбу, вечером домой. А в воскресенье Аннушка платочек повяжет, и по святым местам. Побывали в Троицкой лавре и в Александро-Свирском монастыре. А уж к блаженной Ксеньюшке в часовенку без счёту ездили. А в Троицкой лавре прямо на братский молебен поспевали — к пяти утра. Очень уж Аннушке у отца Наума благословиться хотелось, а днём, когда паломники да туристы нахлынут, разве пробы́ешься к нему? На третий день только довелось с отцом Наумом свидеться. Так на паперти его и дожидались. А лишь показался отец Наум, Аннушка птичкой вспорхнула, и к нему:

— Благословите, честный отче!..

Получила благословеньице и просияла. И Павлуша вместе с ней. То-то радость была!

Как-то в разгар лета ходили с крестным ходом из Борисоглебска к святому источнику. В пути были несколько дней и ночевали в деревнях. И Павлуше показалось, что время остановилось, и что так же крестным ходом шли

здесь и сто, и двести лет назад. И так же пекло солнце, так же донимали слепни, так же умильно плелись акафисты. Народу вокруг было много, но Павлуше никто не нравился. И смирение, и умиление верующих почему-то представлялись ему фальшивыми. Женщины были на удивление несимпатичные, мужчины — неопрятные. Павлуше приходило на ум, что все они только хотят верить, но настоящей веры не имеют. И в церковь идут не за Богообщением или чем-то в этом роде, но бегут от неудач в миру и, как изощрённые сладострастники, ищут особенных духовных удовольствий. Но окружающие часто мешают тем, кто ищет удовольствий. Вот почему злы нечестные дядьки с хоругвями и некрасивые тихогласные тётки в ацетатных платках. Павлуша поглядывал на Аннушку, и ему казалось, что Аннушка не видит того, что видит он, и не задумывается ни о связи времён, ни о несхожести христианства и христиан.

Но, возвращаясь с богомолья, Павлуша чувствовал себя легко, ничего не тяготило его сердца, забывались все обиды, люди вокруг начинали казаться милыми. И Павлуша искренно не понимал, как ещё недавно он исхитрялся находить повод, чтобы осуждать хоть кого-нибудь. Что-то внутри Павлуши — наверно, душа, — приходило в порядок и, по сравнению с обычным состоянием, когда этот невидимый внутренний орган напоминал стакан с мутной, взбаламученной водой, взвесь оседала, и вода делалась спокойной и прозрачной. И Павлуша был благодарен Аннушке за то, что она ввела его в новую, незнакомую раньше жизнь.

3 августа, когда Павлуша с женой гостил в Курске у тёщи, из дома пришло письмо. Мама писала, что надумала продать дом: "...Батяня не возражает. А как продадим, купим две квартиры. Вам с Аннушкой в Питере, а нам и здесь хорошо будет..."

Павлуша хотел обрадовать Аннушку и тёщу и прочитал им письмо. Но радость новость не вызвала.

— Да вы что... — всплеснула руками тёща, — с ума, что ли, сошли? Дом продавать!.. Вот искушение-то, батюшки!

— Павлуша, — заволновалась Аннушка, — напиши... позвони своей маме... скажи, пусть не продаёт. Скажи, что ты против. Ты тоже... ты того... ты право имеешь!.. Вот искушение!

Павлуша очень удивился. Во-первых, его призывали перечить матери, чего он никогда не делал, во всяком случае, в делах, касающихся хозяйства. А во-вторых, он не слышал ещё от Аннушки такого разговора.

— Нам же с тобой квартиру купят, — попробовал он возразить.

Но ни Аннушка, ни тёща его не слушали.

— Да на что мне твоя квартира! — вспыхнула Аннушка. — Вот заладил: квартира!.. квартира!.. И сиди век с тобой в этой квартире!

— Ну вот я в квартире сижу, — подхватила тёща. — Чего хорошего?

Обе они стояли перед Павлушей, подбоченясь, обе покраснелись и, выпучив глаза, выкрикивали, точно выстреливали, в лицо Павлушке обидные слова, то и дело восклицая по очереди: "Искушение!" Так они друг друга подбадривали и до того разошлись, что окончательно перестали владеть собой.

— Да ты понимаешь ли, — кричала тёща, — что сам никогда такого дома не выстроишь! В центре города, монастырь рядом... Господи помилуй! У вас, чай, и земляца есть? Поставь флигелёк, сараюшку с печкой, полати приколоты — вот тебе и дом страннопримный! Принимай паломников!.. Да что сараюшка — гостиницу можно! А квартира?.. Искушение!.. Ты семью-то прокормишь квартирой?

— Какую семью? — злобно хныкала Аннушка. — Он и кошку не прокормит! Живём почти впроголодь, а он хоть бы пальцем двинул, чтобы работу найти. Захребетник!..

Павлуша всё слушал и не мог в толк взять: чего они так разорались? Конечно, жили Павлуша с Аннушкой небогато, но денег всегда хватало: то родители помогут, то Павлуша этуод выгодно пристроит, а там и стипендия подоспеет. И Павлуша думал, что им с Аннушкой, как ищущим прежде Царства небесного, всё остальное прикладывается. И был уверен, что так будет всегда.

Но Аннушка не унималась:

— Я аборт сделала, — причитала она, — грех-то какой из-за него на душу взяла! И на другой бы пошла, чтоб дети мои с голоду не мёрли...

— Испытание! — подхватила тётца.

Ничто, ни даже внезапная перемена в Аннушке не могли ранить Павлушу так больно, как страшное признание, сделанное так небрежно, походя. Павлуша вдруг понял, что кроткая жена его в одночасье ему опротивела, и дотронуться до неё теперь значило бы для Павлуши то же самое, что поцеловать жабу.

Прямо из тётчиной квартиры Павлуша уехал к маме. Вскоре они развелись с Аннушкой.

II

В третий раз Павлуша женился через год. Новая избранница его, Оленька, училась на реставратора. Павлуше уже исполнилось тридцать, а Оленьке только двадцать один, но никто из них не чувствовал этой разницы. Взявшись за руки, они гуляли по Летнему саду, и Оленька говорила, что Врубель гораздо талантливее Репина. Павлуша, хоть и признавал Оленькину правоту, но про себя думал, что рассуждающая об искусстве женщина смешна, и вообще, живопись для женщины — баловство. И что Оленька, должно быть, где-то вычитала свои суждения или услышала от ребят с курса.

Оленька — хрупкая шатенка с тёмными восточными глазами — представлялась Павлуше необыкновенной красавицей. И все почти деньги Павлуша тратил на цветы для неё. Оленька умилялась до слёз и говорила, что ей никто ещё не дарил столько цветов. А потом перестала умиляться.

Расписавшись, они стали жить с родителями Оленьки. Новая Павлушина тётца работала в Эрмитаже и первая подняла вопрос о трудоустройстве зятя.

— Вот что, Павел, — объявила она Павлуше. — Ты со своей церковной живописью намыкаешься. Переводись-ка, давай, на реставрацию. Я и на работу тебя всегда пристрою, и платят реставраторам неплохо, и к Оленьке ближе будешь. Да и учиться там легче...

Павлуша подумал немного и засуетился, забегал по кабинетам Академии. Учебный год только начался, и Павлуше пришлось уйти в академический отпуск. Зато на следующий год они с Оленькой оказались на одном курсе.

Скрынников — преподаватель, от которого Павлуша сбежал к реставраторам, — не хотел и здороваться с бывшим учеником своим. Только однажды, узнав о затее Павлуши, он молвил сурово:

— Вы разочаровали меня, Чапиков. Живопись это опасное занятие, ибо художник конкурирует с Богом. Но вам, как вижу, такое не по плечу. Для Художника вы слишком суетны. Вы подмалёвщик, Чапиков. И правильно делаете, что покидаете нас...

Павлуше стало обидно от слов профессора, но потом вдруг ему открылось скромное обаяние момента. Павлуша увидел себя даровитым, но нерадивым студентом. Сам Скрынников убивается, не в силах спокойно смотреть, как Павлуша расточает свой гений, принадлежащий по праву всему человечеству. Но Павлуша счастлив сознанием того, что жертвует собой ради любимой женщины. К её ногам он готов бросать не только охапки цветов, лишь бы ей было хорошо рядом с ним.

Новая семья очень нравилась Павлуше. Вечерами они собирались за маленьким круглым столом на кухне и разговаривали. Оленька рассказывала об Академии, тётца — об Эрмитаже, а тёсть — отставной морской офицер — о том, как Абрамович продал Америке серебряный рудник на Чукотке.

Так прошёл год. Павлуша учился вместе с Оленькой, подрабатывал в реставрационных мастерских и даже, по протекции тётки, расписывал потолки и стены старинного особняка в Итальянской улице, выкупленного у города какими-то дельцами из Сургута. В особняке предполагалось устроить что-то вроде Дворца Съездов, поэтому перед Павлушей и прочими художниками стояла задача придать помещениям как можно более торжественный вид. Заказчики желали видеть на стенах коней с разлетающимися гривами, а на потолках — амуров со стрелами. Выходило пошло, и кое-кто из художников роптал, но утешались тем, что по Сеньке шапка и что в особняке теперь не

князя будут жить. Когда работа была окончена, некоторым из художников, в том числе и Павлуше, заплатили вдвое меньше обещанного. С остальным просили подождать. Но поскольку договорённость была лишь на словах, все понимали, что ждать больше нечего. На том и разошлись.

Спустя несколько дней Павлуша нашёл в кармане куртки странную записку. *“А где ж золотые горы, обещанные Вам за то, что расписали тельца золотого храм?”* — писал аноним. Павлуша перечёл записку и решил, что написал её кто-нибудь из богомазов. Может быть, даже Аннушка. А на другой день он снова нашёл записку: *“Там лошади пасутся, там ангелы трубят, и жёны молодые там верность не хранят”*. Сердце Павлуши ёкнуло, и вдруг точно кто-то отдернул перед ним занавес кукольного театра, и задвигались, заплясали куклы в декорациях.

Павлуша помчался в особняк. На первом этаже, в небольшом зале Павлуша нашёл Оленьку и какого-то хлыща в дорогом костюме. Когда Павлуша открыл дверь, они собирались целоваться, но, заметив Павлушу, отскочили друг от друга, как однополюсные заряды.

Павлуша схватил Оленьку за руку и потащил домой. На улице произошло между ними объяснение. Оленька начала было оправдываться, но потом, точно сообразив, что ей это ни к чему, выдернула свою руку из Павлушиной и остановилась.

— А знаешь что? — сказала она, сощутив свои восточные глаза. — Мне нужен другой человек... Понятно? Мы ведь с тобой вагон и маленькая тележка... Я вагон, — она ткнула себя пальцем в грудь, — а ты тележка. Только мне уже надоело тебя тянуть. Понимаешь?

На другой день Павлуша съехал от Оленьки.

III

А сколько их было, этих Оленек, Леночек, Аннушек, Маришек... И всегда одно и то же — то им предложить нечего, то тянуть они не хотят. Вот мама всегда всё знает и сама всё подскажет: строить ли дом или продавать, дружить ли с кем или ругаться, сбрасывать снег с крыши или косить траву. Отцово дело солдатское — несёт себе службу, и голова ни о чём не болит. Отец сыт, пьян и нос в табаке. Мама и накормит, и постирает, и рублём никогда не попрекнёт...

...После щей были домашние пельмени, и мама сказала, что в одном спрятан сюрприз на счастье. Павлуша с отцом развеселились и набросились на пельмени. Сюрприз достался Павлуше — в одном из пельменей оказалась карамелька.

— Значит, счастливый ты у нас, — сказал отец.

Но Павлуша только усмехнулся: карамелька попала к нему по ошибке. Уж если кто и счастливый, так это отец.

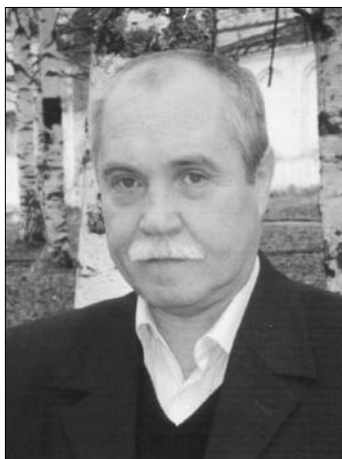
После обеда все отправились в гостиную, мама включила телевизор, и Павлуша с отцом уселись рядышком смотреть кино. Потом ужинали все вместе и обсуждали фильм. Потом Павлуша отправился в свою комнату и забрался под одеяло. Чистое, накрахмаленное бельё хрустело и пахло мылом. Павлуша нежился в душистой постели и думал, что нет большего удовольствия, чем сон. В окно к Павлуше заглядывал новорожденный месяц, окружённый ослепшими от мороза звёздами. Мало-помалу в доме всё стихло, и воцарилась тишина. Слышно только Павлуше, как в кухне мерно отсчитывают шаги часы-ходики.

Под топоток часов Павлуша засыпает, и снится ему дивный сон. Видит Павлуша, будто родители куда-то уехали, и он в доме один. Но всё, что окружает Павлушу, всё, к чему ни прикоснётся он — всё это... мама. Прижмётся ли к печке — к маме прижался. Присядет ли на софу — к маме на колени присел. Возьмёт ли почитать книгу, чаю ли захочет выпить, взглянет ли на часы-ходики — всюду мама!

Павлуша просыпается растревоженный и не понимает, что значит его видение. Но в комнату к Павлуше с чёрного, морозного неба глядит месяц, от постели пахнет цветочным мылом, ходики на кухне, как почётный караул, не собьются с шага.

Тревога утихает, и слышит Павлуша, как за стенкой беззаботно, точно от удовольствия, храпит отец.

ВАСИЛИЙ МИШЕНЁВ

НИЧЕГО СЕБЕ НЕ ТРЕБУЕТ...

* * *

Посветлели весенние дали,
Засквозило с небес синевой,
На пригорках от первых проталин
Поднимается пар над землёй.

В эти дни не сидится мне дома,
Тянет сердце к простору полей,
Будет день, мы услышим знакомый
Нарастающий клич журавлей.

У прохожих засветятся лица,
Станет мир просветлённое весь,
Словно сильные, гордые птицы
Нам приносят желанную весть.

И у жизни изменится русло,
Потечёт она шире, вольней,
Будто вечно душе нашей русской
Не хватает до слёз журавлей...

МИШЕНЁВ Василий Михайлович родился в деревне Пахомово Никольского уезда Вологодской области. Служил в армии. Окончил Вологодский госуниверситет. Работал в районной газете. Член Союза писателей России. Автор 18 книг стихов и прозы. Почётный гражданин Никольского района. Живёт в г. Никольске.

* * *

Ничего себе не требуй,
Не пытай судьбу во мгле:
Голова плывёт по небу,
Ноги ходят по земле.

Мне и этого довольно,
Я и этим дорожу.
Рад, что птицей подневольной
В тесной клетке не сижу.

Насиделся, слава Богу,
Настрадался в тишине,
Видя снежную дорогу
В подмерзающем окне.

А теперь дорогой этой
Ухожу в леса, в поля...
Мир наполнен добрым светом,
В голубых цветах земля.

* * *

О чём молчишь, мой закадычный друг?
Вокруг тепло и много-много света.
Пускай с землёй уже протислось лето,
Но далеко ещё до зимних вьюг!

Бери корзину и пойдём со мной.
Я покажу тебе места грибные,
Где грузди и волнушки расписные
Заманят так, что не уйдёшь домой.

Я сам, когда брожу в лесу один,
За целый день не вспомню про усталость.
Как долго мне на родине осталось
Бродить среди берёз, среди осин?

Даст Бог, продлится наш короткий век,
Продлятся наши радости земные!
И пусть к себе зовут места грибные,
А день стоит спокоен и высок!..

* * *

Мой народ, заложник власти,
Грезит всё ещё о счастье.
Средь бесчисленных разборок
Не поймёшь — кто друг, кто враг,
Мы живём в глубинке тихо,
Ждём, когда минует лихо.
— Замордованный, забытый,
Воровской Москвой забытый,
В государстве криминальном
Как живёшь, народ?
— Нормально!..

* * *

Н. В. Баданину

Тянет дымом над пожнями,
Журавли над жнивьем...
Мы не всё ещё прожили
И давай поживём.

На судьбу мы не сетуем,
Каждый строит свой дом,
И важнее нет этого
Ни сейчас, ни потом.

О дорогах непройденных
До поры помолчим,
Заболевшую родину
Надо как-то лечить!

Обещаньями, клятвами
Не поможешь, мой друг,
Чтобы поле распятое
Снова ожило вдруг.

И пшеницей ли, рожью ли
Волны встали на нём...
Мы не всё ещё прожили
И давай поживём!..

ТАТЬЯНА ЛЕСТЕВА

У ПАМЯТНОЙ ДОСКИ

Поднимаясь по центральной лестнице Университета им. Лесгафта, попадаешь в мемориальный зал, в то военное и блокадное время, когда и студенты, и преподаватели встали на защиту Родины. Мемориальные доски с именами погибших студентов и преподавателей... На памятной доске погибших блокадников один и тот же год, практически одни и те же даты: январь—март 1942-го, самое голодное время, самое холодное, когда морозы доходили до 40 градусов, самое беспросветное и трагическое. Я опубликовала в альманахе “На русских просторах” (№ 7–8 за 2011 г.) подлинный дневник того времени, написанный И. И. Власовым, сварщиком Кировского завода. Вспомнились строки из этого дневника: “1.1.1942 г. Все ждали, но увы, хлеба не прибавили. Что будет дальше? (...) 13.1. Сегодня дают вместо крупы муку. Всем по 400 грамм за одну декаду.

Есть небольшая новость – беседа Попкова с корреспондентом газеты, сказал, что все трудности со снабжением остались позади и что теперь будет намного лучше. Теперь будем ждать. (...) 24.1. Сегодня почти что праздник. Немного прибавили хлеба. На первую ка-ю (катеорию) 50 г. Т. е. р(абочим) и служащим 100 г, и всем остальным 50 г. Я получаю 400 г. 25.1. Воскресенье. Спали до 10 часов. После пошёл за хлебом. Одну очередь отстоял – не досталось. Занял другую. Сходил домой погрелся. Всё-таки досталось. А вообще – кошмар. Позавтракали и пошли на Неву за водой. (...) 31.1. Кончается этот м-ц, которого ждали лучшим, а он оказался худшим. Почти ничего не дали из продуктов. И холод всё время –37”.

Среди сотрудников, погибших в блокаду в институте Лесгафта, мне бросилась в глаза знакомая фамилия – Ю. А. Куняев. Однофамилец писателя Станислава Куняева? Или отец? Куняев Станислав Юрьевич... Звоню в Москву. Главный редактор журнала “Наш современник” на месте, берёт трубку. Представляюсь, задаю вопрос. “Да, это мой отец, Куняев Юрий Аркадьевич”, – отвечает он. И дальше следует рассказ об отце – очередной трагической судьбе одной из многих жертв 900-дневной блокады Ленинграда. Прошу прислать фотографии, письма. Через несколько дней получаю бандероль с письмом С. Ю. Куняева, его книгой с остроумным названием “СТАС уполномочен заявить”, а также ксерокопиями фотографий и документов. Вот и довоенная семейная фотография 1937 года.

Читаю...

Станислав Куняев родился 27 ноября 1932 года. Его мать, Александра Никитична Железнякова (1907–1985) в 1928 году была студенткой Института физкультуры, где познакомилась с отцом будущего писателя. Пока родители учились, мальчик воспитывался в Калуге у бабушки. В 1939 году после окончания Ленинградского медицинского института им. Павлова Александру Никитичну направляют на специализацию по хирургии в Новгород, в госпитале которого она провела, оперируя раненых, всю финскую войну. После окончания фин-

ской войны родители забирают сына из Калуги, привозят его в Ленинград, где в институте им. Лесгафта его отец преподавал историю. Его мать в оставленных сыну воспоминаниях пишет: "... твой отец водил нас по городу и рассказывал о его истории. Мы с тобой уже жили в 60–70 километрах от Ленинграда в Губаницкой больнице, недалеко от Кингисеппа, куда меня направили на работу. Нас там было трое врачей, все наши мужья работали в Ленинграде, летом они в отпуска приезжали к нам, зимой мы с тобой каждый выходной ездили в Ленинград. Юра всегда для тебя брал билеты в ТЮЗ*, что на Невском проспекте, где мы смотрели "Снежную королеву", "Волшебную лампу Аладдина" и другие сказки. (...) В понедельник рано утром с Балтийского вокзала Юра провожал нас в нашу Губаницкую больницу".

22 июня 1941 года немецкие самолёты начали бомбить аэродромы, расположенные неподалёку от больницы. "Мне сразу же велели немедленно явиться в военкомат, начался медосмотр мобилизованных мужчин. Я взяла тебя с собой, — продолжает воспоминания А. Н. Желязнякова, — так как боялась оставить тебя одного, а сама уже находилась в декретном отпуске. Приехав в Волосовский военкомат, я увидела тысячную толпу людей, пришедших проводить мобилизованных. На станцию Волосово один за другим совершались налёты немецких бомбардировщиков. (...) Во время обстрела весь мобилизационный пункт разбежался. Мы пешком добрались до Гатчины, и только я хотела привести тебя и себя в порядок, отмыть грязь с одежды, рук и лица, как вновь раздался вой сирен и на Гатчину обрушился бомбовый град. Я с тобой прижалась к стене дома и уже не пыталась прятаться, а по улицам мимо нас как лавина бежали наши отступающие войска. Потом всё стихло. Мы вышли с тобой к железнодорожным путям, по которым двигались открытые платформы с солдатами и орудиями — на запад, другие, с людьми для оборонных земляных работ, — к Ленинграду. Какой-то мужчина, заметив нас, подхватил тебя и посадил на платформу, а потом помог сесть и мне. К вечеру мы приехали в Ленинград. В Ленинграде всё было спокойно. (...) Через месяц, в сентябре, мы эвакуировались в Горький, к дяде Коле, папа провожал нас на Московском вокзале и очень огорчился, что мы не могли взять с собой тёплые вещи: ты был ещё мал, чтобы таскать чемоданы, а я готовилась к родам и захватила лишь простыню, спички, огарок свечи и кружку для питья. На станции Вишера мы опять попали под бомбёжку. Целый день наш поезд маневрировал в разные стороны, и только ночью мы выехали на нужный путь. (...) Дня через 3–4 мы добрались до Горького".

Эвакуировалась жена Ю. А. Куняева из Ленинграда с одним из последних эшелонов: удалось ему отправить семью, поскольку жена была на шестом месяце беременности. Александра Никитична хранила все письма, которые приходили от мужа к ней и её родным. Так, отправив семью в эвакуацию, Юрий Аркадьевич пишет брату Николаю: "Я очень просил бы Вас пристроить мою семью на один, два месяца, то есть до конца войны. (Курсив мой. — Т. Л.) Больше Гитлеру не продержаться". Какая наивность! И вместе с тем, насколько велика была уверенность у советских людей в силу и мощь Красной армии, в неизбежность победы.

А. Н. Желязнякову направили заведующей районной больницы в село Пыщуг (ныне Костромской области), в 120 километрах от железнодорожной станции Шарья, а Юрий Аркадьевич остался в Ленинграде. По зрению он не мог идти в действующую армию. 8 сентября замкнулось кольцо блокады: вечером в 18 часов 55 минут на Ленинград обрушился невиданный ранее по ударной мощи налёт вражеской авиации. Только за один заход бомбардировщиков на город было сброшено 6327 зажигательных бомб. Вспыхнули 178 пожаров, от немецкой бомбёжки загорелись Бадаевские склады. Но письма в далекий Пыщуг приходили из блокированного Ленинграда. Все письма перлюстрировались военной цензурой, возможно, поэтому Ю. А. Куняев писал их на открытках, прибегая порой к эзопову языку. 12 сентября 1941 года он сообщает семье: "Жив, здоров. С восьмого числа нас начали "забавлять" звуковыми и световыми эффектами. Обо мне не беспокойтесь. Я здоров. Ра-

* ТЮЗ — Театр юного зрителя. Театр был основан А. А. Брянцевым и открылся 23 февраля 1922 года. С 1922 по 1962 год театр занимал помещение бывшего Тенишевского училища на Моховой улице. На Невском проспекте находились театр им. А. С. Пушкина, театр Комедии и театр марионеток им. Деммени. Во всех этих театрах ставились спектакли для детей.

боты много. . . Работаю по военной подготовке Октябрьского района. Возглавляю бригаду, которая обучает рабочих и служащих штыковому делу и пр. В Ленинграде нам выдали пайки. И я, кажется, сейчас даже больше ем масла и сахара, чем до войны. По-моему, начал полнеть. До Ленинграда немецкие самолёты не допускают. Бьют их в хвост и в гриву, так что москвичам первыми пришлось познакомиться с непрошеными гостями". Письмо от 12 сентября 1941 года. В блокированном городе остаётся 2 миллиона 544 тысячи человек, в том числе около 400 тысяч детей, да в пригородных районах, то есть тоже в кольце блокады, — ещё 343 тысячи человек. Все они, как и Юрий Аркадьевич, воочию увидели эти звуковые и световые эффекты, хотя вряд ли они ими "забавлялись", да и вопреки зенитным батареям, город регулярно бомбили с немецкой пунктуальностью. А эти строки он пишет для успокоения беременной жены и девятилетнего сына, сообщая им также и про пайки, которые были установлены ленинградцам. С 1 октября рабочие и инженерно-технические работники стали получать по карточкам 400 граммов хлеба в сутки, все остальные — по 200 граммов. Резко сократилась выдача других продуктов. С пивоваренных заводов забрали 8000 тонн солода и перемололи их. На мельницах вскрыли полы и собрали всю мучную пыль. С 13 ноября 1941 года норма выдачи хлеба населению была снижена. Теперь рабочие и ИТР получали по 300 граммов хлеба, все остальные — по 150 граммов. 20 ноября и этот скудный паек был урезан. Население стало получать самую низкую норму за всё время блокады — 250 граммов на рабочую карточку и 125 граммов на все остальные. В Ленинграде начался голод. Правда, 22 ноября по льду Ладожского озера прошёл в Ленинград первый автопоезд, заработала Дорога жизни, что позволило к 25 декабря повысить нормы выдачи хлеба для иждивенцев.

Но обо всём этом семья Юрия Куняева тогда не знала. Вот "...только письма и телеграммы стали приходить всё реже, — написал в книге "СТАС уполномочен заявить" Станислав Юрьевич Куняев. — Последняя весточка — телеграмма-"молния" пришла 20 ноября, когда отец узнал, что в Пыщуге у него родилась дочь: "Поздравляю всех троих". (...) Декабрём и началом января не помечена ни одна открытка. Значит, их просто не было, потому что мать сохранила их все до самой своей смерти. А 11 февраля, о чём мы узнали много позже, отец умер в стенах своего института имени Лесгафта, куда он переехал, как и многие другие одинокие сотрудники, чтобы рядом друг с другом пережить самые тяжёлые дни блокады. Но не пережил".

Квартира 4 в доме, в котором жила семья Куняева по ул. Ленина д. 6, была разрушена при бомбёжке. 25 декабря 1941 года произошло первое повышение норм выдачи хлеба, рабочим на 100 граммов, служащим, иждивенцам и детям на 75 граммов. 24 января 1942 года ввели новые нормы снабжения хлебом. Рабочие стали получать 400 граммов, служащие — 300, иждивенцы и дети — 250. До следующего увеличения нормы хлеба 11 февраля 1942 года Юрий Аркадьевич Куняев, которому было всего 35 лет, не дожил. Похоронен он в братской могиле на Пискаревском кладбище.

Но семья о его смерти узнала лишь в 1943 году. Они получили письмо от Марьи Власьевны Лейкиной, заведующей кафедрой, которая пережила блокаду в Ленинграде. Её письмо восстанавливает детали блокадной жизни преподавателей-лесгафтовцев.

"Ваш муж умер в институте. Вы, вероятно, слышали, какую тяжёлую зиму мы пережили. Мы все голодали так, как никто не может себе представить. Многие — даже преподаватели нашего института — проявляли себя как голодные люди. Юрий Аркадьевич относился к той немногочисленной группе людей, которая выдержанно переносила ужас голода, холода, невзгоды блокады. Он так же, как и другие, бывал ежедневно в столовой института и ждал тарелку супа без суеты и нетерпения, совсем не так, как многие другие. Его молчаливая скромность осталась с ним до конца его дней. Он много работал, как все мы. Женщины преподавательницы и студентки шли в госпитали сверх учебной работы в институте, а мужской состав был брошен для обучения рукопашному бою резервов Красной Армии. Юрий Аркадьевич по несколько часов проводил на морозном воздухе, вся работа на голосе (команды). Сколько людей им обучено, не знаю. Вероятно, много. Достаточно сказать, что в списке представленных к награде медалью "За оборону Ленинграда" есть его имя и указано: "...Был ответственным за подготовку свыше 300 человек Октябрьского района".

Вероятно, такая трата энергии, постоянное охлаждение, нервные потрясения сделали своё дело. Никто, похоже, и не думал, что Ю. А. страдает от голода, больше привлекали внимание ведущие себя по-другому. Да, кроме того, дорогой товарищ, мы все, по-моему, были какими-то особенными, скажу просто, мало осознающими, что происходит кругом, мы, пожалуй, многие друг друга и не замечали. Вам это как врачу должно быть понятно.

Юрий Аркадьевич внешне не страдал, двигался ежедневно, загруженный работой, успевал читать и писать, как всегда — и этому не изменил.

Накануне кончины он сидел за столиком в читальном зале против меня, что-то усердно выписывал из книги. Оторвавшись от книги, обратился ко мне и поделился удачей, что ему удалось достать (обменять) крупу и масло. Я несколько удивилась, что он заговорил о продуктах, потому что, как уже выше указала, он, не в пример другим, ничем не выдавал своего голодания”.

Прочитав эту фразу про масло и крупу, уже зная, что в эту ночь его не станет, я подумала, а был ли этот обмен? Может быть, это были просто пищевые галлюцинации голодающего человека. Но продолжу письмо: “Я порадовалась, как может дружески настроенный товарищ радоваться “удаче”. А на следующий день мне сказали, что его не стало. Ночью или под утро — не знаю. Но его такой внезапный уход от нас на всех очень повлиял, и многие, не думавшие о смерти от голодания, содрогнулись. В том числе и я, принадлежавшие (так в тексте. — Т. Л.), подобно Ю. А., к выдержанным людям. Я забеспокоилась о своём муже, потому что зима уносила главным образом мужчин”.

Слова Марии Власьевны о повышенной смертности среди мужчин подтверждает и статистика того времени. Зима 1942 года — это трагическое время массового ухода ленинградцев из жизни из-за голода и холода: в первой декаде февраля умерло 36606 человек (мужчин — 65,8 процента), во второй — 34852 (мужчин — 58,9 процента). Самая высокая смертность была в январе 1942 года — за один месяц умерло 96751 человек.

“Вот и всё, дорогая, что я вам могу сказать. Простите меня, если я сделала вам больно. Но Вы в письме хотели узнать хоть что-то о его смерти. Вам, конечно, тяжело, но у Вас есть дети, это Вам радость, Ваше будущее. Война принесла столько горя каждому из нас, у Вас есть хорошая благородная специальность, желаю от всей души Вам работать так, как работал Ваш муж. Вы можете гордиться — он был прекрасный, скромный советский научный сотрудник, глубокий в своих исканиях и нетускло проведший свой жизненный путь. Не надо его оплакивать, такие в памяти живут долго и светло, о таких можно говорить, ставя в пример другим”.

Письмо, написанное 15 октября 1943 года, за три месяца до прорыва блокады Ленинграда 18 января 1943 года, заканчивалось фиолетовым штампом: “Просмотрено военной цензурой 09914”. Письмо дошло до адресатов, память о выдержанном и скромном научном работнике, мужественно переносившем тяготы блокады, сохраняется до наших дней, его имя увековечено на мраморной памятной доске в институте, где он работал, где он встретил свою спутницу жизни и где он ушёл из жизни в блокаду, оставаясь до последнего дня на посту.

М. В. Лейкина написала жене Куняева, чтобы та не оплакивала мужа, а гордилась им. Трудно сказать, выполнила ли этот завет Александра Никитична Железнякова, но вот сын исполнить его не смог. В одном из номеров “Лесгафтовца” попала мне на глаза записка, в которой говорилось, что у мемориальной доски с именами погибших в блокаду стоял и не скрывал своих слез невысокого роста мужчина средних лет. Это был сын погибшего Юрия Аркадьевича Куняева. Он сфотографировался вместе с председателем совета ветеранов Е. А. Лосиным у памятной доски. Сын пришёл поклониться отцу.

Обращаю внимание на то, что в письме М. В. Лейкиной Юрий Аркадьевич был представлен к награждению медалью “За оборону Ленинграда”, интересуюсь судьбой медали, успел ли отец получить её, сохранилась ли она в семье. Станислав Юрьевич рассказывает о поиске награды. На его запрос в Центральный архив Санкт-Петербурга пришло подтверждение, что в решении Исполкома Ленгорсовета от 15 сентября 1944 года “...значится Куняев Юрий Аркадьевич, 1907 года рождения, старший преподаватель, аспирант Института физической культуры имени П. Ф. Лесгафта”, который был ответственным за подготовку к воинской службе “... с 12 июля 1941 года по 15 февраля 1942 года в частях армии народного ополчения и её резервах, в частях

Красной Армии, в подразделениях Всеобуча работников Октябрьского РК ВКП(б), ВЛКСМ, работников Смольного”. Решение о награждении было принято посмертно, награда не была вручена, так как жена Ю. А. Куняева с детьми после эвакуации в Ленинград не вернулась, а уехала к родным в освобождённую Калугу. Станислав Юрьевич обращается в Министерство обороны с запросом, в котором задаёт вопрос: “Возможно ли эту награду, которой был удостоен мой отец, передать в годовщину Великой Победы в нашу семью, чтобы его дети, внуки и правнуки учились у защитника Ленинграда патриотизму и честному выполнению долга перед Отечеством”.

Летом 2010 года медаль как святая реликвия прошедшей войны и негасимая память об отце вернулась в семью Куняева.

Память... Как много значит это слово. Прошло почти 70 лет со дня начала Великой Отечественной войны, но до сих пор следопыты ищут могилы, уснамливают имена погибших солдат, внуки и правнуки разыскивают документы о погибших и пропавших без вести дедах и прадедах. Память... Как созвучны этому слову стихи члена Союза писателей России, поэта Станислава Куняева:

*Непонятно, как можно покинуть
эту землю и эту страну,
душу вывернуть, память отринуть
и любовь позабыть, и войну.*

Поэт прав: войну нельзя позабыть так же, как свою первую любовь. И пока жива память о погибших, жив народ и будет жива Родина.

В продолжение темы публикуем рассказ С. Ю. Куняева.

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Увидев из автобуса несколько одноэтажных строений грязно-жёлтого цвета, стоящих чуть в стороне от шоссе, Сергей понял, что они приехали. Он тронул мать за плечо:

— Смотри! Похоже, что наша больница... Выходим.

Шофёр остановил автобус. Они прошли сквозь ряд тёмных, полузасохших елей во двор больницы. Сергей посмотрел на мать. Худенькая, жалкая, в старом плащике-болонье, в какой-то нелепой соломенной шляпке, она медленно оглядывала территорию.

— Серёжа, вот здесь был роддом, а здесь, — она показала на почерневший от времени барак, — моё хирургическое отделение. А это — детское. А вот и дом, где мы жили. Парадное наше... Крыльцо-то совсем развалилось.

Сергей оглядел ветхое деревянное здание, покрашенное охрой, которой до войны красили станционные постройки. Ровно тридцать лет тому назад из этой двери — во время очередной бомбёжки — они с матерью побежали вдоль железной дороги в Ленинград и теперь, по прошествии целой жизни, вернулись поглядеть некогда родные места.

Сергей подумал про себя, что если бы сейчас подошла какая-нибудь санитарка, знавшая их в те годы, она ни за что не признала бы в худенькой старушке и в сорокалетнем, уже потрёпанном жизнью мужчине цветущую молодую женщину и белобрысого мальчика в коротких штанишках с помочами.

Тишина и запустение стояли вокруг. Немытые окна, забитые досками двери, лопухи и подорожники, окружившие парадное, – всё говорило о том, что здесь уже никто не живёт и что со дня на день сюда придёт бульдозер и снесёт ветхий, обработавший свой век дом, потому что когда люди покидают жильё, то его нужно поскорее сломать, чтобы не печалило оно своей мертвенностью человеческий взор.

– А вот это парадное Марфы Фёдоровны, а здесь жила Вера Константиновна... В этом садике мы по вечерам пили чай из самовара... С клубникой. Ты помнишь?

Сергей глядел на поросший бурьяном кусочек земли под окнами, огороженный полусгнившим штакетником, и ему казалось, что он помнит, как три молодые врачихи, закончив свои обходы и дежурства, выходят каждая из своего парадного в сад – кто с кипящим самоваром, кто с фарфоровым чайником, кто с клубничным вареньем – и в тени чёрных елок садятся пить чай...

Матери уже за семьдесят. От двухчасовой езды в душном автобусе она устала, её лицо осунулось, и внезапная жалость к ней обожгла Сергея. “И зачем я её сюда привёз? Легко ей, что ли, на всё это глядеть и всё вспоминать?..”

– Ну, что, мама, пойдём на станцию. Поехали обратно...

– погоди, сынок, погоди...

Мать внимательно глядела на тёмные ели, которые весной сорок первого года цвели алым цветом, и вспоминала слова старой санитарки Полины:

– Ох, не к добру, Александра Никитична, ёлки-то зацвели. Много крови будет!

Скрипнула дверь, и неожиданно из одного, казалось бы, нежилого парадного вышла молодая беременная женщина. Она удивленно поглядела на старуху и на мужчину, держащего её за локоть.

– Вы кого-нибудь тут ищите?

– Нет, никого. А вы тут до войны не жили? – спросил Сергей, хотя было ясно, что до войны этой молоденькой женщины ещё и на свете не было.

– Да что вы! Я сюда только второй год приезжаю. К сестре. Сестра сторожикой работает. Скоро порушат больницу. Её уже третий год как на станцию перевели. А в бараках тунейдцы живут, кто за сто первый километр выслан...

Она была белобрысой, с лицом, покрытым крупными пигментными пятнами, как это часто бывает у беременных.

Сергей подошёл к своему парадному, дёрнул дверную ручку. Но дверь, заколоченная гвоздями, не подалась, покосившееся крыльцо заскрипело.

– Сынок, не трагай, а то повалится всё.

Но ему захотелось заглянуть: что там, за дверью? Вроде там был коридорчик, печь, выложенная белым кафелем, два окна – одно во двор, другое – в сад. Он дёрнул дверь ещё сильнее – подгнившие столбы крыльца дрогнули, крыша покачнулась.

– Серёжа, не надо... Пошли отсюда!

В материнском голосе прозвучало нечто такое, что он сошёл со ступенек и подумал: зачем заглядывать внутрь? За тридцать с лишним лет всё там, наверное, перестраивалось много раз. Ничего не осталось, кроме пыли и тлена.

Прежде чем выйти на дорогу, ведущую к станции, они медленно обошли территорию бывшей больницы.

– Видишь круглый наличник? – мать показала на простенок, заколоченный досками. – Там было большое окно – моя операционная. Когда я делала операции, ты вставал на завалинку и глядел, а моя хирургическая сестра Аня тебя всё время прогоняла, чтобы я не отвлекалась...

Они прошлись по двору, заросшему муравой, аптекарской ромашкой, подорожником. Подорожник уже отцвёл, и его жилистые белёдые стебли высоко торчали из травы. Сергей вспомнил, как на каждое воскресенье к ним в больницу из Ленинграда приезжал отец. Они уединялись с ним в дальний угол двора, где подорожник рос особенно густо, и начинали игру, придуманную отцом после чтения “Тараса Бульбы”.

Каждый из них подбирал себе стебель подорожника помощнее, давал ему имя – и начинался поединок. Сначала отец подставлял свой стебелёк с пышным султаном – и Сергей с размаху сверху вниз ударял его своим “воином”. Потом право удара передавалось отцу. Чья голова слетит первой, кто победит – Кукубенко или польский полковник? Чья кровь, как вино из разбитого драгоценного сосуда, прольётся на землю? Вот Кукубенко уже срубил голову шляхтичу, вот он, измочаленный, каким-то чудом – главное знать, как ударить! – сносит с плеч башку родовитому хорунжему, но из ворот древней крепости вылетает на белом коне красавец Андрей, и голова Кукубенко летит в заросли травы-муравы. А кто же справится с витязем Андреем, этим прекрасным безумцем и предателем веры и Сечи? Ну, конечно, только старый Тарас... Маленький белобрысый Серёжа ползает в траве, ищет самый жилистый, самый застарелый стебель и, крича от восторга, бежит к отцу продолжать поединок не на жизнь, а на смерть, между Тарасом и Андреем, между отцом и сыном...

– Юра! Серёжа! – раздаётся с крыльца голос матери. – Идите обедать!

...Мать с сыном вышли на шоссе. Когда-то булыжное, теперь оно было покрыто асфальтом, и мимо них то и дело проносились самосвалы, рейсовые автобусы, блистающие “жигули”. До станции было километра два.

– Мама! Давай в автобус сядем!

– Да нет, сынок, пройдемся потихоньку.

Они шли вдоль дороги, по которой в то лето каждое воскресенье встречали отца. Мальчик ехал впереди на трёхколесном велосипеде, а женщина в ярком ситцевом платье и в белых теннисных туфлях шла следом, время от времени сходила на обочину, рвала васильки и ромашки, присаживалась в траву и, разводя её ладонями, собирала крупные и сладкие ягоды земляники.

– Ма-ма-а! Где-е ты-ы? – слышалось из-за поворота. Ребёнок доехал до заброшенного хутора и со смешанным чувством любопытства и страха разглядывал сарай, сложенный из кусков грубо обработанного серого гранита, которого столь много было разбросано по окрестным полям. Из этого же гранита на хуторе был сложен сруб бездонного, как казалось мальчику, круглого колодца с громадным воротом. Возле колодца ржавой грудой лежала колодезная цепь. Перед домом росло несколько яблонь, заросших бурьяном с той поры, когда люди уехали отсюда неведомо куда. А если с трудом приоткрыть тяжёлую скрипучую дверь сарая, то иногда можно было увидеть во тьме зелёные глаза одичавших за два года кошек и услышать их яростное шипенье. Женщина и сама не любила задерживаться возле хутора. На века были построены и каменный колодец, и гранитный сарай, и добротный дом с закопченными окнами, но, внезапно опустев, они навевали на неё страх и мысль о непрочности людского счастья на земле, и она каждый раз убыстряла шаг, когда проходила мимо этого опустевшего гнезда. Тем более что они всегда спешили навстречу мужу и отцу, который уже сошёл с паровика и торопился к ним по большаку... Опять чего-нибудь купил не то, бестолковый. В прошлый раз положил в авоську торт, а сверху насыпал картошки!

Дорога сбегала в низину и возле ручья, вся в зарослях ольхи, поворачивала вправо, и чаще всего они встречались на этом повороте. Мальчик первый замечал отца. Отец обычно шёл вдоль большака по тропинке – в белой рубашке и белых брюках, светловолосый, коренастый. В руках у него была авоська, наверное, с тортом и молодой картошкой.

Мать вспомнила о том, как двадцать второго июня, когда она оперировала гнойный аппендицит у жителя из соседней деревни, в операционную вбежала санитарка Полина и закричала:

– Александра Никитична, война!

С того дня каждое утро её отвозили на бричке на станцию в военкомат, где началась мобилизация. Сотни мужчин сидели в станционном парке возле здания военкомата. Она ощупывала их, простукивала, выслушивала, спрашивала для того, чтобы написать в мобилизационном листке одно слово: “годен”. Последнюю неделю перед уходом в Ленинград она уже не возвращалась домой, спала в военкомате на изношенном клеёнчатом диване, в обнимку с сыном. А когда над станцией появлялись тёмные силуэты “юнкеров” и начинали выть сирены, она хватала сына за руку и бежала сквозь человеческие крики, полосы дыма и вспышки зениток за водокачку в берёзовую рощу. А во время первого налёта, когда в панике она вместе со всеми бросилась че-

рез пути на ту сторону станции, ей пришлось пролезать под платформами, на которых стояли орудия и танки. Стараясь выйти из-под бомбёжки, тяжёлые составы с грохотом уходили со станции, и она, таща за собой сына, металась между ними.

... Они вошли в станционный посёлок, выстроенный из белого силикатного кирпича. Чем ближе подходили к станции, тем чаще сын спрашивал у матери: а где же стоял военкомат? Где был призывной пункт? В какую берёзовую рощу спрятались они во время бомбёжек? Мать крутила головой, смотрела по сторонам, ничего не узнавая.

— Наверное, всё тут разбомблено было. Домик деревянный я, вроде, помню. А вокзал совсем другой... Устала я, сынок. Давай поедим. У меня с собой пироги с ливером.

Они зашли в привокзальное кафе. Буфетчица выдала им котлеты с макаронами и по стакану какао.

— Красивое на вас платье, — сказал Сергей, глядя на уже немолодую крашенную буфетчицу, которая в ответ улыбнулась ртом, полным золотых коронок:

— Ах, спасибо. А то вот с утра надела, и ещё никто не заметил! Хотите салат из помидорчиков? Хорошие помидоры, только что получили.

Когда он принёс на стол еду, мать упрекнула его:

— Куда ты всего набрал? У меня и пирогов целая сумка, и курицы кусок.

— Ну вот, приехала, как в голодное время, со своими пирогами, — с досадой буркнул он, но, подняв голову и увидев её осунувшееся лицо и морщины, смешную соломенную шляпку с искусственными фиалками на тулье, устыдился своей досады: “Дурак я дурак, ведь она для меня всё это привезла, хоть чем-то порадовать хотела...”

Они пересекли пыльную площадь, взяли билеты на электричку и вышли на перрон. Мягко трубя, подползла электричка. Перед тем как сесть, мать и сын в последний раз посмотрели на станционную площадь. Возле ларька несколько мужиков пили пиво. Посреди площади, разомлев от жары, лежала в пыли чёрная собака. Электричка медленно тронулась, и мать, глядя в окно, сказала:

— Хорошо вспоминать хорошее, а плохое и вспоминать неохота.

Этим же вечером сын провожал её из Ленинграда. Днём они съездили на Пискарёвское кладбище, зашли в цветочный магазин. Мать выбрала десяток красных гвоздик, и когда сын пошёл заплатить за цветы в кассу, она остановила его:

— Не надо. Я сама, я для того сюда и приехала.

Они прошли сквозь арку на кладбище, и у первой же громадной гранитной плиты, на которой была выбита цифра “1942”, мать остановилась и положила цветы на камень.

— Сорок второй год... Так мне и сказали, что отец погиб в феврале сорок второго. Может быть, и лежит под этим камнем, кто знает?

Они пошли по красной кирпичной дорожке в глубь кладбища, и казалось, что плитам с цифрами “1942” конца не будет...

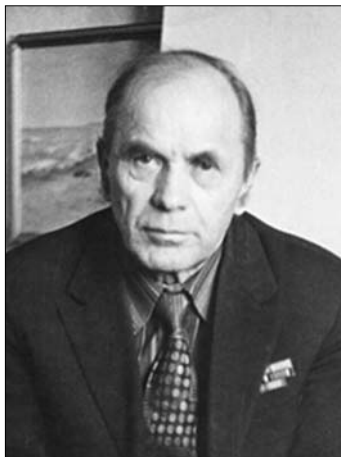
С кладбища отправились на вокзал. “Красная стрела” уже стояла на перроне. Сын трижды поцеловал мать, а она всё говорила ему:

— Ну, иди, иди, не дожидаясь, пока поезд тронется, а то на метро опоздаешь.

Он глядел на неё, сухонькую, маленькую, усталую старушку, и снова в памяти вставала довоенная дорога, он — белобрысый мальчик на трёхколесном велосипеде, она — красивая сильная женщина с короткой юношеской стрижкой, в белом полотняном платье, в теннисных туфлях на упругих молодых ногах...

Мелкий гравий шуршит под её пружинистыми шагами и под шинами его велосипеда. Справа и слева по обочинам дороги сверкают в траве белые ромашки и синие колокольчики, а если развести траву ладонями, то в её влажной зелёной глубине можно увидеть крупные алые ягоды. В синем небе — ни облачка. Над головой — полуденное солнце. Сухой ветер гуляет над полем, заросшим красным клевером, и они, перекликаясь друг с другом, спешат к тёмным ольховым зарослям навстречу повороту, откуда должен показаться отец...

НИКОЛАЙ РОДИН

СЕНОКОС

РАССКАЗ

*Памяти отца
Александра Сидоровича Родина,
погибшего в боях за Отечество
на Орловско-Курской дуге*

После Троицы выкшане подымались на сенокос. Он разворачивался по правому берегу Ксёгжи — на Валах, на Машках, в Кочках. К сенокосу в Выкше готовились, как к празднику. Приберегали крепкие харчи — пшено, коровье масло, яйца, а рачительные хозяева коптели над челом ломти свинины.

Мужики в преддверии сенокоса налаживали косы, браковали старые, изношенные до обуха, покупали и отбивали новые, обзаводились точильными брусками. А девки-бабы доставали из бабушкиных, пахнущих нафталином сундуков светлые летние платья и сарафаны, белые рубахи с короткими рукавами, стогняли с них моль и прожаривали на горячем июльском солнце.

Сенокос в деревне — это вроде выставки. Здесь все шестьдесят хозяйств на виду. Мужики и “большие” ребята демонстрируют свою силу и ловкость на косьбе и стогометании, подростки и даже дети стараются работать наравне со взрослыми. Женское население выходит на сенокос, стремясь явить бе-

РОДИН Николай Александрович родился в 1924 году в деревне Варваровка Касимовского района Рязанской области. В неполные 18 лет был призван в ряды Красной Армии. Воевал пулеметчиком, был тяжело ранен. В 1965 году окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. М. Горького в Москве. Автор романов “Зимний гром” и “Ярусы”, повестей “Пристань”, “Второй урожай земляники”, “Остаюсь в Ивакине”, “Осенние пароходы”, “Танец с саблями”, “Присутствие женщины”, а также более сотни рассказов. Ушёл из жизни в 2013 году.

ду свету свою сноровку на ворошении сена, ну и, конечно, себя показать и людей посмотреть; “большие” ребята приглядывают в лугах невест, девки — женихов.

И вот ранним июльским утром, когда над спокойной, ещё не проснувшейся Ксёгжей виснут призрачные ключья тумана, а в кудрявом ивняке и густо-зелёном ольшанике, радуясь утру, разноголосно звенят птицы и трава ещё серебрится росой, выкшане с косами на плече идут в Кочки. Это самая большая сенокосная “карта”. Здесь, на подходе к лугам, в тени берёзовой куртины, мужики садятся в круг и делятся новостями. Идёт первое лето войны, и всех заботят дела на фронте — наши продолжают отступать, сдают города. Но, по общему мнению, это отступление — временное, вызванное внезапным и вероломным нападением Гитлера, и что наши скоро придут в себя и остановят врага. Остановят и погонят обратно.

— Да как ещё погонят, до самого Берлина! — сказал пожилой колхозник дядя Алексей Варламов.

Поговорив о войне, мужики приступили к косьбе. Перво-наперво, решают они, надо избрать первопроходца. Такой уж в Выкушах обычай — сенокос должен открывать самый умелый и уважаемый косец. Выбор падает на Александра Сидоркина. И хотя ему лестно, что его считают косцом первой руки, он соглашается не сразу.

— А то может, Ваньта первый ряд пройдёт? — обращается он к мужикам.

— Нет уж, давай ты, Александр, — говорит дядя Алексей Варламов.

— Положи начало, — добавляет Илюха Колотовкин. — У тебя рука лёгкая.

Он и сам, Александр, мужик лёгкий. Лёгкий и ловкий. Правда, природа обделила его ростом — он не высок, зато хорошо сложен и кажется как бы выше себя... В детстве это случилось. Сёстры-подростки, Дуня и Наташа, взяли его, двухлетнего Санька, в поле на жнитво, обложили в крестце снопами, а сами ушли дожинать. А когда вспомнили о нём, Санёк уже задышался, он посинел, он умирал. Напуганные девочки на руках бегом отнесли его в деревню, к заболевшей матери. Санька еле отпарили, еле спасли. Но жестокая простуда отразилась на его здоровье. Он рос медленно, истягу, часто болел и долго оставался худощавым и слабосильным. Но он был честолюбив и не хотел отставать от своих сверстников. Вместе с ними он пахал, косил, ездил в извоз, не чураясь никакой работы, и как-то постепенно вошёл в слой завязанных мужиков. Работая с ними, он возмужал, даже погрубел, набрался жизненного и крестьянского опыта, и если не брал силой, возмещал сообразительностью и “струментом”.

“Струмент” он прямо-таки обожал, он облегчал ему тяжёлую крестьянскую жизнь. Нынешней весной прослышав, что в Выксе, на металлургическом заводе, прокатывают и тонкую сталь, и изготавливают острые, не хуже австрийских, косы, он в раздолье, положив в котомку полковриги хлеба, бутылку кипячёного молока и запасные лапти, прошёл 60 с лишним километров, отыскал в Выксе старого мастера и купил у него отличную косу. А выбирал он её по звону, что особенно понравилось мастеру, и тот даже угостил гостя. “В хорошие руки коса идёт, — сказал мастер. — Молодец!.. А то мой племяш её в оркестр приглядывал”.

И вот сейчас Александра просят положить начало сенокосу. И он, поломавшись для приличия, поднимается матёрым мужикам. В самом деле, кому, как не ему, Сидоркину, открывать сенокос в родной Выкше. Все Сидоркины — отец Сидор Петрович и его сыновья Александр и Иван — косцы отменные, природные. У них повелось исстари — зарабатывать себе хлеб косьбой. Отсевшись и посадив картошку на своей усадьбе, зачехлив косы в одеребеневшие лубки, забрав с собой окосива и точильные бруски, отправлялись они на заработки в тёплые края, где трава уже “подошла” и где их охотно брали на работу, потому что они косили хорошо, выкашивали луга до последней былки.

Это, наверное, о них, Сидоркиных, и их дедах написал рассказ “Косцы” большой русский писатель Иван Бунин. “Они были “дальние”, рязанские, — писал Бунин. — Они небольшой артелью проходили по нашим орловским

местам, помогая нашим сенокосам... Они были беззаботны, дружны, как бывают люди в дальнем и долгом пути...”.

В редкие минуты отдыха они пели.

“... Это было как будто бы и не пение, — продолжал Иван Бунин в своём рассказе, — а только вздохи, подьёмы молодой, здоровой, певучей груди. Пели... с той непосредственностью, с той несравненной лёгкостью, естественностью, которая была свойственна только русскому”.

— Ну что ж, — оторвавшись от воспоминаний, говорит Александр. — С Богом, ребята!.. — и осеняют себя крестом.

Он поднимает свою блестящую, с переливами на лезвии и острую, как бритва, косу и идёт в голову луга, к дороге. По пути он “подбивает” к муравьиной куче взявшуюся тут пижму, выбирает в траве сухую берёзовую хворостинку и, дождавшись товарищей, приступает к делу. Бывалый книгочей, он вспоминает при этом запавшие со школьных лет стихи Алексея Кольцова: “Размахнись, рука, раззудись, плечо, ты дохни в лицо, ветер с полудня”. Он вообще любил поэтов, особенно тех, кто писал о крестьянском труде.

Так, он долго хранил рукописный листок, подаренный ему богатым вышанским мужиком, со стихами Сергея Есенина: “К чёрту я снимаю свой костюм английский. Что же, дайте косу, я вам покажу, я ли вам не свойский, я ли вам не близкий, памятью деревни я ль не дорожу”. И вспоминая стихи, Александр взмахивает косой и стелет перед собой полукружье скошенной травы, затем стелет другое полукружье, третье, четвёртое... И пошёл, и пошёл. Он идёт легко, приседая и подбоченившись, и кажется, вот-вот положит косу и пустится танцевать.

А танцевал он лихо. Бывало, на семейной гулянке или на колхозном обеде едва брат Иван заиграет на гармонии подмывающий краковяк или грациозную падеспань, как Александр сразу же снимался с места, подхватывая высококу — выше его — супругу Лизавету и, притоптывая и прищёлкивая каблучками поношенных сапог, прихлопывая при этом по голеницам, хмелем вился вокруг дородной Лизаветы и выделывал такие колена, что скоро в кругу оставались он и Лизавета, остальные только смотрели...

Сегодня Александр легко и, кажется, пританцовывая, ведёт за собой ломаную череду косцов. За ним споро шагает Ваньта Черенков, рослый, крупный, задержавшийся в женихах парень. Коса у него большая, пятичетвертная, и не очень острая, но Ваньта силён, за ним ложится широкая, низкостриженная, словно выбритая, полоса. Следом старается, часто дышит дядя Алексей Варламов. Четвёртым шмыгает в валяных галошах Илюха Колотовкин. Ему “режет пятки” худой, долговязый Максим Петров. А в начале Кочек бьются, стараясь не отстать один от другого, подростки и среди них Колян, старший сын Александра. Сам же Александр Сидоркин уже заканчивает свой, первый ряд. Пёстрая, сарпинковая рубаха взмокла на спине, полотняный картуз тоже пропотел. “А как там товарищи?” — думает он и оглядывается назад. Все они, один по одному, ломаной чередой стелются по лугу, докашивая свой ряд.

Поздно утром, когда солнце стоит уже вполдуба, в луга приходит бригадирша Татьяна и говорит, что начин хороший, в первый же день окошено четыре гектара.

— Молодцы, мужики! — хвалит она, останавливая взгляд крупных, тёмно-карих, как вишня, глаз на Александре Сидоркине.

Косят день, два, три... Затем Кочки расцветают пёстрыми сарафанами и цветными косынками. Это высыпали в луга девки-бабы.

Они растрясая грабельниками скошенную на днях траву. Она, слежавшаяся в рядах и прогретая жарким июльским солнцем, тонко и нежно пахнет молодым сеном, слабыми духами. Запах сена разносится по всей округе. Он проникает даже в сельповский магазин и на танцплощадку, где по вечерам, несмотря на усталость, пляшет молодёжь.

На пятый день, когда косцы уже собирались идти завтракать, в лугах появился Аким-сельсовет. Худощавый и как всегда небритый, в своей излюбленной косоворотке, в сандалиях на босу ногу. Это означало, что Аким сей-

час спешил и явился с каким-то важным сообщением. И верно. Он отыскал глазами Александра и ещё ничего не сказал ему, а тот понял, что председатель пришёл по его душу:

— Что, собираться? — догадался мудрый Александр.

— Собираться, Санька, — подтвердил и участливо добавил: — Только что звонили из военкомата, приказали обеспечить твою явку. К одиннадцати часам, вроде того что...

Они были одногодками. Вместе гуляли в ребятах, ухаживали за девками, пели частушки под гармонь, иногда неприличные, озорные. Но в гражданскую мастеровитый Александр был призван в Красную Армию, воевал, был сапёром, а Аким по причине плоскостопия остался дома и как-то стал прибиваться к сельской власти: был членом лавочной комиссии, в комиссии по обмеру усадеб, по обложению сельхозналогом... Александр же находил удовольствие в рядовой крестьянской работе и всё делал хорошо. Он слыл грамотным, выписывал районную газету, иногда покупал книги в разъездной лавке. В Выкше все подбирали ему подходящую должность. Предлагали стать бригадиром, заведующим фермой, но он отказывался, предпочитая рядовую крестьянскую работу. Единственное, что охотно принял он — краткосрочные курсы ветеринарных фельдшеров. Но курсы не состоялись из-за болезни районного ветврача, и Александр с сожалением вернулся домой. Тогдашний председатель колхоза, только что отслуживший в погранвойсках парень по фамилии Дедушкин, в душе был рад возвращению Александра, потому что наступал сенокос, а Александр был незаменимым стогоправом, смётанные им стога издали были похожи на древнеславянских воинов и стояли в лугах подолгу. И вот теперь Александр уходит защищать Родину.

— А ещё кого зовут? — поинтересовался он.

— Больше пока никого, вроде того что... — ответил Аким.

— Значит, я там очень нужен, — сказал Александр и с гордостью посмотрел на Акима. — Что ж пойду собираться.

Аким по пути в луга заходил к Сидоркиным, и Лизавета уже знала о мобилизации мужа и встретила Александра с причитаниями.

— Не реви! — прикрикнул на жену Александр: он не выносил женских слёз. — Лучше собирай сумку.

Между тем в доме Сидоркиных под самодельной кроватью уже две недели стоял холщовый мешочек с сухарями; мудрый, предусмотрительный Александр знал, что он ему понадобится.

Лизавета стала готовить мужа в дальнюю дорогу. Положила в мешочек с сухарями ломоть копчёной свинины, предназначавшийся на сенокос, шерстяные, заштопанные носки, клубочек суровых ниток с иголкой, деревянную ложку, алюминиевую кружку, новую сатиновую рубаху и почему-то втиснула в сухари большой кисет самосада некурящему Александру. “Кого-нибудь угостит”, — подумала она при этом.

Александр тем временем поспешил к родне сказать, что его призывают в армию. В первую очередь забежал к родителям. И когда сказал, что его призывают в армию, отец, Сидор Петрович, стал как бы меньше ростом, а мать, Анастасия Авдеевна, перепугалась и ничего не могла сказать. Отец, однако, скоро пришёл в себя и дал сыну 20 рублей.

— На дорогу, — сказал отец.

Потом Александр побегал к сёстрам. Их было две в Выкше, живших своими семьями, — Дуня и Наташа. Сбегал и в соседнюю деревню Варваровку, где с некоторых пор проживал отделившийся от родителей брат Иван... И всё бегом, всё бегом — так было много родни и друзей, и со всеми хотелось проститься.

А когда вернулся домой, застал обоих председателей — Акима Герасимовича и Василия Кузьмича. Прихрамал с костылём и отец, Сидор Петрович. Тут же был и Колян, вернувшийся из Касимова — он возил сено на сенопункт. Председатели жалели, что из деревни уходит хороший, прямо-таки бесценный работник, желали успешной службы и говорили, что ждут его с победой. Они принесли с собой вина, и все выпили, выпил и Колян, хотя отец отгораживал его от спиртного.

Проводив гостей, Александр остался с семьёй. Выпивши, он был нежен с детьми, с женой. Потрепал по русым завивающимся вихрам дочку Машу, поглядел по круглой, стриженной “порогами” голове любимого сына Ваньку, которого почему-то в семье с малых лет звали Иваном. Не обошёл и Коляна, обнял за высокие, мосластые плечи, сказал:

— Сын, оставайся тут за меня... Береги мать, детей...

И отозвал Коляна в сени. Он знал, что его рано повзрослевший сын пользуется успехом у девок-перестарок, и посоветовал:

— А за девками особо не ударяй. А то вскружат голову. — И вспомнив, что сын дружит с женщиной старше и мудрее его, добавил: — И вообще, ломай берёзу по плечу... Эх парень дорогой!..

И смахнул ладонью внезапно выкатившиеся слёзы. А рано утром, на рассвете, сбегал на Ксёгжу. У выкшан было заведено перед дальней, трудной дорогой прощаться с речкой. Александр разделся донага, и, забыв прикрыться ладонью, нырнул в мягкую, хранящую тепло, воду. А это, возможно, видела оказавшаяся в лугах Татьяна. Бригадирша шла по берегу речки с саженью на плече.

В тот же день, когда солнце уже поднялось, и роса на траве в лугах высохла, Александр уезжал в армию, на фронт. Его провожали жена Лизавета и сын Колян. По деревне они ехали в телеге, а Александр шёл позади — подходил к сельчанам: кому жал руку, кого обнимал, кому кланялся; ребятишкам, стоящим на дороге, дарил сухарь или яйцо.

Прощался надолго, как оказалось, навсегда.

* * *

“Многоуважаемая и дорогая супруга Елизавета Фёдоровна, — писал Александр в своём последнем письме, — а также дорогие мои детки — Колян, Маша, Ваня и Таня, а также мои дорогие родители — батюшка Сидор Петрович и матушка Анастасия Авдеевна, шлю я вам свой фронтовой, горячий привет и желаю доброго здоровья и долгих лет жизни.

А ещё сообщаю, что я жив и здоров и прошу простить меня за то, что редко и мало писал... За два года войны пришлось много испытать и повидать. Но об этом расскажу после Победы. Сейчас скажу только, что я и горел, и тонул, и замерзал, но слава Богу, остался жив. И ещё скажу, что первое время был сапёром и немало построил землянок и возвёл мостов. В последнее же время начальство перевело меня в строевую часть, и я сейчас — младший командир, старшина.

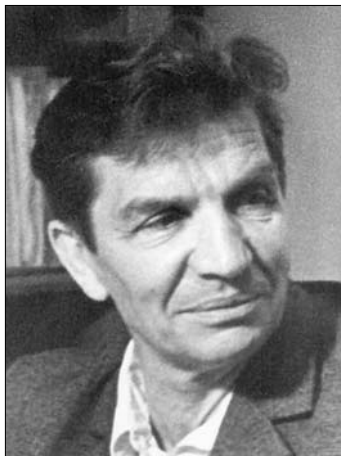
А ещё хочу уведомить, что нахожусь на территории, на которой до войны косил сено, вместе с отцом, Сидором Петровичем, и братом Иваном. Местность эта — безлесная, не такая как у нас, но это всё равно своя, родная земля, которую я должен защищать от врага. По известной причине не могу назвать эту местность, но скажу, что на этой земле когда-то обитали большие гордые птицы, проще говоря — орлы.

На этом своё письмо кончаю. Обнимаю всех и желаю доброго здоровья и долголетия. До встречи после Победы. Ваш муж, отец и сын Александр Сидоркин, старшина. 22 июля 1943 г.”.

г. Рязань

К 100-летию со дня рождения

ДМИТРИЙ КОВАЛЁВ

БОР. ОБЛАКА. СТОГА...

ПОТЕРИ

Они сошлись в Полярном.
В полдень.
С бога.
Как уцелел он?
Как дошёл сюда?..
Что там теперь?..
Туда ушла пехота.
Слышать:
Бомбили по пути суда.

Шинели,
Ржавые на всех от крови,
Пожухли,
Коробом стоят.
И только взгляды
Скорь потерь откроют,
Но, как позор свой,
Ужас затаят.

КОВАЛЁВ Дмитрий Михайлович (1915—1977) родился в знаменитом старообрядческом селении Ветка Могилёвской области. Окончил филфак Ленинградского университета. Участник ВОВ. Заведовал редакцией прозы и поэзии в издательстве “Молодая гвардия”, преподавал в Литинституте. Автор трех десятков поэтических сборников.

От всей заставы
Пятеро осталось.
И не сознание подвига —
Вина.
В глазах —
Тысячелетняя усталость,
А
Только-только
Началась война.

СОЖ

Сож мой!
Луга, луга...
Стёжка к тебе
Из сада.
Бор.
Облака.
Стога.
Кручи.
Коровье стадо...
Чибиса голосок
В шелестах,
В плесках слабых.
Чистый речной песок.
Лоз горьковатый запах.
Что ещё надо? Всё...
Жить, не играя в прятки.
Есть и коса, и косьё.
Сны мои кратки
И сладки.
Сам я
С рассветом схож.
Солнечней самородка.
Есть за березняком Сож
И самодельная лодка.
Можно лететь,
Не бежать.
Мир весь,
Шепнув,
Окликнуть...
Лучше не быть,
Не дышать,
Чем от тебя
Отвыкнуть.

СНИЛОСЬ МНЕ

Тоне Ковалёвой

Снилось мне,
Что в тундру ты пришла.
Все уснули.
И костёр погас.
Чуть курилась лёгкая зола.
И никто-никто не видел нас.
Часовой — поодаль,
Строг и тих...

Я сиял,
Себе не веря сам:
Пламя недоступных губ твоих
Прикоснулось вдруг к моим глазам.
Я открыл глаза —
Тебя уж нет.
Солнечная ночь была длинна.
И молчал суровый край в ответ.
И пошли мы в бой:
Была война.
И в разгар атаки
Между льдин
Я упал,
Где тощие кусты.
Все ушли вперёд.
А я — один.
Звал тебя,
Но не слыхала ты.
Как зола на угли,
Пала мгла
На глаза мои в мгновенье то.
Я заснул —
И снова ты пришла,
И не видел нас
Никто-никто.
Я проснулся в тишине палат.
Я скажу соседу и врачу,
Что задачу
Выполнил отряд...
А о том, что снилось, —
Промолчу.

* * *

Пока меняют лик хамелеоны,
Сменяя на проклятие “ура!” —
Работают все так же миллионы
И для “сегодня” не чернят “вчера”.

Не тороптивы люди,
Терпеливы:
Смешкам злорадным воли не дают.
Не выставляют лучшие порывы.
И не спешат вершить
Последний суд.

МАХМУТ ГАРЕЕВ

*президент Академии военных наук,
генерал армии*

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА И ФАЛЬСИФИКАТОРЫ ИСТОРИИ

Генерал Макартур на церемонии подписания акта о капитуляции Японии 2 сентября 1945 года на борту линкора “Миссури” говорил: “Все проблемы, связанные с различными идеологиями, и военные разногласия мы разрешили на полях сражений. Теперь нам нужно подписать акт об окончании войны”. Тогда, особенно для людей военных, всё казалось ясным. Но оказалось, что не все политические и военные разногласия мы разрешили на полях сражений. Они давали о себе знать и во время, и после войны, и не только в отношениях с противником, но и с западными союзниками. Вскоре началась “холодная война”.

В последние годы за рубежом развёрнута целенаправленная кампания по дискредитации Победы в Великой Отечественной войне и в целом во Второй мировой войне. Всё перевёрнуто, искажено. Если сразу после войны также были разногласия, главным образом, по поводу того, кто начал Вторую мировую войну, о нашем решающем вкладе в достижение Победы, о значении и ходе тех или иных операций, то сейчас поставлены под сомнение смысл всей войны: за что и во имя чего воевали её участники.

Наша страна и её Вооружённые силы сыграли решающую роль в достижении победы во Второй мировой войне. На протяжении всей войны главные силы Германии и её сателлитов были прикованы к советско-германскому фронту. Против наших войск действовали от 190 до 286 наиболее боеспособных фашистских дивизий, в то время как англо-американским войскам противостояли в Северной Африке от 9 до 20 дивизий противника, в Италии – от 7 до 26, в Западной Европе (с началом высадки в Нормандии) – от 56 до 75 дивизий.

На советско-германском фронте были разгромлены 176 дивизий. 80% общих потерь гитлеровцы понесли в сражениях против Красной Армии. Пора нам от излишней толерантности отказаться и сказать, как это на самом деле было на войне. Мы воевали не только с Германией, а со всей Европой.

Те же румыны, выставив против нашей страны три армии, терзали не только Крым и Одессу, а дошли вместе с гитлеровцами до Сталинграда. Только в плену у нас их было 513767 чел., австрийцев – 156682, чехов и словаков – 69777, поляков – 60280, итальянцев – 48957. Кроме того, в “голубой дивизии” испанцев против нас воевало 50 тыс. человек, а также значительное число голландцев, финнов, норвежцев, датчан и многих других.

Несмотря на такой напор, наш народ выдержал всё это под руководством Верховного Главнокомандующего, и мы сегодня имеем право сказать

доброе слово о Верховном Главнокомандующем, под водительством которого выиграли войну. На днях был открыт памятник императору Александру I, прозванному “Благословенным”, хотя он покинул армию в самом начале войны с Наполеоном и пребывал в Санкт-Петербурге, пассивно взирая на уничтожение Москвы французами. Стоит памятник Николаю II, который не победил ни в одной войне. А Сталину, который все войны выиграл, нет памятника. Здесь уже речь не об исторической достоверности, а о современной политической ангажированности.

Великая Отечественная была тяжелейшей из всех войн, которые пришлось пережить России в своей истории. Она унесла свыше 26 млн жизней советских людей, значительная часть из них – гражданское население, погибшее в гитлеровских лагерях смерти и в результате фашистских репрессий, жестокого оккупационного режима, от болезней и голода. Потери нашей страны составили 40% всех людских потерь во Второй мировой войне. Фашисты превратили в руины тысячи городов, посёлков, сёл и деревень.

Героически сражались на фронте и самоотверженно трудились в тылу сыновья и дочери всех народов нашей страны.

Весомый вклад наша страна внесла и в разгром империалистической Японии, одних пленных было захвачено около 700 тыс. человек.

Решающий вклад советского народа в достижение Победы был общепризнанным не только у нас, но и за рубежом. У Черчилль был вынужден признать: “... Все наши военные операции осуществляются в весьма незначительных масштабах... по сравнению с гигантскими усилиями России”. Далее он отмечал: “Чудовищная машина фашистской власти была сломлена превосходством русского маневра, русской доблести, советской военной науки и прекрасным руководством советских генералов. Кроме советских армий, не было такой силы, которая могла бы переломить хребет гитлеровской военной машине”. Решающую роль Советских Вооруженных Сил в войне признавали президент США Рузвельт и руководители других стран.

Но в последнее время всё это подвергается сомнению, утверждается, будто война с нашей стороны была бессмысленной, никакой победы не было, сопротивление фашистскому нашествию было напрасным, позиция западных стран, ставших на сторону Советского Союза, – ошибочной.

Зарубежные и отечественные ниспровергатели Победы забывают, какая судьба была бы уготована фашизмом поработённым народам по гитлеровскому плану “Ост”. Отсюда оправдание власовцев, бандеровцев, дезертиров, бежавших с фронта, и прочих предателей, которые якобы оказались “более дальновидными и прогрессивными людьми”, ещё тогда начав “борьбу против сталинского режима”. А вот все фронтовики и большинство нашего народа были, мол, бессознательной, неполноценной массой, делавшей во время войны не то, что надо было делать. В ряде стран, даже в стане победителей, официально не отмечается День Победы, около ста депутатов Европарламента обратились к главам государств всего мира с призывом бойкотировать празднование Дня Победы в Москве.

За рубежом историю войны фальсифицируют, главным образом, потому, что решающая роль СССР в достижении Победы над фашизмом требует отвести нашей стране соответствующее место в сегодняшнем мире, но этого не хотят допустить определённые круги на Западе. Если внимательно приглядеться к событиям последних лет в мире, можно сделать вывод: видимо, они происходят далеко не случайно.

Многие документы и исторические факты свидетельствуют о том, что фашистские, милитаристские государства не смогли бы развязать Вторую мировую войну в таком масштабе и принести столько зла своим и другим народам, если бы в подготовке к войне и осуществлении агрессивных планов им не способствовали крупные финансовые и промышленные корпорации Европы и Америки, реакционные силы, политики, которые стояли за их спиной, направляя Германию к агрессии против Советского Союза. А теперь всячески оправдывают Мюнхенское и другие соглашения, подталкивавшие фашистскую агрессию на Восток, предадут забвению усилия Советского Союза по созданию системы коллективной обороны в Европе с целью обуздания фашистской агрессии. Дело дошло до того, что нашу страну объявляют виновником развязывания Второй мировой войны, пересматривают решения стран антигитлеровской коалиции по послевоенному устройству Европы и итоги

Второй мировой войны, Хельсинкские соглашения 1975 года о незыблемости послевоенных границ. По всему периметру наших границ от Прибалтики до Курильских островов к России выдвигают территориальные претензии.

Вопреки тому, что Международный военный трибунал в результате Нюрнбергского процесса признал и объявил СС преступной организацией, сегодня недобитые эсэсовцы маршируют с фашистскими флагами и орденами по городам Прибалтики, при этом Евросоюз не только не осуждает, но и воспринимает это с определённым сочувствием. Покровительство нацистам особенно уродливо проявляется на Украине. В ноябре 2014 года в ООН была внесена резолюция о недопустимости героизации фашизма, за эту резолюцию голосовало 115 стран, 55 – воздержались, в основном это были представители Евросоюза, и три государства проголосовали против – США, Канада и Украина. Это издевательство над миллионами людей, которые отдали свои жизни в борьбе с фашизмом, и живущими ныне ветеранами войны.

Всем известно, что бандеровцы и другие националистические бандитские группировки создавались и содержались во время войны гитлеровским командованием. Только в Белоруссии они сожгли 62 деревни вместе с жителями, в том числе Хатынь. Нацисты устроили в Европе холокост, утертвив 6 млн евреев, а на Украине в Бабьем Яре творили неслыханные зверства, как и во многих других странах, убили освободителя Киева генерала армии Н. Ф. Ватутина. День создания УПА на Украине теперь объявлен днём создания украинской армии, а день защитника Отечества 23 февраля отменён.

А в феврале 2014 года американцы и некоторые представители Евросоюза при помощи этих бандитов, террористов и так называемых ЧВК (частных военных компаний) устроили государственный переворот в Киеве и поставили у власти экстремистов. Теперь Украину хотят принять в Евросоюз. И можно поздравить Евросоюз с тем, что там теперь будут заседать наследники фашистов.

Если бы Г. К. Жуков, Д. Эйзенхауэр, Б. Монгомери, Шарль де Голль и другие ушедшие в иной мир ветераны войны из разных стран Европы, Азии, Америки смогли увидеть, как помощник руководителя Госдепартамента США раздаёт нацистам пирожки на киевском майдане, а верховный представитель Евросоюза по иностранным делам там же любезничает с бандитствующими фашистами, в гробах перевернулись бы от омерзения и стыда за тех, кто сегодня под предлогом насаждения “свободы” и “демократии” поддерживает фашистов и бандитов.

Наш историк, полковник Сергей Никулин, обратился в архивные органы Германии и лично к канцлеру А. Меркель с просьбой предоставить документальные данные о том, что бандеровцы хоть где-то воевали против гитлеровских войск. Ему ответили, что нет таких данных, отмечены отдельные случаи нападения на немецкие обозы. Вообще они против немцев не воевали.

Когда при президентстве Ющенко реабилитировали и присваивали звания Героя Украины таким предателям, как Бандера и Шухевич, российские СМИ реагировали на всё это сравнительно спокойно, в первую очередь, надо было торговать газом. Теперь мы видим, как фашиствующие элементы на Украине бомбят и обстреливают из тяжёлых орудий Донецк и Луганск, они сожгли десятки ни в чём не повинных людей в Одессе, сейчас мы увидели вновь лицо нацизма, увидели, что он несёт человечеству.

Для придания этому процессу “исторической опоры” он сочетается с пересмотром или выворачиванием наизнанку всей отечественной истории. Некоторыми историками делаются попытки возродить норманнскую теорию нашей государственности. Но мы должны брать за основу истории государственность всех народов нашей страны, в том числе и государственность Киевской Руси и восточных народов, которые веками населяют территорию нашего Отечества. Дошло до того, что Минин и Пожарский объявляются реакционерами, ибо они, оказывается, ещё 400 лет назад сорвали возможность присоединения России к Западу! И последующее всякое противодействие иноземной экспансии объявляется “ошибкой”, в том числе и во время Великой Отечественной войны.

Президент В. В. Путин в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации справедливо сказал: “Распад Советского Союза стал крупнейшей геополитической катастрофой столетия”. Директор Московского центра Кар-

неги Эндрю Качинс не согласен с этим. “Для Запада, – считает он, – крах СССР означал величайший триумф XX века... Отказ от суверенитета ради безопасности является признаком Европы эпохи постмодерна, будучи сегодня основополагающим принципом Евросоюза”.

Вот такая капитулянтская историческая концепция навязывается сегодня России. Дело дошло до того, что Франция, считавшаяся когда-то великой державой, теперь без разрешения американцев не может продать России свои корабли. Сколько русской крови пролито для завоевания свободы и независимости Болгарии, а в трудный для России момент она пошла на поводу у американцев и не поддержала Россию. Теперь Америка собирает всю Европу и НАТО, в основном, против России, которая их же освободила из-под ярма фашистской оккупации. Хотя, казалось бы, светлая память о Великой Победе, одержанной во Второй мировой войне, не должна служить средством конкуренции ни в нашей стране, ни за рубежом, а должная сплачивать народы на пути к лучшему будущему, на что надеялись участники войны.

Таким образом, переиначенная история призвана внушить людям пагубную мысль, что если в прошлом у России ничего, кроме поражений и позора, не было, то она ни на что путное не может рассчитывать ни сегодня, ни в будущем.

Фальсификация истории Великой Отечественной войны определённому кругу людей нужна также для того, чтобы дискредитировать идею защиты Отечества и военной службы.

Один из авторов газеты “Московский комсомолец” пишет: “Нет, мы не победили. Или так: победили, но проиграли. А вдруг было бы лучше, если бы не Сталин Гитлера победил, а Гитлер Сталина? Мы освободили Германию, может, лучше бы освободили нас?”

На вопрос журнала “Коммерсант-Власть” (9.05.2005) “А если завтра война? Пойдёте ли Вы защищать Родину?” В. Новодворская ответила: “Я согласна защищать Россию от Китая, Ирана, Вьетнама, но не от западных стран. Их я встречу с цветами, буду пятой колонной. Россия не способна управлять сама собой, Россией кто-то должен управлять извне”. Самое опасное в том, что такую спекулянтскую идею пятая колонна и находящиеся в её распоряжении СМИ стремятся распространять на всю нашу молодёжь.

Больше всего извращается история того, как началась Вторая мировая война, кто виновник её развязывания. Советский Союз больше всего обвиняется в заключении договора с Германией.

В советской истории, например, были общепризнанными легитимность и историческая важность договора между Германией и СССР о ненападении. Верховный Совет страны в годы перестройки осудил этот договор. Из чего же мы должны теперь исходить?

Конечно, решение этого высшего органа государственной власти, который теперь не существует, официальные власти к чему-то обязывало. Но к исторической науке всё это никакого отношения не имеет. Больше всего нареканий и шума вызывало наличие секретных протоколов к этому договору. Но это демагогия самого дешёвого пошиба, ибо подобные договоры до Советского Союза Германия заключила с многими другими странами. Секретные переговоры с заключением соответствующих соглашений велись также между Великобританией и Германией. Польско-английский договор от 25 августа 1939 года также имел секретное приложение, в котором, в частности, Литва объявлялась принадлежащей сфере интересов Польши, а Бельгия и Голландия – Великобритании. Латвия и Эстония в августе 1938 года подписали секретные соглашения с Германией о гарантиях их границ.

Почему никто не осуждает эти договоры? Собственно, подобный характер носили Тегеранские, Ялтинские, Потсдамские соглашения антигитлеровской коалиции. Они тоже устанавливали сферы влияния, и до определённого времени некоторые пункты этих соглашений носили закрытый характер. Есть секретные дополнения к американо-японскому договору о безопасности 1951 года. Это обычная практика в международных отношениях.

Для того, чтобы иметь объективное суждение по таким вопросам, в том числе по договору 1939 года, нужно учитывать всю сложность обстановки предвоенного периода, в котором приходилось действовать правительству нашей страны. Если отвлечься от многих частных и лукавства, главная её суть состояла в том, что весь капиталистический мир должен был объеди-

ниться в борьбе против Советского Союза. С этой целью в 1938 году и было заключено Мюнхенское соглашение, рассчитанное на подталкивание Гитлера к нападению на СССР. Если бы эти планы не удалось расстроить политико-дипломатическими средствами, реальных шансов на спасение не было бы. Большую опасность представляло возможное выступление Японии против СССР с перспективой ведения нашей страной одновременно войны на Западе и на Востоке. Но советскому правительству путём заключения договоров о ненападении с Германией (1939) и нейтралитете с Японией удалось расколоть единый антисоветский фронт потенциальных противников и добиться того, что западные страны, толкавшие Гитлера на Восток, впоследствии сами вынуждены были выступить на стороне Советского Союза. Наша страна получила возможность разделаться вначале с фашистской Германией, а затем с Японией.

Создание антигитлеровской коалиции во время Второй мировой войны было величайшей дипломатической победой, во многом предопределившей течение и исход войны. Конечно, этому способствовали и некоторые объективные международные обстоятельства, но факт остаётся фактом: Советскому Союзу удалось вырваться из кольца враждебного окружения. Когда В. Резун в “Ледоколе” и некоторые историки задним числом протягивают версию о том, что Сталин готовился первым напасть на Германию, а Гитлер упредил его, они не учитывают именно это обстоятельство. Сталин ни при каких обстоятельствах не мог пойти на такое, ибо СССР тогда мог остаться в полной международной изоляции, что было бы для нашей страны самоубийственным шагом. Эти свершившиеся исторические события и факты никакими заклинаниями отменить невозможно.

Если тогда не всё было понятно, то теперь становится яснее. Не надо забывать и о том, что идеологически руководители западных стран были ближе к фашистской Германии. И наши западные союзники в конце 30-х годов очень хотели, чтобы Гитлер воевал с Советским Союзом, а они оставались в стороне.

Так, в книге американского полковника Р. Хоббса “Миф о победе. Что представляет собой победа на войне” утверждается, что, участвуя в антигитлеровской коалиции, западные союзники играли на руку Советскому Союзу. Хотя интересы “запада” в принципе были гораздо теснее связаны с интересами Германии, нежели с интересами СССР.

Особенно много искажений различных фактов по начальному периоду войны и вообще по ходу войны. Например, объявление виновником Второй мировой войны нашей страны или возложение вины на Советский Союз, а не на фашистскую Германию, что чаще всего сейчас и делается.

Как указал недавно В. В. Путин, надо с нашей стороны объективно освещать, как шла война. Война, как известно, сложилась для нас очень трудно, и в начале пришлось терпеть и ряд серьёзных неудач. Как говорил Сталин, у нас были моменты отчаянного положения.

Прежде всего, были допущены крупные просчёты с точки зрения определения возможных сроков нападения Гитлера на Советский Союз. В связи с этим главной причиной наших неудач в начале войны было то, что войска приграничных округов не были заблаговременно приведены в боевую готовность и до начала нападения противника не заняли предназначенных оборонительных рубежей, позиций. Они оказались, по существу, на положении мирного времени и не смогли своевременно изготовиться к отражению агрессии. Это обстоятельство породило и многие просчёты, предопределило наши неудачи.

Для нас важно не только перечислить наши упущения, назвать причины неудач или объявить, кто в этом виноват, но и постараться понять, объективно разобраться: почему и под влиянием каких условий и фактов всё это произошло. Только тогда можно сделать обоснованные выводы и извлечь должные уроки для наших дней.

После войны очень много было написано о том, что разведка своевременно и точно докладывала о планах гитлеровского командования и сроках возможного нападения фашистской Германии на СССР. Но разведка означает не только добывание данных о противнике, но и их умелый анализ, а разведанные были часто противоречивыми. Международный фонд “Демократия” издаёт сборник важнейших документов за 1941 год, где в предисловии

к первому тому сказано, что никакой внезапности нападения не было, Сталин имел точные данные о готовящемся нападении, но преступно ими пренебрёг. Но для тех, кто всё же хочет по-настоящему разобраться в прошлых событиях и дойти до истины, такого объяснения недостаточно. Всё равно остаётся вопрос: почему так поступил Сталин?

Несмотря на все его ошибки, он не был врагом своей страны, не хотел её поражения. Это подтверждается последующей его деятельностью в ходе всей войны.

Но обстановка накануне войны была значительно сложнее, чем это иногда изображается. Шли разведанные и документы не только о возможном нападении, но и о том, что это провокационные слухи, дезинформационные сведения. Посол СССР в Лондоне Майский буквально накануне войны сообщал в Москву подробные сведения о военных приготовлениях Германии и в конце донесения делал вывод, что Гитлер сможет напасть на СССР только после того, как покочнит с Англией.

Начальник ГРУ Голиков и нарком МВД Берия представляли Сталину доклады о развёртывании германских вооружённых сил у наших границ и завершали сообщения выводами о дезинформационном характере этих сведений. В таком же духе доложил обстановку Сталину 21.06.41 года и командующий Западным военным округом Д. Г. Павлов. И когда на суде у него спросили, почему он так доложил обстановку, если знал о сосредоточении немецких войск перед его фронтом, он ответил: “Я доложил ему то, что он от меня хотел услышать”. Но разве такая безынициативность оправдывает полководца?

Назывались сроки гитлеровского нападения 15 апреля, 1, 15, 20 мая, 15 июня. Сроки проходили, а нападения не было. Много было и другой дезинформации. Говорят, Р. Зорге из Японии прямо докладывал, что нападение Гитлера совершится 22 июня 1941 года. Но хотя формально это подтвердилось, всё же основание есть задуматься над тем, зачем гитлеровскому генштабу было сообщать военному атташе в Японии, от которого Зорге получил эти сведения, точный срок нападения на Советский Союз.

Сегодня иногда судят об этих противоречивых явлениях чрезмерно упрощённо и в отрыве от того, что происходило в действительности. Это относится и к существовавшей в то время версии о том, что Гитлер не будет воевать на два фронта и поэтому не нападёт на СССР, пока не разделается с Англией. Но это была, по существу, подмена реальной действительности отвлечёнными, схематичными положениями, порождёнными историческими стереотипами. Фактически в 1941 году никаких двух фронтов для Германии не было. После быстрого поражения англо-французских войск в 1940 году, чего Сталин никак не ожидал, Англия, находясь за Ла-Маншем, серьёзной угрозы для Гитлера на континенте не представляла.

Сталин полагал, что войну можно будет оттянуть до 1942 года, и все свои решения и действия подчинил этому соображению. Будучи уверен, что война всё-таки будет, поручил сделать сообщение ТАСС от 13.06.41 года о том, что пакт о ненападении Германией соблюдается. Потому, когда 22 июня 1941 года нападение Германии свершилось, для Сталина и всех других оно было неожиданным. Как теперь объясняют, упомянутое выше сообщение ТАСС было сделано с целью международного зондажа, но тогда специальным распоряжением надо было предупредить об этом командующих округами и флотами.

Советское политическое руководство, Наркомат обороны и Генштаб не смогли оценить адекватно сложившуюся обстановку и не приняли своевременных мер для приведения Вооружённых Сил в полную боевую готовность и исключения внезапности нападения. Это была роковая ошибка. Этим всё объясняется, отсюда проистекают все другие просчёты.

В результате успешно проведённой индустриализации страны, культурной революции и других мероприятий экономические и другие возможности страны значительно возросли, а армия и флот получили новое вооружение, но с точки зрения организационной и управленческой не всё было доведено до конца. Поэтому эти возможности не удалось в полной мере использовать.

Когда в исторических трудах справедливо говорят, например, что соединения и части личным составом и техникой не были доукомплектованы до штатов военного времени, новые образцы танков и самолётов распылены, а не направлены для формирования хотя бы нескольких боеспособных со-

единений, полевая и зенитная артиллерия оторвана от своих дивизий и отправлена на полигоны, и называют многие другие подобные упущения, то при отвлечённом подходе к этим вопросам в отрыве от конкретных условий, в которых подобные решения принимались, это выглядит как величайшая глупость, ведь заведомо пагубных решений никто не искал. Всё хотели сделать как можно лучше. Например, артиллерия была оторвана от своих дивизий и находилась на окружных полигонах потому, что после развёртывания она ещё ни разу не стреляла, и в таком виде её нельзя было послать в бой.

Все виды Вооружённых Сил и родов войск внесли свой посильный вклад в наши упущения и в достижение Победы, хотя иногда делаются попытки противопоставить и выделить “свой” вид Вооружённых Сил. 2 июня 2014 года в газете “Советская Россия”, которая отличается обычно правдивым освещением истории войны, появилась статья Льва Печурина о начале войны. Там он пишет, что, в отличие от армии, флот, вопреки указаниям Сталина, был приведён в полную боевую готовность и не понёс никаких потерь. Но потери, конечно, были. В начальный период войны ВМФ потерял 111 кораблей и катеров, в том числе 19 подводных лодок, 15 катеров и эсминцев, 70 транспортёров, 30% потерь понесены от ударов вражеской авиации, 25% – от мин.

Действительно, в ВМФ была разработана система боевой готовности, которая специальными короткими сигналами была доведена до флотов. В округах приходилось в каждой инстанции расшифровывать и снова зашифровывать телеграммы для подчинённых инстанций, поэтому распоряжения были получены в 4-5 часов утром 22 июня, в условиях уже начавшейся войны. Но в полную готовность флоты всё равно не были приведены, потому что полная боевая готовность всегда означает и от мобилизацию, чтобы развернуть войска до штата военного времени. А этого нарком ВМФ не мог сделать без решения Верховного Совета и распоряжений Генштаба, ибо военкоматов своих у него было. В журнале “Морской сборник”, № 7 за 2004 год, описывалось, как в конце дня 21 июня нарком ВМФ позвонил командующему Черноморским флотом Октябрьскому, а он, несмотря на введённую “полную готовность”, находился не на своём КП, а в Доме офицеров на концерте. Как Павлов – в Минске. К. Рокоссовский дал команду командирам полков всем вместе выехать в воскресенье на рыбалку. В Бресте командиры и политработники были собраны на городской партактив. Пока не выяснено, но кто-то на всё это давал команду, чтобы показать противнику, что мы не собираемся воевать.

Некоторые историки ставят вопрос о том, почему нельзя было отправить распоряжение о вскрытии “красных пакетов”, где было указано, что делать в случае начала войны. Но Сталин же дал дополнительные указания, которых не было в “красных пакетах”: на провокацию не поддаваться, никаких других мер, кроме указанных, не предпринимать и т. д. Игнорировать эти указания тоже было невозможно.

Наше Верховное Командование, до последнего момента не разрешая полностью привести наши войска в полную готовность, ставило перед собой главную цель – не спровоцировать войну, оттянуть её начало, чтобы никто нас, особенно среди западных стран, не смог обвинить в агрессии. В противном случае все они могли объединёнными усилиями выступить против нашей страны. Тогда альтернатива для нас могла быть ещё более тяжёлой и, пожалуй, невыносимой. Конечно, своей цели Сталин всё же добился, но, правда, очень тяжёлой ценой не допустил объединения всех капиталистических стран против нашей страны.

Искажаются и другие события войны. Возьмите операцию Западного фронта “Марс”, которая проводилась на Ржевском направлении. Американский историк Д. Глэнц написал специальную книгу по этому поводу. Он её назвал “Величайшее поражение Жукова”. Но эту операцию нельзя рассматривать в отрыве от Сталинградской операции. Она проводилась для того, чтобы не дать противнику возможности перебрасывать на сталинградское направление силы из состава ЦГА. Эта задача была выполнена. Ни одной дивизии противник не перебросил из ЦГА на сталинградское направление.

Некоторые авторы, например небезызвестный Г. Попов, утверждают, что Курской битвы... вообще не было (!), так как после высадки союзников в Сицилии (10 июля 1943) Гитлер будто бы отказался от операции “Цитадель”

И увёл свои танковые соединения на Запад. Но в действительности к тому времени, когда началась эта десантная операция, судьба Курской битвы была уже predetermined. О её итогах генерал Гудериан писал: “В результате провала наступления “Цитадель” мы потерпели решительное поражение. Бронетанковые войска, пополненные с таким большим трудом, из-за больших потерь в людях и технике на долгое время были выведены из строя, и уже больше на восточном фронте не было спокойных дней. Инициатива полностью перешла к противнику”. Гудериан, видимо, не меньше знал об этой операции, чем Гавриил Харитонович Попов. Я уже не говорю о десятках тысяч ещё живых милостью Божьей участников этой величайшей битвы, которым современные мародёры от истории толкуют совершенно противоположное тому, что они сами видели и пережили.

Несмотря на всю нелепость, подобного рода басни и сплетни о войне повторяются изо дня в день. Ставится под сомнение великая освободительная миссия Красной Армии. Особенно странно и оскорбительно слышать заявления некоторых историков, политиков, журналистов об “оккупации” советскими войсками Прибалтики, Польши и других европейских стран. Некоторые историки утверждают, что Сталин совершил большую ошибку, не остановив войска после освобождения своих земель. Он, оказывается, тем самым положил начало оккупации Прибалтики, Польши, Чехословакии. Но кто освободил бы их от фашистской оккупации? Кто и как добил бы гитлеровские войска? Сами они не могли этого сделать.

Поляки в конце 1944 года подняли восстание в Варшаве и хотели самостоятельно освободиться, но это восстание было жестоко подавлено. Характерно, что руководитель восстания генерал Бур-Комаровский не захотел воспользоваться советским самолётом, предоставленным в его распоряжение, и перешёл на сторону гитлеровцев.

Могли ли их освободить западные союзники? Уже после арденнского поражения в конце 1944 года стало ясно: они не в состоянии без участия советских войск освободить всю Европу. Тем более, что в случае остановки наступления советских войск, все противостоявшие нам немецкие войска (около 100 дивизий) могли быть использованы против западных союзников. Кроме того, Ялтинские соглашения обязывали страны антигитлеровской коалиции добиться полного разгрома и безоговорочной капитуляции Германии. Ни при каких обстоятельствах нельзя было оставлять фашизм недобитым.

Если бы Гитлер получил передышку, Германия могла бы снова собраться с силами и добиться сепаратных соглашений с некоторыми из наших союзников (к сожалению, такой процесс подспудно уже шёл). Если бы это случилось, провозглашённая политическая цель Второй мировой войны не была бы достигнута. Мало того, в Германии шли успешные работы по разработке ядерного оружия, им не хватило двух-трёх месяцев, чтобы создать бомбу. Что было бы, если бы они её создали?

Некоторые современные историки для подкрепления своих позиций ссылаются даже на М. И. Кутузова: вроде бы он обращался к царю с просьбой остановить русские войска и в Европу не ходить.

В действительности М. И. Кутузов в декабре 1812 года остановил свою армию всего на несколько дней, с тем, чтобы подтянуть тылы, собрать отставших солдат, подвезти боеприпасы и дать войскам отдохнуть после изнурительного почти 1000-километрового похода с непрерывными боями.

21 декабря 1812 года (2 января 1813 года по новому стилю) Кутузов в приказе по армии поблагодарил войска за изгнание врага из пределов России и призвал их довершить поражение неприятеля на собственных полях его. А в Петербург он писал: дух армии прекрасный... мы идём вперёд.

Наша армия и тогда, и в 1945 году до конца выполнила свой долг. Теперь же вопреки тому, что только за освобождение Польши мы отдали жизни 600 тыс. наших воинов и 1,5 млн за освобождение Европы, нас зачислили в разряд не освободителей, а оккупантов.

В ряде стран Европы приходят к власти деятели, благосклонно относящиеся к идеям радикального национализма, граничащего с нацизмом, в общественных кругах всё больше задают тон идейные наследники крайнего радикализма.

Мы – за примирение с народами, с которыми воевали. Но ни при каких обстоятельствах нельзя сдавать наши антифашистские позиции. В нашем ис-

торическом прошлом ныне начинает более ясно и конкретно проявляться многое из того, о чём мы по разным причинам не всегда писали и не говорили прямо и определённо. И о том, как влиятельные промышленные и финансовые круги усиленно помогали возрождать германскую экономическую и военную мощь (даже во время войны они скрытно помогали Германии железом, каучуком и другими стратегическими материалами). И о том, почему так долго откладывалось открытие Второго фронта в Европе, и зачем в конце войны без особой военной надобности разбомбили и разрушили Дрезден, и зачем сбросили атомные бомбы на японские города, когда поражение Японии было уже предрешено.

Один из высокопоставленных политических деятелей США заявил: “Бомбы были сброшены в Японии против Советского Союза”. И Дрезден был разрушен для устрашения Советского Союза, когда война уже заканчивалась. А план операции “Немыслимое”, разработанной в 1945 году по указанию У. Черчилля, предусматривал использование германских военнопленных в случае боевых действий Британии и США против СССР.

Ещё в 1941 году один из таких деятелей, Г. Трумэн (в 1945 году сменивший Ф. Рузвельта на посту президента США), говорил: “Если будут одерживать верх немцы, нам надо помогать СССР, если будут побеждать русские – помогать Германии. И пусть они как можно больше убивают друг друга”.

Трумэны и их наследники дают знать о себе и сегодня. В США и Европе они всё больше активизируются и задают тон в политике. Эта линия в других формах, свойственных “холодной войне”, проводилась все послевоенные годы. С достижением Советским Союзом стратегического паритета в ракетно-ядерных вооружениях, страны НАТО, опасаясь большой войны, сделали главную ставку на развязывание локальных войн, вооружённых конфликтов, обеспечивающих достижение политических целей по частям, и на новые формы противоборства на международной арене с применением так называемой “мягкой силы”. В итоге не стало Советского Союза.

Несмотря на исчезновение СССР, военная организация НАТО, которая официально создавалась для противодействия “советской военной угрозе”, продолжает существовать. Советские войска ушли из Европы, а американские войска и базы там остались. Западные вдохновители этих перемен заявляли, что войска и базы НАТО не будут перемещаться в восточноевропейские страны, вышедшие из Варшавского договора.

Но их заявления оказались блефом и очередным циничным обманом. Войска НАТО и их базы всё дальше продвигаются на восток. В некоторых странах устраиваются “цветные революции”, проводятся иные подрывные действия. Югославию, Ирак, Ливию и некоторые другие непокорные страны разбомбили. Террористы, которых должны были уничтожить, продолжают терзать Сирию и Ирак, другие страны.

По этой же схеме предприняты подрывные действия на Украине. Даже такой нейтральный человек, как экс-президент Чехии В. Клаус, вынужден заявить: “Да, изменения геополитической ситуации случились. В твоих глазах (обращается к журналисту, задавшему вопрос) в этом виноваты Россия и Путин. Но это абсолютно инфантильный и глупый взгляд. Данную ситуацию спровоцировали европейский Запад и США, которые очень сильно хотели конфронтации с Россией и которые использовали Украину как убогий, печальный, несчастный инструмент для достижения этой цели. Спровоцировал эту ситуацию ни в коем случае не Путин, а наши товарищи в Западной Европе и США”. Об этом можно судить по санкциям, которые объявили России.

Нам без конца толкуют о свободе слова, и вместе с тем именно западные надзиратели подталкивали украинские власти к прекращению вещания на Украине российских телеканалов.

Главная геополитическая цель США и Евросоюза состоит в том, чтобы столкнуть между собой Россию и Украину, и, судя по всему, ради этого они готовы пойти на самые крайние и опасные шаги. Интересы России и Украины требуют не поддаваться на эти провокации, не обострять обстановку и сделать всё для того, чтобы наши страны жили в тесном братском содружестве.

Самый глубокий смысл Великой Отечественной войны для её участников состоит в том, что мы не только защищали своё Отечество, но и сражались за будущее человечества. Нам безразлична дальнейшая судьба народов. Но что мы видим, в каком направлении развиваются события?

Видим, например, уродливость и противоестественность глобальной финансово-экономической системы, основанной на долларе, страшный разрыв между богатыми и бедными странами, между различными слоями населения в большинстве стран. Ведущие экономисты признали: если все страны мира будут потреблять столько энергетических ресурсов на душу населения, сколько потребляют США, мир окажется перед катастрофой. Культ однополых браков и гомосексуализма, внесение в парламенты некоторых европейских стран законопроектов, легализующих половые сношения родителей со своими детьми и детей между собой, провозглашение верховенства меньшинства над большинством и прочие факты отвержения вековых человеческих ценностей свидетельствуют о моральном и биологическом вырождении определённой части западных сообществ.

Очевидно, в будущем большинство народов, значительная часть мирового сообщества едва ли примут навязываемые им сегодня диктат в международных делах, новые веяния американской и западноевропейской “демократии”, по крайней мере в том виде, в каком они внедряются сегодня на Украине. Говорят, демократия впервые появилась тогда, когда Бог подвёл Адама к Еве и сказал; “Выбирай, кого хочешь”. Может быть, именно в таком виде её хотят продолжать внедрять. Но не ради этого воевали и гибли участники Второй мировой войны. Надо полагать, в конце концов, восторжествуют традиционные общечеловеческие ценности. Надо, чтобы Россия в этом отношении подала пример другим народам.

В течение уже многих лет и десятилетий в редакцию нашего журнала приходят рукописи воспоминаний советских солдат и офицеров, фронтовиков, участников Великой Отечественной войны. Записки эти присылают сами фронтовики или их родственники и знакомые. Многие эти воспоминания, наполненные живой правдой войны, увидели свет на наших страницах. В очередной раз с радостью предоставляем слово тем простым героям Великой Войны, чьи живые рассказы доносят до нас Правду Борьбы и Победы.

ПРАВДА БОРЬБЫ И ПОБЕДЫ

Из воспоминаний участников Великой Отечественной войны

ШТУРМ САПУН-ГОРЫ

Иван Иванович Патук – единственный живущий ныне участник штурма Сапун-горы – живёт в Севастополе, на земле, освободить которую ему довелось 70 лет назад. В 22 года форсировал он Керченский пролив, командуя отрядом разведчиков, освобождал Крым, брал Кёнигсберг...

Сидя на просторной веранде, обдуваемой морским бризом, мы вспоминаем о войне, глядя на Карантинную бухту с боевыми кораблями и Владимирский собор Херсонеса – именно здесь была поставлена финальная точка освобождения Крыма.

Наталья Афанасьевна Батраева – автор литературной записи

Рассказывает Иван Иванович ПАТУК:

Ещё в детстве я захотел стать военным из-за одного случая... Наша деревня стояла недалеко от трассы Чернигов–Киев, и вот как-то в марте (мне тогда лет шесть минуло) стояли сильные морозы, и на дороге в сугробе застряла машина. Мы, дети, подбежали, увидели крепкого мужчину – военного, который попросил позвать местное начальство. Кто-то указал на меня, мой отец был секретарём поселкового совета. Оказалось, что проезжающий был командующим Киевским военным округом. Отец всё организовал: лошадьми вытащил машину, его с женой забрали ночевать в нашу хату. Весь вечер командующий меня с рук не спускал, даже предложил отцу взять к себе, мол: “Человеком сделаю!” Но отец, конечно, не позволил.

Повзрослев, я начал усиленно заниматься спортом, получил значок “Ворошиловский стрелок” – предмет мечтаний всех мальчишек. После школы поступал в авиационное училище, но, не пройдя из-за маленького роста, решил ехать в только что созданное Харьковское пехотное училище – по специальному набору в него принимали без экзаменов, смотрели лишь на физическую подготовку и родословную.

Обучение длилось два года. Программа была такой насыщенной, что позднее в реальных боях страха я не чувствовал. С нами постоянно был начальник училища, полковник Шерстов, даже на физзарядку приезжал: встанет в голову колонну, как мы, в трусах и майке, и делает то же, что все. Совершали марш-броски по 100 километров в сутки: 50 километров туда и столько же обратно, с оружием и обмундированием. Постоянно тренировались в полевой обстановке, ставили мины, рыли окопы. До автоматизма отработывали штыковой бой – вслепую должны были попасть в сердце противника. Тот, кто тренировал, стоял у мишени с палкой и наблюдал, куда смотришь: на мишень или на него. Потом это очень пригодилось: в рукопашной глядел в упор на фашиста, нередко он не выдерживал взгляда и отводил глаза...

За два месяца до выпуска командиры провели учения в масштабе батальона. Всё происходило, как в настоящем бою: сначала пошли танки, причём, на каждого, по очереди. Надо было упасть в траншею с винтовкой или пулемётом, а танк проходил над тобой, да ещё и утюжил. Некоторые не выдерживали и кричали: “Мамочки, спасите меня!” Потом “кукурузники” полетели, сбрасывая метрах в ста от нас маленькие гранаты. Отбомбили – началась атака. Сейчас подобной подготовки и близко нет!

Что война будет, мы знали заранее. Перед самым выпуском всех направили на стажировку в войска – тогда уже разворачивали запасные дивизии, брали призывников запаса со всего СССР. С нами оказался чистокровный поляк с Западной Украины, однажды он приходит и говорит: “Что хорохоришься?! Скоро война будет!” – и назвал май-месяц.

15 мая 1941 года состоялся выпуск – мне не исполнилось и 19-ти. Присвоив звание лейтенантов, нас этапом отправили в 223-ю стрелковую дивизию под Харьков. Началась война – погрузили в эшелоны и перебросили на Юго-Западный фронт за 80 километров от Винницы. Мы заняли траншеи и приготовились к обороне – эти окопы нас и спасли, всё-таки сидели не в чистом поле...

20 июля 1941 года состоялся мой первый бой. Солдат вооружили винтовками. Но винтовка себя не оправдала: многие расходовали сразу все 10 патронов, а пока перезарядишь – тебе и голову снесут.

Через двое суток немцы определили наши позиции, и бой пошёл по-настоящему с мощной артподготовкой, а у офицеров – только револьверы. Только когда убило первого солдата, я взял его винтовку и стал активным бойцом. С револьвером что сделаешь? Пятьдесят метров его убойная сила, а у винтовки – три километра. Фашисты думали смять нас слёту, но не получилось. Мы упорно сопротивлялись, но они, обнаружив наши открытые фланги, вышли в тыл и взяли в кольцо. Пока выбирался из окружения, меня сильно контузило: не мог ни двигаться, ни говорить, как труп лежал.

После возвращения из госпиталя получил звание старшего лейтенанта и назначение командиром роты в Донбасс – в Донецкую дивизию (до этого командовал взводом). Мы обороняли город Сталино (современный Донецк). Сталин держал его на особом контроле: 383-ю дивизию приказал комплектовать только шахтёрами. Нас хорошо оснастили, усилили артиллерией. Расчёт главнокомандующего оправдался. Кто, кроме шахтёров, ежедневно прощается с семьёй, опускаясь в шахту? Они легче переносят боевые действия. Некоторые солдаты годились мне в отцы и звали “сынулей”, но отличались исключительной исполнительностью. Если бы не шахтёры, мы недолго бы продержались.

Сейчас вновь на этой земле льётся кровь, идёт война, на этот раз война гражданская. Я стараюсь анализировать события, вспоминаю, как воевал, что чувствовал 70 лет назад. Для меня это пройденный этап, а для кого-то, может быть такого же молодого, как я тогда, – настоящий!

В ноябре 1941-го мы отошли за реку Миус, где продержались в обороне до июня 1942 года. В это время уже выдавали по одному автомату на отделение (10–12 человек) и один ручной пулемёт. Когда серийное производство автоматов наладили, воевать стало легче, но всё равно в первую очередь вооружали разведчиков и роты автоматчиков, до обычного солдата дело дошло не скоро.

Оставив Донецкую область, вышли в расположение Северо-Кавказского военного округа под Туапсе, где меня (после лёгкого ранения) переподчинили 18-й армии и назначили командиром батальона.

“Голубая линия” – это стратегическое направление, на котором немецкая армия превосходила нашу раза в четыре. Они страшно рвались на Кавказ! Самолёты делали до двух тысяч вылетов в сутки на дивизию. Под Туапсе меня

опять ранило, теперь уже тяжело. Лечился я в Грузии. Поправился — назначили помощником начальника штаба полка по разведке.

Так в 1943 году я стал разведчиком. А разведка — это не то, что в кино сейчас показывают: под проволочкой проскочили туда-сюда, хватанули “языка” и назад. Нет! Это серьёзная операция, требующая большой подготовки.

Когда идут бои оборонительные — это один способ ведения разведки; при наступлении — другой: тогда захват пленного не представляет сложности. Если брать “языка” из окопа, необходимо готовиться основательно.

Мы в блиндажах не сидели: круглые сутки на передовой, в траншеях. Изучали огневую систему противника; где штабы, наблюдательные и командные пункты. Распознав настоящие и ложные огневые точки, наносили на карту. После сопоставляли с авиационной разведкой, и картина полностью раскрывалась. Пленный — это как воздух. Меньше пятнадцати человек я в разведку не брал, не как показывают в кино: 3–4 человека — чепуха полнейшая! С окопа взять пленного таким количеством невозможно. Это действия групповые. В разных операциях участвовало 15–20 человек. У каждого — свои чётко установленные обязанности.

Группа сапёров делала проход в минных полях и проволочных заграждениях. Нужно проволочку разрезать так, чтобы немцы не услышали, и снять противопехотные мины, а где ровная местность — противотанковые.

Отдельно — группа захвата, два-четыре человека. Их действия должны быть молниеносными, хватка — мёртвой.

Группа прикрытия занимала определённую позицию и, если противник собирался преследовать, вступала в бой.

Команды давались не человеческим языком — птичьим: как ворона кричит или сова. Мы специально тренировались, заучивая наизусть, под каждым звуком скрывалась определённая команда. Всё проходило тихо, гладко. Если что-то не получалось — бросали и начинали сначала. Делали нередко два-три захода. Дошли до проволочного заграждения, начали резать — нас обнаружили (мы не знали, что между рядами висят консервные банки). Что делать? Положить всю группу? Сразу назад! Где ползком, а где бегом.

При проведении операции обеспечение у нас было мощнейшее. На нашем пути, по флангам, пулемёты и пехота приводились в готовность номер один. В состав разведчиков входили корректировщики. За нашими действиями постоянно наблюдали: если вступаем в бой — включается артиллерия и подавляет немецкие пулемёты на передовой.

Отправляясь на задание, мы выкладывали документы (при переходе к оброне сдавали их на хранение начальнику штаба в сейф), у нас оставался только медальон. Всегда брали две фляги: с водой и спиртом. Спирт необходим как анестезия. В трофейных немецких флягах колпачки ровно 70 грамм; если тяжело ранен, спирт выпил, водичкой запил и ждёшь. Даже в полубессознательном состоянии спирт увеличивает пульсацию крови. Перед боем не пили ни в коем случае, а во время подготовки операции — хоть обливайся; спиртным не ограничивали, но не злоупотребляли, на деле выходила большая экономия.

За батальоном двигался обоз, где везли наши вещи — на себе, конечно, невозможно всё унести. Лошадь у меня всегда была, тоже в обозе шла, использовал её только на заданиях, а на переходах маршировал со своими солдатами, в общем строю. При дивизии состояли походные кухни, пекарня, прачечная — мы форму, бельё не стирали, всё выдавалось. Офицерам платили хорошую зарплату: фронтовые и гвардейские перечисляли на книжку. Моя семья находилась в эвакуации, и я всё отправлял им. Солдаты тоже деньги получали, поменьше, конечно.

Это что касается нашего обеспечения, военная же действительность приучила переносить лишения и не бояться смерти. Никогда не надо внушать себе, что идёшь на риск и можешь погибнуть. Главное — не думать, что последний вдох делаешь. Улыбайся, держи себя так, чтобы подчинённые твоего страха не почувствовали.

Наша дивизия несла мизерные потери, но когда приходило пополнение, из маршевой роты я двоих забирал в разведку. Чутьём человека определял. Беседую, а сам в глаза смотрю: отведёт взгляд или нет. Спрашивал, где родился, учился, кто родители, рассказывал о нашей службе. Заключительный этап — страхи: что ждёт в самом худшем случае — здесь, в один миг раскрылся человек.

Есть у разведчиков и свои законы, например, мы никогда не бросали раненых. Один раз при захвате пленного группа прикрытия ещё не вышла из проволочного заграждения на минных полях, как начался артобстрел. Группа, что пленного тащила (три человека “языка” сопровождали и отвечали за него головой), осталась, а мы вернулись, подобрали раненых. Тяжелораненого самый здоровый из нас взвалил на плечи и потащил, как ребёнка.

Ещё один неписанный закон: убитым всегда делать гроб. Это мы сами придумали, клятву давали между собой: хоронить по-человечески, со всеми почестями. На это время прекращали всякие действия. Из окрестных домов брали двери, доски – сколачивали гроб. Почести – три выстрела! Когда убеждён, что не пойдёшь в общую могилу и тебя не оставят беспомощного, совсем с другим настроением воюешь!

* * *

На войне много всего неожиданного происходит... Например, когда Краснодар освобождали в составе 56-й армии, вышли разведгруппой к мосту через Кубань, нам дед навстречу идёт и пристально так смотрит:

– Кто у вас тут самый старший? – спрашивает.

– Я старший! – отвечаю.

– Какой ты старший?!

А мне 22 года, усы ещё не росли.

– Сейчас командир полка подъедет вместе с командиром дивизии, – говорю.

– Здесь рядышком есть склад боеприпасов. Я его охраняю. Это для партизан готовилось, но раз уж вы первые пришли, открою!

Повёл нас к убежищу. В земле, на стороне противника, ход с Кубани сделан, настолько замаскированный, что никто и не подумает. Вот так, неожиданно, подсобил нам дед с боеприпасами.

После освобождения Краснодара вышли на Таманский полуостров, к косе Чушка, и месяца два готовились к форсированию Керченского пролива. Тогда единственный раз я не был уверен, что останусь в живых. Мы на катерах переправлялись, а их подбивают, я же, кроме дедовского дубового корыта в деревне, ничего не видел – у нас ни речек, ни озёр. Хорошо, два ординарца – братья, спортсмены по плаванию – гарантировали, что спасут в любом месте.

4 ноября 1943 года мы высадились на Керченский полуостров. Я командовал большим отрядом разведчиков. Стояла дождливая погода, нас одели в фуфайки и ватные брюки – вымокли все по шею. Полные мешки боеприпасов нагрузили (ни сухарей, ни консервов не брали) – знали, что тяжёлый бой предстоит. Сначала немцы побежали, а потом пришли в чувство и начали атаковать. Подкрепления никакого. Часов через десять ещё один полк высадился – тогда смогли расширить оборону. Бои шли жесточайшие: любой ценой надо было удержать плацдарм для наступления, ещё и холода начались, ветра, дожди... одежду на себе приходилось сушить – тело стало, как гармошка.

Как только зацепились за Керченский полуостров, я получил повышение – стал помощником начальника разведки дивизии.

Мы знали, что будем наступать на Крым и освобождать Севастополь. Эта операция готовилась ставкой Верховного командования. 3 апреля 1944 года в три часа ночи 51-я и 2-я гвардейские армии прорвали оборону с Перекопа, а наша, Отдельная Приморская, 11 апреля двинулась из Керчи. Наступали с трёх сторон (включая Черноморский флот), отрезая фашистам все пути к бегству.

Командир нашей дивизии сформировал передовой разведывательный отряд. Когда прорвали оборону у Керчи, командир сказал:

– Ну, Иван Иванович, давай со своим отрядом вперёд!

* * *

15 апреля мы вышли к главной немецкой оборонительной полосе, ключом к которой стала Сапун-гора.

Сапун-гора – это неприступная крепость, возвышающаяся на 350 метров над уровнем моря. Крутизна склона такая, что никакой танк не пройдёт. Все командные и наблюдательные пункты из бетона, над пулемётами “колпаки”

бетонные с двумя-тремя амбразурами. Шесть ярусов траншей, прикрытых минными полями, обнесёнными многочисленными рядами колючей проволоки...

Именно здесь предстояло дать решающий бой.

Мы заняли советские оборонительные траншеи, оставшиеся ещё с 41-го года, и за трое суток, пока дожидались подхода своих, взяли восемь пленных, частично раскрыли огневую систему противника, установили группировку немецких сил.

В это же время на других направлениях в окрестностях Севастополя шли жесточайшие непрекращающиеся бои на земле и в воздухе.

Когда дивизия сосредоточилась, думали сразу штурмовать, но разведка показала, что нужно повременить. Началась подготовка: ночью подтягивали боевую технику, боеприпасы, готовили огневые точки. Несмотря на круглосуточное наблюдение, добытых сведений не хватало. Разведка боем должна была их восполнить.

27 апреля в 7.30 утра узкий участок фронта накрыли шквальным огнём, став фашистов врасплох. Разведчики, стрелки, автоматчики, наступая, выбили их с безымянной высоты. В третьей траншее нам удалось захватить командира немецкого батальона – “языка”, знавшего всю обстановку до Сиваша.

Основной штурм назначили на 7 мая. Участвовали в нём все войска 4-го Украинского фронта.

Ночью мы заняли положение для наступления. Сапёры, подобравшись в темноте к заграждениям, резали проволоку и делали проходы в минных полях. Наша дивизия сосредоточилась на линии в 1200 метров, хотя по нормативам ей полагается 10 километров.

В 8 утра стоял непроницаемый туман, артподготовку решили отложить на час.

В 9 часов огромная мощь артиллерии и две воздушные армии обрушились на позиции немцев. Ни одного фашистского самолёта не подпускали – встречали на подлёте и сбивали. Не осталось клочка земли, не попавшего под обстрел. Над немцами висел густой чёрный дым, взрывалась земля, во все стороны летели камни, бревна разбитых блиндажей и дзотов.

В 10.30 прозвучал сигнал начала штурма. Нас встретил шквальный огонь. Крутизна у горы страшная: где поднимешься, там и сползёшь, старались хоть немного зацепиться. Везде сплошные проволочные заграждения, укрепления в четыре ряда. Справа – сыпучий грунт, слева – обрывистая скала. Мы шли первыми, следом – пехота. Танки для поддержки пехоты использовать невозможно. Среди нас были и те, кто оборонял город в 1941–1942 годах и потерял здесь близких. И в первых рядах – бойцы Константина Яковлева, покинувшего Севастополь одним из последних, – в городе остались его родители, жена и тогда ещё не родившийся сын.

Я вооружился двумя автоматами: нашим ППШ и немецким. В немецкий чуть песочек попадёт, он сразу выходит из строя; думал, выброшу, как расстреляю; а наш хоть в воду, хоть в грязь – всё нипочём. Каждый имел по три-четыре диска, если выдавалось затишье – хватали вещмешок и набивали диски патронами. Про еду не думали, с собой – только фляги с водой и спиртом.

Особую роль в штурме сыграли огнемётчики, уничтожавшие отдельные огневые точки! Если бы не они, возились бы суток пять. Оружие прямой наводкой не применить – угол наклона такой, что невозможно попасть в амбразуру. Сапёры или разведчики подползали, обеспечивая прикрытие: обстреливали, не давая немцам высунуться; а в это время огнемётчик подбирался поближе и через амбразуру пускал огонь.

К полудню мы захватили первую позицию, в 14 часов немцы хотели её отбить и пошли в контратаку, но их отбросили. Нас ничего не могло остановить! Если заканчивались патроны и гранаты, в ход шли штыки. К 16 часам удалось выйти на высоту, где сейчас находится диорама. В 19.30 Сапун-гора была взята! До Севастополя оставалось 7 километров.

Местность изменилась до неузнаваемости, превратившись в месиво из земли, щебёнки, бетона, металла... Перед боем нам выдали ватные брюки и перчатки, мы их изорвали в клочья, у некоторых колени превратились в кровавую рану. Потери составляли 30–40 процентов личного состава; раненых не успевали оперировать, убитых – хоронить.

После взятия Сапун-горы разведчики сразу пошли вперёд – мы всегда контролировали, где какие резервы и огневые точки остались. При себе держали

кодированную карту, если что-то находили, по радиостанции сообщали координаты командиру дивизии. По пути захватили двух пленных и обратили внимание на противотанковый ров, где валялось какое-то тряпье и солома. Я думаю: дай-ка посмотрю! Подошёл, а там немцы лежат! Замаскированные плащ-палатками. Они хотели ударить лавиной во фланг, когда пойдут наши, перейти в атаку и всех перебить. Я доложил командиру дивизии: “Трогать боюсь, лучше вы сами оцените обстановку”. Утром следующего дня их накрыли “катюшами”.

8 мая весь день дрались, продвигаясь к Севастополю. К вечеру вышли на окраины.

9 мая начался штурм города. Очищая квартал за кварталом, двигались к Историческому бульвару, и к 18 часам на куполе панорамы развевался красный флаг!

Никогда не забуду, как встречали нас жители... В город уцелело всего несколько зданий, люди выходили из подвалов, укрытый со слезами на глазах и кидались навстречу, обнимали, целовали... Какой радостью светились их лица! Выносили воду, думая, что мы голодные, отдавали последнее, что у них осталось. Но мы и сами могли поделиться: в районе Бахчисарая захватили продовольственный склад, и я приказал раздать жителям всё, даже НЗ. Мы чувствовали себя необыкновенно счастливыми... радовались, плакали вместе...

Немцев оттеснили к Карантинной бухте и мысу Херсонес — дальше отступать было некуда. Мы, не задерживаясь, двинулись следом. 12 мая 1944 года 17-я немецкая армия была полностью разгромлена. Крым стал свободным! Позднее все полки нашей 32-й Таманской дивизии получили наименование “Севастопольских”!

После Крыма нас перебросили в Белоруссию, потом в Прибалтику. Я штурмовал Кёнигсберг, там и застала Победа. Меня сразу вызвали в Москву для участия в параде Победы на Красной площади.

ОДНОФАМИЛЕЦ МАРШАЛА

В городе Алексине Тульской области довелось мне знать замечательного человека, участника войны с громкой фамилией Рыбалко — однофамильца известного маршала бронетанковых войск. Он прошёл всю Великую Отечественную войну, а после служил в танковом батальоне Первой дивизии Закавказского военного округа. В 1947 году был направлен учиться в Сухумское военное училище на замполита. После успешного окончания училища лейтенант Рыбалко служил в одной из армейских частей Одесского военного округа. Далее продолжал службу в Челябинской области, где в то время ковался ядерный щит СССР. Там, на сверхсекретном военном предприятии “Челябинск-40” работал с группой учёных-ядерщиков руководитель Уранового проекта Игорь Васильевич Курчатова (1903–1960). Там Константин Акимович и прослужил ещё 12 лет, до полной выслуги. Бывший фронтовик нёс службу по охране секретного объекта. Впрочем, бывших фронтовиков не бывает! До пенсии работал Константин Акимович на производстве в городе Алексине. Там и получил свою последнюю награду — орден Трудового Красного Знамени. Умер Константин Рыбалко в 2007 году, прожив долгую и достойную жизнь.

Юрий Васильевич Холопов — автор литературной записи

Рассказывает Константин Акимович РЫБАЛКО:

Родился я 8 января 1923 года на Украине, в селе Высокое Бодзенского района Черниговской области. Село наше было большое — более 800 дворов. Там же, в Высоком, я закончил десятилетку, работал в колхозе, там же узнал о начале войны. Мне тогда было 18 лет, но в первый набор пошли в основном те, кто был постарше, кто прошёл службу в кадровой армии.

Второй набор начался уже с августа 1941 года, и призвали в армию из нашего села, включая меня, девять человек. Вскоре попали под призыв не

только мои ровесники, но и те, кто был моложе – ребята с 1924 и даже 1925 годов рождения. Это был уже второй месяц войны, немцы наступали, поэтому мобилизовали даже тех ребят, кому ещё не исполнилось 18 и 17 лет.

Собрали нас в военкомате районного центра несколько сот призывников, оттуда – на железную дорогу и повезли в вагонах сначала на Бахмач, потом на Конотоп, а потом на Ахтырку. На каждой остановке прибавлялось народу. Так добрались до Чугуева Ворошиловоградской области, где был военный лагерь. Там, в Чугуеве, нас выстроили, распределили по ротам и отделениям, наскоро помыли в бане и дали нам военное обмундирование и учебные винтовки. Там же мы прошли курс молодого бойца и приняли присягу.

В учебном центре к нам присматривались: отмечали, кто как стреляет, кто как развит физически. А потом выбрали из всех молодых бойцов около 1000 человек и сформировали из них несколько истребительных отрядов – по 125 человек в каждом.

Во второй истребительный отряд попал и я. Наш отряд имел 5 взводов (три стрелковых, один автоматный и один пулемётный – с ручными пулемётами Дегтярева). После формирования нас разместили в одном селе, где мы пробыли десять дней. Потом за нами пришли грузовые машины, мы сели в кузова и поехали в Петровский район. Выгрузились в хуторе Голубовка. Это была уже Харьковская область. Помню, что был уже конец 1941 года, там мы и узнали, что под Москвой немцев сначала остановили, а затем отогнали на запад. Настроение у всех тогда значительно улучшилось, все думали, что вот теперь погоним немца до самого Берлина. Но где находятся немцы, что они собираются дальше делать – никто не знал. А уже выпал снег, отметили мы новый 1942 год.

Командир разместил нас в селе по домам, недалеко от штаба Западного фронта. Постояли мы там неделю, другую, третью... и вдруг – тревога!

Нашего командира капитана Алёшина и комиссара срочно вызвали в штаб. Когда они вернулись, стало ясно: скоро отправят в бой. Стали нас готовить к передовой: выдали нам белые халаты, патроны с запасом, две гранаты (РГД и Ф-1), сухой паёк, каждому по большому перевязочному бинту и новые лыжи.

На дворе было холодно, да к тому же была метель. Полушубков и валеков у нас не было, поэтому нам дали на каждый взвод по две лишние шинели, чтобы разрезали их и пошили из них такие чехлы – бахилы. Надо было надеть их поверх ботинок с обмотками. Сзади каждого чехла-бахила проделали дырочки и пришили тесемочки, чтобы сзади завязывать.

В один из январских дней, после четырех часов дня мы выступили. Задача была такая: зайти на 40 километров в тыл к немцам (недалеко от станции Завалье). Это надо было сделать для того, чтобы, когда наши войска начнут свое наступление на райцентр станция Лозовая, ударить по немцам сзади.

Командование уже присмотрело место, где нам дать бой. Туда и отправился на ночь глядя (чтобы не засекала немецкая авиация) наш отряд лыжников. За ночь мы совершили марш-бросок в 40 километров. По пути встречались деревни, но мы их обходили, чтобы никто не знал, где мы находимся. Когда только начало рассветать, пришли в деревню Михайловка. Когда командир убедился, что там нет немцев, он расставил нас по домам. Потом бойцы поймали местного старосту и привели его к командиру. Капитан Алёшин приказал старосте сходить в соседнюю деревню, где были немцы, и за два-три часа узнать, сколько их там всего и где они расположились. При этом предупредил: не вернёшься – найдём и расстреляем. Староста побежал выполнять задание. Наша Михайловка была чуть повыше соседней деревни, так что хорошо просматривалась. Пока сидели тихо по домам, хозяйки, по приказу командира, приготовили нам кипятку попить.

Вернулся староста, когда уже рассвело, и доложил: в самом крайнем доме сидит один немец, а в других домах по-разному – где по два, а где по три немецких солдата квартировало. В одном доме, что находился в середине деревеньки, расположилось пять немецких офицеров. Всего их было взвод – 27 человек. Они, видимо, охраняли дорогу.

Наш командир скомандовал: “К бою! Вперёд!” Мы все рванули к этому хутору на лыжах и буквально за несколько минут скатились к нему. Мы с младшим сержантом первыми оказались у крайнего дома. К этому времени уже рассвело. Я первым заскочил во двор, быстро снял лыжи, взял винтовку

наизготовку — и к дверям. Тут навстречу выходит хозяйка: “Ах, Боже мой! Русские пришли!” Я только поздоровался с ней и сразу забежал в избу. А там немец сидит за столом посреди комнаты и перед ним тарелка горячего борща стоит — аж пар от неё идёт. Он, видимо, недавно вернулся с улицы, был одетым и в шапке.

Я сразу на немца винтовку наставил: “Хенде хох!”. Он глаза на меня выпучил и так медленно, медленно поднимается. Никак не поймёт, что происходит. Я ему показываю, чтобы он быстрее выходил из-за стола: “Шнель! Шнель!”. Стал он выходить, и я увидел, что сзади него, рядом с ухватами, у печки стоит его винтовка. Я сержанту говорю: “Разряди его винтовку!” Тот сразу взял её, вынул затвор — в карман, патроны тоже в карман. Саму винтовку немецкую за спину... Вывели этого немца на двор, стали обыскивать. А на нём три шинели оказались: снизу две наши, а сверху — своя, зелёная, немецкая. А на голове — меховая кроличья шапка. Видимо, с кого-то из местных жителей снял. Из одного кармана я достал у него фонарик и взял себе, а в другом у него лежал квадратный кусочек хлеба. Это я ему оставил. Забрали также его документы, и повели его в центр деревни. А там уже, слышу, кто-то стрелять начал, но потом всё стихло.

Офицеры немецкие, пять человек, занимали большой дом в центре деревни. Наши пошли его потихоньку захватывать со двора, со стороны коровника. Но так вышло, что наш комиссар, руководивший захватом этого дома, попал в полосу обзора. И, когда он стал показывать рукой бойцам, куда дальше двигаться, один немецкий офицер выстрелил из пистолета через окно и ранил его в кисть руки.

Тогда наши окружили этот дом, вызвали хозяйку и сказали: “Передай немцам, что если не будут сдаваться, то сбрасываем их гранатами!” Ей своего дома стало жалко, она заплакала, пошла к немцам, передала... Они поняли, что дела плохи, и вышли из дома с поднятыми руками.

Их обыскали, отняли у них оружие, документы. А после наш комиссар с перевязанной левой рукой построил их во дворе и спрашивает по-немецки всех по очереди: “Кто стрелял?” Они молчат. Тогда он на немецком языке им сказал, что если не скажут, то расстреляет их всех. И опять пошёл спрашивать по второму кругу. Тогда первый отвечает: “Иоанн!” Второй тоже: “Иоанн” Третьим стоял тот самый Иоанн, поэтому Малиновский спросил сразу четвёртого. Они потому своего выдали, потому что поняли: иначе им всем конец. Тогда комиссар командует Иоанну, чтобы тот сделал три шага вперед. Тот вышел, весь дрожит... Комиссар вынимает пистолет и — раз! — сразу наповал немецкого офицера. Потом этих офицеров мы посадили в один сарай с солдатами и приставили к ним охрану.

Оружие немецкое брать с собой не стали — тяжело нести. Все их винтовки и автоматы тут же побили об дорогу и покорежили. Этой же ночью мы ушли оттуда. С собой забрали только 26 немцев, которых взяли утром. Шли они в колонну по два между первым и вторым взводом. Мы-то шли на лыжах, а им пришлось, бедным, около сорока километров по снегу лезть. Многие из них падали от усталости, но потом поднимались, догоняли свой строй, боялись, что пристрелят.

Когда вернулись утром на свою базу, то сдали немцев, отчитались и пошли отдыхать. Нам дали 5 суток отдыха от штаба, а в качестве премии старшина привёл откуда-то корову. Мы её зарезали и собирались попить. Я рассчитывал тоже жаркого отвесть, но не довелось. На следующий день вызывает командование в штаб командиров истребительных отрядов и приказывает выполнить новое задание. Вернулся наш командир и выбрал несколько человек самых надёжных солдат, которые должны были произвести разведку в новой местности — в деревне, которая находилась от нас в восьми километрах. Появились сведения, что немцы стали двигаться именно в этом направлении. Среди тех, кого выбрал командир, оказался и я.

Дали нам вечером, когда уже солнце садилось, конные подводы, сели мы в сани и поехали на разведку. Надо было занять одну деревню и не пустить туда немцев. Деревня называлась Орилька, домов там было сотни две.

Добрались мы до этого места уже затемно и стали спрашивать местных жителей: “А немцев вы не видели?”. Они отвечают: “Вчера приезжали, как и вы, на трёх подводах! Человек двадцать... Они поросёнка с одного двора ухватили в мешок, ещё кого-то ограбили и смылись”. Мы на другой конец де-

ревни, где немцы похозяйничали. А местные отвечают: “У немцев такое настроение, чтобы занять нашу деревню. По-хозяйски вчера ходили по деревне, осматривали наши дома...”

Мы, разведчики, вернулись назад, доложили обстановку командиру. И снова пришлось мне идти со всеми, только перекусил второпях и немного поспал. На этот раз от каждого отряда отобрали 15 лучших бойцов и сделали сводный отряд лыжников, к которому добавили также стрелковую роту – 82 человека. Итого около 200 человек.

Приказали нам выступать не мешкая, пока немцы не заняли деревни и не укрепились. Дали нам сухой паёк, дополнительный боезапас... Мы, лыжники, в белых халатах двинулись туда первыми, а пехота пошла по дороге вслед за нами, попозже подошла. Пришли туда, в Орильку, уже вечером. Командир расставил нас всех по домам, выставил посты. В одну хату к хозяйке попало нас четверо: я, помкомвзвода старший сержант Аникин (он до войны работал учителем начальных классов), сержант Гордеев и ещё один боец, фамилию которого я забыл.

Каждый взвод должен был на улице ночью по полтора часа стоять в охране. Окопы мы выкопали в снегу недалеко от своих изб. Решили держать оборону вдоль всей деревни. Предполагали, что немцы подойдут со стороны соседней деревни, которая находилась на расстоянии в полтора километра от нашей. Ночь прошла спокойно. А на следующий день рано утром капитан Алёшин вызывает меня и говорит: “Ты парень грамотный, имеешь десятилетку, вот тебе бинокль, залезай на чердак и через слуховое окно веди наблюдение за соседней деревней и дорогой, которая к ней подходит... Вот тебе тетрадка и карандаш. Все свои наблюдения записывай на листочках, а записки передавай мне через вестового”. Связи другой у нас не было.

Уже рассвело. Я забрался на чердак и через слуховое окно стал наблюдать местность. Вдруг вижу, как среди поля, на дороге, ведущей к соседней деревне, что-то зачернело. Чуть попозже разглядел: это едут восемь здоровенных длинных саней, а на них сидят немцы с оружием. На каждых санях по 10 человек. Подъезжают до соседней деревни и выгружаются, начинают в дома заходить, куда-то бегают по приказу... Мне всё видно, я записываю и передаю записочки командиру через солдата, который у лестницы на чердак со мной дежурил. Потом вижу, что ещё подводы с немцами стали подъезжать, потом ещё... Всего насчитал 40 подвод с немцами – многовато... Все доложил командиру через записочки. А длилось всё это недолго, часа полтора. Подождал ещё, вижу – немцы больше не прибывают, обустроиваются в деревеньке. Потом по приказу командира сдал другому солдату свой пост, спустился с чердака, немного погрелся в хате и пошёл к своим в снеговой окопчик, что с вечера выкопали недалеко от дома. На этот раз мы вели себя осторожно, не высывались.

Вдруг видим, как немцы собрались на окраине деревни, посмотрели в нашу сторону, по приказу офицеров стали разворачиваться в цепь, и пошли не спеша в нашу сторону. Сначала одна цепь идёт, солдат сто, за ней – через 7–8 метров, другая, за второй – третья, за третьей – четвёртая.

Наш командир скомандовал к бою, но никто не стрелял, ждали условного сигнала – ракеты. А немцы идут по целине, по снегу, такие уверенные, винтовки у них на плечах. Как осталось им до нас метров 300, их офицер скомандовал на руку. Они сразу винтовки взяли на изготовку и продолжают идти. Когда осталось до нас метров сто, командир выстрелил вверх из ракетницы. Наш отряд открыл огонь первым. Началась жуткая стрельба. Немцы нас не видят, а сами как на ладони. Сначала попятались, а после побежали вспять. Обратное, до своей деревни добежало человек двадцать – не больше. Всё поле было в зелёных шинелях. Немцы откатились, но сдаваться не собирались.

Недалеко от нас был комиссар. Он быстро написал что-то на бумажке и, подозвав меня, приказал отнести записку командиру. Я взял записку и метров пятьдесят полз по снегу, а он глубокий, ползти неудобно. Тогда я решил двигаться перебежками, вскочил на ноги, побежал, и вдруг что-то меня сильно ударило в ягодицу. Сразу с ног снесло. Это немецкий снайпер поймал меня в прицел. За спиной у меня была винтовка, так снайперская пуля пробила магазинную коробку и попала мне ниже пояса. Один боец увидел, что я упал, и бросился мне на помощь, помог добраться мне до ближайшего дома.

Затащил он меня в дом, а там сидит хозяйка с тремя детишками – мал мала меньше. В одном углу гора пшеницы, в другом – железная койка без постели. Посадил меня товарищ на эту койку, я за спинку кровати уцепился и сижу, терплю... Хотел товарищ меня перевязать, а бинтов-то нет, ни у него, ни у меня – куда-то подевались. Он сказал: “Подожди, я сейчас принесу бинт!” И побежал на улицу. Я тогда стал понемногу раздеваться, снял фуфайку с белым халатом, приспустил свои ватные штаны, чтобы осмотреть рану. Завел руку за спину и нащупал рану пальцами – большая! Когда пуля ударила в магазинную коробку, то, видимо, потеряла скорость и сильно разворотила ягодицу. Посмотрел спереди и увидел, что у паха пуля немецкая наполовину высунулась. Я тогда сгоряча схватил пальцами эту пулю, а она скользкая от крови, не даётся. Но со второго раза вырвал из тела и бросил её на пол. Кровь сразу ударила струей. Тут женщина заголосила, дети заплакали... Хорошо, что быстро вернулся товарищ с бинтами, перевязал меня. Примерно через час приехали сани с возницей. Положили меня на эти сани с одним бойцом, которому немецкий снайпер грудь прострелил, и повезли в медсанбат. Плохо мне было, но помню, что этот парень всю дорогу кровью харкал. Везли недолго – 8 километров. Привезли, занесли в дом, а там уже раненных человек двадцать пять. Меня положили на кухне на лавку, как раз под иконами. В мою будённовку соломы натолкали и положили её под голову вместо подушки, а шинелью накрыли. Никто после первого раза больше не перебинтовывал, обезболивающего укола не делал. Кровь потихоньку текла, от сильной боли всю ночь заснуть не мог.

Наутро подъехали машины и повезли нас в Петровку – районный центр. Как только привезли – сразу меня на операционный стол, обработали рану, уняли кровь, сделали обезболивающее. Был я в этой Петровке дней шесть, а после нас 9 человек тяжелораненых погрузили на машину (на солому в кузове) и повезли в районный центр Изюм. Оттуда погрузили в эшелон, в вагоны, в которых скот возят, и повезли. Ехать было очень холодно. Лежали мы на двухъярусных нарах, а сам вагон насквозь просвечивался и продувался. Доехали так до станции Россошь. Там нас выгрузили, помыли, переодели в чистое бельё. Там же, наверное, мы встретили 23 февраля, потому что к нам, раненым бойцам, подходили девушки и дарили разные подарки. Мне одна девушка подарила стаканчик мёда, расспросила, откуда я родом, где воевал.

Потом за нами подошёл другой эшелон, уже пассажирский, с тёплыми вагонами. Там было хорошо, медсёстры за нами приглядывали, кормили, мерили температуру, что-то записывали... Во время пути нас только один раз немецкий самолёт бомбил, но обошлось. Ехали суток 8–9 и, в конце концов, доехали до Астрахани.

Когда в Астрахани стали нас выгружать, то сначала на носилках раскладывали такие большие конверты из толстой ваты, а потом нас в эти конверты заворачивали, чтобы в дороге не замерзали. Погрузили нас в этих конвертах в автобусы и повезли по астраханским госпиталям.

Я тогда попал в центральный госпиталь, потому что мне пулей разбило тазовую кость – тяжёлое ранение. Подвезли нас к госпиталю, стали заносить в корпус, а одна медсестра подошла ко мне, безусловно, и говорит: “Смотрите, среди них и девушки есть!” А мне обидно стало, я и отвечаю: “Я – не девушка, я – парень, не видно, что ли?”

Лежать в этом госпитале было хорошо – тепло, чисто. Но вот беда: подцепил я чесотку в дороге. Видимо, когда нас в пути мыли. Стол для мытья раненых, наверно, не слишком хорошо дезинфицировали. Но врачи в Астрахани были хорошие, мою чесотку через несколько дней вылечили. А вот с ранением пришлось лежать долго. Уколы делали, рану чистили от осколков кости. Они долго с гноем выходили... Кормили там хорошо, ухаживали внимательно. Сначала я только лежал, потом на костылях передвигаться начал, а к концу лета на ноги встал.

Там, в Астрахани, такие здоровые арбузы вырастают. Иногда раненых перед выпиской (которые уже выздоровели) возили на колхозные бахчи, чтобы они помогали собирать урожай. Те привозили нам арбузы, угощали.

А потом немцы стали Астрахань бомбить. Наши врачи сказали: “Будем госпиталь эвакуировать! Готовьтесь к эвакуации”. Однажды ночью погрузили нас на машины, отвезли на железнодорожную станцию и оттуда поездом, в вагонах, повезли в Саратов. Дорогой один немецкий самолёт пытался нас

бомбить, но его зенитчики, которые дежурили на бронеплощадках, отогнали. Так что он сбросил бомбы далеко от эшелона.

Прибыли в Саратов, и меня вызвали на консилиум врачей. Они осмотрели мою рану, заставляли меня сгибать и разгибать ноги, прохаживаться перед ними. Пришли врачи к выводу, что у меня одна нога короче другой, поскольку одна до конца не разгибалась. И спал я с подогнутой ногой и ходил, не разгибая её до конца – так мне было удобнее и не больно. Тогда главный врач мне и говорит: “Или ты сам будешь ногу свою разрабатывать, или мы подвесим тебе груз”. Я ответил: “Сам буду разрабатывать!” Врач говорит: “Даю тебе две недели...” Вот и начал я свою ногу растягивать и массажировать, сильно старался. Через две недели врачи опять меня осмотрели и сказали: “Дело идёт! Давай дальше своей ногой занимайся!” Я дальше стал её разрабатывать, старался больше ходить, делал по утрам зарядку, а потом попросил врачей, чтобы меня как выздоравливающего отправили куда-нибудь на работу. Тогда меня и определили в команду выздоравливающих, которые заготавливали на берегу Волги дрова для госпиталя. Норма на каждого была небольшая – четыре кубометра в день. Кормили нас хорошо, и мы эту норму вскоре стали выполнять за полдня. Жили в палатках, а лес валяли не на самом берегу Волги, а на берегу её рукава, который был шириной не более 100 метров, и вдоль этого рукава – камыши.

Однажды вечером пошли прогуливаться по берегу и видим – в камышах лодка стоит, а в ней сеть. Мы сели в эту лодку, отогнали её поближе к нашему лагерю и поставили сеть. На следующее утро сняли сеть и набрали четыре ведра всякой рыбы. Сами себе уши наварили и в госпиталь отправили. Недели четыре так рыбачили, а после сеть промыли, положили её в лодку и вернули всё на прежнее место.

Часто приезжала к нам медсестра, осматривала нас в одной из палаток, что-то записывала в журнал. А у меня как раз выходили из раны последние осколки. Как только все вышли – всё зажило и перестало кровоточить. Через некоторое время забрала меня медсестра в госпиталь, но побыл я там не более двух недель. Ещё раз прошёл консилиум врачей, и главный врач мне говорит: “Будем выписывать тебя в выздоравливающий батальон”. Попал я туда и пробыл там две недели, а оттуда в Восьмой запасной полк, куда присылали всех выздоровевших бойцов из саратовских госпиталей.

В одно прекрасное время попал туда и я. Прибыл в этот полк с утра, меня распределили в одну роту, и как раз настало время завтрака. Пошли на кухню с котелками дежурные и принесли на 70 человек семь котелков вареной картошки – какая мятая, какая прелая, какая целая... Поделили мы эту еду кое-как на всех, покушали, сидим и думаем: “С такого питания долго не протянешь...” Давали нам ещё немного хлеба, но было ясно, что здесь, в запасном полку, никто улучшать нам пайку не собирается.

Проболтался я там неделю, а на восьмой день пошли с утра разговоры, что приехали “покупатели” и будут набирать в боевые подразделения. В обед построили нас на плацу (тогда уже на земле лежал снег), мы смотрим, идут “покупатели” – человек пять офицеров. Подошли к нашему строю и направились вдоль шеренги. Мы уже знали, что если остановится напротив тебя офицер, то ты должен стать по стойке смирно и громко назвать своё звание и фамилию. А “покупатель” смотрит не только на возраст и рост, но и на выправку, и на то, как ты представился. Если громко и бодро представился, то ему нравится, он командует тебе выйти из строя. Если промямлил, то он проходит мимо и обращается к другому. Я это дело заметил и когда капитан остановился напротив меня, я вытянулся и гаркнул: “Рядовой Рыбалко!” “Покупателю” это понравилось, и он приказал мне сделать три шага вперёд.

Так я попал в роту автоматчиков танкового корпуса. Набрал офицер нас около 120 человек, самых горластых, и повёз в свою часть. Только мы приехали – сразу нам обед. Каждому дали по котелку вкусной наваристой каши. Наворачиваем мы с хлопцами эту кашу, а сами переговариваемся: “Вот это да! Так служить можно!”

Начали мы изучать автомат ППШ. Изучали дней десять – штука несложная. На стрельбище несколько раз отстрелялись, а потом нас построили и командир роты объявил: “Завтра в бой пойдёте! Будете брать станцию Рычковскую”. И при этом добавил, что до нас её несколько раз пытались взять, но не сумели. “А вы – гвардейцы, – добавил командир. – Вы обязаны выбить немцев!”

Выдали нам новое обмундирование, валенки, новые автоматы ППШ с тремя дисками, патроны, по две гранаты и НЗ (сухари, консервы, колбасу). В два часа ночи нас подняли по тревоге – и марш-бросок на восемь километров. Наступали мы тогда в составе всего корпуса. Под утро были уже около станции. Остановились и получили приказ занять окопы-ячейки. Они уже были выкопаны теми, кто до нас штурмовал Рычковскую. Расположились по два человека в окопчике. Сiju я с одним бойцом в этой ячейке, ещё темно, я достал колбаску, он открыл ножом консервы – кушаем с сухариками. Думаю: “Надо НЗ всё-таки съесть, а то неизвестно, чем этот бой кончится”.

Впереди – немцы. А рядом – окопы-ячейки других бойцов. И вдруг из соседнего окопа, что был в двадцати метрах от нас, донеслась песня: “Ой ты, ночка тёмная...” Такой голос у бойца был сильный, красивый – все заслушалась. Рассвело. И тут наша артиллерия ударила по немцам из всех орудий. Стреляли не только пушки, но и минометы... Минут двадцать обрабатывали их позиции.

Только мы приготовились к штурму, как налетели немецкие самолёты и давай нас бомбить! Мы в окопе залегли, ждём конца бомбёжки. Наконец кончилась. Я выглянул из окопа и вижу: где был раньше окопчик нашего певца, там большая воронка. Подошёл, посмотрел – ничего от бойцов не осталось... Потом подъехала наша “катюша” и врезала по немцам. Потом мы пошли в атаку на эту станцию, но живых немцев там уже почти не было. Живые дали дёру, а мы – догонять их...

Потом так же брали станции Верхняя Черкасская, Нижняя Черкасская, Маныч, который стоял на Дону...

Дон пришлось нам переходить по льду. Он был ещё тонким, так мы натянули длинную веревку между берегами, держались за неё и осторожно перешли. Лёд трещал, но форсировать-то надо было всё равно. Потом брали Котельниково. Это было перед самым Новым годом. После этого боя нашему корпусу присвоили звание “Котельниковский”. Но за Котельниково бой был трудный. Немцы держались за свои позиции упорно. Не могла их наша артиллерия достать, глубоко окопался немец. Мы несколько раз их атаковали и отходили назад. Мало хлопцев там было ранено и убито. Но нам опять-таки помогла “катюша”. Немцы нас отбили, мы вернулись на свои позиции, приходим в себя после атаки, а тут незаметно для нас подъехала сзади “катюша” и как начала бить по немцам – только вой стоит и земля дрожит! После команда: “Вперёд!” Ворвались мы на немецкие позиции, а там живого места нет – всё перемолочено, убитые немцы лежат все чёрные, обгорелые, из ушей у них кровь идёт... Страшное оружие эта “катюша”! Остальные, кто остался живой, отступили. Но потом опять их авиация налетела, стала нас бомбить.

Когда вошли в Котельниково, то простояли там три дня. Много домов было сожжено и разбомблено, но всё-таки остались и целые дома. В них мы и расположились. В тесноте, да всё же не на холоде. После Котельниково пересчитало нас начальство и решило отправить корпус в тыл, на перифериирование. Отправили сначала нас в Белгородскую область, в город Нижний Оскол. Ехали мы туда на своих машинах и везли с собой много трофейного оружия. В Нижнем Осколе сдали свои трофеи и стояли в городе около недели. А фронт был недалеко. Каждый вечер налетали немецкие самолёты бомбить. Но мы открывали по ним сильный огонь – не только из зениток, но также из винтовок, из ручных пулемётов. Это так приказывало нам наше начальство. Поэтому немецкие лётчики бросали бомбы не очень точно.

Из Нижнего Оскола отправили нас в Тульскую область, в село Селиваново, что находилось недалеко от Щёкино. База наша располагалась рядом с этим селом в дубовом лесу. Там было нарыто много больших землянок, каждая на 40–45 человек, в землянках деревянные двухъярусные нары, в обоих концах землянки находились железные печки, которые постоянно топились. Стали мы там жить-служить, ходить в наряды, нести караульную службу...

Недалеко находился штаб – тоже землянка, но поменьше и получше наших, солдатских. Рядом со штабом находился пост №1 – стояло знамя нашего корпуса, которое постоянно охраняли часовые. И в один прекрасный день старшина нашей роты, распределяя бойцов в караул, назначил меня охранять знамя. И тут случилась со мною такая история. Стою я ночью на посту у знамени, несущий почётный караул, а морозец был крепкий. На мне овчинный полушубок, на ногах – валенки, а всё равно пробирает. Вдруг выходит из штаб-

ной землянки капитан, помощник начальника штаба и спрашивает: “Замёрз?” Я честно отвечаю: “Так точно! Замёрз!” Он говорит: “Зайди в штаб, погрейся минут пять. Я за тебя постою...” Взял у меня автомат и стал при знамени, а я отправился в штабную землянку. Там было тепло, сел я на стул и с мороза потянуло меня в сон, немного прикорнул. Очнулся, когда капитан влетел в землянку и на меня: “Ты что, одурел? Я тебя на пять минут подменил, а ты тут расселся!” Я спохватился, извинился, взял у него свой автомат и бегом к знамени. Он никому об этом не доложил. Обошлось. А так, за оставление почётного поста и за сон на посту, как пить дать – трибунал, а после – в штрафники.

После пополнения нашего корпуса бросили нас под Бахмач. А это уже мои родные места, от Бахмача до нашего села Высокое всего 25 километров, но в родном селе побывать тогда не пришлось. После взятия Бахмача – на Ахтырку, потом под Конотоп... Так с боями всё ближе и ближе к Киеву. В конце сентября вышли мы к Днепру, на левый берег, а на правом немцы закрепились. Серьёзная преграда: в том месте, куда мы вышли от одного берега Днепра до другого более километра.

Уже после войны я читал, да и от других бойцов ещё во время войны узнал, что через Днепр было организовано много различных переправ, было создано более двадцати плацдармов, чтобы обмануть немцев, и что погибло при форсировании Днепра очень много наших бойцов. Наверное, оно так и было. Но я расскажу о своей переправе.

Как только мы вышли на берег Днепра, так сразу стали окапываться. Только окопались, как подъехали “катуши”, машин, наверное, сорок. И стали бить по тому берегу. Сначала мы видели, как снаряды рвались на берегу, а потом огонь стал перемещаться в глубину немецкой обороны. Сильно и долго били “катуши”. Снарядов не жалели. Потом подъехали зенитчики, расставили вдоль берега свои зенитки, потом тягачи с понтонами – этикие железные баржи. Тягачи быстро разгружались и сталкивали понтоны в воду, а тут на воде уже работали катера, цепляли за крюки понтоны, ставили их в одну линию на воде, закрепляли на месте... Быстро работали, хорошо. Налетели было немецкие самолёты, но зенитки открыли по ним сильный огонь, так что они сбросили бомбы далеко от нашей переправы. Пошли по мосту пушки, машины с боеприпасами и пехотой, посадили нас, автоматчиков, на танки с полным боевым комплектом – и вперёд! Только переправились, отошли от берега не больше километра – и снова рыть окопы. Закрепляться. Потом послали вперёд разведку, узнали, где немцы – и снова артобстрел по ним, и снова занимаем новые позиции и снова роем окопы... Так и продвигались.

Дошли, помню, до реки Ирпень. Окопались, а вокруг болотистая местность, в окопах вода стоит... Вызвали нашего ротного в штаб и приказали разведать, есть ли немцы в деревне Раковка. Пошло нас в разведку человек двадцать пять – взвод. Пошли мы рано утром, идём осторожно, никаких немцев не видим, увидели, наконец, эту Раковку. Смотрим в бинокль – немцев не видно, но только стали подходить к деревне, как немцы засекли нас и ударили по нам из “ванюши” – была у них такая ракетная установка, но слабее нашей “катуши”. Мы залегли и стали окапываться. Не успели вырыть как следует окопы, как на нас немцы пошли – не менее роты автоматчиков. Стали отбиваться. Первый раз отбили атаку, второй раз отбили, третий... Взводный по цепочке передал: “Бережь патроны, отбиваться гранатами!” Следующую атаку отбили гранатами, а деваться-то нам некуда. Только в болото, в камыши. Вот и рванули мы по команде в камыши, но на наше счастье там было не очень топко. Бежим по болоту, а немцы по нам стреляют. Но камыши были высокие, так что они прицельного огня вести не могли. Выбрались на берег реки, отдышались. Слышим, немцы стреляют наугад, а в болото сунуться боются. Я тогда снял свою пилотку, стал утирать лицо от пота и вижу – мати моя! – в моей пилотке две дырки.

Решили днём не ходить, чтобы немцы снова не засекли, а дожждаться темноты. Вот стемнело, и мы двинулись сначала вдоль реки, а после свернули в лес и стали осторожно подниматься в гору. Вдруг увидели недалеко немецкий окопчик замаскированный – вроде как наблюдательный пункт. Стали к нему тихонько подбираться. Подползли и видим: немец лежит и храпит. Сам под ветками, а наружу только ноги торчат. Мы – раз его за ноги! – вытащили, а он пьяный в стельку, смотрит на нас, улыбается... Рядом до-

питая бутылка шнапса. Мы ему руки связали, его винтовку забрали и потащили с собой.

Утром пришли в расположение своей части. Сдали немца в штаб, поели и легли в землянках отдыхать. Но долго нам спать не пришлось. Ближе к полдню нас разбудил посыльный из штаба. Он сказал: “Ребята, вас отправляют опять на переформирование, а на этом направлении будет наступать на Киев танковая армия”.

От наших окопов и землянок метрах так в двухстах находился лес. Так буквально через час чуем – земля задрожала, загудели моторы – идёт по дороге танковая колонна, за ней другая, затем третья... И все в этот лес ставят свои танки. Весь лес заполнили.

А ночью загудели разом все танки, так что мы все в своих землянках проснулись, зажгли они фары и стали выезжать из леса – пошли на Киев. Брала танковая армия Рыбалко Киев ночью. Мы выскочили из окопов и смотрим. Только они переправились через реку Ирпень, как стала по нашим танкам бить немецкая батарея. Смотрим – один танк загорелся, подальше – другой. Но танкисты идут напролом, развернули башни, открыли ответный огонь, с ходу подавили эту немецкую батарею и дальше, к Киеву...

И тут нам стало обидно. Как же так? До Киева осталось рукой подать, а нас отправляют в тыл. Неужели мы так и не увидим освобождённого Киева? Пошли мы утром к командиру, стали просить его отложить наш отъезд хотя бы на один день. Тогда наш командир говорит нам: “Хорошо, ребята, мы тоже бились за Киев. Поедем на машинах, посмотрим Крещатик – и обратно!”

Вот мы и поехали на двух своих машинах по следам танковой армии. Всего набралось нас человек сорок пять. Перед Киевом вдруг подруливает к нам “виллис”. Выходит из него такой небольшого роста генерал, рядом с ним двое автоматчиков – личная охрана – и подзывает к себе нашего командира. Тот подошёл, докладывает по полной форме, что-то отвечает генералу. Потом генерал сел в свою машину и поехал в Киев впереди нас. Мы забралась в кузов и спрашиваем: “Кто это был?”. А наш командир отвечает: “Представитель Ставки – Никита Сергеевич Хрущёв”.

Приехали в центр Киева, ходили по Крещатику – сильно пострадал город, было много разрушенных домов, жителей было мало, в разных местах ещё дымились пожары. Те, кто знал Киев до войны, говорили, что ничего не осталось от его прежней красоты.

Про то, как танковая армия Рыбалко брала Киев, затем написали в газетах, а меня стали частенько спрашивать: “Рыбалко! Ты случайно не родственник тому генералу-танкисту? Я всегда отвечал: “Нет, просто однофамилец”.

Довелось Константину Акимовичу участвовать и в освобождении Белоруссии, и в боях за Минск. А закончил он свой военный путь в Польше.

С БОЯМИ ОТ ЛЕНИНГРАДА ДО ЧЕХИИ

Михаил Александрович Петуховский родился в 1924 году в Нижегородской области, в крестьянской семье. Перед войной учился в институте и не думал стать военным. Но пришлось сменить мирную специальность на судьбу артиллериста.

Рассказывает Михаил Александрович ПЕТУХОВСКИЙ:

Меня призвали в армию в середине 1942 года из Казанского авиационного института и направили курсантом в 3-е Ленинградское артиллерийское училище. Оно было эвакуировано в г. Кострому на Волге. По окончании училища попал в 108-й артполк, на вооружении которого были 122-миллиметровые пушки, а затем, после переформировки, 100-мм. В должности командира взвода управления (разведки) и командира батареи этого полка участвовал в боях на Ленинградском, 3-м Прибалтийском и 3-м Украинском фронтах. В составе этих фронтов мы участвовали в освобождении Ленинграда и Риги, брали Вену и другие города. За бои под Валгой в Латвии полку присвоили звание гвардейский и наименование Валгинский.

Фронтальная жизнь имела свой особый быт и психологический облик. В ней чаще случались трагические, драматические события и смешные ситуации, чем в размеренной мирной жизни. Мы на фронте часто шутили, смеялись и подтрунивали друг над другом. Думается, что это было внутренней потребностью нашей психики в боевых условиях, когда постоянные стрессовые ситуации требуют периодического рассеивания накопившейся отрицательной энергии.

Ужасные разрушения, страдания и гибель людей – с этим человеческое сознание не может и не должно смириться. Физические и психические нагрузки особенно велики во время наступательных боёв.

В начале 1943 года мой полк в составе бригады был направлен под Ленинград. Ночью эшелон проскользнул через узкое, восьмикилометровое горло, недавно пробитое Ленинградским и Волховским фронтами в обороне немцев. Противник усиленно обстреливал этот участок. Один снаряд попал в вагон соседней батареи, и появились первые потери, а ведь мы ещё не доехали до фронта. Но эта опасная дорога помогла смягчить голод в осаждённом городе.

Мы попали на карельский участок Ленинградского фронта и стали против финнов. Передний край проходил по довоенной советско-финской границе. На ней сохранилось много старых укреплений: дотов и дзотов. Один из дотов, прозванный “Миллионером” за свою мощь и многоярусность, наши профукали, и финны во время наступательных боёв 1941 года захватили его, как говорилось, без боя. Наша передняя траншея находилась в 25 метрах от него. Я ходил смотреть на устрашающего железобетонного монстра, лоб которого выступал из земли.

Наблюдательный пункт батареи был устроен на опушке леса. Он представлял собой деревянный короб, прикрепленный к верхним частям трёх сосен, и был хорошо замаскирован. Поднимались на него по лестнице. В стереотрубу слева виднелся город Сестрорецк и далее Финский залив; прямо за “Миллионером” – станция Олилла и репинские Пенаты. Последние были за лесом, и увидеть, что там происходит, не удавалось, но хотелось. По дымящим чувствовали, что там живут. Справа, на нейтральной полосе стоял полуразрушенный остов церкви в посёлке Александровка. Это был главный ориентир в районе и репер, от которого “плясали” все артиллеристы. Основной нашей задачей было определение целей в тылу финнов, главным образом артиллерии, и подавление их. Стрелять по ним в этой местности было трудно. Кругом леса и болота. Фугасные разрывы было трудно засечь. На этом погорел командир полка и один из комбатов. К ним приехал командующий артиллерией 23-й армии для проверки боевой готовности. Открыли огонь по пристрелянной цели фугасными снарядами, а разрывов не видно. В сердцах командующий обругал всех и уехал, а наши начальники получили взыскания и начёт за впустую израсходованные снаряды.

Оборона под Ленинградом была глубоко эшелонирована и солидно укреплена и с нашей, и с немецкой стороны в результате полугодового стояния и равновесия сил. Войска глубоко зарылись в землю, настроив глубокие траншеи, блиндажи с нарами, печками и перекрытиями в несколько накатов. В некоторые командные пункты и артиллерийские блиндажи умельцы “притащили” из города электрический свет. Лишь на “пяточке” – небольшом плацдарме, занятом нашими в районе Невки и почти окружённом немцами, – постоянно шли бои. На него добирались только ночью. О героизме защитников “пяточка” постоянно писали армейские газеты, и мы были в курсе дела, но побывать там не пришлось. И город не удалось толком рассмотреть, хотя он был рядом. Отпусков не было. Пушки нашей батареи стояли на Чёрной речке, где на дуэли был смертельно ранен А. С. Пушкин. Огневые позиции с южной стороны размещались на окраинах города, к ним вплотную подходил трамвай. По городу проехали лишь ранним утром, когда часть перевели на южный участок фронта, где начали готовить наступление. Но с ленинградцами, пережившими ужас блокады, мы познакомились. В полк прибыла ленинградская молодёжь, для которой настал срок службы в армии. Внешних признаков дистрофии у них не было. Психический же надрыв ещё оставался. Они быстро съедали, почти не жуя, свою порцию пищи и начинали смотреть в рот товарищей. На это было тяжело смотреть, но ленинградцы ничего не могли с собой поделывать. Уже позднее, во время зимнего наступления под Лугой, мне с двумя разведчиками, радистом и ординарцем – молодым ленинград-

цем, пришлось оторваться от батареи, обеспечивая связь с наступающей пехотой. На два или три дня получили сухой паёк. Я всё отдал ординарцу, чтобы тот готовил на двоих. В первый же день он всё съел, в том числе и брикеты каши, ничего не готовя на огне. Мы и не заметили, когда он успел. Было грустно, обидно и немного смешно. Со временем эта болезнь у людей проходила.

Готовя наступление, нашу часть перебросили под Пулково. Батареею поставили у мясокомбината, куда подходил городской трамвай. На высотах удивили нас очень глубокие, более двух метров, траншеи.

Немцы в Пушкине передний край устроили в подвалах окраинных домов, всё убрав и расчистив впереди себя. Подвалы укрепили, превратив в дзоты. Справа был Екатерининский парк и дворец в нём. Пристрелялись по домам и реперам внутри парка.

Началось наступление. После мощной и длительной артподготовки танкистам и пехоте удалось прорваться и захватить Пушкин. Мы с полком двигались в сторону Вырицы через Плюсский район. Это глухие лесные и болотистые места. Из разговора с местными жителями мы узнали, что в большинстве деревень немцев не видели. Они прошли по районному центру, по-волчьи обозначив своё присутствие.

Общее направление нашего наступления было на город Остров в Псковской области, что на реке Великой, чтобы, форсировав её, попасть в Латвию и Эстонию. Наступать зимой тяжело. Костра ночью не разведёшь, землянку не выроешь. Вот и грелись, кто как мог. Спасали полушубки и валенки. На марше грелись у выхлопных труб тракторов “Сталинец”, наших тягачей. От них, бывало, весь перемажешься копотью и станешь похожим на негра. Если же удавалось попасть в дом, дров не жалели. Помню, остановились в деревне Суворовка. Взвод управления занял большой дом. С двумя бойцами поехал вперед посмотреть места для наблюдательного пункта (НП). Возвращались затемно. Видим – в деревне пожар. Похоже, горит “наш” дом... Подъезжаем – и верно! Дом пылает, как свечка, а кругом раздетые, в одних гимнастёрках бойцы взвода прыгают. Когда всё сгорело, и бойцы кто во что оделись, выяснилось: чтобы быстрее и пожарче натопить русскую печь, кто-то шибко умный приволок пучок макаронного пороха от выстрелов и бросил его у печки. Разделись и стали подбрасывать пороховые макароны в плохо горящие дрова. Такой порох, имея канал, при возгорании начинает летать как ракета. Вылетевшие, стрекочущие огнём “свечки” подожгли связку, которая лежала у печки. Образовался такой “фейерверк”, что всё кругом мигом вспыхнуло. Бойцы едва успели выскочить через дверь и окна, оставив шинели и часть оружия. Сгорела радиостанция. Мне долго пришлось крутиться, чтобы сержант-радист не попал под трибунал.

Большие трудности нас ожидали весной. Разлились реки. В батарее две пушки из четырёх имели колёса старой конструкции. На их ободах была привулканизирована гладкая резиновая лента. При переезде через деревенские мосты, которые обычно представляли собой поперечные бревна, положенные на продольные балки, колёса этих пушек сгребали перед собой настил. Орудие провалилось на балки. Пушки тяжёлые, до полутора тонн, подъёмных средств никаких. Только русская смекалка трактористов-сибиряков да умельцев огневиков, обычно мужиков-крестьян в годах, позволила поднять пушки разными вагами, подпорками и перебраться на другую сторону. Зимой старались пройти по льду, летом – вброд, если он есть, а весной и осенью – беда... Со временем оснастились целым ворохом брёвен и досок на этот случай, привьючивали их на пушки и таскали с собой.

Дошли до реки Великой, там наступление застопорилось. Поиссаяли силы наступающих, да и распутица на глинистом грунте остановила нас. Немец, отступая, рвал шпалы специальным крюком за паровозом. Снабжение держалось на авто- и гужевом транспорте. Машины часто намертво вязли в глине. Снаряды подтаскивали из тылов за 20–30 километров на плечах. Бойцы шли гуськом по тропе, как китайские кули. Бывали случаи, когда, пытаясь перейти разбитую танками дорогу, оставляли в грязи сапоги. Сидели на сухарях. Бойцы-связисты умудрялись раскапывать ямы с зерном, молотье его в мельницах, сделанных из двух снарядных гильз с рваными отверстиями, пробитыми гвоздём, и варить кашу или жарить из муки лепёшки. Война всему научит!..

Под городом Остров я узнал смысл народной мудрости “сердце ушло в пятки от страха”. Выбирая новый наблюдательный пункт, я посчитал, что

в деревне слева, метров пятьсот от меня, наши, и пошёл через открытое поле один в лесок, что был там. Надеялся присмотреть место для НП. Шёл не спеша. Пройдя метров сто, услышал лёгкий свист и интуитивно упал в борозду. Тут же вокруг, совсем рядом, захлопали разрывы мелких мин. Били из деревни слева – там оказались немцы. В такие моменты время словно останавливается. Два коротких миномётных налёта мне показались очень длительными. Вжался в борозду и лежал, не ощущая своего тела, с мыслью: цел ли я?..

Переждав немного после второго налёта, вскочил и дал стрелкача обратно в окоп, не чувствуя под собой ног. Кажется, едва ли бы гончие догнали. Оказавшись в безопасности, в окопе, за стеной разрушенного дома, вспомнил о сердце в пятках и расхохотался. Разведчики удивились моему поведению. Когда я рассказал о своих пережитых ощущениях и народной мудрости, они также дружно рассмеялись. Надо сказать, что на фронте есть неписанный закон: если попал под налёт артиллерийский, минометный или авиации – падай на землю, где стоял, и вжимайся в неё. Избави Бог подняться в этот момент и перебежать в надёжное укрытие, хоть оно и совсем рядом. Лежи в грязи и не рыпайся. Не попадёт прямо – жив будешь. Осколки при взрыве разлетаются конусом, а на излёте сила их слаба. Я сам был свидетелем нескольких случаев, когда в таких ситуациях нервы у людей подводили, и это плохо кончалось. Погиб сосед-комбат. Сидели вдвоём в саду за столом. Слышим шорох летящих тяжёлых снарядов. Мы двое свалились под стол, а комбат метнулся в окопчик, метрах в 10–15 от стола. Уже прыгая в укрытие, он схватил осколок, который оказался последним в его жизни... Говорили, что генерал армии Черняховский, командующий фронтом, – на него уже был подписан приказ о производстве в маршалы – погиб под налётом, отказавшись при всех лечь на землю. Как же – будущий маршал!.. Но законы на войне для всех одинаковы.

У реки Великой в конце весны разместились мы в большой квадратной яме, оборудованной под блиндаж. Лёса на перекрытие не было, и закрыли её от дождя брезентом. Ниже на площадке стоял прицеп старшины, и под ним спали бойцы. Однажды ночью залетел, как мы говорили, шальной снаряд или крупнокалиберная мина и взорвалась в верхнем углу нашего блиндажа. Я спал на боку у стенки. Взрыва не слышал, но почувствовал что-то неладное. Вокруг никого, только в углу, согнувшись, лежал убитый дежурный связист, а с вечера ложились вплотную друг к другу. Выбрался из ямы – только рассветает. Кругом стоны и суета. Оказалось, что многие были ранены. Некоторые из них в транше пытались убежать от опасного места. Комбата, раненного в ноги, нашли метрах в пятидесяти вверх по склону. Нагрузили целую машину кое-как перевязанными ранеными, и старшина повёз их в тыл, в медсанбат. Это были самые крупные потери в батарее. Большинство раненых попали в госпитали.

С лёгкими ранениями левой руки и небольшой контузией, после перевязки в полку, добрался до ближайшего санбата. Сделали противостолбнячные уколы. В это время привезли тяжелораненого с разорванным боком. Боец подорвался на mine. Меня бросили и занялись им. Молодые медсестры, орудуя скальпелями и ножницами, решительно расчищали его рану, не обращая внимания на тяжёлые стоны. Как замороженный, я смотрел на всё это, пока вдруг не почувствовал головокружение. Выбрался из палатки и притулился на земле к брезентовой стенке. Через некоторое время вышла сестричка и сунула мне под нос ватку с нашатырём. Посмотрела на моё побледневшее лицо и, смеясь, сказала: “Эх, ты, вояка!”

После форсирования Великой войска вступили в Латвию и стали продвигаться к Риге. Наступали довольно быстро. Лето, местность равнинная, крупных водных преград нет, да и мы воевать научились. Ленинградский фронт был свёрнут, и полк оказался в составе вновь образованного 3-го Прибалтийского фронта. В начале осени уже стояли под Ригой. Знали, что оборона у немцев здесь солидная. Заняли огневые позиции километрах в 12-и от города, а я с рацией от полка был направлен в пехотную часть. Вечером, не мудрствуя лукаво, в лесочке уснули. Утром рано боец, стоявший в охране, будит и докладывает, что часть ушла вперёд, в город. Немцы отступили с этого рубежа без боя. Бросились догонять ушедших. Перебрались через оставленные противником рвы и окопы и скоро вошли в город. Жители стояли на улицах и смотрели на входящие войска. Запомнился дворник, уже убиравший улицу, как в мирные времена. Прошли через старый город и оказались на на-

бережной Западной Двины (Даугавы). Справа – разрушенный мост через реку. За ней, в новом городе, – тихо, кажется, что там никого нет. Разведчики, народ молодой и бравый, быстро достали лодки и поплыли на ту сторону. Мои молодцы тоже рвались туда. Подумав, самый молодой боец всё же решил забраться на чердак высокого дома на набережной и посмотреть, что там, за рекой. Лодки смельчаков, как только стали приближаться к противоположному берегу, были обстреляны из молчавших домов. Часть бойцов погибла, некоторые упали на дно лодок и их понесло вниз по течению, одна или две перевернулись. Пехотинцы быстро выкатили между домов свои пушки-сокопаятки и стали бить по домам на том берегу.

Немцы, бросив старую Ригу, ушли за реку и там закрепились. Связался со штабом полка, приказали возвращаться. Часть направляли на охрану рижского побережья от возможного нападения немецких кораблей. Там простояли с месяц. Немцев обошли с левого фланга, и они бросили город, спасаясь от окружения. Фронт свернули, а нашу бригаду направили на переформировку на Украину в город Сумы. Здесь получили новые 100-миллиметровые пушки, лёгкие тягачи на танковом ходу, американские “шевроле”, “доджи” и зимнее обмундирование. Поговаривали, что 9-я Гвардейская армия, куда мы вошли, будет брошена на Берлинское направление.

Неожиданно приказ: сдать зимнее обмундирование и срочно грузиться. Спешным порядком нас повезли на юго-запад, через Молдавию и Румынию. Под Будапештом, в районе озера Балатон, шли тяжёлые бои, немцы располагали здесь изрядными силами. Наши войска измотанные и сильно поредевшие в боях за Будапешт, могли лишь сдерживать противника, заняв оборону. 9-ю армию сюда и перебросили.

Прибыв под Будапешт, разгрузились. Проехав через сильно разрушенный город, заняли позиции под Балатоном. наших войск было мало: редкие узловые огневые точки. Армия быстро сосредоточилась, получила разведанные и через несколько дней, нацелившись на противника всей мощью, погнала его на Запад. Пленные немцы удивлялись: откуда у русских так неожиданно появились свежие войска? Наступление шло в сторону Австрии. Скоро мы были там. Очень красивая, небольшая и ухоженная страна. Много гор. Селения в основном в виде мелких городков и посёлков. С гор наблюдали за равниной, где расположены несколько крупных городов и Вена. Видели, как американские самолёты-“крепости” уютжили с воздуха Бинер-Нейштадт. Там был несколько дней сплошной дым. Проезжая с трудом через него позднее, убедился, что город полностью разрушен. Не очень ясно, во имя чего? Его защищать было невозможно.

Наступая, в Австрии нередко встречали барачные лагеря за колючей проволокой. В них жили рабочие, обычно военных заводов, принудительно угнанные немцами из завоёванных стран. Наибольшее количество было из СССР. После освобождения они обычно направлялись на родину. Иногда смелая молодёжь задерживалась на месте, чтобы выследить и свести счёты с некоторыми мастерами и начальниками, жестоко обращавшимися с ними. Я сам был свидетелем одной такой расправы.

После взятия Вены полк был направлен на охрану выходов из Альп, куда по ущельям и лощинам ушла значительная часть немецких войск. Наша батарея прикрывала одну из дорог на город Линц и стояла на окраине посёлка-города Леоберсдорф. Пушки вдоль дороги на выходе из селения на двух уровнях, а НП – на чердаке дома на окраине. Во дворе за домом стоял прицеп-кунг. В одном отделении – хозяйство старшины, во втором – неприкосновенный запас снарядов. Немцы были недалеко в горах и постреливали из гаубиц. Чувствовалось приближение конца войны, весна, настроение приподнятое, и мы не очень маскировались. Бойцы, главным образом молодёжь, повесив на себя какие-то яркие шмотки и цацки, походили порой на казацкую вольницу. Офицеры смотрели на это сквозь пальцы. Вольный дух победы обуял всех.

Однажды немецкий снаряд залетел во двор, разорвался около прицепа и поджог его. Мы, кто был на пункте, бросились тушить и разгружать прицеп. Я оказался в дверях той половины прицепа, где размещалась каптёрка, а старшина – в снарядном отделении. Вытаскивали всё, что попадалось под руки, и передавали бойцам, а те относили в сторону. Под ногами у меня крутился повар, чуваш лет пятидесяти. Он не брал, что я ему совал, а норовил

схватить что-то своё. Наконец, он просунулся под моими расставленными ногами, что-то ухватил и убежал.

Вытащив снаряды, разгрузив прицеп и потушив пожар, мы собрались в комнате первого этажа. Молча все закурили. Не говоря ни слова, глубоко затягивались дымом сигарет. Вдруг входит в комнату наш повар и обращаясь к старшине, своему единственному начальнику, которого он признавал, докладывает: “Товарищ старшина, а холодец-то я спас”. Все покатались от хохота.

Конец войны застал бригаду в Чехословакии, под Братиславой. Числа 5 или 6 мая получили приказ занять боевую позицию. Поехали выбирать НП, но немцев в указанном районе не нашли. Вернулись в часть и узнали, что они капитулировали.

Американцы в это время были где-то, вероятно, под Мюнхеном или на западной границе Чехии. Почти вся Чехословакия оказалась не занятой ни нашими, ни американскими войсками. Получили приказ как можно быстрее двигаться на Пльзень, где планировалась встреча с американцами. Они же, стремясь как можно больше прихватить территории Чехословакии, мчались на Восток. Мы же сломя голову бросились на Запад, не жалея техники. Дорога была забита войсками, и вклиниться в поток полком или даже батареей было невозможно. Влезали в разрывы между чужими подразделениями и двигались сплошной массой вперёд. На одном из перекрестков в образовавшейся пробке я рванул на “шевроле” со взводом управления налево, в объезд. Впереди оказалось несколько таких же нетерпеливых, и мы помчались на юго-запад. По дороге чехи и словаки не давали проезда. Останавливали, угощали, поили, дарили цветы, лезли на машины и растаскивали понемногу бойцов из группы по домам. Нам на трёх машинах удалось добраться до шоссе Прага—Пльзень. Оно было совершенно пустое, и мы быстро покатали к цели.

Скоро навстречу пронёсся джип с пулемётом на треноге в кузове. Это были американцы — разведпатруль. Проскочив метров на сто, они и мы остановились, уставившись друг на друга. Скоро американцы развернулись и умчались назад, не останавливаясь около нас. Мы, трое незнакомых офицеров, посоветались: как быть? Решили двигаться на Пльзень. В посёлках раза два к машине подходили молодые ребята и заводили разговор по-русски. На вопрос: “Откуда они?” — отвечали, что здесь партизанили. По пути несколько раз встречались американцы на “студебеккерах”, с пушками на прицепе. Мило улыбаясь, похлопывая друг друга по плечу, мы с ними выпивали по стопке коньяку. У них он водился. Наконец, в глубоких сумерках наша машина добралась до города. Мои коллеги где-то застряли в объятиях чехов. Никаких наших войск здесь не было. На окраине стояла американская зенитная батарея и местная ребятня крутилась у пушек. Решил проехать в город. Чувствовалось праздничное, приподнятое настроение. Люди гуляли по улицам. Ехали медленно. Народ с недоумением посматривал на нас: машина американская, а на бортах советские красные звёзды. Наконец, остановились. Подошёл к собравшимся и говорю, что мы русские, Советская Армия. Народ радостно загалдел: “Русские! Русские!” — и полез на машину обниматься. Ко мне подошёл мужчина лет под пятьдесят, сказал, что он коммунист, и пригласил на собрание в честь Победы. Поехали. По дороге он рассказал, что несколько часов назад американцы провезли на Запад пленного Власова, бывшего нашего генерала-предателя. В темноте подъехали к зданию и вошли в зал. Там стояли квадратом столы, и было много народа. Говорили речи и тосты. Нас усадили за стол. В зале увидел человек трёх наших советских офицеров, видимо, прорвавшихся, как и мы, в обход. Ко мне стали подходить чехи и просить отпустить к ним на ночлег хоть по одному бойцу. Посоветовались с помкомвзвода, старшим сержантом Мухтасиповым, татаринном, и решили, что надо быть вместе, организовав охрану. Нас поместили в гостинице. Я был под хорошим хмельком и просил Мухтасипова организовать охрану машины и нас. Он, бывший учитель, значительно старше меня, был трезв. Спасибо ему за это. Потом он рассказывал, что на пост всю ночь подходили американцы, чтобы выпить с русскими, и увели даже одного из бойцов на встречу к генералу.

Утром вскочил, как ошаренный, — где батарея? Сразу в машину и на окраину города. Там стояли три мои пушки из четырёх. Я готов был плясать от радости. На войне такие штучки плохо могли кончиться.

Основная масса войск, которая шла по главной дороге, где-то на полпути к Пльзенею встретилась на реке с американцами, и там была установлена демаркационная линия. Отдельные чудачки, вроде нас, исхитрились и проскочили в тыл к американцам, добрались до конечной цели, выполняя приказ.

В Пльзене власти устроили городской митинг, и мы с офицером-американцем выступали, поздравляя всех и друг друга с Победой. Вечером пришла штатная полковая машина с рацией. Доложил, в каком состоянии батарея и что нужно. На следующий день приехал заправщик с горючим, наполнили баки, распрощались с чехами и американцами. Мы вернулись в свою часть. Командир полка, пользуясь предложением, что в тылу у американцев остался наш сломанный тягач и пушка, с удовольствием ездил в гости к янки, пока не отремонтировали матчасть и не вернули на место.

Так закончилась для меня Великая Отечественная война. В начале 1946 года демобилизовался и вернулся в институт доучиваться.

В заключение хочу поделиться беглыми впечатлениями об американцах. В течение трёх дней в Пльзене и при блуждании по тылам американцев несколько раз пришлось встречаться с ними. Что бросилось в глаза?

Во-первых, обилие техники, особенно автомашин разных классов, напоминало по внешнему виду известное пирожное “полено”, нарезанное ломтиками. Они блестяли и, похоже, были никелированы или хромированы. Но против наших Т-34 и немецких “тигров” были слабыми, о чём говорит их страшный разгром немцами под Арденнами.

Во-вторых – молодость и крупная стать солдат, особенно негров – гвардейские размеры. Кажется, шоферами сплошь были они. Все в касках, хотя бои кончились. Мы никогда ими не пользовались, у нас каски были для пехоты. У американцев все наземные войска и тыловые подразделения – в касках. По-видимому, для них это был символ войны или врождённая осторожность, опасение за свою жизнь. На многих машинах висели на капотах боксерские и бейсбольные перчатки, в руках у многих мячи, которые они всё время мяли. Война войной, а отдых и удовольствия они не забывали. После наряда свободно разбредались по барам.

Замучили они нас, пытаясь заполучить наши ордена, медали, гвардейские значки, звёздочки с пилоток и даже пуговицы от гимнастёрок в обмен на что угодно: коньяк, деньги, значки и разные мелочи. Я не заметил, чтобы наши бойцы расставались с наградами, а вот звёздочек и пуговиц недосчитались изрядно. Сложилось впечатление, что для американцев этот поход в Европу – интересное туристическое путешествие, в память о котором надо побольше набрать сувениров. Что ж, у каждого народа свои нравы и представления о войне. Думается, и сейчас у них сохранился этот нравственный подтекст, когда они с полной безопасностью для себя бомбят и обстреливают крылатыми ракетами чужие города и страны с одной тайной мотивацией – стать хозяевами мира.

*На этом заканчиваются записки Михаила Александровича Петуховского, ныне москвича, кандидата технических наук, учёного, который, тем не менее, подписал их: **“Командир артиллерийской батареи гвардии лейтенант Петуховский М. А.”** Не стареют душой наши ветераны! Вечная им Слава и Благодарность!*

ВИКТОР КОЖЕМЯКО

ЖЕРТВЫ НОВОГО НАШЕСТВИЯ

Две судьбы ветеранские

Мы встречаем победный юбилей как величайший праздник. Ещё бы! Советская страна выдержала тогда такое испытание, какое вряд ли под силу было любому другому государству.

Но вот через полвека не стало этой страны. А если уж совсем точно, полвека спустя после начала Великой Отечественной. Сопоставьте: 1941-й — 1991-й.

В первый год войны декабрь стал месяцем, когда зарвавшихся фашистских завоевателей, которые уже готовились праздновать свою победу, повернули вспять и погнали прочь от столицы Советского Союза. Но прошло пятьдесят лет, и тоже в декабре, почти день в день, тайком подписан был в Беловежской пуще акт о ликвидации Советского Союза. То есть план Гитлера, который фюрер так и не смог осуществить, полвека спустя реализовали другие.

Кто и как это было, мы знаем. Почти одновременно с 70-летием Великой Победы нам приходится отмечать ныне 30-летие начала крупнейшего в нашей истории поражения. Начиналось под фанфары: “Перестройка, ускорение, больше социализма!..” Обернулось уничтожением социализма и первой в мире социалистической страны. На радость всем её врагам, внешним и внутренним.

Однако какую трагедию пережили те, кому Советская Родина была дороже всего на свете, кто во время войны, не щадя себя, беззаветно шёл её защищать!

Я написал: пережили. Но ведь пережили-то далеко не все. Многих через десятки лет после Победы убило происшедшее со страной. Есть ли точная статистика жертв горбачёвской “перестройки” и ельцинских “реформ”? Человеческие потери ужасающие, и они продолжают сегодня, особенно на Украине.

Это общая трагедия советского народа, против которого организовано было новое нашествие. Но это и бесчисленные тысячи личных трагедий, среди которых особо вопиют трагедии ветеранов Великой войны. Преданных, оклеветанных, подвергшихся жуткому глумлению.

Мы не сможем сейчас вспомнить и назвать всех поимённо, хотя помянуть их мы обязаны. Не встретит вместе с нами 70-летие Великой Победы фронтовая медсестра и талантливый поэт Юлия Друнина, покончившая с собой осенью 1991-го. Не поднимет юбилейную чарку защитник Брестской крепости Тимеян Зинатов, который в 1992-м лёг на рельсы, протестуя против лицемерной и убийственной политики Ельцина. И в украинском Мелитополе не наденет парадный мундир полковник Филипп Штанько, Герой Советского Союза, убитый в 1993-м ими же, убийцами СССР...

Так давайте для начала вспомним хоть двоих из скорбного мартиролога ветеранов войны — жертв предательского антисоветизма, который ныне уже ведёт к оправданию и возрождению новоявленного фашизма.

Давайте вспомним и поклонимся святой памяти спасителей Отечества, защитников правды и справедливости...

Лёг на рельсы солдат

Бывают в жизни события, которые нравственной силой своей подобны мощному взрыву. Именно так прозвучали мелькнувшие в нескольких газетах беглые сообщения о трагедии, происшедшей в городе Бресте. Один из защитников легендарной крепости-героя, приехав сюда в сентябре 1992-го из Усть-Кута Иркутской области, где он жил и работал последние годы, бросился под поезд.

Строки предсмертного письма, повторенные газетами, в том числе “Правдой”, заставили вздрогнуть. “Если бы тогда умер от ран, – написал старый солдат, – я бы знал: погиб за Родину. А вот теперь – от собачьей жизни... Не считайте меня сумасшедшим”.

Боже, думалось мне, до чего же мы докатились! Человеку, защищавшему Отечество в годину смертельной опасности, не оказалось места на этой земле.

Дни бегут за днями, газеты выходят своим чередом, печатая очередные новости, перекрывающие одна другую, а эта, ставшая вчерашней, кое-кем уже и забывается. Но мы не можем, не имеем права забыть! Мы обязаны разобраться и вдуматься, вникнуть и понять: что же за человек он был, Тимерян Зинатов, какая у него была жизнь, каковы обстоятельства и уроки страшной трагедии? Да и его ли только личная это трагедия? Или целого поколения, всей страны?

* * *

Вместе с научным сотрудником мемориального комплекса “Брестская крепость-герой” Аллой Соболевской осенью 1992 года иду по двору цитадели. Алле Фаритовне хорошо знаком здесь каждый уголок, и она подробно рассказывает о местах, где в роковые июньские дни 41-го вместе с боевыми товарищами держал оборону юный Тимерян – курсант полковой школы 44-го стрелкового полка.

– Видите вон те развалины? – показывает она в сторону руин, поросших высокой травой. – Это как раз остатки казармы, где размещались курсанты и возле которой, на берегу реки Мухавца, приняли они утром 22 июня свой первый бой. Начальником полковой школы был старший лейтенант Василий Иванович Бытко, награждённый ещё за финскую войну орденом Красного Знамени. “Наш Чапай” – называли его воспитанники.

Здесь произошло памятное событие, о котором рассказал в своей знаменитой книге исследователь и летописец брестской обороны писатель Сергей Смирнов. Он привёл выдержку из письма бывшего курсанта Зинатова: “Когда наш штаб горел, мы – Амосов, Гущин и я – из огня вытащили полковое знамя и спрятали под кухней столовой 44-го полка в подвале”. Тогда же, во время неудавшегося прорыва к Северным воротам, Тимерян был ранен.

Постояли мы с Аллой Фаритовной возле подвала казармы 333-го стрелкового полка, куда отправили раненого Зинатова. Он был очень слаб, но обузой для товарищей оставаться не хотел. Снаряжал пулемётные и автоматные диски, брёл за патронами в склад боепитания. А через день и сам взялся за оружие.

Из воспоминаний Тимеряна Зинатова: “26 июня решили прорваться через Мухавец. С легкоранеными собралось человек сто. К воде под сплошным вражеским огнём ринулись внезапно. На другую сторону переправилось чуть больше десятка. Заняли один из казематов против Трёхарочных ворот.

Патронов мало. Еды и воды не было совсем. Днём отстреливались от наседавших гитлеровцев, а ночью пытались найти щель в боевых порядках врага. Но каждый раз нас обнаруживали”.

К 30 июня из всей группы осталось четверо. Трое вели огонь через окна, а вторично раненный Зинатов охранял подступы к дверям. Ему отдали единственную гранату. Метнул её в наступающую группу фашистов. Тут и самого оглушило сильным взрывом...

Дальше – плен, все тяготы концлагеря. Неудачная попытка побега. Второй побег, и возле чехословацкой границы летом 1944 года они вместе с другом выходят навстречу одной из наших частей. Войну он закончил рядовым

в составе 277-го гвардейского отдельного истребительного противотанкового арtpолка.

* * *

Здесь мне надо бы сделать паузу, поскольку биография солдата Зинатова сменяется биографией Зинатова-строителя. И воспроизводил я её для себя по письмам, адресованным им в Брестский музей-мемориал и бережно собранным тут с 1958 года в толстой зелёной папке его “дела”.

О, как много отразилось на этих листках, исписанных размашистым, быстрым почерком! Характер, работа, быт, география... Татарин, родившийся в Башкирии, он стал после войны сибиряком и нашёл в этом крае, можно сказать, свою новую судьбу. По адресам вижу, как эта судьба бросает его с одного места на другое и уводит всё дальше на восток, в тайгу, в необжитые места. Сначала строил дома в Кемерове и Прокопьевске. Потом трест “Юж-кузбассэнерго”. Томь-Усинская ГРЭС. Затем трест “Ангарскстрой” – строительство железной дороги Братск-Хребтовая-Усть-Илимск. Наконец – БАМ.

Нынче многие склонны злословить по поводу тех “ударных строек” и “совков”, которые рвались туда, где труднее. Что ж, история рассудит. Но у меня лично нет ни малейших сомнений в чистоте помыслов таких людей, как Тимерян Хабулович. В домах, которые он построил, живут и будут жить люди. “Люблю что-то сделать и полюбоваться делом рук своих”, – вырвалось у него в одном из писем. И в партию он вступил не ради карьеры: какая уж карьера у рядового каменщика и плотника! И медали “За строительство Байкало-Амурской магистрали”, которая прибавилась к боевым орденам Славы и Отечественной войны, искренне радовался.

Но вот читаю письма, приближаясь к последним его дням, и чувствую, вижу: будто чёрная туча наползает на былой оптимизм. Нарастают тревога и озабоченность, всё чаще звучит горькая усмешка.

Из последних писем в музей Тимеряна Зинатова: “Мы живём “хорошо” и “счастливо”. Магазины “полны товаров”, и “тепло” в домах. И морозов сибирских даже больше, чем надо, и для мяса не надо холодильников, оно на балконе хорошо сохраняется, да вот только талоны мешают. Их так много, а продуктов так мало... Вот всё В. И. Ленина винят, когда сами работать не умеют, а всё заседают по Маяковскому и ждут от немцев и др. помощи. Даже смешно”...

“Привет из далёкой Сибири! Поздравляю вас всех, всех, всех с Новым, 1991 годом. Желая вам счастья и здоровья. Дай Бог нам всем, чтобы мы долго, навсегда забыли, что есть такое слово – “война”. Мы многое пережили, как бы трудно ни было, и разрушенное восстановили. Теперь надо бороться, чтобы построенное не было глупцами разрушено. Это будет страшнее войны. Некоторые дышло истории хотят повернуть по-своему. Надо бороться, чтобы был единый наш Советский Союз, только тогда мы будем уверены, что над нами не повиснет вновь 1941 год. Если мы не будем делить страну на карманные государства. Вот что страшнее войны! Я этого боюсь. Этого нельзя допускать! Это будет смерть всем. Не хотел огорчать вас, но высказать всем об этом – моя обязанность. Это наши предсмертные указы ветеранов войны”.

Читатель, обрати внимание! Письмо это написано в канун 91-го года, который, как и 41-й, стал роковым для нашей страны. Невероятно больно, однако то, чего так боялся и о чём предупреждал ветеран (“страшнее войны”), произошло. И по какой-то зловещей иронии судьбы произошло именно здесь, в Беловежской пуще, то есть на той самой брестской земле, которая пятьдесят лет назад была обильно полита кровью людей всех национальностей нашего великого Союза, его защищавших. Можно представить, как отозвалось это в сердцах воинов-ветеранов...

* * *

Мне хотелось по возможности восстановить последние дни Тимеряна Хабуловича, и по моей просьбе иркутский корреспондент “Правды” Владимир Ермолаев связался с Усть-Кутом. Там, в строительно-монтажном поезде

№ 288 треста “ЛенаБАМстрой” о Зинатове рассказали много доброго. Мастер – золотые руки. Скромнейший человек. Никогда для себя ничего не просил. Вон в военкомате даже не помнили, что в городе живёт защитник Брестской крепости. Но за справедливость, когда это касалось других, всегда вставал горой.

Семья? Хорошая, дружная. Настроение же его в последнее время (скверное настроение!) объяснялось, конечно, тем, что творится в стране. Когда ветераны войны еле сводят концы с концами, когда боевыми наградами, омытыми кровью, торгуют на толкучке, какое может быть настроение?

А в Брест он на этот раз уехал неожиданно для родных и знакомых (вроде не собирался), хотя раньше старался съездить туда почти каждый год: встретиться со старыми друзьями, возложить цветы погибшим. Увы, и здесь его ждало мало приятного. Мемориал, некогда принимавший до миллиона туристов в год со всей страны, пустовал. Понятно: не поедут же сюда из Таджикистана или Грузии, Армении или Азербайджана, охваченных военным пожаром. Да и многие приезжающие откуда-нибудь скорее побегут на вещевой рынок, нежели в музей. Вот он, холодный ветер забвения!

Тимофей Петрович Домбровский, один из четверых защитников цитадели, живущих ныне в Бресте, с горечью рассказывает: впервые в 1992 году (дело было при Шушкевиче) 22 июня городские власти не провели в крепости торжественно-траурную церемонию, посвящённую началу войны и обороны. Возмущённый ветеран позвонил председателю горсовета И. Венцелю.

- А мы этот праздник не отмечаем, – ответил тот.
- Да не праздник – начало всенародной трагедии!
- Не вмешивайтесь не в своё дело.

А сколько горького, обидного поведаль мне тогда директор мемориала Павел Нестерович Панасюк! Брошенные на произвол судьбы городскими властями, варварски громятся и растаскиваются по дачным участкам бывшие казармы полковой школы 84-го стрелкового полка на Госпитальном острове. Все городские предприятия и организации прекратили многолетнее шефство над мемориалом. Из светильников и прожекторов воруют лампы. Украли даже ящик, в который собирались пожертвования на восстановление мемориала. А в Вечный огонь подвыпившие в соседней столовой гуляки могут бросить бутылку и дважды уже сбивали с плиты бронзовые буквы: “Стояли насмерть. Слава героям!”

Ну, что это? Святотатство. Кошунство. И всё это узнал при своём последнем приезде в священный для него город Тимерян Хабулович. Есть люди, которые, по-моему, как бы собирают и концентрируют в себе душевную боль многих. Такой была Юлия Друнина. Таков и Тимерян Зинатов.

Из письма в газету “Вечерний Брест” инвалида войны второй группы С. Антипорука: “Умирают по своей воле люди, сильные духом и преданные своим идеалам. Это вызов нашему обществу. Всех ветеранов оно обворовало, обесценило их труд, сбережения и бросило в пропасть нищеты. К сожалению, нередко теперь можно услышать упрёки и насмешки в адрес ветеранов. Награды для кого-то – “бляшки”, пролитая кровь – “водица”, победа – “историческая ошибка”... Молодёжь натравливают на стариков. Мол, мы виноваты во всех грехах истории...”

Очень больно переживать унижения и оскорбления, ведь шли на тяжёлые испытания ради лучшей жизни. А что получили на старости лет? И есть ли будущее у такого общества, которое не почитает своих стариков?”

* * *

В заключение должен сказать ещё об одном: как проводили Зинатова в последний путь. Я-то думал, что станет это событием для всего города, если даже не области. Ведь один из последних участников исторической обороны уходит!

Нет, на похороны, кроме прилетевших родственников, собрались только сотрудники музея и несколько ветеранов. Всего человек двадцать. Единственный венок – от мемориала. А как же опять-таки городские власти? Почему от них-то не было ни-ко-го?

– Но ведь город взял расходы по захоронению на себя, – говорит начальник производственного объединения жилищно-коммунального хозяйства Брестского горисполкома В. Воробей.

Взял расходы – это правильно, хорошо (могло ли, впрочем, быть иначе?). Но вот ветеран в предсмертном письме просил похоронить его “в зоне Брестской крепости”: тут, рядом, гарнизонное кладбище, где покоится и майор Пётр Гаврилов – командир полка, где Зинатов служил. Верно, четыре года назад кладбище это закрыли для захоронений, хотя, как говорили мне, “в порядке исключения” хоронят. Собственно, об этом и просило руководство мемориала, обращаясь к руководству горисполкома. Не вняли просьбе!

– А почему? – спрашиваю Воробья. – Ведь, по-моему, здесь и воинский салют был бы не лишним.

– Да знаете, – мнётся мой собеседник, – тут исполком надо было собирать, чтобы решить. Да и вообще... Самоубийство всё-таки.

Ах, Василий Борисович уважаемый вы мой! Самоубийство... Не самоубийство это было, а самое настоящее убийство. Причём, как определяется в Уголовном кодексе, при отягчающих обстоятельствах. Государство нынешнее убило человека – нищетой и жестокостью, бездушием и отчаянием, циничным антисоветизмом.

Из предсмертного письма Тимеряна Зинатова: “Извините, что таким образом объявляю протест нашему ельцинско-гайдаровскому правительству. Конечно, это не метод борьбы, но другого выхода у меня нет бороться с теми, кто нас, ветеранов, поставил на колени. Но я хочу умереть стоя, чем так жить на коленях и просить нищенское пособие для продолжения своей старости и дотянуть до гроба с протянутой рукой!..”

Наверное, все помнят: президент России клялся лечь на рельсы, если допустит ухудшение уровня жизни народа. Однако на рельсы лёг старый солдат – защитник Отечества. Положил жизнь за други своя. За всех нас. Вечная память!

Смерть в Мелитополе

В летний день 1993 года городские газеты Мелитополя вышли с траурным сообщением: на 88-м году трагически ушёл из жизни Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны, ветеран Вооружённых Сил, полковник в отставке Штанько Филипп Феофанович.

Некролог – жанр краткий, много о большой жизни человека в нём не скажешь. Только отдельные факты, беглые штрихи. Прошёл путь от красноармейца до полковника, отдав воинской службе 28 лет. Награждён двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени и многими другими орденами и медалями. В 1944-м за мужество и отвагу, проявленные в бою с фашистскими захватчиками, присвоено звание Героя Советского Союза. После службы в армии свою жизнь посвятил патриотическому воспитанию молодёжи.

Вот, собственно, и всё, что мог узнать читатель из официального извещения, кончавшегося традиционным выражением глубокого соболезнования семье, родным и близким покойного. Но ведь было здесь ещё и слово “трагически”. Что за ним?

Местные газеты, прореагировавшие потом на смерть ветерана своими выступлениями, сосредоточили внимание на драматическом эпизоде, который действительно сыграл в судьбе Штанько немалую роль. И об этом, конечно же, надо рассказать.

Был полдень, когда в квартире Филиппа Феофановича раздался тот роковой звонок. Дверь открыла жена – Прасковья Андреевна. Перед ней стояли двое молодых людей. Представились: студенты института механизации сельского хозяйства, а цель визита – собрать материал про жизнь героя, чтобы написать о нём.

Естественно, гостей радушно пригласили в комнату. Один из них раскрыл блокнот, и Филипп Феофанович стал рассказывать. Супруга тем временем готовила на кухне чай. Затем все переместились туда, продолжая разговор. “Студенты” по очереди выходили – якобы в туалет, возвращались, задавали какие-то вопросы. Когда же ушли совсем, Филипп Феофанович обнаружил, что на парадном кителе, висевшем возле книжного шкафа, нет Золотой Звезды Героя, а также орденов Суворова и Богдана Хмельницкого. Их не просто сняли – их вырвали, что называется, “с мясом”...

Через две недели ветеран покончил с собой.

* * *

Предвижу, читатель спросит: что, всего лишь из-за наград? Серьёзный вопрос. Ища ответ на него, я и поехал в Мелитополь.

Теперь знаю, что горестный случай с боевыми наградами, как я уже сказал, и в самом деле многое определил в трагическом решении старого солдата. Для него, проливавшего кровь за Родину (трижды был ранен!), искренне и глубоко преданного её идеалам, коммуниста более чем с 50-летним стажем, это оказалось гораздо больше, чем “всего лишь” делом оскорблённой воинской чести. Добавьте сюда драму обманутого доверия: ведь мошенниками стали молодые люди — из тех, кого он надеялся и пытался воспитать достойной сменой своего поколения. Выходит, тщетно?

Прасковья Андреевна и друзья покойного поведали мне, как мучился он, каким подавленным, угнетённым был все эти две недели, безнадежно порываясь мыслями уйти от происшедшего. Последняя запись в дневнике: “Приходил милиционер Попелешко, которому поручено вести дело. Положительного ничего не мог сказать. Всему этому конец”. А в предсмертном письме, названном им “Последнее письмо жизни”, есть такие слова: “Пользуясь моим доверием, эти подлецы нагло украли то, что я заслужил своей кровью в борьбе с врагами, защищая Родину. Они не подумали, что эти награды стоят мне жизни, и этого удара я не в силах пережить”.

Да, вот так и получилось, в конце концов. И всё же, побывав в Мелитополе, поговорив с десятками людей, хорошо знавших Филиппа Феофановича, познав жизнь и мысли других ветеранов войны, утверждаю: драма с наградами стала каплей, переполнившей чашу. Детонатором взрыва, который назревал и готовился давно. Потому что мучился ветеран не только две последние недели своей жизни — все последние годы. Как и многие его товарищи по трудной и благородной фронтовой судьбе.

* * *

Местные газеты, словно сговорившись, назвали свои материалы о гибели Штанько так: “Подлости не смог перенести”. Согласен. Правильно. Это — подлость! Но чья? Только ли двух молодых подонков, коварно проникших в его дом и покусившихся на святая святых — боевые награды? Или значительно шире — подлость в государственном масштабе? Разве не стали те двое чудовищным порождением дикой вакханалии по охаиванию всего советского прошлого, которая под лозунгом плюрализма и демократии целенаправленно развернулась как в России, так и на Украине за время “перестройки” и “реформ”?

Будто предвидя неизбежность такого вопроса, сильно “демократическая” газета “Мелитопольские ведомости”, руководимая, кстати, бывшим инструктором горкома партии, поёживаясь от неловкости положения, написала в своём комментарии: “Нет, мерзавцам, ставшим причиной гибели ветерана, не по восемь лет, воспитывались они не с восемьдесят пятого, и это — никакая не демократия”.

Неужели? Вы так считаете, господа? Позвольте с вами не согласиться. Это как раз и есть ваша “демократия” в самом ярком её проявлении. Когда нет ничего заветного, когда всё дозволено, когда за деньги, которые повелевают всем и вся, можно продать чуть ли не мать родную. Как же! Рынок есть рынок. Он заменяет совесть.

И за аргументами в этом споре с вами мне далеко идти не надо. В том же вашем номере, где помещены некролог в связи с гибелью Штанько и ваш насквозь фальшивый, лицемерный комментарий, на той же странице, совсем рядом, вы публикуете ничтоже сумняшеся следующее объявление: “Магазин “Меценат” реализует и купит за наличный расчёт предметы антиквариата (ювелирные изделия, иконы, картины, бронзу, фарфор, часы, награды и др.)”. Награды. . . Это ли не кощунство — провожать в последний путь ветерана таким циничным объявлением? О чём думали вы, завёрстывая его в газетную полосу?

Журналистская и прочая братия определённого пошиба отнюдь не бездумно открыла стрельбу по нашим героям. Вы помните, что сделали новоявленные палачи с Зоей Космодемьянской? Филипп Феофанович со своими

бойцами освобождал подмосковное Петрищево, где она была казнена. И мне рассказывали, какой острой болью отозвалось нынешнее издевательство над светлой памятью героини в сердце старого воина.

Он освобождал и Краснодон. А как надругались сегодня над комсомольцами “Молодой гвардии”! Тут не только клеветнические пасквилы в прессе – были сброшены с пьедесталов бюсты юных подпольщиков в городском сквере Луганска, потом исчез бюст Олега Кошевого. Причём одна из газет откликнулась на это заметкой под ёрническим заголовком “Исчезают герои, убегают собаки”, демонстративно смешав в одну кучу памятник патриоту, погибшему за Родину, и... собак, загрязняющих сквер.

Характерный факт: президент Украины не внял просьбе общественности Краснодона отметить 50-летие создания “Молодой гвардии” на государственном уровне. Зато одновременно, словно в пику героям-комсомольцам, активно поддержал празднование 50-летия УПА. Той самой “украинской повстанческой армии”, которая повинна в смерти более тридцати тысяч мирных граждан, партизан, воинов Красной армии. Той самой, с которой командир 56-й мотострелковой бригады Филипп Штанько не раз сталкивался в боях и последыши которой зверствовали в районах вокруг Луцка, где он служил в первые послевоенные годы. Теперь они, верные прислужники немецких фашистов, нагле, самодовольные, как новые хозяева жизни высаживают по улицам украинских городов, по площадям столичного Киева, по экранам кинотеатров и телевизоров. На щит славы поднята и дивизия СС “Галичина”, объявленная в своё время международным Нюрнбергским трибуналом, как и другие боевые формирования СС, а также СА и СД, преступной организацией.

Заветной мечтой и главной целью Гитлера было уничтожить Советский Союз. Не удалось! Сорвалось! Обломал зубы. Но его мечту осуществили наши правители 90-х! На горе всем честным людям и, разумеется, в первую очередь, ветеранам, не щадя себя, строившим и в огне защищавшим великую страну. Ни с чем не сравнимая трагедия... Ближайший друг Штанько, подполковник в отставке Иван Иванович Солдатенков говорил мне, как страдал Филипп Феофанович в связи с этим:

– Какой я теперь Герой Советского Союза! Нет больше Союза, который мы, люди разных национальностей, отстояли в борьбе.

И людям разных национальностей (мы видим это!) стало гораздо хуже жить. Мой приезд в Мелитополь совпал с Днём незалежности, то есть независимости, Украины. Однако совсем непраздничным выглядел в городе этот солнечный августовский день 1993 года. Едва ли не главная его примета – длинные очереди возле хлебных магазинов. Оказывается, перебои с хлебом стали, как и в других украинских городах, обычным явлением. И это – при богатейшем урожае, выращенном в республике. Нехватка товаров, гиперинфляция, дороговизна, остановка заводов, безработица – тоже новые будни.

Когда я поздравил с новым официальным праздником ещё одного друга Штанько – Героя Советского Союза Николая Александровича Опышко, – он искренне возмутился:

– Вы что? Для меня это никакой не праздник! Да и для кого он в радость? Почти все, с кем встречался я в Мелитополе, говорили мне то же самое...

* * *

А в конце – ещё несколько слов о боевых наградах, с которых мы начали наш сегодняшний разговор. Они – символ воинской славы народа, символ чести страны, одержавшей Великую Победу в величайшей войне. “Святыни” – не просто громкое слово. Это действительно святыни. И отношение к ним в обществе о многом свидетельствует.

Меня глубоко взволновал случай, о котором рассказал машинист-инструктор Мелитопольского локомотивного депо Виктор Васильевич Сорочан. При нём на автобусной остановке развязный парень вызывающе и пренебрежительно бросил стоявшему в очереди Штанько, указывая на Золотую Звезду:

– Эй ты, дед, сними свою побрякушку! Немодно это нынче.

Старик побледнел, сжался – его словно ударили по щеке...

А вот во Львове и Тернополе, Ивано-Франковске и Ровно ветеранов Великой Отечественной по-настоящему били. Распоясавшиеся боевики из наци-

онал-фашистских отрядов так называемой украинской народной самообороны (УНСО), повторяющих путь гитлеровских штурмовых отрядов, били ветеранов и с ненавистью срывали с них ордена и медали, заслуженные в боях с фашистами.

Ну, и, конечно, на Украине, как и в России, награды за боевые и трудовые подвиги стали предметом бессовестного торга, спекулятивного ажиотажа, попадая в руки грязных базарных барыг. Причём некоторые издания не противостоят этому, а, наоборот, подогревают гнусный ажиотаж. Наградные знаки они рассматривают и рекламируют просто как выгодный, дорогой товар.

Чего стоит хотя бы заметка в газете “Киевские ведомости” с подробной информацией о содержании драгоценных металлов в советских орденах. Красноречив заголовок: “Если вам предложат за орден Суворова “Мерседес”, откажитесь, орден стоит дороже”. Не отстают и “Мелитопольские ведомости”. Противно читать бухгалтерские подсчёты некоего Николая Оксы, который с доскональным знанием торговой конъюнктуры составил свой рекламный проспект под заголовком “Орден Ленина. Дорого. Кто больше?” Истекая сладострастной слюной, автор излагает, сколько в каком ордене платины, золота, серебра, как распределяются знаки по редкости награждений, сколько стоят на сегодня в рублях и в долларах.

Плоды подобной рекламы налицо! Развернулась настоящая охота за орденами и медалями. В Мелитополе пострадал не один Штанько – почти одновременно похищены награды у полного кавалера орденов Славы В. Полупана, участника Парада Победы В. Симоненко, полковника А. Тихомирова, в соседнем Бердянске – у дважды Героя Советского Союза Е. Кунгурцева...

Заметьте: бизнесмены, наживающиеся на необычном товаре, который становится уже обычным, ничем особенно не рискуют. Была в украинском Уголовном кодексе статья, предусматривавшая наказание за куплю и продажу государственных наград, но в прошлом году исключена. Как объяснили мне в мелитопольском суде, речь шла о государственных наградах СССР. Ну, а поскольку СССР больше не существует, чего там церемониться! Остался лишь пункт в Кодексе об административных правонарушениях: предупреждение или штраф... до половины официально установленного минимального размера зарплаты. Килограмм варёной колбасы! Сильно, ничего не скажешь...

* * *

О каждом обществе, наверное, можно судить по отношению к его героям. Режимы, утвердившиеся на развалинах уничтоженного Советского Союза, истинных героев предали. Героями делают предателей: в России – генерала Власова, чей флаг стал государственным, на Украине – Степана Бандеру. Торжествуют торговцы в храме – торговцы орденами и Родиной.

Не в силах вынести жестокое глумление, униженные, оскорблённые, оплётанные, некоторые из наших героев предпочитают не жить, а умереть. Так ушли фронтовая медсестра Юлия Друнина и защитник Брестской крепости Тимеян Зинатов. Теперь вот комбриг Филипп Штанько. Русская, татарин, украинец. Обнажённые нервы и обострённая совесть соединили их в скорбной жертвенности. Безнравственная, безжалостная власть убила их! Нет прощения за это!

* * *

А ввергнутая ныне в разгул самого настоящего фашизма Украина стала закономерным продолжением антисоветского нашествия, начатого на рубеже 1980–90-х. Того нашествия, жертвой которого стал и советский офицер, коммунист Филипп Штанько.

ВИТАЛИЙ РАДЗИЕВСКИЙ

академик Украинской технологической академии

ОТ ВРАЖДЫ К ЕДИНСТВУ

*Не полюбивши России, не полюбить
вам своих братьев.*

Николай Гоголь

Уже более ста лет об украинской идее, украинской особенности и даже избраннысти пишут и спорят отдельные писатели, общественные деятели, учёные, политики и многие другие. Происходит смена ментальной парадигмы, изменяются векторы культурного развития, конфигурации ценностных ориентиров, трансформируется картина мира и мировоззрение миллионов украинцев. К сожалению, украинцы опасно забывают о своей принадлежности к восточнославянской цивилизации, о православной вере как историко-мировоззренческом ядре восточнославянского мира, о близости менталитета и о языковом родстве, о единстве с русскими и белорусами. Для них реальной становится перспектива быть поглощёнными иностранными структурами и агрессивной культурой Запада, политической, правовой и иной экспансией. Утверждается, что "...произошла радикальная и необратимая трансформация самой сущности украинства. На смену "настоящему украинцу" времён Николая Гоголя (малороссу, хохлу, как называл себя он сам) пришёл другой "настоящий украинец" – украинец времён Степана Бандеры, новый украинец. Пришёл пока ещё не повсеместно на Украине, но его триумфальное шествие продолжается неуклонно с северо-запада на юго-восток, захватывая всё новые территории к недоумению не сведущих в этнополитике наблюдателей"¹.

Народы, потеряв свою культурную идентичность, духовную доминанту, базовую цивилизационную основу, неповторимость и уникальность, перестают быть самими собой, часто даже вымирают. Сегодня, в 2015 году, не менее актуально, чем в 1990-м, звучат слова выдающегося публициста, известного писателя и пламенного русского патриота А. И. Казинцева: "На краю пропасти слишком опасно поддаваться призывам крепко зажмуриться. Вопрос поставлен круто: либо иллюзии, либо выживание"².

Сегодня, в период осложнений политико-правовых и культурно-исторических отношений двух традиционно братских народов важно показать общекультурное родство России и Украины, многовековое единство восточнославянской цивилизации и сохранение общего древнерусского духовного и историко-этнолингвистического корня, а шире – общерусское братство, несмотря на засилье (особенно на Украине) западных традиций. Эскалация напряжённости вокруг событий на Юго-Востоке Украины может привести к трагическим последствиям.

Рецепт прекращения временных междоусобных браней и распрей прост: вспомним нашу общую историю, соединимся в братолюбии, православной

молитве и единомыслии. А для этого есть много оснований и, прежде всего, – общность в истории, вере, культуре, языке.

Древнерусское государство Киевская Русь явилось общей культурной колыбелью как России, так и Украины. Общая культурно-историческая доминанта и преемственность сохранились в общих правовых источниках, в ментальной парадигме, в народной памяти и сознании, отразились во многих базовых константах и концептах, обрядах, традициях, обычаях, законодательстве и праве. На Украине некоторые сомневаются в существовании преемственности между Киевской Русью и Российским государством. А ведь в независимой и великой России, а не в ополченной и поработанной Украине продолжилась древняя традиция постройки срубных жилищ, в былинах сохранились богатыри Илья Муромец, Алёша Попович, Добрыня Никитич, древнерусские традиции и обряды. Даже термин “Киевская Русь” появился в XIX веке в Москве и стал популярен особенно благодаря историку С. Соловьёву.

Есть “Малая Греция” (где зародилась греческая цивилизация) и “Великая Греция” (где греки расселились позже); аналогично “Малая Польша” и “Великая Польша”, “Малая Армения” и “Великая Армения” – с общей религией, языковым единством и культурной общностью, но с региональными и иными субкультурными особенностями. Это единение применимо и к восточнославянскому миру. Комплексный анализ историко-культурных событий может свидетельствовать, что трансляция русского языка и культуры стали культурообразующим фоном для многих народов и народностей. Малая Русь – это историческое название исконной, коренной, первоначальной Руси. В досоветской, имперской России украинцев считали субэтносом (частью общерусского этноса). Вспомним “племя южнорусское” у Н. Костомарова (“Две русские народности”).

Татаро-монгольское нашествие разорило древнерусское государство, и предки украинцев оказались в Литве и Польше, объединившихся в единое католическое государство. Стремление сохранить веру православную и тем самым свою идентичность, избежать окатоличивания, порабощения национального и социального вызвало национально-освободительное движение во главе с Богданом Хмельницким и добровольное присоединение в 1654 году Украины в составе трёх воеводств – Киевского, Черниговского и Брацлавского – к Московскому царству.

После присоединения Украины к России правовая, культуротворческая и иная многообразная донорская миссия России видна на многих примерах. Московские правители расширяли и преобразовывали территорию Украины. Даже такие великие и славные города, как Киев и Житомир, Винница и Львов (как и тысячи поселений), стали украинскими благодаря русскому оружию и/или дипломатии.

Петра I и Екатерину II часто изображают как душителей украинской самобытности и идентичности. Так, например, по мнению многих украинских культурологов и историков, Петр I строил Санкт-Петербург на костях украинских казаков, обидел украинского патриота Мазепу и ограничивал украинские вольности, а Екатерина II и вовсе ликвидировала Запорожскую Сечь да ещё и закрепостила многих крестьян. Да, многие деяния Петра I и Екатерины II способствовали централизации и унификации Российской империи, были направлены на ограничение вольностей окраин и регионов, да и отдельные нравы и пристрастия Петра I и Екатерины II не радовали подданных.

Однако стоит вспомнить и те блага, которые дали русские самодержцы Украине. Петр I утихомирил турецко-татарские набеги, которые столетиями совершали на Украину её воинственные южные соседи иногда во главе с самим крымским ханом, увозя в плен десятки тысяч украинцев. Победоносные русско-турецкие войны Екатерины II окончательно ликвидировали практику продаж восточных славян на невольничьих рынках Крыма, Азии и Африки и дали возможность миллионам жителям Российской империи (особенно её южных, малороссийских пределов) навсегда забыть о перспективе стать рабом на турецких галерах или невольником на знойных африканских плантациях.

Культуротворческая, донорская миссия России видна не только на “фронтальных” примерах. При воссоединении с Украиной в 1654 году у Москвы не было “колониальных расчётов” – напротив, она несла огромные экономические издержки. Длительное военное противостояние с мощной Речью Посполитой за славные и святые, но обескровленные украинские земли подрывало

и без того ослабленное расколом и смутами Русское царство и оправдывалось только спасением единоверных и единокровных братьев.

Успехи русских войск и дипломатов способствовали увеличению территории современной Украины и развитию малороссийской (украинской) культуры. Конечно, быть крепостным у помещика – не радостная перспектива, но лучшая, чем беспросветное рабство за тысячи верст от родного дома у крымских татар или османских турок. Екатерина II, осуществляя разделы Речи Посполитой (и, что особенно важно для Украины, – передел самой Польши), подорвала польскую экспансию (в том числе и многовековое культурное ущемление, переходящее иногда даже в агрессию!) на украинских землях. Екатерина II, несмотря на всероссийскую унификацию, создавала благоприятные условия для развития малороссийской самобытности и местных традиций (отсюда и такой небывалый, не имеющий аналогов до конца XVIII века, интерес местных, южнорусской элиты к своему прошлому). Екатерина II ликвидировала институт гетманства, но дала возможность малороссам реализовать себя на имперском, общероссийском культурном и государственном поприще. Отсталая периферия, ранее находившаяся под многовековым инокультурным, иноверным и инородным (татарским, турецким и польским) игом, – развивалась, становясь имперским и европейским культурным центром. Это хорошо видно на примере построенной Одессы, освоенных степей с десятками новых городов, преобразованного Крыма и возрождённого Киева. На месте “Дикого поля” строились поселения, развивалась инфраструктура юга. Возрождался после более чем четырёх столетий упадка древний столичный град Киев – наша “старая столица”, “мать городов русских”, “второй Константинополь”, “Мекка славянства”, “град апостола Андрея”, “творенье князя Кия”, “колыбель России”. Возможно, если бы императрица Елизавета Петровна перенесла столицу в Киев, то мировая история пошла бы в другом направлении, и Российская империя с древней столицей отвоювала бы больше земель у Османской империи, присоединив Царьград (Стамбул). Это повлияло бы и на историю украинской, евразийской и мировой культур.

По мнению И. Бутенко, “укрАины” государства Российского составляли с ним единое целое. Как “укрАины” Московской Руси в разных её государственных актах упомянуты: “Слободская... Псковская, Смоленская, Татарская, Мордовская” и иные “укрАины”³.

При проведении в Российской империи переписи в 1897 года была общая рубрика “русские”, причём, “украинцы” и “белорусы” статистически не выделялись.

В предсоветский период “русские” не размежёвывались на глубинном национальном уровне, речь шла об этнотерриториальных и незначительных лингвокультурных отличиях. Прав был русский гуманист Н. Рерих, который в 1935 году писал, что когда-нибудь “...будет написана справедливая, обоснованная история... как много в разное время Россия помогала различным народам, причём помощь эта не была своекорыстна, а наоборот, очень часто страдающей являлась сама же Россия”⁴. **Из польской колонии и территории турецко-татарских промыслов и набегов Украина становилась русской Италией и великой славянской культурной и духовной святыней.** Ведь духовностью расцветшей культуры ещё Древней Руси X–XIII веков было Православие, а православный “заряд” 988 года дал толчок почти тысячелетнему – до 1917 года – движению, инерция которого в завуалированной форме ощущалась в непростое и преимущественно антицерковное советское время и даёт о себе знать даже в сегодняшних реалиях.

До революций 1917 года малороссы, великороссы и белорусы (стойкие белорусы до сих пор сохраняют своё историческое имя!) были одной русской нацией. Разве найдётся русский, который не поймёт без перевода, например, творчество драматурга и писателя малоросса Г. Квитки-Основьяненко, его пьесу “Шельменко-денщик”? “Немец южный тяжелее понимает немца северного, чем “малоросс” москаля”, – соглашался украинофил Вацлав Казимирович Липинский. Разве нет языковых отличий не только между англоговорящими США и Новой Зеландией или Великобританией и Канадой, но даже между жителями отдельных северных и южных штатов США? Вместе с тем отметим и тот факт, что разные государства могут иметь один общий язык (Великобритания и США, Германия и Австрия, Греция и Кипр).

В монархической России культура Украины (точнее, Малороссии или даже юго-западной части империи) рассматривалась как часть общерусской культуры. До XX века у трёх великих славянских этносов были свои (по существу, не столько особые духовные и ментальные, сколько лишь региональные, территориальные) культуры. Украинцы рассматривались, подобно сибирякам, новгородцам или москвичам, как территориальная, а не инородная, иноверная, нерусская общность. Традиционно русский язык на Украине был языком права, науки и техники, языком местной интеллигенции и элиты. Важным при этом является то, что с присоединением Украины к России украинцы, не испытывая никаких ограничений, активно осваивали все просторы необъятной России.

В работе «Россия: национальный вопрос» В. Путин указывает, «что этнические украинцы живут на пространстве от Карпат до Камчатки»⁵, констатируя базовую культурно-историческую реальность: украинцы активно созидали общую, великую Россию как свою единую и любимую Родину. Восточнославянскую цивилизацию традиционно объединяет духовное единство. И русские шли в Киев и Чернигов, Переяслав и Житомир как в свои исконные земли, к древним праотцовским истокам, на свою историческую и культурную Родину, и им не нужны были переводчики.

История и культура Украины неразрывно связана с Россией, без неё она теряет целостность и глубину, цельность и завершённость. Традиционно для значительной части современной Украины родными являются как украинский, так и русский языки, и доминируют две правовые и культурные традиции. Без братского единства восточных славян не было бы сегодняшней Украины, её великой национальной культуры, а территориальные особенности на Руси были второстепенными. Сотни деятелей малороссийской (ныне украинской) культуры XIX века считали себя неразрывной частью общерусской культуры и единого русского этноса (восточнославянского суперэтноса). Особенно наше единство сконцентрировано в культуuroобразующей и государствообразующей православной вере как в историко-мировоззренческом ядре восточнославянского мира, в близости менталитета и в языковом родстве. Это наше единство имеет давние корни. Ещё в домонгольское время многие русичи, спасаясь от южных и восточных кочевников, прятались в северо-восточных пределах Руси. Переезжали духовные и светские деятели Руси, менялись культурные и административные центры, но Святая Русь как духовный идеал и как новый земной Иерусалим продолжала существовать. Достоянейшими представителями её были Владимир Великий, Сергей Радонежский, Иван Фёдоров и многие другие. На историческом пути Руси сменялись не только лидеры и места их пребывания. Согласно теории странствующей столицы, путешествовала даже столица Руси. Ещё Старая Ладога и Новгород уступали место стольному Киеву. На место Киеву пришёл славный Владимир, белокаменная Москва потеснила Владимир, место Москвы попытался занять (и временно занял) имперский Санкт-Петербург, потом главенство вновь перешло к хлебосольной Москве. Многие святыни тоже перемещались. Из киевских земель в московские пределы перешли не только Владимирская икона Божьей Матери и знаковая шапка Мономаха, но и множество иных святынь, раритетов и реликвий.

Хотя и в те времена наблюдались усилия латинизации Руси (1010–1030) и последующие откровенные уступки католицизму со стороны юго-западной части Руси (через два столетия эту ошибку повторят греки, навсегда потеряв Царьград и Византийскую империю). Вспомним папскую корону Даниила Галицкого и его заигрывания с Западом ради освобождения от татаро-монгольского ига. Это была уже другая, раздробленная, отступившая и оскудевшая духом, обмирщённая и оплотнённая подмонгольская Русь. А о тенденции пагубной латинизации писал ещё святой Феодосий Печерский, хотя и в этот период на юге и западе Руси тоже были свои православные герои.

И всё-таки ещё до активной экспансии в русские умы западных веяний из благодатной киевской купели пошла великая духовность на земли московские. Вовсе не случайно великий киевский князь Юрий Владимирович Долгорукий (почивший в 1157 году в Киеве) основал в 1147 году будущую столицу грядущей великой державы — град Москов. Не является удивительным и то, что прах основателя Златоглавой Москвы великого князя Юрия Долгорукого и сегодня почивает в Киеве неподалёку от главной святыни Украины — Свято-

Успенской Киево-Печерской лавры, в левой части храма Спаса на Берестово. Несмотря на пожары и нашествия иноплемеников, до нашего времени дошло немало храмов периода, общего для всех восточных славян, Древнерусского Отечества. Многие исторические перипетии пронесли над землями юга и запада бывшей единой общерусской державы, немало было испытаний (вспомним хотя бы Брестскую унию 1596 года, преследования православных даже в XX веке).

Посетивший в 1523–1524 годах великие княжества Литовское и Московское А. Кампензе, посол папы Римского Климента VII писал, что жители как Литовской, так и Московской Руси **являются одним народом, поскольку имеют один язык и веру**. На засилье “московского языка” в Литве жаловался литовский писатель XVI века М. Литвин, а польский король Ян Казимир (противник Богдана Хмельницкого), выступая в сейме, указывал, что главная угроза Речи Посполитой заключается в тяготении населения малорусских и белорусских земель к Москве из-за общности языка и веры.

Распространение православного просвещения и культуры было делом богоугодным и важным для общерусской духовности и для развития образования. Диакон Иоанн Фёдоров ревностно исполнял слова святого Иоанна Дамаскина, сказавшего, что “Ученье – свет, а неученье – тьма”. Московит Иоанн стал светом на просторах Западной Руси, поработённой иноверцами. Защищая единую, святую, соборную и апостольскую Православную Церковь, её святыни, ученье и идеалы в пределах Польши и Литвы, московский посланник и его соратники напоминали о православной святости, о вере отцов и дедов, о спасительности выбора святого равноапостольного великого князя Владимира, крестителя Руси. Диакон Иоанн Фёдоров доблестно оборонял на следие святых Кирилла и Мефодия.

Иоанн Грозный как последовательный собиратель земель Святой Руси не мог смотреть на “лядское засилье” и “литовскую неправду”. Позицию царя разделяли и его подданные. Можно говорить о вселенской миссии Москвы как Третьего Рима, об уникальности и неповторимости русской ментальности.

Русский мир (в широком его смысле – как синоним восточнославянского, а в более глобальном – как мир православный) сам по себе не может быть этнолокальной самоцелью, а уж тем более этнографическим или краеведческим раритетом. Русский (восточнославянский) мир может стать вселенским светом и всемирным поводом только в лучах Истины Христовой как уникальный православный славянский центр, как квинтэссенция планетарной духовности и святости, праведности и справедливости, подвижничества и спасительности, как набор здоровых моральных аксиом, мудрости, толерантности и доброжелательности, открытости и искренности. Русский (православный восточнославянский) мир – это новый, обновлённый и преображённый мир Святой Руси. Современники диакона Иоанна Фёдорова не знали нынешнего афоризма “в единстве наша сила”, зато они хорошо помнили слова Христовы из Евангелия от Матфея, что “если царство разделится само в себе, не может устоять царство то; и если дом разделится сам в себе, не может устоять дом тот”. Вряд ли кого-то в XVI веке могло прельстить возможное повторение татаро-монгольского ига, шведское и тевтонское рабство или литовско-польская экспансия.

У восточнославянского единства было и немало противников. Поэтому усиливалась разрушительная польская экспансия, не прекращавшаяся и после воссоединения Киева с Москвой. Даже Университет Святого Владимира в 1834 году в Киеве был основан стараниями Николая I и министра народного просвещения Сергея Семёновича Уварова с целью противостояния польскому засилью.

Со временем в России польское давление удалось уменьшить, но польская агрессия была поддержана австрийцами. Глава австрийской администрации в Галиции граф Ф. Стадион фон Вартгаузен заявил, что если галичане будут по-прежнему считаться одной нацией с великороссами, то власти будут бороться с ними. Странники Москвы вызывали негодование поляков и австрийцев: сторонников общерусского единства обвиняли в ненадёжности, предательстве, шпионаже. Галичане, боясь австро-польского насилия, стали обозначать и признавать себя русинами и рутенами. Получалась дивная история: прадед был русским, дед стал русином (название “русин” употреблялось как архаизм, ведь и тверской купец Афанасий Никитин в “Хождении за три

моря” называл себя русином), сын получился рутеном, внук превратился в австрийского галичанина, правнук – в украинца.

Если ранее, в СССР, любя Украину и Россию, можно было ориентироваться не только на классовое сознание, но и на общие истоки, то теперь предлагается делать категорический выбор: или Украина, или Россия. Нынешняя ситуация напоминает усобицы и войны прошлого: киевлян и житомирян, псковитян и новгородцев, жителей Твери и Москвы... Потом на место вражде пришёл мир, войну заменило сотрудничество. Было время, когда западные украинцы доблестно сражались за тогдашний “русский мир”. Вспомните, например, первых Московских митрополитов и их жития. Некогда общерусская позиция галичан М. Шашкевича, Я. Головацкого и И. Вагилевича была столь сильна, что их в честь императора Николая I называли “николаевцами”. Я. Головацкий указывал: “Русины того мнения, что русский книжный язык возник в Южной Руси и только усовершенствован великорусами”⁶. За общерусский литературный язык выступали многие галичане (Б. Дедицкий, А. Петрушевич, В. Площанский, Н. Устиянович). В основе общерусского литературного языка было и киевское, и черниговское, и иные южнорусские наречия. Следом за Л. Нидерле, А. Каревин отмечает единство веры, множество общих черт в истории, традиции, языке и культуре между малороссами и великороссами, что свидетельствует о них как о двух частях одного русского народа⁷.

Различным недругам исторической Руси (из Польши, Австрии, Германии, США) хотелось и хочется разделить (а ещё лучше – столкнуть между собой) братские восточнославянские народы. Сначала была религиозная составляющая в виде Брестской унии, позднее – попытка размежевать на культурном уровне, в том числе путём трансформации языка. “Если Гриць не может быть моим, то пускай, по крайней мере, не будет он ни моим, ни твоим”, – сформулировал стратегию польский ксёндз В. Калинка⁸. Польский генерал Мирославский конкретизировал: “Бросим пожар и бомбы за Днепр и Дон, в сердце России. Пускай уничтожат её. Раздуем ненависть и споры в русском народе. Русские будут рвать себя собственными когтями, а мы будем расти и крепнуть”⁹.

Сначала “доброжелатели” хотели перевести письменность галичан на латинский алфавит, но народ воспротивился. Тогда принялись за “реформирование” грамматики, изгнав буквы “ы”, “э”, “ь” и введя буквы “є” и “ї”, ведь австрийским подданным не подходило пользоваться “московским” правописанием. Затем трансформировали лексику, изгоняя исконные народные слова¹⁰. К примеру, многие слова из произведений Ивана Франко и других писателей, изданные в 1850–1880-е годы, были заменены. Позже И. Франко поддержал изменение (создание нового?) языка, стал очищать от “архаизмов” свои сочинения. В сорока трёх проанализированных экспертами произведениях, вышедших при жизни И. Франко двумя и более изданиями, насчитали более десяти тысяч (!) изменений: его последователи сочли необходимым провести ревизию творчества И. Франко, чтобы “научно проверить и исправить язык и стилистику Франко”¹¹.

Создатели нового языка ехали и в Россию. Видный малоросский деятель К. Говорский писал, что в юго-западной России (то есть на Украине) поляки, “...переодевшись в свитки, шлялись по деревням и раскидывали эти (малоросские. – В. Р.) книжонки; верно, пронырливый лях почуял в этом деле для себя поживу, когда решился на такие подвиги”¹². В национальном украинском движении доминировали поляки (В. Антонович, К. Михальчук, Б. Познанский, Т. Рильский). “Все польские чиновники, профессора, учителя, даже ксёндзы стали заниматься по преимуществу филологией, не мазурской или польской, нет, но исключительно нашей, русской, чтобы... создать новый русско-польский язык”, – вспоминал А. Добрянский¹³.

Отдельно необходимо подчеркнуть, что почти половина из созданных произведений Т. Шевченко написана по-русски – триста девятнадцать страниц украинского текста и триста пятнадцать русского¹⁴. Украинский язык Т. Шевченко был полонизирован (на фоне языка основной Малороссии), ведь полонизация Правобережной Украины продолжалась до 1860-х годов. Т. Шевченко не знал букв “ї”, “є”, “г”, апострофов, используя родной общерусский алфавит с “ы”, “э”, “ь” (обратимся к фотокопиям его рукописей). Подкорректировали Тараса Григорьевича “шевченковеды”, меняя буквы и слова (букву

“с” в приставках на “з”, даже слово “кобзарь” на “кобзар”, “царь” на “цар”. Может, придётся солидаризироваться с теми, кто считает, что сегодня подлинный Т. Шевченко скрыт от читателей, как и творчество И. Котляревского, И. Нечуя-Левицкого и других? В 1860 году Т. Шевченко составил “Букварь южнорусский” для обучения детей грамоте на малорусском наречии, где алфавит был русским без отклонений и “реформ”¹⁵. Ещё с 1906 года начиналась первая галицинизация южной Руси, вторая была в 20-х годах XX века, а третья проходит в независимой Украине.

Во время Первой мировой войны главнокомандующий австро-венгерской армией эрцгерцог Фридрих писал императору, что у народа Галиции есть “уверенность в том, что он по расе, языку и религии принадлежит к России”¹⁶. Нестор Махно вспоминал, что когда украинофилы пропагандировали борьбу с “кацапами – гнобителями мовы”, – то “такая идея оскорбляла крестьян. Они стягивали с трибуны проповедников и били как врагов братского единения украинского народа с русским”¹⁷. В силу такого самосознания украинского народа начальник штаба германского Восточного фронта генерал Гофман писал: “Я боюсь только, как бы созданная с таким большим трудом Украина не пошла опять насмарку”¹⁸.

Дело поляков, австрийцев и немцев продолжили... большевики. Видный украинизатор А. Синявский радовался, что из языка горстки полулегальной интеллигенции до Октябрьской революции украинский язык становится органом государственной жизни страны. Большевики создавали украинскую государственность, и будто некая надгосударственная сила заботилась о разъединении восточных славян. Советское правительство выделило сотни тысяч рублей золотом на печатание за границей украиноязычных учебников, но политика “украинизации” всё равно буксовала. “Я знаю множество фактов, как кое-кто, например, из русских или евреев, недавно начав украинизироваться, превзошли на всех участках языковых (а особенно в письменности) “вековечных украинцев”, – говорил ближайший подручный Л. Кагановича М. Сулима. “Небольшой промежуток времени дал такой широкий размах развитию украинской культуры, что подобного нельзя заметить в истории ни одного другого народа за всю предыдущую историю человечества”, – восхищался Н. Скрыпник¹⁹. Большевики ввели добровольно-принудительную “украинизацию” Украины, как бы заботясь о разъединении восточных славян. Нужны были долгие годы, чтобы развились два народа и две великие культуры. В резолюции Пленума ЦК КП(б)У (2–6 июня 1926) о результатах украинизации, в частности, отмечалось: “За последний год... мы имеем величайшие достижения в области украинизации. В государственном аппарате процент деловодства, который проводится на украинском языке, доходит 65%, тогда как в начале прошлого года он составлял 20%... Несмотря на все трудности, пресса украинизирована на 60%”²⁰.

Активно боролись большевики и с Православием. Атеисты во главе с председателем Центрального Совета Союза Воинствующих Безбожников Е. Ярославским (Губельманом) предполагали к 1942 году стереть имя Бога на территории СССР²¹. А ведь именно вера православная была основным аргументом присоединения Украины к России, о чём ярко говорил в своём обращении к народу на Переяславской Раде Богдан Хмельницкий. Да и созданный 1 октября 1553 года московский Земский Собор постановил, чтобы царь Алексей Михайлович “изволил того гетмана Богдана Хмельницкого и всё войско Запорожское с городами их и с землями принять под свою государскую высокую руку, для православных христианских веры и святых Божиих церквей, потому что паны Рада и вся Речь Посполитая на православную веру и на святые Божиі Церкви восстали и хотят их искоренити”²².

Таким образом, большевики и борьбой с верой православной, и внедрением украинского языка готовили то, что мы имеем сегодня на Украине.

В целом, говоря об отдалённой перспективе украинского языка уже в XXI веке, следует констатировать, что в конечном итоге украинский язык стал заслуженно признаваться одним из гармоничнейших, совершеннейших и милозвучных языков планеты. Это ещё одно свидетельство богатства и потенциала восточных славян. Но языковое многообразие не может мешать духовному и иному (культурному, религиозному, кровному и т. д.) единству. К тому же следует учитывать и тот факт, что весьма распространённым на Украине является русский язык, родной язык для значительной, а возможно,

пока и большей части её населения. Тщетными оказались все попытки добиться предоставления русскому языку особого государственного или хотя бы регионального статуса, более того, наблюдается ужесточение борьбы с ним. Действительно, подписанным Президентом Украины П. А. Порошенко в августе 2014 года Законом Украины “О высшем образовании” предусматривается пунктом 1 статьи 48 “Язык обучения в высших учебных заведениях”, что “Языком обучения в высших учебных заведениях является государственный язык”²³. Ранее действовавший Закон Украины “О высшем образовании” статьей 5 определял, что язык обучения в вузах определяется статьей 20 Закона Украины “Об основах государственной языковой политики”²⁴, согласно которой свободный выбор языка обучения является неотъемлемым правом граждан Украины. Но такое право у граждан Украины отняли.

Но многие, даже говоря на одном языке, не слышат и не понимают друг друга. Два трудолюбивых, добрых, мирных, честных, порядочных, по советской историографии, братских народа, принадлежащих одной цивилизации и составляющих исторически и духовно единый великий суперэтнос, пытаются столкнуть в пучину противостояния и конфронтации, сделав русских и украинцев ярыми врагами. Украина, как и Россия, – неотделимая часть общерусского культурного, исторического, правового и лингвистического пространства, а украинцы не младшие братья русских, а равноправные и единокровные соседи.

Распад большой тысячелетней страны разорил миллионы честных, трудолюбивых, порядочных украинцев. В начале XXI столетия в несчастной Украине имеет место повторный обман: место “загоризонтного”, миражного коммунизма занял всё более беднеющий духовно и материально Евросоюз. Он хотя ментально и близок нам, но всё-таки чужероден, и в силу этой чужеродности путь в Европейскую иницивилизационную и инородную (в этническом, культурном, духовном, правовом, политическом и иных аспектах) среду для Украины может иметь катастрофические последствия. С Европой надо дружить, сотрудничать, взаимодействовать, сохраняя свою уникальность, самобытность и неповторимость. Межцивилизационное взаимодействие должно происходить не путём поглощения, захвата, подчинения и уничтожения, а путём взаимодействия, взаимообогащения, взаимопонимания. Доминировать в межцивилизационных отношениях должен не принцип “выиграл и проиграл”, а принцип “выиграл и выиграл” – все должны быть удовлетворены. Увы, некоторые западные доброжелатели партнёрские отношения подменяют приказными, командными, а вместо сотрудничества пытаются навязать добровольное иго, рабство. **Американизация культуры, засилье голливудских фильмов, европейских моделей поведения и иностранных стандартов медленно не только дерусифицирует, но и даже, как ни странно это звучит, деукраинизирует Украину, превращая молодёжь в активных прозападников, в своеобразных “иностранцев” в собственной стране.** Эти процессы, как ни печально, характерны и для России.

В XX веке Украина территориально выросла, культурно возмужала и родилась политически. Она воспитала выдающихся деятелей культуры (Б. Олейник, П. Загребельный, П. Толочко и другие). Киев, бывший, по словам древнерусского князя Олега, “матерью городов русских”, а по выражению императора Александра III, “Иерусалимом земли русской”, в 1991 году стал столицей новой европейской державы – Украины. Но даже последний главный идеолог ЦК КПУ и первый Президент независимой Украины – Л. Кравчук – накануне III Всемирного форума украинцев (август 2001) заявил: “Украинская нация, к сожалению, доньше ещё не сформирована... У нас нет даже теоретических оснований политического видения украинской нации”²⁵. Правда, потом было два “победоносных” майдана. Увы, можно объединяться не только вокруг любви, добра и человеколюбия. Но счастливого будущего без любви, добра, взаимопонимания и человеколюбия не построить!

Проблема медленного “создания” из южноруссов украинцев беспокоила и диаспору. Это заставляло И. Огиенко вслед за С. Петлюрой называть украинцев “недозрелой нацией”. Надо признать, что хлебосольный малороссийский (украинский) народ является во многом уникальным, но он лишь часть, пусть и самая талантливая на отдельных поприщах, – например, в песнях и в танцах, – великого восточнославянского суперэтноса, наднационального сообщества. Ведь даже в сентябре 1939 года в редактируемом И. Огиенко

журнале отмечалось, что единого украинского литературного языка нет (но сегодня он уже сформирован). В 1941 году Галиция была оккупирована гитлеровцами, но украинизация продолжалась. А. Каревин отмечает гитлеровское содействие украинизаторам: несмотря на политику антисемитизма, они пропускали восхвалительные отзывы об украинских трудах еврейки Елены Курило. Из-за изменившейся конъюнктуры “украинско-польское братство” сменилось немецко-украинским. Среди “самостийников” немало было прислужников гестапо, абвера, иных фашистских агентов и деятелей антирусской направленности. Особая миссия Украины в мире очень долго не признавалась европейскими деятелями, только отдельные иностранцы особо выделяли Украину, да и то в контексте цели и средства ослабления царской России, а затем СССР. Так и нынче на Украине в умах отдельных еврофилов и американофилов начинает формироваться русофобское братство, ведь в культурной политике возникла программа трёх “Д”: дерусификация, дехристианизация и дебилизация. Вместо конструктивного славянофильства и украинофильства возникает русофобия, сплывающая антирусский мир.

События начала XXI века свидетельствуют о необходимости напомнить об опасности радикализма, экстремизма, ксенофобии и нацизма. Возрождение элементов национал-социалистической идеологии в Европе – очень тревожный симптом. Опасно, в частности, и “отбеливание” злодеяний А. Розенберга, которого некоторые озабоченные в национальном плане псевдопатриоты Украины ошибочно считают украинофилом. В год 70-летия Великой Победы сделаем небольшой экскурс в историю Великой Отечественной войны.

Концептуально важно отметить, что нелюбовь к русским объединяет не только современных украинских экстремистов и нацистов. Антирусская истерия, неприязнь и кликушество являются чертами многих жёстких радикалов, утопистов, иногда кровавых злодеев и воинствующих антигуманистов. Розенберг люто ненавидел Россию и русских, считая их “вредной, неполноценной, а вместе с этим опасной нацией”²⁶. Допуская возможность предоставления Украине ограниченной автономии, он считал, что “Украина под немецким протекторатом должна была стать противовесом полякам и русским, которые должны были потерять свою государственность”. Фашисты боялись советского патриотизма и особенно страшились пробуждения русского национального сознания и русской народной государственности. Россия рассматривалась как стержень СССР. А. Розенберг в разное время по-разному хотел расчленив Россию. Он хотел передать в подчинение украинскому правительству Воронежскую, Курскую, Тамбовскую и Саратовскую черноземные области России, а также планировал поделить Украину на 8 генеральных округов общей площадью 1,1 млн кв. км с населением 59,5 млн человек. Для сравнения (во многих странах актуальны вопросы этноцида и геноцида): население Украины в 1940 году было 40,1 млн человек, в феврале 1943-го – 16,9 млн человек; в 1992 году – более 52 млн человек, в середине 2013-го – около 45 млн, а в начале 2015-го – ещё меньше.

Как можно было за двадцать с небольшим лет потерять миллионы? Таки-ми темпами украинцы, к великому сожалению, могут разделить участь ряда вымерших народов. Нужно констатировать, что одна из причин этого – неправильное самосознание, ложная самоидентификация, “самоопределение в никуда”. Вспомним, за что воевали ранее на Руси? За Веру, Царя и Отечество! А девиз афонских монахов и казаков – “Православие или смерть!” И что же предлагают нам сегодня?.. Неужели нужно забирать чужую или отдавать свою жизнь за пачку обесценивающихся долларов, за некую (очевидно чужую) или за непонятно чью (определённо – не за свою!) иллюзорную волю. Ведь у гроба нет карманов, у трупа – нет воли, не земля “идёт” к человеку, а человек – в землю. Свобода подменяется не только вседозволенностью, но и абсурдом: жизнь и свобода во Христе заменяются жизнью и свободой в смерти и смертью за золотого тельца или даже не за “живу как хочу” (XX столетие), а “живи и умирай так, как непонятно кому (кому-то и где-то) надо (стандарты не только нацистского Нового мирового порядка)”!

Первоначально А. Розенберг предлагал расчленив СССР на 7 географических зон. Особо выделялись зона “Украина”, к которой переходили новые земли, включая Крым, Белоруссия (её столицей мог стать Смоленск), прибалтийские республики, Кавказ и Средняя Азия (Русский Туркестан). Позже на бумаге он раскраивал нашу великую страну на другие 4 блока: Великую

Финляндию, Прибалтику, Украину и Кавказ, причём их границы простирались до Урала. Ещё до начала нацистской агрессии на СССР А. Розенберг говорил: “Нужно сделать всё возможное, чтобы разбудить, наконец, украинское национальное самосознание, при этом надо действовать с большой заботой и вниманием”, а по свидетельству американского дипломата У. Буллита, немецкая пропаганда накануне войны полностью велась “в украинском националистическом духе”²⁷.

Украина действительно занимает уникальное геополитическое положение, являясь географическим центром Европы, геостратегической доминантой и неисчерпаемой культурной сокровищницей. Мягкий климат, плодородная земля, здоровое и красивое население стали объектом зависти многих нацистов. Так, например, Борман, дивясь крепости и дородности славянских детей, боялся этнического натиска русских (он, кстати, не выделял отдельно украинцев, считая их частью единого русского народа). Массовый вывоз людей в Германию происходил преимущественно из Украины. Известна также тайная операция по депортации детей в возрасте от 10 до 14 лет под названием “Сено”.

Нацисты понимали, что Украина – один из оплотов восточнославянского мира, православной цивилизации, европейской и даже евразийской культур. Свидетельством тому – творчество Н. Гоголя, В. Вернадского, Д. Туптало, Г. Сковороды, Т. Шевченко, И. Котляревского, достижения учёных Харькова и Донецка, Днепропетровска и Одессы, духовное значение Киево-Печерской, Почаевской и Святогорской лавр, богатейшие украинские чернозёмы (их оккупанты даже вывозили в 1941–1944 годах). Ещё до 1941 года украинские земли в течение многих столетий были объектом посягательства иностранных завоевателей (печенег, хазары, половцы, татаро-монголы, литовцы, поляки, крымские татары, турки, немцы, шведы). **Только в братском союзе с русским народом украинцы получали возможность и благотворные условия для успешного развития: военную поддержку, экономическую помощь и различное содействие для процветания.** Поэтому подавляющее большинство украинцев были убеждёнными патриотами Московского царства, Российской империи и СССР. Всё это знали и понимали фашистские идеологи, поэтому лицемерие, двуличие и лживость были характерны для оккупантов. Зная, что Гитлер относит украинцев к “семье кроликов” и, согласно нацистскому лидеру, “любые знания, данные им, в лучшем случае превращаются в полузнание”²⁸, А. Розенберг лукаво заигрывал с украинцами, скрывая то, что в перспективе украинские земли должны были стать немецкими колониями, а украинцы – “освободить место для немцев”.

Несмотря на мастерскую агитацию, разжигание ненависти к Москве и русским, напоминания о голоде 1932–1933 годов, о репрессиях и ужасах красного террора, народ понял, что при немецких “освободителях” жить значительно хуже. Отступавшие оккупанты боялись массовых восстаний и уже в 1943 году пытались сделать поработённые народы (Украины, Прибалтики) союзниками, партнёрами нацистского псевдосодружества народов. А. Розенберг предлагал Гитлеру ввести на Украине должность рейхспрезидента и создать Национальный комитет. Частично идеи А. Розенберга поддерживал Й. Геббельс, подчёркивая, что победа Гитлера – в интересах всей Европы, а в официальных публикациях нельзя называть славян “варварами”, “зверями” и “неграми”. При этом глава рейхскомиссариата “Украина” Э. Кох подчёркивал: “Мы – господствующий народ, а это означает, что расово самый простой немецкий рабочий биологически в тысячи раз ценнее в сравнении с местным населением”. А. Розенберг предлагал усилить оккупацию Украины с помощью голландцев, норвежцев, французов. Он разделял мнение Й. Риббентропа, который подчёркивал, что “без Украины нельзя будет обойтись”. В дальнейшем же нацистам нужна была Украина без украинцев. Идея великой Украины становилась всё больше антиукраинской: Украина рассматривалась большой колонией – и не более. Э. Кох озвучил идею нацистского истеблишмента: “необходимо остановить биологическую силу славян”, а украинцев надо держать “в состоянии примитивном и полезном для нашей работы”²⁹.

В итоге нацистское разделение народов СССР по национальному признаку и попытка создания новой псевдосвободной квазивеликой Украины, несмотря на активные старания гитлеровской верхушки, потерпели крах. Массовые убийства (за смерть одного немца могли повесить сто невинных людей), коллективная ответственность (в том числе сожжение сёл и расстрелы

детей за действия третьих лиц) и прочие жестокости отражали нацистскую “справедливость”, расовую теорию. Ужасы нового порядка затмили перегибы сталинизма. Довоенные большевистские репрессии и несправедливость поблекли в сравнении с бесчеловечными кровавыми оргиями гитлеровских изуверов. А. Розенберг и другие нацисты, желающие учредить новый мировой порядок (в том числе Украину без украинцев), проиграли. Иначе не могло и быть, ведь все люди – братья. 70 лет назад история подтвердила ущербность нацизма, русофобии и иных человеконенавистнических идей. Это касается и концепции А. Розенберга, где не было места ничему подлинно украинскому, а было шароварное преклонение пред нацизмом, отход от гуманизма и общечеловеческих ценностей.

Война всегда провоцируется не духовными личностями. XX век – это период массового уничтожения православного народа, православной архитектуры, традиции и культуры в целом – всего, что связано с Православием. Построение “нового общества” сопровождалось разрушением общества старого, традиционного. Не удивительно, что новым правителям под стать позорная слава куда большая, чем печальная слава молодого безумного эфесянина, сжёгшего в 356 году до н. э. в родном городе храм Артемиды. Герострата казнили и даже попытались предать его имя забвению.

* * *

Многие разрушители прошлого были уничтожены своими же соратниками и последователями. На смену инициативе, энтузиазму, подвигу и героизму пришли пьянство, разврат, наркомания и деморализация. Это латентное падение отразилось на представителях элиты и на людях “из народа”. Наркоманом оказывается далеко не только внук многолетнего лидера Украины В. Щербицкого, взяточниками – не только отдельные преподаватели, а спекулянтами – не только работники торговли. Безрелигиозность и псевдодуховность как ржавчина разъедали коммунистический аппарат, результаты десятилетий распада и гниения стали явственно проступать в 80-е годы XX столетия. В народе неформалы из предмета порицания превратились в своеобразную норму, коммунизм стал восприниматься как идеологическая сказка, завтрашний день отличается неопределенностью, вчерашний объявляется заблуждением, а сегодняшний – гнетущим поиском. И тут настают знаковые даты: 1000 лет Крещения Руси (1988) и 400 лет Патриаршества (1989). Сотрудник Института русской истории РАН А. В. Марчуков отмечает: “власти СССР... выполняли доктринальные и идеологические установки и не давали укрепиться среди населения УССР (как и среди самих русских по всему Союзу) русскому сознанию, идее национального единства украинцев (вчерашних малороссов) и русских (вчерашних великороссов). Русского фактора власть боялась больше всех местных националистов вместе взятых. И потому не допускала малейших, самых потенциальных его проявлений даже в культурной жизни страны, не говоря уже о политической. Само признание в СССР *русского вопроса* и тем более стремление в нём разобраться означало бы коренной пересмотр того отношения власти к русским, на котором строилась вся советская национальная и внутренняя политика. Отношение к ним не как к народу, самостоятельной исторической и национальной общности со своими интересами и нуждами, а как к безликому, безнациональному *населению*, призванному нести на себе основную тяжесть государственного бремени, не то что не получая за это каких-то преимуществ, но и по целому ряду моментов оказываясь в заведомо неравноправном положении по сравнению с другими народами СССР. А также логично следующий за этим взгляд на русских, украинцев и белорусов как на три хоть и братских, но *разных* народа с *разными* национальными культурами, языками и, соответственно, историческими путями. А пересматривать такое отношение, а с ним и всю свою политику вообще, власти вовсе не собирались. Местная украинская номенклатура, эксплуатируя этничность, тем самым поддерживала свою этнократическую власть. А третья заинтересованная сторона – украинская гуманитарная интеллигенция – таким образом воплощала в жизнь идейные принципы “украинского проекта”, разработчицей и носительницей которого она являлась, и отгораживала “свою” нацию от русской. И эти задачи и после 1991 года плавно перетекли

в современность, продолжая сохранять актуальность для интеллигенции и властей уже постсоветской Украины”³⁰.

Распадающееся от непонятных и фальшивых прозападных исканий и шатаний, могучее государство вновь, как в 1940-х годах, пытается опереться на традиционную духовность. В конце 1980-х все чаще, – но уже с запозданием – говорят о культуuroобразующей и государствообразующей роли Православия, о семье как о малой церкви, о личном духовном выборе как знаковым факторе... 1990 год стал последним, пока не превзойденным годом успехов экономики Украины и годом конца духовного поворота к лучшему. Символично, что в этот год Украину посетил патриарх Московский Алексей II. Уже в 1991 году дали сбой экономические показатели и нарушилась политическая стабильность, напомнили о себе сектанты, автокефалы и греко-католики. Пройдет всего несколько лет, и православную духовность Украины поразит глубокий раскол (создание Киевского патриархата), “расцветет” криминальное “Белое братство”. Происходит подмена понятий, сублимация ценностей и смена акцентов. Выражения типа “Киев – мать городов русских”, “Киев – сердце, а Москва глава Руси” становятся всё более архаичными.

После 1991 года создаётся тип неких “спецов” в противоположность таким мировым светилам, как Н. Гоголь, Д. Левицкий, В. Боровиковский и сотни других гениальных юноруссов, обогативших мировую культуру. Малороссы в ходе многочисленных военных конфликтов в XVI–XVIII веков массово поддерживали московитов, противились и антирусским польским восстаниям в XIX века. Но иностранным ставленникам удалось внести в русский мир внутреннюю вражду и ненависть. Всё больше граждан Украины верят в новую политико-правовую и культурно-историческую мифологию. Почва к национальному самолюбанию была заложена в XX веке, когда стали уже говорить, что Адам и Ева были... украинцами!

Вакханалия псевдоисторических “открытий” заполнила программы радио и телевидения, которые убеждали, что “именно украинцы населяли эту землю 45 тысяч лет назад”³¹. Украинцы, идя с горы Арарат, стали, по сути, “пра-родителями всех”. После просмотров передач типа “ДНК – портрет нации”, “ДНК 2. В поисках женщины” становится ясным, почему украинцы – “самые аутентичные потомки кроманьонцев”, или “самый древний народ Европы”. Писательница И. Карпа, актриса О. Сумская и ряд иных деятелей культуры это одобряют. Печально, что нынешняя украинская интеллигенция в лице отдельных представителей буквально шокирует мир квазиисторическими “открытиями” и псевдокультурными “находками”. Усиливается риторика украинской “особенности” и “избранности”, и далеко не только Адам и Ева “превращаются” в украинцев.

Появились утверждения, что Украина – это колыбель человеческой цивилизации, ведь именно отсюда люди начали расселяться по планете. Христианизированный миф свидетельствует, что ковчег Ноя остановился на Украине, и в окрестностях Киева возникла цивилизация Гиперборея, от которой, по мнению последователей И. Каганца, пошли все младшие общества и государства. Ю. Шилов и ряд других современных мифотворцев считают, что Трипольская цивилизация – это самое древнее государство планеты. Не менее сенсационны “открытия” зиц-исследователей того, что украинцы населяли не только Трой и Рим (В. Бебик), но даже учили астрономии, математике и физике древних американцев – майя, ацтеков и инков. Показательными стали и “сенсации” о том, что Иисус Христос был галичанином (Ю. Каныгин), а Будда был просто украинцем (В. Бебик) (см.: Корреспондент. №1 (540), 11 января 2013. С. 27).

Разумеется, Мухаммед тоже мог бы быть объявлен киевлянином или львовянином, но вроде ещё не стал таковым (вероятно, останавливает ревность мусульман). Небезынтересно было бы многим узнать, что украинский борщ – “древнее трипольское блюдо” (Голубов А. Троя на Днестре // Корреспондент. № 1 (540), 11 января 2013. С. 27). Но ведь даже в Киевской Руси борща ещё не было! О древних отцах мира – разумеется, о чудесных украинцах! – время от времени вспоминают те украинские псевдоинтеллигенты, которые чувствуют комплекс неполноценности. В то же время история и культура Украины богаты многими уникальными событиями и малоисследованными источниками. Так, в 1638 году монах Киево-Печерской лавры Афанасий Кальнофойский написал малоизученную вплоть до 2015 года “Тератургиму”. Это описание 67 ве-

ликих чудес и сверхъестественных историй, свидетелем которых якобы был он сам или слышал о них от очевидцев (явления Богородицы, святых, воскрешения умерших, изгнания преподобными Антонием и Феодосием Печерскими бесов). “Тератургимма” была не просто церковной и культурной, но и, что особо актуально сегодня, общей восточнославянской святыней³².

Не всем под силу изучать те истории, которые содержатся в исторических источниках, включая малоисследованную историю отечественных чудес – “Тератургимму” и иные древние манускрипты. Легче выдумывать научно-образные сказки и мифы *в стиле пеплум*, содействуя украинской культурной деградации и национальному клиоциду. Ещё в начале украинской независимости (1992–2006) “треть всего археологического наследия Украины была уничтожена”³³.

В 1990-х годах кандидат исторических наук А. Дубина “обосновал”, что украинцы не только открыли Америку, но и “что Украина является колыбелью мировой цивилизации”³⁴. Украинцы “решали судьбу” многих континентов, создавая культуру и развивая историю тамошних автохтонов. Так, “доказано украинское происхождение мамелюков, которые правили в Египте с 1250 по 1517 год”³⁵. Христофор Колумб, оказывается, был “стопроцентным украинцем” из Коломыи (Ивано-Франковская область). Соратник Колумба Хуан де Коса тоже объявлен украинцем, а его имя – модификация от Ивана Казака. Группа украинцев-первооткрывателей имела сугубо “национальные” планы. Открыватель Америки скрывал “и цель, и результаты своих путешествий, чтобы совершить в будущем переселение украинцев на открытые им земли”. С 1966 года на жёлто-синем флаге Барбадоса красуется украинский национальный трезубец, намекая на “свою” подлинную “историческую” и “культурную” метрополию. **Отсюда американцы – потомки украинцев и должны проявлять заботу об Украине.** В воспалённом воображении фамилия Магеллан имеет “историко-этимологические” связи с “могилой”, Америго (Америго) Веспуччи берёт свое происхождение от украинской “кручи”, Васко да Гама – от “гомону” (“гомон” – по-русски “шум”), а Франциско Писсаро “напоминает писаря украинского казачьего войска”. (Не он ли писал письмо турецкому султану?!). Культура казаков была известна от Адриатики до Дальнего Востока, казаки действительно совершали великие подвиги в Европе и в Азии, но зачем их “засылают” в Перу и на Мадагаскар?

Появилось на Украине и “передовое” мнение – принять судьбоносную революцию 2014 года за точку отсчёта новой мировой истории и культуры. Осуждая методы большевиков, некоторые революционеры перенимают их приёмы (разрушение памятников, переименование улиц, площадей и других объектов). Иногда за красивыми словами о святой и великой стране скрываются радикальные, экстремистские и ксенофобские настроения. Для меня как для гражданина Украины – Украина дорогая и любимая страна, которая сегодня должна быть не только единой и неделимой, но и такой, какой она была всегда: доброй, щедрой, гостеприимной, любвеобильной! Соборность Украины нельзя ставить под сомнение!

Больно и обидно, что нас, украинцев, планомерно уничтожают и разъединяют с единокровными и единоверными братьями русскими. Причём уже не только водкой и “окорочками Буша”, но настоящей бойней на Донбассе. Разъединённая Русь ослабевает и становится лёгкой добычей наследников “тевтонцев” и иже с ними. После майдана на Украине хотели мира, а оказались на войне, желали богатства, а получили бедность. Для поклонников Европы напомним слова великого русского поэта Фёдора Тютчева.

*Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не снискать признанья от Европы:
В её глазах вы будете всегда
Не слуги просвещенья, а холопы.*

Выдающийся поэт в 1867 году написал эти строки как приговор нерассудительным восточнославянским поклонникам Запада. В наше время многие суждения Ф. Тютчева также очень актуальны, особенно для граждан независимой Украины. Неужели 2014 год ничему не научил? Неужели за очевидные истины придётся платить кровью и смертями? Хочется надеяться на рассудительность, мудрость, любовь и доброжелательность наших политиков, зако-

нодателей и иных вершителей судеб. Необходимо, чтоб единство восточных славян, и, прежде всего, духовное, настало как можно раньше, а украинцам особенно важно понять, где — истинный друг, а где — лукавый враг. Иначе ошибка может стать фатальной, и реальностью станет мечта гитлеровских злодеев (Украина — без украинцев, Россия — без русских). **Гитлеровский монстр просуществовал немногим более десятилетия, но он может возродиться в новых мутационных русофобских (шире — античеловеческих) формах.** Хочется надеяться, что настанет время вразумления, и новые законы создадут новую правовую реальность, способствующую развитию подлинно братских отношений украинцев и русских. И в центре Киева не будет оскорбительных и вызывающих русскоязычных надписей типа: “Хороший русский — мёртвый”...

Полонизация, германизация и вестернизация — всё это звенья одной цепи, направленные на разъединение, ослабление и порабощение всего славянства и его сердцевины — восточнославянской общности России и Украины. Зло одурманенных людей направлено на подрыв нашей традиционной восточнославянской цивилизационной идентичности, щедрой, богатой и великой украинской культуры. История убедительно свидетельствует, что субкультурные этнолингвистические особенности не искореняют единства восточнославянской цивилизации. Общность в многообразии (триединстве или даже более) не разъединяет, а делает более разнообразной, богатой и ценной простор единой и уникальной восточнославянской цивилизации, единого суперэтнуса восточных славян. Рано или поздно эта истина будет закреплена не только духовно, но и законодательно.

* * *

Сегодняшняя Украина (и это очень больно констатировать как печальный и прискорбный факт!) намного менее привлекательна, востребована и интересна, чем была, например, ещё до аварии на ЧАЭС в 1986 году. Украина, к сожалению, уже не столь богатая житница, не мощная индустриальная цитадель и не курорт, а либо своеобразный буфер, либо “зона” между крупными геокультурными, геополитическими и геоправовыми игроками. Сердце кровью обливается за дорогую, любимую Украину... В 2014 году заслуженно вспоминали 700-летие Сергия Радонежского, и сегодня для славянского мира актуальны слова святого Сергия: **“единением и любовью спасёмся”**.

Академик НАН Украины П. Толочко в работе “Нас разрывают на части!” отмечал, что, каким бы испытанием ни подвергались отношения русского и украинского народов в прошлом, в конечном итоге их православно-цивилизационная общность и этническое родство оказывались сильнее.

Сегодня вновь западные и южные земли Святой Руси переживают новое духовное искушение. Проблема не столько в пришлых чужеродцах, сколько в антиправославных веяниях и антирусских настроениях. На Святой Руси всегда было место для дружелюбных иностранцев и иноверцев. В украинском правительстве сегодня есть выходцы из Прибалтики и Грузии, ближайшими партнёрами Украины выступают Польша и США. В общественном мнении Украины всё чаще слышны предложения отказаться от кириллицы и перейти на латиницу. Ведь в Польше и в ведущих европейских странах принята латиница, а мы, восточные славяне, якобы отстаём из-за того, что “пишем не так”, пользуемся “не тем алфавитом”. Следуя лозунгу “подальше от Москвы”, некоторые готовы перевести украинский язык на латиницу. Не про них ли, пресмыкающихся пред западными господами, писал Тарас Шевченко: “славных прадедов великих правнуки поганые”? Культурная унификация и духовная интоксикация с вестернизацией и грядущей латинизацией (будет чем заняться непризнанным писателем и иным “гениям” от литературы!) сделают Украину неукраинской. Тогда, лет через тридцать, не исчезнет ли, к сожалению, термин “Украина”? Не появится ли некая “Вестландия”? Её и “иконизируют”. Львов опять переименуют в Лемберг, а Ужгород — в Унгвар. А желающим именовать Львов Бандерштадом напомним, что Львов стал украинским благодаря советскому (а не бандеровскому) освобождению.

Украинская культура — великая культура и не нуждается в досужих выдумках, вымышленных достижениях и несуществующих успехах, в “новых моделях”

альтернативных историй и культур. Крайности страшны: некоторые посягают не только на единство и целостность великой, нераздельной европейской страны, но и на гимн Украины. По мнению отдельных исследователей³⁶, гимн сложен для восприятия. “Частица “не” с глаголами не усваивается мозгом, мы слышим “умерла Украина”. Денис Папкин отмечает: “Гимн не просто депрессивен. Он ещё и актуализирует это состояние на момент звучания, происходит рефлективное подкрепление комплекса неполноценности”. В то же время, борьба контркультур и других субкультуриподобных образований на общем культурном фоне или социальная и общественная вражда и потасовки в человеческих сообществах иногда очень напоминают групповые и массовые шизоидные и эпилептические состояния, которые являются своеобразными характеристиками ряда групп в XX и XXI веков. Вместо монолитности возникает распыление, вместо консолидации – разъединение. Национальные субкультуры обычно составляют свои неповторимые системы, отчасти замкнутые (хотя есть совершенно разные субкультуры, как закрытого, так и открытого типа).

Необходимо отметить и существенные социокультурные изменения и сломы в субкультурном пространстве великой Украины, вызванные в том числе и революциями 2004 и 2014 годов. **Когда в любом народе с пьедесталов сбрасывают традиционных героев – это опасный симптом. Современные манкурты – это не просто актуальная проблема контркультуры и псевдоплюрализации начала XXI века. Это животрепещущая, кровотокающая, разрушительная антикультурная трагедия не отдельных стран, а всего современного глобализируемого мира.**

В этой связи напомним слова С. Грабовского о том, что на Украине “в начале 2000-х из учебных программ как-то так незаметно исчез сталинский термин “Великая Отечественная война”, а потом было “бурное участие студенчества и старшеклассников по всей стране в оранжевой революции”³⁷. Не менее актуален и вопрос: “Почему столько новейших “докторов геббельсов” выросло в Украине в 1990-е на западных грантах?”. Культурно-исторические начала сегодняшних “шатаний и исканий” отдельных украинцев вполне понятны, они напоминают проблемы отдельных сказочных героев: “найди то – не знаю что” или “не знаю, чего хочу, а что могу – не ведаю”. Традиционно “кризис” интеллигенции на Украине, особенно Западной, обозначал смену ценностных ориентаций (иногда даже религии – бегство в униаты, католики). Обуславливалось это тем, что некоторые приспособленцы “под кого попадали, тому и служили”. Часть интеллигенции Западной Украины то “опоячивалась”, то “онемечивалась”, то подражала чехам, то венграм, то румынам. В советское время она едва не вернулась к истокам, то есть почти “обрусела”.

Исторически польским вождям на протяжении почти трёх столетий – в ходе противостояния поляков с великороссами – не получилось превратить жителей Украины (“хлопов”) в полуполяков (якобы забывших свои корни). Малороссы в ходе многочисленных военных конфликтов в XVI–XVIII веках массово поддерживали москвитов, противились “хлопы” и антирусским польским восстаниям в XIX веке. Но польским ставленникам (хлопоманам и иным украинофилам) удалось внести в русский мир внутреннюю вражду и ненависть. На Украине молчат о русском геноциде на западе Украины в 1914–1917 годах, об ужасных концлагерях Первой мировой – Талергофе и Терезине. **Были казнены десятки тысяч карпатских русских** (среди них – дети 5–7 лет и даже грудные младенцы)³⁸, сотни тысяч сторонников Москвы стали узниками концлагерей, миллионы были депортированы. Множество галичан-русинов погибло во время депортации вглубь Австро-Венгрии, а при отступлении русской армии в 1915 году до 400 тысяч человек бежало в Россию. Сегодня западные украинцы – наиболее продвинутая часть украинизированной системы, они – дети своих родителей, а не далёких прапрадедов и пращуров, часть из которых мужественно умирала за общерусское единство. А шире – за надместечковые, супернациональные, всемирно-русские идеалы, смыслы и ценности. Петлюровская и иная “национально-сознательная” интеллигенция была менее образована и квалифицирована, чем царская. Это же касается массового создания первого поколения рабоче-крестьянской, социалистической интеллигенции.

Украинская культура – одна из богатейших в Европе, украинский народ – талантливый, трудолюбивый и мирный. В украинской истории и культуре много знаковых дат и событий, множество славных имён и героических сверше-

ний. Больно, что на щедрой, великой и гостеприимной Украине пытаются культивировать комплексы неполноценности, ущербности и недоразвитости, прикрывая их псевдовеличием и квазипатриотизмом. Важно дальнейшее плодотворное развитие одной из богатейших духовных традиций Европы – прославленной, жизнеутверждающей и человеколюбивой украинской культуры. Необходимо, в частности, вспомнить славные достижения украинской культуры времён Великой Отечественной войны. Это особенно актуально в годовщину 70-летия Великой Победы, которую отмечает всё прогрессивное человечество.

Вместо сожжённого постыдным Геростратом храма эфесяне построили ещё лучший храм Артемиды, ставший третьим “чудом света”. Может быть, так случится и на Руси? Ведь не зря период конца XX и начала XXI века называли вторым Крещением Руси. Может, засияют новые, ещё более прекрасные московские, киевские и иные храмы? И, что важнее, восстановятся лучшие восточнославянские традиции и возродятся храмы людских душ.

В 2015 году среди многих славных дат, кроме 70-летия Великой Победы, выделяется тысячелетие славной кончины крестителя Руси – святого равноапостольного великого князя Владимира Великого, а потому особое политико-правовое и культурно-историческое значение приобретает Крым, в том числе Севастополь (Корсунь, Херсонес) как место крещения русского князя-просветителя. Современная Русь нуждается в православных апологетах и миссионерах, а не в популяризаторах и агитаторах развратной жизни. Людям нужен духовный подвиг, стяжание благодати, аскетизм и подвижничество, непрестанная работа сердца и разума. Без христианского вектора развития мир обречён на самообман, саморазрушение и на построение новой Вавилонской башни. Нас хотя бы принудить отказаться от великого наследия святых Кирилла и Мефодия, Нестора Летописца, святых отцов Древней Руси, духовных сокровищ преподобных Антония и Феодосия Киево-Печерских и всех иже с ними, а шире – заменить нашу ментальную парадигму, заставив отречься от заветов святого апостола Андрея Первозванного и святого равноапостольного великого князя Владимира Великого.

Как ни удивительно это звучит, но сегодняшние реалии созвучны многим событиям прошлого. Это иностранное засилье, западная агрессия, привнесённые на Русь духовные иллюзии, культурные суррогаты, эфемерные ценности, соблазнительные примеры, антирусские настроения и т. д. Америка и Европа стремительно дехристианизируются. Современный, уже постхристианский западный мир несёт нам сомнительные ценности, смыслы, эталоны, образцы и идеалы; европейские стереотипы и картины мира всё чаще приближаются к антихристианским утопиям. Под прикрытием плюрализма и свободы откровенно деструктивные проявления (радикальные, экстремистские, маргинальные практики) пытаются претендовать на равенство с устоявшимися традиционными достижениями, с базовыми культурными ценностями и достоянием. Не станут в один ряд великие украинские народные песни и конъюнктурные рифмы во времени. **Победим любовью – ненависть, добром – зло, правдолюбием – лукавство, честностью – лицемерие. Как никогда актуальна сегодня для украинцев аксиома мудрого писателя южнорусского происхождения Н. В. Гоголя: “Не полюбивши России, не полюбят вам своих братьев”** (Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями).

Важно отметить следующее.

История как процесс культурного развития (часто линейно-циклической и спиралевидной направленности) и трансформации должна отвергать лукавые измышления лжемудрецов века сего. Враги консолидации православного мира всегда искали, ищут и будут искать доводы для разобщения православных народов, сеять плевелы на исконных землях Святой Руси, разжигать розни, междоусобицы и недоверие между братьями по духу и по крови.

Святой благоверный князь Александр Невский, спасавший Русь от западных врагов, мудро учил, что “не в силе Бог, а в правде”. Истинная Правда Божия была с защитниками Православия на оккупированных поляками и иными пришлыми иноверцами западной части Святой Руси. И, словно солнце, сияли многие праведники даже на самых отдалённых землях Червонной, Чёрвлёной и Черной Руси, просвещая народ Словом Божиим.

Мы должны помнить о духовном единстве, об общих истоках, о великой духовной миссии, возложенной на наш исторически и духовно триединый русский православный народ, разделяемый на отдельные нации.

Сегодня именно славяно-православная цивилизация, являясь солью планеты Земля, остро нуждается в новых подвижниках, в передовых ревностных людях, в личностях такого масштаба, какими были преподобные Антоний и Феодосий Киево-Печерские, святой Нестор Летописец, святые Сергей Радонежский и Павел Тобольский, диакон Иоанн Фёдоров и праведный Иоанн Кронштадтский, а также многие другие. Только любовью, добром, истиной, взаимопониманием, конструктивным диалогом, рассудительностью, верой, надеждой и иными добродетелями будут спасены Украина, Россия и вся планета. Ведь “не стоит град без святого, а деревня без праведника”. Вспомним мудрые и великие слова наставника святого Ионы Киевского, преподобного Серафима Саровского: “Стяжи дух мирен, и тысячи вокруг тебя спасутся!”

ЛИТЕРАТУРА

1. Севастьянов А. Судьба русского народа решается в Донбассе. “Наш современник”. 2014, № 8. С. 244.
2. Казинцев А. И. Новые политические мифы: Опыт публицистического исследования. М., “Молодая гвардия”, 1990. С. 223.
3. Бутенко И. Что должен знать каждый об украинцах. // Свободное слово Карпатской Руси. 1971, № 7–8. С. 2.
4. Рерих Н. К. По лицу земли. // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. М., 1994. Ч. 2. С. 206).
5. Путин В. В. “Россия: национальный вопрос”. soberview.org/politics/putin/russian-national.html 210
6. Головацкий Я. Ф. Об отношениях галицких русинов к соседям. // Основа. 1862. № 5. С. 62-63.
7. Каревин А. Русь нерусская (Как рождалась “рідна мова”) // А. Каревин. М. : Имперская традиция, 2006. С. 224. <http://russian.kiev.ua/books/karevin/rusnorus/rusnorus01.shtml>
8. Бутенко И. “Что должен знать каждый об украинцах”. Мюнхен, 1948. newzz.in.ua/dolzhen-znat-kazhdyj-ukraincakh.html
9. Щёголев С. Н. Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма. К., 1912. С. 50–51.
10. Железный А. Происхождение русско-украинского двуязычия в Украине. Киев, 1998. russian.kiev.ua/books/zheleznyj/pdu2/pdu2.shtml215
11. Каревин А. Украинский язык. История становления и развития. К., “Киевская Русь”, 2011. С. 52.
12. Радзиевский В. А. Восточнославянская субкультурная общность России и Украины: историко-этнолингвистический экскурс // Перспективы скоординированного социально-экономического развития России и Украины в общеевропейском контексте. Труды второй международной научно-практической конференции / РАН. ИНИОН. Отдел научного сотрудничества и международных связей. Отв. ред. Ю. С. Пивоваров. М., 2014. С. 263–268.
13. Добрянский А. И. О современном религиозно-политическом положении Австро-Угорской Руси. М., 1885. С. 11–12.
14. Каревин А. Украинский язык. История становления и развития. К., “Киевская Русь”, 2011.
15. Радзиевский В. А. Восточнославянская субкультурная общность России и Украины: историко-этнолингвистический экскурс // Россия и современный мир = Russia and the contemporary world: Научный журнал / РАН. ИНИОН. Институт экономики. Главный редактор Ю. И. Игрицкий. М., 2014. № 2. (83). С. 187-196.
16. Осечинський В. К. Галичина під гнітом Австро-Угорщини в епоху імперіалізму. Львів, “Книжково-журнальне вид-во”, 1954. С. 94.
17. Махно Н. Воспоминания. В 3 кн. К., Украина, 1991 (Репринтное воспроизведение изданий 1929, 1936, 1937 годов). Кн. 1. С. 113.
18. Гофман М. Записки и дневники 1914–1918. Л., 1929. С. 247.

19. Скрипник М. До теорії боротьби двох культур // Статті й промови. Т. 2. Ч. 1. 1929. С. 110.
20. Історія України: Документи. Матеріали. Посібник / Уклад., комент. В. Ю. Короля. К., ВЦ "Академія", 2002. С. 299.
21. Осипов В. Н. Памяти С. Н. Булгакова // Национальные концепции социализма и судьбы России. Сб. ст. Составитель и автор вступ. ст. Е. С. Троицкий. М., "АКИРН", 2004. С. 127.
22. Огієнко І. І. Українська церква: Нариси з історії Української Православної Церкви. У 2 т. Т. 1-2 / І. І. Огієнко. К., Україна, 1993. С. 165-166.
23. Огієнко І. І. Українська церква: Нариси з історії Української Православної Церкви. У 2 т. Т. 1-2 / І. І. Огієнко. К., Україна, 1993. С. 165-166.
24. Закон України "Про вищу освіту". <http://www.zakon.rada.gov.ua/laws/show/2984-14>
25. Кремень В. Г. Філософія національної ідеї. Людина. Освіта. Соціум. К., "Грамота", 2007. С. 45.
26. Кучер В. І. Україна 1941–1945: трагедія народу за фасадом Священної війни: Монографія. К.; Біла Церква, ТОВ "Білоцерковдрук". 2011. С. 116-117.
27. Стафійчук І. П. Могутня зброя партії: Ідеологічна, масово-політична робота Компартії України по мобілізації трудящих УРСР на відсіч ворогу (1941–1944). К., "Вища школа", 1985. С. 141.
28. Косик В. Україна і Німеччина у Другій світовій війні. Париж, Нью-Йорк, Львів, 1993. С. 513.
29. Косик В. Там же. С. 614.
30. Марчуков А. В. Украина в русском сознании. Николай Гоголь и его время. М., 2011. С. 203-204.
31. Бесчастная М. И Бог создал украинку // Еженедельник 2000. 8.XI.2013. С. 7.
32. Радзиевский В. А. К феномену субкультуры адептов чуда: теоретический дискурс // Культурная жизнь Юга России. № 2 (53). 2014. С. 11–15; Радзиевский В. А. Тайна "Тератургимы" и субкультура адептов чуда // Культура и образование. Ноябрь 2014. № 2 <http://vestnik-rzi.ru/2014/11/2493>
33. Іванов Д. Кліюцид по-українськи // Київ Weekly, 4 (237), 21–27 лютого 2007. С. 5.
34. Москаленко С. Как казаки Америку открывали // Радонеж, № 16-17 (61), октябрь 1997. С. 24.
35. Там же.
36. Захарова А. "Нашему гимну не хватает оптимизма" // Сегодня, 12 ноября 2013. С. 5.
37. Грабовский С. Украинская интеллигенция: горе от ума и от... грантов // Газета "ДЕНЬ". 2011. № 199.
38. Каревин А. "Русь нерусская" (Как рождалась "рідна мова"). <http://www.russian.kiev.ua/books/karevin/rusnorus/rusnorus01.shtml>.

ИВАН ЧАРОТА

доктор филологических наук, профессор

РЕАЛЬНОЕ ПРОТИВ ИДЕАЛЬНОГО

Перспективы союза Беларуси с Россией

Заявленная тема не формальности ради вынуждает исходно выделить понятия, которые принимаются нами в качестве ключевых и опорных. В данном случае это, прежде всего, *союз /союзное государство, воссоединение/реинтеграция, объединяющая русскость...* ими пользоваться мы должны безо всяких оглядок на то, что думают и говорят по этому поводу “внешние”, – к примеру, высокочтимые Обама, Кэмерон, Олланд, Меркель, Грибаускайте или Клинтон и им подобные. Причём мы сами, конечно же, во всех анализах и прогнозах обязаны как можно адекватнее оценивать реальные итоги декларирующегося государственного строительства. И признать: для *со-уз, которые* сложились на данный момент, уместно сравнение только с тем, что нынешняя молодёжь называет “гражданским браком”.

Понятно, основные проблемы создания настоящего союза предопределяются суровой реальностью глобального переустройства мира. И потому никак невозможно игнорировать вопросы геополитические, оборонные, государственно-правовые, социально-экономические, финансовые, торговые и т. д. В разных планах, к тому же, даёт о себе знать вроде бы неоспоримый закон: “Бытие определяет сознание”. Однако правомерно ли всё сводить только к “базису”, не уделяя должного внимания тому, что прежде называли “надстройкой”? Особенно если учитывать, что как раз её важнейшие составляющие не столь резко изменчивы, не в такой степени зависимы от “потребы” геополитики и “злости” текущих моментов.

Имеется в виду, прежде всего, общее духовно-культурно-историческое наследие, благодаря которому не только сформировалась общность наших народов, но и впредь могла бы сохраняться надёжная основа для восстановления общности, укрепления единства. Разумеется, при условии, что мы будем действительно заботиться о полученном наследии, о сохранности основы. В противном случае не миновать той мрачной перспективы, которую часто обозначает один мой уважаемый коллега и друг – выпадения из истории, а также из многовековой общности. Будучи уверенным, что по-настоящему великие дела не могут осуществляться без объективной критики и искренней самокритики, смею утверждать: как раз это большинством политиков, политологов, политтехнологов, идеологов и Беларуси, и России принималось в контексте общих деклараций, однако на практике недооценивалось либо оценивалось неадекватно. За всё это несёт ответственность, безусловно, так-

же гуманитарно-научная и творческая интеллигенция. И Беларуси, и России. Поэтому, имея в виду коллег российских, в очередной раз осмеливаюсь, по-братски, высказать предостережение относительно взглядов “с высоты” Останкинской башни и колокольни Ивана Великого. Они не всегда верны из-за угла зрения и соответствующей проекции. А нам наша реальность, на уровне глаз, видна отчётливее. В том числе и опасность, которая непременно даст о себе знать, ежели мы вместе, именно по-братски, не будем делать того, что должны ради истинного братства, в интересах соотечества.

Если же внимательно и беспристрастно анализировать, воздействуют ли должным образом объединительные процессы на ориентиры общественного сознания, то выводы получаются отнюдь не радующими. Увы, есть все основания говорить о том, что даже усугубляется сдвиг, произошедший вследствие развала СССР; в частности, значительная часть граждан Беларуси, особенно молодёжи, интеграцию общеевропейскую считает не менее привлекательной, а при этом более выгодной, нежели интеграция белорусско-российская... К тому же в РБ всё очевиднее становятся результаты происходящей дерусификации – важнейшего средства дезинтеграции по отношению к РФ. Причём если в “перестроечный” период антирусские установки открыто формулировались преимущественно имевшими радикальные взгляды деятелями Белорусского Народного Фронта, то есть незначительной частью общества, и поэтому находились в арсенале актуально-политической риторики отдельных групп, то впоследствии они нашли достаточно широкий отклик в среде национальной творческой интеллигенции, которая влияние их и, соответственно, раздвигательных идей ещё более распространила, умножила. И теперь антирусские настроения массовым сознанием воспринимаются уже не как чуждые “интересам белорусского народа”, а наоборот, соответствующие патриотическим задачам “продолжать возрождение”, “укреплять самобытность”, “отстаивать суверенитет”, утверждать принципы “мультикультурности” и “плюрализма” в противовес “российскому деспотизму”...

В связи с этим часто, и не без оснований, доводится слышать возражение: мол, простой народ-то считает иначе, настроен по-другому. Но вряд ли стоит преувеличивать удельный вес “народного мнения” в итогах политического переустройства. Всем нам известны итоги нескольких референдумов накануне развала СССР, а с другой стороны – результаты Беловежского и подобных соглашений. Иное дело, что народ в целом действительно должен больше ориентироваться на волю Божью, а не на декларации политиканов. Соответственно, взаимоотношения Беларуси с Россией и впрямь ещё могут основываться на том, что наши народы вышли из единой купели (Крещения) и собираются у одной чаши (Причащения), что они вместе создавали единое духовно-культурное пространство, поэтому представляют один культурно-исторический тип. При этом, однако, нельзя и невозможно прикрываться расхожей фразой: “Мы – один народ”. Такое утверждение, безусловно, имеет свой смысл. Только это смысл уже исторический, наподобие того, что дошёл до нас в изложении летописцев: “Един народ славянский”. Нужно согласиться, что звучат обе фразы гордо, а значит – пугающе для наших недругов и противников нашего единства. Но колесо истории невозможно открутить как на тысячелетие, когда в единоверии и единомыслии утверждался суперэтнос славян, так и на полтора столетия, когда были особые шансы для дальнейшего утверждения русской общности. И всё, что последствием произошло, теперь уже из истории не вычёркивается. А успело произойти многое.

Немаловажен и диапазон реакций на идею триединства русского народа в массовом сознании нынешних белорусов, особенно при столь бурно проявляющейся русофобии в Украине. Если использовать расхожую метафору “дерева”, то получается примерно вот что: общие корни одними безапелляционно оспариваются – “в основе нашего этногенеза балтский субстрат”, другими ставятся под сомнение – “кто его знает... ведь у нас не было симбиоза с финно-уграми, да и татаро-монголы нас не покоряли”; и единый ствол с могучими ветвями не принимается, как правило, во внимание – “он, даже если был, то многократно ломался, а сейчас мы видим не что иное, как отвалившиеся ветви”.

Впрочем, так или иначе, едва ли не преобладающему большинству белорусов уже внушена мысль, что верными, надёжными являются ориентиры исключительно западные, указываемые высокоразвитыми странами, “цивили-

зованными” народами, которые нам давно предлагают выгодное партнёрство. И вот что получается: место народов-братьев, которых мы не только ради патетики называли единокровными и единоверными, просто так может быть занято “партнёрами”. Спору нет, такие настроения сложились под влиянием основательно потрудившейся “прогрессивной” интеллигенции. Но не только. Ведь понятие “партнёрство” при обсуждении белорусско-российских отношений весьма частотно и в обиходе наших политиков.

А тем временем всё разгорается война цивилизаций, война мировоззрений, война идей и идеалов, война опорных смыслов бытия, война кодов сознания, война духовно-нравственно-психических моделей человека. . .

И охватывает она весь мир, имея уже очевидные результаты. Вряд ли кто-то сможет убеждённо оспаривать то, что на наших глазах существенно меняется самосознание многих народов глобально “перестраиваемого” мира. Налицо утрата разумного начала и контроля разума, собственно самосознания – исторического, национального, духовно-культурного. . .

Однако автор этих “горестных замет” собрался поразмышлять вслух не о других, более или менее отдалённых народах, а о народе моём, кровно родном. И не могу не поделиться тревогой из-за того, что у моих соотечественников-соплеменников за последние два десятилетия – в итоге “перестройки” советской и глобальной – самосознание подверглось весьма заметной деформации.

Приходится констатировать, что массовое общественное сознание граждан Республики Беларусь, как и большинства постсоветских республик, всё более подчиняется *идее Европы*. Причём дело-то в притягательности не идеи самой по себе, в её конкретно-историческом содержании или философской сути. Манящими, по прагматическим соображениям, оказываются всего лишь обещанные преимущества нового надгосударственного устройства жизни на континенте и, что особенно симптоматично, структур, на которых будто бы клином сошёлся свет – Европейского Союза, Европейского суда, Европейского Банка да плюс ещё общеевропейской денежной единицы. А вожделенность их для обедневшего после известных катаклизмов большинства населения бывшего СССР изначально предопределялась и всё ещё поддерживается идеологами соответствующего рода: “европейский стандарт”, “европейский уровень жизни”, “европейские ценности как общечеловеческие”, “передовая цивилизация Европы”, “достижения европейской культуры” и, конечно же, “объединённая Европа”, “общеевропейский дом”.

Вследствие соответствующей “промывки мозгов”, разного рода мытья и катанья, в Беларуси, прежде всего среди интеллигенции, уже в самом начале 1990-х годов нашлось немало тех, кто стал полагаться на преимущества идеологического “евроопта” и с энтузиазмом приступил к капитальному “евроремонту” унаследованного дома, а также к соответствующему “окультуриванию” среды: силами таких были созданы Европейский гуманитарный университет и просветительская организация “ЕвроФорум”, “Европейский клуб”, “Европейский учительский клуб”, учреждены “Европейская газета”, радиостанция “Европа Плюс” и т. д. и т. п. вплоть до “Еврообоев” и “Евродент Гинекологии” – “чтобы прояснить над Беларусью европейское небо...” [1]. Кстати, предпринимались также и активные попытки заменить кириллическую азбуку, которая, дескать, для белорусов сужает горизонты, ограничивает светлые перспективы интеграции в Европу. . .

Примечательно, что и до, и после того, как интеграционно-глобализационно-дебилизационный “процесс пошёл”, содержание фоновых идеологем вообще не подлежало хоть какому-то обсуждению, несмотря на то, что в каждом конкретном случае имелись поводы серьёзные. Скажем, когда нам в качестве идеального предлагалось “открытое общество”, всё же стоило уточнить: для чего оно должно быть открытым – для перевалочных баз чужого оружия и наркотиков, для распространения сатанизма, для культа силы, для разрушения семей, для беспредела деморализации, то есть для разрушения тысячелетних традиций и сформированного духовного генотипа? Да и когда декларировался “приоритет прав человека”, никто внятно не мог и даже не собирался объяснить, как эти права сочетаются с правами наций и народностей, то есть с процессами национально-государственной суверенизации в рамках существовавших объединений, равно как и с присвоением основных имущественных, да и гражданских в целом, прав новоявленными олигархами. Пропаган-

да “передовой культуры и цивилизации”, опять-таки, а priori отвергала опасения насчёт того, что мы оказываемся в страшной зависимости от кока-цивилизации, американской псевдокультуры, о которой автору этих строк один старый сербский монах сказал так: “Что нам ихнее, когда у нас в каждом сельском доме сохранились культурные ценности, в несколько раз старше самой Америки?!” От себя добавим, ради уточнения: наша славянская, православная культура – это понятие, производное от культа иного, нежели культ доллара или культ овцы Долли. И в этом её несомненная значимость, да и непреходящая актуальность.

Однако белорусов тоже манили ориентиры иные – ведущие в реальной перспективе к состоянию, которое публицист, соотечественник упомянутого монаха, без обиняков оценил следующим образом: “Огромное большинство народов мира уже окончательно утратило свои корни, подвергшись декультуризации. Вместо активного развития и созидания собственных культур они стали пассивными потребителями “интернациональных” суррогатов утраченных ценностей, то есть антикультуры “made in USA” [2].

Особенно опасным было то, что в сознании большей части белорусов из желанной европейскости как бы закономерно и неизбежно выпадала славянскость, в прежние времена по всем критериям чрезвычайно важная для белорусской “самости”. А со временем привычной стала установка, что славянскую общность следует понимать, как надуманный концепт, абстракцию. В лучшем случае, у нас она трактуется как произвольно выбранное сочетание – чего с чем, неважно. Одним словом, в белорусском обществе исподволь складывались предпосылки для деславянизации в определении геополитических ориентиров, а также и векторов эволюции сознания. В частности, симптоматично распространение специфических “теорий” этногенеза белорусов не как славян, а народа, сложившегося на балтском субстрате, по специфической литовской линии; или – на субстрате ятвяжском, опять же специфически, отдельно от русских, формировавшегося... Незаметно вроде бы самоценным становился вопрос именно о субстрате, а не существовавшей (что засвидетельствовано бесчисленным множеством документов) общности, в которой нынешние белорусы закономерно сами себя считали “РУСами”, “РУСичами”, “РУСкими”, “РУСинами”, “белоРУСцами” и как таковые именно воспринимались всеми иноземцами.

А к нынешнему времени под воздействием антирусских концепций уже выросло и воспиталось целое поколение граждан “суверенной и независимой” Беларуси, для которых по отношению к их стране, их согражданам не имеют особого значения, а то и просто неприемлемыми являются понятия “общерусские корни”, “общерусское этно-духовное пространство”, (бело)русский народ как “ветвь русской общности”, “составляющая русской цивилизации”, “сегмент/элемент русского мира”, не говоря уже о сохранившемся в историографии определении “Западная Русь”, которое по отношению к современности, геополитической реальности наших дней, в самом деле, вряд ли уместно. Какие-то частности этого большого вопроса действительно следовало бы выносить на широкое обсуждение, не позволяя при этом, чтобы производилось искажение главного. Но, увы, у нас все упомянутые выше понятия стали почти безапелляционно интерпретироваться как свидетельства утраты собственного национального сознания в результате влияния “российской имперской политики и идеологии”. Так что представители молодого поколения, особо не задумываясь, легко могут солидаризироваться с небезызвестным в среде белорусской “образованщины” Яном Станкевичем (1891–1976), который предлагал “...отбросить смешное и вредное название “белорус” и назвать себя нашим исконным славным именем кривичи (здесь и далее в цитатах подчеркивания мои. – И. Ч.) [3]. Стоит обратить внимание, что это позиция не одного Станкевича. Её поддерживал ряд представителей “возрождения” начала XX века. В частности, высокоавторитетный в кругах нынешней белорусской интеллигенции Вацлав Ластовский (1883–1938), считавший, что именованию “Кривія... предназначено в истории народа замкнуть круг времени, быть очистительным огнём, магическим дорожным знаком, целебной и живительной водой Возрождения Народа”, и активно это именование закреплявший своими историографическими и лексикографическими разработками [4]. Намерение “замкнуть круг времени” носителям такой идеологии окончательно реализовать пока не удалось. Однако сама эта идея, в “инвариантах”, развивается также

многими гуманитариями Беларуси наших дней – даже с усугублением антирусской-антироссийской и антиправославной направленности при интерпретации самых разных явлений. Например: “Заметим, что названия “Белая Русь”, “белорусский”, “белорусец” по отношению к нашим землям появились только в середине XVII в. Во время войн Московского государства с Речью Посполитой. Видать, именно от москвитцев исходила инициатива назвать жителей смежного государства [тех, кто исповедовал русскую (православную) веру] белорусцами. Потому использование термина “белорусы” было чрезвычайно удачным: это давало России возможность убедительно обосновать свою захватническую политику” [5]; “... Католичество, например, с его дисциплинированностью полезно подействовало на белорусскую психику, зачатки белорусского возрожденческого движения тоже появились в католической среде (К. Калиновский, Я. Баршчевский, Я. Чачот, В. Дунин-Марцинкевич, Ф. Багужевиц и др.), католичество оказало влияние и на православие, которое в Беларуси отличается от российского и не имеет ни цезарепапизма, ни крайней пассивности, оно открыло двери для белорусского народа и в международной жизни (например, Ватиканская радиостанция первая включила белорусские передачи в свою программу), и благодаря католицизму белорусы причисляют себя к народу Запада и др.”; “Разделы Речи Посполитой в конце XVIII столетия осуществили извечную цель Москвы по отношению к Беларуси, которая включала в себя, прежде всего, воцарение на наших землях православия и самодержавия” [6]; “Под тревожные звуки органа национальная душа не могла уснуть, в то время как “малиновый звон” густым елеем обволакивал, утихомиривал и расслаблял мятежные мысли и устремления. Я не собираюсь оскорблять ничьих нынешних религиозных чувств, я только пытаюсь понять объективное преимущество в нашем колониальном прошлом фермента западнохристианской евроцентричности. . . Нетрудно догадаться, какую официальную роль выполняло православие с конца XVIII в. на аннексированных российским царизмом территориях Беларуси. Оно проводило колониальную политику в духовной сфере (. . .) Тогда католицизм на Беларуси выступил альтернативой, средством защиты своей духовной независимости в условиях наступления царизма (. . .) Все лидеры бунтарей, повстанцев, косионеров тех времен были преимущественно из католической среды (. . .) В конце концов, и само понятие “католицизм” переводится как “общечеловеческий”, “международный”. . .” [7]; “Видать, кроме политических, есть и объективные, обусловленные состоянием и развитием культуры причины немассовости возрожденческого движения белорусов. Конечно, главная из них – подколониальное существование белорусской культуры в XX веке, существование ПОД культурой расейской” [8].

Результаты дерусификации сознания исторического получили уже закрепление не только в отдельных бесцензурных публикациях, но и в учебных пособиях для школ разных уровней:

так, для обозначения возврата русского языка (вместо польского) как языка школы, культуры и делопроизводства в конце XVIII и во второй половине XIX вв., общеупотребительным термином становится “русификация”, нередко с эпитетом “принудительная”;

многие историки вслед за публицистами подчёркивают значение “немосковских эпох” – особенно Великого княжества Литовского (1366–1569) и Речи Посполитой двух народов (1569–1795) – дескать, вместе с Россией предки нынешних белорусов были всего 120 лет (1795–1915), тогда как с Польшей – 236, да и удельные княжества, а затем ВКЛ тоже существовали без Московии;

давали всё-таки свои плоды публичные дискуссии, является ли для белорусов Отечественной война 1812 года, в ходе которой настоятельно предлагалось установить памятники не только белорусам, воевавшим на стороне французов, но и самому Наполеону; в ряде СМИ подобные вопросы ставились в связи с Первой мировой войной; такого же плана диспуты навязывались неоднократно и по отношению к войне Великой Отечественной (Второй мировой).

Уже четверть века у нас многие будто бы пекутся о национальной идее. Но, как правило, имея в виду не результат обобщённого исторического опыта нации, не выражение исконной сущности, не коллективное самосознание народа, а всего лишь желаемое актуальное политическое настроение, которое можно было бы выразить в лозунгах, ещё точнее – в слоганах, как сейчас го-

ворят. При этом сторонники так называемого “третьего белорусского возрождения” суть своего слогана, как правило, основывают на призыве-требовании: “Беларусь – в Европу!..” И ему, вроде бы, противопоставить нечего... Так что беспристрастному взгляду открывается реальность, без преувеличения, страшная: на этот катастрофически переломный момент *белорусы не имеют и как бы не желают иметь общей идеи национальной* в полном и прямом смысле этого слова, а добровольно согласны обходиться тем, что им предлагается в уготованной архитекторами нового мироустройства ситуации; хотя нас ведь ориентируют на дробление, вычленение отдельных компонентов синтеза национального и государственного начал, подчинение общей идеологии партийным интересам, таким образом способствуя не единению нации, а противопоставлению частей её, поляризации (“шчырыя беларусы” і “прыхільнікі аб’яднання з Расіяй, г. зн. знішчэння беларускасці”), провоцированию гражданской войны в специфических формах – слава Богу, пока ещё не таких, как на Украине. Соответственно, ведя речь о системе координат, в которой должна бы начертаться белорусская национально-государственная идея, мы никак не можем обойти чрезвычайно опасно проявляющееся безразличие к ряду важнейших моментов, необходимых при здравом уме для нормальной ориентации.

А разговор на данную тему, собственно, заводить не имеет смысла без объективной характеристики духовно-нравственного состояния, в котором оказалась “элита” нашего общества. И первое, что следовало бы выделить как определяющую черту сознания, – это растерянность. Впрочем, такая характеристика с полным правом может трактоваться как поверхностная. Не потому, что она неверная, а потому, что отражает лишь видимое любому незашоренному взгляду частичное и внешнее проявление более серьёзного и значительного по сути – общей потерянности, утраты ориентации, обусловленной всем произошедшим как за последние десятилетия, так и за последний век.

Собственно, размытыми оказываются едва ли не все начала, и прежде всего этно-духовные, за что белорусская интеллигенция несёт ответственность, ибо не сохранила в должной полноте историческое сознание, не закрепила истинных представлений о реально существовавших и существующих основах и даже о потребности в них.

Тем более что дезориентированность многих “творцов идей” очевидна уже в терминологии, в применяемом ими понятийном аппарате. Взять хотя бы опорную для данного случая категорию “нация/национальное”, использующуюся, за редчайшим исключением, некорректно, поскольку о белорусском как национальном – чего бы это ни касалось: языка, культуры, истории, государственности, геополитики – обычно речь ведётся по отношению ко всем временам, хотя вести речь о сформированности белорусской нации до XX столетия нет никаких оснований, и по-иному это не может освещать никто, кроме публицистов, которые первыми и единственно определяющими считают факторы актуально-политические, а объективно-исторические разве что упоминают, да и то в трактовке ситуативно удобной, а на самом деле – искажённой, вульгарно подчиняемой злободневности, то есть “злобе” дней наших. Именно потому для вместе взятых граждан РБ неопределимым оказывается исторический идеал своей национальной государственности, поскольку для одних он в Великом Княжестве Литовском (независимо от того, насколько оно было национальным, да и суверенным, самостоятельным государством), для других – в Белорусской Народной Республике (при всей её мифичности), для третьих – в СССР (с его, мягко говоря, специфическими принципами определения национально-государственного суверенитета).

В силу этого граждане Республики Беларусь вовсе не одинаково, а, наоборот, весьма различно относятся ко многим историческим событиям. Особенно таким, например, как битва под Оршей 1514 года, разделы Польши (1772–1795), присоединение белорусских земель к России в (1793–1795), польские восстания 1831 и 1863 годов, великие войны 1812–1814, 1914–1918, 1939–1945 годов, а также к созданию Союзного государства Беларуси и России.

И дело не в частных случаях психоисторической девиации, а в системном изменении представлений граждан современной Беларуси о логике истории, о Божьем промысле относительно белорусов как народа и Республики Беларусь как национально-государственного образования, о фундаментальных ценностях, о реальных приобретениях и утратах в прошлом, настоящем и бу-

дущем. Короче говоря, имеются вполне достаточные основания вести речь о некоей деформации самосознания белорусов в конце XX – начале XXI веков, даже по сравнению с полными коллизий предшествующими временами.

Скажем, то, что Лев Сапега (1557–1633, великий канцлер, а затем великий гетман Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского) для поляков был и остаётся личностью положительно значимой, объяснимо и вполне понятно. Равно как и то, что для русских-великороссов он был и остается супостатом, предводителем захватчиков, да к тому же ещё и вероотступником (будучи крещёным в Православии, перешел в кальвинисты, затем принял католичество). Собственно, при желании допустимо видимые с нынешних позиций противоречия объяснять-оправдывать хотя бы тем, что речь ведётся о личности, являющейся продуктом своего времени и своей среды. Но практически невозможно понять, на каких основаниях этой исторической персоне даётся вот такая аттестация: “Лев Сапега – звезда первой величины на небосклоне белорусской истории и культуры”; “Позиция канцлера – это патриотизм высшей пробы, подтверждение того, что Лев Сапега никогда, ни при каких условиях не торговал Родиной” [9].

Ведь широко известно, что в интригах борьбы за польский трон Лев Сапега сначала подыгрывал Фёдору Иоанновичу Московскому, а затем Сигизмунду III Вазе Польскому, что сам он нарушил мир с Московским княжеством, которого добивался и который лично подписал в 1601 году; предостаточно свидетельств об истинной роли его, – мягко скажем, не “высшей пробы” – в событиях 1607 года, в организации военной кампании 1609 года и особенно в развернувшейся войне 1610–1618 годов. Впрочем, пафос цитируемого частного мнения можно считать всего лишь апологетикой многообразной материализации безгранично широкого восславления канцлера Сапеги. А она такова: Льву Сапеге в Беларуси установлен памятник, его имя носит улица в Минске, с его портретом выпущена почтовая марка и отчеканена монета, его именем названо просветительское общественное объединение “Фонд им. Л. Сапеги”, которое имеет статус наблюдателя в Конгрессе местных и региональных властей Европы.

Отнюдь не безобидной и не безвредной (и бескорыстной ли?) является массовая увлечённость мантрами из слов с основами “европа” и “евро”. Тем паче что она сопровождается также формированием иллюзорной картины мира – в прошлом, нынешнем и будущем.

Как ни досадно, а приходится говорить об опасности специфической – не от интернета зависящей – “виртуализации” сознания, навязываемого современным белорусам, что замечается на разных уровнях и во многих аспектах, особенно по отношению к истории политической и культурной: тут и виртуальное Великое Княжество Литовское как белорусское (а не Литовское, Русское и Жемойтское...), и виртуальные герои белорусской истории – помимо упомянутого выше Сапеги, литовские князья Миндовг, Альгерд, Витовт и Ягайло, и виртуальный покровитель белорусскости король Речи Посполитой венгр Штефан Баторий (“Сцзян Батура”), и виртуальные лидеры именно белорусского национально-освободительного движения Тадеуш Костюшко и Викентий Константин (“Кастусь”) Калиновский, и виртуальная толерантность в ВКЛ и Речи Посполитой на протяжении всех времён её существования, и виртуально доминирующий на белорусских землях Константинопольский Патриархат в новое время, и виртуальная Белорусская Народная Республика начала XX века вкупе с виртуальной Радой БНР, которая заявляет о себе в начале XXI века, и виртуальное благотворное значение Брестской церковной унии, которая сформировала виртуальную национальную веру – униатство, и виртуальная Белорусская Автокефальная Православная Церковь в Америке...

Чтобы избежать обвинения в досужем вымысле, укажем на некоторые факты: в Витебске установлен памятник Альгерду; в Гродно и деревне Пелеса Вороновского района – Витовту; на официальном уровне принимались также решения о необходимости установить памятники Гедимину в Лиде и Миндовгу в Новогрудке (а вот предложение установить в Новогрудке памятник Ярославу Мудрому поддержки не нашло); для культуры РБ “брендовое” значение приобрели “Радзивиллиана” и “Сапегиана”; портреты Радзивиллов, Сапег и близких им по роли в истории массово тиражировались на почтовых марках, открытках, постерах, календарях; в РБ учреждались орден, медаль, литературная премия и стипендия имени Кастуся Калиновского, его имя но-

сят гимназия, улицы ряда городов страны (две из них – в столичном Минске, хотя именем основателя научного белорусоведения – первого академика-белоруса! – всемирно почитаемого Евфимия Карского не назван даже какой-нибудь переулок). А в дополнение к указанному приведём конкретную иллюстрацию того, как ВКЛ и Речь Посполитая не только виртуально сопрягаются, но идентифицируется с безоговорочно идеализируемым Европейским Союзом: “Речь Посполитая двух народов – это же был первый Евросоюз в Европе! В Речи Посполитой в согласии жили разные народы, которые создали одно из самых больших государственных образований на континенте” [10].

Геополитический аспект данной проблемы при существующих подходах оказывается более чем условным, тоже виртуальным. В Беларуси, например, нередко можно было услышать и прочитать следующее: “Мы принадлежим к региону восточносреднеевропейскому...”; и до сих пор устно и письменно повторяется: “Мы живём в самом центре Европы”, а в то же время часть элиты непременно добавляет: “Нам нужно возвращаться в Европу – как можно скорее!”.

Не менее симптоматичны проявления этого плана дезориентации большинства современных белорусов в парадоксально сочетаемых “обнаружениях” нового центра Европы и стереотипных утверждениях, что уникальность Беларуси и её народа – в статусе пограничья между Востоком и Западом.

Условный европейский ориентир, который иллюзорно предвставлен выше любого Александрийского столпа, является определяющим не только для публицистов отдельного толка. Представители разных политических платформ особую значимость придают идее “центра Европы” именно в Беларуси. Соответственно, и научные силы задействованы: “Белорусские учёные провели новые расчёты и с большой степенью точности определили географический центр Европы. Он находится в Витебской области на юго-запад от Полоцка, рядом с озером Шо. Словом, кто бы и как бы ни высчитывал и ни искал центр Европы, он-то находится в Беларуси!” [11]. А региональные власти, сначала замешкавшись, затем тоже подключились и поставили знак “Географический центр Европы”. Правда, не рядом с озером Шо, а в центре древнего Полоцка... Пожалуй, на зависть многим иным претендентам на “евроцентровость”.

Что же касается упомянутого состояния “между”, то как будто в ином положении чувствуют себя многие другие народы, включая не только самых ближних по родству – русских и украинцев, а также соседей – поляков и литовцев, но и словаков, словенцев, чехов, сербов, болгар, румын, грузин, да и турок, в конце концов... Опять-таки, мы постоянно принимаем во внимание не реалии, а виртуальные – надуманные либо навязанные – связи между ними. Тогда как настоящая идеология должна представлять собою систему взглядов, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к реальности, доступной в одних случаях живому созерцанию, в других – абстрактному, но никак не лишённому здравых начал, осмыслению.

Надо признать, что отношение к “русскому вопросу” в РБ имеет определённую зависимость от отношения к языковой ситуации, языковой политике. Проблема национального языка у нас время от времени становится горячей, в реальности горячей не являясь. Да, она сложна и не совсем типична, если сравнивать с другими странами: при официальном двуязычии в РБ сейчас активно пользуется языком русским, а не белорусским, фактически более 80% населения республики – за исключением стариков-сельчан, обходящихся родными диалектами, и части интеллигенции, которая русский язык исключает из обихода по принципиальным соображением; на русском языке у нас во всех сферах ведётся делопроизводство; преимущественную, подавляющую часть составляют русскоязычные издания книг, журналов и газет; в основном по-русски ведётся вещание радио и телевидения... Вот некоторые данные, излагавшиеся ответственными лицами: на 2002 год “примерно 30% газет – чисто белорусскоязычные, около 15% – на русском и белорусском, остальные – русскоязычные”; “в 2006 году во всём объёме выпуска книги на белорусском языке занимают 7,1 процента, 6,7 процента – книги на иных языках, а вся остальная часть (86,1 процента) – книги на русском языке”; по состоянию на конец 2014 года, “больше всего книг в Беларуси издаётся на русском языке – около 85 процентов. Белорусскоязычные книги ежегодно занимают нишу в 10–12 процентов”; “В учреждениях высшего образования на белорусском языке обучаются 300 студентов, на русском и белорусском

языках – свыше 149 тыс. студентов, на русском языке – около 212 тысяч” [12].

Между тем, у нас при двуязычии внешнем существует и многоязычие внутреннее, поскольку носителями белорусского языка используются разные системы правописания, произношения, даже графики; в дополнение ко всему этому недавно проведена орфографическая реформа, объективные итоги которой вряд ли осмысливали исходно даже сами её авторы, так как по сути она разрушает худо-бедно существовавшую кодификацию и, соответственно, ограничивает круг полноценных носителей языка: фактически, на данный момент даже подавляющая масса обладателей высших учёных степеней по филологии не знает правил нововведённой орфографии; то же самое – с учителями-белорусистами! Конечно же, задача государства – всемерно способствовать поддержанию языка титульной нации, а соответственно, её литературы и вербальной культуры. Но... при имеющихся коллизиях у нас пока никто не нашёл приемлемых для всех граждан страны решений.

Отдельного разговора заслуживает ещё более сложная (хотя напрямую уже не зависящая от сложившейся языковой ситуации) проблема национальной идентификации. А ведь итогами её решения, так или иначе, будут обусловлены перспективы белорусской нации как полноценного рода-народа и судьба его Родины как государства.

Вроде бы все согласны, что нельзя спекулировать на чувствах патриотизма, имеющих незаменимую ценность тогда, когда они мотивируются настоящей любовью к родине, желанием отстаивать её достоинство. Но отнюдь не любовь и уважение к Белой Руси, а тем более защита её исконной сущности, культивируется в процессе глобализации. Большинство устремлений глобализаторов-европеизаторов на нашем пространстве, как правило, сводится к дискредитации Русскости и Православия; это, можно сказать, общий знаменатель. В то же время только слепые, глухие и бездумные могут не замечать, сколь активно и небезуспешно, в чём убедиться позволяют даже приведённые примеры, идет у нас полонизация вкупе с католизацией ради благотворной якобы европеизации, а точнее – глобализации в американской расфасовке. Для пушей убедительности такого, а не иного, суждения о происходящем не лишне вспомнить, как бывший главный представитель Католической Церкви в Республике Беларусь, архиепископ (впоследствии – кардинал) Казимир Свёнтек открыто декларировал: “Моя программа – распространение польскости на этой территории: нам следует как можно больше детей и молодёжи отправлять в Польшу на экскурсии, на учёбу, а из Польши сюда присылать ксёндзов и монахов, нам нужно организовывать кружки поляков, курсы польского языка...” [13]. А для полноты картины, пожалуй, не лишне добавить и следующее: “В начале 1990-х годов... в костёлах на территории суверенной Беларуси были вывешены польские государственные флаги и портреты президента Польши. Белорусское правительство было вынуждено принять специальное постановление, приказывая убрать из культовых зданий государственные символы чужой страны, в которой, кстати, тогда уже начали печатать географические карты, на которых Западная Беларусь значилась как польская территория. О Казимире Свёнтеке польские кинематографисты сняли документальный фильм, который показывали по польскому телевидению и в котором Свёнтек говорил о своих планах полонизации Беларуси, ни разу не упомянув названия страны, в которой он живёт и работает. Я помню последний кадр этого фильма: лицо Казимира Свёнтека на весь экран и его слова: “Едем поляком” (“Я – поляк!”). Лишь после того, как белорусское правительство выступило с жёсткой оценкой такой политики католичества, в костёлах началась “белорусизация” [14].

Что представляет собой эта “белорусизация”? С одной стороны, Римско-католическая церковь стала активно использовать белорусский язык и в богослужебной практике, и в успешно развивающемся издательском деле, и в своих средствах массовой информации, что с одобрением принимается интеллигенцией. Католические священники широко развернули культурно-просветительскую и воспитательную активность среди детей и молодёжи, к чему общественное мнение относится также положительно. Однако следует иметь в виду, что если речь идёт о “белорусизации”, а не о чём-то ином, то нельзя не видеть противоположного по сути: в здоровой исторической памяти белорусов всё же сохранилось (хотя это у нас почему-то не принято вспоминать), что в Великом княжестве Литовском, Русском и Жемойтском (бе-

ло)русский язык был запрещён (1696) по решению конфедерации сословий Речи Посполитой, да и сейчас в качестве белорусскости систематически навязывается польскость, о чём было сказано выше. И дополнительным доказательством того несть числа. Из них нельзя не упомянуть, к примеру, такие: на белорусской земле установлено множество памятников Римскому папе Иоанну Павлу II (то есть поляку Каролу Войтыле); памятники ставятся даже мрачнопамятному униатскому архиерею Иосафату Кунцевичу, которого народ прозвал “душехватом” (тогда как бурные протесты определённых кругов вызвала уже сама информация, что Синод Белорусского Экзархата РПЦ будет рассматривать вопрос о канонизации митрополита Иосифа (Семашко), воссоединившего белорусских униатов с Русской Православной Церковью); в первые строки реестров “белорусской” славы вписывается польская шляхта XV–XIX веков; массово “обелорушиваются” деятели польской культуры; у нас активно действуют Польско-американский фонд свободы, фонд “Помощь полякам на Востоке”, фонд “Semper Polonia”, фонд имени Стефана Батория, учреждённый поляками-доминиканцами фонд “Через границы”, фонд “Образование для демократии”, Институт в поддержку демократии в Восточной Европе и т. п.

Понимая необходимость культурного взаимодействия двух соседних и родственных народов, мы можем и обязаны с должным почтением относиться к активно действующему в нашей стране Польскому институту, к выходящим у нас журналу “Magazyn Polski” и газете “Glos znad Niemna”, а также и к “Союзу поляков”, и к ассоциации “Польская община”. С неодинаковой степенью терпимости граждане-белорусы воспринимают то, что из Польши на территорию Республики Беларусь направлено действие спутникового телеканала “Белсат” и организовано вещание белорусской службы “Радио “Полония”. Однако очень многих, если не всех, белорусов смущает введение пресловутой “карты поляка”.

Конечно, все мы должны учитывать, что определённый процент населения Беларуси составляют поляки: согласно официальным данным, их 3,9% (или 395,7 тысячи), тогда как белорусов – 81,2%, а русских – 11,4% [15]. Наряду с этим, никак нельзя не учитывать того, что буквально за последние два десятилетия поразительно вырос и стал уже достаточно большим процент католиков (не поляков?). Не так давно изданная энциклопедия “Республика Беларусь” содержит сведения, что лишь за три года, с 1994 по 1997-й, соотношение численности католиков изменилось с 9,9% на 10,4%, а вот православных, наоборот, с 80% на 77,4% [16]. Вообще-то статистика подобного рода нередко выглядит скорее как пропагандистская либо иллюзионистская, а не исследовательская, научно обоснованная. Скажем, в совсем недавнем появившемся (под весьма серьёзным названием) сборнике представлена следующая “цифирь”: “... 72,6% отнесли себя к православным, 0,4% – к разным направлениям протестантизма, 9,3% – к католикам” [17]. Однако в том же издании другой автор, ещё более авторитетный, приводит иные данные: “Мониторинговые социологические исследования показали, что среди верующих с православием отождествляет себя ровно 80 процентов, с католицизмом – 8,5 процента, с протестантизмом – 0,6 процента” [18]. Правда, он же в докладе на конференции Международного Единства Православных народов (МФЕПН) о численности католиков предоставлял другие сведения: “По данным на декабрь прошлого года, 80% общества Беларуси назвало себя православными, 12% – католиками... [19]. А в университетском “Вестнике” незадолго до этого публиковалась существенно отличающаяся статистика: “Среди верующих около 76% – православные, около 14% – католики...” [20]. Но ещё более поразительны статистические расхождения в случае с публикациями весьма значимого официального журнала, когда в одной из них Уполномоченный по делам религий и национальностей РБ указывает, что на 2009 год “... по самоидентификации с православием – 72,6%, с католицизмом – 9,3%...” [21], а через десяток страниц “Арцыбіскуп, Мітрапаліт Мінска-Магілёўскі” сетует: “Всего в Беларуси на нынешний день работает около 440 священников, что недостаточно для душепастырской опеки над полутора миллионами католических верующих” [22]. Но даже нерадивые ученики средних классов общеобразовательной школы с европеизирующей болонской системой обучения, подсчитав, должны уяснить, что 1,5 (полтора) миллиона по отношению к 9,5 миллионам составляют отнюдь не 9,3%, а почти в два раза больше!

Спору нет, национальные и религиозные чувства граждан РБ, являющихся поляками (этническими или “костельными” – не так важно), должны безоговорочно уважаться. Да речь о другом: на фоне, который нами белуго очерчен, велась и ведётся фронтальная обработка массового сознания в явно антирусском и антиправославном духе. Вот, к примеру, образчик (далеко не самый мерзкий) местной русофобии: “Внешний облик православных церквей менялся более медленно. Может, такой неспешности способствовала ортодоксальная каноничность этой конфессии. Например, русские священники не могут служить в церкви, если на ней нет хотя бы одной *цыбуліны* (то есть “луковицы”. – И. Ч.). Когда в Гродненскую Каложу пустили верующих, её настоятель долго терпел, а потом нанял работников, чтобы те на Каложу тоже *прышпандорылі... цыбуліну*. История эта закончилась тем, что батюшку с прихода сняли и отправили куда-то, как я слышал, в Тамбовскую губернию (...) После XVIII века наши земли вошли в состав Российской империи и началась новая, очередная, эпоха. Католиков постепенно отстраняли от активной общественной жизни, Унию разогнали в 1839 году, храмы строили исключительно православные, а те католические, что ещё остались, в большинстве забрало себе тоже православное руководство...” [23]. По тем же целям многократно, с закрытыми глазами, бьёт другой радетель за белорусскость: “После “крещения Руси” в стремлении идеализировать это событие адепты новой религии принялись рьяно уничтожать все свидетельства “языческого невежества”. Епископы скупали либо отнимали летописи, сжигали их, вывозили в Византию (...) На совести христианских “борцов за культуру” не только уничтожение памятников древних славян, но и старообрядных святынь – книг, храмов, монастырей”; “Что белорусский народ из-за государственной политики русификации, в стороне от которой не стоит и РПЦ, едва ли не весь онемел в своём родном языке, видят и светские, и церковные власти” [24]. Кстати, две последних цитаты – суждения представителя исторической науки РБ, который в эпоху той самой “русификации” получил две учёных степени для того, чтобы развивать белорусскую историографию на истинно научных основах, однако в последние десятилетия свою квалификацию решил подтверждать лишь весьма пространными русофобскими газетными статьями.

Силами вот такого рода публицистов, идеологов-пропагандистов, а также недобросовестных историков у нас пугалом сделана “русификация” 1860-х годов и национальная политика советского периода. Хотя на удивление мало говорится о том, как в XVI–XVIII веках на всех белорусских землях, а в 20–30-е годы XX века в Западной Белоруссии велась целенаправленная и жёсткая полонизация, что подтверждается свидетельствами многих учёных, в числе которых и украинский учёный богослов: “Если бы не Богдан Хмельницкий и не раздел Польши, то белорусский и украинский народы, вероятно, полностью были бы полонизированы, вследствие унии” [25], и белорусский историк академического склада: “...Когда в 30-е годы на замковой горе в Гродно были найдены основания древнего православного храма, то польские археологи, по сути, не засвидетельствовали это официально, ибо факт этот прямо противоречил односторонней польской историографии, которая считала Гродно городом польским” [26]. Такие плоды на протяжении веков давало размежевание Pax Slavia Latina – Pax Slavia Orthodoxa. Сейчас даёт тоже. Иногда в формах открытых и даже демонстративных, о чём мы упоминали, а иногда и латентных, возможно, и неосознаваемых – как в этих, к примеру, случаях: турагентство “Солвекс” (Минск) в октябре 2007 года провело интернет-акцию “Семь чудес Минщины”, из 46 предложенных памятников Минской области выбрав семь объектов, к которым были привязаны экскурсионные маршруты, а 6 “чудес” (из 7) – это костёл Рождества Девы Марии в Будславе, костёл Воздвижения Святого Креста в Вилейке, костёл Архангела Михаила и костёл Св. Алексия в Ивенце, Фарный Костёл Святейшего Божьего Тела в Несвиже; несколько лет назад у нас появились почтовые карточки в честь классиков отечественной литературы, а таковыми, оказывается, являются Адам Станкевич, Винцент Гадлевский, Микола Касперович, Янка Купала, Язэп Драздович, Алесь Гарун, Вацлав Ластовский... Опять-таки те же “чудеса”!

В своё время А. С. Пушкин, отзываясь на выход собрания сочинений Георгия Конисского, архиепископа Белорусского, о белорусах писал как о “... народе, издревле нам родном, но отчуждённом от России жребиями войны” [27]. А войны же и в послепушкинскую эпоху, включая наше время, идут.

И то ли ещё будет, если воплотятся в жизнь рекомендации, подготовленные современными (довольно высокопоставленными) деятелями в сфере белорусской культуры, а именно: “При разработке стратегии национально-культурного и духовного развития исключительно важным является доскональное изучение опыта иных стран, прежде всего, европейских, ибо белорусская культура является частью европейской христианской цивилизации. Успешным и возможным для нашей акцептации является, в первую очередь, польский опыт (имеется в виду как сохранение культурных достижений, так и реализация стратегии дальнейшего культурного развития). Огромное значение имеет также использование опыта британского (не случайно интеллектуальный потенциал становится самым мощным фактором национального развития), немецкого и даже американского – последний особенно полезен своей поликультурностью, динамичностью, инновациями” [28].

Так вот нам рекомендуется “европеизироваться”! Увы, как наличествующие, так и планирующиеся результаты – не в пользу (бело)русскости и Православия.

Однако это вовсе не значит, что Православие перестало быть основным и неотменимым идентификационным признаком белоРУССКОГО этноса. Без него представители нашего народа (не состоявшейся пока нации), население РБ вместе взятого, даже если сохраняют остальные внешние атрибуты принадлежащих к общности, формируют некие субэтносы – белоПОЛЯКОВ, белоЕВРОПЕЙЦЕВ, белоАМЕРИКАНЦЕВ...

На здравый ум, не лишне бы задуматься над тем, что сопряжению “белорусского” с “европейским” в намечающейся перспективе предопределена, мягко говоря, дихотомичность. Новое мироустройство вынуждено, так или иначе, национальное подчинять наднациональному, хотя до поры до времени это явно и не декларировалось. Тем не менее, коллизии, этим обусловленные, белорусской ситуации уже успели проявиться, и весьма симптоматично. Если в начале 1990-х годов национальная идея не только считалась объективно неизбежной и воспринималась как двигатель развития, то уже в начале 2000-х она стала объективно гаситься не чем иным, как европейской интеграцией. Не случайно ведь популярный поэт, которого признавали “шчырым беларусам”, носителем именно “самости” (благодаря чему впоследствии выдвигался кандидатом в президенты страны), ничтоже сумняшеся публично заявлял: “Никакой национальной идеи нам уже не надо. ...Посмотрите, что в Европе делается! Сегодняшний мир развивается по совершенно иным законам: Евросоюз, глобализация и прочее” [29].

Будем помнить, что игнорирование или недооценка этно-национальных различий приводили к трагедиям весьма крупного масштаба. Следует признать, что некоторые различия историей были привнесены (это и территориальные разделы, и вероисповедные размежевания, и соответствующие расхождения в ряде обычаев, и закрепление отдельного языка, и формирование самостоятельной литературы...) Однако ещё более следует помнить, сколь опасно противоположное: когда целенаправленно преувеличиваются различия, чтобы у различаемых стереть память о корнях и добиться, чтобы напоминания об этих корнях вызывали комплексы, а в итоге – ненависть и к ним самим, а ещё более – к сохраняющимся их носителям.

А у нас с конца 1980-х годов немислимо активизировалось и многими силами стимулировалось столкновение различий, причем с убийственной логикой: негативное советское – это исключительно русское. Как в этом случае, например: “И сегодня для реваншистских тоталитарных сил, которые мечтают о реставрации Советской империи, Беларусь – лакомый кусок. Без неё, как и без Украины, нет великой России, нет настоящей империи. Отсюда и реанимация эксплуатированной царизмом устаревшей славянской идеи” (примечание автора: Она, как и аналогичные пангерманская, пантюркистская, панамериканская идеи, неадекватные цивилизованному обществу, давно сданы в архив истории), активизация политизированного пророссийского православия и коммунофашизма” [30]. Вот чему в значительной мере, особенно у молодого поколения, оказалась подчинённой белорусская национальная идентификация. Временные особенности её, понятно, зависят от всей совокупности внешнеполитических, внутривнутриполитических, социокультурных условий. Но в нынешнем мире необычайно сильны прагматично-адаптационные устремления. Именно они сейчас многообразно культивируются, приобретая

поразительную динамику и непредсказуемые возможности влиять как на массовое сознание белорусов, так и на восприятие белорусскости “со стороны”. Для этого не требуется ни осведомленность, ни надёжность фактографии, ни выверенность суждений-заклучений. Достаточно того, что задаётся известный “тон” и на деланной простоте вызывается “унисон”, как, например, в распространяемом среди иностранцев многокрасочном “энциклопедическом” (!) буклете с таким вот содержанием: “Правильнее бы писать “историческая Литва”, “Литовское княжество”, “Литва Великая”, “Великое Княжество Литовское, Русское и Жамойтское и иных”, а также не беларусы, а “литвины”; “Беларусы сегодня – это литвины вчера”; “Беларусь идёт “по европейскому пути”: демократии (шляхетской), правового государства (...) Московская Русь формируется как “евразийское” государство с ярко выраженными признаками “восточной деспотии” и “азиатчины”; “Беларусь изучайте по Польше”; “Есть некая “золотая середина” между гонором и чувством “младшего брата”. И скорее всего, эта середина ближе к “шляхетности”, а не крепостному праву. Жыве Беларусь!” [31]. И не случайно также, что в этой “энциклопедии” среди бесчисленного изобразительного материала, множества костёлов, замков и прочих польско-шляхетских достопримечательностей, а в придачу и языческих капищ, дан всего один снимок православного храма – да и то, похоже, с целью показать “исторический памятник, отнятый у католиков”. Как не случайным, судя по всему, является утверждение, будто “изучение собственно белорусской истории начали представитель шляхетского рода Константин Тышкевич (1806–1868) – археолог, писатель по истории, археологии, географии и этнографии – и его брат Евстафий Тышкевич (1814–1873)”, когда в действительности начала белорусоведения положены православными белорусами Иоанном Григоровичем, Иоанном Носовичем, Константином Калайдовичем, а его плодотворное развитие осуществлялось благодаря тоже православным учёным Ивану Боричевскому-Тарнаве, Ксенофону Говорскому, Михаилу Кояловичу, Платону Жуковичу, Иоанну Малышевскому, Николаю Никифоровскому, Евстафию Орловскому, Евфимию Карскому, Владимиру Завитневичу и многим другим, которые в данной книжке совершенно обойдены вниманием.

На подобные опусы вроде и не стоило бы внимание обращать. Но ведь они являются не только свидетельствами уже достигнутых результатов соответствующей идеологической обработки сознания, но и напоминанием об угрожающих масштабах её в будущем. Никак нельзя, соответственно, закрывать глаза на то, что деформация самосознания белорусов оборачивается тотальной дерусификацией. Сейчас уже русофобия прочно внедрена в сознание практически всех белорусов возраста ниже тридцати лет. Их, можно сказать, убедили, что быть белорусом означает последовательно и категорично демонстрировать свою особенность и отдельность от русского народа, русской истории и культуры, непричастность к её традициям и духовным ценностям, выделять и абсолютизировать различия в основных этнокультурных признаках, особенностях национального характера и т. д. Кому же это выгодно? И к чему такое может привести? И кто возьмёт на себя ответственность за реально происходящую деформацию массового сознания и самосознания народа?

Поэтому особую значимость получает вопрос, каким же будет основной вектор просвещения и воспитания впредь.

Так или иначе, по большому счёту (как говорили мудрые предки наши, по Божьей воле), краеугольный камень национальной (!) сущности белоруса – русскость. Если этот камень убрать, сущности не на чем держаться. “Белость” сама по себе пропадёт. Иными словами, тогда не только о здоровом национальном самосознании, но и ни о какой национальности не может быть речи. Да и союзное государство окажется домом, который хотят построить на песке.

ЛИТЕРАТУРА

¹ См.: “Каб праясніць над Беларуссю еўрапейскае неба...” (На пытанні Алеся Разанава адказвае славенскі паэт Вена Таўфер) // Літаратура і мастацтва. 20.06.1997. С. 13–15.

² Калаич Драгош. Третья мировая война. – М., ИИПК “Ихтиос”, 2006. С. 65.

³ См.: Станкевіч Я. Нацыянальны назоў беларусаў // Беларускі студэнт (Прага). 1923. № 2–3. С. 10.

- ⁴ См., нпр.: Ластоўскі В. Падручны расейска-крыўскі (беларускі) слоўнік. – Коўна, 1924; Ластоўскі В. Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі. – Коўна, 1926.
- ⁵ Хаўстовіч М. Шляхамі да беларускасці. Нарысы, артыкулы, эсэ. – Варшава, 2010. С. 197.
- ⁶ Уладыкоўская Л. Як захаваць культурную самабытнасць? Сучасныя нарысы для некаторых аспектаў праблемы. – Мінск, 2010. С. 32–33, 46.
- ⁷ Шунейка Я. (Пытанне каталіцкае) // Залоска Ю. Версіі. – Мн., 1995. С. 55–57.
- ⁸ Быкаў У. Мы – апошнія, за намі чарга... // Залоска Ю. Версіі. – Мн., 1995. С. 40.
- ⁹ Саверченко И. Канцлер: Историческое эссе // Неман. 2013. № 8. С. 134, 156.
- ¹⁰ Ян Забродскі. “Рэч Паспалітая двух народаў – першы Еўрасаюз у Еўропе!” /Гутарыў Мікалай Анішчанка // Літаратура і мастацтва, 4.05.2007. С. 13.
- ¹¹ (Без подпісы). “Дакладнасць тыдня” // Літаратура і мастацтва, 11.10.2002. С. 2.
- ¹² См.: Літаратура і мастацтва, 31.01.2003. С. 4; Літаратура і мастацтва, 10.08.2007. С. 4; Літаратура і мастацтва, 23.01.2015. С. 9;
- ¹³ Цит. по: Гардун Сергій, прот. Яшчэ раз пра мову богаслужэння // Царкоўнае слова. 2008, № 4. С. 11.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Республика Беларусь. Энциклопедия. Т. 1. Минск, 2005. С. 46, 55.
- ¹⁶ Там же. С. 466.
- ¹⁷ Земляков Л. Е., Шерис А. В. Религиозная составляющая национальной безопасности Беларуси // Религиозный фактор национальной безопасности. Материалы круглого стола 15 марта 2012 г. – Минск, 2012. С. 55.
- ¹⁸ Котляров И. В. Конфессиональные отношения в зеркале общественного мнения // Религиозный фактор национальной безопасности. Материалы круглого стола 15 марта 2012 г. – Минск, 2012. С. 85.
- ¹⁹ См.: Przegląd Prawoslawny. 2013, № 4 (334). S. 7.
- ²⁰ См.: Пирожник И. И. [и др.] Социально-географические тенденции изменения конфессиональной структуры населения Беларуси // Вестник БГУ. Серия 3. 2007. № 1. С. 76–84.
- ²¹ Гуляко Л. П. Унікальны опыт Беларусі // Беларуская думка. 2009. № 5. С. 14.
- ²² Там же. С. 29.
- ²³ Валасевіч І. Жыве на Беларусі Бог // Літаратура і мастацтва, 3.08.2007. С. 4.
- ²⁴ Лыч Л., Навіцкі У. Гісторыя культуры Беларусі. Мн., 1996. С. 10; Лыч Л. Аўтакефалія праваслаўнай царквы – шлях да рэлігійнай незалежнасці Беларусі // Народная воля. 13.01.2015. С. 4.
- ²⁵ Доктор Протопресвітер Г. К. Костельник. Ватикан и Православная Церковь. // Церковный вестник (Варшава). 1991. № 6. С. 36.
- ²⁶ Астроўскі Ю. Беларусы: адзін народ і тры нацыі? // Літаратура і мастацтва, 15.05.1992. С. 14.
- ²⁷ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Т. VII. – М.-Л., 1951. С. 328.
- ²⁸ Уладыкоўская Л. Як захаваць культурную самабытнасць? Сучасныя нарысы для некаторых аспектаў праблемы. – Мінск, 2010. С. 110.
- ²⁹ Некляев В. “Пофиглярили и хватит” // Свободные новости плюс. 25 авг. – 5 сент. 2002. С. 6.
- ³⁰ Маракoў Л. Рэпрэсаваныя літаратары, навукоўцы, работнікі асветы, грамадскія і культурныя дзеячы Беларусі. 1794–1991. Энцыклапедычны даведнік: У 3 т. Т. 1. Мінск, 2004. С. 43.
- ³¹ Якутовский Г. Беларусь – это круто. Минск, 2014. С. 5, 18, 44, 60.

г. Минск, Беларусь

САМОРОДОК ЗЕМЛИ КОСТРОМСКОЙ

Знаменитый русский предприниматель, благотворитель, меценат, почетный член Российской Академии художеств, видный общественный деятель и публицист Кокорев Василий Александрович родился 23 апреля 1817 года в городе Солигаличе Костромской губернии. Он был первым в мире нефтепромышленником. В 1857–1859 году Кокорев построил первый нефтеперерабатывающий завод в городе Сураханы в 17 км от Баку. Наладить производство ему помогал Менделеев Дмитрий Иванович. Транспортировка нефти заставила его заняться водным и железнодорожным строительством. В подчинение Кокорева входили многие предприятия и акционерные общества: нефтеналивная флотилия “Кавказ и Меркурий”, Волжско-Каспийское пароходство, Русское общество пароходства и торговли, Волго-Донская железная дорога, Уральская горнозаводская железная дорога, Бакинское нефтяное общество, Закаспийское торговое общество. Он был первым медиамагнатом в России. Северное телеграфное агентство принадлежало ему, а также Северное страховое общество и склады с товарами с выдачей варрантов. Был учредителем и акционером крупнейших на тот момент предприятий в банковской сфере. Его банки изначально были национально направленными на провинциальные капиталы и удовлетворяли торгово-промышленные нужды всей Российской империи. Московский купеческий банк, Волжско-Камский банк с 20 филиалами на тот момент — самый крупный и надёжный банк в России. Кокорев многое сделал для Москвы и всей Российской империи во славу Отечества. Он построил в Москве на Софийской набережной Общественно-культурный центр, обширнейший гостиничный-складской комплекс. Создал музей-хранилище изделий Русского народного искусства. В 1858 году в специально отстроенном здании открыл первую частную публичную художественную галерею “Кокоревская галерея”, за 20 лет до Третьяковской галереи. Был главным инициатором постройки конки в Москве — конно-железной дороги. В 1884 году в Тверской губернии создал дачу-приют для русских художников. Многие получали хорошее образование благодаря стипендиям Кокорева. Василий много писал о сельском хозяйстве. Не потеряла актуальности его книга “Экономические провалы по личным воспоминаниям с 1837 года”.

Ниже приведены некоторые цитаты из работ Василия Александровича.

Василий МИТРОФАНОВ

ВАСИЛИЙ КОКОРЕВ

РОССИЯ НЕ ГОСУДАРСТВО, А ВСЕЛЕННАЯ

“Мы Россию принимали, подобно Англии и Германии, за государство, тогда как Россия вовсе не государство, а вселенная. Разве есть другое на земном шаре подобное России пространство под одним скипетром, в котором в один день, на одном конце можно замёрзнуть, а на другом — быть убитым грозой, в котором на одном конце живут белые медведи, а на другом — расхаживают тигры, в котором на одном конце никогда не оттаивает земля, а на другом — зреет виноград. И вот когда эту вселенную, имеющую между белыми медведями и тиграми различные климатические и почвенные условия,

нарядили в кафтан однообразной акцизной системы, то очень понятно, что при первом вздохе вселенной чужой узкий кафтан по всем швам лопнул, и мы очутились в разодранной одежде. Итак, в основе акцизной системы оказался пробел, заключающийся в том, что не было принято в соображение значение России, её величина, разновидность климатических и почвенных условий, словом, все особенности России против других государств”.

“Пора государственной мысли перестать блуждать вне своей земли, пора прекратить поиски экономических основ за пределами Отечества, засорять насильными пересадками на родную почву; пора, давно пора возвратиться домой и познать в своих людях свою силу”.

“Народная мудрость проста, верна и неисчерпаема в проявлении средств к возрождению экономической силы России. Равно нет сомнения и в том, что только то может развить в жизни жизнь, что исходит прямо из самой жизни, а не из губительных канцелярских измышлений. . .

Отсюда является сам собою такой вывод, что самостоятельной России – в смысле экономическом – нет, и вместо неё существует европейско-американская русская колония, обложенная веригами налогов в пользу иностранцев. Существующий ныне тариф на хлопок установлен с 1878 года и составляет, кажется, только 40 коп. с пуда; если бы этот тариф увеличить впятеро, тогда посевы льна и употребление в народе на носильное платье прочной льняной ткани ввелось бы в употребление, а государственная роспись значительно уменьшила бы свой дефицит. Екатерина II говаривала, что Россия должна одевать всю Европу из своего льна. Возвышение тарифа подняло бы продажную цену на миткаль не более 1 коп. на аршин и произвело бы другую, ещё более существенную пользу, заключающуюся в образовании хлопчатных плантаций в обширном размере в Ташкенте и Закавказском крае, и тогда отлив нашей монеты, платимой за американский хлопок в сырец, стал бы ежегодно уменьшаться, производя этим уменьшением значительное и прочное улучшение курса”.

“Знаменитые. . . как будто сговорились с нашими западными завистниками и стали соединенными силами, в речах, в печати и, наконец, в государственных воззрениях проводить идею, придавая ей значение какого-то догмата, о невозможности верховной власти разрешать – без потрясения финансов – печатание беспроцентных денежных бумажных знаков на какие бы то ни было производительные и общепользные государственные потребности. Известно, что в основании этой проповеди лежало в Европе желание ограничить силу власти и поставить ей в денежном вопросе известную преграду для предотвращения войны, чего на деле достигнуто не было, потому что во время военных действий всякие ограничения исчезали и выпуск бумажных денег появлялся в том количестве, какое необходимо было для покрытия военных издержек. Мы видели, что вышеозначенное научное правило не могло задержать и у нас появления бумажных знаков ни в Крымскую, ни в Восточную войны; но потом, по водворении мира и спокойствия, безусловное соблюдение этого правила ложилось на народную жизнь самым угнетающим образом”.

“Войдём ещё в обозрение нашего положения с других сторон: независимо от составленных против нас союзов, мы находимся под угнетающим давлением упадка ценности русского кредитного рубля. Возникающий вопрос – что нам делать? – разрешается сам собою: ничего более, как дружить с Германией и устраиваться внутри себя. А затем что? Также продолжать дружить и постепенно вырастать, переходя из силы в силу. А потом, когда уже вырастем, в смысле внутреннего благоустройства, в полную величину, подобающую стомиллионному населению, тогда без всяких заявлений и доказательств нашей силы будет понято и оценено в Европе наше политическое значение, к достижению которого ключ-пригодник находится в финансовом и экономическом устройстве русской жизни. . .”

“У нас в России, конечно, нет Бисмарков, но в зародышах есть масса простых русских людей, чутких и прозорливых от природы. Каждый город и каждый уезд изобилует такими людьми. Про них в народе говорят: его же

не оплетети. Мы видели, как Бисмарк оплетал многих дипломатических деятелей и потом, в своей последней речи, выставил их на всесветное посмеяние, но пусть он попробует оплести такого русского человека, который от природы чует всякое намерение к подвоху.

Всё сводится к тому, что система Бисмарка состоит в том, чтобы мысли и действия шли впереди событий, а у нас, наоборот, из событий рождаются мысли для отграждения себя от затруднений и бедствий, и какие ещё мысли, вовсе не творческие, а основанные на пустых канцелярских справках. Из бо-лота этих справок никто и никогда чистой ключевой воды не добудет.

Все помещенные здесь вводные рассуждения надобно порешить тем, что Бисмарка создала сама Россия, потому что утопила всех своих носителей таланта дальнорзости в море пренебрежения и неведения”.

“Множество дворян, купцов и крестьян говорили в 60-х годах: “кредитуй-тесь дома у себя, не ходите за деньгами в чужие земли”. А мы действиями и словами что ответили? “Вы глупы, не понимаете мудрой финансовой систе-мы, и ваше дело не рассуждать, а выплачивать все те займы, которые на счёт ваш будут сделаны за границей”. Что же из всего этого вышло? Вышло то, что наше экономическое сражение давно уже проиграно, и мы находимся в пол-ном экономическом плену”.

“...Попадаю прямо в мысли народного большинства, не желающего наступательной войны и в то же время готового лечь костями на защиту Отечества. О, тогда бы ничто не помешало нам пожить лет 20 в совершен-ном отчуждении от европейских и восточных волнений и заняться внутренним благоустройством, требующим осмысленной и усиленной работы на всех ступенях правительственной и народной жизнедеятельности. После этой работы мы вышли бы в начале XX века из позорной опеки европейских банкиров, ос-вободив Россию от тяжести заграничных долгов, этого наследия ложной фи-нансовой системы (60-х годов), запрещавшей Русскому Царю кредитоваться у своего народа. Неужели для нас не поучителен пример Пруссии, не воевав-шей 50 лет и в глубокой тишине развившей свою внутреннюю силу до степе-ни её настоящего значения”.

“Напущенный на нас туман под вымыслом науки со всею его запутанно-стью заставляет многих предполагать, что финансисты уподобляются алхими-кам, знающим секрет философского камня, и что поэтому надобно во всём подчиниться их воззрениям, а камень этот, в то время, пока мы ещё не погряз-ли в заграничных долгах, был самый простой: приход, расход, с устранением всего излишнего и ненужного, а затем остаток или недостаток, с покрытием последнего пропорционально на всех раскладкою, сообразно средствам каж-дого. Хотя эта раскладка далеко не составила бы и половины той суммы, ко-торую теперь надобно платить народонаселению по заграничным займам, но разве можно было такую простую мысль вдолбить в головы финансистов, заражённых каким-то высшим европейским прогрессом!”

ВИКТОРИЯ КУЗНЕЦОВА

РЕЛИГИОЗНЫЕ СМЫСЛЫ А. ТВАРДОВСКОГО

(“Я убит подо Ржевом”)

В самом факте появления в печати в 1946 году известного стихотворения А. Твардовского, написанного по впечатлениям поэта на Калининском фронте в 1942 году, уже есть загадка. Цензура ли военного времени его не допускала в печать, сам ли поэт не спешил с публикацией – неизвестно...

Первая же строка, ставшая хрестоматийной, сразу задаёт тексту некую нереальность, условность: “Я убит подо Ржевом” – у этого “я” нет имени, отчества, фамилии, но это “я” говорит от имени погибшего воина именно здесь, на “Ржевском выступе” войны. Воин убит, но словно “вещает” из загробного мира. Это речь мёртвого – к живым, рассказ о том, как пришла его смерть, и перечисление подробностей её схоже со статистическим отчётом. Это монолог никому не известного человека. Безымяннен не только он, но само место его гибели, некое безымянное болото на карте военных действий, да он и не знает точного географического расположения своей части – вокруг нет ни населённого пункта, ни другого ориентира. Для солдата важнее помнить военные детали: “В пятой роте, на левом, при жестоком налёте”, именно их фиксирует его сознание, и именно они воссоздают явь происходившего. Это ориентиры общего характера, которые он мог видеть.

Героический пафос стихотворения в самом его начале поэтом намеренно снижен: убит воин не в открытом бою, а при авианалёте. И болото без названия, и вражеский налёт на него почему-то обыденно, нелепо жесток – эти “причинные” приметы гибели словно скрывают какую-то непонятную военную драму.

И вначале сдержанная сухость констатации факта перерастает в следующих двух строфах в ничем и никем, никакой “цензурой”, не сдерживаемое чувство личной трагедии произошедшего:

*Я не слышал разрыва,
Я не видел той вспышки —
Точно в пропасть с обрыва —
И ни дна, ни покрышки.*

Смерть пришла к нему внезапно, не исключено, что даже во сне. И этот конец жизни устрашает его этой своей обречённостью: всё произошло почти мгновенно, внезапно, и никто об этом не узнает: он просто “пропал без вести”. Его не положили в гроб, не предали его тело земле, не упокоили кости. Он возвратился в пространство земли в хаосе, без какой-либо последней человеческой заботы. И эти слова “ни дна, ни покрышки”, имеющие в обиходе некое мистическое, заклинательное значение, он со скорбью переосмысливает и адресует своей безвестной судьбе.

*И во всем этом мире,
До конца его дней,
Ни петлички, ни лычки,
С гимнастёрки моей.*

Этому миру — эсхатологически — до конца его дней — убитый, можно сказать, исчезнувший в небытие воин не оставил никому никаких примет своего существования: ни гимнастёрки, ни петлички, ни лычки: уже никто и никогда не узнает, кто он был, в каких войсках служил, кто был по званию. И вот от человеческой жизни, от его, по-видимому, напрасной смерти, горькой судьбины не остаётся НИЧЕГО. Только пустота пропасти, куда он вошёл и канул. Он стал тенью, он без вести пропавший, его нет теперь ни среди живых, ни среди мёртвых.

Воин остаётся воином, и он продолжает стоять там, где поставлен на посту, стоически утверждая и возвышая свой голос, всё же пытаясь определить “место” своему телу в земле, а душой поднимаясь в неземную явь. И его голос из другого мира приобретает метафизическое звучание, всё это вмещено поэтом А. Твардовским в одно большое предложение:

*Я — где корни слепые
Ищут корма во тьме;
Я — где с облачком пыли
Ходит рожь на холме;*

Он чувствует себя жертвенным телом, “растворённым в земле”, он становится просто кормом для корней, и оттого из его крови и плоти позже взрастёт урожай. Его тело уже стало тем зерном, которое, по Евангелию, умерло, чтобы стать колосом, продолжиться в новом, ином качестве. Да, он теперь под землей, в персти земной, но вместе с тем и над ней, в воздухе и звука сельского и городского мира. Теперь его существом пронизано всё мироздание, весь человеком и Богом созданный космос жизни:

*Я — где крик петушиный
На заре по росе;
Я — где ваши машины
Воздух рвут на шоссе;*

*Где травинку к травинке
Речка травы прядёт, —
Там, куда на поминки
Даже мать не придёт.*

И строфы, идущие друг за другом, и эпитеты контрастируют друг с другом: “корни слепые — во тьме”, но рожь с облачком пыли не просто “волнуется”, а “ходит”. Космическим, природным динамизмом отмечена вся эта часть стихотворения, определяющая пространство. И этот метафоричный, высокий, красивый строй отдельных частей предложения в его конце неизбежно заострён и замкнут на ту же печаль, он итожит человечью драму и боль: а ведь погибший — чей-то сын, раз мать — сюда — на поминки — всё равно не придёт, прийти не сможет. Это образ страдающей, не нашедшей покоя души. И куда же делись тело и душа “исчезнувшего”, без вести пропавшего: корни — “ищут”, рожь — “ходит”, петух — “кричит”, машины — “рвут воздух”, речка — “прядёт”?

И в следующей строфе уже от того “непокоя” он будто кричит, повышая тон на предельную громкость, он хочет быть услышанным:

*Подсчитайте, живые,
Сколько сроку назад
Был на фронте впервые
Назван вдруг Сталинград?*

Солдат намеренно хочет отослать нас к военной хронике? Или хочет сказать о чем-то большем? И это не просьба, не вопрос лишь, но утверждение видимой только им, единой большой фронтовой полосы “Ржев–Сталинград”. И там на одном его конце – громко “озвученный” подвиг города с “громким” именем вождя, а на другом – безвестные жестокие бои и людские потери в безвестных болотах. Фронт для бойца – ещё и единая большая рана на теле земли: “Фронт горел, не стихая, как на теле рубец”. Он будто воспаряет над смертью, над пространством, и снова вопрошает живых, не зная ещё точно (в июле 1942-го!) исхода сражения. В его вопросе – сожалеющая тревога за маленький город:

*Я убит и не знаю,
Наш ли Ржев, наконец?*

Военная история даёт нам сегодня бесчисленные свидетельства к этому вопросу “наш ли, наконец?” Как у фашистов “Ржев – трамплин на Москву”, “Ржев – краеугольный камень Восточного фронта”, так и неоднократно приказы Ставки “бомбить”, “взять не позднее такого-то числа”.

Герой стихотворения А. Твардовского ясно понимает, что исход войны решается сейчас – летом 1942 года. И он, убитый, словно продолжает воевать в одном строю со всеми, ему важно знать: “Удержались ли наши, там, на среднем Дону?..” Он чувствует эту всеобщую связанность событий. Это все для него один фронт: Ржев– Средний Дон–Волга (Сталинград).

*Этот месяц был страшен,
Было всё на кону.*

Нет никаких “безвестных”, отдельно взятых боев отдельных воинских соединений, есть только одно “всё на кону” – общее для всех.

*Неужели до осени
Был за ним уже Дон,
И хотя бы колесами
К Волге вырвался он?*

В период ожесточённых боев и отступлений И. Эренбург писал: “Немецкие танки прорвались к степям Средней России... Отгоните немцев от Дона!” В июле создаётся фронт за фронтом, возникают новые направления боевых действий. Но остановить врага не удастся, наши войска ведут тяжёлые бои и отступают. Враг силён и страшен. 28 июля обнародован приказ Сталина № 277 “Ни шагу назад!”. Никто не знал, что будет дальше.

И в стихотворении пульсируют эмоции вопросов и восклицаний:

*Нет, неправда. Задачи
Той не выполнил враг!
Нет же, нет! А иначе
Даже мёртвому — как?*

И тут впервые “я” сливается с “мы”, со всеми павшими за Родину. И поэт доносит нам их смирение судьбе: “На земле на поверке выкликают не нас. Нам свои боевые не носить ордена”, и сердечен их всё продолжающийся диалог с живыми:

*Что недаром боролись
Мы за родину-мать.*

*Пусть не слышен наш голос —
Вы должны его знать.*

И вот просто “мать” в начале стихотворения становится Родиной! Вот какая мать — не придёт к ним на поминки в безымянное болото. Смысл родства здесь иной. И вот за неё-то, за Родину-Жизнь, за продолжение рода и нужно было им умереть — такой ценой её спасти. И именно эти-то узы родства порождают невидимую связь мира живых с миром мёртвых, и только потому и возможен здесь диалог, иначе это будет либо сеансом спирита, либо насмешкой атеиста. Эта священная война была очень религиозна по духу. И не случайно позже появляется обращение “братья”:

*Вы должны были, братья,
Устоять, как стена,
Ибо мёртвых проклятье —
Эта кара страшна.*

Души убитых братьев завещают, заклинаят и обязывают братьев живых. Они звучат так, словно духи славянских мёртвых воинов разговаривают с живыми в капище. И потому “безвестье”, “неназванность” становятся относительными, приобретает мнимость вышеупомянутая “пропасть беспамятства”.

Следующая строфа — словно неожиданный разрыв гранаты — возвращает в лето сорок второго, к парадоксальному “Я зарыт без могилы”, к трагичности произошедшего, к неповторимой, единственной человеческой жизни и судьбе. Это не голос отчаяния того, кто пал напрасной жертвой, кто был “проклят и убит”, нет. Это голос религиозного человека, через смирение — первую ступень добродетели — обретшего спасение души, равно как и спасительное знание о чем-то большем, сокровенном, не выговоренном ни в официальных сводках Совинформбюро, ни в эмоциональных плакатах и фильмах:

*Всем, что было потом,
Смерть меня обделила.
Всем, что, может, дано
Вам привычно и ясно,
Но да будет оно
С нашей верой согласно.*

Там, за чертой смерти, душа знает о том подлинном большем, что объединяет весь народ в этой священной войне — “наша вера”. Это и нравственные критерии, привычность и ясность которых стала теперь выверена именно войной, борьбой за родину-мать. И павший утверждает живых, воюющих, именно в этой — общей, вере.

Но он не знает и не может знать того, что же было потом, после его гибели, с фронтом, со страной. Ему в этом высшем мужественном смирении видится некая предельная точка войны, этого противостояния, когда уже могут быть потеряны и Москва, и Дон, и Волга.

*Братья, может быть, вы
И не Дон потеряли,
И в тылу у Москвы
За неё умирали.
И в заволжской дали
Спешно рыли окопы,
И с боями дошли
До пределов Европы.*

Умирать за Родину — разве это пораженчество? В интонации строф — суровый и горький стоицизм, мужество русской самоотверженности и русского духа. Это понимаешь только тогда, когда осознаёшь, что “до предела Европы” — это значит до Уральских гор. Ещё было куда отступить и было за что драться. Даже если бы и пришлось отступить так далеко — русский солдат всё равно бы дрался! И следующие строки звучат подлинным реквиемом русскому

отступлению начала войны. Именно Урал, не Москва, видится ему той “последней пядью на дороге военной”, после оставления которой “шагнувшую вспять ногу некуда ставить”:

*Та черта глубины,
За которой вставало
Из-за вашей спины
Пламя кузниц Урала.*

И павший солдат в своём предчувствии победы, когда врага, наконец, повернули на Запад, назад, спрашивает: “Может быть, побратимы, и Смоленск уже взят?” Его душа будто не знает и не может знать покоя, пока идёт эта война.

*И врага вы громите
На ином рубеже,
Может быть, вы к границе
Подступили уже!
Может быть. Да исполнится
Слово клятвы святой!*

Текст военной присяги в документах военного времени нигде не называется “святым”. А. Твардовский вновь усиливает звучание религиозности происходящего: это не просто присяга, а именно сакральное действие – клятва, она святая, и её слова непременно потому должны исполниться. Главное в текстах клятв тех дней – то же чувство кровного родства и готовность принести свою жизнь в жертву. Это ли не исповедание Христа, не готовность, пусть даже и мученически, пострадать за Него? Да и в самих солдатских “записках” перед атакой, перед боем “прошу считать меня коммунистом” не та ли же вера?

Но павшим дано только чувствовать сердцем этот, возможно, уже происходящий, поворот войны и позже – Победу. И вот воин скорбит лишь о том, что залпы победные не могут – хотя бы на миг – воскресить их, навеки “глухих” и “немых”, что “Если б мёртвые, павшие, // хоть бы плакать могли!” Речь идёт о слезах радости:

*О, товарищи верные,
Лишь тогда б на войне
Наше счастье безмерное
Вы постигли вполне.*

Здесь и предчувствие христианского воскресения из мёртвых в Соборном Богочеловеке, и “безмерное” умножение райской любви, до времени скрытое от всех.

Война соединила и “сравняла” жизнь и смерть – миры, обычно разделённые чёткой границей. Для братьев “нет различья”: “Те, что живы, что пали – были мы наравне!” В этом мистическом равенстве неуместны упреки живым воинам, какой-либо их “долг” и чувство их вины за произошедшее. У них одна сверхзадача: за “дело святое”, за Родину, “шагом дальше упасть”.

Концовка стихотворения является также “заветной”, сходной с древнейшим ритуальным “приказом долго жить”, воин также завещает “жить” и жить “по заповедям”: и родимой Отчизне служить, и “горевать горделиво (о павших), и “ликовать не хвастливо” (о Победе):

*И беречь её свято
Братья, счастье своё —
В память воина-брата,
Что погиб за неё.*

Это завет возвышенного счастья, которое невозможно без служения Родине. Это счастье самоценно, и эта Отчизна происходит от святого слова “Отец”, того самого, что пишется с большой буквы. Это святость святой

памяти, образа того война-брата, что отдал, согласно христианским представлениям, жизнь за други своя, ибо “Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих” (Иоанна 15:13).

Среди пяти названных городов Ржев–Берлин–Смоленск–Сталинград–Москва в стихотворении “Я убит подо Ржевом” территория Ржевского выступа и сам Ржев возникают не только как заглавное географическое поле битвы войны, но и как судьбоносное. И вот об этой “точке кипения”, этом жесточайшем апогее Второй мировой войны было написано стихотворение, отозвавшееся в народе не меньшим эхом, чем “Жди меня” А. Симонова. Да и само стихотворение, с множеством риторичных вопросов, повторов и возвратов к самой сердцевине и боли войны, звучит как властное слово на некоем народном вече.

Поэту А. Твардовскому удалось сказать здесь о тех смыслах жизни и смерти, о которых в атеистическом государстве говорить было не принято. И на этом “вече” он провозглашает народ как одно целое, исторически единое, не поделённое на “здесь” и “там”, “живых” и “умерших”, что возводит нас к христианскому образу Вселенской Церкви, где у Бога все живы. Поэт проводит героя стихотворения через душевные мытарства “я-безвестности” в его начале к просветлённой цельности упокоения в “мы-родстве”, в “мы-памяти” в конце. Раз душа убитого может говорить, значит, душа существует! Равно как и связь между живыми и погибшими. Поэтические интуиции поэта оказались более глубоки, чем это представлялось ранее, они черпают смыслы из тех первородных глубоких вод, которые питали всё человечество во все века.

МАРИНА ПЕТРОВА

“НАРОДНЫЙ ПРАВОПИСАТЕЛЬ”

(К 200-летию со дня рождения Павла Андреевича Федотова)

Бытовая живопись, которая считалась “самым примитивным видом искусства”¹ и потому всегда занимала нижнюю ступень в художественной иерархии, вышла к 1840-м годам на первое место. Не по значимости – по популярности, по востребованности. Все уже несказанно устали от античных героев, их подвигов, вообще от античной истории, заполонившей со времён классицизма академическую живопись. В значительной степени тому способствовали и события 1812 года. Патриотические чувства пробудили интерес к своим – национальным, культурным, народным корням. Хотелось говорить не о далёком, хоть и прекрасном, прошлом, но о своей русской, национальной повседневной жизни. Её приметы, ещё вчера считавшиеся “предметами низкими”, не достойными искусства, вдруг сразу оказались в центре художественного внимания. “Черты народного характера, особенности сословного различия, самые предрассудки, поверья, обычаи, привычки, забавы – всё, на что до того не обращалось внимания, перебирается до малейших подробностей... и подвергается беспощадному анализу”². И здесь пальма первенства принадлежит русской литературе, совершившей творчеством Н. В. Гоголя мощный прорыв в изучении “народной жизни, изображении реальной действительности во всей её правде – с пороками и страстями”³. В своей статье о А. В. Кольцове литературный критик В. Н. Майков писал: “...Чтобы произведение... могло ДЕЙСТВОВАТЬ на людей, оно должно заключать в себе что-то общее с их мыслями, чувствами, стремлениями”⁴.

Поэтому появление на художественном небосклоне звезды Павла Андреевича Федотова далеко не случайно. Оно было вызвано насущной потребностью, “мыслями, чувствами, стремлениями”, которыми жило тогдашнее русское общество. Искусство Федотова не просто отвечало его запросам. Он не был бытописателем в привычном смысле этого слова. Его интересовал даже не сам быт как таковой, а царящие в нём нравы, об исправлении которых он мечтал, признаваясь в своей “страсти к нравственно-критическим сценам из бытовой жизни”⁵. В этом смысле он был очень близок к Гоголю, в произведениях которого в правдивых, жизненных образах воссоздавалась широкая панорама подлинной, не прикрашенной России. И так же, как Гоголь, Федотов своими сатирическими картинами о людской мелочности, пошлости, самодурстве, кичливости и зазнайстве, стремлении устроить свою жизнь за счёт других ставил зрителя лицом к лицу с пороками. Но его смех, обличая порок, не уничтожает человека, не задевает его чести и достоинства. Федотовский смех не скабрёзный, не злой, а добродушный и остроумный. Вместе с тем

в нём ощутимы одновременно и тревога, и какая-то удивительная душевная теплота и деликатность, почему картины Федотова так привлекали зрителей, которых он стремился заставить задуматься и тем самым развернуть их к тому, что возвышает человека, его душу и жизнь.

Но не только веяниями времени можно объяснить такой взлёт жанровой живописи, да и само искусство Федотова не на пустом месте родилось. Нельзя исключать роль зародившегося в самом конце XVIII века “сентиментализма”, когда в центре художественного внимания оказывается просто человек сам по себе, человек как частное лицо. Начался процесс постижения природы человека: его характера, его индивидуальности, что, естественно, получило своё отображение, прежде всего, в искусстве портрета. Но на этой же почве уже в 1800-е годы родилась и бытовая живопись. Примечательно, что поначалу заявила она о себе крестьянской тематикой, представленной в творчестве отцов-основателей нового, молодого жанра В. А. Тропинина и А. Г. Венецианова. И хотя оба художника были современниками, но они не были знакомы, да и жили они в разных местах, потому и не дублировали друг друга.

В. А. Тропинин, будучи вплоть до 50 лет крепостным графа Моркова, проживал в имении графа на Украине. Отсюда и крестьянская тематика его полотен, особенно в ранний период творчества. В недрах этой тематики и рождается его жанровая живопись, особенность которой – изображение человека в действии. Но при этом даже не само действие интересует Тропинина, а внутренняя собранность, сосредоточенность человека, его погружённость в действие, осуществляемое им. Иными словами, жанровая живопись для мастера была способом показать ещё одну форму самопроявления человека, оказавшегося в конкретных обстоятельствах, что и представляло собой дальнейшее развитие художественных идей, заявивших о себе ещё в конце XVIII столетия.

В отличие от Тропинина, Венецианов в своих произведениях говорил о бытовой стороне жизни, акцентируя при этом жизнь и труд крестьян. Лишённая всякой социальной остроты, эта жизнь представляла в его картинах не в динамике и развитии, а в формах мягких, созерцательных, с любованием и даже идеализацией подлинной народной красоты.

К 1830-м годам, то есть времени вступления Федотова на художественную стезю, русский жанр накопил уже немало. Начавшая формироваться внутренняя линия развития жанровой живописи, естественно, нуждалась в равновесии идей и тем. Рядом со сценами из крестьянской жизни уже напрашивалась тема города; с образным выражением национальной стихии русского народа – нравственное осмысление личности человека, его характера и деяний. И явился Федотов. Явился в нужное время и в нужном месте.

Но не всё так однозначно и в судьбе, и в творчестве Федотова, и даже в оценке его искусства. Одни считали его талант “мелким”⁶. Другие с восторгом ставили его “в ряд первых наших мастеров”⁷.

Павел Андреевич Федотов родился в Москве в 1815 году, в небогатой семье отставного екатерининского офицера. Как много позже вспоминал художник, рос он в окружении “многочисленной родни”, состоявшей “из людей простых, не углаженных светской жизнью”⁸. Детские впечатления на всю жизнь остались в памяти и в душе Федотова. “Сила детских впечатлений, – признавался сам художник, – запас наблюдений, сделанных мною при самом начале моей жизни, составляют... основной фонд моего дарования”⁹.

А рисовал он с детства, но при этом не испытывая какой-то особой привязанности к рисованию, и потому даже и не думал стать художником. Учась в Московском Кадетском корпусе, больше всего любил химию, геометрию и музыку. Правда, поля тетрадей и даже книг пестрели портретами учителей, которые отличались необычайным сходством, а также карикатурами на товарищей. Карикатуры были смешные, но не злые, вызывали всеобщий смех и “радость узнавания”. Уже в них проявилась способность подмечать что-то самое характерное, индивидуальное, те недостатки и смешные слабости, что присущи только данному человеку. Впоследствии такой внимательный взгляд, подмечающий самое важное в человеке или даже событии, а также неподдельный, мягкий, добрый юмор станут отличительной особенностью искусства Федотова.

Блестяще закончив Кадетский корпус в 1833 году, он выпущен прапорщиком в лейб-гвардии Финляндский полк, шефом которого был великий князь Михаил Павлович. И здесь, в полку, Федотов продолжает рисовать свои карикатуры, героями которых становятся его полковые собратья. Его сослуживцы

ценили в нём “доброе сердце, остроту ума, весёлый характер и артистические таланты”¹⁰. Это вдохновляло, и Федотов начинает постепенно втягиваться в рисование. Любивший дальние прогулки, он вдруг ловил себя на том, что, завидев какую-нибудь уличную сценку, доставал блокнот и начинал зарисовывать только что увиденное. Из этих набросков и почеркушек и рождались вскоре первые законченные произведения Федотова. Одно из них — “Уличная сцена в Москве во время дождя” (1837), где ещё “не поставленной рукой” в линиях и растушёвках, в прозрачной живописи акварели представляла сама жизнь улиц и населявшие её и типажи, и характеры, и разные курьёзные сценки.

А вскоре и сами эти прогулки начали приобретать уже целенаправленный характер. Федотов порой по часу застаивался “под освещёнными окнами незнакомых домов, — вспоминал впоследствии близкий друг художника А. Дружинин, — и наблюдал какую-нибудь иногда забавную, иногда грациозную семейную сцену”¹¹. Плодом таких наблюдений стала, в частности, созданная в том же году акварель “Передняя частного пристава накануне большого праздника”. Привычный жанр карикатуры трансформировался здесь в своеобразный пластический анекдот, рассказанный с нескрываемой и даже подчеркнутой иронией о подобострастии, с которым люди, движимые страхом перед приставом, пришли его задабривать. Ведь от всевидящего ока пристава зависит или процветание их дела, или разорение. Потому и толпятся в прихожей, свидетельствуя своё почтение, сапожник с парой новых, блестящих сапог, крестьяне с бочонком солений, старушка, согнувшаяся над своей кошёлкой с какой-то снедью. Кто-то головку сахара принёс, да и не одну. А один мужик даже целую свинью притащил на себе. Как говорится, “не подмажешь — не поедешь”. Анекдот как повествовательная форма впервые был привнесён в искусство именно Федотовым. Но при этом, как и в его карикатурах, в самом характере повествования смех не злобный, не разящий, он соседствует с душевной теплотой, с которой художник относится к этим людям, вынужденным улаживать начальство.

“Мои сюжеты рассыпаны по всему городу, — говорил художник, — и я сам должен их разыскивать”¹². Потому и станут нормой для него прогулки, маршрут которых пролегал по многолюдным улицам, через пивные и трактиры, гостиные частных домов и магазины, где он успевал за один раз подсмотреть “столько сцен, сколько иному не подметить во всю жизнь”¹³. Он внимательно вглядывался во встречные лица и изучал их, специально знакомился с людьми, заинтересовавшими его своей типажностью. В этой галерее “типов” мелкие помещицы и сварливые помещицы, военные и чиновники, столичные мастера и неудавшиеся художники, обманутые мужья и хозяйева разных мастей. Много позже на одном из своих рисунков он напишет: “Наблюдать, углубляться, подмечать — закон высшей премудрости есть наслаждение для души”¹⁴. То, что было “наслаждением для души”, воспринимается сегодня как выношенная и вместе с тем возвышенная мысль, как кредо в искусстве.

А тогда всё чаще и чаще он стал осознавать отсутствие школы, неумение выразить то или иное состояние или даже просто задать ритм движения. И как-то само собой вдруг потянуло в Эрмитаж, где он подолгу простаивал у жанровых картин голландских мастеров, выделяя среди них особенно Тенирса, Адриана ван Остаде, Доу, Браувера. Запечатлённая на их полотнах обычная, повседневная жизнь простых людей в образах ярких, сочных, непосредственных, вместе с тем поданная с лёгкой иронией и даже комизмом, улаждала глаз и вызывала тёплую улыбку. А вскоре внимание Федотова, у которого начинала активно выявляться способность к передаче разных фактур, стал всё более привлекать Терборх с его потрясающим мастерством передавать блестящие переливы шёлка. Само общение Федотова с искусством этих мастеров, воссоздававших народный быт во всей его полноте, жизненности и красочности, поддерживало, укрепляло и в нём самом проснувшийся интерес к бытовой стороне жизни города и к самим горожанам. Голландцы были близки ему ещё и потому, что и он ещё с детства получал удовольствие, изображая быт и нравы обыкновенных, простых людей, его окружавших. И теперь во время прогулок его зоркий глаз из общей панорамы жизни улицы, череды возникающих на ней разных житейских ситуаций, прежде всего, выхватывал всё особенно комическое, что тоже как-то роднило его с сюжетами любившихся художников.

Разумеется, Федотов не сопоставлял свои работы с их творениями. Он учился у них. Так возникла потребность обретения профессиональных навыков, и Федотов начинает посещать, хоть и не регулярно, академические классы, где рисует “носы, ножки, уши и руки...”¹⁵.

Поскольку Федотов был в своём полку на хорошем счету, что обещало перспективу военной карьеры, то молодой офицер полагал, что вся его дальнейшая жизнь будет связана с армией. Он хорошо знал военный быт с его трудностями и радостями, с его важными, серьёзными, но нередко и комическими сторонами. Эта непростая армейская жизнь казалась ему достаточно интересным, благодатным материалом, и потому поначалу он и связывал своё творчество с батальным жанром. Начинаящий художник даже брал уроки у профессора, художника-баталиста Зауервейда, который с пониманием относился к своему ученику и не подавлял его индивидуальность, его влечение к темам, не совсем характерным для батального жанра. Не панорамы сражений, не жестокие схватки с врагом, не кровавые “виктории” интересовали начинающего художника. Федотову с его добрым сердцем, спокойным, ровным характером, его искренностью и общительностью гораздо привлекательнее были сюжеты из армейских будней. Так появляются его своеобразные “батальные” произведения. Первая в этом ряду – акварель “Встреча в лагере лейб-гвардии Финляндского полка вел. кн. Михаила Павловича 8 июля 1837 г.”, где художник добивался точного портретного сходства каждого персонажа. Вместе с тем, композиция хоть и выстроена свободно в пространстве, но по своему характеру ещё достаточно скованна и статична. И само действие лишь обозначено, но ещё не развито, нет передачи живой, непосредственной эмоциональной реакции на происходящее. Радость встречи передана лишь воздетыми вверх руками и летящими в воздух шапками. Тем не менее, работа великому князю понравилась, и Федотов с радостью подарил её своему шефу, а тот преподнёс её Государю. В благодарность Николай I повелел выплачивать Федотову ежемесячно по 100 руб., оставив за ним право полностью посвящать себя искусству. Но для нас не менее важно, что эта работа Федотова пополнила, наряду с работами А. Лосенко, А. Г. Венецианова, К. П. Брюллова и др., императорское собрание произведений русского искусства. У Федотова, вдохновлённого августейшим признанием, пожалуй, впервые зародилась мысль “посвятить себя живописи”, но прежде решил посоветоваться с одним из корифеев русского искусства К. П. Брюлловым. “Не советую, – не задумываясь, ответил Брюллов, считая, что в 25 лет “поздно приобретать механизм и технику искусства”. Увидев поникший взгляд Федотова, успокоительно заметил: – Но попытайтесь, пожалуй, чего не может твёрдая воля, постоянство и труд”¹⁶.

Уже на следующий год художник создаёт очень красивую по цвету, но оставшуюся незаконченной работу “Освящение полковых знамен в Зимнем дворце 26 марта 1839 г.”. А в начале 1840-х годов были выполнены по заказу великого князя и наследника Александра две акварели: “Бивуак лейб-гвардии гренадёрского полка” и “Бивуак лейб-гвардии Павловского полка”. В их композиционном построении ещё присутствует в известной степени статичность, но при всём том действие, особенно развёрнутое на первом плане, уже носит вполне конкретный и активизированный характер. Работы понравились и были приняты так же благосклонно.

Именно в это время несколько бытовых рисунков Федотова, отмеченных наблюдательностью, присущим ему юмором и точностью попадания в образ каждого персонажа, попали в руки И. А. Крылова. Высоко их оценив, великий русский баснописец сразу понял подлинное предназначение его искусства. Тогда же и сказал: “Это-то и есть конёк его, а не лошадки там, да не солдатки в строю”¹⁷, – и тем самым благословил начинающего художника “на дело народного нравописателя”¹⁸. Прослуживший в гвардейском полку 10 лет, уже имевший чин капитана, Федотов в 1844 году решился, наконец, подать в отставку и навсегда связать свою судьбу с искусством.

Пока он владеет только графической техникой, и поэтому в первые два-три года своей обрётённой свободы, когда можно полностью отдаться любимому делу, Федотов много рисует, сочетая карандаш с акварелью и сепией. Одна за другой появляются его работы, в которых раскрывается бытовая сторона жизни простых людей, горожан. Эти листы носят ярко выраженный повествовательный характер. Художник ведёт очень подробный, обстоятельный рассказ,

не упуская из виду ни единой мелочи. Отсюда загромождённость и даже перегруженность композиции, в деталях которой тонет основная мысль произведения. Сама идея, “мораль”, с которой он хотел обратиться к зрителям, не всегда доходит до них, теряясь, растворяясь в этом обилии деталей. Он словно боится быть недопонятым и, по сути, не оставляет зрителю ничего для фантазии, ассоциации, домысливания. Не получивший системного художественного образования, Федотов ещё недостаточно владеет принципом отбора, обобщения. Образное мышление, можно сказать, в самом зародыше. Отсюда, от недоверия к самому себе и возникает эта дробность повествования. Отсюда же и стремление дополнить, “дообъяснить” своё пластическое повествование поэтическими иллюстрациями, то есть, по сути, пересказом сюжета в стихотворной форме, где Федотов нередко языком народных пословиц и поговорок даёт необычайно меткие характеристики своим персонажам. Поражает необычайная широта тематического охвата жизни в его рисунках. Здесь и жизнь кутил, что не платят по счетам, приводя тем самым в отчаяние кредиторов (“Всё в долг”); здесь и ужасающее положение художника, взявшего невесту без приданого, работы которого уже давно никто не покупает (“Старость художника”); здесь же и история о бедной девушке, которую сваха увещевает принять ухаживание молодого офицера, суля ей богатые подарки (“Мышеловка”). До размеров “драматического” диптиха вырос рассказ о болезни и смерти нежно любимой собачки Фидельки (“Смерть Фидельки”). Не проходит Федотов и мимо ужаса молодого мужа, жестоко обманутого показным богатством, взятым напрокат, и фальшивой красотой жены, у которой и зубы вставные, и парик вместо волос (“Первое утро обманутого молодого”). Но при всём том в своих пластических рассказах художник не скользит по поверхности, в них нет пересмешничества, его ирония знает меру. Чувства переполняют его героев: они то хватаются в ужасе за голову, то отчаянно жестикулируют, то кричат, а порой и дерутся, то летают по комнатам. В лице каждого персонажа, в каждом жесте Федотов стремится достичь как можно больше выразительности. Уже современники отмечали впервые появившийся в русском искусстве анекдотический характер произведений Федотова, что было абсолютно созвучно сатирическим настроениям, господствующим в тогдашнем обществе и которые блестяще выражала литература. “Связанная, придавленная цензурой”, она “мощными, затаёнными силами, — писал позже А. Н. Бенуа, — прибегала к иронии и сатире как наиболее удобной форме излагать своё отношение к действительности”¹⁹.

И тогда же в федотовских работах — их содержании, характере воплощения — некоторым критикам виделось даже явное влияние английского художника XVIII в. Уильяма Хогарта. Автор целой серии сатирических гравюр, Хогарт, испытавший на себе влияние идей Просвещения, подчинил своё творчество задаче воспитания нравственных начал в человеке и искоренения пороков. Да и сам Федотов с заявившей о себе очень рано “страстью к нравственно-критическим сценам из бытовой жизни” проявлял живой интерес к искусству английского художника. Но в отличие от Хогарта, острой сатирой обличавшего пороки, Федотов в своей сатире был гораздо мягче. Он не был, как Гоголь, проповедником и, как Хогарт, не хлестал человечество за испорченные нравы. Он любил людей и весело, без всякой злобы, смеялся над их пороками. Именно поэтому анекдотизм рисунков Федотова, бытовые “ужасы” и вообще все избранные им сюжеты, воплощённые в его пластических рассказах, не могли оставить его зрителей равнодушными. Они были благодарны художнику за добродушно-весёлый смех, за то, что в этих работах они узнавали и самих себя, и свою жизнь. Они были благодарны и за то, что представлена она была в образах, хоть и сатирических, но не ранищих. А некоторые листы вызывали даже сочувствие.

В основе его работ с самого начала лежало действие. В этом видится прямая связь с жанровыми работами Тропинина. С той лишь разницей, что Тропинина интересовало не само действие, а вызванная им внутренняя концентрация человека на осуществляемом им действии, то есть его состояние. Федотов же акцентирует и смысл, и значение самого действия. Оно предстаёт в его работах уже явлением не одномоментным, а как заданная, вполне опеределённая ситуация, на которую каждый из участников сцены реагирует по-своему. Возникающее конкретное эмоциональное состояние и определяет поведение, то есть действие каждого отдельного персонажа. Иными словами,

в произведениях Федотова углубляется сам характер действия, становясь более сложным, развёрнутым. В его рисунках оно развивается от общего к частному, что способствует привнесению в композицию столь необходимой внутренней динамики, поддержанной ритмически и эмоционально. Достигнутый эффект художник усиливает, привнося активное и весьма выразительное общение между персонажами. Справедливости ради, следует заметить, что в жанре первые попытки в этом направлении предпринимал ещё Венецианов, в частности, в своей картине «Утро помещицы» (1823). Но у Венецианова и действие, и само общение не акцентировано, не развито, а лишь только намечено. У Федотова же именно развёрнутое действие, необычайно выразительное общение и вызванный ими широкий спектр эмоциональных красок играют главную роль в раскрытии замысла произведения.

После ухода в отставку Федотов с головой погружается в творчество, и созданные уже в этот год работы свидетельствуют о явно наметившейся динамике его искусства. Динамики, вызванной не только полной погружённостью в художественную практику, но и продолжающейся учебой. С помощью гипсовых слепков он внимательно изучает лицо, человеческую фигуру. Овладение этой профессиональной грамотой очень скоро позволит ему свободно оперировать ракурсами, задавать сложные позы своим персонажам, придавая им скульптурные формы. Отсюда неслучайно проявившийся интерес к искусству Микеланджело, у которого он будет учиться столь присущей произведениям мастера пластической выразительности. Заявившая о себе изначально повествовательность, как особенность искусства Федотова, потребовала своей организации и упорядоченного развития. И именно в этот период в творчестве Федотова намечаются качественные изменения. Наиболее явно они оказались выражены в диптихе «Смерть Фидельки» (1844).

Импульсом к созданию произведения послужила фраза, прочитанная Федотовым в одном из старых журналов: «Если барыня не в духе, это значит, что её моська больна»²⁰. Невинная ядовитость фразы пробудила необычайную творческую энергию. Художник воспроизводит один день из жизни дворянской семьи, в которой смерть любимой собачки перевернула в доме всё вверх дном. Ничем не сдерживаемое барское самодурство безжалостно обрушилось на бедную служанку, на которой барыня с кулаками и криком вымещает свои горестные чувства по усопшей моське. Вызванный ветеринар, приоткрыв дверь, так и застыл в ужасе и страхе, как бы и ему не попасть под раздачу. Разъярённой страдальце, подливая масла в огонь, подыгрывает наветами нянька с ребёнком на руках. Муж, спасаясь от скандала и собачьей тризны, пытается потихоньку ускользнуть от «неимоверных» страданий жены, что льются через край капризом и гневом, и тут же награждает пинком другую собачку, попавшуюся ему под ноги. А в другом углу сын, спрятавшийся под столом от крика матери, забавляется ещё одной собакой, дергая её за хвост. И только одна кошка, не внемля ни визгу, ни писку собак, ни всеобщему гвалту, спокойно и деловито быстро подбегает молоку, разлитое, на её счастье, из разбившейся посуды.

Состоявшаяся завязка, получив основательную энергетiku, потребовала своего разрешения. Возникла естественная потребность узнать: а чем же все это может кончиться.

Во втором листе диптиха художник показывает последствия: вконец расстроенная барыня с горя занемогла и «расположилась умирать». Обычная житейская ситуация, выросшая до колоссальной кутерьмы, взбаламутила всю окрестную жизнь. Прибегали досужие соседи и друзья, один из которых так «распереживался», что вынужден был переключиться на вазу, что заметил на высоком шкафу. Взгромоздившись на лестницу, он пытается её оттуда достать, благо все заняты сдохшей собакой, и его интереса никто не замечает. Здесь, в спальне, проходит целый консилиум ветеринаров, самозабвенно, словно на научной сессии, доказывающих друг другу причину смерти животного. Происшедшее подняло на ноги не только науку, но и искусство, представители которого уже спешат запечатлеть на долгую память бездыханную собаку. А воспользовавшийся случаем скульптор даже заготовил проект грандиозного памятника усопшей Фидельки. Анекдотичная история о бедной собачке, начавшаяся с банальных кулаков, заканчивается, можно сказать, апофеозом — гипертрофированным желанием увековечить память любимой.

В отличие от прежних работ художника, здесь масса вводных тем и обстоятельств сопутствуют основному действию. Одни порождены непосредственно

им самим, другие – новые, встречающиеся, благодаря чему выявляется многогранность самого события, а в нём – поведение и характеристики его участников. Программно заданное их общение между собой вызывает у каждого из них то или иное эмоциональное состояние. Тщательно разработанная совокупность всех этих взаимосвязанных между собой элементов оказалась необычайно близка тем основам, на которых строится драматургическое действие. В искусстве Федотова заявила о себе принципиальная новизна – продуманная, динамичная в своей основе драматургия. Она не только позволяет развивать основное действие сразу в нескольких направлениях, придавая ему большую широту и объём, но и вызывает массу очень точных ассоциаций, ярких, сочных и очень метких характеристик, создавая развёрнутую и довольно масштабную картину современных нравов. Ничего подобного русское искусство ещё не знало. Примечательно, что драматургия осваивается Федотовым не как самоцель, а используется исключительно как средство выражения. Первые заявившая о себе в “Смерти Фидельки” драматургическая основа самого изложения и продиктованный ею характер композиционного построения листа, дающие возможность развивать действие во времени, – вот то новое, что привнёс в бытовой жанр Федотов. В связи с этим его работы несколько напоминают своеобразные мизансцены, в которых, правда, нет налёта театрализации, но есть продуманное, чётко выстроенное во времени и пространстве действие, как, например, в сепиях “Магазин” (1844), “Офицерская передняя” (1844), “Мышеловка” (1846) и др.

Федотовские сепии – лучшее, что было создано художником в ранний период его творчества, хотя периодизация эта достаточно условна, если учесть, что его художественной деятельности было отпущено всего 8 лет. Светло-коричневая краска, называемая сепией, позволяет использовать в сочетании с карандашом одновременно и перо, и кисть. Карандаш и перо в этих листах Федотова задают контур, абрис, а затем сепией он выстраивает форму, активно используя светотеневую моделировку, и даже воссоздаёт фактуры разных материалов. Присущая сепии нежность тончайших переходов, нюансов, сквозящая глубина густых теней, ласковая бархатистость мазков и заливок, тёплый коричневый тон – всё это отвечало и природе, и стилистике искусства Федотова, человека с “душой, ... любящей и нежной”²¹. Сама по себе особенность этой графической техники позволяла и даже вынуждала выстраивать достаточно живописную систему мазков, передавая переливы шёлкового платья или даже потёртый, местами рваный сюртук художника, или широкие разводы мебели красного дерева (“Смерть Фидельки”), блеск серебряного чайника (“Старый художник”), световые блики причёски (“Мышеловка”) и т. д. Поэтому не удивительно, что, поработав основательно сепией, приобщившись к тонкой живописной манере, Федотов, наконец, обратился к масляным краскам.

А вскоре на выставке появляются его первые картины, из которых сразу же привлекла к себе внимание работа “Свежий кавалер” (1846), над которой художник работал 9 месяцев. Вот где полностью развернулась его “старая страсть к нравственно-критическим сценам”. Мелкий чиновник всеми правдами и неправдами выкарабкался из приниженного положения, дослужился до первого чина и даже до ордена и отпраздновал ночной гульбой свою первую награду. На столе – вино и крепкие напитки, на полу – пустые бутылки и объедки, гитара, под которую отводили душу на ночном пировании. Здесь же валяются в беспорядке книга, пробки, собачий ошейник, перевёрнутый стул. На втором плане пробуждается свалившийся под стол гость. А в центре – сам герой дня, босой, с папильотками на голове, в рваном халате, но с прикрепленным прямо к нему орденом. С горделивым видом, в позе монумента хвастается он полученной наградой перед своей кухаркой. Но та не остаётся в долгу и с насмешкой тычет ему прямо в нос его стоптанные и продырявленные сапоги. Ярко выраженная округлость талии кухарки позволяет ей не воспринимать всерьёз своего кавалера. При всей обстоятельности повествования, отвлекаясь ещё по привычке на всякого рода детали и подробности, Федотов тем не менее сумел придать картине необычайную силу обобщения, создав образ, как писал А. Бенуа, “ужаснейшего представителя нашего бюрократического мира”²².

А уже через два года появляется его знаменитая картина “Сватовство майора” (1848). Сохраняя повествовательную форму, художник наполняет её

разительной правдой и горьким сарказмом о том, как обедневшее вконец дворянство устраивает свою жизнь за чужой счёт. Более того, вовлекая зрителя самой повествовательной формой, художник делает его очевидцем происходящего. Эта особенность художественного языка Федотова проявилось в его работах довольно рано: уже в его акварелях 1830-х годов. Ничего подобного не было у его предшественников. Да и сам бытовой жанр находился ещё в стадии формирования. Это новшество, обязанное своим появлением в жанре именно Федотову, очень скоро получит своё широкое распространение в бытовой живописи на рубеже 1850-х – 1860-х годов и особенно в искусстве передвижников.

Как известно, офицером в царской армии, как правило, мог стать только дворянин. Если дворянин сватается к купеческой дочери, то есть человеку низшего сословия, значит, он – полный банкрот или, как охарактеризовал своего героя сам Федотов: “майор бравый – карман дырявый”. Потому художник неслучайно уделяет в композиции столько внимания и места интерьеру купеческого дома. Как всегда, достаточно подробно, не упуская из виду ни малейшей детали, рассказывает он о том, чем на самом деле привлекло купеческое семейство, хоть и бравого, но не первой молодости майора. Чем же собираются, например, потчевать дорогого гостя? Прислуга уже принесла и красную рыбку, и черную икру, и разделанную селёдочку, и кулебяку. Рядом, на стуле красного дерева стоят бутылка дорогого, благородного вина и хрустальные бокалы. Свидетельством приобщённости семейства к культуре висят на стенах гравюры и старинные портреты. Для уюта художник и кошечку посадил, намывающую гостей. Копеечку на комод положил – хоть и копеечка, но она рубль бережет. Для Федотова – всё важно, каждое лыко в строку. А чтобы никто не сомневался в достатке купеческой семьи, прямо по центру композиции художник написал впечатляющую люстру, начищенную до блеска, украшенную гирляндами и подвесками наподобие хрусталя, со стеклянным поддоном, подвешенную к аляповато расписанному плафону. Целый год он искал эту люстру по всему Петербургу. Наконец, нашёл в каком-то трактире, где она висела вся в паутине, с закопченными стеклышками, которая “так и лезла в его картину”²³. Дорогая на вид, но лишённая изысканности вкуса, она очень подходила замыслу художника, позволяя дать яркую и емкую характеристику героям картины, их культуре и быту. Художник пишет низкий потолок, и эта люстра, своей безвкусицей и претензией на дороговизну несоизмеримая с окружающим пространством, начинает довлеть над ним, что и было нужно художнику.

При сватовстве разорённого дворянина без свахи никак не обойтись! Только она сумеет урвануть богатое приданое купеческой дочке с особой честью принадлежать благородному – дворянскому сословию. Для большинства купцов, вышедших в прошлом из народа, а то и из крепостных, такое родство было всегда вождельно и составляло предмет их особой гордости. Сваха, сделав своё дело, сообщает главе семейства, что “жених-де изволил пожаловать”. И “невестин отец” в попытках пытается застегнуть свой новый сюртук, так как непристойно “нараспашку” предстать перед будущим высокоблагородным зятем. А в центре композиции – сама невеста в роскошном белом платье с оборками в три ряда, с жемчужным ожерельем на открытой шее, модно уложенными волосами. Жеманно разыгрывая скромность, она, якобы сконфуженная, пытается бежать и даже платок от смущения обронила тоже как-то неестественно, наигранно. Но мать расторопна была и, тут же сориентировавшись, удерживает её, грубо хватая за подол. Жест, довольно красноречиво говорящий о подлинной культуре, истинных нравах, царящих в этой семье. Но майора, лихо подкручивающего свой ус, происшедшее несколько не коробит. Он даже не заметил в том конфуза. Перспектива заполнить весомое приданое невесты перекрыла всё.

Ещё в графических листах Федотова, особенно в его акварелях и сепиях, проявилось ярко выраженная его способность и умение передавать фактуры разных материалов: от металла и дерева до тканей и стекла. И в “Сватовстве майора” очень эффектно соединяет художник матовое лессировочное письмо кисейного платья невесты и необычайно живописные тональные переливы блестящего шёлка платья матери, украшенного воротником из тонких, прозрачных кружев.

Интересно предложенное Федотовым художественное решение в картине проблемы светотени. Он погружает место действия в полумрак, а весь свет

отдаёт пространству, открывающемуся справа в дверях. В проёмах дверей хорошо просматривается в свету фигура стоящего, подбоченясь, майора, а за ним — ярко высвеченная абсолютная пустота. Майор, за которым ничего нет! Достаточно красноречивый образ, рождающий вполне закономерный вопрос: на ком или всё-таки на чём женится довольный собою разоренный майор.

Картина имела огромный успех. Имя автора гремело по всему Петербургу. Работы Федотова и раньше всегда собирали много зрителей, а у “Сватовства майора” постоянно толпилось столько людей, что пробраться к своему детищу художнику не было никакой возможности. Искренно порадовались большому успеху Федотова его друзья. А Карл Брюллов, поначалу усомнившийся в Федотове, считавший, что он слишком поздно начинает, теперь с восторгом принял его картину. И тогда же именно Брюллов приложил немало стараний к присуждению Федотову звания академика и выплаты ему Академией художеств по 700 руб. ежегодно.

С большим успехом прошла выставка работ художника в Москве. И так же, как и в Петербурге, перед его работами всё время стояла “густая толпа” и, как отмечает один из современников: “...каждый невольно улыбался, находя в этих картинах знакомые стороны сокровеннейшего русского быта”²⁴.

Все это, конечно, вдохновляло, вселяло надежду и веру в себя. И уже на следующий год Федотов представил на суд зрителей свою новую работу “Завтрак аристократа” (1849). По сути, тема та же, что и в предыдущей картине: нравы современного ему дворянства. Но если в “Сватовстве майора” художник, хоть и не остро, но достаточно прозрачно повествовал о дворянстве, торгующем своей сословной принадлежностью, то в новой картине присущее искусству Федотова нравственное начало открывается нам своей новой гранью. “Лучше простой, но работающий на себя, нежели выдающий себя за знатного, но нуждающийся в хлебе” (Притчи, ХП, 9). В сущности, в этих словах из “Притчей Соломона” выражена не только тема, но и сама идея произведения, в котором нравственное начало оказывается определяющим. Как всегда, у Федотова очень важную роль в раскрытии замысла играет мир вещей, с помощью которого он создаёт ту или иную атмосферу, раскрывает вкусы и страсти своих героев. И, как правило, всё это определяет сатирический взгляд на происходящее. В данном случае роль предметной среды отличается известной новизной. Остатки прежней роскоши: и в дорогой мебели, и в керамической напольной вазе, искусно подстриженном пуделе, обязательном в состоятельном доме. На письменном столе с резными каннелированными ножками — чернильный прибор с перьями, подсвечник, лампа с ажурным голубым абажуром, пресс-папье с бронзовой ланью, начищенной до блеска, так, что кажется даже золотой; вошедшая в моду резная, чёрного дерева этажерка, заставленная хрустальными вазами, графинами, бокалами. Рядом — старинное кресло, оббитое в тон обоев тёмно-зелёной тканью, на котором сидел за скудной трапезой герой картины. На высоком книжном шкафу с зашторенными дверцами — старинная статуэтка “Амур и Психея”. На стене в металлических и деревянных рамках — рисунки и акварели. С поразительной изысканностью выстраивает Федотов колорит картины. Мягкому сочетанию приглушённых зелёных и коричневых цветов фона тонально вторит живопись одеяния героя: его синий шёлковый халат, тёмный бархат воротника и манжет, ночной из восточного шёлка колпак, оберегающий уложенные волосы, и красные атласные шаровары, ставшие необычайно модными в домашнем быту после успешно завершённой русско-турецкой войны. Всё говорит о прежнем процветании этого дома, утончённой культуре его обитателей. Но со временем многое изменилось. И теперь остатки былой роскоши язвительно дополняют печатные листки с рекламой разной снеди. На одном из них крупными буквами отпечатано: “устрицы”. Выпавшие из меню аристократа, они только в воспоминаниях да в рекламных листках и остались.

Художник воссоздаёт момент, когда неожиданно раздался стук в дверь и незванный гость уже готов войти. И герой Федотова, растерянный, с застрявшим куском во рту, испуганно привстав с кресла, разворачивается на входящего и при этом лихорадочно прикрывает разворотом книги черный хлеб. Это — весь его завтрак. Сам по себе такой житейский момент неожиданного появления постороннего, о чём мы узнаем по живому отклику героя картины, — не открытие Федотова. Его впервые ввели в композиционный и сюжетный обиход ещё Тропинин в своей “Кружевнице” (1823) и Венецианов в напи-

санной им в том же самом году картине “Утро помещицы”. Но и в том, и в другом случае использованный приём служил средством передачи естественной человеческой реакции и в этом смысле жизненности происходящего. В этой новизне была своя прелесть: проявлялись и тонкая наблюдательность, и вместе с тем пристальное внимание к человеку, его характеру, эмоциональному самопроявлению. Такой новый подход к модели делал сам образ человека более близким, доступным, а атмосферу произведения – более камерной, доверительной. Но поскольку этот приём только зарождался, то он и не мог ещё полностью выявить свои потенциальные возможности. Федотов, подхватив эстафету, сумел придать воссозданной в картине сцене, используя тот же самый сюжетный ход, столь важную для него психологическую окраску. В выразительном взгляде аристократа – страх, вызванный не только тем, что кто-то узнает истинное положение его дел, но и тем, что входящий может быть кредитором, пришедшем требовать своё. И опять же впервые Федотов именно в этой картине строит образ не только на эмоциональных характеристиках, но усиливает его противостоянием статики общего композиционного построения и выявленной на его фоне суетности самого действия, разворачивающегося на первом плане. Выстроенное как некая мизансцена, оно вызывает ощущение известной фрагментарности, выхваченности кадра из цепочки жизни, в которой противоречиво соседствуют и великолепие прошлого, и банкротство настоящего. Именно здесь в общем ироничном звучании и тоже впервые у Федотова зазвучала драматическая нота.

Благодаря работам Федотова жанр начинает постепенно обретать своё лицо. Комизм и драма, чувства, состояния и даже зачатки психологизма начинают окрашивать воссозданные на полотне жизненные ситуации. Таким образом, тема и идея в сочетании с драматургически выстроенным, многоплановым действием, где роль каждого персонажа эмоционально и даже психологически обусловлена, способствовали одновременно и формированию широкого композиционного разворота бытовой картины, её сложению и выявлению отличительных особенностей жанровой живописи как таковой. Не случайно многие исследователи творчества художника называли его предтечей передвижничества. И дело не только в близких, схожих темах, но и в самом характере их воплощения. В работах Перова, Крамского, Васнецова, Сурикова, Репина и др. очень ощутим, прежде всего, мощный драматургический стержень, определяющий и композицию, и лаконизм художественного языка, принцип отбора и обобщения, эмоциональную и идейную наполненность образа. Привнеся в искусство жанра новое средство выражения, Федотов тем самым необычайно стимулировал развитие русского искусства в целом, независимо от его жанровой принадлежности.

Художник переживал необычайный подъём творческих и душевных сил. Пришло ощущение своих возможностей и способности сказать в искусстве нечто большее. И в это самое время вдруг жёстким диссонансом прозвучало известие о бедственном положении живших в Москве его отца и сестры. Федотов и раньше никогда не забывал их и помогал, как мог, но теперь дом забирали за долги. И художник, движимый сознанием ответственности и своих обязанностей перед семьёй, прекрасно понимая, что деньги для её спасения нужны не через год, по окончании новой картины, а уже сегодня, сейчас, начинает копировать для продажи свои работы, пользовавшиеся особым успехом у публики. Это усердие при всём том всё время подтачивалось невероятным внутренним протестом против превратностей судьбы, пришедших в явное противоречие с художественными устремлениями Федотова, в голове которого роилось множество тем, характеров, идей. Можно только догадываться, какие душевные муки из-за этой жизненной чудовищной несправедливости испытывал художник, лишённый волею судеб возможности идти дальше: проверять, уточнять уже найденное и пробовать, открывать ещё неведомое.

Да и динамика самого творчества, набравшего необычайную энергетику, и открывшиеся после “Завтрака аристократа” новые художественные перспективы были настолько интересны и увлекательны, что остановить этот процесс, отложить его “на потом” Федотов даже в сложившихся трудных обстоятельствах уже не мог. “Завтрак аристократа” в известном смысле подвёл черту под ранним периодом творчества, хотя периодизация, как мы уже отмечали, достаточно условна. И, тем не менее, именно эта картина, впитавшая в себя наиболее важные, существенные достижения мастера, завершила собой столь

характерное для раннего Федотова сатирическое осмысление происходящего. В дальнейшем в его работах будет преобладать уже совсем другая тональность. “Перед Федотовым стал носиться новый идеал, — писал А. Бенуа, — Он пожелал сделаться простым повествователем жизни, её прелестей и горя”²⁵.

Тема горя ещё никогда в русском жанре не поднималась. И Тропинин, воспевавший красоту простых русских женщин, и Венецианов в своих картинах о крестьянской жизни и быте воссоздавали одухотворённые, исполненные народной мудрости и не испорченные цивилизацией образы. В их творениях прочно вошла в русское искусство и заняла своё, достойное место народная тема. Федотов стал первым, кто наполнил бытовую живопись драматическими и даже трагическими образами. Зазвучавшая в “Завтраке аристократа” драматическая нота, разрастаясь, заглушила присущий прежним работам художника комизм “критических сцен из бытовой жизни”.

Картиной, ознаменовавшей собою начало нового этапа в творчестве Федотова, стала его знаменитая “Вдовушка”. Художник писал её два года. Работа затянулась не только потому, что приходилось отвлекаться на копирование, но и от того, что никак не мог “поймать” нужное состояние несчастной молодой женщины. Она только что похоронила мужа, бравого гусара, и осталась одна, незащищенная, беременная, без всяких средств к существованию. Всё имущество уже описано за долги, опечатано и сложено в углу. Поражает слово выточенный, исполненный утончённой красоты античный профиль женщины. Сама идея красоты далеко не случайно встаёт перед Федотовым. Он уже давно вынашивает мысль о том, что “надобно изломать хорошенько свою незстетическую натуру, чтобы сделаться художником”²⁶. Уже в “Завтраке аристократа” он тщательно выписывает благородную красоту старинных вещей. Во “Вдовушке” же он впервые наделяет красотой женский образ. “Мне нужно, — признавался Федотов, — добыть себе мягкости, грации, нездешней красоты в лицах”²⁷.

В созданных им трёх вариантах картины каждый раз возникало что-то своё. В первом варианте — страдание, когда уже все слёзы по любимому мужу выплаканы и в опустошенной душе — тупая, ноющая боль. Во втором — тоска и сознание невозможности вернуть былое. В третьем — безысходность, растерянность и полное непонимание, как жить дальше. В первых двух вариантах ещё сохраняется привычная для Федотова литературность, подробное воспроизведение интерьера, в котором все вещи, заполняющие его, обстоятельно перечисляются, словно через запятую. Доминирование этого предметного мира настолько ощутимо, что и сама фигура молодой вдовы сливается с ним наравне с коробочками, мотками нитей в корзиночке, иконой Спаса, портретом мужа на комодке, гардинами на двери, полосатыми обоями, стулом с догорающей свечой, сложенными на полу самоварами, подсвечниками, серебряной посудой, узлами и коробами с описанным имуществом. Во втором варианте художник ко всему прочему прибавил активный свет, что придало колориту некоторую пестроту, несобранность и тем самым ещё более выявило и без того главенствующую роль вещей. В третьем варианте ситуация существенно меняется. Велеречивость художественного повествования стихает. Пожалуй, впервые у Федотова начинает проявляться принцип отбора, и предметный мир из доминирующего переходит в подчинённое положение. Художник значительно притушил свет, и в возникшем полумраке предметы на комодке начинают восприниматься как образ дорогого, но уже невозвратного мира уюта, тепла, счастливых дней жизни с любимым мужем, в образе которого художник написал самого себя. А сложенные на полу описанные вещи уже не бликуют столь откровенно зловеще и начинают восприниматься не как констатация факта, а как знак деяний “хищных кредиторов”. А за всем этим возникает образ крушения надежд и полной неизвестности судьбы. Художник выстраивает колорит картины на сочетании тёмно-зелёной стены и приглушённой живописи комодка красного дерева с чёрными прожилками фактуры — так называемые дополнительные цвета, всегда усиливающие драматическую тональность повествования. Погружённый в холодный полумрак интерьер, подчеркнута выписанный в первых вариантах, отошёл на второй план, и фигура молодой женщины становится главенствующей в картине, наполненной атмосферой обездоленности, горя и одиночества.

В известном смысле эту картину можно даже назвать автобиографической, поскольку именно в таком состоянии находился и сам художник: одоле-

вающая бедность, переживания за своих родных и одиночество. “Я жажду солнца, но оно // в моё не жалует окно!” — писал Федотов²⁸. А между тем всего несколько лет назад сердечная радость осветила и его душу. Ему нравилась одна девушка, одарившая и его ответным чувством. Она — из состоятельной семьи и была готова сделать для него всё, взяв на себя все заботы и житейские хлопоты ради его покоя и возможности полностью посвятить себя искусству. Но он отверг это душевное движение любви. “Меня не станет на две жизни, на две задачи, на две любви — к женщине и к искусству, — признавался он своему другу А. Дружинину. — Чтоб идти, и идти прямо, я должен оставаться одиноким зевакой до конца дней моих”²⁹. И теперь он, одинокий, без моральной поддержки, лишённый душевного тепла и заботы, остался один на один со своей судьбой, в которой и лишения, и страдания, и невозможность что-либо изменить. Именно это состояние и определяет в картине её “настрой” — любимое слово Федотова.

“Вдовушка”, “Сватовство майора”, “Завтрак аристократа” и тематически, и своей образностью, и своим “настроением” полярны по отношению друг к другу. Тем не менее, благодаря их драматургической основе, использованию разных композиционных форм, введению ракурса и даже фрагментарности, именно эти работы способствовали дальнейшему развитию бытовой живописи, а в ней — слоению жанровой картины.

Работая без устали, не зная покоя ни днём, ни ночью, он при этом живёт на довольно скудном пайке, в нетопленной квартире, поскольку уже ни на что не хватало денег. Переживания, постоянное умственное и физическое напряжение, разочарование оказали разрушительное воздействие на уже и так подорванное здоровье художника. К болезни глаз прибавились приливы крови к мозгу, частые головные боли. Появились первые признаки нервного расстройства, и Федотов как-то очень быстро состарился не по годам. Да и сам характер его стал меняться на глазах. На смену весёлости, остроумным замечаниям, общительности пришли задумчивость, замкнутость и молчаливость.

Пребывая в таком подавленном состоянии, тиражируя свои авторские повторения и при этом продолжая работать над “Вдовушкой”, художник начинает новую картину: “Анкор, ещё анкор...” (1851–1852). В известной степени, своим “настроением” “Анкор...” продолжает тему “Вдовушки”. С той лишь разницей, что здесь состояние души диктует уже иное композиционное построение. Местом действия становится воссозданная им деревенская изба с очень низким потолком, которая предстаёт замкнутым пространством, погружённым в марево горячих красных тонов, с которыми резко контрастирует чернота напольных глубоких теней. Они всплывают то по углам, то на полу, то на стенах. В этом тусклом мареве тонут очертания мебели, разных вещей на столе, на вешалке. Да и сама фигура молодого офицера, что растянулся на полотах, тоже различима с трудом. Заброшенный в забытый Богом и людьми уголок, где нечего делать и где все ему чуждо, он от всепоглощающей скуки, от оупляющего безделья, чтобы хоть чем-то себя занять, развлекается с прыгающей через шомпол собакой. И это марево, в котором размывается реальность, и этот тревожный контраст колорита создают атмосферу трагической безысходности, тоски, невозможности и даже бессилия что-либо изменить. Справедливо назвал картину один из исследователей творчества Федотова “пессимистической аллегорией бессмысленности человеческой жизни”³⁰. В этом определении выразилось, по сути, то состояние, в котором пребывал сам художник и к которому привели навалившиеся на него тяготы.

Но пребывая даже в таком помрачённом состоянии, Федотов продолжает работать и пишет свою последнюю картину “Игроки” (1852). Здесь дело даже не в самой теме, не в рассказе о людях, проведших всю ночь за карточной игрой, не о выигравших и проигравших, а в самой пластической и эмоциональной форме его изложения, полной необычайной, не характерной для мастера экспрессии. Она проявилась уже в подготовительных рисунках к картине, исполненных некоторой призрачностью и даже фантазмагорией, рождённых уже не столько художественным, сколько воспалённым сознанием. От стремления художника к мягкости и “грации линий”, от присущей ему тонкой живописной фактуры здесь не осталось и следа. Рисунок жёсткий, позы угловатые, при этом статичные и даже несколько театральные. Колорит выстроен на контрасте локальных пятен. В приглушённом свете застывшие фигуры — словно тени, но отнюдь не безликие. С той лишь разницей, что вместо лиц — не-

кие фантасмагоричные маски или даже личины. А на лице главного персонажа, в котором художник изобразил самого себя, читается откровенное безумие. Это в полном смысле слова автопортрет, узнаваемый не только своим внешним сходством, но, прежде всего, отображением состояния страдающего душевнобольного человека.

Крепкий, здоровый организм Федотова под натиском судьбы не выдержал переживаемой им нравственной пытки, и он сошёл с ума. Но, оказавшись в сумасшедшем доме, он, по свидетельству друзей, навещавших его в больнице, в минуты просветления процарапал на стене «изображение креста, перед которым иногда молился, иногда пел зауспокойную молитву»³¹.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ П. Н. Ге. Павел Андреевич Федотов. Вестник всемирной истории. 1901, №10. С. 177.
- ² Л. К. Дитерихс. П. А. Федотов. Его жизнь и художественная деятельность. СПб, 1893. С. 21.
- ³ В. Никольский. Русская живопись. М., 1904. С. 110.
- ⁴ Цит. по книге «Пионеры русского искусства и науки». СПб, без даты. С. 21.
- ⁵ Записка П. А. Федотова об его жизни. «Москвитянин». 1853. Т. II, №5, март. С. 28.
- ⁶ РО ГТГ, 10/6991.
- ⁷ РО ГТГ, 31/3033.
- ⁸ А. Дружинин. Воспоминания о русском художнике П. А. Федотове. СПб, 1853. С. 4.
- ⁹ Там же. С. 5.
- ¹⁰ А. И. Сомов. Павел Андреевич Федотов. СПб, 1878. С. 4.
- ¹¹ А. Дружинин. Воспоминания о русском художнике П. А. Федотове. СПб, 1853. С. 8.
- ¹² А. И. Сомов. Павел Андреевич Федотов... С. 26.
- ¹³ А. Дружинин. Указ. соч. С. 13.
- ¹⁴ М. Азадовский. Дневник художника. С. 19.
- ¹⁵ Там же. С. 8-9.
- ¹⁶ В. В. Толбин. Павел Андреевич Федотов. «Пантеон», 1854. Т. XIII, № 1, отд. 2. С. 8.
- ¹⁷ А. П. Новицкий. История русского искусства. М., 1899. С. 228.
- ¹⁸ «Москвитянин». 1853. Т. II, № 5, март. С. 28.
- ¹⁹ А. Бенуа. Федотов. Мир искусства. 1901, №11-12.
- ²⁰ Пионеры русского искусства и науки. СПб, без даты. С. 34.
- ²¹ В. В. Толбин. Указ. соч. С. 3.
- ²² А. Н. Бенуа. Федотов. «Мир искусства», 1901, №11-12. С. 338.
- ²³ «Пантеон», 1854. Т. XIII, №1, отд.2. С. 13.
- ²⁴ П. С. Лебедев. Несколько слов о русском художнике П. А. Федотове. СПб, 1853. С. 6.
- ²⁵ А. Н. Бенуа. Федотов. «Мир искусства», 1901, №11-12. С. 339.
- ²⁶ П. С. Лебедев. Несколько слов о русском художнике П. А. Федотове. СПб, 1853. С. 5.
- ²⁷ В. Блох. П. А. Федотов. М., 1925. С. 25.
- ²⁸ Там же. С. 23.
- ²⁹ А. Дружинин. Воспоминания о русском художнике П. А. Федотове. СПб, 1853. С. 26.
- ³⁰ А. Н. Греч. Наследие Федотова в живописи передвижников. «Искусство». 1928, кн. 3-4. С. 64.
- ³¹ «Художник Федотов и его стихотворения». СПб, 1901. С. 30.

АЛЕКСАНДР ЯРОВОЙ

*доцент кафедры новейшей русской литературы
и современного литературного процесса
филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова*

ТРАДИЦИЯ ШЕВЧЕНКО В ТВОРЧЕСТВЕ БОРИСА ОЛЕЙНИКА

Восприятие культурных феноменов всегда глубоко лично, индивидуально. История “вообще”, культура “вообще”, как нечто абстрактное, могут существовать лишь для самого поверхностного и сиюминутного “пользования”. Когда же речь идёт о преемственности поколений, о памяти рода и народа, то духовно-культурные представления непременно и осязательно материализуются. Сразу вспоминаются слова выдающегося украинского поэта-шестидесятника Бориса Олейника из глубоко философской и исполненной тревожного драматизма поэмы “Урок”:

*Все на цьому світі, сину,
Тонко зв'язане у сутнім...*

И тогда духовные понятия обретают “плоть” в родовых венчальных иконах, переходящих от родителей к детям; в орденах на гимнастёрке деда; в литографическом портрете Тараса Шевченко, купленном на ярмарке в Киевской губернии моей прабабушкой Надеждой, в родных автографах на книжных изданиях...

Ещё в мои старшие школьные годы отец подарил мне сборник поэм Бориса Олейника, изданный в 1983 году киевским издательством “Дніпро” фантастическим для бедной современной Украины тиражом – 28 000 (двадцать восемь тысяч!) экземпляров. Отец мой – украинец с деда-прадеда, и не обрусел он на службе в Советской Армии, которой отдал 40 лет, и читал он украинскую поэзию. Не обрусела и моя мама, учитель-украинист во втором поколении, а я – в третьем... Потому и невозможно лгать, когда иные требуют лгать.

А спустя многие годы знаменитый шестидесятник Борис Олейник подписал свои поэтические книги моим детям.

Вот такая удивительная связь времён... От предков далёких до потомков, от дедов до внуков протянулась нить этой высокой (потому что в ней равны Красота и Истина) поэзии.

Она настоящая, потому что ориентирована на непреходящие ценности.

А некоторые украинские поэты, пусть даже очень талантливые, но сбившиеся на путь “гимнотворчества” узкому хуторянству, на апологию нацио-

нальной обособленности и “исподлобной” русофобии, рано или поздно, хочется верить, поймут, что выбрали слепую ветвь художественной эволюции, которая иссохнет и отвалится в небытие...

Славянская культура была и будет единым организмом. Неохотно, к сожалению, вспоминают в современной Украине о кирилло-мефодиевских убеждениях Т. Шевченко, то есть о стремлении к культурному панславизму: ведь он был последователем идей “славянской литературной взаимности” знаменитого чешского “будителя” Яна Коллара (его работа “О литературной взаимности между славянами” была переведена на русский и напечатана в журнале “Отечественные записки” в 1840 году, и Т. Шевченко с ней ознакомился). О Колларе большинство теперешних украинских читателей знает (в лучшем случае) на уровне примечаний к академическому изданию “Кобзаря”. А ведь он называл Славянщину “Дщерью Славы”, призывал противостоять “тевтонской”, то есть западной, чужесловной, не славянской экспансии, с надеждой и восхищением говорил о культурной России как об плоте Славянского Мира.

Совесь и творческая интуиция сами, “автоматически” устанавливают диалоги и полилоги между великими поэтами! Филология имеет и метафизический, не только рациональный подход...

“Поэзия есть высший род искусства”, – эту первую фразу классического труда В. Белинского невольно вспоминаешь, когда обращаешься к поэзии, воспевающей воистину высокое, высшее.

У современного певца единой Славянщины – Бориса Олейника – есть цикл начала 80-х годов под характерным названием “Четыре посвящения бессмертным”. Это произведение из пяти разделов: вступления и четырёх стихотворений – о Тарасе Шевченко, Александре Пушкине, Иване Франко, Павле Тычине.

*Упал росой на духовный голод
Полей родных и планетарных меж...*

Великий поэт Украины, Шевченко, “рокочет глаголами небес”; он пробуждает народ к новой жизни: “нетленен он, ведь плоть его – во Слове”; слово гения Украины пробуждает древний, вольнолюбивый казацкий дух; поэт одновременно и титан, и ребёнок, глаголющий истину. С ним народ становится народом, жизнеутверждается.

Кстати, вступление цикла носит название “Интродукция” – именно этим латинским словом, распространённым в книжном барокко Украины, Т. Шевченко озаглавил своё поэтическое философское вступление к знаменитой поэме “Гайдамаки”. Шевченко размышляет о связи времён, о минувшем, настоящем и будущем, о смысле мировой и национальной истории, о судьбе человека в ней... “Интродукция” Бориса Олейника пронизана “похвалой соловью” – маленькой пташке, может, внешне незаметной миру, но зачаровывающей своим сладостным пением всякую живую, способную чувствовать прекрасное, душу. От палеолита до современности ведёт он свою руладу, и бессильны соперничать с ним и агрессивное вороньё, и смешной в певческих потугах хуторянский петух, и напыщенные гуси с их “римской” гордостью...

Не покажется ли слишком эклектичным набор имён для четырёх посвящений цикла? Даже не в том дело, что это личные вкусы и симпатии автора. Суть в ином: это люди общеславянской культурной парадигмы, умевшие любить и свой народ, и его культуру, и другие народы и культуры, потому что любили человека. Об украинской теме в поэзии Пушкина, о его влиянии на гениального Гоголя излишне сейчас в деталях говорить. Иван Франко – великий популяризатор русской словесности на просторах Украины Западной и Восточной. Он писал в статье “Формальный и реальный национализм” (1889): “Если произведения литератур европейских нам нравились, затрагивали наш вкус эстетический и нашу фантазию... , то произведения русских мучили нас, будили нашу совесть, будили в нас человека, будили любовь к бедным и униженным” (выделено автором. – А. Я.).

Кстати, общим гуманистическим философским темам творчества Франко и русских поэтов посвящена статья профессора МГУ С. И. Кормилова, опубликованная к 150-летию юбилею украинского писателя. А Павло Тычина – певец “чувства семьи единой”, поэт-интернационалист в самом возвышенном

смысле этого слова, и одновременно поэт глубоко национальный, как и Тарас Шевченко. Борис Олейник — продолжатель культурно-мировоззренческой и историософской линии своих предшественников.

Перу Бориса Ильича Олейника принадлежит монументальная поэма, уже относящаяся к новейшему литературному периоду, — “Трубит Трубеж”. Она переведена на русский язык Евгением Нефёдовым. Для современного русского читателя переводчик вынужден объяснять некоторые аспекты украинской истории, когда-то очевидные в общесоюзном образовательном контексте (за 23 года трагического разделения украинскую культуру подзабыли в России, а в современной Украине она подвергается фальсификаторским трактовкам). Что же значит символ-река в поэтической концептосфере Б. Олейника? “Трубеж — речка, приток Днепра. На ней стоит Переяслав-Хмельницкий, город Переяславской Рады, колыбель братства Украины с Россией... На Трубеже, в тех краях, шли битвы казаков с ляхами, несущими кровавую унию как инструмент духовного, а потом, закономерно, и физического порабощения”. Отметим, что перевод Е. Нефёдова, как и переводы его коллег, представленные в фундаментальном томе “Избранного” — динамичные, яркие, хорошо передающие специфику олейниковского стиля.

Трубеж уподобляется горну, трубе, боевой клич которой ещё протрубит для последней, апокалиптического накала, решающей битвы православной Славящины с тьмой.

*Трубит Трубеж: мы вышли на рубеж
Меж сумраком и светом воли гордой...*

Гетману Богдану Хмельницкому его неверный союзник — хан — с “азиатской” беспощадностью говорит в глаза о том, что ждёт Украину в грядущих днях, о далёком будущем, когда народ примет за свободу обман и новый вид рабства — скрытого, ещё более опасного... После славословий и торжественных майданных перезвонов, оказывается, соотечественников и потомков гетмана жестоко обманут:

*Учти, Богдан, что сразу в миг тот краткий
Хозяин новых мировых порядков
Твой род, людей твоих наивных, как курей,
Возьмёт приманкой, импортной и сладкой,
И Украину наречёт... Юкрейн.*

Недаром это предсказание вложено в уста хана: даже психология восточной деспотии и хитрости (хан, подчеркнём, был очень изменчивым союзником Хмеля, требующим огромной платы; Шевченко назвал это отдачей Украины “татарам на пашню”, потому что войско Ислам-Гирея разоряло украинскую людность) и даже такой тип коварного мышления и поведения блекнет перед ужасным коварством и бесчестностью западной злой силы.

Поэма весьма многопланова. Написанное в 1997 году (первая публикация — в киевском журнале “Дн про” того же года, № 1–2) произведение вскрывает множество общих уже тогда для Украины и России проблем. Социальный хаос, политический обман и разграбление народа, унижение национального достоинства и фальсификация истории, культивирование вражды между людьми и народами, пропаганда лжеценностей так называемого “свободного мира” и безраздельно триумфовавшая тогда философия базара, распродажи всего — до святынь включительно.

Фантастическая картина базара напоминает макабрическую атмосферу сборника “Весёлое кладбище” (“Веселий цвинтар”) Василя Стуса. Не удивительно ли то, что сходясь в бичевании общественных пороков разных лет поэт-коммунист и диссидент-антисоветчик? Как сказал Б. Олейник в одном интервью: “Если бы все сидели в тюрьме, то кто бы здесь работал на Украину?” Думается, эти два энергетических ядра украинского шестидесятничества — В. Стус и Б. Олейник — в совокупности могут уравновесить для современности прямое отсутствие Т. Шевченко (его слово, конечно, с нами, но это уже другая эпоха).

И вот на этом по-босховски фантазмагорическом базаре появляется фигура, вызывающая инстинктивное, мистическое уважение и преклонение —

*...и было чувство,
Что хоть одет не шибко современно,
Но это кто-то главный непременно.
“Хозяин!” — вострепнулся весь базар...*

Это Шевченко.

Один из двух гетманов Украины – в интерпретации Олейника. Два вождя её в веках, на путях национальной истории – великий Богдан и великий Тарас.

*Тот пригляделся к коdle муравьиной,
И громом гнев рванулся из груди:
“Вот это доборолась Украина
Уже до краю. Господи, прости!”*

И вся вострепнувшаяся масса разнообразных коробейников-торгашей-мошенников не верит своим глазам: “Шевченко ж умер!” А он, оказывается, живой. Реминисценция Олейника на шевченковское “доборолась Украина...”, когда “горше ляха свои ж дети / её распинают...” в высшей степени актуальна сегодня. И к счастью (поэзия не стареет!), и, к сожалению (“лихо” остаётся) ...

Как голос из ада, звучат зловещие речи “новых хозяев миропорядка” и о том, как выдавали “кредит под ваши флаги и хоругви”, и циничное заявление, что “кто платит – тот закажет вам гопак”, и признание (что уж таить?), что теперь покупается-продаётся всё: “державность, знамя, президент”... Не отработаны кредиты? – “Мы гуманисты: пусть попашут дети...” Народ куплен на “брехне патриотичной”. “Эпоха денег” сделала своё чёрное дело: “вы наши – за долги”...

Неудобны для новых хозяев только Шевченко да певцы-кобзари (метафора честных народных поэтов), которые ещё остались, которые “плюют на доллар”...

В этой поэме правда именно шевченковской пробы, правда нового времени и призыв к новому освобождению. Тарас в поэме говорит о “последнем Рубиконе”. В его уста Борис Олейник вкладывает слова:

*Уже не ханы топчут наше жито,
Не ляхи, не родные московиты,
То сам князь тьмы,
На свет пойдя войной,
Не войско выслал —
А трясёт мощной.*

Показателен надвременной диалог Хмельницкого и Шевченко. Хмельницкий разочарован: “За что ж мы гибли, если всем добром // Распорядились внуки так никчёмно?...” Но Шевченко (в диалоге сочетается образ мудреца и образ гетмана-воина) говорит, что куплено не всё! Остались “корни и святыни”, а приобретено недругами то, что само продалось, ничего не стоящее: враг “...получил уже в который раз // лишь дрянь, что непотребна Украине”.

В предисловии-автобиографии с названием, взятым из слов украинского классика XX века (“Новая жизнь нового жаждет слова”) к “Избранному” Борис Олейник вспоминает о “землячке”, выкопавшем принадлежащие советской райгазете шрифты (их спрятал отец поэта, идя на фронт). И “землячок” начал издавать оккупационную газету. А поэт уже с высоты прожитых десятилетий пишет: “С той поры по сегодняшний день во мне живёт непоколебимое презрение ко всяким отступникам, перебежчикам, одним словом, – к предателям”.

Украина стоит перед главным сражением: за души, за истину Божию и за совесть человеческую. Но в этой битве бессильны сабля и пушка: это уже время сражения духовного. Победа – за Словом, словом правды. “Истина свободит вы”, – как сказано Спасителем.

*Святой и грозной будет эта сеча!
И ринется свой шабаш править нечисть,
Чтоб Слово Истины зажать уста.*

*Так пусть же, гетман, и менем Христа
С твоею саблей Слово сдвинет плечи
Под сенью православного Креста!*

Оставшихся необезумевшими и неослепшими, оставшихся истинными сыновьями своего народа, непродавшихся, мужественных “лицарей” Духа благословляет Бог, предки, народные поэты-кобзари, собор матерей (никто в украинской литературе XX века, к слову, так не воспел Мать, как Борис Олейник! Вспомним сборник “Седая ласточка”, знаменитую поэму “Солнце седое моё”, ряд лирических стихотворений...) “Песня о матери” – одна из трогательных песен на слова поэта, популярная на Украине уже на протяжении нескольких десятилетий.

Относительно типологии поэм Бориса Олейника украинский критик Микола Ильницький писал, что их можно поделить на два вида: 1) поэма-цикл; 2) поэма, базирующаяся на некоем образе-символе. В поэме “Трубит Трубеж” соединяются, в известном смысле, обе эти разновидности.

Генетическая память прошлого, глубокое понимание современности выразительно присутствует в поэзии Бориса Олейника, как и в пламенных строчках Тараса Шевченко. Дух настоящей свободы ведёт к победе за достойное будущее Украины.

Борис Олейник хранит соборную всеславянскую память об общей цивилизационной истории; разъединение алогично для неё!

В своём дипломатическом прошлом Борис Олейник стоял в живой цепи на Бранковом мосту через реку Савку в истерзанной Югославии, а вверху над людьми хищно неслись, как стервятники, натовские бомбардировщики...

Не байронический ли это порыв уже в новых временах?!

Победа над фашизмом – это та макротема, в которой поэтическая мысль Бориса Олейника синтезирует горький опыт, воспоминания, радость и боль. Он, как и Лина Костенко, писавшая, что её первое стихотворение создано в окопе, – родом из военного детства.

В стихотворении “Девятое мая сорок пятого” автор применяет приём “перевёрнутого бинокля”. Детство, омрачённое войной... Даже тень журавля на фоне слепящего солнца показалась ребёнку “мессером”...

*Спит в каждой хате очаг,
Вестью не тронут большою
Ни про разбитый рейхстаг,
Ни про салют над Москвою.*

Борис Олейник владеет чувством понимания единства всеславянской истории, борьбы противоположностей, развития (как синоним можно употребить “поступ” – хорошее украинское слово!) Сейчас в современной запутанной Украине дезориентированные массы пытаются к бездне раздоров и разделений... Много ли их, кто понимает упомянутое всеединство планетарных процессов так, как великие мастера украинского слова, например, Микола Бажан (речь, в данном случае, идёт о его “Сталинградской тетради” 1943 года)? Как объяснить ученику средней школы (когда обманутые уже учат обманутых, а несведущие – несведущих), что под Сталинградом, “как это ни удивительно”, засиял “для Украины светлый день свободы?”

Мальчик в стихотворении Бориса Олейника вбегает в школьную дверь – и... попадает будто в новую эру. Слышит голос учителя: “Война окончилась!” Уже даже выросли сыновья, а поэт всё вспоминает войну:

*Всё я бегу из войны
И просыпаюсь вдруг... в мире.*

А война опять запылаха... И ещё более страшная – братоубийственная. Война за умы: с них начинается всё.

Мысль–Слово–Дело...

Память остаётся. Вера остаётся. Нас объединяют общая Победа, много общих путей и переплетённых по-братски биографий.

200 лет Тарасу Шевченко. “По-доброму” бы праздновали радостно и дружелюбно Украина, Россия, Казахстан, Литва (Вильно-Вильнюс!), Польша...

Но мир, к сожалению, не тот... Обмануты народы; куплены элиты (или псевдоэлиты?.. Кому служат они? Своим ли народам иль чужакам?).

Однако же верим, что свершится чудо, и народы Славянщины прозреют.

*Заигрывать нельзя с народом.
Он видит всё, народ простой:
И кто есть ты, откуда родом,
И кем ты кажешься порой.*

(“Шевченко и народ”)

Отдельная тема – Борис Олейник в культурной парадигме СССР. В двух словах об этом не скажешь... Да, в “Избранное” 2014 года сознательно включены и такие стихотворения, как “Мавзолеем Ленина”.

В таких “форматах совести” пребывали тогда шестидесятники Украины: не были антисоветчиками, наоборот, стремились к “живому социализму”, верили в коммунизм! “Мы выжили, ибо имели надежду”, – сказал в упомянутом выше интервью Борис Олейник. Да, была и вера. Не в идеологию – в человека. И – жизнь по совести, по Богу даже при декларированном с трибуны атеизме.

О себе поэт сказал: “Я православный украинский коммунист...”

В украинских городах и весях крушат памятники Ленину?.. Но Украина до Ленина не имела государственных границ – никогда! УССР получила полноценную экономику лишь с присоединением Донбасса... Ну, было так, что поделаешь. История слишком “неправильна” для прямолинейных интерпретаций... Вот краткий штрих из совсем другой художественной плоскости: “Одни, проходя, вытирают глаза. Другие, более мистические по натуре, крестятся или благоговейно касаются барьера, окружающего стеклянный гроб с телом Ленина”, – это строчки американского классика: книга “Драйзер сморит на Россию”. 1927 год... Было!

Шевченко призывал (для украинцев эти слова хрестоматийны) изучать минувшее, не пропуская “ни титла, ни запятой” (“...не минайте ані титли, ніже тії коми”).

Не смешно ли читать в “Истории украинской литературы XX века” (издания 90-х годов) рассуждения такого типа о Б. Олейнике (это было время шельмования поэта, не поспешившего, вслед за многими собратьями по литературному цеху, побыстрее перекраситься в “руховские”, то есть, читайте, антирусские и прозападные, раскраски): “несмотря на талант, он остаётся оборонцем компартии, Ленина, большевиков – тех, кто уничтожал независимую Украину”... А может, только в Советском Союзе и была *действительная* Украина? Которую любили и творили люди совести?.. И которую мы четверть века... *теряем?*

На протяжении десятилетий Б. Олейника, духовного преемника Шевченко, волнуют вечные истины, тема моральных аксиом (яркий пример – известное стихотворение “К проблеме добра и зла”, с основной мыслью: зло не безымянно. За сердечником каждой пули стоит конкретный человек; а добро по своему исконному смирению может и скрываться от похвал)... Квинтэссенция идей кирилло-мефодиевства шевченковского образца звучит в таких произведениях Бориса Олейника, как программная “Ода братству”. Здесь автор прославляет мудрость Богдана Хмельницкого, вещие звоны Переяслава (“братания колокола”), звучащие в веках: несмотря ни на что, мы “делились всем”, напоминает поэт.

*Из пепелищ на Куликовом поле
Мы возродились к жизни навсегда!..*

*По-братски мы делились с тобою
В дни жатвы и под небом грозовым
Глотком воды, окопами, судьбою –
И только корень наш был неделим!*

Поэзия Шевченко для Бориса Олейника – как и для Василя Стуса – воздух, которым он дышит как художник, если упомянуть выражение украинского филолога из диаспоры Юрия Шевелёва-Шереха.

Высший подвиг человеколюбия – в утверждении братства между людьми и народами. Борис Олейник остаётся совестью украинского шестидесятилетия, человеком, который может повторить вслед за великим Кобзарём слова о том, что не имеет “зерна неправды за собою”. Он продолжает, как и кирилло-мефодиевец Шевченко, великий украинец и великий славянин, утверждать фундамент “семьи вольной, новой”, в которой, по провидческому пожеланию Шевченко, “житом-пшеницею, как золотом, покрытая, не размежёванная останется навеки от моря и до моря славянская земля...”

Сберечь совесть, равновеликую таланту, – это во все эпохи значит очень много.

Как мы видим, цепь личностей, неизменных в своих представлениях о высшей правде, тождественных самим себе, готовых отстаивать эту правду до конца – не прерывается. И потому есть надежда, что, по словам Тараса Шевченко, “будет правда на земле!”

Вероятно, первыми в каждую эпоху и в каждом народе правду провозглашают и охраняют поэты.

Когда верстался номер, стало известно, что Борису ОЛЕЙНИКУ присуждена премия “Прохоровское поле” — одна из самых престижных литературных премий России. Редакция сердечно поздравляет нашего давнего украинского автора и друга с высокой наградой.

“ПОЭТ РУССКОГО ПРОСТОНАРОДЬЯ”

Вручение премии имени Ярослава Смелякова

2 апреля 2015 года в центральной городской библиотеке г. Дзержинска на заседании литературного объединения “Угреша” состоялась церемония вручения областной литературной премии имени Ярослава Смелякова.

– Это имя нам очень дорого, – сказала руководитель литобъединения Елена Егорова. – Мы ведём краеведческую работу по Ярославу Смелякову, у нас написаны художественные произведения, ему посвящённые. Его стихи мы публикуем в выпусках сборника “Угрешская лира”.

Собравшихся литераторов приветствовала начальник отдела культуры Наталья Жмыхова, поблагодарившая Московскую областную организацию Союза писателей России, объединение “Угреша” и всех литераторов города:

– За то, что своим творчеством вы продолжаете лучшие традиции русской и советской литературы, за то, что вносите свой вклад в развитие нашей городской культуры, и за то, что воспитываете в людях патриотические чувства. . .

Заседание началось с демонстрации слайд-шоу, в котором редкие фотографии поэта демонстрировались под фонограмму с голосом Ярослава Смелякова. Его стихи ещё не раз звучали в течение вечера. И открыл эту поэтическую встречу Станислав Куняев, главный редактор журнала “Наш современник”, составитель книги “Терновый венец Ярослава Смелякова”, написавший предисловие к ней.

Станислав Юрьевич рассказал, как в 1960 году приехал в Москву из Тайшета с небольшой книжкой своих стихов “Землепроходцы”, которая попала на глаза Ярославу Васильевичу. И благодаря именно его мнению вопрос с приёмом молодого поэта в Союз писателей был решён. Хотя Ярослав Смеляков бывал и суров в оценке стихов Станислава Куняева, признался лауреат, если автор “грешил” в стихах излишним мелкотемьем. Позже они подружились и даже работали вместе, составляя “День поэзии”, посвящённый 50-летию Октябрьской революции.

О суровом отношении Смелякова к “тихой лирике” вспоминал и председатель правления Московской областной организации Союза писателей России поэт Лев Котюков. Он тоже рассказал о своих студенческих годах, когда судьба свела его с Ярославом Смеляковым, работавшим в то время в “Комсомольской правде”. . . “Печатать стихи решительно нельзя!” – эта смеляковская резолюция коснулась не одного автора, увлекавшегося “легкомысленной игрой в слова”.

Тем не менее, оба литератора признались в любви к своему кумиру, “потому что он был истинный поэт того, что называется мечтой русских людей о своём, о народном социализме”.

– Все его персонажи из этого круга, – говорил Станислав Куняев, подкрепляя каждую свою мысль смеляковскими строчками. – В сущности, все стихи в книге, которую я подготовил, от начала 30-х годов до поэмы “Строгая любовь” написаны, как я понимаю, о таких людях, как мой отец и мать: рабфаковцы, дети гражданской войны, дети нэповского безвременья, дети голодных лет коллективизации. . . И Смеляков душой прикипел к этой мобилизационной эпохе. . . Он видел, в каком перенапряжении живёт народ, чтобы построить свою новую историю, свои новые города, заводы, дороги. Он видел, как им неимоверно тяжело, но на фундаменте, который они построили,

мы живём до сих пор... Смеляков чувствовал, что на горизонте война и народ должен подготовиться к ней, несмотря ни на какие лишения... И в лагерь он жил той же жизнью – трудовой, вкалывая на шахтах... Он больше, чем крестьянский поэт, – он настоящий поэт русского простонародья.

“При нём пленялись реки, // он свято верил в труд, // теперь его вовеки // у нас не издадут”, – процитировал Станислав Куняев строчки одного из малоизвестных поэтов о Смелякове из предисловия сборника и добавил: – Я счастлив, что всё-таки эта книга издана к 100-летию моего любимого поэта”.

Три поощрительные премии получили наша землячка Наталья Алимова за книгу стихов “Огни медуницы”, а также поэт-переводчик Людмила Снитенко – за любовно сплетённый “Славянский венок” и поэт Владимир Зайцев, выпустивший в свет “Птицу-загадку”. Грамоты и подарки были вручены также корректору Ольге Бахтияровой, работающей в литобъединении бесплатно, техническому редактору Валентине Киселёвой и спонсору всех благотворительных проектов литобъединения Алексею Зимину.

На поэтический “фундамент” легко легло предложение, озвученное в конце вечера Еленой Егоровой, об установке памятника Ярославу Смелякову в парке Коммунаров. Этот парк мог бы раскинуться на месте бывшей “Вертикали”, ставшей средоточием памяти о той эпохе, в которую жил и работал в газете “Дзержинец” “настоящий поэт русского простонародья”.

Завершился вечер литературно-музыкальной композицией на стихи одного из лауреатов премии – Натальи Алимовой – с участием воспитанников детской Школы искусств.

Премия имени Ярослава Смелякова была учреждена в 2005 году совместным постановлением администрации города Дзержинского и Московской областной писательской организации и с тех пор ежегодно вручается литераторам. Поэт Ярослав Смеляков, чьё имя звучит в названии премии, работал ответственным секретарём многотиражки “Дзержинец”, издававшейся в посёлке имени Дзержинского, в 1937–1939 годах.

Светлана ЗАЙЦЕВА